XX
164
17
№ 1-2
1926

2015596014

XX 164
17

ЭТНОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. Д. ВИЛЕНСКОГО-СИБИРЯКОВА, проф. Д. А. ЗОЛОТАРЕВА,
акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА, проф. Б. М. СОКОЛОВА
и проф. Л. Я. ШТЕРНБЕРГА

Ответственный редактор акад. С. Ф. Ольденбург

Отв. секр. проф. Б. М. Соколов

1926

№ 1—2

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)

МОСКВА
1926
ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ ТОРГСЕКТОРА

Москва, Воздвиженка, 10/2. Телеф. отд. подписки 5-88-91.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1926 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

ЭТНОГРАФИЯ

Редакция: *В. Д. Виленский-Сибиряков, Д. А. Золотарев, С. Ф. Ольденбург, Б. М. Соколов* и *Л. Я. Штернберг.*

Ответственный редактор *С. Ф. Ольденбург.*

Ответственный секретарь *Б. М. Соколов.*

Программа журнала: исследования, обзоры, информация о работе на местах, библиография, хроника.

ВЫХОДИТ 2 КНИГИ В ГОД

Подписная цена на год 3 руб.

ИЗВЕСТИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Редакция: *А. А. Борзов, Г. Е. Грум-Гржимайло, Д. А. Золотарев, В. Л. Комаров, А. А. Крубер, Б. П. Орлов, С. Ф. Ольденбург, В. П. Семенов-Тяньшанский, И. И. Селиверстов, Ю. М. Шокальский.*

Ответственный редактор *В. Л. Комаров.*

„Известия Русского Географического О-ва", основанные в 1865 г., являются журналом общей географии, на страницах которого помещаются статьи, рефераты и сведения по всем отраслям географии (особенно же по изучению СССР и сопредельных к ним стран) и соприкасающимся с нею дисциплинам.

ВЫХОДИТ 2 КНИГИ В ГОД

Подписная цена: на 1 год 5 р.

Рассрочка платежа: при подписке—3 р., по получении 1-й книги—2 р.

ЖУРНАЛ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ

Редакция: *Н. К. Кольцов* и *И. Л. Кан.*

Серия Б—продолжение журнала „Успехи Экспериментальной Биологии".

Журнал посвящен новейшим достижениям во всех отраслях общей биологии, физиологии, эксперимент. медицины и генетики.

ВЫХОДИТ 4 КНИГИ В ГОД

Подписная цена: на год 4 руб.

При подписке на обе серии одновременно — 7 р.

Рассрочка платежа: при подписке — 4 р., по получении 2-х книг — 3 р.

Подписка и заказы принимаются отделом периодических и подписных изданий ТОРГСЕКТОРА ГОСИЗДАТА (Москва, Воздвиженка, 10/2), его провинциальными конторами, уполномоченными (имеются во всех губ. и уездных городах СССР), снабженными удостоверениями отдела периодических и подписных изданий Торгсектора Госиздата или его контор, а также всеми почтово-телегр. конторами.

XX 164
17
202-90
4042-0

ЭТНОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. Д. ВИЛЕНСКОГО-СИБИРЯКОВА, проф. Д. А. ЗОЛОТАРЕВА,
акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА, проф. Б. М. СОКОЛОВА
и проф. Л. Я. ШТЕРНБЕРГА

Ответственный редактор акад. С. Ф. Ольденбург

Отв. секр. проф. Б. М. Соколов

1—2

Изменено
8/IV-32

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНУКА)

МОСКВА
1926
ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

Главлит № 64332. Гиз № 16550. Тираж 800 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“, Пименовская ул., д. 16.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ.

С. Ф. Ольденбург (Ленинград). Задачи журнала „Этнография“ 5
Л. Я. Штернберг (Ленинград). Д. Н. Анучин как этнограф 7
Л. Я. Штернберг (Ленинград). Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы 15
Д. А. Золотарев (Ленинград). Вопросы изучения быта деревни СССР . 45
В. Д. Виленский-Сибиряков (Москва). Задачи изучения малых народностей Севера 55
Е. М. Шиллинг (Москва). В Гудаутской Абхазии 61
Н. П. Гринкова (Ленинград). Одежда „тудовлян“ Ржевского уезда . . . 83
Б. М. Соколов (Москва). Былины старинной записи 97

ОБЗОРЫ.

В. Г. Богораз-Тан (Ленинград). XXI конгресс американистов 125
Д. К. Зеленин (Ленинград). Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917—1925 г.г. 133
Ю. М. Соколов (Москва). Обзор работ по фольклору за революционный период 153
Б. С. Жуков (Москва). Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918—1925 г.г. 179
В. В. Пасхалов (Москва). Деятельность московских музыкантов-этнографов за последние 8 лет 193
А. М. Лобода (Киев). Судьбы этнографии на Украине 1917—1925 г.г. . . 201
К. Квитка (Киев). Музыкальная этнография на Украине в послереволюционные годы 211
К. В. Веселовская (Минск). Обзор этнологической работы в Белоруссии за 1919—1925 г.г. 223
А. П. Милли (Чебоксары—Москва). Этнографическая работа среди чуваш в годы революции 229
К. П. Герд (Ижевск). Этнография у вотяков после революции 235
А. С. Сидоров (Усть-Сысольск). Из работ по этнографическому изучению коми (Зырянского края) 243
М. К. Азадовский (Иркутск). Этнография в краевых библиографических указателях 1918—1925 г.г. 247

ЗАМЕТКИ.

Ф. А. Фиельструп (Ленинград). „Кара-Космос“ Рубрука 259
А. К. Губайдуллин (Казань). Объяснение одной казанско-татарской поговорки 261

ХРОНИКА

Москва.—Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Д.—Комиссия по этнологии Московской секции Государственной Академии Истории Материальной Культуры. П—в.—Госуд. Центральный музей народоведения. Е. Шиллинг.—Антропологический Научно-исследовательский Институт при Московском Государственном Университете. Б. Ж.—Государственный музей Центрально-Промышлен. области. А. Данилин.—Комитет по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР (быв. Северо-кавказский комитет). Е. Ш.—Этнографическая секция в О-ве Изучения Урала, Сибири и Д. Востока. С. Урсынович—*Ленинград.*—Музей Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР.—Этнографический Отдел Государственного Русск. Музея. А. Заремба.—Верхне-волжская этнологическая экспедиция (1921—1925 г.г.). Д. З.—Отделение Этнографии Русского Географического Общества. Д. З.—Комиссия по изучению народной

Стр.

музыки при Русском Географическом Обществе. И. Каруновская.—Ленинградское Общество исследователей культуры финно-угорских народностей (Лоикфун). Д. Б.—Сказочная комиссия при Отделении Этнографии Русск. Географического О-ва. Н. Г.—*Архангельская губ.*—Архангельское О-во Краеведения. Д.—Фольклорная экспедиция. Д.—*Вологодская губ.*—Грязовецкая организация краеведения. Д.—*Костромская губерния.*—Этнографические сборы и работы в Костромском крае. Вас. Смирнов.—*Ярославская губ.*, г. Ростов, Д.—*Владимирская губерния.*—Переславль-Залесское научно-просветительное Общество. М. И. Смирнов.—*Иваново-Вознесенская губерния.*—Этнологическая станция Ив.-Вознесенского Научного О-ва краеведения. А. Орлов.—*Нижегородская губерния.*—Нижегородский историко-бытовой музей. Б. Ж.—*Московская губерния.*—Музей Дмитровского края. К. С.—*Калужская губ.*—Этнографический отдел в Калужском Государственном областном музее. М. Шереметева.—Этнографическая секция при Калужском О-ве Истории и Древности за 1925 г. М. Шереметева.—*Рязанская губ.*—Общество исследователей Рязанского края. А. Данилин.—*Пензенская губ.* Этнографическое изучение мордвы. Н. Спрыгина.—*Татарская АССР.*—Этнографические коллекции Казани. Н. И. Воробьев.—*Саратовская губерния.*—Этнографическая секция Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения Т. М. Акимова.—Этнографический Отдел Саратовского Областного Государственного музея. Т. М. Акимова.—Музей Волгаря. Ф. Родин.—Этнографическая экспедиция. В. Буш.—*Украинская ССР. Киев.*—Отдел этнологии при кабинете им. Ф. К. Волкова Украинской Академии Наук.—*Харьков.*—Этнографические предметы на осенней выставке музея Слободской Украины в 1905 г. Р. Данковская.—*Крымская АССР.*—Этнографические экспедиции в Крыму.—Этнографические музеи в Крыму. Из деятельности Российского О-ва по изучению Крыма. А. Д—н.—*Дагестанская АССР.*—Музыкально-этнографическая работа в Дагестане. А. Д.—н.—*Северо-кавказский край.*—Работа Северно-Кавказского института краеведения в области этнографии Северного Кавказа. Л. П. Семенов.—*Закавказская СФСР. Тифлис.*—Исследовательская деятельность закавказской научной ассоциации.—*Уральская область.*—Тюменское Общество изучения местного края. Л. Шульц.—Шадринское научное хранилище. Вл. Бирюков.—*Казакская АССР.*—Этнографическая работа Семипалатинского Отдела Русского Географического Общества за период 1917—1925 г.г. Б. Г.—*Томская губ.*—Этнолого-Археологический Музей.—*Енисейская губерния.*—К характеристике поступления отдела этнографии музея Приенисейского края (Красноярск) за 1920—1925 г.г. М. Дмитриев.—*Иркутская губерния.*—Изучение северных бурят. П. Х—ших. . . . . 262—313

PERSONALIA . . . . . 314—350

РЕЦЕНЗИИ.

Б. Богаевский.—Новый журнал по доисторич. и этнографич. искусству. „IPEK". Leipzig. 1925. 351

Е. Кагаров.—Катерина Грушевська. З примітивної культури. К. 1924. . 352

Е. Кагаров.—Prof. Leo Sternberg. Divine Election in primitive religion, Göteborg, 1925. 353

А. Пиотровский.—К вопросу о происхождении культуры о. Пасхи—(M-rs Scoresby Routledge. The Mystery of Easter Island. The Story of an Expedition. L. 1920. и I. Macmillan Brown. The Riddle of the Pacific. L. 1924). 354

A. M. Kolonel.—F. C. Hodson. The Primitive Culture of India. L. 1922 . . . 357

А. Мерварт.—Elliot Smith. Elephants and Ethnologists. L. 1924 357

А. Самойлович.—Georg Jacob. Geschichte des Schattentheaters in Morgen und Abendland. Gann. 1925 358

А. Самойлович.—Сборник туркменских народных поговорок, пословиц и загадок, собр. М. Гельдиевым. Полторацк. 1925 359

Г. Бонч-Осмоловский.—Б. А. Куфтин, Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. М. 1925. 360

Е. Кагаров.—V. I. Mansikka. Die Religion der Ostslaven. I. Quellen. Helsinki 1922. 363

Н. Гринкова.—М. Е. Шереметева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга. 1925. 365

Н. Гринкова.—Борис и Юрий Соколовы. Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности. М. 1926. 366

Борис Соколов.—Ак. Вс. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III. Былины и исторические песни. М. 1924. 368

1

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	197 -
	1	1-2				12	125/6	99

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА „ЭТНОГРАФИЯ".

С. Ф. Ольденбург (Ленинград).

После продолжительного перерыва у нас появляется новый журнал, посвященный этнологии и этнографии. За последние годы интерес к этим научным дисциплинам чрезвычайно вырос. Оно и понятно: новая жизнь, выдвинувшая на первый план широкие народные массы, настоятельно нуждается в изучении творчества этих масс как в области материальной культуры, так и в области культуры духовной. Таким образом, этнография стала естественно на очередь дня. В течение ряда лет, из-за войны, сперва мировой, потом гражданской, чрезвычайно затруднено было собирание новых материалов, и невольно мысль наших ученых обратилась к вопросам теории: мы видим громадный рост интереса к вопросам этнологии, попытка наново осмыслить, с новыми подходами, все те многообразные и сложные явления жизни, которыми занимается этнология. Социология, изучение которой тоже растет, на каждом шагу искала опоры в этнологии и этнографии. Лингвистика, расширившая свои рамки, тоже искала того же контакта. Ценнейшие археологические находки в области культуры доисторической и исторической тоже внесли новый материал. Мы все больше и больше говорим о палеоэтнологии. Новая национальная жизнь наших многочисленных республик все сильнее и сильнее выявляет богатейший и разнообразнейший материал в области этнографии нашего Союза. Все это заставляло все настоятельнее думать о самостоятельном органе по этнографии и этнологии, слишком уже, иначе, распылялось по самым разнообразным изданиям большое богатство нашей новой литературы по этнографии и этнологии. Не забудем, что раньше мы имели два соответствующих специальных журнала. Направление и содержание нового журнала предопределяла сама жизнь. Прежде всего, необходимо дать известные сводки того, что сделано у нас и за границею за эти годы, когда сведения о работах были чрезвычайно скудны; в этом мы следуем и другим научным дисциплинам; без подобных сводок трудно было бы удовлетворить наших этнографов, особенно тех, кому не доступны центральные библиотеки. На ряду с этим становится и некоторое новшество, тоже вызванное жизнью. В настоящее время удается печатать только малую часть тех работ, которые исполнены, и тех материалов, которые собраны. Редакция поэтому обратилась с письмами и призывами

к большому числу наших специалистов, с просьбой сообщить ей об их работе. Многие откликнулись, и явилась возможность создать отдел „Personalia", с богатыми сведениями о работе, которая велась и ведется. Мы рассчитываем на то, что все наши этнографы внесут свою лепту в этот важный и интересный отдел. Библиография и хроника, которые пока не так полны, как того бы хотелось, дополняют отдел сводок и „Personalia" и позволяют иметь довольно обстоятельное представление о современном положении наших дисциплин. Новый быт, те громадные перемены, которые внесла революция в жизнь, естественно, найдут себе изучение и отражение на наших страницах, где будет обращено внимание и на переходные формы и на пережитки старого. Старый быт исчезает во многом весьма быстро, и мы обязаны спасти для полной картины исторического развития то, чего скоро совсем не будет. На вопросы методологические, на теорию мы постараемся обратить особенное внимание, так как их значение очень велико для правильной постановки работы, которая, благодаря успехам краеведения, скоро пойдет быстрым темпом и будет требовать теорий и методов. Сырым материалам не удастся, вероятно, уделить особенно много места, как ни важны эти материалы, потому что мы, на первых, по крайней мере, порах, не будем обладать достаточным количеством страниц, чтобы выполнить всю нашу разнообразную программу.

Успех журнала зависит, конечно, прежде всего от отношения к нему наших специалистов; если они пожелают сделать его своим, заинтересуются им, то успех обеспечен, и скоро, вероятно, одного журнала будет мало для того разнообразия вопросов, которые должны быть обсуждены и посильно решены в области этнологии и этнографии. Этнографические исследования ведутся у нас многими, с каждым годом растет их число, но согласованности в них мало, слишком много в них случайного, зависящего от индивидуальных интересов отдельных исследователей и отдельных учреждений. Хотелось бы, чтобы новый журнал помог объединить эти работы, осведомляя о сделанном и о том, что подготовляется и намечается.

Д. Н. АНУЧИН КАК ЭТНОГРАФ (скончался 4 июня 1923 г.).

(Речь в Академии истории материальной культуры в первую годовщину смерти Д. Н. Анучина.)

Л. Я. Штернберг (Ленинград).

Научную индивидуальность Д. Н. Анучина, монолитную и вместе с тем такую многогранную, трудно расчленить по тем разнообразным отраслям знаний, в которых проявилось его неутомимое полувековое научное творчество.

В каждую, более или менее важную проблему, которую ему приходилось разрешать, он не только вносил, но и синтезировал все свои богатые и глубокие познания из целого ряда областей, в каждой из которых он чувствовал себя всегда полным хозяином.

Все эти области знания—соматическая антропология, археология, география, уже не говоря об этнографии, могли оспаривать друг у друга право считать Д. Н. своим научным вождем, высшим судьей, главою целого направления.

Если в области антропологии, археологии и географии у Д. Н. были предшественники и соратники, то в области этнографии, в том широком смысле, в каком ее теперь понимают, как науку о человечестве и культуре, он является подлинным патриархом, основоположником русской этнографии.

Правда, основанная им московская школа этнографии знает еще два славных имени, связанных с этой дисциплиной и почти одновременно с Д. Н. выступивших с блестящими работами в этой области. Я говорю о незабвенном В. Ф. Миллере, диссертация которого „Асвины Диоскуры“ появилась в том же 1876 г., когда начинается и научная деятельность Д. Н., и который так много работал в области этнографии и так много сделал для организации этнографических исследований в России. Далее, нужно вспомнить младшего сверстника их обоих—М. М. Ковалевского, прославившего русскую науку своими социолого-этнографическими этюдами. Но для каждого из этих блестящих деятелей не этнография была самоцелью. От этнографии они брали ее метод, необходимый им сравнительный материал, но основной их интерес лежал в других областях знания: в праве, истории, лингвистике, фольклоре, словесном народном творчестве.

Совершенно иначе относился к этнографии Д. Н. Человечество в его целом, с его физической и духовной природой, культура в ее

целом, как духовная, так и материальная, археология, не только историческая, но и доисторическая,—в таком масштабе мыслил Д. Н. ту науку, над которой он так много работал и для процветания которой у нас он так много сделал как пионер, учитель и организатор. Для него этнография была не только интегральной частью триединой науки—соматической антропологии, собственно этнографии и археологии,—она была для него синтезом наук биологических и гуманитарных.

Такое понимание этнографии на Западе, на заре зарождения этой науки, с конца 50-х годов прошлого столетия, вкладывалось и доныне вкладывается в термин антропологии, как общей науки о человечестве. „Все, что бросает свет на человечество и на отдельные отрасли его на земле,—говорит Брока,—входит в область антропологии. Народы дикие и народы цивилизованные, прошедшее и настоящее. Анатомия, физическое строение человека, географическое распространение, все вплоть до болезней человека, вплоть до его страстей и произведений художественного творчества,—все входит в ее интересы. Антропология словно центр, куда сходятся, как в фокусе, достижения всех отраслей знания". И так же смотрели на эту науку ее первые основоположники—Вайц, Тайлор, Бастиан, Герлянд, и так ее понимают, несмотря на разросшуюся специализацию, лучшие представители ее на Западе. Это научное направление как нельзя более соответствовало всему умственному складу Д. Н., требовавшему широких горизонтов, разнообразию его умственных запросов, его гедоническому темпераменту в науке и, наконец, его совершенно исключительным умственным способностям, дававшим ему возможность одновременно работать и творить в самых разнообразных отраслях знания. И никто, как он, не был лучше подготовлен к этой задаче.

Еще на гимназической скамье он увлекается гуманитарными науками—историей, литературой, языкознанием и уже на I курсе ист.-филолог. факультета он заинтересовался русской этнографией, штудируя сборники Афанасьева, Рыбникова и др. Вынужденный по болезни уехать за границу, он получает счастливую возможность близко ознакомиться с искусством и классической археологией и в то же время впервые проникается той новой атмосферой научного мышления, которая родилась с дарвинизмом, с открытиями в области доисторической археологии, с появлением антропологических работ Тайлора, Бастиана, Брока. Это решает его дальнейшую судьбу.

По возвращении в Россию Д. Н. поступает на естественный факультет, чтобы получить твердую базу для науки о человеке, но, на ряду с работами по зоологии и физической антропологии, он, как показывают его работы того времени, не перестает усердно следить за этнографией. Во время своей университетской заграничной командировки, на ряду со специальными занятиями по антропологии и археологии, он объезжает все крупные центры специально для изучения этнографических коллекций музеев.

Как серьезна была эта этнографическая работа, показывает целый ряд его обширных отчетов о музейных собраниях и об этнографических выставках („Антропологические и этнографические собрания русские и иностранные". „Обзор венских антропологических и этнографических музеев". „Чехословацкая этнографическая выставка". „Этнографическая выставка в Риге").

Изучение иностранных этнографических музеев он продолжал и в дальнейшее время.

Эта работа в музеях дала ему возможность стать лучшим специалистом в России по вещественным памятникам культуры.

Уже первые научные выступления показывают, как широки были его интересы в области этнографии. В 1876 году одновременно появляются: 1) давшая ему европейскую известность работа о племени айну,—работа, в которой он проявляет себя и как талантливый проницательный антрополог и как вдумчивый этнограф. 2) Этнографические очерки Сибири. 3) Русско-сибирская народность. 4) Как люди себя украшают и орудуют. 5) Обширные дополнения ($8^1/_2$ печатных листов) к редактируемому им переводу Леббока „Доисторические времена" и несколько позже: 6) Этнографические очерки Балканского полуострова.

И чем дальше подвигается его работа, тем разнообразнее становятся разрабатываемые им темы, касающиеся человека и его творчества. Его взор обращается как будто одновременно во все области культуры, на все племена и народы. Настоящая эолова арфа этнографии! То он останавливается на каком-нибудь обыденном произведении человеческой техники, в роде лука и стрел, и пишет блестящую монографию—главу из истории человеческой культуры; то он готовит этюд по истории домашних животных в России; то он наталкивается на какой-нибудь старинный памятник, значение которого ускользает от внимания специалистов, и прилагает к его анализу все свои разнообразные знания из самых различных областей; то набрасывает мимоходом блестящие эскизы самых разнообразных народов, начиная с великоруссов и кончая японцами; то его неожиданно заинтересовывает применение фонографа к этнографии, а вот найден древний остяцкий идол,—и он спешит вставить его в рамку своих обширных знаний по сравнительной этнографии; а там неожиданно выступает на сцену новая теория Ломброзо,—и он откликается содержательной статьей о психофизических особенностях человека, а то он пишет статью о книге Пишеля „Будда и его учение" и т. д. Не говорим уже о безыменных статьях его по самым разнообразным вопросам материальной, социальной и духовной культуры, которые он помещал в свое время в энциклопедиях и различных повременных изданиях.

Я дал себе труд просмотреть для настоящего доклада многочисленные словарные статьи, которые он, между прочим, давал в „Энциклопедию" Брокгауза по настойчивой просьбе ее редактора, покойного К. К. Арсеньева. По этим статьям лучше всего можно

судить не только о разносторонности его научных интересов, не только о солидной осведомленности в каждом вопросе, вплоть до самой новейшей специальной литературы, но и о совершенно самостоятельном отношении к каждому трактуемому им вопросу. Например, в статье о каннибализме, написанной не позже 1894 г., уже находим изложение теории Фрэзера об умирающем и воскресающем боге из Golden Bough, едва ли тогда уже ставшей известной даже нашим специалистам-фольклористам. В статье „Гетеризм", в вопросе, который тогда был яблоком раздора среди социологов, из которых даже М. М. Ковалевский не мог отойти от господствовавшей тогда теории первичного промискунтета, Д. Н. позволил себе занять позицию, совершенно независимую от господствовавшей теории.

Некоторые из этих статей, как, например, статьи „Орудие", „Одежда", при всей их краткости, являются глубокопродуманными и содержательными этюдами, которые никогда не потеряют своей научной ценности. И при всем том он умел и успевал кропотливо работать над скучными вещами, как описания всевозможных этнографических коллекций, осмотренных им в заграничных музеях, или коллекций антропологической выставки в Москве в 1878 г.

Полное представление о том, на что способен был Анучин, дают его два подлинных шедевра. Я имею в виду два его знаменитых исследования, появившихся в одном и том же году, 23 года тому назад „Сани, ладья и кони в погребальном обряде" и „К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнерусское сказание о человецех, незнаемых в восточной стране".

О первом из этих исследований такой компетентный судья, как В. Ф. Миллер, писал: „Этюды проф. Анучина представляют в русской ученой литературе исключительное явление. Ни один из современных русских ученых не обладает такими обширными познаниями в археологии, этнографии, антропологии в соединении со сведениями по географии, истории быта, зоологии, как проф. Анучин, и никто не может столь всесторонне пользоваться сравнительным методом и посредством него освещать бытовые явления народной жизни. Новое исследование почтенного автора отличается теми же высокими достоинствами, которые мы привыкли находить в его работах: богатством содержания, тщательностью в обработке деталей, полнотой библиографических указаний и ясностью изложения".

Еще более лестный прием встретила вторая его работа как в русской, так и в западно-европейской научной прессе. В этих отзывах, которые говорят сами за себя, упущено, быть может, самое замечательное в научной индивидуальности Д. Н., то, что является самым важным качеством подлинного ученого. Это—та высшая научная проницательность, которая дает возможность видеть во всем, хотя бы самом обыденном, то важное, мимо чего всякий другой, хотя бы и крупный специалист, может пройти, не видя ничего особенного.

Всем русским историкам отлично известно было, что в допетровское время при похоронах, при торжественных выходах употреб-

лялся во все времена года не колесный экипаж, а сани, и никто этому факту не придавал особенного значения. И даже те, которые обратили на него внимание, прибегали к самому легкому и совершенно произвольному объяснению, именно, что термин „сани“ в то время был нарицательным термином для всякого экипажа, в том числе и колесного. То же случилось и с ладьями в обряде погребения, а также с отдельными известиями о странном обычае выноса покойника не через обычный выход из помещения. Анучин, и не будучи историком, осознал историко-культурное значение этих отрывочных исторических упоминаний и путем лингвистических, археологических и этнографических сопоставлений, установил их аутентичность, происхождение и надлежащее место в истории общечеловеческой культуры и попутно дал целый ряд отдельных этнографических этюдов о происхождении разных видов перевозочных средств, различных форм погребения и т. д. Любопытно, что этюд о санях и пр. послужил толчком для целого ряда работ по тому же вопросу (Ф. Беняшевский в „Киевской Старине“ 1893 г. и Th. Volkoff. „Le traineau dans les rites funéraires de l'Ukraïne, 1896“), между тем как до Анучина на эти вопросы никто не обращал внимания.

Еще более поучителен в указанном отношении другой упомянутый мною шедевр, представляющий в сущности комментарий к миниатюрной в несколько страничек старинной рукописи, составленной, повидимому, бывалым торговым человеком древней Руси. Эта рукопись много раз публиковалась в разных списках, цитировалась историками-специалистами, и совершенно не была понято, ни оценено ими ее историческое значение. Одни совершенно не уделили ей никакого внимания, другие, в виду баснословных элементов, в ней содержащихся, отрицали за сообщенными фактами какое-либо научное значение, видя в ней компиляцию книжных баснословных сказаний.

Анучин же сразу увидел в ней ценный историко-этнографический документ. Остроумным, хотя и необыкновенно простым приемом, которому мог бы позавидовать специалист-историк, он не только совершенно самостоятельно установил время ее происхождения, но путем целого ряда этнографических и историко-географических сопоставлений установил те реальные факты, которые были сокрыты в нелепо-баснословных сказаниях безвестной рукописи. При этом, как и в первом этюде, он попутно дал целый ряд ценных экскурсов, каждый из которых составляет целое исследование. Каждая страница этого блестящего этюда представляет образец тонкости анализа, научного остроумия, уж не говоря о колоссальной эрудиции в области исторической географии, фольклора и этнографии.

При свете этого анализа все эти чудовищные фантомы, люди без рта, без голов, люди временно умирающие, линяющие люди, мохнатые от пупа до долу, оленьи рога взметывающие себя на плечи, народы, живущие под землею, и т. д., все эти фантасмагории превратились в живую этнографию, в ныне существующие племена, в юраков, приморских и обдорских самоедов, алтайских калмыков и т. д.; и точно

также баснословные географические местности оказались реально существующими.

К этим двум шедеврам примыкает еще один: работа „Лук и стрелы"—первая монография в европейской литературе, давшая классификацию и картину эволюции этого орудия, сыгравшего такую огромную роль в истории культуры. Гораздо позже явившиеся работы Лушана и Бальфура касаются детальных вопросов, не претендуя на монографичность.

Указанные исследования, помимо богатства содержания, имеют еще особую ценность, ценность методологическую. Впервые в нашей научной литературе показана была вся важность этнографических знаний и методов для историка и археолога и, обратно, исторических и археологических знаний для этнографа.

Немного, к сожалению, таких монографических шедевров оставил нам покойный в области этнографии. Но иначе и быть не могло при его интенсивной работе в целом ряде других областей. К тому же он был слишком экспансивной натурой, чтобы замкнуться исключительно в кропотливой изыскательской работе. Ему необходима была бóльшая аудитория, чем круг узких специалистов, даже чем круг университета. На то он был подлинный сын 60-х годов, годов общественных порывов, жажды общественного служения. И это было большое счастье для русской этнографии, что в период ее зарождения она нашла в Д. Н. не только выдающегося исследователя, но и активного учителя и руководителя.

В течение 40 лет, работая по трем специальностям, он не переставал читать лекции и вести семинарий по общей этнологии и русской этнографии. Его усилиями, в значительной степени даже на его личные средства, создан был при его кафедре особый антропологический музей, в котором он собрал огромный типологический материал по этнографии самых различных народов земли. Музей этот вплоть до кончины Д. Н. служил центром и лабораторией для целых поколений исследователей и будущих профессоров высших учебных заведений, центром объединенной работы антропологов, этнографов и географов.

В течение почти полувека Д. Н. был высшим, всеми признанным судьей во всех выдающихся явлениях и трудах в области этнографии. Его речи на диспутах, нередко превращавшиеся в целые научные трактаты, его талантливые отзывы о всех мало-мальски выдающихся работах, в частности его известная статья „Задачи русской энтографии", воспитывали целые поколения, уча их правильно ориентироваться в самых разнообразных вопросах. Эта работа его имела тем большее значение, что, благодаря своей широкой образованности, своей научной дисциплине, он никогда не поддавался поспешным увлечениям новомодными теориями и гипотезами, всегда внося во все им разбираемое научный критицизм и драгоценный здравый смысл.

Он ясно сознавал всю важность популяризации этнографических знаний не только в общественно-воспитательном отношении, но и

в интересах государственных. „Незнакомство с этнографическими данными,—писал он в своей статье „Задачи русской этнографии“,—непонимание быта, состояния и потребностей народа было у нас уже причиною многих административных и законодательных ошибок как по отношению к инородцам, так и к собственной русской народности“.

Но его учительская деятельность не ограничивалась лишь стенами университета и узким кругом читателей научных журналов. Бесчисленное количество статей его рассеяно в разных энциклопедиях, обще-литературных ежемесячниках, в предисловиях к многочисленным редактированным им переводным работам, даже в таких изданиях, как „Ремесленная Газета“ и, наконец, в целом ряде научных фельетонов и заметок в „Русских Ведомостях“, где он много лет вел научный отдел. Но и в этой отрасли его деятельности Д. Н. нельзя назвать только популяризатором. Его популярные статьи—научные миниатюры, экстракты знаний времени их появлений. Многие из этих миниатюр, как, например, его статья „Великоруссы“, надолго сохранят свою научную ценность не только по богатству научного материала, но и по оригинальности взглядов.

Вместе со всеми богатыми духовными дарами судьба дала Д. Н. еще один драгоценный дар—дар долгой здоровой жизни и полную умственную свежесть и творческую способность до последнего дня жизни. За год до смерти он напечатал большую работу „Азия как прародина человечества“ и чисто этнографическую работу о способах добывания огня. А за два месяца до смерти, на конференции производительных сил России, он, в качестве председателя секции „Человек“, читал свой обширный доклад, в котором начертил план всестороннего изучения населения—своего рода завещание будущим поколениям России—продолжать его полувековую работу.

Теперь нет его среди нас, старого нашего научного вождя и учителя, но он остался среди нас, живой в его творениях, в его неувядающем образе неутомимого научного творца, друга людей, верного слуги своего народа и родины.

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОЛОГИЯ.

Новейшие успехи, научные течения и методы.

Л. Я. Штернберг (Ленинград).

I

За последние 10—12 лет, несмотря на годы войны и экономической разрухи, этнология и примыкающие к ней дисциплины сделали на Западе совершенно исключительные успехи. Может показаться парадоксом, но несомненно, что в значительной степени этому способствовала самая война. На Западе научные работники не были освобождены от участия в войне, и целая армия специалистов этнографов, антропологов и археологов так или иначе, пассивно или активно, была вовлечена в орбиту войны. Многие стали жертвой войны, но многим, к счастью, удалось использовать свое невольное пребывание в колониях, арьергарде, в госпиталях, концентрационных лагерях, в плену и т. д., для серьезных работ в области этнографии, антропологии и археологии. В эту работу было вовлечено не одно только молодое поколение ученых. Так, в Англии, например, два таких маститых, самых выдающихся среди современных этнологов, как ныне покойный проф. Риверс (W. Rivers), бывший президент Антропологического Института, и нынешний его преемник проф. Зелигман (Seligmann),— оба они во все время войны работали в госпиталях, собрав ценный психологический материал, который они широко использовали в вопросах этнической психологии. То же в Германии. Такие выдающиеся ученые, как К.-Т. Прейс (K.-Th. Preuss), Гребнер (F. Gräbner), Турнвальд (R. Thurnwald), Вестерман (D. Westermann), были захвачены во время военных действий в разных частях света — в Австралии, Меланезии, Южной Америке, Африке и широко использовали свое пленение для научных изысканий. Из них Прейс за время своего невольного пребывания в Колумбии, помимо открытия совершенно новой доколумбийской культуры, всесторонне обследовал ранее совершенно не изученное племя Uitoto, изучил язык, словесное творчество, верования и мифологию и на месте приготовил к печати ныне изданную монументальную двух-томную работу, которая обогатила науку, особенно науку о религии, материалом совершенно

исключительного интереса [1]). Турнвальду, помимо обширных психологических наблюдений, удалось обогатить науку в другой области этнологии, в области социальной культуры, открыв у племени Banaro на Н. Гвинее совершенно исключительную форму брака и общественной организации, которая еще долго будет служить предметом дискуссии теоретиков социального строя [2]). Известный специалист по африканской лингвистике Вестерман, захваченный войной в Либерии, составил прекрасную монографию по языку и культуре негрского племени Kpelle, имеющую широкий обще-этнологический интерес [3]). Войне мы обязаны блестящими работами молодого австрийского этнолога Б. Малиновского, пробывшего несколько лет в Австралии и на соседних островах.

Это имена, пользующиеся широкой известностью, но можно назвать много десятков имен рядовых работников, которые во всех частях света, в госпиталях, в оккупированных областях, в колониях, интернированные и военнопленные, произвели целый ряд ценных работ. Это сказалось даже и в нашей стране, где германским военнопленным удалось сделать много работ в Сибири и Средней Азии. Укажу хотя бы на работы археолога Мергарта по палеолиту и неолиту Сибири, оказавшего большое влияние и на работы наших молодых сибирских археологов. К этому нужно добавить, что германское правительство даже нарочито организовало целый штат этнологов, антропологов и археологов, на которых была возложена специальная задача производить исследования разного рода как в оккупированных областях, так и на территории союзников (на Балканском полуострове, в Малой Азии и т. д.). То же делало, хотя не так систематически, и английское правительство. Соединенные Штаты создали организацию антропологических обследований в союзных армиях.

С другой стороны, нейтральные страны, Швеция, Дания, американские государства, в особенности Соединенные Штаты С. Америки, до присоединения их к союзникам, широко использовали благоприятно сложившуюся для них экономическую конъюнктуру в связи с войной для организации обширных исследовательских работ в самых различных странах и в самом широком масштабе. Для примера достаточно указать на монгольскую экспедицию, давшую такие богатые результаты не только в области палеонтологии, но и доисторической археологии.

Война сказалась и в работах кабинетного характера. Для теоретиков этнологии, черпавших в данных этнологии веру в единое

---

1) Preuss, Konrad Theodor. Religion u. Mythologie d. Uitoto. Textaufnahmen und Beobachtungen bei einem Indianerstamm in Kolumbien. 2 Bände. Göttingen. 1921—1923.

2) Banaro Society. Social organisation and kinship system of a tribe in the Interior of New Guinea. By Richard Thurnwald. Memoirs Amer. Anthrop. Assoc., v. III, N. 4.

3) Westermann., Diedrich. Die Kpelle, ein Negerstamm in Liberia. Göttingen. 1921.

человечество, в неизменную тенденцию культуры к реальному творчеству этого единства, для них война, омрачившая эту веру, была величайшим моральным испытанием, и мысль невольно стала направляться к основным вопросам человеческой психики, природы общественных союзов и общественных кризисов. Это так хорошо выразил один из лидеров английской этнологической мысли, профессор Р. Р. Маретт (Marret), в предисловии к своему этюду «Psychology and Folklore», p. VII): „Вести свою обычную работу в период войны было нелегко. Но именно сама смута времен властно заставляла мыслить, хотя бы уже для того, чтобы разум мог сохранить себя во время бури. Поэтому, мысль каждого направилась к основным идеям“ [1]).

Но в этом искании „основных идей“, помимо индивидуальных настроений, действовали факторы более общего характера. Мировая драма войны, вернувшая, казалось, цивилизованный мир ко временам первобытного варварства, грандиозные феномены психики масс и роли вождей как во время войны, так и последующих революционных взрывов в целом ряде стран, вопросы национальностей, так остро вставшие в связи с войной, пробуждение народов цветных рас,—все это толкнуло целый ряд теоретиков-этнологов к проблемам социальной психологии, ключ к которой, казалось, легче всего было найти в простейших феноменах первобытного общества. Это движение встретилось с параллельным движением в области общей психологии и в частности психиатрической, искавшей в психических феноменах невротиков аналогии с психикой первобытного человека. Все это создало в общем небывалое оживление в психологической литературе, в котором этнологи приняли самое деятельное участие. При новой обстановке вновь заняла выдающееся место дисциплина Völkerpsychologie, которая с такой энергией разрабатывалась в течение трех десятилетий Штейнталем (Steinthal) и Лазарусом (Lazarus), 1860 — 1890 гг., в их органе Zeitschrift für Völkerpsychologie и которая сыграла такую роль в истории этнологии.

Если маститые теоретики, как Маретт, Риверс и Зелигман, под влиянием военной грозы углубились в основы человеческой психики, то молодые исследователи обрекли себя на уход от культуры на долгие годы в самые отдаленные края, чтобы там, среди самых примитивных народов, искать разрешения загадок социального строя и психики. И теперь, когда мысль в состоянии уже спокойно работать, эти самоотворженные исследования дают обильные материалы для плодотворной теоретической работы и широких научных перспектив.

---

[1]) „To attend to one's subject during the war was not easy. Yet the very confusion of the times made thinking necessary, if only in order that the mind might keep its bearings during the storm. For the same reason one's thought tended to dwell on first principles“. Psychology and folklore. By R. Marett. Preface, p. VII.

II

Но было бы неправильно приписать новейшие успехи этнологии только обстоятельствам мировой войны. Война, как иррациональный фактор, сыграла свою роль, но настоящее оживление в области этнологии началось только по окончании войны. Естественная реакция после вынужденного перерыва в полевой работе, перерыва в публиковании научных работ вызвала естественное стремление наверстать потерянное, выявить наружу столь долго сдержанную энергию. И приходится изумляться тому, что вопреки угнетающим переживаниям войны, вопреки разрухе, этнология проявила столько жизненности и упорства в работе и творчестве мысли.

Начать хотя бы с характера новейших экспедиций.

Уже давно стало аксиомой в этнологии, что этнографические экспедиции только тогда плодотворны, когда они стационарны, когда они рассчитаны на такой срок, чтобы исследователь мог в совершенстве изучить язык и настолько войти в доверие туземцев, чтобы перед ним не скрывали самых интимных сторон жизни, как раз наиболее важных для науки. К сожалению, такие экспедиции крайне редки. Джезупповская экспедиция начала этого века продолжалась всего два года и она считалась по справедливости образцовой. Но в рассматриваемый нами период мы видим целый ряд гораздо более продолжительных экспедиций во всех частях света, замечательных по результатам и по совершенству методов работы. Особенно повезло в этом отношении обеим Америкам. Из экспедиций в Сев. Америке наиболее замечательной является датская трехлетняя арктическая экспедиция к центральным эскимосам под начальством известного арктического исследователя Расмуссена. В этой экспедиции приняли участие различные специалисты—этнологи, фольклористы, археологи и один натуралист. Наряду с обширными работами по лингвистике, этнографии и антропологии впервые в этих суровых широтах были предприняты на широкой базе археологические работы, благодаря которым этнология получила ключ к древнейшим судьбам культуры и истории арктического населения Сев. Америки. Много лет о такой работе мечтали американисты, но трудности археологической работы в полярных странах казались непреодолимыми, и после успехов этой экспедиции, нужно думать, они не останутся без продолжения.

В других частях Сев. Америки выдающимся фактом в области экспедиционной работы являются работы совершенно нового научного исследовательского учреждения, так называемого Heye Foundation Museum of American Indians. Этот новый музей, возникший в последние годы на частные средства, помимо спешного собирания последних остатков вымирающей индийской культуры и монографического их описания, главным образом ставит своей целью путем систематических археологических экспедиций восстановить картину прежних

расселений и прежнего быта индейцев, и на этом пути им проделана огромная работа, и что особенно ценно,—это то, что собранные материалы беспрерывно публикуются в прекрасно иллюстрированных изданиях.

На другом конце Америки, в антарктиках, работала экспедиция профессоров Гузинде (Gusinde) и Копперса среди огнеземельцев. В этой экспедиции особенно ярко сказалось то, что может дать стационарная работа людей, овладевших языком и интимно сжившихся с населением и — last not least — научно подготовленных к работе. Со времени знаменитого путешествия Дарвина на „Бигл'е" и до самого последнего времени, несмотря на целый ряд работ об огнеземельцах, в том числе особой французской экспедиции с участием Деникера (Deniker), существовало убеждение в том, что огнеземельцы совершенно лишены всякой духовной культуры. Между тем, ко всеобщему изумлению, Гузинде и Копперсу удалось открыть среди огнеземельцев сложную систему верований, богатую мифологию, существование тайных религиозных обществ, обряды инициаций и организованное шаманство. Эти открытия, бросающие новый свет на культуру огнеземельцев, этой живой окаменелости палеолитического периода, лишний раз показали, как много еще предстоит работы по обследованию народов, которые, казалось, уже достаточно изучены, и с какой осторожностью приходится судить о психике и интеллекте так-называемых первобытных народов. В других частях Южной Америки работали экспедиции Коха-Грюнберга (Koch-Grünberg), Рота (Roth) и особенно нужно отметить 5-летнюю работу Р. Карстена (Karsten), в результате которой теперь выходит в свет первая полная монография об южно-американских индейцах— „The Civilisation of South American Indians". Если прибавить к этому многолетние, еще начатые до войны экспедиции неутомимого Эрланда Норденшильда (Nordenskiöld), археолога Макса Уле (Max Uhle), француза Риве (Rivet) и упомянутые работы Прейса, не считая многочисленных работ не стационарного характера, можно получить представление об успехах этнологии в Южной Америке.

Из стационарных работ в других частях света следует отметить трехлетнюю экспедицию шведского исследователя Вальтера Каудерна (W. Kaudern) на Целебесе, многотомные работы которого уже начинают выходить в свет: первый вышедший том посвящен исключительно постройкам „Structures and Settlements in Central Celebes", другие будут посвящены продолжению материальной культуры и культуры духовной и социальной.

Исключительный интерес по методу работы представляет стационарная экспедиция упомянутого австрийского молодого ученого, Малиновского, на маленьком архипелаге близ Н. Гвинеи, на Тробриандских островах. Подобно Миклухе Маклаю, он в течение двух лет жил совершенно один среди уединенных островитян, одной жизнью с ними, изучив их язык и все интимнейшие стороны быта. В этой работе („The Argonauts of the Pacific"), удостоившейся, между про-

чим, лестного предисловия Фрезера (Frazer), помимо чрезвычайно интересного описательного материала, образцово собранного, особенно ценны те главы, которые трактуют, на основании личного шестилетнего опыта в Океании, о методах полевой работы этнографа. Этот первый, кажется, опыт методологии полевой работы с огромной пользой будет плодотворно использован будущими исследователями и несомненно вызовет подобные же методологические исповеди других испытанных исследователей.

Но большие стационарные работы—только одна из иллюстраций той интенсивной этнографической, лингвистической, антропологической и археологической работы, которая велась везде, в частности в С. Америке и Африке в порядке очередных исследований и собираний музейного материала. Наконец, как на совершенно исключительной важности и новизны исследовательские работы нужно указать на начавшиеся серьезные исследования в районе, на который до сих пор очень мало обращалось внимания, именно в Восточной Азии. Имею в виду археологические работы в Китае французской экспедиции в 1923 году и стационарные работы шведского геолога Андерсона (J. S. Andersson), бросающие совершенно новый свет на доисторические судьбы Китая. После этих открытий нет более сомнений в существовании палеолитической культуры в Китае, но, быть может, еще более важным открытием являются найденные Андерсоном, остатки окрашенной керамики того же типа (так называемая трипольская культура), какой найден в Передней и Средней Азии, на Украине, в Галиции и Венгрии [1]). Параллельно с археологической работой начались серьезные антропологические исследования, имеющие очень важное значение для доисторической истории Китая.

III

Наряду с полевой этнографической работой, рядом с изучением отдельных народностей, языков и древностей, шла и интенсивная теоретическая работа по разработке общих проблем и сводно-классификационная по отдельным группам народов и по всему материалу. Трудно в немногих словах охарактеризовать всю совокупность этой работы, охватывающей самые различные проблемы и области исследований. Трудно соединить в одной картине такие хотя бы работы, как последний том „Völkerpsychologie“ Вундта (Wundt), трехтомное исследование Фрезера „The Folklore in the Old Testament“, его же „Worship of Nature“, „монументальный труд маститого, недавно скончавшегося профессора Лушана (Luschan) „Die Altherthümer von Benin“, замечательные работы Фробениуса (Frobenius) по археологии Западной Африки монографии Норденшильда и бар. Розена по Южной

[1]) Знаменательно, что работа, посвященная этому последнему открытию („Paleontologia sinica. Peking 1925“), издана Китайским Геологическим Комитетом. Принимая во внимание национальное пробуждение Китая, можно быть уверенным, что археологическое изучение Китая ожидает блестящее будущее.

Америке, ценные серии изданий целого ряда музеев, огромную литературу по социальной психологии или литературу по фрейдизму в этнологии и т. д., уже не говоря об огромной периодической литературе. Для этого потребовались бы целые серии обзоров. Я остановлюсь на некоторых работах, особенно ценных для широких кругов этнографов.

Прежде всего заслуживают внимания работы сводного характера, которым принадлежит большое будущее. Впервые мы имеем теперь образцовое руководство, охватывающее культуру всех американских индейцев как Северной, так и Южной Америки. Я говорю о работе директора этнографического отдела Нью-Йоркского Музея Естественной истории С. Wisser'a, „The American Indians". В этом компактном труде критически рассмотрены все общие историко-культурные проблемы, связанные с туземным населением американского материка, блестяще охарактеризованы все области культуры, начиная с техники и кончая культом и социальным строем, и картографически изображено распространение отдельных институтов культуры. Каждая глава снабжена прекрасной сводкой литературы. Аналогичную работу по культурам Южной Америки представляет вышеупомянутая и ныне уже выходящая в свет монография Карстена (Karsten) „The civilisations of South America". По археологии Америки имеем классический труд маститого американского археолога Холмса (W. Holmes), результат работы целой жизни, труд крайне ценный и по выводам, и по методу. По американской лингвистике имеем монументальный труд проф. В. Лемана, „Die Sprachen Zentral Amerikas", в 2 томах (1920 г.), и кроме того продолжают выходить новые томы „Handbook of American Indian Languages" (в последнем томе напечатана, между прочим, грамматика чукотского языка, В. Г. Богораза). Та же Америка готовит для нас, русских, сводный труд по этнографии азиатской части РСФСР, составляемый, как это ни странно, русским этнографом В. И. Иохельсоном. По народоведению всего мира Германия дала новое, совершенно заново переработанное издание коллективного труда „Иллюстрированное Народоведение", (Illustrierte Völkerkunde), составленное лучшими специалистами по отдельным областям, на основании самых новейших данных, и снабженное прекрасным указателем литературы. В этом новом издании имеется ценная новинка — особый том, посвященный этнографии европейских народов. По общему народоведению следует отметить также и популярную работу Лушана, уже переведенную на русский язык „Народы, расы и языки". Эта небольшая работа маститого ученого по целому ряду вопросов (особенно культур и народов Малой Азии, Африки и др.) дает совершенно оригинальное освещение, плод самостоятельных исследований и долгого научного опыта, и особенно ценен в ней широкий подход к общим проблемам, проникнутый подлинным гуманизмом в расовых и национальных вопросах. Наконец, крайне важна будет для этнографов ныне выходящая в свет работа В. Шмидта (W. Schmidt) „Die Sprachenfamilien und Sprachenkreise

der Erde"—работа, в которой этнографическая лингвистика и проблемы этно-лингвистических связей занимают центральное место.

Ценными новинками в этнографической литературе являются первые опыты общих руководств по теории отдельных областей культуры. Говорю новинками, потому что, в противоположность отошедшему периоду классической этнографии, периоду Вайца (Waitz), Бастиана (Bastian), Тэйлора (Tylor), Леббока (Lubbock), Спенсера (Spencer), Поста (Post), Мак-Леннана (MacLennan), Моргана (Morgan), последние десятилетия были периодом скептицизма к общим теориям. На издание руководств никто не решался, опасаясь неизбежного затрагивания спорных вопросов. Теперь общие руководства, наконец, начинают появляться и, если читатель в них не находит оригинальных решений спорных вопросов, то, по крайней мере, ценный, особенно для учащихся, систематизированный материал. Из опытов этого рода, весьма немногих, отмечу прежде всего, опыты двух лучших молодых представителей школы Боаса (Boas), Лоуи (Lowie) и Гольденвейзера (Goldenweiser). Первым изданы две работы: „Primitive Religion" и „Primitive Society". Работа второго— „Early civilisation" — оригинальное руководство по этнологии, в виде картин немногих типичных культур, широко комментированных автором, с заключительными главами по общим проблемам.

В области первобытного хозяйственно-экономического строя первой, можно сказать, в этой области монографической работой является двухтомный труд известного исследователя Южной Америки, профессора Макса Шмидта (Max Schmidt) „Grundriss der Volkswirtschaftslehre", 2 Bände. Работа эта особенно ценна тем, что автор внес в освещение материала огромный опыт своих личных многолетних наблюдений над хозяйством первобытных народов.

Совершенно особо стоят работы по общей этнологии представителей так называемой историко-культурной школы, о которой речь впереди. Имею в виду книгу лидера этой школы Гребнера „Ethnologie" и широко задуманную работу „Völker und Kulturen" В. Шмидта и В. Копперса (W. Koppers), первый обширный том которой „Gesellschaft und Wirtschaft der Völker", богато иллюстрированный, только что вышел. Обе эти работы, как бы ни относиться к их теоретическим построениям, дают по многим вопросам ценный материал и оригинальное освещение.

Перехожу к основным течениям в современной этнологии.

IV

Проблема, которая больше всего занимала этнологию за последнее время и которая совершенно неожиданно оплодотворилась целым рядом открытий, раскрывающих необычайные перспективы в области древнейших судеб человечества,—это проблема о происхождении параллелизмов в культуре. Проблема эта имеет чрезвычайно интересную историю, поучительную для истории науки вообще.

Классическая школа этнологии, в лице Тэйлора, Бастиана, Моргана и др., ныне называемая ее противниками психолого-эволюционистской, утверждала, что параллелизмы могут возникать двумя путями: 1) либо совершенно самостоятельно, в силу тождества человеческого интеллекта, который при одинаковых условиях и под влиянием одинаковых стимулов творит тождественное, это—то, что Бастиан подразумевал под своей конценцией Elementargedanke; 2) либо путем заимствования или, как теперь говорят, диффузии, географического распространения. Эту последнюю классическая школа допускала с большой осторожностью, только в тех случаях, когда географическая конъюнктура в смысле возможности общения между носителями параллелизмов представлялась более или менее очевидной или доказуемой. И далее, исходя из идеи Elementargedanken и из идеи единства интеллекта человеческого, эта школа утверждала, что эволюция культурных институтов в общем шла по одному и тому же закону, но в то же время она допускала индивидуальные формы творчества в силу различий в условиях среды и исторической обстановки, это—то, что Бастиан называл Völkergedanke.

Против этой теории еще в 80-х годах выступил Ратцель (Ratzel) в своей „Anthropogeographie", теорией, радикально противоположной.

Он исходил из совершенно априорного положения, что „человеческое сознание ограничено", что человеческая способность к изобретениям слишком бедна, чтобы допустить такую роскошь, как возможность множественности самостоятельных открытий в самых различных местах. Единственное объяснение параллелизмов он, следуя Герлянду (Gerland), находил в том, что самые ранние общечеловеческие изобрётения относятся к тому периоду, когда человечество только что народилось и обитало в одном центре и все последующие, после расселения человечества изобретения стали общими исключительно в результате диффузии,—теория, которая очень близка к теории Тарда (Tard) об универсальном подражании. Из этой теории вытекало неизбежное следствие, что были периоды, и весьма древние, когда между народами самыми отдаленными, ныне разделенными океанами и морями, некогда существовало общение и, следовательно, возможность заимствования.

Долгое время основное положение Ратцеля о недопустимости параллелизмов, как совершенно априорное, исходившее из ничем недоказанного положения, что „человеческое сознание ограничено" осталось одиноким, без последователей, хотя возможность широкой диффузии в культуре никем в принципе не отрицалась. Но, в свою очередь, эволюционистская теория стала вызывать реакцию в силу того, что, с одной стороны, некоторые поспешные ее обобщения в построении картины эволюции опроверглись новооткрытыми фактами и не везде ход эволюционного процесса шел одним и тем же путем; с другой стороны, в поисках

общих законов эволюций культуры она мало уделяла внимания явлениям диффузии [1]).

Это последнее обстоятельство главным образом и привело к увлечению теорией Ратцеля.

Новые методы музейной обработки вещественных памятников культуры, тщательное изучение деталей объектов, сравнительное изучение деталей объектов в различных культурах, картографирование распространения отдельных институтов культуры, не только материальной, но и социальной и духовной, наконец, выработавшийся в процессе этой работы метод сравнения тождественных комплексов культуры на целом ряде материалов раскрыли совершенно новые перспективы в области диффузии культуры. Методы эти, разрабатывавшиеся первоначально в Кельнском музее на материале Океанийском, нашли горячих последователей не только в Германии, но и в Англии, между прочим в лице лидера английской школы, Риверса, применившего их к меланезийской культуре, и среди этнологов американских.

К сожалению, заслуженный успех этих новых работ в области диффузии завлек пионеров в этой области слишком далеко. Несмотря на то, что их работы шли в сущности по пути, указанному Тэйлором, несмотря на то, что новые добытые данные в области диффузии нисколько не опровергли возможности спонтанейности изобретений в культуре, они объявили методы психолого-эволюционистской школы окончательно дискретированными и признали аксиоматичной теорию Ратцеля об универсальности заимствования, присвоив своей школе наименование историко-культурной. Но еще хуже было то, что, увлекшись теорией комплексов, стали видеть комплексы в институтах, между собой ничем внутренне не связанных (вроде: круглая хижина, обрезание, флейта, тотемизм и т. п.), и на основании таких гадательных комплексов стали создавать чисто спекулятивные построения самого широкого историко-культурного характера. Кончилось тем, что своими построениями они впали в коренное противоречие со своей собственной (ратцелевской) теорией, создав целый ряд замкнутых культурных кругов, в которых специфические культурные институты создавались совершенно спонтанейно, без всякого участия процесса заимствования. Эти крайности, усердно пропагандируемые лидером этого нового течения, Гребнером (Graebner), нашли себе усерднейшего приверженца в лице лидера католической школы, заслуженного ученого лингвиста и этнолога, патера Шмидта. В течение многих лет он тенденциозно пропагандирует эти воззрения в своем влиятельном журнале „Anthropos“, который благодаря богатым издательским сред-

---

[1]) Была и специфическая причина реакции против эволюционистской теории—это реакция против теории эволюции вообще. Эта теория особенно была неприемлема для миссионерской школы этнологов, очень влиятельной в настоящее время, которую шокировали не только воззрения на происхождение человека, но и воззрения на эволюцию верований и в особенности семейного строя.

ствам сумел привлечь к себе сотрудничество, помимо целого ряда исследователей-миссионеров, очень выдающихся этнологов.

При всем том нельзя и преуменьшать значение этого течения. Как всякая новая концепция, она будит мысль, заставляя искать новых путей. Крайности и увлечения—спутники всякой новой гипотезы, и нужно думать, что у лучших представителей его, не зараженных никакой тенденцией, крайности со временем отпадут.

Уже и теперь лидер этого течения Гребнер начинает колебаться во многих из основных своих положений. По крайней мере, в последней своей работе „Das Weltbild der Primitiven", в последней главе (стр. 134) он вынужден признать, что в мировоззрении примитивного человека в самых различных культурных кругах, где недопустимо заимствование, проявляются поразительные („merkwürdige") параллелизмы, объяснить которые не представляется возможным. Такие же параллелизмы он находит и в социальной культуре, например, в институте экзогамии, но тут он еще допускает техническое (?) заимствование, хотя в чем это техническое заимствование состоит, он не говорит, и нет сомнения, что и в этой, как и в других областях культуры, ему придется признать возможность спонтанейного творчества. Это тем более естественно ожидать, что ратцелевская априорная гипотеза ни в какой связи не стоит с исканием диффузий методами их изучений, к чему исключительно сводится и крупная заслуга этого течения. Справедливость требует сказать, что задолго до возникновения нового течения археология, этнографическая лингвистика и этнография плодотворно работали в этом направлении. Картографирование американских языков и диалектов, произведенное в свое время Поуэллем (Powell), раскрыли картину миграций индейцев в Северной Америке. Замечательные долголетние работы Холмса (Holmes) по археологии шли по тому же направлению. Знаменитая Джезуповская экспедиция под руководством Боаса специально была предпринята для выяснения вопроса о взаимной связи культур азиатских и американских. В том же направлении шла работа Hrdlička в области диффузии антропологических типов.

Особенность работы последних лет в области диффузии—в ее размерах, в лихорадочном темпе исканий.

Влияние нового течения—главным образом психологического порядка. Успехи работ пионеров нового течения в области миграции народов и культур значительно расширили горизонт доисторических исканий. Лозунг, смело брошенный пионерами диффузии,—оставить прежний страх перед временем и пространством,—создал стимул дерзания искать взаимной связи культур там, где до того такие искания казались a priori безнадежными и недопустимыми. Отсюда и тот широкий диапазон работ последнего времени и лихорадочный темп этих работ и в археологии, и в лингвистике, и в чистой этнологии.

И как будто бы само время все более и более поднимает это настроение. Как раз в самые последние годы совершенно неожиданно со всех сторон являются ошеломляющие открытия и в антропологии

и в археологии, раскрывающие связи между самыми отдаленными областями земли и подтверждающие единство человечества и его культуры. Не успел еще умолкнуть шум от новых открытий остатков палеолитического человека в Южной Африке, на о. Яве, в Англии, в Восточной Азии, как в Китае и в Индии открыты остатки культуры, имеющей 5000-летнюю древность и не оставляющую, повидимому, сомнения в том, что она общего происхождения с соответственными культурами Анау в Туркестане, культурой Элама в Передней Азии и, наконец, с культурой Трипольской в России и Венгрии [1]).

Какие новые перспективы раскрываются о древнейшем культурном общении между самыми отдаленными народами и их миграциях, о чем раньше и думать не посмели бы! Какой авторитетный этнолог решился бы несколько лет тому назад заявить на торжественном заседании такого учреждения, как Лондонский Антропологический Институт, что в найденных на одном из Соломоновых о-вов, внутри страны, на территории, населенной самым примитивным населением, погребальных сооружений на подобие пирамид с заключенными в них мумиями, изготовленными на подобие египетских (с боковым разрезом для вынутия внутренностей), можно допустить диффузию египетских влияний! А между тем это заявление сделано одним из самых заслуженных и авторитетных этнологов, Ривер с ом.

Неудивительно, что у многих, даже очень солидных, ученых голова кружится и их толкает иногда на более, чем рискованные сближения. Этим своего рода массовым гипнозом только и можно объяснить появление таких работ, как Перри (Perry) и Эллиота (Elliot), с большим талантом и энтузиазмом доказывающих, что самые отдаленные культуры, в том числе американские, возникли под влиянием Египта, который, в период процветания своего мореходства, разослал по всему свету своих купцов и колонистов,—теории, которые под новой оболочкой повторяют старые, давным-давно отброшенные теории Гобино.

Как бы ни относиться к подобным экстравагантностям, но если к ним примыкают такие выдающиеся этнологи, как Ривер с, если о них дают сочувственные отзывы такие авторитетные органы, как лондонский „Folklore“, если под влиянием Эллиота создалась новая, так называемая манчестерская школа мифологии, это только доказывает,

---

[1]) Даже физиология как будто явилась на подмогу в этом направлении. Учение о роли органов внутренней секреции, над которыми теперь работают с таким усердием и успехом, привело к совершенно новым воззрениям на вопрос о причинах процесса расообразования. Если самые резкие расовые особенности, как окраска, рост, строение волос, корреляция частей тела, отличия в конфигурации очертаний лица, формы черепа зависят от малейших изменений в том или другом маленьком органе секреции, то достаточно, чтобы случайно происшедшее под влиянием внешней среды одно такое изменение сказалось на генах наследственности, и готова новая раса. С этой новой теорией, базирующей на неопровержимых ныне данных физиологии, окончательно падают недавние попытки возвращения к теориям полигенезиса. Видовое единство человечества стоит теперь более прочно, чем когда-либо.

что по истории древнейших миграций между континентами начинают накапливаться данные, имеющие значительную достоверность. Вот один из поразительных примеров.

Около года тому назад во французской Академии Надписей было сделано сообщение известного французского этнолога-американиста, Поля Риве (P. Rivet), который доказывает, что из 160 слов, общих всем мелано-полинезийским языкам, 140 в совершенно тождественной форме оказываются в языках группы племен Хока (Hoka) на тихоокеанском побережье С. Америки между 16° и 43° сев. широты, при чем целый ряд слов относится к самым основным понятиям, как огонь, вода, солнце, луна, дерево, части тела и т. д., к словам, очевидно, самого древнего происхождения. С другой стороны, такие же соответствия он нашел между словами, общими всем австралийским языкам, и языками патагонцев. Эти лингвистические совпадения сопровождаются столь же поразительными антропологическими и этнографическими. Целым рядом работ, начиная со старых исследований Катрфажа (Quatrefages) и Тен-Кате (H. ten Kate) и кончая работами самого Риве (1909) и Верно (Vernau) (1924), установлено что древние обитатели южной части Калифорнии, принадлежащие к упомянутой группе Нока, равно как и т. н. раса Lagoa-Santa в Южной Америке в остеологическом отношении представляют отчетливые черты тождественности с гипсостеноцефальной расой Меланезии, а Верно, кроме того, нашел платибрахицефальный тип среди патагонцев, характерно австралоидный. Особенно замечательно, что черты меланезополинезийского языка особенно хорошо сохранились в С. Америке, там, где и антропологический тип Меланезии сохранился в наиболее чистом виде, именно в Калифорнии.

Наконец, Риве видит дальнейшее подтверждение своей гипотезы в совпадении в обоих районах тождественных объектов культуры, на которые указывают Гребнер, Шмидт и Норденшильд, как, например, гамак, танцовальные маски, инструменты для изготовления тапы, узловое письмо, праща, палица в форме звезды, висячие мосты из лианы, головы-трофеи, панова флейта, сигнальный барабан, церемония potlache и т. д. Если, быть может, еще не настало время считать вопрос окончательно решенным, то, во всяком случае, мы стоим на верном пути, и каждый день может принести новые подтверждения. Тот же Риве два года тому назад открыл поразительное совпадение в одном из языков о-вов Пасхи с группой языков Южной Америки. Он не опубликовал еще этого открытия, продолжая пока дальнейшие поиски.

Еще один замечательный факт из этой области, крайне интересный и в методологическом отношении. Долгое время доисторическая трепанация и трепанация у современных первобытных народов не находила удовлетворительного объяснения. Д-р Д. И. Вёльфель (D. J. Wölfel) после детального изучения всех собранных фактов совершенно убедительно пришел к заключению, что трепанация производилась исключительно с лечебной целью, притом при ранениях, нанесенных исключительно ударными, но не колющими орудиями

(палицы, пращи). При сопоставлении районов распространения трепанации в Южной Америке, где найдено наибольшее количество трепанированных черепов, и в Океании оказывается, что эти районы совпадают как раз с районами палиц и, что особенно важно, что детали техники этой хирургической операции, равно как и целебные результаты этой операции совпадают в обоих районах пращей как военного оружия. Этот поразительный факт, если бы стоял совершенно одиноко, конечно, одинаково говорил бы и за возможность конвергенции и за миграцию, но в ряду целого ряда вышеуказанных совпадений, дающих право говорить о двух одинаковых культурных кругах, он является лишним подтверждением гипотезы Ривe.

Можно было бы, наконец, прибавить ко всем этим фактам еще один факт, открытый Вислером, именно, что океанийский способ жевания бетеля (в смешении с известкой) найден на западном берегу Южной Америки в применении к листьям кока.

Неудивительно после этого, что искания в области диффузии стали преобладающими в исследовательских работах современных этнологов.

Внешним показателем этой тенденции служит то, что без картографирования культурных институтов и культурных кругов не обходится ни одна более или менее серьезная работа. При этом картографируются не только наиболее резко выдающиеся институты, как форма жилища, виды орудий, материнский или отцовский строй, но и детальные разновидности каждого, даже второстепенного элемента. В небольшой, например, работе, Норденшильда „The Ethnography of South America seen from Mogos in Bolivia", дано тридцать карт диффузий, при чем на каждой карте по несколько элементов, так что в общем закартографировано до 100 элементов культуры. Но это только показная сторона работы, за нею скрываются методы, дающие часто серьезные результаты.

При всем том, несмотря на отдельные, иногда весьма поразительные результаты исканий фактов диффузий, работать в этом направлении необходимо с большой осторожностью. Пока что, ошибочных выводов по крайней мере не меньше, чем выводов достоверных. Как легко приходить к ошибочным выводам, применяя метод диффузии, показывает недавняя попытка известного американскаго этнолога Lowie сопоставить некоторые верования нового и старого света [1]).

Он исходил из следующего. Из двух примитивных идей о происхождении болезни, одной общераспространенной, именно идеи вторжения в тело постороннего объекта, и другой—пространственно-ограниченной—идеи о потере души, первая широко распространена как в Северной, так и в Южной Америке, вторая—ограничена только западной частью С. Америки. С другой стороны, эта последняя идея

---

1) On the historical connections between certain Old World and New World beliefs. (Congrès international des Américanistes. Compte rendu de la XXI session à Göteborg 1924, p.p. 547—549, 1925).

имеет широкое распространение и в С. Азии. Отсюда он заключил, что эта идея для С. Америки может считаться пришедшей в новейшее сравнительно время из С. Азии, точно так же как сложный лук, столь характерный для Азии, был перенесен в С. Америку, где он и распространен только в западной ее части. Так рассуждал он в 1923 году. Но оказалось, что идея о потере души во время болезни найдена и в Южной Америке, а идея вторжения известна и в С. Азии. Это заставило его притти к совершенно обратному заключению, что обе идеи одинаково древни и могут считаться общим наследием человечества до его рассеяния,—вывод чисто спекулятивный и, во всяком случае, не более убедительный, чем гипотеза о самостоятельном происхождении каждой из этих идей в самых различных местах.

Эта неудачная попытка талантливого ученого может служить хорошим предостережением против крайних увлечений в поисках диффузии. Впрочем, в данном случае имеем дело скорее со случайным lapsus'ом, ибо обычно Lowie, как и вся школа Боаса, работает в этой области другими методами. Эта школа, вместо искания отдаленных сближений, для которых еще не настало время, вместо работы экстенсивной, требует работы интенсивной, изучения диффузии в пределах ограниченной территории для того, чтобы познать динамику самого процесса диффузии, который вовсе не так прост, как это кажется диффузионистам. Работы в этом направлении показывают, что процесс диффузии отнюдь не простой процесс механического заимствования, а процесс динамический, процесс индивидуального усвоения одних элементов и отбрасывания или совершенно до неузнаваемости преобразования других. При этих условиях даже рядом живущие народности могут одни и те же институты иметь в совершенно различных формах, без всякого следа диффузии [1]).

Хороший пример этого рода, пример того, к каким неожиданным выводам может привести изучение диффузии деталей в ограниченном районе, представляет небольшая, но весьма показательная работа Р. Ф. Бенедикт (R. F. Benedict) „Об экстатических видениях у равнинных индейцев“ [2]).

Получение экстатических видений, которых каждый индеец добивается путем изоляции и умерщвления плоти с целью приобретения индивидуального духа-покровителя, считается характерной чертой решительно всех сев.-американских племен, и происхождение этого института приписывалось либо возникновению его в период до разделения индейцев на отдельные племена, либо диффузии его из одного общего центра. Между тем сопоставление деталей этого института у равнинных индейцев с таковым у окружающих их племен на востоке, западе, севере и юге, показало радикальные различия в самых существенных моментах. В то время, как у всех других окружающих

---

1) См. статью: Boas, „The Methods of Ethnology“, American Anthropologist, V. 22, № 4.

2) „The Vision in Plains Culture“, American Anthropologist, № 5, 1924 №, 1.

равнинных индейцев племен искание видения приурочивается исключительно к периоду достижения половой зрелости, у равнинных индейцев видений ищут исключительно в зрелом возрасте, юноши же получают своих духов-хранителей (guardian-spirits) от шаманов. И далее, в то время, как у других индейцев пост и изоляция являются средствами для получения видений, у равнинных индейцев употребляются методы жестоких самоистязаний, как подвешивание на веревках, продетых сквозь прорезы в теле, принесение в жертву солнцу пальца, кусков мяса собственного тела и т. п. Много и других коренных отличий, уже не говоря о том, что и внутри самой группы этих индейцев существует много радикальных вариаций. Все это доказывает, что вопрос о природе параллелизмов вовсе не так просто решается, как хочет школа Гребнера и Шмидта.

V

В заключение по поводу этого нового течения в этнологии нужно сказать:

1) Теории классической школы о возможности двоякого происхождения параллелизмов в культуре остались непоколебленными. Наиболее авторитетные и глубокие мыслители среди этнологов, как Лушан [1]) и Боас, продолжают стоять на прежней позиции, и даже самые горячие приверженцы метода диффузии, как покойный Риверс, допускали и допускают возможность спонтанейного происхождения параллелизмов.

2) Проблема диффузии и проблема параллелизмов — проблемы совершенно независимые друг от друга и не перекрещивающиеся. Диффузия культуры есть такой же несомненный факт, как миграции народов, и поиски в эту сторону—одна из основных задач этнологии, на которую ясно и определенно указал еще Тэйлор [2]). Эти поиски делались раньше и должны продолжаться и впредь, и, как это видно уже теперь, поиски эти расширяют перспективы древнейшей истории человечества. Но из этого не следует, что всякий параллелизм—обязательно результат диффузии и что всякое самостоятельное творчество

---

[1]) См. его замечательную работу: „Zusammenhänge und Konvergenz". Mittheil. d. Anthrop. Gesellschaft in Wien. V. 48, 1918.

[2]) „Дело этнографии,—говорил Тэйлор,—классифицировать отдельные явления так, чтобы выделить их распределение в географическом и историческом отношениях и их взаимные отношения. Для этнографии лук и стрелы — вид, обычай уродования черепа—вид и т. д. Географическое распределение этих явлений и их передача из одного района в другой должны изучаться, как натуралист изучает географию ботанических и зоологических видов. Точно так же, как некоторые растения и животные свойственны исключительно только известным странам, некоторые орудия, как, например, бумеранг в Австралии, те или другие обычаи, мифы, виды искусства и т. д. оказываются специально свойственными той или другой территории. И, наоборот, как отдаленные территории часто производят растения и животных, очень близких между собою, так точно отдаленные друг от друга народы имеют сходные предметы культуры и учреждения.

в культуре невозможно. Догмат Ратцеля об ограниченности человеческого сознания остается и теперь априорным и ничем не доказанным домыслом.

3) Точно так же новому течению не удалось опровергнуть существования процессов эволюции в творчестве культуры. Что не везде эти процессы происходили единообразно, что в эти процессы вмешивался и фактор заимствования, это признает и эволюционистская школа, но что в основных областях культуры красной нитью проходит и доказуема эволюционная тенденция, несмотря на все зигзаги движения,—факт, неподлежащий сомнению. Что не все вопросы этапов эволюции решены и не все решения окончательны, не говорит ничего против основного положения. Окончательных решений этапов эволюции нет еще и в биологических науках. Лучшим аргументом в пользу школы эволюционистов служит то, что сами антиэволюционисты стали изобретать этапы эволюции, дав им только новые названия этапов историко-культурных. И, к сожалению, их этапы, как, например, схемы Гребнера—Шмидта (первичная семья, отцовско-большесемейное общество, отцовско-экзогамное или тотемистическое общество, древне-материнское общество, новейшее материнское общество и т. п.)—частью тенденциозны, частью чисто спекулятивного характера.

4) Новому течению принадлежит будущее постольку, поскольку оно будет работать объективно путем детального изучения каждой культуры и перекрестной проверки своих выводов данными лингвистики, антропологии и археологии.

5) Необходимо помнить, как правильно указывает Боас в указанной выше статье, что 1) процесс заимствования—процесс аккультурации, процесс индивидуального преобразования и 2) что и на первобытных ступенях институты никогда не остаются стабильными, особенно на протяжении долгих периодов времени, и потому сопоставление институтов народов, удаленных друг от друга громадными пространствами и громадными периодами времени, как это делают Перри (Perry) и Эллиот (Elliot), приводит к поверхностным, ничем не обоснованным выводам. Работы ближайшего времени должны итти по линии интенсивного изучения диффузии на ограниченных территориях.

Наконец, воздавая должное работам в области диффузии, при всем том нельзя не указать и на крупную отрицательную роль, которую диффузионизм сыграл в судьбах этнологии за последнее время. Своим резко враждебным отношением к эволюционистской школе это течение отвлекло умы от широких и самых важных проблем этнологии. Прикрываясь якобы историческим методом, целый ряд этнологов, особенно в Америке, высокомерно отказывается от вопросов генезиса и развития культурных институтов, считая единственной задачей этнологии—классификацию явлений и путей их распространения. Но история культуры не есть только процесс распространения, но и процесс творчества и процесс закономерного развития. Диффузионизм направил этнологию по пути наименьшего сопротивления. Несомненно, что легче изучать отдельные явления культуры

и пути их распространения, чем открывать или даже искать законы их происхождения и развития.

Но наука не может, не рискуя изменить своему призванию, отказаться от важнейших своих задач только потому, что работы над ними трудны, что в поисках решений возможны ошибки и разочарования. Чем была бы этнология, если бы не те вехи, которые на пути культуры были установлены в свое время творцами классической школы? Ведь только этим вехам, раскрывшим широкие перспективы, этнология и обязана всеми своими успехами!

VI

Если в области вещественной культуры в центре стоит проблема диффузии, то в других областях культуры центральной проблемой является проблема первичного мышления. И здесь по всему фронту ведется атака против классической школы, главным образом в вопросах религии и культа.

Как известно, классическая школа выводила религию из анимизма, и происхождение анимистических идей она объясняла чисто рационалистически, как продукт разумного мышления. Это категорически в свое время формулировал Спенсер, говоря, что „первобытные идеи естественны и при тех условиях, когда они имеют место,—разумны... Законы мышления повсюду одни и те же, и заключение, выводимое первобытным человеком, есть разумное заключение из тех данных, которые ему известны". („Основы социологии", стр. 62, пер. Билибина, изд. 1898.)

Естественной предпосылкой этой теории, конечно, служило признание творческой роли инициативной личности. В этом смысле Тэйлор, например, определенно говорит о „философах" первобытных народов.

Первая атака антирационалистической критики была произведена против первичности анимизма.

Этой стадии верований предшествовала другая более ранняя, названная преанимизмом. В противоположность анамистической концепции о личных сверхестественных существах, живых и разумных деятелях природы, на преанимистической стадии, предполагалось, должна была существовать концепция о безличной сверхестественной силе, которая присуща—только в разной степени—всякому объекту природы, в том числе и человеку. Эта концепция, очень давно уже найденная у мелано-полинезийских народов (от которых вошел в употребление термин mana для обозначения безличной силы) и найденная сравнительно недавно у целого ряда других народов, легла в основу учения о преанимизме. Теория эта завоевала себе быстрый и широкий успех в значительной мере потому, что это, казалось, давало удовлетворительный ответ на вопрос о предшествующей анимизму стадии верований. И далее, в противоположность учению классической школы о разумном творчестве религиозных идей, приверженцами преани-

мизма была выдвинута теория творчества иррационального, механического. Под новой оболочкой была выдвинута старая теория Робертсона Смита (R. Smith) о ритуале, предшествующем верованиям и религии. Im Anfang war die That! Верованиям предшествовали действия, магические действия, а эти последние, в свою очередь, возникли из чисто импульсивных актов, в роде реакций детей на те или другие сильные эмоции. На основе этой практики возникла вера и в безличную сверхестественную силу человека, производящего магические действия. Таким образом, учение о mana слилось с учением об иррациональном происхождении магии и, следовательно, в дальнейшей стадии—и верований.

Эта теория, одновременно решающая вопрос и о происхождении религии и о характере первичного мышления, впервые была формулирована Маретттом в его „Threshhold of Religion“ и в настоящее время разделяется очень многими этнологами.

В действительности, в основе ее лежат две коренные ошибки. Прежде всего, совершенно бездоказательно принимается ею, что концепция о mana представляет собою нечто первичное. Уже лучший знаток Меланезии Кодрингтон (Codringthon), сорок лет проживший там, категорически утверждал, что mana и в человеке, и в объектах природы получается только от духов умерших людей, а недавно покойный Риверс в своей „History of Melanesian Society“, на основании своих археологических данных в Меланезии, показал, что предки нынешних меланезийцев имели изображения духов и, следовательно, были анимистами. Другой авторитетный исследователь, проживший много лет в Индонезии в качестве врача - этнографа, профессор Ньювенгуйз [1]), пришел к тому же выводу, что и магия и учение о mana выросли из анимизма, и к таким же выводам теперь пришел и Р. Карстен, проведший пять лет среди индейцев Южной Америки [2]).

Пишущий эти строки, в свою очередь, нашел очень близкое к mana представление, так называемое *кысь,* у исследованных им народов на Амуре, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что эта якобы безличная сила получается от умершего предка, главы дома. Несомненно, что, как ни соблазнительно найти в mana особую раннюю стадию религиозного мышления, перед лицом фактов теория эта остается чисто априорной.

Точно так же априорной является теория происхождения магических действий из импульсивных реакций, подобных реакциям детей, и отождествление религиозной психологии первобытного человека с психологией детской и даже с импульсивными актами взрослого цивилизованного человека ни на чем не основано.

---

[1]) A. W. Nieuwenhuis. „Die Wurzeln des Animismus“. Int. Arch. f. Ethnographie. Supplement B. XXIV. Его же. „Die Grundbegriffe d. Magie“ etc. в „Proceedings of the XXI Inf. Congress of Americanists“. Hague, 1924.

[2]) „The Preanimistic theory in the light of South American Beliefs“. C. R. de la XXI Session du Congrès Internat. des Américanistes, Göteborg, 1925.

Совершенно особую позицию в вопросе об анимизме и первичном мышлении первобытного человека заняла социологическая школа Дюркгейма (Durkheim). Исходя из того, что индивид вне общества ничего не творит, что индивид только функция общества (l'individe n'existe pas), что все идеи, в том числе такие, как категория времени и пространства, человек получает только из впечатлений от социальной среды, от общества, которое у малокультурных народов имеет исключительную власть над умами, Дюркгейм считает, что первичным, „сверхестественным" существом является само общество и его символ — тотем, а из этого последнего представления выработалось и учение о душе и все остальные анимистические идеи.

Если эта экстравагантная теория нашла себе мало сторонников, то огромный успех выпал на долю его сторонника профессора философии Леви Брюля (Lévy Bruhl). Его работа „Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures", 1912 г., вышедшая 3-м изданием и переведенная теперь на немецкий и английский языки, и другая — „La mentalité primitive", сейчас вышедшая 2-м изданием, — посвящены исключительно проблеме первобытного мышления.

В противоположность утверждению рационалистической школы, что первобытный человек мыслит по тем же логическим законам, что и человек цивилизации, Брюль, на основании разных примеров из идей примитивного человека, приходит к противоположному заключению, что примитивный способ мышления совершенно отличен от нашего. Он называет его до-логическим (prélogique). В основе его лежит так называемый им закон соучастия (loi de participation), состоящий в том, что каждый объект в одно и то же время может иметь несколько бытий, оставаясь самим собой, входить как часть в целое другого объекта или даже целого комплекса объектов.

Причину этого отсутствия логического мышления он видит в двух факторах: во-первых, в мистике примитивного человека, в восприятии окружающего, даже самого обыденного, как нечто таинственное, и во-вторых, в коллективных идеях, т.-е. в идеях окружающей социальной среды. Тут он идет еще дальше Дюркгейма в воззрениях на роль личности, ибо у него личность совершенно не творит никаких идей, даже до-логических. Идеи творит только коллектив. Вопрос же о том, каким образом образуются сами коллективные идеи, без участия личности, он оставляет без ответа. Не дал он ответа в первой своей работе и на самое серьезное из возможных возражений, именно, каким образом, не обладая аппаратом логического мышления, первобытный человек создал столько целесообразного, хотя бы в объектах материальной культуры. На это в своей второй работе он вынужден дать ответ, не вяжущийся с идеей prélogique, именно, что в этой области творчество происходит интуитивно (sic!), и при этом он не считает нужным уточнить того, что собственно он понимает под интуицией.

Помимо увлечения детерминизмом социологической школы Дюркгейма, успех теории Леви Брюля объясняется прежде всего

тем, что факты из мышления примитивного человека, приводимые Брюлем (напр., когда индеец Бразилии говорит, что он птица—ара, или австралиец считает себя в одно и то же время и человеком, и животным своего тотема и воплощением мифического предка и т. п.), действительно противоречат нашим логическим законам мышления. С другой стороны, стадия до-логического мышления многим представляется, как важное открытие нового звена в истории эволюции человеческого мышления. Особо ярые поклонники теории Брюля придают этому открытию такое значение, что даже в некоторых произведениях современного искусства, особенно в экспрессионизме, равно как в некоторых неврозах (схизофренизмах) они готовы видеть оживание филогенетического до-логического механизма мышления [1]).

Коренная ошибка Леви Брюля та же, что и ошибка преанимистов и mana'истов, именно в том, что он принимает приводимые им примеры до-логического мышления за факты первичные, совершенно не пытаясь даже искать происхождения их в фактах более простых и более ранних, из которых они, путем усложнения и синкретизма, могли выработаться, как это и произошло в действительности. Что касается мнимого мистицизма примитивного человека, то это только свидетельствует о книжном знакомстве автора с первобытным человеком, ибо в действительности, наоборот, этот последний не только не проникнут мистицизмом, но и действительно для него таинственное он принимает как обыденное, творя все, вне его самого существующее, даже богов своих, по образу и подобию своему. Книжностью объясняется утверждение Леви Брюля, что индивид в первобытном обществе ничего не творит, являясь только носителем идей общества. В действительности, как ни велика власть коллективных идей, в каждом таком обществе есть индивидуальности, творцы новых идей, изобретатели, вожди. Без творчества последних никакой прогресс общества был бы невозможен.

В одном несомненно прав Леви Брюль, что вопрос о первичном мышлении не настолько прост, чтобы его разрешить одной формулой о „разумности" и естественности примитивных идей или одним анимизмом. Гносеология, как и вся психика примитивного человека, так же сложна, если не более, чем те же комплексы цивилизованного человека; в процессах мышления и того, и другого участвуют и процессы рационалистические, и процессы бессознательные, и процессы автоматического мышления (Es denkt in uns), но из этого нельзя заключить, что интеллектуальный аппарат примитивного человека отличен от нашего, и тем более нельзя объяснять процесса мышления примитивнаго человека, как это делает Брюль, ничего не объясняющей формулой закона соучастия.

Насколько трудна эта проблема, видно из двойственной позиции,

---

[1]) Для примера: Walter Lurje. „Mystisches Denken, Geisteskrankheiten und moderne Kunst. Kleinere Schriften zur Seelenforschung". Herausg. von A. Kranfeld, Heft 4, Stuttgart, 1923.

которую занял в этом вопросе вождь германской позитивной психологии, автор „Психологии народов“ Вундт.

Яростный противник „интеллектуализма“ в этнографии, он почти повторяет Спенсера в вопросе о первичном мышлении, говоря, что „едва ли можно сомневаться, что, в пределах тесного окружающего его мира, разум первобытного человека не ниже разума культурного человека“. В то же время главную особенность примитивного человека Вундт видит, как и преанимисты, в аффективности, устраняя процесс искания причинности из этого основного элемента разумного творчества.

Но наличием аффективности, если и допустить ее преобладание в психике первобытного человека, последняя не исчерпывается, как не исчерпывается психика человека цивилизации одним рационалистическим элементом.

Во всех направлениях социолого-психологической школы, наряду со здоровым критицизмом, чувствуется оторванность от непосредственых наблюдений, кабинетность [1]).

И Дюркгейм, и Брюль, и Вундт, и Фиркандт (Vierkandt), и многие другие, близкие к ним, сами с первобытным человеком не сталкивались, и в этом их односторонность. Специалисты-психологи— участники известных английских экспедиций на о-ва Торресова пролива, в Индонезию, Африку, пришли к совершенно противоположным взглядам, чем Леви Брюль и его единомышленники. „Без всяких колебаний мы утверждаем, говорят Hose и McDougall что чем более интимно знакомятся с примитивными (pagan) племенами, тем более становится очевидным сходство их умственных процессов с нашими собственными“ [2]).

Правда, и основатели классической школы, Тэйлор и Спенсер, были лишь кабинетными учеными (поэтому, конечно, и они много погрешили по целому ряду вопросов), но их выручала новизна и свежесть проблемы, окрылявшая их проницательность и спасавшая их от односторонности в основном понимании психики первобытного человека.

Сейчас народилась ново-психологическая школа, подготовленная в вопросах психологии и богатая опытом в изучении первобытных народов, и от нее мы можем ждать, что она оплодотворит свой опыт критическими идеями социолого-психологического направления. В этом направлении работают многочисленные ученики Боаса в Америке и молодое поколение полевых этнологов с психологической подготов-

---

1) Вот характерный пример. В факте, что примитивный человек видит в своем товарище, пляшущем в маске, того духа, которого маска изображает, Вундт усматривает простой результат аффекта, произведенного видом страшной маски. В действительности, пляшущий, а за ним и зрители, под влиянием анимистических своих представлений, верят, что во время экстатической пляски в носителя маски вселяется дух. Зрители, таким образом, если и испытывают аффект, то, во всяком случае, не от вида маски.

2) „The Pagan Tribes of Borneo“, by Charles Hose and William McDougall, p. 222.

кой в Германии. Эта школа стоит на пути освобождения от крайностей, как детеропинизма старой социологии, так и односторонности интеллектуализма. Симптоматичным в этом отношении является нарождение нового журнала, посвященного этнической психологии и социологии, „Zeitschrift für Völkerpsycholgie und Sociologie", под редакцией известного этнографа, проф. Турнвальда.

Судя по характеру статей первого года, это новое направление стоит на верном пути. Оно правильно учитывает факторы геофизические, антропологические, социальной среды, и новейшие идеи психологии о роли бессознательного, но в то же время психику первобытного человека оно расценивает на основании фактов действительности и живых непосредственных наблюдений. Общество и личность устанавливается в правильной перспективе. В вводной статье самого редактора мы читаем: „В социологической литературе значению личности обыкновенно придается слишком мало значения (unterschätzt), как будто общество—это вещь сама по себе, а не единение живых индивидов". „Знания, идеи, воззрения, этика личностей, образующих общество и в действительности им руководящих, определяют своеобразие и характер общественной группы. И потому с ролью личностей, от взаимодействия которых общество растет, необходимо считаться", и далее: „Проблема жизненных процессов групп вращается вокруг двух основных факторов: 1) взаимодействия внутри обществ в результате общих переживаний входящих в нее масс и 2) ролью руководящих личностей".

Что касается воззрения на механизм мышления и воления, то он держится точки зрения Лихтенберже, Боаса и др. „Человек, говорит он, должен не только сказать: „во мне думается", но также — „во мне изображается, желается, действуется".

Это, конечно, относится одинаково и к первобытному человеку, и к человеку цивилизации, и автоматичность аппарата мышления не исключает ни у того, ни у другого участия фактора активно-сознательных процессов в мышлении и волении.

Для характеристики направления нового органа особенно показательна статья профессора Ньювенгуйза „Der primitive Mensch und seine Umwelt".

В этой статье заслуженный автор, на основании своего многолетнего изучения малайцев, дает прекрасные, конкретные методологические иллюстрации того, как, на основании изучения техники, искусства, религиозных обрядов и других институтов культуры, этнограф может научно изучать творчество и психику примитивного человека и роль личности в примитивном обществе. Любопытно, что выводы автора относительно мышления примитивного человека прямо противоположны точке зрения Леви Брюля. Прекрасным этюдом своим, который можно назвать опытом объективного изучения первобытной психики, автор возвращает нас к поучительным выводам прежних английских этнологических экспедиций, в которых, наряду с этнографами и антропологами, участвовали и специалисты-психологи. Эти

экспедиции дали нам целый ряд трудов (Charles Myers'a, Ch. Hose, McDougall'a и мн. других), на выводах которых безопасно можно базироваться в вопросе о психике первобытного человека и о роли личности. Этому важному вопросу, так упорно в последнее время затемненному в этнологии, теперь начинают уделять серьезное внимание. В этом отношении много сделано школой W. Schmidt'a, которая, при всей тенденциозности в других отношениях, в вопросах о роли личности заняла правильную и твердую позицию. Симптоматично, что начинают появляться и монографии по этому вопросу даже по отдельным территориям и народностям, как, например, работа: Beck W. „Das Individuum bei den Australiern". Leipzig, 1925.

VI

Совершенно особо стоит новое течение в этнологии, представленное школой знаменитого основателя психо-анализа, Зигмунда Фрейда (Freud). Увлеченные своими успехами в области психиатрии и новыми идеями, внесенными ими в психологические дисциплины, Фрейд и его ученики в течение последних лет пытаются применить свои выводы психо-анализа ко всем проблемам этнологии. Самые трудные вопросы этой науки, как генезис религии, магии, мифологии, семейной эволюции, они, без всяких колебаний и сомнений, решают на основании считаемых ими неопровержимыми догматов психо-анализа. Они идут еще дальше. По тому же методу они решают проблемы общества, этики, искусства, социальной психологии. Сейчас накопилась огромная литература по этим вопросам и им, кроме того, посвящен особый журнал „Imago". На русский язык переведены почти все главнейшие работы этой школы.

Среди широких кругов неспециалистов – эти теории пользуются совершенно исключительным успехом.

Что касается специалистов-этнологов, то такие выдающиеся представители этнологии, как Боас, Прейс, Анкерман (Ankermann) Кребер (Kroeber) и многие другие, отнеслись совершенно отрицательно к этим теориям, не входя, впрочем, в оценку заслуги этой школы в области чистой психологии. Но и среди этнологов, особенно в Англии, школа эта имеет, по крайней мере в области этнической психологии, некоторых горячих приверженцев. Достаточно назвать имена Риверса и Зелигмана. Последний в своей президентской речи на годовом собрании Лондонского Антропологического института выразился о Фрейде и его школе, что в области психологии они оказали наибольшее влияние на современную мысль, и всю свою речь, посвященную важнейшим вопросам этнической психологии, построил на теории одного из учеников Фрейда, Юнга, о характерах. Покойный Риверс теорию сновидений Фрейда пытался применить к важнейшим проблемам первобытной культуры (см. его работу „Dreams and Primitive Culture)". Но и эти ученые отнюдь не принимают этнологических теорий фрейдовской школы целиком, ограничиваясь психологическими проблемами.

Оставляя в стороне вопрос о заслугах фрейдовской школы в области психологии, приходится самым категорическим образом предостеречь молодое поколение этнографов от увлечения теориями этой школы в области этнологии. Причина успеха фрейдизма в этой области, помимо импонирования блестящими открытиями в области психо-анализа, в ее монистическом подходе к решению вопросов и соблазнительной простоте этого решения. Но простота эта основана на целом ряде ошибочных предпосылок, уже не говоря о поверхностном знании данных этнографии.

Прежде всего нужно иметь в виду, что и основные принципы психо-анализа — амбивалентное отношение сына к отцу, вызываемое инфантильной сексуальностью, любовью к матери, и перенесение этой амбивалентности на животных и всяких других существ [1]), отнюдь не могут считаться окончательно доказанными даже с точки зрения психиатрии.

А в самое последнее время этой теории нанесен самый решительный, хотя и невольный удар [2]) дружеской рукой последователя Фрейда, этнолога Малиновского.

Этот последний, интимно изучивший жизнь тробриандцев, у которых физиологическое родство с отцом неизвестно и строй семьи у которых материнский, утверждает, что у них вместо любви к матери и ненависти к отцу, имеется любовь к сестре и ненависть к брату матери или, выражаясь его языком „желание жениться на сестре и убить брата матери". Так ли оно или нет, но эдипова комплекса, на котором всю свою теорию экзогамии и тотемизма строит Фрейд, Малиновский у тробриандцев, как у многих других народов с материнской семьей, не нашел, а ему, как последователю Фрейда, в этом пункте безусловно можно верить. А раз эдипов комплекс отнюдь не универсальное явление, а, по уверению Малиновского, продукт только патриархального строя, то и все стройное здание фрейдизма разом рушится. Впрочем, и до Малиновского это было ясно, ибо эдипов комплекс встречается только в средиземноморском цикле, и нигде более, и, что особенно важно, ни у кого из первобытных народов он не констатирован. А между тем на этом мифе строится Фрейдом не только вся теория брака, но и теория мифологии, этики и т. д. Что касается того, как Фрейд аргументирует данными этнографии, достаточно одного примера. Комплексом Эдипа Фрейд, следуя Аткинсону (Atkinson), объясняет целый ряд табу, как запрет разговора между братом и сестрой, тещей и зятем и т. д., а между тем самого основного табу, который логически вытекает из этого комплекса, именно табу между сыном и матерью, нигде не найдено. Не при-

---

[1]) Фрейд в своей последней работе „Die Teufelneuroze im 17 Jahrhundert", Wien, 1924 — даже в культе сатаны видит результат „перенесения" амбивалентности к отцу на дьявола. Вообще же, по его мнению, демоны — продукт вытесненных дурных желаний.

[2]) B. Malinowski. „Mutterechtliche Familie und Oedipus-complex Imago". B. X. Heft 2 — 3. 1924.

ходится опровергать и другого основного аргумента Фрейда — аткинсоновской теории о первичной форме семьи, состоявшей будто бы из старшего самца монополизировавшаго всех женщин и изгнавшаго все мужское потомство, — теории, не подтверждаемой даже данными зоологии.

Самая опасная сторона в теории Фрейда для этнологии — как я сказал—в ее соблазнительной простоте решения вопросов, в упрощенном способе объяснять этнологические факты единой психологической формулой вместо тщательного анализа фактов. Для примера укажу на фрейдовский принцип амбивалентности человеческой психики, вытекающий из двойственного отношения к отцу — одновременно любовного и ненавистнического. Эта формула, сомнительная сама по себе, соблазнила известного этнолога Кребера, который в общем совершенно отрицательно относится к этнологическим теориям Фрейда, принять эту формулу для объяснения двойственного отношения первобытного человека ко всем видам табу и в особенности для освещения (illumination) странного двойственного отношения к покойнику (любовь в соединении со страхом [1]).

Между тем в действительности не все табу амбивалентны, и амбивалентность в различного рода табу в отдельных случаях находит себе совсем различные объяснения. Что касается двойственного отношения к покойнику, то и оно отнюдь не универсальное явление, и у различных народов находит различное объяснение. Достаточно указать на то, что у многих народов страх испытывается не к личности покойника, а к злому духу, причинившему смерть и продолжающему обитать в теле покойного, так что любовь и страх в этом случае относятся к разным лицам, а не к одному лицу покойника.

Другая опасная сторона в теориях фрейдовской школы в применении к этнологии — это тенденция по данным психиатрии строить психику нормального человека, и в особенности первобытного, как невротика par excellence. Так, один из учеников Фрейда, Юнг, на основании двух совершенно различных проявлений психики у больных истерией и больных dementia praecox, определяя одних, как типы соответственно экстравертные и интравертные, находит, что и нормальные люди различаются в своих характерах по тем же признакам экстра- и интравертности. Еще до Юнга Джемс (James) различал среди мыслителей подобные два типа, один—интравертный, склонный более к абстрактному мышлению, это рационалисты по преимуществу, другие — экстравертные, интересы которых не к системам, не к принципам, а к миру реальному, типы позитивистов и эмпириков.

Юнг положил эту классификацию в основу своей характерологии и подвел ее под общее фрейдовское учение о Libido. Эту-то теорию такой опытный антрополог, как Зелигман, соблазнился положить в основу классификации психологии и культурного твор-

---

[1]) См. его рецензию на „Taboo and Totem“ в „Americ. Anthropologist“ 1920, v. 22. № 1.

чества не только у первобытных народов, но и народов цивилизованных, считая таким образом, что культурное творчество каждого народа есть нечто неизменное, зависящее от экстра-или интравертности его характера, определяемого, в свою очередь, его антропологическим habitus'ом. Легко понять, к каким ошибкам такая теория приводит. Метод этот неизбежно исключает все факторы творчества культуры, кроме факторов антропологических, уже не говоря о том, что применение этого метода неизбежно приводит к смешению понятий раса и народ. В сущности это—возвращение к давно отвергнутым теориям Гобино и Ляпужа, которые, помимо их научной несостоятельности, не мало содействовали распространению расовых и национальных предрассудков и антагонизмов.

Отвергая огульное применение психики невротиков к психике нормального человека, этнология отнюдь не отрицает, разумеется, крупной роли патологического элемента в духовном творчестве культуры, в области религии и мифологии.

Роль патологического мышления давно правильно оценена в этнологии, но патологическое мышление никогда не признавалось основной особенностью человеческой психики. Все, что этнология признает в этом отношении, сводится к тому, что на ранних ступенях культуры переживания невротиков (галлюцинации, феномены раздвоения личности, болезненные фантазии) принимаются окружающими, как явления нормальные, а не болезненные, и расцениваются, как феномены реальные и даже особенно ценные, и на этом основании строятся уже чисто логическим путем религиозные концепции. Такую же роль играли и сны в творчестве идей и представлений. Психо-анализ в этом отношении не дал ничего нового, но зато от себя внес новый элемент — именно, что невротическое мышление и сновидения, коренящиеся в инфантильной сексуальности — являются коренным, если не единственным фактором в истории социальной и духовной культуры.

При всем том нужно признать, что фрейдизм, поскольку он является новым методом в психологии, вносит свежую струю и в этнологию.

Можно не соглашаться с исключительной ролью Libido и особенно с инфантильной сексуальностью, но с ролью фактора бессознательного, ролью вытесненных представлений этнологу считаться необходимо. Точно так же, как ни экстравагантна теория сновидений и в особенности символика сновидений, но в ней есть много верного, и теория мифологии игнорировать фрейдизма не должна. Нужно только помнить, что этнология, как всякая дисциплина, должна прежде всего базироваться на тщательном изучении собственного материала и на собственном методе, методы же родственных дисциплин являются для нее лишь методами субсидиарными, методами самоконтроля. При таком отношении, искания фрейдизма, как стимулирующий фактор для научного творчества и научных исканий, можно только приветствовать.

VI

Мы рассмотрели главнейшие успехи и течения этнологической мысли на Западе. Мы видели, что ни война, ни экономическая и политическая разруха не ослабили ни энергии в полевой работе, ни работы теоретической мысли. Наоборот, смелые этнографические предприятия, смелые искания и дерзновения в области теоретической свидетельствуют о новом подъеме и энтузиазме. Односторонности и в некоторых случаях крайности увлечения, которые мы отметили, нисколько не умаляют серьезности их значения для роста науки. Они свидетельствуют о творческой жизненности этнологии, о непрекращающейся работе мысли, о непрерывном искании научной истины, того именно, что составляет сердце и душу всякой науки. Острота увлечения уляжется, но новые подходы, новые методы, критический пересмотр старых теорий сделает свое дело. Единственный отрицательный момент, отмеченный нами, именно—пренебрежение в некоторых кругах, особенно американских, к общим проблемам генезиса и эволюции культурных институтов, можно считать моментом переходным, вызванным генеральным пересмотром старых теорий, моментом, за которым неизбежно придет новая волна энтузиазма к общим проблемам, без чего простая классификация фактов приведет только к разочарованию и упадку научного творчества.

Совершенно независимо от западных влияний этот же энтузиазм, живой интерес к этнографическим, антропологическим и археологическим исследованиям можно констатировать и у нас. Несмотря на совершенно исключительную экономическую разруху, не прекращались ни экспедиции, ни рост этнографических музеев, ни отдельных местных исследований. Этнография не только стала предметом преподавания, но организован был особый этнографический факультет сначала в Ленинграде (при Географическом Институте) и по его образцу такой же в Москве. Учреждена Академия Истории Материальной Культуры, ставящая себе, наряду с археологической, и этнологические задачи. Организовался особый Яфетический Институт, вовлекший в свои работы этнографическую лингвистику и разрабатывающий проблему палеонтологии языка, тесно связанную с основными вопросами этнологии. Выросла огромная сеть краеведческих организаций. Новообразовавшиеся автономные республики, под влиянием национального подъема, ревностно взялись за изучение родного языка и культуры.

Изучение человека признано одной из настоятельнейших потребностей государственной жизни. И сейчас, когда экономическая жизнь начинает входить в норму, во всех частях нашей обширной страны начинается работа по систематическому ее изучению не только в хозяйственном, но и в этнографическом отношении. Симптоматичным является массовое обращение различных областей и республик к Всесоюзной Академии Наук об организации и руководстве исследовательскими экспедициями. Это свидетельствует об осознании необходимости

научной постановки дела и вместе с тем служит гарантией серьезных научных успехов начинающихся исследовательских предприятий. Но, быть может, самым утешительным симптомом служит подъем интереса к этнографии среди молодежи, которая устремилась на этнографические отделения и факультеты, где и выработаются вполне подготовленные научные работники в области этнографии.

К сожалению, приходится констатировать, что этнографические работы ведутся у нас крайне экстенсивно и порой людьми мало подготовленными. До сих пор еще у нас не осознано, что для этнографа необходимо знание языка изучаемого народа и стационарное изучение.

Вместо этого у нас довольствуются кратковременными летними экскурсиями и беглыми наездами, и хотя привозится часто ценный вещественный материал, но материал научно остается не освещенным. Пора также радикально изменить самый характер наших этнографических работ. Необходимо ввести прежде всего планомерность и координированность в работе. Должен быть создан представительный орган исследовательских учреждений, который концентрировал бы работу в наиболее важных районах и объединил бы наличные силы, которые теперь работают вразброд в одних и тех же районах. Необходимо перейти от экстенсивной к интенсивной работе. Экстенсивный характер наших работ привел к тому, что почти ни об одной народности даже Европейской России, у нас нет капитальной этнографической работы. Но для этого нужны подготовленные работники. К созданию кадров таких работников прежде всего необходимо приложить все усилия.

Тормозом к серьезной этнографической работе служит и полная разобщенность этнографических работников. За последние десять лет не было ни одного этнографического съезда, между тем такие съезды должны бы быть периодическими, по крайне мере каждые два года. И как это ни странно, до сих пор, несмотря на обилие всяких других исследовательских институтов, нет ни одного института этнологического. В таком институте тем более чувствуется потребность, что теоретические проблемы у нас совершенно не разрабатываются, и это, конечно, отражается и на характере этнографических работ, для которых необходим широкий теоретический кругозор. Кое-какие попытки к пробуждению интереса к теоретическим вопросам и разработке их делаются. Но отдельные маленькие организации, конечно, не могут заменить специального института для разработки указанных проблем, важных не только для этнологии, но и для целого ряда дисциплин, как психология, лингвистика и социология.

Наконец, необходимо упомянуть еще об одном тормозе для роста этнографии в нашей стране, это отсутствие издательского фонда для этнографических исследований. Периодического органа для этого не достаточно, ибо для издания огромного накопившегося сырого материала необходимы специальные и притом значительные средства.

Будем надеяться, что в ближайшем будущем насущные нужды этнографии — а государственное ее значение у нас вполне сознано — будет удовлетворено в полной мере.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ БЫТА ДЕРЕВНИ СССР.

Д. А. Золотарев (Ленинград).

Изучение быта деревенского населения, чем занимались раньше преимущественно этнографы, в настоящее время стало привлекать внимание самых широких общественных кругов. Поскольку государственная власть признала особое значение деревни в жизни нашей страны, в поднятии хозяйства и обновлении государственного механизма, постольку она крайне заинтересована в том, чтобы обладать исчерпывающими и объективными данными о состоянии деревни, ее быта и хозяйства. Понятно, что успех главнейших государственных мероприятий, обусловленный степенью понимания насущных потребностей населения, зависит от того, насколько хорошо знакомы условия существования, нужды деревни и реальные возможности их осуществления. Тем более познание быта должно предшествовать успешному переустройству быта.

Недаром за последние годы в связи с лозунгом „лицом к деревне" исключительное внимание уделено изучению деревни, а в связи с национальной политикой проявлен особый интерес к ознакомлению с культурой национальных меньшинств нашего многоплеменного Союза, объединяющего около 190 народностей.

Мы присутствуем при целом движении, направленном на то, чтобы познать особенности бытия внегородского населения в целях воздействия на его сознание и в целях изменения уклада жизни деревни.

Этот практический жизненный интерес как нельзя лучше сочетается с научным интересом, особенно остро ощущаемым в настоящее время. Если этнографы в силу своего призвания всегда направляли интерес в деревенскую среду, хранительницу подлинных этнографических традиций, то в момент исключительного перелома в народной жизни, после мировой войны и революции, их внимание тем более устремлено в живую лабораторию, творящую новые формы жизни.

События последнего десятилетия, всколыхнувшие до глубины народные толщи, не создав еще нового быта, провели определенную грань между дореволюционной и современной обстановкой жизни и в разных концах СССР различно изменили деревенский уклад жизни.

Небывало мощные факторы, в различной степени влияя на необъятном пространстве многогранного и пестрого в бытовом отношении государства, представили исключительную возможность наблюдать необыкновенно интересные процессы в жизни народной.

Быстрая смена старых и появление новых форм быта, приспособление населения к новой государственности, новой господствующей идеологии, переживание и устойчивость некоторых старых бытовых особенностей дают возможность судить о том, что в обстановке дореволюционной жизни нельзя или трудно было наблюдать и заметить. Наблюдение современного быта, меняющегося точно также очень быстро, и изучение тех бытовых явлений, которые вымирают безвозвратно или принимают совершенно иную форму, представляют чрезвычайный интерес.

Этот интерес, практический и научный, и объясняет то, что все больше и больше появляется заметок, статей, книг и отдельных работ по вопросам изучения деревни. Жизнь и наука требуют дать ответы на вопросы, неразрывно связанные с бытом деревни. Необходимо, поспевая за быстро текущей жизнью, внимательно и напряженно собрать и изучить все, что отражает народные потребности, творчество, искусство и навыки, все, что облегчает понимание народной жизни и тем содействует ее улучшению.

Вот почему, сопоставляя то, что необходимо сделать, с тем, что делается, приходится сказать, как мало появляющаяся литература отражает и удовлетворяет указанную потребность. Целый ряд изданий, особенно таких, как работы Я. Яковлева, Комиссии при СНК СССР по изучению современной деревни, представляют исключительный интерес, но их внимание направлено преимущественно, а иногда исключительно на экономику. Вопросы быта, даже хозяйственного быта, вопросы домашних занятий, обычного, часто самодельного инвентаря, вопросы гигиены, жилищного строительства, обычаи, духовные переживания, народное творчество очень мало затрагиваются в литературе или слишком поверхностно трактуются. Положим, это и понятно, так как эти вопросы требуют, чтобы и к ним подошли так же, как и к экономическим явлениям, с надлежащей подготовленностью и методом. Они требуют не только попутного наблюдения, но специального изучения.

С другой стороны, эти области народной жизни менее освещены, так как на них меньше обращалось внимания. Мало того, многие даже до сих пор значения их не дооценивают.

Не останавливаясь на суждениях о том, что теперь не время заниматься этнографией, основанных на недоразумении и объясняющихся непониманием задач этнографии, до сих пор отожествляемой лишь с записыванием песен, сказок и т. д., должны сказать, что именно теперь только этнографы могут дать ответы на самые животрепещущие вопросы, связанные с государственным строительством, базирующимся на свободном союзе многочисленных этнографических групп населения. Да и в среде самых крупных по численности народностей СССР только исследователь-этнограф способен собрать и понять данные о быте, потребностях и способностях населения, о народных традициях, о тех корнях, на которых вырастает народная жизнь.

Народный быт, слагаясь веками, необычайно устойчив. Мы не-

редко наталкиваемся на сохранение уклада жизни, сильно расходящегося не только с современными вглядами и идеологией, но даже с считавшимися господствующими в дореволюционное время, а пережи-вания дохристианского времени даже в населении центральной России встречаем постоянно. Недаром в связи с вопросами о новом быте руководители нашей общественности тт. Ленин, Троцкий, Рыков, Калинин, Каменев, Зиновьев и др. неоднократно указывали на то, какое громадное значение имеет изучение народного, крестьянского и рабочего быта для государственного строительства. Поэтому не только с точки зрения специально научной, но и практической представляется необходимым к делу изучения быта деревни отнестись как к делу государственного значения и организовать систематическую работу в данном отношении.

При быстром изменении уклада жизни крайне важно произвести одновременные исследования в разных республиках, в разных экономических, климатических, религиозных и этнических условиях. Важно получить картину быта населения всего Союза. Поэтому, чрезвычайно было бы целесообразно осуществить параллельно переписи 1926 года этнографическую и антропологическую съемку, взяв в каждой республике, области или губернии хотя бы очень небольшое количество селений и изучив их быт. Работа в течение 2—3 лет дала бы значительные результаты, закрепила бы в материалах состояние деревни революционной эпохи и дала бы дополнительно к демографической переписи исключительный материал, очень ценный и для практических целей государственной власти.

Признание ценности этой задачи может быть порукой того, что она реально осуществима. Наличие нескольких центральных исследовательских учреждений, громадного количества краеведческих учреждений, самодеятельность национальных объединений, впервые призванных жизнью к самостоятельной творческой деятельности, при взаимном согласии и добром желании, могут обеспечить успех работы. Опыт таких учреждений, как Академия Наук, Р. Географическое Общество, Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, центральные этнографические музеи в Ленинграде и Москве, Российская Академия Истории Материальной Культуры, Этнографический факультет б. Географического Института, работы Украинской Академии Наук, целого ряда научных обществ и музеев на местах говорят за то, что специалисты этнографы могут выполнить работу в плановом и срочном порядке, если это потребуется и если им будут предоставлены материальные возможности. На это приходится указывать, потому что в настоящее время мы наблюдаем, с одной стороны, то, что пытаются вести исследовательскую работу учреждения и лица, по самому своему существу чуждые подобной работе, с другой—специальные исследовательские учреждения и квалифицированные этнографы далеко не всегда могут приложить в полной мере свои знания, опыт и интерес в силу недостатка средств на исследовательскую работу. А между тем, зна-

комство с выполняемой работой говорит, насколько она слаба, а главное, разрозненна. При этом, результаты научно-исследовательской работы почти не публикуются или печатаются в извлечениях, в силу чего мы не имеем возможности не только использовать материалы, но и опыт, благодаря которому не пришлось бы повторять ошибок, делающихся сплошь и рядом начинающими работу. Не давая обзора выполняемой за последние годы работы, — что „Этнография" будет делать по мере сил, — остановлюсь лишь на указании тех организационных форм, в которые выливается работа за последние годы.

1. Экспедиции. Не говоря об отдельных командировках и экскурсиях, осуществляемых различными учреждениями и лицами, необходимо отметить несколько видов экспедиций, отличающихся друг от друга как по типу организующих их учреждений, так и по задачам. Наряду с экспедициями центральных учреждений в отдаленные мало изученные места, получили распространение экспедиции центральных и местных исследовательских учреждений в целях специально бытового, фольклорного или антропологического изучения. Особый интерес представляют попытки организации комплексных экспедиций, осуществляемых центральными учреждениями при участии местных сил и работающих в течение ряда лет на сравнительно небольшой территории, стремясь вести работу не только экскурсируя, но и стационарно. В данном отношении заслуживают внимания работы Северно-Кавказской, Верхне-Волжской Экспедиций Академии Истории Материальной Культуры и подобных экспедиций. Являясь наиболее целесообразной формой исследовательской работы, особенно в местностях более или менее знакомых и близких, такие экспедиции в настоящее время терпят неудачу, на которую необходимо обратить внимание. В основе организации заложены трудности, преодолеть которые очень не легко. Прежде всего не всегда удается сочетать интересы специалистов антропологов, этнографов, лингвистов, археологов и историков, необходимых для участия в комплексной экспедиции. Еще более трудно согласовать интересы различных учреждений, неизбежно привлекаемых к работе. При благоприятных персональных условиях эти трудности устраняются. Несравненно сложнее дело согласования интересов центральных учреждений с местными. Неравенство средств, сил и времени для работы, вопросы распределения материалов, обработки их и печатания создают неизбежно почву для недоразумений в наших условиях работы. Особенно вредит делу ненормальное положение центральных исследовательских учреждений, обладающих силами, но не имеющих достаточных средств. Экспедиции принуждены опираться на средства местных учреждений, а материалы увозить для обработки, а часто и хранения в центр. При этом, не имея возможности напечатать, а иногда и обработать материал, экспедиции попадают в положение, при котором немыслимо, не вызывая нареканий на местах, продолжать работу. Таким образом, если данная форма исследовательской работы является наиболее желательной, так как помимо материалов, собираемых специалистами, она дает опыт и метод местным

начинающим работникам и оставляет на местах интерес к работе и возможность продолжать дело самостоятельно, то указанные ненормальности, ослабляющие значение ее, должны быть устранены.

Несравненно легче и доступнее местные экспедиции, дающие при наличности подготовленных работников прекрасные результаты. Опыты Саратовской и Костромской губерний говорят сами за себя. К сожалению, и тут от средств и энергии одного-двух лиц зависит судьба работы. Нередко очень успешно начатая работа прерывается.

2. Изучение одной деревни в целях монографического описания. Попыток подобных работ было предпринято немало в Московской, Самарской, Новгородской и др. губ. Следует выделить такие работы, как работы московских агрономов—В. И. Алексеева „Опыт монографического описания дер. Курово, Дмитровского у." и К. К. Дысского „Опыт монографического описания дер. Бурцево, Волоколамского у.," а также работу М. Я. Феноменова „Современная деревня" (дер. Гадыши, Валдайского у., Новгородской губ.). При этом нельзя не отметить, что и они очень слабо отражают этнографические особенности деревни. Даже работа исключительной ценности—„Деревня Гадыши"—в бытовом отношении характеризована недостаточно полно, не говоря об отсутствии антропологических данных. Эти недостатки нельзя ставить в вину авторам, которые при любовном и добросовестном отношении к делу не могли охватить всех сторон жизни деревни. Это лишь указывает на необходимость коллективной работы и при данной форме исследования.

3. Обследование волости. Эта форма работы очень широко распространилась в связи с заданиями партийных учреждений и несомненно будет иметь большое значение. Некоторые краеведческие организации применяли ее уже давно. Требуя много сил, времени и эрудиции, подобная работа может дать прекрасные и полезные результаты. К сожалению, даже лучшие работы не охватывают всех сторон жизни волости, интересующие этнографов и антропологов. Выдающиеся работы о Никольской волости Курской губ., работа Ф. Кретова об Яропольецкой вол. и др. представляют исключительный интерес, но там недостает этнографической характеристики. Насколько выиграли бы мы, если бы подобные работы были дополнены подробными данными о быте. Насколько бы тверже и убедительнее были основные выводы и какой большой не только научный, но практический интерес имели бы поволостные монографии, охватывающие одновременно статистико-экономическую, общественно-политическую, антропологогигиеническую и этнографическую стороны одной нераздельной жизни деревни. На этот путь необходимо стать и при участии соответственных специалистов осуществить ряд обследований волостей.

4. Этнологическая станция. Поскольку определенно выяснилась необходимость вести стационарную этнографическую работу, изо дня в день накопляя и обрабатывая систематически собираемые

материалы, стали возникать такие исследовательские очаги на местах, в губернских городах или даже селах. Опыт Костромской Этнологической станции, существующей несколько лет, проект создания пяти станций Этнографического Отдела Г. Русского Музея говорят о том, что данная форма, подсказываемая жизнью, вполне своевременна и практична.

5. Учебно-исследовательские экскурсии. Нет надобности доказывать значение данной формы работы. Помимо учебно-практического и методического значения, работа учащихся может дать очень большие результаты при умелом руководстве и отказе от тенденциозности в выборе материала. Особенно практично использовать молодежь, вышедшую из деревенской среды, и молодежь национальных меньшинств. Работа в знакомой и родной среде, как указывает опыт, дает прекрасные результаты и избавляет от ошибок, получающихся при мимолетных наблюдениях постороннего человека.

6. Выставки. За последние годы, особенно в связи с бедностью печатных материалов, этнологические выставки исследовательского или только отчетного типа, устраиваемые этнографическими музеями, Академией Истории Материальной Культуры, научными обществами, получили распространение и приобрели большое значение. Мало того, выставки прикладные, сельскохозяйственные, кустарные, рыболовства и т. д. дали возможность выявить соответственные материалы, освещающие отдельные стороны деревенской жизни. Значение их усиливалось в зависимости от того, насколько серьезно шла подготовка к выставке и обработке имеющихся материалов и насколько экспозиционная работа связывалась с исследовательской и завершалась печатными работами и докладами. Выставки в таких случаях были стимулом к работе, собиранию и осмысливанию новых материалов, дали определенные результаты и обогатили музейные собрания.

7. Анкетные обследования. Анкетные обследования предпринимаются как центральными, так и местными учреждениями. Если и раньше анкеты давали скромные результаты, то в настоящее время, когда мы злоупотребляем анкетами, прибегая к ним чрезмерно в повседневной жизни, они дают очень мало. С большим успехом проходят специальные анкеты на определенную узкую тему. Так, анкета Костромского научного общества по культу в связи с земледелием дала прекрасные результаты.

8. Школьные работы. В общей сумме работы нельзя не отметить участие школы в собирании материалов. Не ставя себе задачей сделать учеников специалистами-исследователями, школа, идя своим путем, может дать и дает ценные и для исследователя материалы. Опыты, делаемые в разных местах, иногда давали поразительные результаты. Конечно, немало делается ошибок и с педагогической и с научной точки зрения, но в массовой работе это неизбежно и не должно пугать. Надо лишь помочь указаниями и поде-

литься опытом, а не отказываться от работы в данном направлении вообще. Прежде всего, не следует давать непосильной работы для школьников.

Все перечисленные формы этнографической работы, не говоря о специально исследовательской и музейной деятельности, существуют в Республике, сочетаясь, чередуясь или видоизменяясь сообразно обстоятельствам. Правильно организованная работа в любой форме даст желательные результаты, но я бы выделил как наиболее ценные для настоящего времени работу местных этнологических станций (институтов, кабинетов), комплексных исследовательских экспедиций и осуществление монографий отдельных типичных селений различных народностей и своеобразных территорий СССР. На них необходимо обратить особое внимание и всемерно способствовать их организации и планомерному проведению в жизнь.

Если разнообразны формы работы, то еще более разнообразны методы и программы исследований. Можно определенно сказать, что разрозненность, несогласованность в работе, недостаток взаимной осведомленности об опытах и результатах работы при скудости материальных средств и бедности квалифицированных сил являются основными недостатками общей работы.

Устранить эти недостатки не легко, но стремиться это сделать необходимо.

В данном отношении исключительное значение имеет факт признания изучения населения СССР во всем его многообразии племенных, бытовых и хозяйственных особенностей, как основной производительной силы страны, что сделала первая конференция по изучению производительных сил СССР, созванная Государственной Плановой Комиссией (Госплан). Это завоевание научной мысли, нашедшее признание центрального государственного планирующего органа, должно найти практическое отражение в деятельности отдельных ведомств и учреждений. Поскольку оно находит отражение, постольку создается основа для устранения главнейших недостатков.

Опираясь на указанное признание государственной важности нашей работы, необходимо всем работающим в области изучения населения признать равноценность различных сторон жизни населения и включать в планы обследований, не говоря о специально статистико-экономических обследованиях, такие вопросы, как: национальный состав населения изучаемой территории, особенности физической природы и состояния здоровья населения, хозяйственный быт, занятия, народная техника и инвентарь в различных областях хозяйственно-промысловой деятельности, способы удовлетворения насущных потребностей (пища, одежда, жилище, труд, отдых, культурные запросы населения), семейная и общественная жизнь, воспитание детей; нравы, обычаи, верования; народная медицина, образование, искусство; язык и народное творчество; изменения в народной жизни за последние годы; появление новых бытовых форм жизни и т. д. На основе подобного круга вопросов должны быть разработаны программы примени-

тельно к каждой народности и обособленной территории, исходя из наличности своеобразных местных особенностей. Только при таком условии, с одной стороны, можно получить материал по основным вопросам народного быта СССР, с другой стороны, уловить местные особенности, что невозможно сделать даже при очень подробной единой программе. Точно так же и разработку собираемых материалов нецелесообразно обязательно производить в одном центре, а сообразно наличию специалистов в местных учреждениях. В целях согласования программы и методов исследования и правильной разработки материалов необходимы специальные съезды как областные, так и общий—всесоюзный. Надо отметить, что лишь наша область знания—этнография и антропология—до сих пор не имела своего съезда, медлить с созывом которого дольше нельзя.

Точно так же и издание журналов, в роде „Этнография", будут способствовать согласованию работы и устранению недостатков. Но этого мало. Чрезвычайно важно урегулирование вопроса с изданием трудов экспедиций, обследований, материалов анкет, отдельных работ специалистов. В данном случае немыслима и нежелательна общая централизация, но крайне важно осуществление выпуска серий монографий по народностям и отдельным типичным селениям, что могло бы быть делом соглашения крупнейших центральных и местных учреждений при содействии соответствующих издательских предприятий. Крайне важно было бы осуществить периодические издания этнографических сборников наиболее ценных материалов и библиографии. Независимо от этого, уже теперь было бы необходимо всем работающим содействовать тому, чтобы появляющийся в печати материал по изучению населения обязательно поступал в одно из центральных всесоюзных исследовательских учреждений.

Точно так же желателен был бы еще один вид централизации, связанной со специальной временной задачей. Если централизация не в интересах плодотворности постоянной научно-исследовательской работы в Союзе, то для проведения, как теперь говорят, „ударной" общесоюзной исследовательской работы, она необходима.

Этой неотложной работой я считаю всестороннее этнографическое изучение и описание в дополнение к переписям 1926 г. хотя бы по 1—3 типичным селениям каждой народности СССР в течение 1926—28 гг. При содействии местных учреждений и при согласовании работы с Центральными Статистическими Учреждениями, производящими переписи, можно очень много сделать в текущем году. Поэтому желательно, чтобы, не дожидаясь циркуляров центра, на местах была проявлена инициатива в деле определения наиболее соответствующих задаче селений и сотрудников, которые могли бы выполнить подобную работу самостоятельно, пользуясь лишь общими указаниями и руководством из центра.

Так в кратких словах представляется мне положение дела изучения деревенского быта, и таковы задачи общей работы очередного и срочного порядка, которые подсказываются мне настоящим моментом.

В текущем году статистики мобилизуются сами и мобилизуют целую армию сотрудников для общественного дела переписи населения. Десятки тысяч счетчиков непосредственно соприкоснутся с народной жизнью. Этнографы примут участие в общей работе, но они хотели бы не только явиться в качестве сотрудников статистиков, а как специалисты, изучающие народный быт и желающие выполнить общегражданский долг в момент учета населения тем, чтобы собрать материалы, характеризующие народную жизнь во всем ее разнообразии и полноте.

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА.

В. Д. Виленский-Сибиряков. (Москва.)

Советская государственность сейчас вплотную подошла к вопросам устроения малых туземных народностей советского севера. На огромной территории приполярных тундр и в таежных районах Урала, Сибири и Дальнего Востока расселено более чем полумиллион (по приблизительным подсчетам) северных народностей разной численности и наименований, разной жизненной устойчивости, но во всех случаях одинаково нуждающихся в братской помощи как в области моральной, так и в материальной поддержке со стороны советской государственности.

Это одинаково относится как к относительно мощным и жизнеспособным племенам якутов (примерно 220.000 душ) и зырян (188.000 душ), так и тем племенам, которые находятся на грани жизненного кризиса — вымирания: юраки (примерно 100 душ), чуванцы (350 душ), карагассы (420 душ), юкагиры (2.000 душ), орочены (3.500 душ) и т. д. То же самое можно сказать в отношении тунгусов (около 50.000), эскимосов (40.000), самоедов (20.000 душ), остяков (20.000 душ) и т. д., и т. п.

Нами приведены цифры, но эти цифры относительного значения. К сожалению, мы еще не располагаем точными цифровыми данными относительно численности северных туземных народностей, ибо этих цифр пока нет. Советский север и его население еще ждут своей переписи и, надо все же полагать, дождутся. Мы можем только приблизительно прикидывать численность туземного населения советского севера. Но зато у нас нет сомнений и нет разногласий в оценке значения туземного населения как экономического фактора советского севера.

Туземные племена не только оживляют территориально огромный советский север своим присутствием, но и разрабатывают его богатства. Вымри эти племена, угасни их род — и север превратится в сплошную пустыню. Отсюда и берут свое начало опасения за будущее севера, которые и в прошлом и в настоящем связываются с вопросами необходимости улучшения быта малых народностей севера и помощи им со стороны государства.

В свое время эти вопросы будировали Н. М. Ядринцев, Г. Потанин и др., преимущественно сибирские публицисты. Точку зрения

„медленного угасания северных сибирских племен" подкрепил своими статистическо-научными работами С. Патканов. Но к вопросам помощи малым туземным народностям севера мы подошли вплотную только сейчас, когда советская власть поставила перед собою задачу административно-хозяйственного устроения советского севера.

Практически эта задача возложена в законодательном порядке на специально созданный при Президиуме ВЦИК Комитет Содействия Народностям Северных Окраин.

Круг обязанностей Комитета Содействия определен следующим образом. В его задачи входит выяснение, разработка и проведение в установленном порядке мероприятий, необходимых для хозяйственно-экономического подъема севера; разработка оснований административного и судебного устройства малых народностей применительно к их быту; разработка проектов изменений действующих узаконений применительно к географическим условиям севера и особенностям быта туземного населения.

Наряду с этим Комитет Содействия ставит перед собою задачи, связанные с собиранием необходимых сведений о жизни и нуждах этих народностей, изучения их истории, культуры и быта.

Таким образом, Комитет Содействия является не только органом административного устроения туземных народностей севера, но и органом, ставящим перед собою задачи изучения севера и его туземного населения: ибо, только базируясь на обобщениях и выводах науки в приложении к природе, экономике и населению севера, можно делать правильные заключения относительно содействия планомерному устроению малых народностей севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях.

К сожалению, научная работа Комитета Содействия пока еще не получила должного развития в силу того, что в деятельности Комитета превалируют организационные и административные задачи, свойственные первым моментам всех вновь возникающих учреждений, но организация и развертывание научно-исследовательской работы— несомненно, одна из ближайших задач, которую Комитет Содействия должен перед собою не только поставить, но и реализовать.

Несомненно, что научно-исследовательская работа Комитета Содействия должна быть построена на несколько иных основаниях, чем работа какого-либо исследовательского института. Комитет не может непосредственно брать на себя исследовательских функций. В своей работе он должен выдвигать задачи исследования и затем, опираясь на ряд специальных научных институтов, коллективов или отдельных ученых, реализовать выдвинутые им научные задачи исследовательского порядка.

На этот путь встала научно-исследовательская комиссия Комитета Содействия, которая сейчас создает общий план исследования малых народностей севера.

Какие из существующих научных учреждений СССР занимаются вопросами изучения советского севера и его обитателей? Таких

учреждений много, и один учет этих учреждений может составить довольно объемистую работу. Мы не собираемся приводить этого перечня, но мы не можем не остановиться на некоторых из этих учреждений и институтов: ибо для всякого, кто хочет серьезно подойти к вопросам изучения малых народностей севера, необходимо не только быть знакомым с этими учреждениями и институтами, но и внимательно познакомиться с их программами и предположениями.

К числу таких институтов и учреждений и общественно-научных организаций мы относим: Академию Наук СССР с ее комиссией по изучению племенного состава (КИПС) и музеем антропологии и этнографии; общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока; Центральный Музей Народоведения; Русский Музей; Антропологический Научно-Исследовательский Институт I МГУ и ряд местных краеведческих организаций.

На местах под влиянием организации Местных Комитетов Севера, организованных в Архангельске, в области Коми, Свердловске, Тобольске, Новосибирске, Красноярске, Томске, Иркутске, Якутске и Хабаровске и Петропавловске на Камчатке, вопрос об исследовательских задачах применительно к малым туземным народностям в значительной мере оживился. Вырабатываются программы обследования, намечаются экспедиционные обследования, подновляются в местных музеях этнографические коллекции и т. п.

Ясно, что это оживление научно-исследовательской мысли, направленной в сторону малых туземных народностей севера, может дать богатые результаты, если все эти начинания будут надлежащим образом увязаны как в смысле планов и программы, так и в отношении научных работников, подготовленных для полевой работы. У нас, к сожалению, мало этнографов-специалистов по северным народностям, и с этим нельзя не считаться.

Одной из очередных задач Комитета Содействия и его научно-исследовательской комиссии является увязка работ перечисленных выше учреждений, институтов и общественно-научных организаций для того, чтобы с максимальной продуктивностью и в возможно короткий срок подвести известную научную базу под те мероприятия, которые в настоящее время проектируются для устроения малых туземных народностей советского севера.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что главнейшей задачей, связанной с делом изучения малых туземных народностей севера, является перепись населения советского севера.

Статистические данные, касающиеся племенного состава севера, никогда не могли похвастаться своей достоверностью. Наш север еще пока не имел настоящей, правильно организованной переписи населения. Цифры, которыми оперировали отдельные исследователи, почти всегда носили условный характер и затем исправно списывались и повторялись различными учреждениями и лицами, которым приходилось выступать в качестве знатоков севера.

Причина этого лежала в огромности территорий, на которых были разбросаны туземцы севера. В лучших случаях отдельные добросовестные исследователи прибегали к выборочным методам переписи и затем делали дополнительные произвольные расчеты и на этом строили свои обобщения и выводы.

А между тем вопрос о численности туземных племен севера крайне важен, хотя бы для решения основного вопроса о жизненности этих племен, о том, действительно ли они вымирают, или, несмотря на всю сумму неблагоприятных условий своего существования, сохраняют жизненное равновесие. Этот вопрос, несмотря на большое количество истраченной бумаги и чернил, до сих пор остается открытым.

Это понятно. Вопрос о приросте или вымирании может быть разрешен только правильным статистическим учетом движения населения, а не случайными догадками или блестящими, но вымышленными обобщениями.

Нужно во что бы то ни стало добиться, чтобы перепись 1926 года распространилась на советский север. И наряду с этим надо, чтобы в этой переписи приняли участие этнографы и антропологи, работающие над изучением туземных племен севера.

Демографическая и хозяйственная перепись севера даст надежную основу для всего дела изучения северных туземных племен. На ее данных можно будет прокорректировать ту племенную карту Сибири, над которой сейчас работает КИПС. Цифровые итоги переписи дадут возможность правильно ориентироваться в освоении территорий отдельными племенами, а равным образом устранить различные споры касательно оценки отдельных племен.

Вот почему нам думается, что мы должны всемерно добиваться осуществления переписи—учета туземного населения севера с широким участием в этой переписи ученых специалистов-этнографов и антропологов.

Задачи изучения советского севера и, в частности, его населения трудны, ибо велика территория расселения северных народностей, своеобразен быт последних, и это обусловливает трудность научно-исследовательской работы на севере.

Комитетом Содействия наряду с целым рядом вопросов административного устроения народностей севера выдвинут вопрос об организации культурных баз, которые, по замыслу авторов этих проектов, должны в процессе повседневной деятельности создать местную культуру и подготовить туземных культуртрегеров.

Таких баз намечается несколько. Для самоедов—на реке Колве. Для тунгусов—на реке Туре (приток Н. Тунгуски) и на реке Олекме. Для чукоч—в заливе Лаврентия и для коряк—в бухте Корфа. Обе последние—на тихоокеанских берегах северо-восточной части Северной Азии.

Каждая из намечаемых культурных баз должна нести функции: продовольственно-кооперативную, врачебно-ветеринарную, культурно-

просветительную и научно-исследовательскую. Иными словами, это будут небольшие культурные центры, создаваемые на севере для всесторонней помощи туземному населению и одновременно преследующие задачи изучения тех районов, которые они должны обслуживать.

Вряд ли нужно доказывать огромное значение таких опорных пунктов для научно-исследовательской работы на севере вообще и в приложении к изучению народностей, населяющих север,—в частности. Наряду с стационарным изучением той или иной народности, опираясь на такую базу, можно наладить ряд хорошо организованных длительных экспедиционных обследований, что даст возможность наладить плановое обследование и изучение туземных племен советского севера.

Несомненно, что культурные базы, создаваемые на местах Комитетом Содействия, должны войти в общий план научно-исследовательской работы на севере и получить самую действенную поддержку со стороны перечисленных нами выше учреждений, институтов и общественно-научных обществ, без чего они не в состоянии будут выполнить тех задач, которые на них возлагаются. Они должны стать опорными пунктами для плановой работы по изучению туземных племен.

До сего времени исследовательская работа на севере носила кустарный характер, чаще и больше всего обусловленный научным интересом того или иного работника или просто случайным стечением обстоятельств в роде того, что попавшие на полярный север ссыльные изучали его обитателей и, таким образом, превращались в специалистов-этнографов.

Задача сегодняшнего дня—выдвинуть задачу планового исследования севера, поставив во главу угла этого плана изучение человека в условиях северной природы.

Кого из северных туземных племен изучать в первую очередь? Вот вопрос, который волнует своей остротой и вызывает сейчас немало споров среди тех кругов, которым приходится иметь дело с задачами изучения советского севера.

Мы сейчас имеем большую комплексную экспедицию Академии Наук, изучающую Якутскую АССР. Это экспедиционное изучение Якутии производится под углом зрения будущего содействия развитию производительных сил северо-востока Азии, осваемого одним из самых многочисленных и жизнеспособных туземных племен севера—якутами. По праву сильного и жизнеспособного, они одними из первых начали переустраивать свою жизнь на новых основаниях, и естественно, что им одним из первых пришлось поставить вопрос о систематическом изучении как якута, так и окружающей его природы для того, чтобы подвести прочное основание для своей новой стройки.

Но есть и другая полярность в этом вопросе. Есть малые туземные племена севера, которые находятся на грани вымирания, которые поставлены в исключительно неблагоприятные жизненные условия, которым крайно трудно вести суровую борьбу за существование и

которые не в состоянии преодолеть стоящие у них на пути трудности. Они молчат. У них нет мощного голоса для того, чтобы заявить о своих нуждах, и они молча умирают...

Не нужно ли нам на них сосредоточить свое внимание для того, чтобы притти на помощь вымирающим? Мы думаем, что нужно. Нам кажется, что наша обязанность—сейчас же обратить внимание на юраков, кереков, чуванцев, енисейских остяков (кето), карагассов и т. п. малые народности, действительно находящиеся на грани жизни и смерти. Отсюда вывод, что современная советская этнография должна в качестве первоочередной задачи поставить перед собою вопрос об изучении тех из малых народностей севера, которые переживают острый жизненный кризис.

И, наконец, последний вопрос—как изучать малые туземные народности севера?

Мы не против всестороннего изучения всякой народности. Но нам думается, что все же, исходя из вышесказанного, при подходе к изучению малых народностей севера следовало бы современной этнографии заострять свое внимание на тех вопросах, которые связываются с изучением племен, как одного из важнейших факторов развития производительных сил советского севера. Можно и должно изучать жилище туземца, его одежду, можно записывать легенды и сказания, но при этом нужно помнить, что в данном случае мы дело имеем не с редкостными экземплярами человеческого рода, сходящими со сцены, а с племенами, которые могут жить, если им будет оказана в ближайшее же время надлежащая помощь. Поэтому мысль современного этнографа, подходящего к изучению малых туземных племен севера, должна быть направлена в сторону практических научно-обоснованных выводов, которые дали бы основание для помощи и возрождения этих племен как в хозяйственном, так и в культурном отношениях.

Современная советская этнография имеет пред собою почетную задачу содействовать своей творческой научной работой возрождению малых туземных племен советского севера. Хочется верить, что мы справимся с этой задачей и общими усилиями поможем туземцу советского севера выйти на широкую дорогу экономического и культурного возрождения.

В ГУДАУТСКОЙ АБХАЗИИ.

(Из поездки осенью 1925 г.)

Е. М. Шиллинг. (Москва.)

Находясь в октябре месяце 1925 года в Сухуме, я предпринял по поручению Государственного Центрального Музея Народоведения разведочную поездку по абхазским селениям с целью начать заполнение одного из пробелов в коллекциях музея (Абхазия).

В результате довольно короткой поездки, захватившей 3 селения Гудаутского уезда, я собрал для музея коллекцию и наметил план дальнейших приобретений.

Предлагаемый очерк в дополнение к статье А. А. Миллера „Из поездки по Абхазии в 1907 году" (в „Материалах по этнографии России", т. I, изд. Этнографического отдела Русского Музея, Петербург, 1910 г.) касается, главным образом, абхазского двора с жилыми и хозяйственными постройками и характерными чертами домашнего обихода, в пределах того небольшого предгорного района, который мне удалось посетить. Сведения, почерпнутые в Абхазии, часто приводят к сравнению с виденным мною в среде кабардинцев Большой и Малой Кабарды, кубанских черкесов и абазинцев, поэтому в очерке нередки в этом направлении сравнения.

К сожалению, во время поездки не пришлось фотографировать. Иллюстрациями служат лишь схематические чертежи и рисунки, а также фотографические снимки с некоторых предметов из приобретенной мною для музея коллекции. Состав иллюстраций рассчитан так, чтобы не повторять иллюстративного материала, помещенного в статье А. А. Миллера[1]).

Гудаутская Абхазия, собственно, Гудаутский уезд, один из 5 уездов, на которые делится нынешняя Абхазия.

Коренное абхазское население, кроме Гудаутского уезда (24 тыс. чел.), занимает еще уезды Кодорский (26 тыс. чел.), и Гальский ($35^1/_2$ тыс. чел.), при чем в последнем, иначе называемом Самурзаканским или Самурзаканью, население сильно омингрелилось, и молодежь уже перестает говорить по-абхазски. Таким образом, если не считать гальских абхазцев, нередко именуемых самурзаканцами, на

---

[1]) За оказанное мне научное содействие приношу благодарность члену Абхаз. Научн. Общ. С. П. Басария и студенту Сухум. Пед. Техн. А. Е. Аншба, принявшему непосредственное участие в самой поездке.

долю чисто абхазского населения приходятся лишь два уезда, каковое обстоятельство как бы делит нынешнюю коренную Абхазию на части: Гудаутскую и Кодорскую. Что касается крайнего (на север) уезда Гагринского и центрального Гумистинского (с г. Сухумом), то эта территория занята пришельцами (греками, мингрелами, армянами, русскими, эстонцами, немцами), исконное же абхазское население, жившее здесь раньше, благодаря национальной политике тогдашнего русского правительства, принуждено было во второй половине XIX века, наряду с другими западными горскими племенами, эмигрировать в Турцию.

Итак, для своих разведок я избрал наиболее уединенный Гудаутский район, страну виноделия, на северо-запад от Сухума, в достаточной мере отдаленную от сванов и мингрелов, тогда как другой, чисто абхазский район, Кодорский (на юго-восток от Сухума), по своему расположению гораздо доступнее грузинским влияниям.

От Сухума до Гудаут путь идет по хорошей шоссейной дороге по берегу моря, где недавно установлено регулярное автобусное сообщение к Гаграм. Расстояние в 40 *км* до Гудаут автомобиль делает в два часа.

Выехав из города, миновав предместье, маяк и мыс, образующий западное очертание глубокой Сухумской бухты, вы сразу охватываете характерный для Абхазии пейзаж. Между морем и горами, идущими параллельно берегу, зеленеет волнистая, усеянная купами деревьев так наз. культурная полоса. После Нового Афона (23 *км* от Сухума) горы все больше и больше отдаляются от берега, и культурная полоса ширится (от Псырцха до р. Бзыби), достигая в ширину до 20 *км*, а затем опять горы приближаются к берегу и в Гаграх подходят к нему почти вплотную. Еще дальше отступают горы от берега, и, следовательно, еще шире культурная побережная полоса в другую сторону от Сухума, за р. Кодором (шир. 20—25 *км*) и в Самурзакани (шир. 40—50 *км*). Так тянется вся Абхазия вдоль восточного берега Черного моря от точки несколько севернее Гагр до впадения в море р. Ингура на протяжении до 190 *км*. На севере ее границей служит главный Кавказский хребет, отделяя ее от Кабарды, Карачая и черкесских племен; на северо-востоке—Сванетия, на востоке и юго-востоке—Мингрелия.

Селение. Усадьба. Двор.

Дойдя до Гудаут, административного уездного центра, этого маленького города, лежащего на берегу небольшой бухты, шоссе забирает от берега вглубь и проходит через первое большое абхазское селение Лыхны. Культурная полоса здесь ширится, горы вдали. Из Гудаут до Лыхн легко дойти пешком, но, добравшись до этого селения и попав в дебри его садов и разбросанных усадеб, вы очень пожалеете, что не позаботились добыть себе верховую лошадь. Если аулы терских кабардинцев или кубанских черкесов, обычно вытянутые длинной и узкой полосой по берегу реки, бывает, сильно затруд-

няют своей протяженностью этнографа, заставляя его иной раз, добираясь по каким-нибудь адресам, делать 2—3 *км* расстояния от одного дома до другого, то в абхазских селениях это обстоятельство сказывается еще больше. Лыхны, являясь характерным абхазским селением, дают в этом смысле очень убедительный пример. Здесь 538 дворов (с общим количеством населения 2648 чел.) разбросаны по четырем поселкам: Азлагара (92 двора, 421 чел.), Аджимчугра (80 дворов 428 чел.), Бомборы (207 дворов, 1031 чел.), Алгыт (159 дворов, 768 чел.). Почти каждый двор (агуа̀рп) — обширная усадьба с жилыми и хозяйственными постройками, фруктовым садом, виноградником и площадкой для кукурузного посева. Постройки скрыты деревьями. Узкие, тенистые и извилистые переулки, поросшие травой, окаймлены с обеих сторон низкими плетнями. За плетнем — сады с высокими деревьями и вьющимися по ним лозами черного винограда „изабелла"; среди листвы мелькают постройки. Часто, заходя

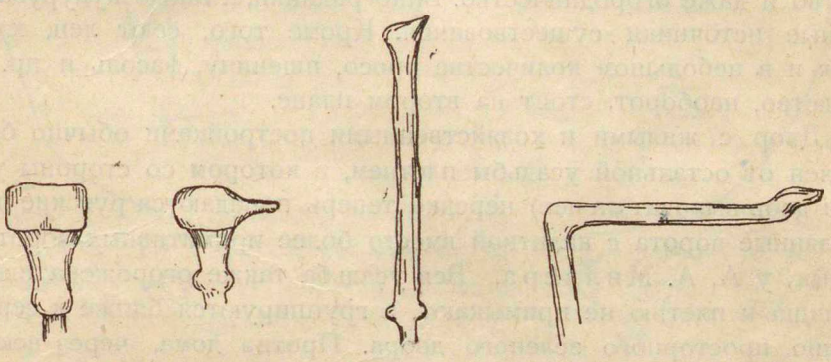

Рис. 1. Наковальни фамильной кузницы Джя́наарджи́ра, что значит „кузница Джанбы" в сел. Лыхнах,—почитаемая абхазцами святыня, перед которой устраиваются моления с жертвоприношениями.

с переулка в один двор и желая затем посетить другие, вы, попрощавшись с хозяином, идете по его винограднику, пролезаете через плетень, попадаете в соседний сад, потом в следующий и т. д.,—словом, идете сплошным садом, сплошным лесом, перерезанным в разных направлениях пограничными плетнями, отделяющими одну усадьбу от другой. Тропинка то вводит вас из сада во двор, в прямом смысле этого слова, то снова врывается в заросли, долго вьется среди деревьев, увитых лозами, и, наконец, упирается в плетень с перелазом (см. рис. статьи А. А. Миллера). Перешагнув, вы попадаете на территорию следующей усадьбы, и т. д. Ясно, что селение такого типа, состоящее из множества больших усадеб, с очень слабо выраженным принципом улиц, не столько вытягивается в одну линию, сколько разбрасывается на все стороны на очень широкое пространство. В Лыхнах, благодаря такой разбросанности, многие дворы страдают от недостатка воды, так как вода берется из родников. Лыхны до 1863 года были резиденцией абхазских владетельных князей. На обширной зеленой площади среди селения сохранились остатки княжеского дворца и знаменитая историческая и доселе священная для

абхазцев липа, прошлым летом наполовину разбитая грозой,—вековое дерево, под сенью которого князья созывали в важных случаях народные собрания. Под липой—княжеская скамья или трибуна в виде каменной доски на низких подставках и изъеденные временем бревна—скамьи для почетных стариков. На этой же площади находится и лыхненская сельская церковь, хорошо сохранившаяся византийская постройка.

Направляясь дальше от моря к горам, я посетил следующее за Лыхнами селение Дурипш и затем довольно глухой поселок Хопы, относящийся к селению Джирхва, чем и закончил свой маршрут. Оба эти населенные места являли приблизительно такой же тип селений, как и Лыхны. Как характерный пример, отмечу: пребывая в Джирхвинском поселке Хопы, я никак не мог попасть, не имея для этого верховой лошади, в сельсовет, находящийся в центре Джирхвы.

Приступая к описанию двора и домашнего обихода, отметим, что хозяйственной базой района является земледелие с уклоном в садоводство и даже огородничество. Виноградники, а также кукуруза—вот главные источники существования. Кроме того, сеют лен, хлопок, табак и в небольшом количестве просо, пшеницу, фасоль и пр. Скотоводство, наоборот, стоит на втором плане.

Двор с жилыми и хозяйственными постройками обычно бывает отделен от остальной усадьбы плетнем, в котором со стороны улицы (если двор выходит на нее) нередко теперь попадаются русские легкие деревянные ворота с калиткой вместо более примитивных ворот, описанных у А. А. Миллера. Вся усадьба также огорожена плетнем. Жилища к плетню не примыкают, а группируются ближе к середине обычно просторного зеленого двора. Против дома, через всю площадку, ближе к плетню, располагаются другие постройки — амбары, сараи, хлевы, курятники. Средняя часть двора—пустая. Здесь иногда растет развесистое дерево (грецкий орех, тополь или липа), что считается как нелья более подходящим украшением этой чистой зеленой площадки. За плетнем начинается огород, сад, площадка для посева кукурузы или виноградник, где в 300 — 400 шагах от двора часто вы видите белеющий среди зелени надгробный памятник фамильного склепа. У абхазцев и до сих пор вместо общественных кладбищ—большею частью родовые. Отдельная фамилия имеет свою усыпальницу где-нибудь в саду, поодаль от двора, в виде 4-угольного невысокого продолговатого каменного парапета с крестом.

Являясь таким же обширным, как и черкесский или абазинский, абхазский двор, наблюденный мною в 3 селениях, отличается от черкесского своей, так сказать, естественной чистотой, отсутствием базов для скота, сравнительно малым количеством и большей легкостью построек, так что кажется даже несколько пустым и напоминает скорее приветливую зеленую лужайку среди перелесков. Разумеется, принцип изолированности жилищ от внешнего мира (улицы), что сказывается в удалении дома от забора и расположении дверей преимущественно во внутрь двора, у абхазцев тот же, что и у горских племен Северного Кавказа (рис. 2).

Перейдем теперь к жилищу. Жилища бывают трех типов: а) амацаýрта, б) акуáц, в) дом нового типа. Все эти виды могут быть, что зачастую и случается, на одном и том же дворе.

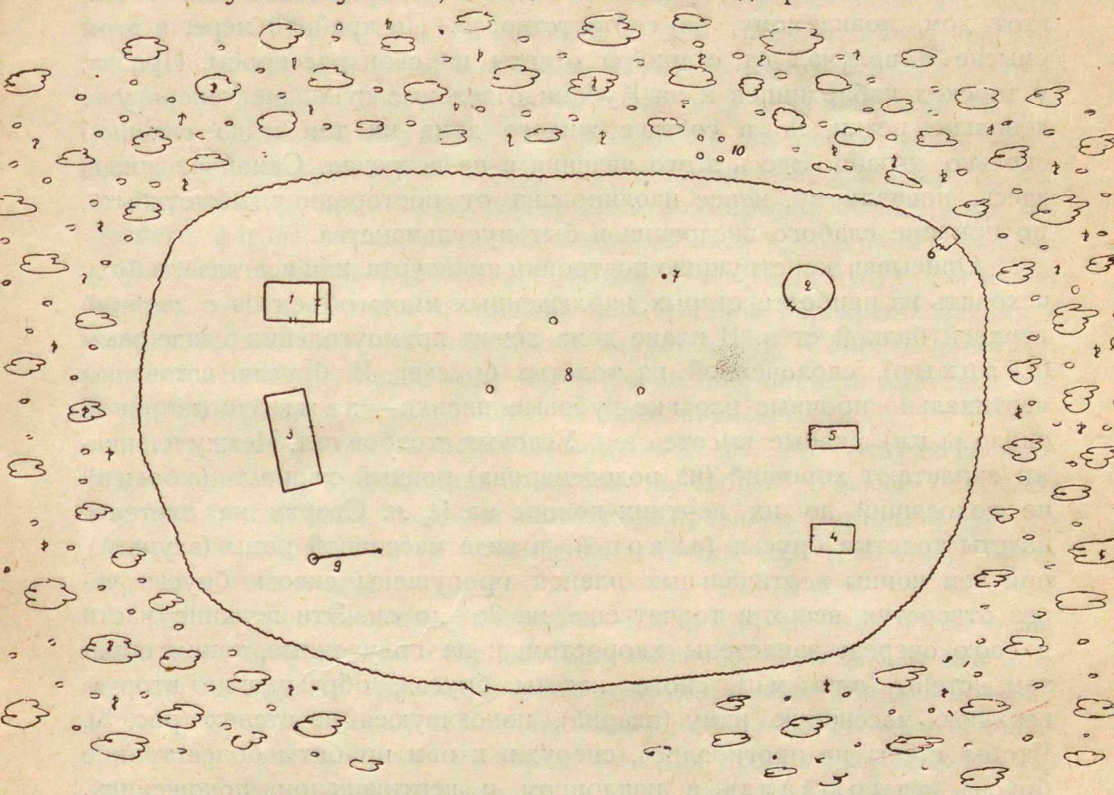

Рис. 2. Схематический план абхазского двора, окруженного виноградником: 1. Жилая постройка (амацаýрта). 2. Жилая постройка (акуáц). 3. Сарай для виноделия. 4. Хлев. 5. Амбар для кукурузы. 6. Курятник. 7. Коновязь. 8. Деревья. 9. Виноградный пресс. 10. Врытые в землю глиняные кувшины для хранения вина.—Сел. Джирхва, поселок Хопы.

Амацаýрта.

Амацаýрта — кухня или служба (обычный размер внутреннего помещения, дл. 5—6 *м*, ширина 3—4 *м*). Плетеная четырехскатная постройка без окон с двумя входными дверями, обмазанная глиной (часто только с одной, внутренней стороны). Амацаýрта — это центр домашней жизни абхазской семьи. Здесь у примитивного очага хозяйка и ее дочери стряпают кушанья, здесь же обедают, ужинают, спят (преимущественно старики-хозяева) и принимают гостя, если нет другого дома. Чаще, однако, другой дом есть: теперь в виде небольшой, городского типа постройки в несколько комнат, а раньше такой же, как амацаýрта, второй плетеный четырехскатный дом, только чище и более тщательно построенный. Этот дом — асагадзá или ассасáирта (что значит помещение для гостя)—служил, таким образом, не только жильем для некоторых членов семьи, но вместе с тем и специально для празднеств, для приема и ночлега гостей как более

опрятное, хорошо обставленное и удаленное от повседневных кухонных хлопот помещение. Однако отдельной кунацкой, как у кабардинцев, т.-е. помещению, предназначенному исключительно для гостя, этот дом, повидимому, не соответствовал. По крайней мере, в этом смысле я получал от стариков ответы на свои расспросы. Правда, у терских кабардинцев и на Кубани отдельные кунацкие теперь уже довольно редки, но в составе жилого дома их там и до сих пор сколько угодно. Здесь этого явления я не встречал. Семейная жизнь здесь, повидимому, менее изолирована от посторонних, может быть, по причине слабого внедрения в быт мусульманства.

Описывая конструкцию постройки амацаýрта или асагадзá, я буду исходить из наиболее старых, наблюденных мною объектов с двойной верхней балкой стен. В плане дома лежит прямоугольник в виде рамы (а у а ц х ы́ р), сколоченной из толстых брусьев. В брусья вставлены вертикально прочные плоские дубовые планки — а д ж ю а́ н (шириной около 44 *мм*), равные высоте стен. Угловых столбов нет. Между планками заплетают хороший (из рододендрона) ровный хворост (а б ы́ ц а), не доходящий до их верхних концов на $^1/_2$ *м*. Сверху на плетенье надеты толстые брусья (а х а р п а́), в виде массивной рамы (агуцаха́), при чем концы вертикальных планок пропущены сквозь брусья через отверстия вверх и торчат еще на 30—40 *см*. Эти верхние части в свою очередь заплетены хворостом, и на полученные, таким образом, стены (а т з а́ м ц) снова надеты брусья, образующие вторую верхнюю массивную раму (ахарпа́), покоющуюся на стенах (рис. 3). Чтобы стены не прогибались, снаружи к ним прибиты более тонкие брусья (а д ы р ю й а́ л а) в наклонном и вертикальном положениях. Следует заметить, что двойные верхние брусья, лежащие на стенах, — признак тщательности и особенной доброкачественности постройки. Простая кухня, а м а ц а ý р т а, строится обычно с ординарными балками а х а р п а́. В стенах сделаны два входных отверстия(а щ) с дверями: первое (главный вход)—в середине узкой стороны дома, второе (если считать от главного входа, войдя через него в дом)—обычно в левой продольной стене, не посередине ее, а несколько ближе к переднему фасаду постройки, чтобы не приходиться против очага. Окон раньше не делали вовсе. У переднего фасада крыша образует довольно просторный навес (а б а́ р ц а) во всю ширину постройки, держащийся на двух столбах (а г у а́ ш ь). На верхних брусьях продольных стен лежат 2 поперечных бревна (а х б ы л р ы́), в каждое из них врублено по вертикальной подпорке (а х ы); на подпорках этих держится бревно — конек (а́ к у р ь к я), а на нем — стропила (а м а р к а́ ц), образующие 4-скатный высокий и легкий остов, кроющийся поверх прикрепленных к стропилам горизонтальных досок или жердей (а м ы р т а́ к ь) дранью или пучками папоротника стеблями внутрь. Папоротниковое покрытие дает весьма округлые и припухлые

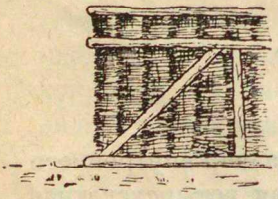

Рис. 3. Деталь продольной стены амацаýрта.—Сел. Лыхны.

контуры, довольно значительно нависает над стенами и скрывает лежащие на них верхние брусья ахарпа́. Сверху в крыше иногда бывает прорезано дымовое отверстие (а о д ж а́ к), защищенное маленькой двухскатной кровелькой. Внутри, над главным входом, трехугольное отверстие, выходящее под навес и образованное двумя боковыми скатами крыши, ничем не закрыто, потолка, разумеется, нет, пол земляной. Есть в разбираемой нами постройке еще одна очень интересная черта, ныне уже не существующая, но лет 50 тому назад имевшая место. Дело в том, что а́курькя, — конек четырехскатной крыши, со стороны переднего фасада держался не на подпорке ахы, врубленной в бревно ахбылры́, а на так называемых „ножницах" (а м а р к а т ы́ л), т.-е. в землю врывались в наклонном положении два высоких перекрещивающихся вверху бруса, а на это перекрестье клался конек. Собрать достаточные сведения о „ножницах", а тем более попробовать поискать так устроенный дом я, к сожалению, не имел возможности.

А м а ц а у́ р т а есть почти во всяком дворе. Это — самая распространенная и употребительная жилая постройка. Только у одного хозяина она ветхая, построенная по всем правилам старины, у другого (и таких большинство)—с привнесением новых черт (например, окон, досчатых стен и др.).

Как видно, абхазская постройка—а м а ц а у́ р т а—во многом отличается от конструкции старого кабардинского, черкесского или абазинского дома. Кабардинский дом 2-скатный с заплетенными доверху фронтонами боковых стен; следовательно, брусья могут лежать, и действительно лежат, только на верхних частях продольных стен (по одному на каждой); к серединам узких стен приставлены столбы с развилинами, на которых держится конек. Обязательная двусторонняя глиняная обмазка (снаружи и внутри), менее высокая кровля, способность постоянно увеличиваться путем боковых пристроек отдельных комнат, — все это также отличает кабардинский дом от абхазского. Кабардинский дом — постройка более теплая, низкая, узкая и значительно удлиненная в плане, тогда как а м а ц а у́ р т а абхазцев — постройка с высокой шатровой крышей, более квадратная в плане и состоящая всегда из одной просторной комнаты, и по своему характеру соответствует теплому климату Абхазии. Следует отметить, что и терминология частей постройки даже в сравнении с абазинцами, насколько мне кажется, не имеет ничего общего, тогда как в других отраслях материальной культуры (например, ткачестве) она часто во многом совпадает. Общим является название самой постройки — поабхазски а м а ц а у́ р т а, по-абазински — м а ц а у́ р т а (кабардинское у́ н а).

Перейдем теперь к обозрению дома внутри (рис. 4). Сравнительно высокая и темноватая комната (свет проходит только в двери), с закопченым верхом и сероватыми, обмазанными глиной стенами.

Прямо против главного входа, почти в середине комнаты,—примитивный очаг (несколько отодвинутый к задней стене так, чтобы не приходиться против боковой двери). Заметим, что у кабардинцев бо-

лее усовершенствованный очаг помещается у стены. Если в крыше амацау́рта есть дымовое отверстие, то над очагом иногда устраивается четыреугольный плетеный или деревянный навес, суживающийся кверху и подходящий к дымовому отверстию. Очаг представляет из себя выложенный из кирпича или камней на земляном полу прямоугольник (размером приблизительно 100×50 *см*), почти не возвышающийся над полом и расположенный так, что его длинные стороны параллельны длинным сторонам дома, а короткие — коротким. На противоположной входу короткой стороне очага положен длинный узкий камень, или кирпичная грядка, или еще что-нибудь (например, в одном случае — старый артиллерийский снаряд, в другом — кусок рельсы и т. п.). Это „голова очага", чтобы класть на нее в наклонном положении поленья. Над очагом к особой жерди, держащейся на ахбылры́, подвешена железная очаговая цепь (а х н ы́ ш и р) с крюком для котла или а к а́ ч а — большой деревянный крюк (две зубчатые палки из орешника с крюковинами и регулятором для удлинения и укорачивания). За эту же жердь бывает зацеплен деревянный крюк с прибитой внизу полочкой для керосиновой коптилки, теперь заменившей собой старинный светильник (а к а н д и́ л). Вокруг очага расставлена мебель, состав которой исчерпывают рисунки, помещенные в статье А. А. М и л л е р а. Направо или налево от главного входа у стены обычно стоит предназначенный для стряпни за ним стоя небольшой неподвижный стол (а к у́ г р а) нормальной высоты, укрепленный с одной стороны в стене, а спереди держащийся на двух ножках, врытых в землю. В одном из углов иногда бывает устроен неподвижный шкаф с полками, срезающий угол наподобие нашей божницы, или стоит простой досчатый шкаф. Досчатые нары (а ц ы р д ы г у́) для спанья, шириной с обыкновенную кровать, идут обычно вдоль всей задней (узкой), а иногда и части продольной (левой от главного входа) стены, закрепленные приблизительно на высоте 35—50 *см* в стенах дома и держащиеся на вбитых в землю кольях. Абхазская мебель, очень низкая сравнительно с европейской, дает в общем свой вариант в сопоставлении с мебелью, встречаемой в жилищах горских народов Северного Кавказа. Низенькие скамеечки-одиночки, разбросанные вблизи очага, а также довольно массивная скамья (а к у а́ р д), сделанная из круглого бревна, средняя часть которого снизу вырублена, преимущественно служат для разнообразных целей обихода, тогда как для трапезы, даже и без гостя обставленной

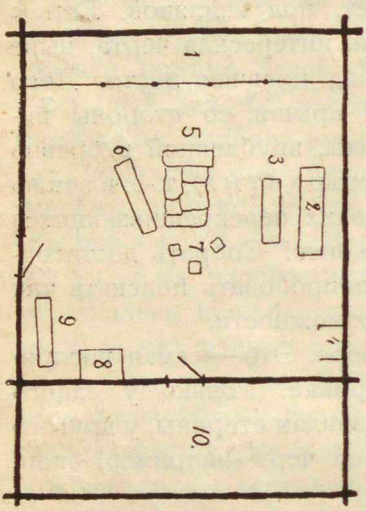

Рис. 4. Схематический план амацау́рта: 1. Нары. 2. Скамья с изголовьем (ары́мц). 3. Стол обеденный. 4. Шкаф. 5. Очаг. 6. Скамья (акуа́рд). 7. Малые скамеечки. 8. Стол для стряпни. 9. Скамья. 10. Навес.—Сел. Лыхны.

у абхазца с некоторой дозой торжественности, употребляется несколько более высокая (но все же низкая) мебель: скамьи на 2—3 и более человек (а р ы́ м ц) и почти такой же вышины длинный узкий скамьеобразный стол (а ю ш а́ г), вместо которого, например—у кабардинцев, подается уставленный кушаньями треножный столик. Здесь же круглые 3-ножные столики (а й ш а́ х ь ч а) употребляются гораздо реже. Повидимому, к абхазским длинным, имеющим несколько видов скамьям (а р ы́ м ц), приспособлена и встречающаяся здесь старинная форма шерстечесалки, устроенная не в виде обычного досчатого, снабженного железными иглами треугольника с вертикальной установкой, а в виде круглой усаженной иглами дощечки, имеющей длинную рукоятку (горизонтальная установка). На такой шерстечесалке можно работать, только положив ее на скамью и сев на рукоятку, между тем как обычно распространенные по всему Кавказу треугольные шерстечесалки ставятся прямо на землю.

Утварь, очень точно переданная в иллюстрациях статьи А. А. М и л л е р а, частью хранится в шкафу, частью разбросана по скамейкам, частью развешена на зацепленных за стены и жерди дере-

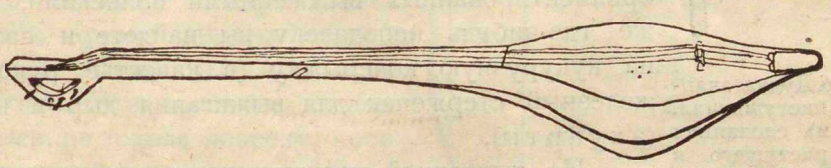

Рис. 5. Музыкальный инструмент с 4 шелковыми струнами.—Сел. Джирхва, поселок Хопы. (Из коллекции, приобретенной для Музея Народоведения).

вянных крюках. Ни глиняной, ни медной самодельной посуды нет. Небогатый инвентарь состоит большей частью из деревянных поделок или из покупных вещей. Деревянные поделки очень просты и лишены украшений. Здесь мы видим цельный (из кругляка) липовый подойник (а н ы́ г а) со вставным дном, такое же ведерко (а б о к у́ л) для мацони с деревянной крышкой и обручами, резные чашки (а ч а́ к у а́), кружки, лохани (а с а́ а р а), корытца (а ч у́ к) для омовения ног, сделанные из ольхи, липы или красного дерева; решета (а л у́ х т а) для муки, с сосновым ободом и ситом из конского волоса; палки (а м у с т х у а́ г) с естественной крюковиной для размешивания загустевшей кукурузной мамалыги, круглые лопатки для мешания еще не загустевшей мамалыги и для раскладывания ее порциями на тарелки или прямо на стол, при чем для члена семьи хозяйка кладет ч а х р а́ к—ординарную порцию (одну лопатку), а для гостя—а й к у ц а́ к, т.-е. двойную, чтобы гость не принужден был сам просить второй раз. Из более крупных поделок упомяну: долбленую ступу (а л а х у о р а́) в виде чаши (высота 100 *см*) с кривым пестом (длина более 70 *см*), предназначенную для хлебного растения гомы, и подставку (а к у а́ п т а р г ы́ л а) для котла, сделанную из поставленного на 4 невысоких ножках обрубка, середина которого выдолблена в соответствии со сферической округлостью котла. Сняв с очаговой

цепи кипящий котел, хозяйка ставит его обычно на эту подставку и приступает к дальнейшим действиям своего кулинарного искусства.

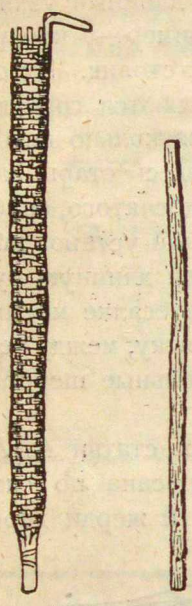

Рис. 6. Дудка (ачарпáн) пастушья (дл. 0,67 м), сделанная из растущего в нагорной полосе тростника; к ней плетеный из древесной коры футляр.—Сел. Джирхва, поселок Хопы. (Из коллекции, приобретенной для Музея Народоведения).

Для целей обихода мы также встречаем целый ряд разных плетений, как-то: решетка (ахуáрты) из орешника для копчения сыра, кошелка (ашы́ра) прямого плетения из коры черешни для носки пищи и собирания фруктов; разного размера открытые корзинки (акалáт) из мелкого орешника, в основе почти квадратные, а сверху округлые,—употребляющиеся для разных продуктов и винограда, корзинки (акацкýр) для шерсти, хлопка, рукоделий и т. п. и, наконец, довольно большая корзинка (ахуáрты), предназначенная специально для хранения остатков трапезы; корзинка эта имеет редкое решетчатое дно (как решетки для сыра), округлые углы, досчатую откидную наполовину крышку с деревянной ручкой и вставные ножки по углам, сделанные в виде плоских вынимающихся лопаточек, слегка орнаментированных выжженными полосками; здесь же где-нибудь неподалеку вы найдете и надетый на кукурузную кочерыжку (в качестве рукоятки) железный стерженек для выжигания дыр и ножек (ахуáрты).

Из тыквенной посуды упомяну цедилку (ахрадзáг) для молока, которое пропускается через папоротниковые листья, сосуды (амдж) для воды, фасоли, табачных семян, ковш и воронки для вина и т. п. Медную и глиняную посуду население покупает в Гудаутах. Медные кувшины употребляются для воды, а глиняные—для вина, воды и засола овощей (капусты, помидоров, огурцов, перца). Для варки пищи служат покупные котлы. Обычно хозяйка развешивает их по стенам на деревянных крюках. Такова в общих чертах обстановка амацаýрта.

Акуáц.

Второй тип абхазского жилища, так. наз. акуáц,— конус, круглая плетеная постройка, стены которой представляют собой цилиндр, а крыша — поставленный на него конус. Это очень легкая и простая постройка, идущая от старины и распространенная до настоящего времени. Колья, высотой около 2 *м*, вбитые в землю крýгом с диаметром $3^1/_2$—4 *м*, заплетены хворостом. Незаплетенным остается (во всю высоту стен) одно лишь входное отверстие (приблизительная ширина 0,70 *м*). К этим легким стенам, обмазанным внутри глиной, снаружи приставляются вплотную (как в кабардинских домах), приблизительно на равных расстояниях, столбы (адырюйáла) такой же высоты, как и стены. Верхушки столбов с внешней части стесаны, а вну-

тренняя, примыкающая к стенам их часть, ставшая т. о. почти плоской, забрана в плетень. Над входным отверстием положен косяк — легкая кривая балка, представляющая собой некоторую дугу (длина более $1^1/_2$ *м*), соответствующую окружности, образованной стенами постройки. Балка эта — название то же, что и верхних балок, лежащих на стенах амацаýрта (ахарпá),—собственно держится на кольях стен, на каковые она надета своими дырами. Не менее просто устроена и конусообразная крыша акуáц. Жерди (ахáхцах), сходящиеся шалашом, скреплены в своих верхних частях попарно (конец одной вбит в отверстие другой) и, расходясь лучами во все стороны, опираются на стены, при чем концы жердей несколько нависают наружу, а от точек соприкосновения со стенами и выше жерди заплетены несколькими рядами хвороста, как бы продолжающими стену; поэтому, если вы войдете в акуáц, вам покажется, что стены на известной высоте загибаются внутрь, суживаются, переходя в нижнюю часть конуса крыши и сравнительно со своей наружной стороной идут *см* на 6—8 выше. Следует заметить, что, кроме длинных жердей в составе крыши акуáц, есть и короткие. Эти короткие и тонкие палки, не доходя доверху, косо накладываются на основные жерди и стены, заполняя т. о. слишком широкие, вследствие лучеобразного расхождения основных жердей, пробелы в нижней части остова крыши. Наконец, чтобы придать крыше бóльшую прочность, жерди его проплетаются венцами (ачáрг) из хвороста в двух местах—выше и выше, и оба эти венца—нижний с бóльшим диаметром, верхний с меньшим—отчетливо видны, опять-таки внутри акуáц, на шероховатом от связанных пучками стеблей папоротника и закопченном исподе крыши. Остальные подробности постройки, а равно и ее наполнение, соответствуют тому, чтò мы говорили, описывая амацаýрта, только здесь всего меньше и, большей частью, все беднее. Покрыта постройка папоротником. На схематическом плане (рис. 7) показано расположение очага, нар и неподвижного стола для стряпни. Очаговая цепь подвешена к продольной жерди, лежащей на поперечных (если считать от входа) перекладинах, укрепленных в стене. Над нарами в старину вешался особый тканый шерстяной полог (ахархá).

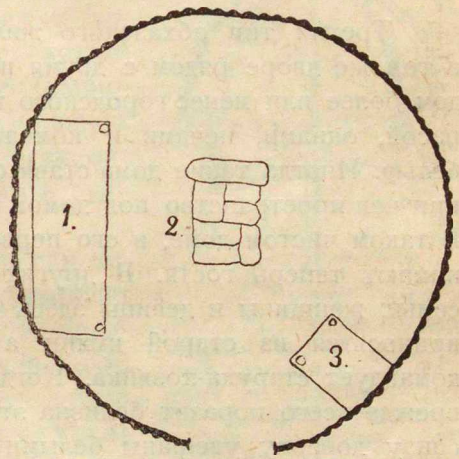

Рис. 7. Схематический план акуáц: 1. Нары досчатые (выс. 0.35 *м* от пола). 2. Очаг. 3. Стол для стряпни.—Сел. Лыхны.

Акуáц—постройка очень легкая и недолговечная: все наблюденные мною этого рода жилища насчитывали не более 10—15 лет существования и принадлежали большей частью беднякам. Но не исключительно. У некоторых хозяев рядом с хорошей постройкой ама-

цаýрта есть и акуáц, либо как кладовая, либо как добавочное жилое помещение, либо как жилище, предназначенное специально для новобрачных и называемое в этом случае амхарá, что вполне соответствует абазинскому мхарá и кабардинскому лагуна—комната снохи, пристраивавшаяся сбоку к основному жилищу стариков. Разумеется, для целей амхарá не всегда служит именно акуáц, т. к. амхарá—это вообще всякий отдельный дом, предназначенный для новобрачных.

По своей форме абхазская постройка акуáц напоминает встречающиеся в Большой Кабарде старинные круглые кухни.

Дом нового типа.

Третий тип абхазского жилища, которое часто стоит на одном и том же дворе рядом с двумя первыми,—каменный или деревянный дом более или менее городского типа, нередко крытый железом, с террасой, окнами, печами и комнатами, обставленными городской мебелью. Иногда такие дома ставятся приподнято, на кирпичных столбах, при чем пространство под домом приспособляется для нужд виноделия. В таком чистом доме, в его первой большой комнате, обычно и принимают теперь гостя. В других комнатах живут и работают члены семьи; женщины и девицы здесь ткут, прядут и вышивают, а кушанья приносятся из старой кухни амацаýрта, где всем распорядком командует старуха-хозяйка. Когда вы войдете в первую комнату, вас прежде всего поразит белизна этого интерьера—буквально все стены снизу доверху увешаны белыми льняными или хлопчатыми орнаментированными тканями—полотенцами, полосками, завесами. Такой же чистой белой скатертью покрыт стоящий посередине большой стол. Вдоль двух-трех стен идут украшенные льняными подзорами нары с горами аккуратно разложенных подушек и одеял и легкими шерстяными коврами на свободных от постельных принадлежностей местах. На некоторых стенах висят яркие большие ковры. На столе вы увидите поднос с рюмками и стаканами и фотографии без рамок, прислоненные к каким-нибудь молитвенникам или шкатулкам и бросающиеся в глаза входящему гостю. В углу мало заметная икона, если дом православный, а около нее на стене расклеена во множестве экземпляров лубочная картинка, изображающая праведника и грешника в разных стадиях жизненного пути и вид Ново-Афонского монастыря. Впрочем, этими картинками не гнушаются и мусульманские абхазские дома.

Все, что вы здесь видите—полотенца, завесы, подзоры, покрывала, ковры,—дело рук самой хозяйки или ее дочерей. Но прежде, чем вы успеете обо всем этом хорошенько расспросить, хозяин усадит вас за стол.

Пища.

Принятие пищи у абхазцев даже и в повседневной жизни обставлено несколько торжественно, если же есть гость, то эта торжественность усугубляется. Прежде всего, усадив вас за стол, хозяин начнет вам предлагать ахы́жлага, т.-е. закуски, принесенные и расставленные девицами: вылущенные грецкие орехи, простые орехи, каштаны, вареная на меду пастила из инжира (винной ягоды), груши, яблоки, вареные кукурузные початки. К угощению полагается своя виноградная водка (арахы́). Не бывавший в Абхазии может подумать, что этим все и ограничивается, и не рассчитает своих сил. Между тем, это только малозначущее вступление. Наугощав вас так в течение довольно долгого времени и дождавшись, пока женщины, одетые, кстати сказать, в кофты и юбки по-городски (национальный костюм не сохранился), не принесут настоящих кушаний, хозяин пригласит вас откушать. Для этого сперва надо умыть руки и выполоскать рот.

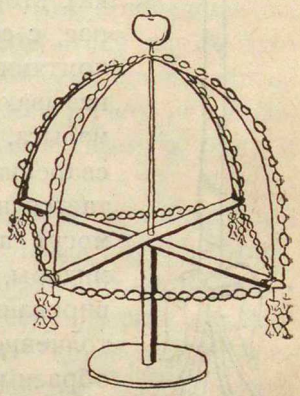

Рис. 8. А́хянапа — деревянный каркас, украшенный каштанами, конфектами и яблоком, — приз на скачках, устраивающихся во время поминок. До скачек а́хянапа стоит на столе среди угощений.—Сел. Лыхны. (Из коллекции, приобретенной для Музея Народоведения).

Первый должен проделать это сам хозяин. Девицы (или молодые люди) приносят кувшин с водой, таз и полотенце. Во время умывания хозяина все без исключения должны встать. Одна девица льет воду, другая дожидается с ручным полотенцем (анпа́хши). После хозяина умывается почетный гость и остальные по старшинству и достоинству, при чем стоять во время умывания остальных обязательно только для молодежи. Приступая к умыванию, считается неприличным не поспорить, предлагая эту честь вперед себя другому, который в свою очередь решительно отказывается.

Подойдя после умывания к столу, вы увидете, что все ахы́жлага (закуски) убраны, а вместо них расставлены афаткуа́ (кушанья).

Для каждого обедающего или ужинающего поставлена тарелка с большой двойной порцией желтой мамалыги (абы́ста). Эта порция (айкуца́к) составляет, думается, не менее 3 фунтов крутой и тяжелой кукурузной каши. Абхазцы очень любят мамалыгу, предпочитая ее хлебу, и свою порцию съедают за столом почти всю. Мамалыга — основная пища. Рядом с мамалыгой, по возможности, для каждого отдельно, поставлено блюдце с острым соусом, а в середине общая тарелка с жареной на вертеле сушеной бараниной или с кусками вареной курицы, слегка обжаренными и натертыми разведенным в вине красным перцем. Ни вилок, ни ножей, ни ложек нет;

тонкие плоские с длинной рукояткой роговые или деревянные ложки подаются только для кислого молока. Отщипывая рукой кусок горячей мамалыги и макая его в соус, вы начинаете угощаться, беря с общей тарелки кусочек мяса. Из мясных блюд еще не редкость кушанье из жареных перепелок, нарезанных кусками и приправленных перцем. Виновника этого угощения — ручного сокола — вы часто можете видеть на привязи под навесом амацаўрта. „Он у нас все равно, что дойная корова, — пояснит вам хозяин, — за утро наловил больше 40 перепелок". После мясного может быть подано на маленьких тарелочках второе блюдо, например, вареная фасоль, толченая, с солью и красным перцем и к ней нарезанная ломтями редька. Такие кушанья, острые и постные, называются ацáаткуа. Иногда вторым подается мамалыга, приготовленная из белой кукурузной муки и сваренная с творогом, — это кушанье (áйлыджь) считается почетным, его тоже едят с соусом. Затем вам могут предложить маринованные овощи: капусту, помидоры, болгарский перец, огурцы, все это консервированное в очень крепком маринаде из уксуса, толченого грецкого ореха и перца и соли. Разнообразные соуса из барбариса, помидоров, грецкого ореха и др. обжигают вам рот. Для более легкой трапезы, соответствующей нашему завтраку, подают неизменную мамалыгу, копченый коровий сыр пшеничные пирожки с творожной начинкой, мед, кипяченое с солью молоко, кислое молоко и др. Ни одна трапеза не обходится, конечно, без вина. С описанными выше сладкими закусками (ахы́жлага) пьют водку, а при основном угощении (афаткуá) подается красное вино. Женщины и девицы, которые за столом, по обычаю, не сидят, а присутствуют в комнате, прислуживая гостям, внимательно следят, чтобы стаканы не оставались пустыми. Подходя к гостю с кувшином, девица шутками, упрашиваниями и улыбками заставляет его осушить застоявшийся стакан, чтобы снова его наполнить. Каждый стакан обязательно сопровождается тостами. Даже и без гостя, в простой домашней обстановке, после трудового дня, за низким абхазским столом в закопченной амацаўрта, хозяин, его брат и два-три работника-мингрельца, нанятых на сбор винограда, сидя за скромным ужином, ни одного стакана, ни одной рюмки не выпьют без тоста. Есть тосты обязательные и идут они в известной последовательности. Гостю от них отказываться неприлично. Сперва пьют за общее благополучие дома, потом за хозяина, потом за гостя, потом за хозяек, и, наконец, снова за благополучие дома. Во время

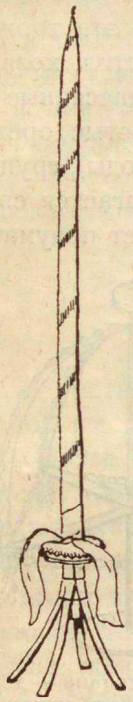

Рис. 9. Поминальная восковая свеча (акилантáр) на деревянной подставке; перевязана белым бантом и раскрашена красной спиральной полоской. Дл. 0,60 *м*. Ставится на поминальном столе среди угощений. – Сел. Лыхны. (Из коллекции, приобретенной для Музея Народоведения).

гостей особенно важных (напр., за хозяина) все должны вставать и пить стоя. Кроме того, пьют за присутствующих лиц, за Абхазию, за успех в работе и т. п. В каждом случае произносится соответствующая речь, на которую часто бывает и ответная. Поднявший за вас тост имеет право требовать, чтобы вы не только с благодарностью и поклоном выслушали его речь, но и осушили свой стакан—это называется пить благодарность. Если вы поднимаете тост за какую-нибудь из присутствующих девиц или женщин, она обязательно пьет благодарность, а вы должны рукой взять со стола кусочек мяса, сыра, или чего-нибудь еще и подать ей. Принимая от вас кусок, она делает обычное благодарственное мановение правой рукой. Иногда к шумному, несколько опьяневшему столу чинно подойдет пришедшая из а м а ц а ў р т а старуха-хозяйка. Тотчас поднимается тост за ее здоровье, она с достоинством отвечает, выпивает рюмку водки и садится за стол, принимая участие в общей беседе, но сама ничего не кушая.

После угощения присутствующие должны снова вымыть руки и выполоскать рты.

Упомяну и еще об одном угощении, на котором я присутствовал. Неподалеку было назначено моление (а н ы х а р а к у а) с жертвой для уврачевания болящей. К началу мы опоздали; хозяйка дома, бледная изможденная женщина, для которой была устроена эта церемония, уже возвращалась и попалась нам навстречу, когда узкая тропинка подвела нас к небольшой кукурузной площадке. Здесь, перед положенными на землю досками с пищей, сидели мужчины, а впереди стоял шест с прикрепленными к нему рогами и копытом только что зарезанной жертвенной козы. Угощенье состояло из мамалыги, вина и сваренного мужчинами на костре козьего мяса. Разумеется, и здесь произносились тосты. Однако, когда я попробовал, во время обращенного ко мне приветствия, подняться с места и выпить стоя, мне указали, что на молениях этого делать нельзя, так как в это время вся честь воздается богу, а друг перед другом вставать не подобает.

Пища абхазцев, наблюденных мною, сравнительно с пищей северо-кавказских народов, носит несколько иной характер: там больше мяса, а также изобилует масло и другие молочные продукты, здесь же преобладают овощи, ягоды, фрукты, орехи, вино, а кушанья, обильно уснащенные перцем, отличаются необыкновенной остротой.

Когда гость сыт и пьян, его, если угощенье происходит вечером, с большой заботливостью укладывают спать. В той же первой большой комнате „городского дома", где происходил ужин, убрав со стола, женщины готовят ему постель. Подушки, перины, одеяла, простыни—все это сработано дома, все в образцовом порядке и всего много. В старину укладывание гостя спать составляло своего рода церемонию: девушки или женщины омывали ему ноги и снимали одежду. Теперь обычай этот, конечно, упростился, но все же раздеваетесь и ложитесь вы в присутствии женщин, которые, пробыв в комнате еще некоторое время, посмеются между собой, поправят на вас одеяло, слегка пригасят лампу и, наконец, выйдут, пожелав вам спокойной ночи.

Женские рукоделия.

Обратимся теперь к беглому обзору тех рукоделий, обилие и разнообразие которых так бросается в глаза в абхазском доме.

Абхазские женщины большие мастерицы. В старом быту существовал даже особый предмет, а д а п а́ (рис. 10), род деревянного портфеля, специально предназначенный для хранения выкроек, обрезков сафьяна и различных принадлежностей женских рукоделий. Богато украшенные резьбой а д а п а́ дарили невестам. Приобретенный мною для музея экземпляр, дающий представление о старой резьбе по дереву, состоит из двух досок. Лицевая сторона верхней доски украшена резьбой. Нижняя доска снабжена рукояткой, также орнаментированной с лицевой стороны. Часть рукоятки (правый диск) отломана. Хранимые в а д а п а́ рукоделия кладут между досками и затем доски связываются веревкой (за зубцы). На исподних сторонах досок резали ножом сафьян.

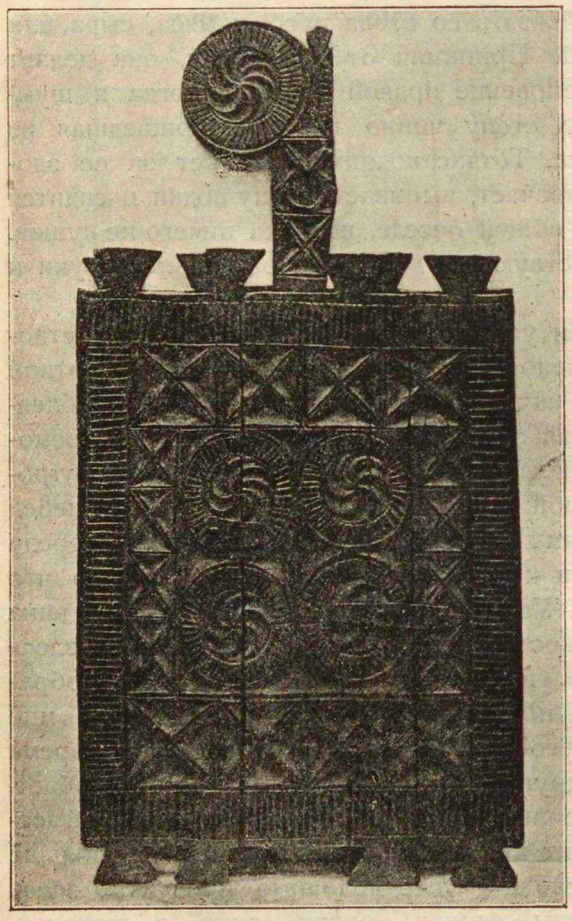

Рис. 10. Адапа́ (размер 0,37×0,30 *м*). Вещь сделана около 85 лет тому назад.—Сел. Джирхва, поселок Хопы. (Из коллекции, приобретенной для Музея Народоведения).

Касательно основных процессов работы (имея в виду сейчас шерсть) можно сказать, что весь путь от руна до готовой нити, а именно: стрижка, мытье, перебирание руками, расческа на шерстечесалках (а л а с к у́ г), разбивка лучком (а л а с ы́ ц к я г), прядение с веретеном (а д а р д ы́) являет нам весьма обычную на Кавказе картину, при чем термины вполне совпадают с абазинскими. Дальше на пути от веретена до ткацкого станка (имея в виду теперь не одну только шерсть, но и лен, и хлопок) мы имеем некоторые особенности, а именно: льняная нить у абхазцев подвергается большему количеству процессов, чем шерстяная и хлопчатая. Льняную нить с веретена переводят на так наз. а г у а́ н д ж я—особую дощечку длиной в локоть и,

наматывая 10 раз по 10, что составляет 1 чи́лак, который перевязывается в пучок, получают на агуа́нджя 5 таких пучков-чи́лак. Связка в 5 чи́лак, снятая с агуа́нджя, проваривается с золой и сушится. После сушки нити перематываются на аччи́га,—приспособление, состоящее из вертящихся на оси двух крестообразно скрепленных планок, по концам которых проделано по нескольку дыр (одна за другой от периферии к центру) со вставленными в них колышками. Нить наматывается на колышки, поставленные ближе или дальше от центра, смотря по надобности (бо́льший радиус для ковровой шерстяной нити, средние—для льняной, меньшие—для шелковой). После аччи́га лен мотают в клубки и, наконец, втыкая в землю на дворе три палки, сматывают и вяжут в большие пучки, идущие уже на ткацкий станок и предназначенные для какой-либо определенной цели (например, 7 чи́лак для 6 полотенцев и т.п.).

Рис. 11. Коленное полотенце из хлопка с тканым рисунком (размер 2,15 × 0,33 *м.*)—Сел. Джирхва, поселок Хопы. (Из коллекции, приобретенной для Музея Народоведения).

Шерстяная же нить, а также и хлопчатая, у абхазцев часто проходит от веретена до станка весьма сокращенный путь, а именно выпадают агуа́нджя и аччи́га (процессы, которым обычно подвергается шерсть у народов Сев. Кавказа), а шерсть с веретена идет на клубок. Это обстоятельство, которое, может быть, следует еще подтвердить и проверить дальнейшими опросами, как будто показывает, что льняная ткань у абхазцев старее шерстяной. Замечу, что сами абхазцы так и утверждают, говоря, что льняные ткани у них идут из старины, в старину были льняные одежды, тогда как шерсть раньше не ткали, а валяли. На бо́льшую традиционность тканья льна указывает и один факт из области духовной культуры, а именно во время так наз. фамильных запретных дней (а́мштар), когда на некоторые работы накладываются запреты, в числе запрещенных дей-

ствий значится и тканье льна, тогда как ткать шерсть и хлопок в эти дни можно.

В наблюденном мною случае за станком, находившемся в маленькой комнате, сидела ткачиха, дочь хозяйки, и, работая без челнока, кропотливо подсовывала поперечную нить, делая т. о. орнамент. Среди крайних нитей льняной основы одна была красная и отчетливо выделялась среди других, находясь у правой руки ткачихи. Это ориентировочная нить ала́пса, чтобы не сбиться и не сместить узор. Деревянный вал (а л ы́ р а), с намотанной на него полосой ткани был по моей просьбе снят со станка, а полоса, оказавшаяся длиной сажень в 8, развернута. Это были очень хорошо сработанные полотенца с тканым красным орнаментом—на одном стилизованные барашки (по словам ткачихи, плод ее собственного творчества), на втором—виноградные листья, перенятые с других полотенец, а этими последними — с городских журналов, на третьем — более архаический орнамент из крестов и т. д. На тканье подобных узоров обычно идут черные и красные покупные нитки.

Рис. 12. Коленные полотенца (размер—левое 1,37×0,30 *м*; правое 2,03×0,44 *м*) из хлопка.—Сел. Лыхны. (Из коллекции, приобретенной для Музея Народоведения).

Кроме полотенец ручных а н п а́ х ш и (для умыванья) и коленных а щ а́ м к у р ь ш ь (более длинных, предназначенных для подарка и кладущихся во время обеда на колени вместо салфетки), ткут всяческие подзоры, скатерти, завесы, покрывала и т. д. и просто легкие ткани для пошивок (рис. 11 и 12).

В орнаменте часто вы узнаете черты городского влияния (каких-нибудь журналов, рисунков для рукоделия, городских вещей и т. п.). Абхазцы очень переимчивы, и раз попавший в их среду рисунок может быть затем распространен по всему селению. Орнамент более самобытный и старый обычно бывает проще, носит геометрический характер и по своей технике часто отличается тем, что дает на ткани небольшие сквозные отверстия. Когда льняная ткань готова и снята со станка, ее, чтобы достигнуть большей белизны, кладут на 1—1$^1/_2$ часа в раствор лошадиного помета, а затем тщательно промывают на реке.

Производство очень распространенных домотканных шерстяных ковров типа паласов, с затканным или вышитым рисунком, мне, к со-

жалению, видеть не удалось. На этих коврах (аурха́л), как и на легких тканях, обычно заткан рисунок, при чем старый (более простой геометрический и часто дающий сквозные отверстия) в настоящее время значительно вытеснен новым, сложным, вычурным и носящим городской отпечаток или даже вышитыми изображениями лубочного стиля. Вообще в отношении орнамента в тех селениях, где я был, пришлось наткнуться на забвение старых традиций.

На вопросы—какой рисунок делали раньше, как назывались и что изображали рисунки и т. п., отвечали обычно незнанием.

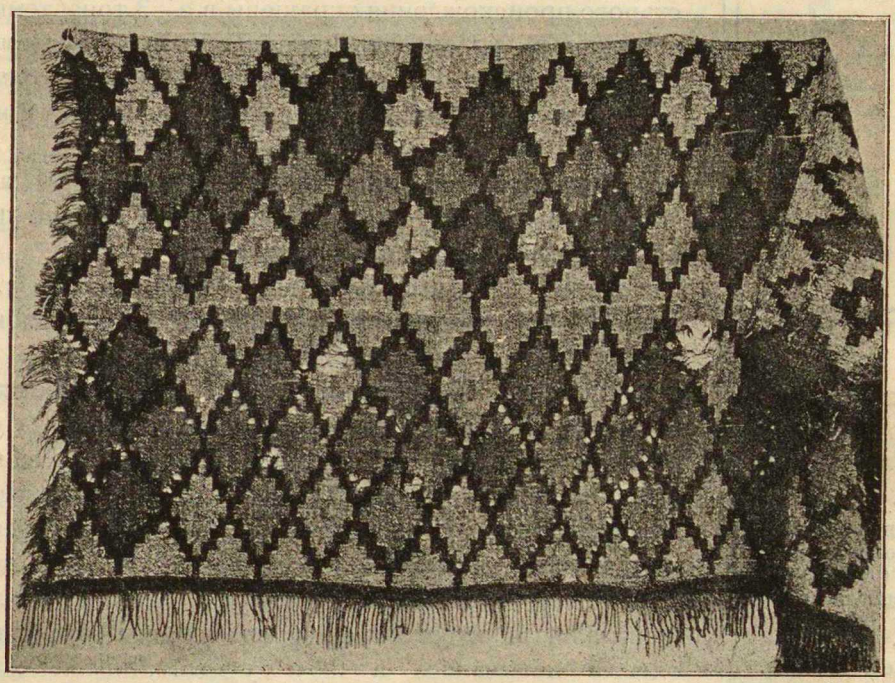

Рис. 13. Шерстяной ковер (аурха́л) старого типа (размер 2,25×1,15 *м.*). Цвета нитей—коричневый, оранжевый, белый. Соткан в сел. Куланирхва, Гудаутского уезда лет 50 тому назад. (Из коллекции, приобретенной для Музея Народоведения).

На вопрос же, откуда взят данный рисунок, мастерица обычно говорила, что видела у соседей и переняла, а что он значит, как называется—это ей неизвестно. И действительно, буквально одну и ту же композицию, явно не самобытную, я видел в целом ряде случаев в одном и том же селении. Кроме примера соседей или веяния, зашедшего случайно извне, в рисунках часто проявляются и плоды собственного творчества. Это особенно заметно на коврах с рисунком не затканным, а *вышитым*, чего, по словам стариков, раньше не было. На одном таком тонко сработанном и богато вышитом ковре в середине были изображены два больших сан-бернара в ошейниках, смотрящие друг на друга. Вся остальная поверхность вокруг собак была пестро орнаментирована и усеяна мелкими изображениями, среди которых отмечу длинноногую речную птицу и охоту на льва.

Птицу вышивальщица изобразила, как она ее видела в натуре, а охоту на льва скомпановала по своему разумению так: стоящий мужчина (фигура взята ею с фотографии) в вытянутой руке держит непропорционально большой браунинг (браунинг взят с натуры) и целится в величественную фигуру геральдического льва (взятую ею, повидимому, с изображений каких-нибудь медалей, гербов или торговых марок). Ковры, особенно новые, имеют очень пеструю раскраску, сделанную при помощи покупных красок, тогда как ковры более скромного вида и старого происхождения окрашены в 2—3 тона(темно-коричневый, красноватый, желтоватый), получаемые из натуральных красок (кора дуба, ольхи, ореха, особая грязь из болотистой почвы, так наз. „черная земля"). (Рис. 13).

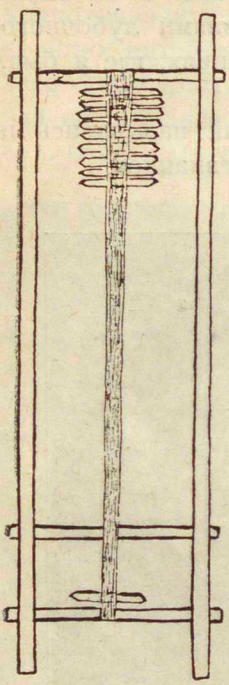

Рис. 14. Деревянный станочек (ака́да) для изготовления шнура (шелкового или хлопчатого) с начатой работой. (Размер 0,95×0,26 *м*). —Сел. Лыхны. (Из коллекции, приобретенной для Музея Народоведения).

Ковры обычно украшают стены и нары, а в некоторых случаях стелятся и на пол, а именно при оплакивании женщинами умерших.

Такие ковры называются а у с а́ д ж я д а́, т.-е. „заменяющие овечью шкуру", из чего, повидимому, следует, что раньше стелилась овчина.

Наконец, есть еще один вид ковра, представляющий, очевидно, вторичное явление,—это т. н. а у р х а́ л-х у л д а́, т.-е. ковер с вытянутой с одной стороны петлями шерстью, как бы имитирующий полость бурочного характера, испод которой гладкий, а лицо мохнатое. Следует припомнить, что, по словам стариков, в старину шерсть не ткали, а валяли, и изготовляемая из шерсти бурочная одежда называлась а ч и́ б а-х у л д а́. Лицевая сторона ковра а у р х а́ л-х у л д а́ представляет собой довольно мохнатую поверхность из вытянутых шерстяных петель.

Упомянутый выше полог над постелью а х а р х а́—тоже ковровая шерстяная ткань, узкая и неяркая по раскраске. Наконец, очень распространено плетение шнуров — о ч к у р о в (рис. 14).

Хозяйственные постройки.

После обзора жилых построек и их бытовой обстановки, нам остается просмотреть теперь хозяйственные постройки. Из расположенных на дворе хозяйственных построек: хлева, амбара для кукурузы, курятника и сарая, т. н. а к а з а́ р м а, зайдем прежде всего в этот сарай, который интересен не как постройка (построен он кое-как, часто на манер русских построек), а как домашний винный завод. Вдоль стен стоят на прочных подставках массивные долбленые глубокие колоды(ана́ху), длиной до 7—8 *м* и более, сделанные из цельных бре-

вен (от 70 *см* и более в диаметре). К раскрытым воротам сарая подъезжает запряженная буйволами арба, нагруженная черным виноградом. Молодежь и нанятые работники-мингрельцы, весь день проработавшие в винограднике, накладывают с воза полные круглые корзины (30—33 *кг* в каждую) и несут в сарай. Там хозяин проверчивает гроздья через металлическую покупную давилку или сделанную в подражание ей деревянную, поставленную над колодой, пока та не наполнится темным мутным и ароматным соком с плавающими поверх ветками и кожурой. Давить гроздья ногами теперь уже перестали, хотя кое-где, как говорят, можно наблюдать и этот примитивный способ работы. Если хозяин хочет иметь белое вино, то он тотчас после давления вынимает втулку, находящуюся снизу колоды, и выпускает сок в котлы или чаны. Для получения красного вина надо продержать сок в корыте вместе с выжимками от 2 до 7 дней. Шестидесятиведерная колода может дать либо все 60 ведер красного вина, либо 40 ведер белого и 20 красного, так как последняя треть всего количества может быть выцежена из колоды только через несколько дней, отстоявшись, и т. о. волей-неволей из нее получится красное вино. Белое вино больше идет на продажу.

Свежий, выпущенный из корыта сок, представляет из себя т. н. маджáру, сладкое молодое, очень слабое вино, которое затем, перебродив, приобретает крепость. Из полного корыта получается от 60 до 100 и более ведер вина.

Когда сок выцежен, оставшиеся в корыте выжимки эксплоатируются еще при помощи устроенного на дворе виноградного пресса (часто теперь заменяющегося механическим), выжимающего последние остатки красной маджары. Если же хозяин хочет гнать виноградную водку, то выжимок под пресс он не кладет, чтобы их окончательно не истощить. Тут же в сарае часто вы видите и примитивный самогонный аппарат.

Преобладающий сорт винограда, т. н. „изабелла“, крепкого вина, могущего продержаться несколько лет, не дает. В общем, виноделие и до сих пор у большинства хозяев остается очень примитивным. Лишний штрих в этом отношении—самый виноградник и способ сбора: лоза вьется по высоким деревьям (при чем деревья выбираются без колючек), перекидывается с одного на другое. Сбирающие лазают по веткам, часто забираясь на самую макушку, рвут кисти и, наполняя ими конусообразные корзинки, спускают на веревке вниз. Во время виноградной страды работа идет чуть ли не круглые сутки: днем собирают, а вечером и ночью давят. В теплую осеннюю ночь, долго-долго после того, как гостей уложат спать, работающие будут еще суетиться около сарая, перенося ведра с маджарой и корзинки с гроздьями. Вблизи двора, у плетня, в винограднике вы можете заметить едва торчащие из земли и прикрытые камнями горлышки больших врытых в землю и в это время года пустых глиняных кувшинов, предназначенных для хранения вина, а рядом тыквенный ковш, тряпку и щетку для чистки кувшинов, сделанную из стопки

одинакового размера четырехугольных, нарезанных из древесной коры пластинок, насаженных на палку [1]).

Кроме сарая, как мы уже говорили, на дворе находится небольшой хлев (аб о́ р а) для овец, коров или буйволов. Это б. ч. четырехскатная плетеная постройка (приблизительно размером 2 × 3 *м*), крытая папоротником и с входным отверстием в узкой стороне. Иногда где-нибудь под навесом около хлева или в сарае вы увидите обыкновенную ручную мельницу с каменными жерновами. Хлева для коз, который в старину ставился на сваях, а теперь встречается редко, к сожалению, мне видеть не удалось, а также не попадались мне и хозяйства, где были бы козы.

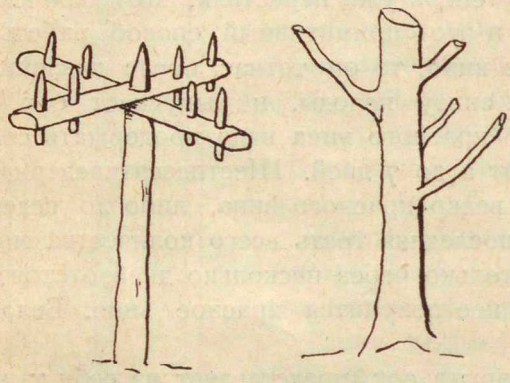

Рис. 15. Коновязи.—Сел. Лыхны.

Амбар (ацá) для кукурузы б. ч. представляет из себя стоящую на сваях небольшую плетеную 2-скатную постройку (приблизительно размером 1,5 × 4,3 *м*) с дверью в узкой стороне, досчатым дном и крытую дранью. Плетень сделан так же тщательно, как и у жилой постройки (а м а ц а у́ р т а), т.-е. хворостом из рододендрона заплетены не простые колья, а обделанные дубовые планки.

На сваях же бывает обычно устроен и неизменно пребывающий на дворе курятник (а к у т ы́ л ц ы р), плетеная постройка с одним наклоненным назад скатом, крытым дранью. Передние столбы курятника обычно бывают приставлены к плетню, огораживающему двор, а задние столбы и, в сущности, сам он, т. о., находятся за пределами двора, в саду, в целях чистоты двора. Обходя двор, вы иногда увидите вблизи жилой постройки коновязь (а ч и х а р п а́ р т а) естественную—дерево с обрубленными сучьями, или искусственную — столбик с перекладинами и деревянными гвоздями (рис. 15) и очень часто—дерево, на нижние ветки которого вокруг ствола наложен стог кукурузной соломы. При таком роде использования дерева его нижние и средние ветви, по объяснению абхазцев, частью глохнут, частью намеренно подрубаются, а верхушка продолжает зеленеть над стогом и вытягивать ствол как бы в виде маленького деревца, выросшего из стога и защищающего его от непогоды.

Прощаясь с хозяином, вы должны в последний раз принять угощение, а затем, когда настанет время ехать, он почтит вас, как уже своего человека, тем легким объятием, которым обычно обмениваются при встрече знакомые (будь то мужчина и женщина), взаимно касаясь губами плеча. Поддержав вам стремя, он возьмет стаканы у вышедшей с подносом в руках женщины, произнесет речь и только после этого позволит вам уехать.

---

[1]) Впрочем, этот старый способ хранения вина теперь очень редок.

ОДЕЖДА „ТУДОВЛЯН“ РЖЕВСКОГО УЕЗДА.

(Из материалов Верхневолжской этнологической экспедиции Российской Академии Истории Материальной Культуры.)

Н. П. Гринкова. (Ленинград.)

Среди населения Ржевского уезда Тверской губернии из общей массы, более или менее однородной по этнографическому составу, выделяется группа населения, живущего по течению реки Туда в пределах Ржевского уезда (теперь Молодотудская волость) и называемого в около-ржевском районе и в самом городе Ржеве „тудовлянами“. По сообщению В. М. Попова [1]), жители Харинской волости, находящейся ближе к Ржеву, называют Молодотудскую волость „белокафтанщиной“ и „Польшей“.

При беглом знакомстве с тудовлянами в настоящее время нельзя заметить резких особенностей в этнологическом облике их, но старые сведения, говорящие об их отличии от остального населения Ржевского уезда, заставляют более внимательно присмотреться к быту тудовлян и поискать этих отличительных особенностей, которые заставили в народном сознании выделить их как-то из общей массы.

Как старые наблюдатели и исследователи 50-х годов прошлого века (Преображенский [2]) и др.), так и позднейшие (академик Е. Ф. Карский [3]) считают тудовлян по происхождению белоруссами. И, действительно, детальное изучение этнографических особенностей этой группы населения Ржевского уезда заставляет присоединиться к этому мнению и считать тудовлян потомками белоруссов, которые подверглись в сильной степени великорусскому влиянию и слились в настоящее время с остальным великорусским населением уезда. Сильное великорусское влияние должно было сказаться в пределах Молотудской волости [4]) благодаря некоторым историческим условиям

---

[1]) „Известия Отд. Русс. Яз. и Сл. Ак. Н.“, 1913, № 3, стр. 265.

[2]) Описание Тверской губ. в сельскохозяйственном отношении. СПБ, 1854.

[3]) Белорусы, т. 1, стр. 17, и Этнографическая карта белорусского племени. Петроград, 1917, стр. 22.

[4]) В Молотудской волости наблюдения производились в следующих селениях: сс. М. Туд, Холмец, Пыжи, дд. Приездово, Станки, Глыздино, Горново, Ванино (Маторино), Курилино, Минькино, Кости, Подсосонники, Шарки, Б. и М. Белогубцево и др.

края, а именно с начала XVII века западная часть Ржевского уезда, принадлежавшая долгое время Смоленску и бывшая во владении Литвы, по Деулинскому договору (1618 г.) перешла к Ржеву, и с этого времени Молотудский район должен был в административном, культурном и экономическом отношении тянуться к тверскому Ржеву, старому центру этого района (упоминается в летописи в 1150 г.); через Ржев Молотудский район завязывает связи и с Москвой. Особенно сильно великорусское влияние сказывается в восточной части района и менее сильно в западной. Исчезновению ярких этнографических особенностей, роднящих тудовлян с белоруссами, способствовали, помимо вышеуказанных исторических причин, также и другие условия. Сношения Молотудского района со Смоленским краем и тем самым укрепление и поддерживание белорусских черт у тудовлян были затруднены естественными условиями. Через северную часть Бельского уезда Смоленской губ. проходит малодоступное и в прежнее время почти непроходимое и пустынное Полесье, благодаря чему эта часть Бельского уезда, примыкающая к Ржевскому, носила и теперь еще носит у смоленского и ржевского населения название „Сибири".

Но несмотря на эти условия, в этнографических особенностях тудовлян можно найти следы их белорусского происхождения. Особенно отчетливо видны эти следы в говоре тудовлян, имевшем лет 50 тому назад целый ряд ярких белоруссизмов, сохранившихся до некоторой степени и в настоящее время у представителей старого поколения. Говор тудовлян следует признать переходным от белорусского наречия к великорусскому [1]). В духовном и материальном быте их также можно наметить ряд переходных черт от белорусских к великорусским, хотя здесь великорусское население сказалось сильнее, чем в языке.

В области материальной культуры наиболее устойчивой в данном отношении оказывается одежда, по преимуществу женская.

Одежда тудовлян в настоящее время мало чем отличается от обычной крестьянской одежды северных и средних губерний. Но по расспросам у населения о старинной одежде и по остаткам в сундуках старух можно восстановить главнейшие особенности одежды до начала XX века, представляющие интерес для характеристики тудовлян, как этнологической группы, и отличающие их от остального населения Тверской губернии.

Мужская одежда в настоящее время, как обычно, уже не сохранила почти ничего из старого. Только старики припоминают, как в их время одевались их отцы и деды, и в то время как женскую старинную одежду еще можно поискать по сундукам в светелках у старух, мужская уже давно бесследно исчезла. Рассказывают, что в старое время мужчины носили рубахи много длиннее, чем теперь,

---

1) Говору тудовлян посвящена нами особая статья, принятая к печати в Академии Наук.

шились они чаще из белого холста; на груди, рукавах и у ворота рубахи вышивались красной ниткой, точно так же как и женская белая одежда (см. ниже). Кроме вышивки, отделкой служили полоски кумача. Кроме того, шились рубахи и из пестряди; позднее, как праздничные, появляются рубахи кумачные, потом ситцевые. Перед войной 1914 г. повсеместно были распространены именно ситцевые рубахи, и только вследствие отсутствия ситца в последние годы вновь вернулись к домотканным.

Штаны раньше носили из набойки; шились они с гачником. Позднее и штаны шьются из покупного материала. В начале XX века в повсеместном употреблении была мужская одежда городского покроя—пиджаки, жилеты и т. п. и сейчас их шьют, хотя из домашнего сукна. Вместо старинных кафтанов шьют пальто, вместо шубы и тулупа—бекешу. Шьют портные из крестьян, которые зимою занимаются портняжным мастерством как подсобным промыслом, ходят по ближайшим деревням, редко уходя дальше 5—10 верст. Портные сами подчеркивают, что мужикам приходится шить сейчас по-городскому, а у баб все еще остается старинный покрой шуб и кафтанов. Вспоминают сейчас старики, что когда-то деды носили белые балахоны до колена из рядного холста, как летнюю верхнюю одежду.

Головным убором в старое время служила валяная шапка, высокая, „как у пъпá“, вероятно, такой же формы, как обычный великорусский гречневик; а в шляпу клали „платоцык тацевой—пот утирать“. В районе около Холмеца показывали как старинную, доставшуюся от деда шапку из шерсти, формы белорусской маргелки.

Кроме того, у мужчин были еще „раγастые на четыре уγла“ шапки, а „хурашки“ появились позднее.

Обувь старая—лапти, которые и сейчас надевают в рабочую пору, хотя сапоги давно уже вытеснили их из обычного употребления.

Наиболее старой женской одеждой, по словам старух и стариков [1]), которые помнят наряды своих матерей, были ферязи, или хверязи, как здесь говорят. Ферязи шились из крашенины или китайки, чаще всего синего цвета. В с. Молодой Туд были свои красильщики, которые и красили холст в крашенину на всю волость. Красильщики по происхождению чаще не местные, а из Корчевы; они же занимались и набиванием холста. После стирки крашенинные и набойчатые ферязи для придания лоска нужно было „бутылкой высманить“, т.-е. прокатать бутылкой.

По покрою это были обычные старинные сарафаны русского покроя, известные по всему великорусскому северу. Отделкой такого сарафана служил позумент („ленды ясные, как ризы“), фабричные шерстяные и шелковые „турецкие ленты“, „хранцуйский“ или „рисский“ ситец, кумач; спереди разрез до половины зашивался, и вдоль

---

1) Мать 85-летнего старика носила ферязи, но его жена, 70 лет, уже не носила (д. Приездово). Мать 60-летней старухи носила ферязи, а она девочкой—сарафан на лямках, а взрослой девушкой—платье с лифом (Белогубцево).

разреза нашивались „ясные“ пуговицы, чаще всего оловянные, редко у кого серебряные; с синими ферязями носились „поясы стаметные“ из красной шерстяной покупной материи. Пояса эти делались шириной в $^1/_4$ аршина, обвивались 2 раза вокруг талии, а концы свешивались сбоку. Из других районов Тверской губ. и других великорусских губерний упоминания в литературе о „стаметных“ поясах, насколько мне известно, нет. Ферязи такого покроя распространены главным образом в самом селе Молодой Туд и в близ лежащих деревнях, что вполне понятно, так как село М. Туд играло большую роль в экономической жизни края с начала XVII века. Административные и торговые сношения с Москвой невольно являлись проводниками и московских вкусов у жителей села, более зажиточных и более культурных по тому времени, чем какая-нибудь деревушка на границе со Смоленской губернией.

Фот. 1. „Платье с ливом“.

Приблизительно в 70-х годах прошлого столетия молодые женщины перестали шить ферязи, старухи донашивали их, конечно, дольше. На смену ферязям пришли „сарахван“ и „платье с ливом“. Сарафаны шились из цветной набойки („нашл'опают масляной краской и сарафан сошьют“), ситца и домашней пестряди. По покрою — это обычный прямой сарафан московского покроя на узких лямках. Надо полагать, что сарафаны были не особенно распространены, так как их сейчас редко носят и старухи. Зато большим распространением среди старух пользуются „платья с ливом“. Это—полуплатье, представляющее собою прямую юбку на сборках, к которой пришит прямой лиф, без рукавов, с прямой застежкой спереди и с небольшим вырезом около шеи (см. фот. 1). Все старые и пожилые женщины, почти без исключения, а также девочки до того возраста, как попадут в разряд „барышень“, носят эти платья, сшитые в настоящее время из пестряди в клетку или из холста, окрашенного в коричневый цвет обычными в наше время в деревне способами.

В районе около более культурного села М. Туд, к тому же лежащего ближе к уездному городу, чем все остальные селения, исчезновение из употребления ферязей произошло раньше, чем, например, в Пыжовщине или Холмещине (т.-е. в прежних Пыжевской и Холмецкой волостях, лежащих к западу от бывшей Молодотудской волости). Здесь кое-где можно встретить даже сейчас у старух сарафан такого покроя.

В волостях, расположенных к западу от М. Туда, в старое время известны были сарафаны, хотя и близкие по внешнему виду к вышеописанным ферязям, но отличающиеся по покрою и названию. Эти

сарафаны назывались „касталаны“ или „насовы“, и по покрою они представляют переходную ступень от насова, известного в более южных и западных губерниях (Калужской, Смоленской и др.), к ферязи и очень близки к тем сарафанам, которые известны в южно-великорусских губерниях. В то время как у ферязи перед состоит из двух полотнищ, сшитых спереди, в касталане перед представляет одно прямое полотнище, к которому на боках пришито по 2 косых полотнища; спина у касталана также из одного прямого полотнища в противоположность ферязи с косым швом на спине (см. черт. 1 и фот. 2).

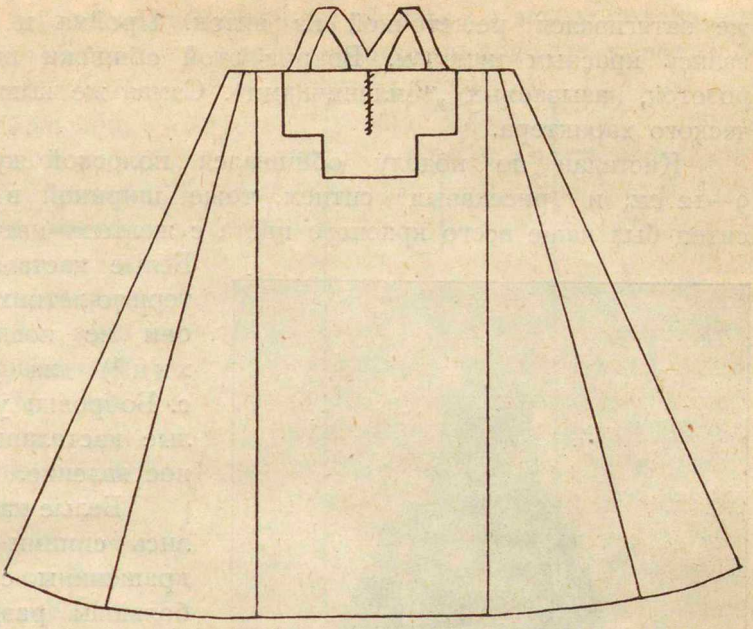

Рис. 1. Покрой „касталана“.

Фот. 2. Касталан.

По определению старух, это та же ферязь „только без пуγавиц“. Такие касталаны в старое время шились из белого неокрашенного холста, простого или рядного, и вышивались красной пряжей на груди таким образом, что вышитая кайма как бы окружала небольшой разрез, идущий сверху вершка на два; этот разрез зашивался или

же затягивался решеточкой из ниток. Пройма и вышивка обшивались красным кумачем. Вокруг этой обшивки идет ряд мелких розеток, называемых „земляничками". Самая же вышивка—геометрического характера.

Касталан по подолу обшивался полоской кумача, шириной 9—12 *см*, и „рисскавым" ситцем, тоже шириной в 9—12 *см*; этот ситец был чаще всего красного цвета с желтыми цветами (см. фот. 3).

Фот. 3. Женщина в касталане из д. Подсосонники.

Белые касталаны носили матери 70-летних старух, но сами они не носили. Разумихин [1]) для 50-х годов для с. Бобровки указывает на белые касталаны, как на обычное явление.

Белые касталаны заменились синими из китайки и крашенины с таким же небольшим разрезом, зашитым сеточкой, и с обшивкой, вместо вышивки, покупной лентой с цветами, шириной в 89 *мм*. Касталаны шились довольно короткие, немного ниже колен. Эти синие касталаны тождественны по покрою и отделке с белыми. В настоящее время ни тех, ни других касталанов уже давно не носят, но в д. Подсосонники удалось найти 2 белых касталана в полной сохранности, доставшиеся в наследство двум молодым женщинам от бабушек. Синий же касталан и сейчас носила в д. Подсосонники нищая старуха, променявшая его нам на ситец. Касталаны подпоясывались нешироким пояском домашнего плетения из цветной шерсти.

В районе, знавшем касталаны, на смену последним появились „платья с ливом" и, наконец, юбки с кофтой.

По единогласному указанию крестьян, касталаны еще и теперь носят в Бельщине (Бельский уезд Смоленской губ., смежный с Ржевским уездом). И действительно, в Смоленске в Этнографическом Музее имеется сходная по форме и названию одежда. Так из д. Батурино Бельского уезда под № 5889 [2]) известен „костолан", очень близ-

[1]) „Этнографический Сборник", т. I, 1853 г., стр. 235—282.

[2]) См. Каталог Историко-Этнографического Музея М. К. Тенишевой в Смоленске. Смоленск. 1909.

кий по покрою к ржевскому; а именно, переднее и заднее полотнища этого „костолана“—прямые, в ширину холста, а боковые полотнища несколько скошены; вырез ворота небольшой, так что в бельском „костолане“ вместо узких пройм ржевского „костолана“ получаются довольно широкие плечи, разрез на груди, идущий вниз от ворота одинаковой величины как на том, так и на другом (см. черт. 2). Таким образом молодотудский „касталан“ представляет переходную форму от бельского к северно-великорусскому сарафану, получая более косые боковые полотнища и более узкие лямки, подобно сарафану; молодотудский касталан можно рассматривать как одежду, сходную с смоленской, подвергшуюся великорусскому влиянию.

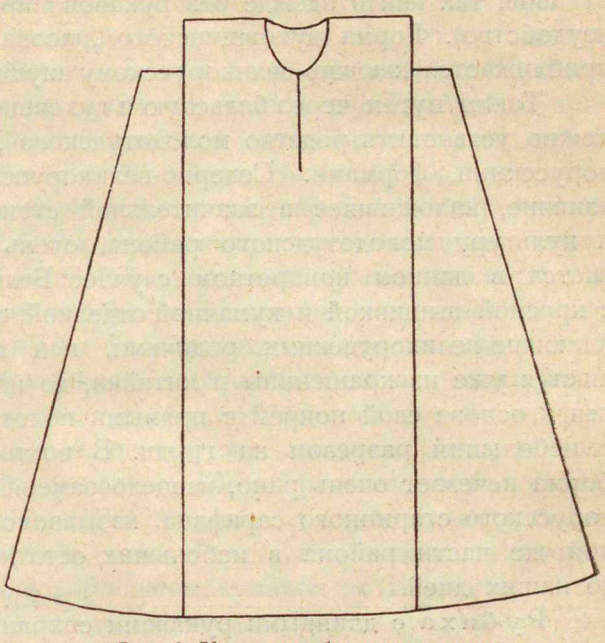

Рис. 2. Касталан бельского типа.

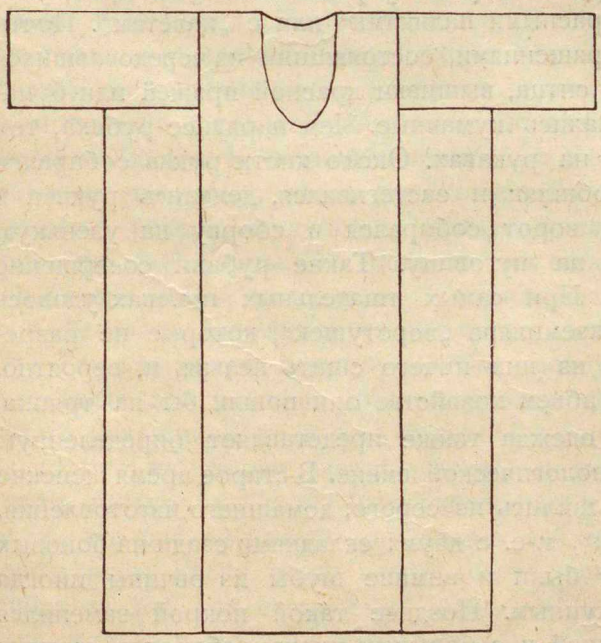

Рис. 3. Насов Духовщ. у., Смол. губ.

Через вышеописанный бельский „костолан“ молодотудская форма приближается, как уже указано, к одежде, известной в более южных губерниях (Калужская, Рязанская, Тульская, Тамбовская) под названием шушпана, реже „насова“ (последний термин известен и в Ржевском уезде). Кроме того, в Смоленском Музее находим под № 5794 одежду из Духовщинского уезда, называемую „насов“, по покрою в основе своей сходную с бельским „костоланом“; отличием от последнего является наличие у „насова“ недлинных рукавов, вшитых в угол, образуемый боковым полотнищем при соединении его с передним и задним (см. черт. 3). Кроме

того, духовщинский „насов“ имеет нескошенные боковые полотнища (последняя деталь покроя в бельском „костолане“ вызвана отсутствием рукавов, так как в одежде без рукавов широкая пройма представляет неудобство). Форма духовщинского „насова“ в значительной степени приближается к южно-великорусскому шушпану.

Таким путем через бельскую и духовщинскую форму этой одежды можно установить родство молодотудского „костолана“ с южно-великорусскими формами. Северно-великорусское, точнее московское, влияние, наложившее в значительной степени свою печать на быт и культуру молодотудского района, очень ярко и наглядно сказывается в данном конкретном случае. Белый холщевый „костолан“ с красной вышивкой и кумачной отделкой, сходный с его смоленскими и южно-великорусскими родичами, под влиянием северной моды шьется уже из крашенины и китайки, до некоторого времени сохраняя в основе свой покрой с прямыми полотнищами спереди и сзади, с небольшим разрезом на груди. В восточной части района такая форма исчезает очень рано, всецело заменяясь покроем северно-великорусского старинного сарафана, называемого здесь ферязи. В западной же части района в небольших остатках эта форма переживает до наших дней.

Рубаха с длинными рукавами сохранилась до сих пор. В настоящее время рубахи шьются из белого домашнего холста и ничем не украшаются. Верхняя часть, как и везде, из более тонкого полотна „нагрудник“, нижняя „подстава“, из более грубого. В прежнее время, еще на памяти старух, рукава рубах украшались очень ярко, упоминают про рубаху с „красными паляками“ или с „палѐтам“. Почти весь рукав был покрыт украшениями, состоявшими из чередовавшихся полос кумача, „рисского“ ситца, вышивки красной пряжей или бумагой. Ластовицы тоже делались кумачные. Чем нарядней рубаха, тем больше и ярче нашивки на рукавах. Около кисти рукав собирался в сборку на узенький обшлаг и застегивался, делались рукава и с „брызжами“. Также и ворот собирался в сборку на узенькую обшивку и застегивался на пуговицу. Такие рубахи совершенно вышли из употребления. При самых тщательных поисках удалось найти два заброшенных экземпляра „воротушек“, которые не разрезаны только потому, что из них ничего сшить нельзя, и, вероятно, в критический момент в бабьем хозяйстве они пошли бы на тряпки.

Верхняя женская одежда также представляет определенную последовательность в хронологической смене. В старое время женские „кафтаны“ или „поддёўки“ шились из серого, домашнего изготовления, сукна с двумя „бори́нками“, т.-е. с двумя складками сзади на боковых швах. Такого же покроя были и зимние шубы из овчины, иногда крытые сукном, уже покупным. Позднее такой покрой заменился покроем с отрезной спинкой и с большим числом сборок в талии— „на спине 3о бари́н“. У стариков еще сохраняются старые овчинные шубы белого цвета, которые позднее заменяются общераспространенными шубами желтого цвета.

Летней верхней одеждой является балахон, который в настоящее время почти совершенно вышел из употребления, за исключением нескольких старух в деревнях около Холмеца, которые еще донашивают балахон. Балахон представляет короткую верхнюю одежду, сшитую чаще всего из белого холста, реже из набойки. Балахон шился обычно немного (21—25 *см*) ниже талии, двухбортный, с прямыми полами. Спинка гладкая до пояса, а ниже представляет собой густо собранные сборки вдоль всей спины. На такой балахон идет 5 *м* 69 *см* холста, как на длинную рубаху или сарафан. У современной молодежи такой бористый балахон вызывает удивление своей шириной („балахон так'ей чудней, так'ей удивленный, уж да таво бари́ст").

Застегивается балахон справа налево, и верхняя пола сверху донизу обшивается кумачом или французским ситцем; так же обшиваются и рукава; у щеголих такая же нашивка идет по подолу балахона. Воротника никакого нет, только обшивка из кумача вокруг выреза. Балахон носился летом, осенью же, кроме кафтана, носили коротышку из сукна, серого или черного, представляющую собой одежду длиной до колен с двумя фалдами на боках, как у более старой разновидности кафтана. По борту коротышка, а иногда и праздничный кафтан, были „обложены кумачом да плисом".

Наиболее старинным женским головным убором тудовлянок был „кокошник" или „ряска", известный также в Осташковском, Старицком и Сычевском уездах. Здешний кокошник представлял небольшую шапочку с широкой поднизью, надевавшуюся только на скрученные сзади на затылке волосы в виде паучка,—эта шапочка и носила название кокошника. По сообщению Д. А. Золотарева, в с. Ельцы (на границе с Осташковским уездом) и в с. Никола-Сишки (около Ржева) эта шапочка носит название „кички". Кокошник этот делался из позумента („золотой плетень") самими носительницами и имел форму каблучка. К шапочке прикреплялась спереди поднизь, у богатых из жемчуга, у менее зажиточных из белого круглого довольно крупного бисера, сходного с жемчугом, или же из светло-желтого, более плоской формы. Эта поднизь, вся сплошь снизанная из жемчуга или бисера очень густо, „рясно", носила название „ряски" (ср. древнерусские „рясы", низанное из жемчуга украшение к головному убору).

Так как самую дорогую и существенную часть головного убора составляла эта поднизь, „ряска", в виду крайне маленького размера самого кокошника, то и весь головной убор получил название ряски. Редко кто из старых женщин называет этот головной убор кокошником, только при детальных расспросах удается получать указание на то, что ряской именно называлась поднизь, а весь головной убор кокошником. Ряску чаще всего низали сами; край ряски, спускавшийся на лоб, так называемый „казырек", низали на конский волос („на валась, у коня ис хвоста тяγали, штобы лучче стаяли"). Сзади к кокошнику прикреплялся позатыльник, сделанный из картона и обтянутый позументом; позатыльник делался различной величины в зависимости от формы самой ряски. Можно проследить определен-

ную постепенность изменения формы ряски у тудовлянок. Как на более старую форму ряски указывают на ряску „латкую“—плоскую, когда поднизь из жемчуга плоско ложилась по темени и лбу, не образуя ни складок ни изгибов. У такой „латкой“ ряски кокошник был несколько больше, хотя все-таки не достигал размеров, обычных для северно-великорусского кокошника и не мог быть надет на голову, а только на прическу сзади; позатыльник такой ряски был немного удлиненной формы и немного расширяющейся книзу. На виденном мною очень старинном типе ряски в д. Морщиково позатыльник обшит по краям красным гарусом и по нижнему краю украшен цветными небольшими кисточками из гаруса. На других экземплярах не приходилось встречать таких ярких и пестрых украшений, известных на головных уборах Смоленской губ. На этом же экземпляре и „козырек“ поднизи ярко украшен, а именно в несколько рядов снизаны розовые и красные дутые бусы, в то время как на других рясках— белые и серебряные бусы.

Фот. 4. „Брылястая ряска“.

Вслед за „латкой“ ряской пришла мода на „борйстую“ ряску, у которой поднизь лежит на темени в виде „боро́в“ или складок (см. фот. 1); у этой ряски прямоугольная поднизь из бисера закладывается в складки, идущие вдоль темени параллельными рядами. Наконец, вместо „бористой“ ряски появилась ряска „брылястая“ или „раγастая“ (рогатая), у которой поднизь образует надо лбом две или три дуги—ряски на 2, на 3 „брыля“ (или „ро́γа“), в то время как на темени она лежит гладко. У такой ряски кокошник меньших размеров, чем у предыдущих вариантов, а позатыльник часто вовсе отсутствует. Такая ряска кое-где еще сохранилась до настоящего времени (см. фот. 4).

Ряска надевалась низко „на γла́зы“, чтобы она плотно лежала на голове и не съезжала; от самой поднизи шли завязки, которые подвязывали „под губу“, завязки обычно из полосок кумача; самый

же кокошник, надетый на свернутый пучок волос, надо было „прибулавить“, то есть приколоть к волосам булавкой.

Брылястая ряска носилась с повойником, который надевался непосредственно на волосы и низко на лоб; завязки от повойника окручивались вокруг пучка волос сзади. Повойники чаще всего делались черными. Ряска надевалась таким образом, что из-под белой поднизи виднелось на лбу черное очелье повойника (см. фот. 4).

„Латкие“ и „бористые“ ряски носили без платка, что объясняет больший размер позатыльника, чем у „брылястых“. На ряски платок надевался так, чтобы виден был и кокошник, но, по рассказам старух, мужики смеялись часто над этим сооружением, и под влиянием этого женщины начали надевать платок так, чтобы только „ра'а ви́нна“ было.

Ряски перестали носить, как обычный праздничный головной убор, лет 20 тому назад, т.-е. в самом начале XX века, но в течение этих 20 лет ряска жила уже как ритуальный головной убор и доживает еще до настоящего времени, употребляясь при свадебном обряде даже в 1924 году. Несмотря на то, что невеста венчается в городской тюлевой фате и с городским флер-д'оранжем, после приезда из-под венца надевают на нее ряску. Правда, в последние 2—3 года это реже случается, но мне указывала владелица ряски из д. Приездово, что в течение зимы 1923—24 года у нее раз пять брали из трех соседних деревень эту ряску на прокат, и это было единственной причиной, почему она не хотела продать ее.

Такая форма головного убора является характерной исключительно для Запада Тверской губ. (Ржевский, Осташковский и Сычевский уезды) и, насколько мне известно, неизвестна в других северновеликорусских районах. По времени она является относительно старой: такая форма упоминается у Разумихина в материалах 50-х годов и встречается на купеческих портретах, относящихся к началу XIX века (ср., между прочим, портреты в историко-бытовом отделе Русского Музея).

Девичьим головным убором была „ленда“ или „ряска бездонная“, отличавшаяся от женского головного убора тем, что не имела кокошника и позатыльника и носилась без платка. Встретить такие головные уборы не пришлось, так как из живого быта они исчезли одновременно с женскими „рясками“, а здешний свадебный обряд не способствует сохранению ее, как это случилось с женской.

На смену ряске пришел повойник, обычного покроя, с невысоким (9 *см*) очельем и стягивающийся сзади на завязки. Хотя сейчас и не носят ряски, но прическа у женщин сохранилась такая же, какая необходима была для надевания ряски, т.-е. пучок на затылке (см. фот. 5). И сейчас завязки повойника обвязываются вокруг пучка. У праздничных повойников сзади привязываются разноцветные ленты, числом две-три, длиною до пояса, чаще красные и розовые. Все пожилые женщины носят повойники, покрывая их ситцевым, а в праздник шерстяным платком.

Такой же повойник носился и в те времена, когда была в употреблении ряска, но в будни. Старухи отмечают, что в Холмеце повойники отличались от повойников других районов. Там верхняя часть повойника несколько выступает над очельем, и поэтому „как решето γлаву зделают". После того, как перестали носить ряски, в Холмеце и в соседних селениях долгое время украшали очелье повойника дутыми бусами. Такие украшенные повойники можно изредка и сейчас встретить у молодух в этом районе, как праздничные уборы.

Фот. 5. Прическа тудовлянки.

Старинные платки делались из белого тонкого домашнего холста в виде четырехугольного полотнища, которое складывалось по диагонали, образуя косынку; такой платок назывался „косыня", сходный по типу и названию с „косыней" Смоленской губ. Тот угол косынки, который свешивался снаружи на спину, расшивался красной пряжей, позднее бумагой. На старых экземплярах вышивка имеет орнамент геометрический, очень близкий к тому, который встречается на вышивке на груди „костолана". Вышивка идет в виде каймы, шириной вершка в два. По краю косынка чаще обшита кумачем. На более поздних экземплярах встречаем такую же кайму, но шитую в настил красной с прибавлением черной бумагой, орнамент—чаще мелкие розетки. Такая орнаментация очень распространена на тудовлянских полотенцах, шитых до войны 1914 года. В настоящее время эти косынки сохранились у очень немногих бобылок, которые не имели средств приобрести себе „торговые" платки.

В старое время украшением служили гусиные пушки; их нашивали в молодости очень древние старухи, а пожилые женщины едва вспоминают о них. Такие пушки заготовлялись щеголихами в нескольких экземплярах на круглый год обычно „вóсен'н'у, как γусей

резать" (т.-е. осенью). Срезали пух вместе с кожей; когда кожа подсохнет, то сделается, „как бубéнцык". Такие пушки за нитку привязывали к кольцу серег.

Шейным украшением служили „маниста"—чаще всего цветные дутые бусы; их употребляют и сейчас, спарывая с оставшихся еще кое-где старых рясок.

Наиболее старая обувь — лапти, сплетенные из липового лыка. Старухи помнят, что в их время и венчались в лаптях. Праздничные лапти делались „строченные", т.-е. сплетенные из мелкого лыка.

Женские лапти прикреплялись к ноге при помощи черных шерстяных обор. Для обозначения процесса обматывания обор вокруг ноги существует специальный термин „убарсàть" лапти. Женские оборы были всегда черные, а если мужик наденет черные шерстяные, а не пеньковые оборы, то над ним смеются. В последние годы, при сокращении количества овец в крестьянском хозяйстве, не хватает шерсти на такую вещь, как оборы, так как наличная шерсть едва удовлетворяет более острые потребности. Но в некоторых местах еще трудно расстаться женщинам с черными оборами, и чернят пеньковые: „у кузни набяруть зелéзья и пакрàсють". При обматывании оборы вокруг ноги придерживаются следующих приемов: продетые сквозь оборники (петли из лыка на боках лаптя) и обушник (петля на лапте сзади) концы обор перекрещивают над верхней частью стопы, чтобы получился „хрéщик" (т.-е. крест), потом ведут назад и обматывают так, чтобы сзади вдоль всей голени получались тоже „хрещики", т.-е. перекрещивания обор, а спереди шли параллельные ряды, которые при длинных оборах дают почти сплошную обмотку черного цвета. Нога обертывается белой холщевой портянкой; кроме того, чтобы „наγà талщéй былà", употребляли подвертки из холста, зимой суконки из сукна, а иногда поверх подверток еще калошники, сшитые из холста в виде паголенок. В старое время толстые ноги в аккуратно обмотанных оборах являлись признаком красоты и щегольства, что известно во многих южно-великорусских губерниях и у финского населения Поволжья.

В особенно торжественные праздники носились сапоги с голенищами. Первоначально голенища делались с круглыми „борáми, как у γармонии", позднее боры были восьмиугольные. Высота сапога была до колена. На каблук набивались медные подковки, а на задник 4 гвоздя „ясные". Такие сапоги в будни не носились. Будничной обувью были, кроме лаптей, чуни из пеньковых веревок.

В настоящее время на работу обычно надевают лапти, в праздники же почти все в сапогах, при чем у девиц модные сапоги на высоких каблуках.

Современные моды и вкусы, как и следовало ожидать, нашли отражение в здешних частушках. Например:

Шью я кофту красную
Вставлю грудь атласную,
Наложили, я стерпела
Славу понапрасную.
(Минькино).

*

Шью я юпочку с валаном,
Кохту с монным рукавам,
Не гоняйтеся, ребяты,
Не достануся я вам.
(Минькино).

*

Кукешка моя
Завороценая,
Гребенка моя
Позолоценая.
(Подсосонники).

*

Полсапошки мои
Носы востроченые,
Не пошла бы я плясать,
Ношки выскочили.
(Подсосонники).

*

Шью я юпочку косую,
Пущай улицу мететь,
Дружка уважывать не буду,
Пущай сам ко мне придеть.
(Минькино).

*

Гармонист, гармонист,
Аленькие губки,
Но мы ваши галифэ
Перяшьем на юбки.

Выше приведенные материалы по истории одежды в нашем районе на протяжении 2-й половины XIX в. и 1-ой четверти XX в. дают неоспоримые данные для того, чтобы отличить этот район по одежде от уездов Тверской губ., расположенных к востоку от Ржева. Неоспоримым фактом является сохранение в наиболее старинных, ушедших уже формах сходства и параллелей с западными смоленскими соседями, с которыми в глубокую старину, кроме отдельных штрихов и деталей, было много общего в быту тудовлян.

БЫЛИНЫ СТАРИННОЙ ЗАПИСИ.

(Семь неизданных текстов.)

Борис Соколов. (Москва.)

1. ОБЗОР РУКОПИСНЫХ ТЕКСТОВ С БЫЛИННЫМ СОДЕРЖАНИЕМ.

Исследователями русского былевого эпоса уже достаточно выяснена вся важность накопления отдельных устных пересказов былины для восстановления ее первоначального вида и ее развития. Они научили ценить даже отрывок, даже скомканный пересказ, иногда, как оказывается, могущий удержать при всем своем жалком состоянии очень интересные и важные подробности. Еще более важными, чем „устные" пересказы, как убедительно не раз показывали исследователи, являются старинные рукописные тексты былин XVII—XVIII вв. (иногда заходящие в XIX век), ходившие под заглавием „Повестей", „Сказаний" и „Гисторий". У них прежде всего имеется то несомненное преимущество перед „устными" вариантами (запись Кирши Данилова, мы, конечно, в расчет не берем) — большая и даже очень почтенная давность. Правда, те же исследователи не раз показывали, что не всегда старинный текст представляет более старую версию былины, чем тексты новой записи, однако ценность их этим не уничтожается. Напомним, например, про знаменитое „Сказание о семи богатырях" (или, что то же, „Богатырское слово"), давшее совершенно отличную версию сказаний об Идолище и Тугарине, про Гисторию о Михаиле Даниловиче, сохранившую опять-таки интересную и редкую версию этой былины, про „неизвестную былину", т.-е., собственно, малообычную версию былины об Алеше Поповиче и Тугарине, напечатанную А. И. Станкевичем, и т. д. Немало помогали исследователям в уяснении былин об Илье рукописные Сказания и Гисгории о нем. Можно не соглашаться с мнением одного из современных исследователей русского эпоса, что „еще одна-другая запись вроде Барсовского Богатырского Слова — и наш эпос предстанет в значительно ином виде и освещении, чем в настоящее время", но нельзя не признать вполне справедливыми его дальнейшие слова: „Но даже если бы и не нашлось ничего равного по своему значению Слову, то все же всякая новая находка в этой области будет представлять значительный интерес" [1]).

---

1) А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. 1896, стр. 45.

В виду этого нам кажется, что опубликование еще семи, до сих пор не изданных, старых былинных текстов (пяти по рукописям XVIII в. и двух начала XIX века) будет иметь свое научное значение.

Из них два текста мы встретили в собрании И. Е. Забелина, по смерти собирателя поступившие вместе со всем собранием в Государственный Исторический музей. Другие же четыре текста были нами извлечены из другого известного рукописного собрания Е. В. Барсова, которое также недавно поступило в тот же музей; тексты былин этого собрания мы нашли по рукописному его каталогу, составленному самим Е. В. Барсовым. Наконец, один текст из собрания П. С. Уваровой был передан мне через С. К. Шамбинаго.

Нельзя сказать, чтобы все эти списки для исследователей былин носили характер абсолютной новизны. В научной литературе о двух из этих списков имелись некоторые, и даже давние, сведения. Так, издаваемый ниже текст „Сказания о трех богатырях—Илье Муромце, Михаиле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче", из рукописного сборника 2-й пол. XVIII века И. Е. Забелина № 82, был в свое время в руках у А. Н. Пыпина и упомянут им в его „Очерке старинных повестей и сказок русских", Спб. 1857 г., стр. 295.

На основании этих данных об этом списке упоминали Н. С. Тихонравов („Пять былин по рукописям XVIII века", 1891, стр. 11) и вслед за ним А. М. Лобода („Русск. Бог. Эпос", 37). Но ни Н. С. Тихонравов, ни А. М. Лобода, ни Л. Н. Майков, между прочим, издавший другое Сказание об Илье Муромце и Соловье Разбойнике („Материалы и исследования по старинной русской литературе", 1891, II, стр. 34—45) из того же самого Забелинского рукописного сборника № 82, этого текста Сказания о трех богатырях лично не видели. Этот странный факт объясняется состоянием Забелинского № 82 сборника: он не имеет переплета, состоит из ряда перемешанных тетрадей, при чем целого ряда из них не достает (см. ниже). Разбитый на составные тетради, этот обширный рукописный сборник легко мог подвергаться утрате разъединенных частей. В настоящее время в этом сборнике не оказалось и тетради с уже изданным Л. Н. Майковым „Сказанием об Илье Муромце и Соловье Разбойнике". Подобно этой тетрадь со „Сказанием о трех богатырях" могла в свое время быть вынута из сборника и временно затеряться среди других мелких рукописей того же собрания, а потому не попасть в руки ни Л. Н. Майкова, ни Н. С. Тихонравова.

Другой из издаваемых нами текстов, о котором имелись некоторые сведения в ученой литературе,—это „История о славном и храбром богатыре о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике" по рукописной тетрадке конца XVIII века собрания Е. В. Барсова с явными чертами южно-русского говора. Несомненно, о нем упоминал сам Е. В. Барсов в своем известном труде о Слове о Полку Игореве (т. I, стр. 415—416): „В нашем рукописном собрании есть, между прочим, одно сказание об Илье Муромце с особенностями малороссийского письма и говора, о котором мы развили на III киевском

археологическом съезде, поддерживая свое желание, чтобы киевские ученые поискали подобных рукописей в своем крае и позаписывали уцелевшие там предания об этой средоточной личности киевского богатырства. Сказание, о котором мы говорим, носит в нашей рукописи „заглавие“: Исторія о славном и о храбром богатырѣ Илье Муромцѣ и о соловье разбойникѣ. В данном случае для нас чрезвычайно важно то, что здесь Илья Муромец имеет дело лишь только с „киевским князем“; во всем сказании „имени Владимира“ нет и помину. Отсутствие этого имени в сказании, записанном притом на юге России, чрезвычайно важно: оно именно указывает на тот остов, к которому приросла былина в главе с князем Владимиром“.

Об этом же тексте упоминает и А. И. Кирпичников, лично видевший рукопись. В „Поэмах Ломбардского цикла“ (1873, стр. 158, примечание) он отмечает в этом тексте малорусские формы и следы литературного влияния. Эти сведения о рукописи, данные Е. В. Барсовым и А. И. Кирпичниковым, приводят в своих обзорах Л. Н. Майков (ук. соч., стр. 4) и А. М. Лобода (ук. соч., стр. 37). Другие пять из издаваемых нами текстов в печатных работах, как будто, до сих пор не назывались.

Для того, чтобы иметь наглядное представление о всех известных теперь старинных рукописных текстах (XVII — нач. XIX в.) и чтобы в дальнейшем рассуждении избежать путаницы, тем более возможной, что некоторые из известных списков перепечатывались по нескольку раз, мы предлагаем краткий обзор всех этих „Повестей“, „Сказаний“ и „Гисторий“ о богатырях. На основании такого обзора можно кратко подвести итоги всего нам известного о памятниках этого рода.

Мы будем вести обзор по сюжетам, давая название памятника, собрание и № рукописи, время ее издания, где он впервые был напечатан и затем перепечатывался; если есть сведения, то отметим место написания или странствования рукописи, а по записям постараемся свести данные о той среде, где былинный рукописный текст вращался [1]).

Сказание о семи богатырях.

1. Сказание ѡ Киевских богатырех, как ходили во Црьград и как побили цреградцких богатырей, учинили себѣ честь. Из собрания Е. В. Барсова по рукописи нач. XVII в. Издано: Е. В. Барсовым под заглавием „Богатырское слово“ в Сборнике р. я. и сл. т. XXVIII, № 3, 1881 и в „Былинах новой и недавней записи“, М. 1908, стр. 279 — 285. По записи рукописью владели дед, сын и внук (крестьяне) Турчасовской вол., Каргопольского у., Олонецкой губ. Списана с другого оригинала. (Барсов).

2. Сказание ѡ седми русскихъ богатыряхъ. Из сборн. Ф. И. Буслаева № 92. Пуб. Биб. О. XVII. № 57. (Ср. Каталог

1) Под Тих. — Милл. надо разуметь „Русские былины старой и новой записи“ под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, М. 1894. Звездочкой * отмечаем издаваемые нами до сих пор не опубликованные тексты.

собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих П. Б. Составил И. А. Бычков. С. П. Б. 1897: стр. 291—298). Первой четв. XVIII в. Издано в Памят. старинной русск. литер. 1, 311—318 и Тих.—Милл., стр. 47—53. По записям (XVIII в.) рукопись находилась в руках 1) „дому господина лейбъ-гвардіи прапорщика... ево служителя", 2) „государственной коллегіи копеиста" и 3) другого „копеиста".

Михаил Потык.

3. Повѣсть о князе Владимѣре Киевскомъ, и о богатыряхъ киевъскихъ, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановиче, и царе Кащею Залатой арды. Публ. Библ. О. XVII. 44. XVII века—в рукописном сборнике. Издана Л. Н. Майковым: „Материалы и исследования по старинной русской лит. III". С. П. Б. 1891, стр. 50—57 и перепечатана у Тих.—Милл., стр. 25—31, с приложением фотографического снимка. Текст Повести ярко выражает черты южно-великор. наречия Рукопись приобретена в Повенецком у., Олонец. губ. Текст сказания списан с другого оригинала (см. ниже).

*4. Сказаніе ѡ трехъ богатыряхъ: Илье Муромце, Михайле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче. Из рукоп. сборн. И. Е. Забелина № 82, второй пол. XVIII в. Печатается ниже. Об этом тексте упоминали А. Н. Пыпин („Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских". С. П. Б. 1857, стр. 295) и Н. С. Тихонравов („Пять былин" и т. д. 1891) или Тих.—Милл., стр. 76. Из этого же рукописного сборника в свое время было напечатано Сказание о Илье Муромце (см. ниже № 20). По записям XVIII в. сборник был у 1) „дьячка Москов. губ." 2) у „тайнаго дѣйствительнаго совѣтника камергера... служителя", 3) крепостного „крестьянина". (Подробнее см. ниже.) Текст сказания списан с другого оригинала (см. ниже).

5. Сказание ѡ трехъ богатыряхъ: о Илье Муромце и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ, и о похожденіи ихъ. Из рук. сборн. Н. С. Тихонравова № 399. Серед. XVIII в. (около 1744 г.). Издания: Н. С. Тихонравов. „Пять былин по рукоп. XVIII в." М. 1891, стр. 33—40, и Тих.—Милл., стр. 32—39. В записи: „посадскій человѣк... - Ярославец". Текст сказания списан с другого оригинала (Тих.).

6. Сказание о силныхъ могучихъ богатырех киевецкихъ: ѡ Илье Муромце и Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче. Из рукоп. сборника Н. С. Тихонравова № 361 середины XVIII в. (ок. 1740 г.). Издания: Н. С. Тихонравов. „Пять былин"... 1891 г., стр. 41—48 и Тих.—Милл., стр. 39—46. Текст сказания списан с другого оригинала. (Тих.).

Алеша и Тугарин.

7. (Без заглавия и начала. В печат. изданиях назван „Отрывок из неизвестной былины"). Из рукоп. собр. Ф. И. Маслова. 2-й пол. XVII века. Издания: А. И. Станкевич, „Отрывок из былины об

Алеше Поповиче по списку XVII в.“ в „Древностях. Трудах М. А. О.“. т. XV, с приложением фотографич. снимка, и Тих.—Милл., стр. 50—60.

Неизвестная былина[1]).

8. Из Погодин. сборн. № 1772 кон. XVII века. Напечатана А. Н. Пыпиным. „Очерки литерат. повестей и сказ. русск.“ 1857 г., стр. 298—299, и перепечатана в „Былинах новой и надавней записи“, М. 1908, стр. 288—290. По записи 1696 г.— рукопись принадлежала „подъячему“ Троицкого монастыря.

Ставер Годинович.

9. Без заглавия. Из рукоп. столбца А. А. Пазухина полов. XVII века. Напечатан А. И. Соболевским. „Былина о Ставре Годиновиче по списку половины XVII века“. (Известия Отд. Р. Я. и Сл. Ак. Н. 1911 г. кн., 1, стр. 1—4). Текст списан с готовой записи. Рукопись, повидимому, написана в Поволжье в области смешения акающих и окающих говоров. Столбец найден в Симбирской губ.

10. Без заглавия. Из сборника Ф. И. Буслаева № 92. П. Б. О. XVII. № 57. Первой четв. XVIII в. Издания: Н. С. Тихонравов, „Пять былин и пр.“, стр. 24—29, и Тих.—Милл. стр. 54—55. Из этого же рук. сборника, где находится „Сказание о семи богатырях“. (См. выше № 2 нашего обзора.)

Михаил Данилович.

11. Гисторія о кіевскомъ богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенатцати лет. Рук. Москов. Публ. Музея № 774, 2-й пол. XVIII века[2]). Напечатана: А. Н. Веселовским. „Южнорусские былины“, I, стр. 20—27, и Тих.—Милл., стр. 61—67. Списана с готового оригинала.

Илья Муромец.

12. Повѣсть о силнѣм могущем богатыре о Илье Муромцѣ и о Соловье разбойнике. Из рукоп. сборника Публичной Библиотеки. Q. XVII. 194. 2-й полов. XVIII века. Впервые издана Л. Н. Майковым в „Материалах и исследованиях по старинной русск. лит.“ 1891, II, стр. 29—32, и перепечатана Тих.—Милл., стр. 1—4. По записи 1783 г. рукопись принадлежала диакону Краснохолмского у. Устюжского заказу. Текст повести списан с готового оригинала (Майков).

13. Гисториа о Илье Муромце и Соловъе разбойнике. По рукоп. И. Е. Забелина № 71, 2-й половины XVIII века[3]).

---

[1]) Впрочем, мы не решаемся сказать точно, представляет ли действительно этот текст из себя былину, а не какую-нибудь сказку, стоящую вне круга русского былезого эпоса.

[2]) У Тих.—Милл. рукопись отнесена к началу XVIII века.

[3]) В настоящее время в собрании И. Е. Забелина не обретается.

Известна была еще А. Н. Пыпину. „Очерк литер. ист. повестей и сказок русских". СПБ. 1857. стр. 295. Напечатана с подновлением правописания А. Н. Афанасьевым. „Народные русские сказки", кн. III, (М. 1873), стр. 125—128, и буквально по рукописи Л. Н. Майковым. „Материалы"... стр. 32—34, затем Тих. и Милл., стр. 4—7.

14. Повѣсть о славномъ могучемъ богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике. Отрывок из рукоп. сборника Ундольского № 663, ныне Пуб. Библ. имени Ленина, 1730 года. Только начало и конец Повести. Напечатан Н. С. Тихонравовым. „Пять былин...", стр. 8—9 и у Тих.—Милл., стр. 75.

15. Повѣсть о Ильѣ Муромце и о Соловье Разбойнике. Из рукоп. сборника Ф. И. Буслаева № 92. Публ. Библ. О. XVII № 57. Первой четв. XVIII века. Впервые напечатана Н. С. Тихонравовым. „Пять былин...", стр. 29—31, и перепечатана Тих.—Милл., стр. 7—11. Об этом рукоп. сборнике см. выше № 2 и 10.

16. Сказание о Илье Муромце и ѡ Соловие разбойнике. Из рукоп. сборника Н. С. Тихонравова № 222 середины XVIII в. (1734—1740 гг.). Впервые напечатана Н. С. Тихонравовым, „Пять былин"..., стр. 32—33, и перепечатана Тих.—Милл., стр. 10—11. Текст былины списан с готового оригинала. (Тих.).

17. Повѣсть о сильнымъ могучемъ Богатыри Иліи Муромце і о Соловье разбойнике. Из рукоп сборника М. Протопопова, писанного в 1748 году. Впервые напечатана в „Живой Старине", в I. 1894 г., и перепечатана в „Былинах новой и недавней записи". М. 1908, стр. 285—288. Рукопись найдена в Архангельской губернии.

* 18. Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и Соловье Разбойникѣ. Из рукоп. сборн. Е. В. Барсова. № 210, IX отдела. 2-й половины XVIII в. Издается ниже. Судя по многочисленным записям рукописный сборник в XVIII в. перешел из Москвы в Пошехонский уезд Ярославской губ., где пробыл в крестьянской среде одной и той же деревни до 70-х годов XIX века.

* 19. Гістория ѡ славномъ и ѡ храбромъ и силномъ богатыре Илъе Муромце сыне Ивановиче и ѡ Соловъе разбойнике. Из собрания И. Е. Забелина № 244/1. 2-й половины XVIII века. Печатается ниже.

20. Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ. Из рукоп. сборн. И. Е. Забелина № 82. 2-й половины XVIII века. Упоминания об этом тексте у А. Н. Пыпина. „Очерк лит. ист....." С.П.Б. 1857, стр. 295, и у Ровинского. „Русские народные картинки", т. IV, стр. 4. Напечатан впервые Л. Н. Майковым. „Материалы и исследования...." СПБ 1891, стр. 34—45, и перепечатан у Тих.—Милл., стр. 11—24. Об этом рукоп. сборнике см. № 4.

*21. Исторія о славномъ и о храбромъ богатирѣ Илье Муромцѣ и о Соловье Разбойникѣ. По рукоп. Е. В. Барсова № 8, XIV отдела. Конца XVIII века. Упоминания об этом списке: у А. И. Кирпичникова. „Поэмы Ломбардского цикла“ 1873 г., стр. 158 примеч., у Е. В. Барсова. „Слово о полку Игореве, как памятник дружинной Руси“, т. I, стр. 415—416, и у Л. Н. Майкова. „Материалы и исследования...“, стр. 4. Издается ниже. По чертам говора—текст рукописи южно-русский.

*22. Исторія о славномъ и о храбромъ богатыре Иліе Муромце и о славномъ Разбойнике. Из рукоп. сборника Е. В. Барсова № 9, XIV отдела. Конца XVIII—начала XIX века. Издается ниже. Судя по записям, рукопись принадлежала посадскому человеку г. Суздаля (запись 1794 г.) и мещанину того же города (запись 1871 г.).

*23. Сказка о Иліе Муромце и Соловѣ Разбойнике. Из рукоп. сборн. Е. В. Барсова № 30 30-х годов XIX века. Печатается ниже.

*24. Илья Муромецъ. Рукописная тетрадка нач. XIX века, из собрания П. С. Уваровой 10 л. в 4 д. листа без №. Любезно передана мне С. К. Шамбинаго. Печатается ниже.

Из этих данных видно:

1) Всего к настоящему времени нам известно 24 списка былинных „Сказаний“ в старых рукописях; из их числа 7 впервые публикуются нами в настоящей работе.

2) Из 24 списков пять (№№ 1, 3, 7, 8, 9) падают на XVII век, остальные на XVIII, изредка заходя в начало XIX века.

3) Из пяти указанных списков XVII века четыре (№№ 1, 3, 7, 8) дают редкие, а иногда совершенно особые, былинные версии. Это может служить лишним показателем особенной ценности наиболее древних текстов.

4) В XVII веке и начале XVIII к книжным текстам былин прилагается название: „Сказание“; в первой половине и середине XVIII века более употребителен термин „Повесть“; во второй половине XVIII века по преимуществу употребляется в заглавии слово „Гистория“ или „История“.

5) О большинстве известных списков можно в значительной степени вероятности сказать, что они сделаны с готовых оригиналов. Это говорит за давность рукописной традиции и заставляет предполагать значительное количество обращавшихся в XVII—XVIII вв. рукописных текстов с былинами.

6) Эти произведения находили себе читателей, главным образом, среди низшего грамотного и полуграмотного класса; в записях в числе владельцев и читателей интересующих нас произведений мы находим: диакона, подъячего, копеистов, лавочника, дворовых людей, посадских, мещан и, главным образом, крестьян.

7) По некоторым записям, а частью по сохранившимся в текстах диалектическим особенностям до некоторой степени можно предста-

вить район распространения былинных рукописных текстов; он довольно обширен. Мы встретили указания на современные губернии: Архангельскую, Олонецкую, Ярославскую, Владимирскую, Тверскую, Московскую, Поволжье (около Симбирска), область южно-великорусского наречия и юго-западный край.

II. СКАЗАНИЕ О ТРЕХ БОГАТЫРЯХ: ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, МИХАИЛЕ ПОТОКЕ ИВАНОВИЧЕ И АЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ.

(По рукописи И. Е. Забелина № 82.)

А. Описание рукописи.

Научные описания рукописей, включавших „сказания" и „гистории" о богатырях, определили приблизительно ту литературную компанию, в какой эти памятники находились. Рукописи эти большей частью представляли из себя сборники книжных повествовательных произведений, доступных вкусам публики среднего и низшего класса и часто переходивших в народную устную словесность. Наряду с книжными произведениями среди них нередко попадались памятники традиционной устной словесности, получавшие на письме некоторое книжное литературное одеяние. Эти рукописные сборники являются, таким образом, неоценимым материалом для изучения взаимоотношений книжной и устной словесности. Приводимые нами сведения о рукописях, включающих издаваемые ниже семь былинных текстов, подтверждают в общем нарисованную картину.

Остановимся прежде всего, на очень ценном рукописном сборнике собрания И. Е. Забелина № 82 (см. выше №№ обзора 4 и 20)[1]). Выше нам уже пришлось обратить внимание на его дефектность и утрату целого ряда тетрадей, чем объясняется отсутствие в нем в настоящее время изданного Л. Н. Майковым „Сказания о Илье Муромце" (см. наш обзор № 20) и долгое ненахождение издаваемого ниже „Сказания о трех богатырях" (см. обзор № 4). Судя по письму и бумаге, сборник написан во 2-й половине XVIII века: почерки в нем различные, при чем одним почерком не раз писано по нескольку статей. Так как еще до сих пор восстановить в полном виде всего сборника не удалось (может быть, это удастся при окончании описания Забелинского собрания), то временно нам пришлось отказаться от его нумерации. В настоящее время он состоит из нескольких тетрадей. Сборник разделен на главы, при чем большею частью глава совпадает с отдельной тетрадью. На основании пометы глав в настоящее время недостает 1, 15, 16, 27, 32, 34; одну из утраченных тетрадей должно составлять изданное Майковым „Сказание о Илье Муромце".

---

[1]) Как было выше указано, этим сборником в свое время пользовались А. Н. Пыпин („Очерк лит. ист. повестей") и Д. А. Ровинский („Рус. нар. картинки"), цитируя или указывая отдельные статьи, в нем помещенные.

По содержанию своему Забелинский сборник № 82 может быть поставлен на-ряду с драгоценным сборником XVIII века из собрания Ф. И. Буслаева № 92 (описание его см. в статье Н. С. Тихонравова. „Пять былин по рукописям XVIII век", стр. 4—8), в котором среди редких списков народно-повествовательной литературы находятся три былинных текста (см. обзор №№ 2, 10, 15).

Перечисляем статьи Забелинского сборника в порядке глав. Гл. 2) Калязинская челобитная. Видимо, на этот список из собрания Забелина ссылался Ровинский „Руск. нар. картинки" т. IV, стр. 280—287. Гл. 3) История об Арсасе и Размире—список отмечен Пыпиным в его статье „Для любителей книжной старины" в Сборн. Общ. Люб. Росс. Слов. 1891, стр. 209. Гл. 4) История о принце Адольфе Ланпландийском. Список отмечен Пыпиным в „Очерке", стр. 285, и в „Для любителя книжной старины", стр. 204. Гл. 5) История о французском сыне—подражательная русская повесть, источником которой послужила повесть о Василии Златовласом. Теперь повесть по этому списку издана в Чтениях Общества Истории и Древностей Российских, 1915, С. Елеонским. Смесь, стр. 33—39. Гл. 6) Песня — „Породила чечетка семеро деток." Гл. 7) Эта глава представляет собрание целого ряда коротких шутливых произведений, шутливые вирши лубочного стиля: „Здѣ пришедъ, молитву сотворяй, а безъ аминя дверей не отворяй", или „Знай ты себя, указывай в своемъ домѣ, гдѣ посадятъ тутъ и сиди" и сатирическое Хождение попа Савы, Большой славы. Статья делится на несколько частей: рассказ о попе Саве, речь к нему попадьи, ответ попа Савы к попадье, сон попа Савы, „его же безумного попа смешной икос". Выписка из этого хождения и историческо-бытовой комментарий см. у И. Е. Забелина. „История города Москвы", ч. I. М. 1905. Изд. 2, стр. 639. Сказание о воре, крестьянском сыне. Гл. 8) Сказание о куре и лисице — отличное несколько от другого, помещенного в этом же сборнике. Гл. 9) Еще один список Калязинской челобитной — несколько короче предыдущего. Гл. 10) Сказание о Ерше и Леще—текст ближе всего к „списку судного дела", напеч. у Афанасьева, „Сказки". М. 1873. I. 71. Гл. 11) „Ещо повѣсть вторая о Ерше" — текст отличен от предыдущего, много народно-эпических выражений. Гл. 12) „Ещо третья сказанія о томъ же Ерше"—представляет из себя конец сказки в виршах у Афанасьева, ibid. стр. 134. Гл. 13) Список Глухова пашпорта — напечатан по этому списку *И. Е. Забелиным* в Библ. Зап. 1862. № 2 Гл. 14) Шуточные письмо и вирши. Гл. 17) Шутливая „Повѣсть Пахринской деревни Камнина". Гл. 18) Сказание о деревне Киселихе. Гл. 19) Исторія о голомъ по алѳабету. Гл. 20) „Выписано изъ газетъ Санпитербурскихъ Шляхетскаго Кадецкого Корпуса из вѣдомости, ежемѣсячнаго сочиненія.— Сатира, на какого-то Савву. Гл. 21) Повесть о премудрости Соломона царя, о мужском полу и женском. Гл. 22) Повесть о царе Агее—этот список указан Пыпиным в „Очерке", стр. 197. Гл. 23) Прилоги или склады, писанные якобы от птиц — по своему содержанию этот

памятник подходит к „Совету птичьему", напечатанному Хр. Лопаревым. „Древне-русские сказания о птицах" (Пам. Др. Письм. CXVI. 1896, стр. 1—7), но значительно короче его. В этой же главе находится „Сказание о птицах небесных", другие тексты которого напечатаны Хр. Лопаревым в указанном сочинении стр, 7—16; перечень списков и еще один текст напечатаны А. В. Багрием. „Древне-русское сказание о птицах". Р. Ф. В. 1912, стр. 416—321. Забелинский список располагает птиц в ином порядке и дает варианты их разговорам. Гл. 24) Без начала—рассказы о детях. Гл. 25) Повесть о куре и лисице—стихотворная. Список отмечен Пыпиным в „Очерке", стр. 293. Близкий, но более краткий текст см. в „Старичке Весельчаке". Изд. 1790, 1792 и 1830 гг., стр. 26—41. Гл. 26) Повесть о Петре Златых ключах. Список отмечен Пыпиным в „Очерке", стр. 236. Гл. 27) (?). Повесть о Антоне, цесаре римском. Список отмечен у Пыпина в „Очерке", стр. 239. Гл. 28) Повесть о семи мудрецах—обширный список на нескольких тетрадях. Гл. 29) Приданое обманом. Комедия Александра Сумарокова. Гл. 30) Еще один текст Сказания о куре и лисице — близок к изложенному А. Н. Веселовским в „Истории Русской Словесности" А. Галахова. Изд. 3, т. I. М. 1894, стр. 510. Гл. 31) Еще один текст Прилогов или Складов, писанных якобы от птиц, а также еще список Сказания о птицах (см. выше). Гл. 33) Сказание о трех богатырях Илье Муромце, Михаиле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче—издается ниже. Гл. 35) История оновгородском дворянине Фроле Скобееве—список этот отмечен Пыпиным в „Очерке", стр. 283—284. Наконец, одну из недостающих глав должна представлять сохранившаяся в собрании И. Е. Забелина тетрадка без начального листа, а потому без обозначения главы, писанная тем же почерком, что и главы 31, 33, 35. Она содержит стихотворную сказку о шуте.

Таким образом, мы видим, что обширный сборник И. Е. Забелина № 82 содержит огромное количество популярных в XVII—XVIII вв. народно-литературных произведений, часто даже в нескольких редакциях (ср. Повести о Ерше, Сказания о Ерше, Сказания о птицах, Повести о куре и лисице), заметно обилие полународной, полукнижной юмористики, почти совершенно отсутствуют церковные и религиозные произведения. Это сборник чисто светской литературы XVII—XVIII вв. Понятно, что „Сказания о богатырях" оказались в нем совершенно кстати.

Остановимся несколько на внешности сохранившегося списка со „Сказанием о трех богатырях".

Он написан красивым ясным скорописным почерком, каким писаны соседние со „Сказанием" главы, именно: 29, 30, 31, 33 и 35. Им же можно думать было писано теперь не обретающееся в собрании И. Е. Забелина „Сказание о Илье Муромце". Писец этих тетрадей особенно любил прибегать к киновари в загланиях, отдельных прописных буквах или даже в целых фразах среди текста [1]).

[1]) В издаваемом нами тексте „Сказания о трех богатырях" все киноварные буквы и слова напечатаны курсивом.

Как особенность обоих былинных текстов этой рукописи следует отметить написание отдельных строк в виде стихов. (Ср. издание „Сказания о Илье Муромце“ по Забел. № 82 у Майкова или Тихонравова и ниже печатаемый текст „Сказания о трех богатырях“.) Однако следует заметить, что выделенные в текстах строки часто не совпадают с былинным делением стиха. Какой смысл имело подобное написание, мы объяснить не беремся. В остальных списках былинных сказаний оно, как будто, не встречалось.

Описываемый сборник имеет значительное количество записей, частью определяющих время составления его отдельных частей. На об. 12 листа тетради, с 1 и 2 главами: „Объявитель сего Московскаго уѣзду вѣдомства дворцово... села Пахрина, церкви живоначалныя Троицы дьячекъ Кирила Михайловъ изблагополучилъ (?) мѣста изъ села Пахрина отпущенъ для ево собственныхъ нуждъ въ Москву (сверху другой рукой надписано: „до села Алексеевского“); того ради по надлежащему тракту, какъ отъ села Пахрина до Москвы (зачеркнуто, а сверху: „до показанныхъ местъ“), такъ и обратно означенному дьячку Кириле Михайлову соблаговолено были чинить безъ задержаніе свободный пропускъ, чего ради во верность за приписаниемъ вышеозначенной церкви священноіерея сей билетъ дан генваря дня 1772 года“. На обороте последнего листа тетради, с 5 главой: „1802 года месяца октября 5 дня“; „1798 года месеца октября 6 дня“. На последнем листе тетради с 22 главой почерком, писавшим эту главу: „Тайнаго дѣйствительнаго совѣтника, камергора и кавалера Ивана Онуфриевича Брылкина служитель его Александръ Ипатовъ“. На об. другой рукой: „Ахъ братцы что в то в книги нашелъ... 1799 году апреля 22 во славном городе Муроме, с стеле (sic.).“ На об. последнего листа тетради с 25 главой: „Сия бумага ербаба листъ одинъ и то четвирть листа, писалъ на немъ Егорей Васильевъ сынъ Чуркинъ“. На последнем листе 3 тетради с 26 главой тем же почерком, что сама повесть, написано: „Окончася генваря 27 дня 1782 въ четвертокъ на пестрой“. На об. последнего листа с 31 главой: „1799“, „1802 месяца октября 24 дня ево высокоблагородия Петра Абр. сына Зубкова деревни крестьянина Петра“....

Б. Анализ рукописных текстов.

Сказаніе о трехъ богатыряхъ: Илье Муромце, Михайле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче. Повести или сказания на эту тему до настоящего времени были известны по трем, выше нами отмеченным, рукописным текстам, а именно: 1) Повесть по рукописи XVII века. Публ. Библ. О. XVII. 44, 2) Сказание по рукописи ок. 1744, из собрания Н. С. Тихонравова № 399 и 3) Сказание по рукописи ок. 1740, того же собрания № 361. Первый текст был впервые опубликован Л. Н. Майковым в его „Материалах и исследованиях“ 1891, стр. 50—57, остальные оба Н. С. Тихонравовым в его статье „Пять былин

по рукописям XVIII века" (Этн. Об. 1891 г.); наконец, все три текста были перепечатаны в „Русских былинах старой и новой записи" под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера М. 1894 г. (стр. 24—46). Имевший уже возможность пользоваться всеми тремя текстами Л. Н. Майков пришел к тому выводу, что все „эти три списка воспроизводят одну версию, с весьма небольшими отличиями" (ук. соч., стр. 49). Однако, тот же исследователь несколько выделил текст Публ. Библиотеки по его древности, отсутствию книжных подправок и сохранению черт южно-великорусского говора. К сожалению более точное определение взаимоотношений между известными до сих пор текстами затруднялось неполнотой Библиотечного списка: в нем оказались утраченными два листа в середине и несколько листов в конце. В виду такой плохой сохранности текста Л. Н. Майков несколько рискованно определял, что, в противоположность большинству других рукописных текстов XVII—XVIII вв., Библ. список Повести о трех богатырях не есть копия с другого списка, „а скорей готов допустить, что она записана либо по памяти, либо с „пословесной" передачи былины" („Материалы...", стр. 48). Тем более такой вывод кажется малообоснованным уже потому, что сам Л. Н. Майков находил в Библиотечном списке „случайно пропущенные буквы и слова" [1]), которые, может быть, объясняются, подобно большинству других списков сказаний и повестей о богатырях, плохим копированием оригинала. К этому же выводу—что Библиотечный список повести есть копия с другого оригинала — приводит нас детальное сличение текстов, уже ранее изданных, с публикуемым нами впервые.

Сопоставления издаваемого нами списка Сказания о трех богатырях по рукоп. 2-ой пол. XVIII в. собрания И. Е. Забелина № 82 идут в порядке листов рукоп. тетради (они помечены в издаваемом ниже тексте цифрами, заключенными в скобки); для ранее изданных текстов мы делаем ссылки на страницы и строчки „Русских былин старой и новой записи" Тихонравова и Миллера.

Из сопоставлений Забелинского текста с тремя другими обнаружились: 1) оригинальные отличия Забелинского списка от всех других, 2) солидарность его с Библиотечным текстом при расхождении обоих с Тихонравовскими, 3) в некоторых случаях сходство с обоими Тихонравовскими при расхождении с Библиотечным, 4) сходство иногда с Тихонравовским № 361 при расхождении с другими и 5) очень редкое при аналогичных условиях совпадение с Тихонравовским № 399.

1. Остановимся сперва на оригинальных отличиях Забелинского от всех остальных. Расхождение его со всеми списками в начале и в середине „Сказания" незначительное: оно касается отдельных фраз, слов и правописания; зато к концу „Сказания"

---

1) На это обстоятельство обратил также внимание А. М. Лобода. Русский богатырский эпос 1896, стр. 43.

расхождения нарастают. Впрочем, думается нам, главная причина этих существенных отличий от всех текстов объясняется дефектностью Библиотечного списка при его несомненной солидарности во многих других случаях сохранившегося текста с Забелинским.

Л. 1. Пропущено: „Всеславьевича“ (ср. Тих.—Миллер, стр., 25_4, 32_4, 39_{22}); „почестное“ вм. „великое“ (25_4, 32_4, 39_{22}); „Олевицкую“ вм. „Алевицкую“ (25_{11}, 32_{11}, 40_1).

Л. 2. „И называются съ великимъ княземъ братьями названными“ в других текстах богатыри называются братьями друг с другом (26_8, 32_{25}, 40_{13}); богатыри уславливаются, „кто у нас наперед приедет в Киевъ град, а кого не будетъ, и намъ не ехат, тово сыскивать“—явная бессмыслица, объясняемая опиской. (Ср. „и намъ ехать таво сыскиват“ 26_{12}, 32_{28}, 40_{19}); пропущено: „и ис колчана колену стрелу“ (ср. 26_{16}, 35_8, 40_{27}).

Л. 3. „А далъ еи имя Белая лебедь Авдотья Михайловна“—этой фразы в других списках нет; „о сыру землю“—в других списках нет. В Библ. списке эти слова дальше (26_{34}).

Л. 4. „И я крестилъ ея“—в других списках нет. (ср. 27_9, 34_1, 41_{21}); „понеже ты и сам известенъ“—только в Забелинском (ср. 27_{14}, 34_4, 41_{25}); отчество „Авдотья Ивановна“—в Библ. и Тих. 361 „Лиховидовна“ (27_{34}, 34_{13}), а в Тих. № 399 в этой фразе совсем нет, дальше—„Лиховидовна“ (42_1).

Л. 5. Отчество опять „Михайловна“, как на л. 3—в других текстах „Лиховидовна“; пропущено: „царь Кощей отъ Кіева прочь пойдетъ“ (ср. 28_2, 35_3, 42_{28}); „скачетъ черезъ городовыя стены“—только в Забелинском (28_4, 35_8, 42_{32}).

Л. 6. „Мужики киевляня, зделялись, бы они своими женами и дочерьми“—„зделялись“, а вм. „изделялися“ Библ. сп. (28_5); в других—„ссужалися бы“ (35_{14}, 43_3); пропущена речь мужиков киевских (28_{34}—29_3, 35_{34}—36_5, 43_{19}—4^3_{27}).

Л. 7. „Слово молвлено“ вм. „с тобою молвлено“ (29_{17}, 36_{15}, 44_8); пропущено само условие между Михайлом и его женой—обоим в могилу итти (ср. 29_{17}—$_{18}$, 39_{17}—$_{16}$, 44_3—$_4$); и говорят ему „и владыка черниговской“... „и сильныя могучия богатыри“—в других списках слов, взятых в ковычки, нет (29_{21}—$_{25}$, 36_{22}, 44_8); „засыпайте“ вм. „закопывайте“ (29_{30} 36_{28}, 44_{16})

Л. 8. „Как Михаилу случитца“ искажение вм. „скучится“ (то-есть соскучится) других текстов (29_{34}, 36_{32}, 44_{17}); пропущена фраза: „похороня ево—по домом пошли“ (ср. 29_{35}—$_{36}$, 36_{33}—34, 44_{19}—$_{20}$); пропущено повеление Михаила змие принести живой воды (30_9—$_{10}$, 37_4—$_5$, 44_{28}—$_{29}$).

Л. 9. и Л. 10. В виду обширного пропуска в Библиотечном тексте, мы не можем говорить об отличии Забелинского текста от Библиотечного в его целом виде. Начиная со слов: „а теперь у насъ в Киеве богатыреи не случилосъ“ и кончая словами (уже на 10 л. рукописи): „И она на то прелсталася“—то-есть весь эпизод с решением киевлян отдать жену Михаила Кощею,—как одевание, ироническая

речь Кощея о князе Владимире и мужиках киевских и слова Кощея Михайловой жене,— весь этот эпизод в Тихонравовских текстах отсутствует; в Библиотечном это место повести падает на дефектную часть рукописи; думается, однако, что оно-то как раз в ней и было.

Л. 10. „И садитца Михайла на свой доброи конь и едит далѣчѣ в чисто поле“ — в Тихонравовских текстах нет (37_{35},45_{15}—$_{16}$), в Библиотечном это место падает на дефектную часть.

Л. 11. „А буде ты ему смерти не предашъ скорыя, и онъ тебѣ самому предастъ смерть скорую в чистом поле“—этих слов в Тихонравовских списках нет (ср. 38_{13}—$_{14}$, 45_{28}—$_{29}$); в Библиотечном они падают на дефектную часть. Нет также в ранее известных текстах бранного обращения Кощея к Лебеди белой: „Прямая ты, собака безверная“ (ср. 38_{15}, 45_{30}); в Библиотечном все еще идет пропуск.

Л. 12—13. Имена товарищей Потыка „Илья Муромецъ, да Алеша Поповичъ“, а также их заявление князю Владимиру: „Великій князь Владимиръ киевски, от насъ тебѣ служба сослужена“. И челом ударяют великому князю Владимеру ѡ сыру землю“ — лишь в Забелинском. В Тихонравовских списках этого нет; Библиотечный список уже окончился несколько раньше, так как его последние листы до нас не дошли.

Л. 13—14. „Что вы, светоруския богатыри, куды идите?“—в Тихонравовских этот вопрос калики отсутствует. Нет также в них подробного описания каличьей богатой круты, нет всего эпизода Забелинского списка о найденной в земле по указанию калики великой казны, ее дележе на четыре части,—одним словом—в Тихонравовских текстах нет значительного куска Забелинского списка, начиная со слов: „А на калике мантия земли сорочинская“ по слова „что, келека, казну дѣлишь на четверо?“

Лл. 15—17. Одинаково в Тихонравовских списках отсутствует обширный эпизод Забелинского списка: появление Потока у Кощея после своего воскрешения архангелом Михаилом, повторение ласковых слов и просьба о прощении со стороны его жены Лебеди белой, новое испивание питья пьяного, разговор Лебеди белой с Кощеем, приковывание сонного Потока к стене, освобождение его дочерью Кощея Ганной, заменившей Потока на стене убитым Сулегой татарином и, наконец, казнь уже мертвого Сулеги Лебедью белой,—т.-е. текст Забелинского списка со слов: „И поехали под царство Кащѣево“— по слова: „А Михайло Потокъ Ивановичь засвисталъ богатырскимъ голосомъ“.

Л. 17. В заключении „Сказания“ слова Забелинского списка: „за то, что отдали жену ево безвинно Кощею неверному“ в Тихонравовских списках отсутствуют.

Отсюда видно, что в первой и средней части „Сказание о трех богатырях“ по Забелинскому тексту в общем очень близко к другим текстам, отличаясь от них некоторыми словами, иногда являвшимися результатом непонимания оригинала, и незначительными пропусками. К концу же „Сказание“ имеет значительные дополнения ко всем имею-

щимся текстам, сохраняющие любопытные подробности и даже целые эпизоды. Судя по сохранившемуся в Библиотечном списке отрывку из его последней части (вторичный приезд Потока к Кощею — Тих. —Милл. стр. 31_1 до конца), имеющемуся, кроме него, из всех списков только в Забелинском (см. лл. 11 и 12 рукописи), где сохранилось и начало этого эпизода, в Библ. утерянное, должно думать, что Библиотечный список в своем полном виде заключал все указанные дополнительные эпизоды и подробности Забелинского текста и был с ним более или менее тождественен. Это предположение подтверждается наличностью целого ряда соответствий в Забелинском и сохранившейся части Библиотечного списка, при расхождени обоих с Тихонравовскими.

2. Сходство между Забелинским и Библиотечным списками при расхождении их с Тихонравовскими.

Л. 1. Пропущено в обоих: „таковы слова“ (ср. в Тихонравовских по изданию „Русские былины старой и новой записи“, стр. 32_6, 39_4); пропущено в обоих хоронение князей и бояр друг за друга (ср. 32_{13-15}, $43-4$); „и вы князья, и бояре, сильные, могучие богатыри“—только в Забелинском и Библиотечном (25_{15}), в Тихонравовских нет.

Л. 2. Пропущены в обоих списках дважды слова „за 30 лет и три года“ (ср. в Тихонравовских списках 32_{19} и 32_2, 40_9 и 40_{12}); нет „и как будутъ отъ Киева за пять верстъ“ (ср. в Тихонр. 32_{26}, 40_{16}); в Заб. и Библ. списках нет указания пути, по которому поехали Илья и Алеша, имеющегося в Тихонравовских ($32_{30}-33_1$, 40_{20-4}).

Л. 4. Выражение „взял за саблею“ только в Забел. и Библ. (27_{14}), в Тихонравовских нет; „живет с нею два года“ в Забел. и Библ. (27_{18}), в Тихонравовских три года (34_7, 41_{28}); в Забел. и Библ. нет указания Тихонравовских списков „а товарищи его еще в Киев не приехали“ (35_{20}, 41_{29}).

Л. 5. В Забел. и Библ. нет добавления Тихонравовских к речи мужиков киевских: „А Михаиле дадим выбирать во всемъ городе Киеве“ и т. д. (35_{3-6}, 42_{9-31}).

Л. 11—12. Указанный выше целый рассказ о втором приезде Потока к Кощею и вторичном его опьянении сохранился только в списках Забелинском и Библиотечном (в последнем без начала в виду утраты соответствующего листа рукописи и конца по той же причине). Ср. по изданию Тихонравова и Миллера, стр. 31_1—30_{31}. В Забелинском соответствующее место начинается со слов (л. 11): „онъ меня наехал соннова“ по слова (л. 12): „И говорит царь Кощей: „Сама с ним“.

Указанные соответствия в деталях Забелинского и Библиотечного списков и присутствие в обоих значительного по размеру рассказа, отсутствующего в Тихонравовских, дают нам возможность предполагать о почти полной тождественности Библиотечного списка в его целом виде с Забелинским. Оба эти списка представляют „Сказание или Повесть о трех богатырях“ в полной редакции, в то время как оба Тихонравовских списка надо отнести к краткой или точнее сокращенной редакции.

Что Тихонравовские списки представляют сокращение основной полной версии, а не наоборот, что полная версия есть распространение краткой, за это говорит большее соответствие пространной редакции с приемами былевой поэзии, напр., повторение одних и тех же эпизодов (приезд Потока к Кощею и опьянение), а также наличность устных пересказов, соответствующих дополнительным эпизодам полной редакции (только что указанному и другому отмеченному выше: одеяние калики, дележ казны, третий приезд Потока к Кощею, пригвождение его к стене, замена его татарином, освобождение Потока дочерью Кощея). При этом из Тихонравовских текстов ясно видно, как происходило само сокращение: вставлялись некоторые фразы, другие выкидывались, из третьих делалось только заключение. Ср., например, эпизод с обращением Михаила в камень;—в Тихонравовском № 361 всего только: „И Михаила оборотила каменем“ (Т. и М., стр. 45_{33}). О дочери Кощея Ганне, освободившей Михаила, упоминание есть—значит, краткая редакция знала эпизод, с ней связанный, но выкинула его. В Тих. № 361 сказано лишь: „и дочь его Гану Кощевну Михаило за себя взялъ“ (46_{18}), без всякой мотивировки—почему именно. Немного больше сказано и в другом Тихонравовском тексте (39_{11-13}).

Ближайшее сличение Тихонравовских текстов с Забелинским приводит нас, как сейчас увидим, к выводу, что, несмотря на их принадлежность к сокращенной редакции, их текст восходит к оригиналу, общему со списками полной редакции, т.-к. большею частью текст всех списков буквально тождественен в малейших деталях. С другой стороны, наблюдаемые (б. ч. мелкие) совпадения Забелинского текста с обоими Тихонравовскими, при их общем расхождении с Библиотечным, одинаково, как приведенные выше совпадения Библиотечного с Тихонравовскими, при их отличии от Забелинского, говорят в пользу тесного родства всех этих списков, заставляющего предполагать общий им первоначальный оригинал и ряд промежуточных звеньев, из чего следует вывод: все дошедшие до нас списки, не исключая Забелинского и Библиотечного [1]), представляют из себя копии с других списков.

Приводим по нескольку примеров текстуальных совпадений между отдельными списками при их отличии от других.

3. Совпадение Забелинского списка с обоими Тихонравовскими при отличии от Библиотечного.

Л. 1. Само заглавие — название былины о трех богатырях не „Повестью“, как в Библиотечном, а „Сказанием“, как в Тихонравовских.

Л. 6. Слова Забелинского текста: „а товарищы ево еще не бывали“—в Библиотечном отсутствуют, в обоих же Тихонравовских находятся (35_{28}, 43_{9}); в Библиотечном: „Что зговоритъ великій князь Владимер киевъский Всеславевичъ“ (28_{29}), в Забелинском и обоих Тихонравовских просто „Владимер князь“ (ср. 35_{29}, 43_{11}); „а теперь

---

[1]) Л. Н. Майков, согласно вышесказанному, готов был считать Библиотечный текст записью былины по памяти с „пословесной“ передачи былины.

у нас силных, могучих богатырей не случилоса—тешатца в чистом поле, некому выехать противъ силы Кощеевой",—эти слова находятся в Забелинском и в обоих Тихонравовских (ср. 35_{31-33}, 43_{15-18}), в Библиотечном отсутствуют.

Л. 8. „Человѣческимъ голосом" — в Забел. и обоих Тихонравовских (ср. 37_1, 44_{25}), в Библиотечном нет. И некоторые другие случаи.

Мы не касаемся тех совпадений Забел. и Тихонравовских текстов, которые падают на дефектную часть Библиотечного списка, так как мы не могли бы безусловно утверждать, что в этих случаях не было бы согласия с Библиотечным текстом. Думаем даже наоборот.

Для полноты картины взаимоотношений известных нам списков Сказания или Повести между собою укажем еще на такие частные случаи, когда Забелинский текст совпадает с одним из Тихонравовских и отличается от Библиотечного и другого Тихонравовского.

4. Совпадения Забелинского текста с Тихонравовским № 361 (Тих.—Миллер, стр. 39—46) при отличии от Библ. и Тих. № 399. Укажем несколько примеров: обращение к князю Владимиру Кощеева посла: „ой еси Владимеръ князь кіевскій Всеславьевичъ", отсутствующее в Забелинском тексте, отсутствует и в Тих. № 361, а в Библ. (28_{21}) и Тих. № 299 (34_{25}) имеется.

Л. 13. „И какъ съ нею живъ въ могиле былъ, и какъ оживилъ ея",— только в Забелинском и Тихонр. № 361 (46_7), в Тих. 399 нет; в Библиотечном падает на дефектную часть.

5. Совпадение Забелинского текста с Тихонравовским № 399 (Тих. и Миллер, стр. 32—39) при отличии от других текстов л. 4. В Забел. и Тих. № 399 нет слов Библиотечного (27_{22}) и Тих. № 361 (41_{32}) списков: „и прослыша Михаилова жена про купчину, что пришелъ с товарами заморскими".

Л. 7. В Забел. и Тих. № 399 (36_{25}) есть фраза: „Или у нас в Кіеве людей не стало"; в Библ. и Тих. № 361 ее нет.

Л. 8. „И тут послышали соседи ближния"—Библ. 30_{15}, Тих. № 361, (44_{35}); в Забел. и Тих. № 399 этих слов нет.

Л. 12. В Забел. и Тихонр. № 399 (38_{17-20}) подробное описание, как Лебедь Белая расправилась с Потоком и обратила его в камень. В Тих. № 361 сказано только: „И Михаила оборотила каменем". В Библ. падает на дефектную часть рукописи.

Л. 13. Калики, воскресившего Потока, в Тих. № 361 совсем нет, в Тихонр. № 399 он есть, хотя эпизод с ним значительно сокращен.

Л. 14. Калика Михаил Архангел разбивает камень. По Забелин. и Тих. № 399 (30_{30-35}); в Тих. № 361 камень разбивает Илья Муромец (46_{11}). В Библ. этого места нет в виду дефекта рукописи.

На основании всех сделанных сопоставлений и замечаний относительно Забелинского списка „Сказания о трех богатырях" и его отношений к другим известным рукописным текстам, можно сделать следующие выводы:

1. „Сказание или Повесть о трех богатырях“ дошли в рукописях по двум редакциям: 1) полной, представленной Библиотечным списком XVII в. и Забелинским № 82 2-й пол. XVIII века и 2) сокращенной, возникшей из полной редакции, представленной двумя текстами из собрания Н. С. Тихонравова № 361 и 399—оба XVIII в.

2. Все четыре текста, несмотря на некоторые отличия и сокращения (сокращенная ред.), восходят к одному изначальному оригиналу. Однако сделанные выше сближения заставляют предполагать целый ряд промежуточных звеньев между указанными текстами, что говорит за значительную распространенность в XVII—XVIII вв. рукописных текстов со „Сказанием“.

3. Все четыре текста представляют из себя копии с других списков. В частности, за такой характер списка И. Е. Забелина № 82 говорят выше отмеченные искажения текста: „и нам не ехать тово сыскивать“ вм. ехать, „случится“ вместо скучится, соскучится. (О Библиотечном сказано выше, о Тихонравовских см. замечания самого владельца.)

4. Издающийся нами Забелинский текст в виду наличности в нем ряда подробностей рассказа и целых эпизодов, неизвестных по всем другим рукописным текстам XVII—XVIII века (отчасти вследствие дефектности Библиотечного списка), имеет наибольшее значение по своей полноте среди других текстов.

5. Дополнительные эпизоды полной редакции „Сказания о трех богатырях“, в отличие от краткой, находят себе параллель в ряде устных вариантов былины о Михаиле Потоке.

В этом отношении нам будет вполне достаточно сослаться хотя бы на вариант былины о Потоке в собрании Рыбникова I (1-го издания № 37, стр. 212—227), записанный от девяностолетнего старика и заключающий в себе 546 стихов.

В этом пересказе есть все главные эпизоды полной редакции рукописных текстов. Среди них: наезд царя Вахрамея и похищение жены Потока, опоение Потока его женою, превращение в камень, встреча со стариком, деление денег на четыре кучи, воскрешение Михаила, новая поездка Михаила к Вахрамею, вновь питье вина, пригвождение к стене, замена его татарином, освобождение его дочерью Вахрамея и наказание виновных.

Ср., кроме этого, также группу пересказов: Рыбников I, 36, 38; II, 15, 16, 17; IV, 12; Гильф. 6, 40, 52, 150, 156 и некоторые другие.

Полное и детальное изучение вопроса об отношении рукописных текстов XVII—XVIII вв. к устным пересказам былины о Потоке в нашу задачу не входит. В настоящей работе мы хотели лишь издать неопубликованный еще старинный рукописный текст былины, выяснить отношения его к другим рукописным текстам и сделать некоторые выводы.

Сказаніе ѡ трехъ богатыряхъ

Илье Муромце, Михайле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче.

(Из рукоп. сборника И. Е. Забелина № 82, второй пол. XVIII в.)

(Л. 1). *Во* славномъ граде Кіеве у великаго кнзя Владимера киевскаго было пированье почестное на многия кнзи, и бояры, и синыя, могучия богатыри. И како будетъ пиръ навеселѣ, говоритъ Владимеръ кнзь: „Ѡй еси, кнзи, и бояры, и силныя, могучия богатыри! естли кому у меня сслужить три слубы великия: кто бы ехалъ в землю Турскую, взялъ бы (об.)

дани—выходы;
Кто бы ехалъ в землю Задонскую,
взялъ бы дани и выходы;
Кто бы ехалъ в землю Олевицкую, взя бы
дани и выходы за тритцать летъ
и за три годы-?“

И всталъ славной богатыръ Илья Муромецъ и говоритъ таково слово: „Свет Великіи кнзь Владимер Всеславьевичь киевской и вы кнзья, и бояря, и силныя, могучия богатыри! хто куды едитъ?“ И на то никто ответу не даетъ, больш за меншова, а меншой за болшова хоронитца. И говоритъ таково слово: „Светъ (л. 2), гдрь, великій кнзь Владимир Киевски Всеславьевичь, я поеду в землю Турскую, возму дани и выходы“.

Что говоритъ Михала Потокъ Ивановичь: „А я, гдрь, поеду в землю Задонскую, возму дани и выходы“.

Что зговоритъ Алеша Поповичь: „А я, гдрь, поеду в землю Алевицкую, возму дани и выходы за тритцать летъ и за три года“.

И те речи Великому кнзю полюбилися, паноситъ им чары зелена вина, запиваютъ меды слакими, и называются с великимъ княземъ братьями назваными, и с великимъ князе прощаются и едутъ (об.) из гра Киева, садатца на свои дрыя кони, а сами говорятъ таково слово: „Братцы милыя, кто у насъ наперед приеде в Киевъ гра, а кого не будетъ, и нам не ехат, тово сыскивать“. И поехали наро̀но всякъ своимъ путемъ.

Михайло Потокъ Ивановичь поехалъ возле моря синева и видитъ, что плаваетъ *Лебедь Бѣлая.*

И Михайла вынимаетъ из налучья свой крепкой лукъ, хочетъ убить лебедь белую. И ѡна ему провещаетъ чловеческимъ голосом: „Светъ, гдрь, Михала Поток Ивановичь, не стреляй меня, Ле-

бедь белую, я по морю плаваю лебедью белою (л. 3), а пере тобою стану красною девицею".

И Михаило неуспелъ положить лука в налучье и в калчанъ колену стрелу, и она перед нимъ стала красною девицею. И Михаиле wна полюбиласа, беретъ ея за руки белыя, целуе во уста сахарныя и сажаетъ на свой добро конь. И взялъ дани и выходы и поехалъ в Киев гра, а далъ еи имя *Белая лебедь, Авдотья Михайловна.* И взял ея с собою в Киевъ гра и становитца на свой богатырско дворъ. И идетъ ко кзю Владимиру киескому, и бьет челомъ великому князю Владимеру о сыру землю и говоритъ ему таково слово: „Приве я, госуда, из земли задонския дани и выходы (об.) за тритцать летъ и за три гwды".

И говоритъ ему кнзь Владимиръ киески: „Тебя у мѣня, Михало золота казна незапечатана и кони незаперты". И еще Михала говоритъ таково Слово: „Светъ, гдрь, кнзь Владимеръ, ехал я возле моря синева, ано по морю плаваетъ лебедь бѣлая. И вынималъ я и налучья своего крепко лукъ, хотел убить лебедь белую, и она мне провещала человѣческим голосом, и говоритъ таково слово: „Не стреля меня, Михало Потокъ Иванwвичь, Лебеди белыя, я по морю плаваю лебедью бѣлою, а пере тобою стану красною двцею. И я неуспелъ положить в налучья (л. 4) колену стрелу, и она передо мною стала красною девицею, и мне она полюбиласа, и я крестилъ ея".

И говоритъ великій князь Владимеръ Киевско: „Уступи мне ѣе, Михала Потокъ Ивановичь!" И говоритъ Михала Поток: „Что я, гдрь, тое двцу взял за вострою саблею, понеже ты и сам известенъ, что я крестилъ ея и с нею венчалса, и венчалъ нас влко черниговско". И Михала почелъ с нею любезно жить и живетъ с нею два года. И охочь былъ Михала тешитца в чистомъ поле мца по ва, по три и по пяти. И поехалъ Михала тешитца на ва мца.

И без него пришелъ в Киевъ гра (об.) купчина Золотой wрды с товарами замоскими. И вышла Михалова жена смотре товаровъ заморских, и увиделъ купчина красоту лица ея, учелъ спрашивать: „Чья эта жена?" И стали ему сказывать: „Эта жена богатыря светоруского Михала Потwка Ивановича".

И купчина почелъ товары продавать наскорw и едитъ во свою землю. И приехаши, почелъ раказывать парю Кощею неверному: „Сколько де я не зеживал по разным землям купчиною тритцать летъ, а такои прекранои двцы не видыва, а нне виделъ я во гра Киеве у богатыря светорускогw Михала Потока Ивановича, жена Лебедь бѣлая, Авдотья Ивановна зело прекрасна".

(Л. 5). И почелъ цр҃ь Кощей собирать силу и соралъ силы сорокъ тысячь. И пошелъ по Киевъ и киевляня осадилъ на крепко. И посылаетъ посла своего: „что князь Владимеръ Киевско одалъ нам Михалову жену Потока Ивановича, Лебедь бѣлую, Авдотью Михаловну, а, буде ты нам не отда ея, и я гра Киевъ взятьемъ возму, а людей твоих вырублю, а женъ и детей в полонъ возму“. И говоритъ князь Владимиръ Киевско: „Думайте, мужики, да не продумайтеся, а теперь у насъ богатыреи не случилоса, некому выехать противу силы Кощеево“. И на то говорятъ мужики киевляны: „Светъ, г҃дрь, великіи князь Владимир Киевскии (об.) Всеславьевичь, доселева у насъ в Киеве Михаиловой жены не бывало, и цр҃ь Кощеи по Киевъ гра не прихоживалъ, и Киева не wсаживалъ и тебѣ и кручины не было, одадимъ Михаилову жену цр҃ю Кощею невѣному“.

Ажно Михала едитъ изъ чиста поля, скачетъ чре городовыя стены, и какъ буде на своемъ богатырском дворе, встречаетъ жена ево и говоритъ: „Г҃дрь, Михала Пото Ивановичь, тово ты не ведаешъ, что стоитъ по Киевомъ цр҃ь Кощей Золотои орды, а с ним силы сорокъ тысячь, а проси меня ис Киева, и мужики Киевляня придумали отдать меня“. И говоритъ Михаила Потокъ Ивановичь: „Собаки (л. 6) мужики Киевляня, зделялисъ бы wни своими женами и дочерьми, за что они одаютъ тебя неверному цр҃ю Кощею. Умею я за тебя и сам стоять и битца с погаными в чистом поле, управитца“.

И садилса на свой доброи конь, и едитъ далече в чисто поле, и побиваетъ силу Кощѣеву. И цр҃ь Кощей насилу ушелъ во свою землю, и Михаила Потокъ Ивановичь почелъ пити, ясти и веселитися, и живетъ з женою без беды ровно два го, а товарыщы ево еще не бывали.

И поехалъ Михало тешитца на три м҃ца. И без нево цр҃ь Кощ҃е собралъ силы шестьдесятъ тысящь и пришелъ (об.) по Киевъ гра, и Киевъ осадил накрепко и посылаетъ посла ко кнзю Владимеру: „что выда Михалову жену Лебедь бѣлую, а будетъ не одашъ, и я Киевъ гра возму, а людей всѣ вырулю, а женъ и детѣ в поло возму“.

И говоритъ Владимер кн҃зь: „Князья, и бояря, и силныя, могучия богатыри, и мужики киевляня, думате, да не продумаитеся, а теперь у насъ силных, могучих богатыре не случилоса—тешатца в чистом поле, некому выехать противъ силы Кощѣево“. А того не ведаютъ, что Михала бьетца в чистом поле ровно тридцать днеи и побиваетъ силу Кощѣеву. И цр҃ь Кощей (л. 7) толко сам шесть ушо во свою землю.

И приеха Михаило на свой богатырско дворъ, и встречаютъ ево люди дворовыя и сказываютъ вести нерадостные, что жена ево пре-

ставилась, и тутъ Михала закручинилса, идетъ на крыцо, никто ево не въстречаетъ, и за руки не принимаетъ, и во уста не целуетъ. И пришелъ Михало во свою гоницу охожую, где жена ево лежитъ мертвая, покрыта камкою белою. И Михала почал еѣ мертвую целовать, а сам говоритъ: „Пою и са свое слово, что у меня слово мовлено“. И велелъ могилу копать и гробницу делать, что двумъ чловка сидмя сидеть, и лемя лежать, и стоимя стоять. И почелъ Михаило на погребѣние звать великогѡ (об.) кнзя Владимера Киевского и влку чернигоскогѡ, и князи, и бояры, и силныя, могучия богатыри. И почелъ Михала жену свою клать и са с нею живъ ложитца в гробницу.

И говорятъ ему кнзь Владимеръ
Киевско, и влка черниговскои, и князи,
І бояры и силныя, могучия богатыри:

„Нигде тово не слыханѡ, что живыя ложилиса с мертвыми, а ты, Михала, ложисса с мертвою в могилу живъ для жены своея. Или у насъ в Киеве людей не стало? Захочешъ кнгиню или боярыню, или девку посацкую, такова тебѣ жена будетъ“.

И говоритъ Михала: „Знаи всякъ себя,
засыпате, не мешкате“.

И велелъ кнзь Владимиръ накладыва доски (л. 8) дубовыя и насыпа песками жетыми и поставить сторожей крепки, а какъ Михаилу случитца, то выпускате немедленно.

И сидитъ Михала день
до вечера. И какъ будетъ
ночь, и пришла змия лютая
и в гробницу прѡшла.

И пустила двухъ змиенковъ, и те змиеки почели у жены ево сосать груди бѣлыя. И Михала ухватилъ те зиенковъ и почелъ рвать и навое. И провещае змия чловески голосо: „Светъ Михала Потокъ Ивановичь, не рви мои змиенко, я тебѣ принесу живо воды“. И Михала те змиенковъ тою водою покропилъ и змиенки ѡжили. И покропляетъ (об.) свою жену мертвую и жена ево, чтѡ от сна пробудиласа. И Михала засвиста богатырски голосо, ано караулщики попадали и почели раскапывать, и иде

Михало из могилы и ведетъ
за ру жену свою, и ту все
почюдилиса, что была жена
ево мертвая, а Михаила
ѡживилъ ея.

И почелъ с нею любезно жить лучше старова и живетъ с нею ровнѡ три годы.

И поехалъ Михайло в чисто поле тешитца на пять мцовъ, а товарыщи ево еще не приехали; а без невѡ црь Кощей собралъ силы сто тысящь и пришелъ под Киевъ граи и Киев осади (л. 9) накрепко, и посылаетъ посла к великому кнзю Владимеру: „Ой еси ты кнзь Владимиръ Киевски, отдай мне Михайлову жену Потока Ивановича, а будетъ не отдашъ ея, и я весь Киев граи вырублю, а женъ и детей в полонъ возму, а тебѣ црю живому глаза выну, а буде отдашъ, и я прочь пойду". И кнзь Владимеръ Киевски собра силу во всем граде Киеве, и князи, и бояря, и силныя, могучия богатыри и мужикѡ Киевскихъ и говори: „Думате, братцы, да не продумателъ, адавать Михайлову жену или не отдавать, а тепе у насъ в Киеве богатыреи не случилосъ, тешатца в чисто поле, выехать проти (об.) ихъ некому, а ведаете вы, что Михайло сердитъ приедитъ в Киевъ граи и станетъ васъ побивать". И придумали все городо еѣ отдать црю Кощею неверному, и надеваетъ на нѣе платье цветное, и беру за руки бѣлые, и ведутъ црю Кощею неверному. И говоритъ црь Кощеи невеной:

„Спасиба де кнзю Владимеру
и мужика киевскимъ,
что отдали мне Михайлову
жену, не вида было мне, что
ушей своихъ, сколько было не
стоять по Киевомъ, а ити
прочь з бесчестие во свою зелю".
И пошелъ о града Киева (л. 10)
и сталъ на стану.

И почелъ с Михайловою женою ѡпочивать и говоритъ ей таково слово: „Светъ ты, милая Лебедь бѣлая, Авдотья Михайловна, давно ты жила в Киеве, тогда ты была жена богатырская, а таперь станешъ слыть цря Золото оды". И она на то престиласа.

И едитъ Михайло, какъ будетъ на свое богатырско дворе, и встречаю ево люди дворовыя и сказываютъ вѣсти недобрыя, что одали жену ево мужики Киевския црю Кощею Золотои оды. И тутъ Михайла закручинилса, ездитъ по Киеву, кричитъ гроки гласо: „Сабаки, мужики Киевляня безбоныя! (об.) на что ѡдали жену мою крещеную црю Кощею неверному! Умею я и са управитца в Киеве". И мужики киевляне все рабѣжалися ис Киева. И садитца Михайла

на свой добрѡи конь и еди далѣчѣ
в чисто полѣ.

А цр̃ь Кощей уеха̀ равно хо̀ за три дни, а Михайло догна̀ всево в три часа, а цр̃ь Кощеи на стану стоитъ, и wпочивает. И Миха́ло Потокъ Ивановичь зачалъ побивать войско безвинное и поехалъ прямо къ белу к шатру.

И увидела жена ево и встречаетъ ево у бѣла шатра, целуетъ ево во уста сахарные, а сама говорит: „Свет, г̑дрь, (л. 11) Михайла Поток Ивановичь! не хочю жить у неверного цр̃я Кощея Золотои wрды, хочю жить у тебя богатыря светоруского по пр̀енему“. И по̀носитъ ему питья пьянова, и Миха́ла з дороги испиваетъ и ложитца спать у шатра Кощѣева. И Лебедь бѣлая мечитца наскоро в белъ шатеръ и будитъ цр̃я Кощея: „Востани, цр̃ь Кощеи, вон пришѐ недругъ твои, Миха́ло Потокъ Ивановичь, предаи ему злую смерть, а буде ты ему смерти не предашъ скорыя, и онъ тебѣ самому преда̀тъ смерть скорую в чисто̀ поле“. Что говорит цр̃ь Коще́: „Прямая ты, сабака бѐверная, за что мне предать сверть скорую, он меня наеха̀ соннова (об.) в беле шатре, се не преда̀ смерти скорыя. И как ты хочешъ, сама с ни“. И велела она взять ẁ него wружие богатырское.

А самъ поеха̀ во свою зѐлю, а Бѣлую
Лебедь с собою взялъ.

А Михаила ровно спа̀ два дни и две нощи, а на третеи день пробудѝса и видѝ, что нетъ при нѐ wружия богатырскогw и палицы железнои, wдинъ стоитъ ево до̀рои конь и тотъ былъ далече в чистомъ поле. И садитца на свои добрwи конь и едитъ далече в чисто поле и доезжаетъ цр̃я неверногw.

И цр̃ь Кощеи на стану стоитъ. И едѣтъ прямо к ъ белу шатру, цр̃ь (л. 12) Кощеи wпочиваетъ, и встречаетъ Лебѐ белая из бела шатра, а сама говоритъ: „Светъ, г̑дрь, Михаила Потокъ Ивановичь, рада я тебя увѝла, ты мое девство разрушилъ“. И целуетъ ево во уста саха̀ныя, и Михайла задумалса: „Авос либо баба воспокается, хочетъ со мною жить по старому“. И по̀носитъ ему питья пьянова и Михаило ѝпиваетъ, ложѝца спать в бѣле шатре. И почела Лебедь бѣлая будить цр̃я Кощея: „Востани, г̑дрь, цр̃ь Кощей, вонъ приеха̀ недругъ твои Миха́ла Потокъ Ивановичъ, преда̀ ему злой смѐрти, а буде ты не предашъ зло̀ смерти, и онъ тебѣ преда̀тъ злую смерть (об.) самому“. И говоритъ цр̃ь Кощей „Сама с ни“.

И Лебедь бѣлая снимаетъ с свое руки
верченъ рукавъ и забиваетъ Михайле
сонно ясны очи, ударила ево какъ
рукою: „Лежи, Миха́ла, в чисто поле
белы камене„. И Михала окамене.

А црь Кощей пошелъ во свою землю и Лебедь Бѣлую взялъ с собою.

И приехали в Киевъ градъ
Михайловы товарыщи: Ілья Муромецъ, да Алеша Поповичь.

І идутъ к великому князю Владимиру и ѡбявляютъ: „Великій кнѧзь, Владимиръ Киевски, отъ насъ тебе служба сослужена“. (л. 13) И челомъ ударяютъ великому кнѧзю Владимеру ѡ сыру землю и дани и выходы с собою привезли. И стали спрашивать про Михаила Потока Ивановича. И стали имъ кнѧзь сказывать, какъ Михаила привезъ дани и выходы наскоре. И какъ привезъ Лебедь бѣлую, и какъ крестилъ ея, и какъ еѣ за себя взялъ женою, и какъ безъ нево тридны приходили црь Кощей по Киевъ градъ, и какъ мужики киевляне руками еѣ выдали, и какъ с нею живъ в могиле былъ, и какъ ѡживилъ ея, и какъ за нею погналса.

И говоритъ Илья Муромецъ:

„Поехали, братъ Алеша Поповичь, (об.) брата Михаилу сыскивать“. И поехали далече в чито поле.

И приезжаютъ х камени белому.

И у того камня стоить калика прохожеи. Что говоритъ калека прохожей: „Что вы, светоруския богатыри, куды идите?“ И они спросили ево: „Скажи ты намъ про цртво Кощѣево и не видалъ ли ты Михаила Потока Ивановича?“

А на калике матия зели сорочиския,
а каблукъ на немъ земли греческия,
а посохъ у него рыбья зубья,
а посумокъ бахатно, вышитъ волочены золотомъ.

И почели хлеба есть, и, поетчи хлеба, (л. 14) почели ѡпочивать два дни и две ночи.

И заутра калека пробужается и говори им таковы речи:

„Свет вы, братцы боготыри
светоруския! Начесь мне во снѣ
виделосъ, какъ съ сего камени
на восточную страну омерять три
локтя, лежитъ казна великая“.

И почели яму копать и нашли казну великую. И почелъ калека каздну делить на четверѡ.

И говоритъ Ия Муромецъ: „Что, калека, казну дѣлишь на четверо?“

И калека ответъ держитъ: „Кто сей камень подыметъ и брѡситъ (об.) чересъ

себя, тому четверто́ с жеребей".
Илья Муромецъ по́нялъ тотъ
камень в груди,
Алеша Поповичь в свой поесъ,
а калека по́нелъ и чрезъ себя броси
и разшипъ камень на двѡе,
И выше́ ис каменя Михаилу По-
тока Ивановича, а калика невидимъ сталъ.

И почелъ спрашиватъ „Долго ли я, бра́цы, спалъ в чистомъ поле?"

И говорятъ ему товарыщи:

„Спать было тебѣ и до веку, а разбудилъ тебя Миха́ло Арханъел".

И сталъ Миха́ло ра́казывать, (л. 15) какъ ехалъ о́ возле моря с Киева и наеха́ Лебедь белую, и какъ кресте́ ея, какъ привезъ дани и выходы наскоре, и какъ три́ды приходил цр҃ь Кощей и мужики киевлянѣ отдали жену ево Лебедь бѣлую, и какъ ѡборотила бѣлымъ камене́.

И говорятъ ево товарыщи: „Поеде́, братцы, по́ ц҃рство Кощѣево, убьемъ Лебедь бѣлую, а ц҃рю Кощею живому очи выколе́".

И поехали по́ ц҃рство
Кащѣево
И какъ будутъ у ц҃рства Кощѣева,

и говоритъ Михаило Пото́ Ивановичь: (об.) „Постоите, братцы, в чисто́ поле, я один управлюса". И поеха́ в Кощѣево ц҃рство.

И увидела ево Лебедь бѣлая ис терема и мечетца наскоро: „Светъ мои, Миха́ло Потокъ Ивановичь, рада я тебя увидела, ты мое девство ра́тли, не хочу жить у неверновa ц҃ря Кощея Золотой Орды, хочю жить в Киеве у тебя, богатыря светоруского, возми меня до Киева". И по́носитъ ему питья пьянова.

У Михаило за́малса: „Авослибо, баба воспокается. У всякой бабы волос долокъ, да умъ коротокъ. Аво́ либо, хочетъ со мною жить по старому!" (л. 16) Испивает питья пьянова и ложится спать возле терема.

И в то время пришелъ ц҃рь Кощей и говоритъ: „Станемъ, Лебедь бѣлая, тешица в ша́маты". И говоритъ Лебедь бѣлая: „Гдрь ц҃рь, Кощей Золото́ Орды, вот пришелъ недругъ твой Миха́ла Потокъ Ивановичъ, прида́ е зую смерть". И говоритъ ц҃рь Кощей: „Меня Миха́ло два́ды пое́жива в чисто́ поле в беле шатре соннова, се не преда́ меня злой смерти. Какъ хочешъ сама с ни".

И Лебедь белая сноси ево соннова и пьянова в поваренную избу, и велела (об.) ево приковать к стене накрепкѡ. И спи Михаило прикованъ три дни и три ночи.

И какъ будетъ о полуночи, сошла к не
двца, дочь цря Кощея Золото оды,
имене Ганна Кощѣевна, и стала
говорить: „Видиш ли, Михаилѡ,
что жена твоя на тобою делае?“
А сама, глядя, прослезиласа и гово-
ритъ Михале: „Хочешь ли меня
за себя женою взять? Я тебя
избавлю злой смерти“.

И говоритъ Михала Потокъ Ивановичь: „Ра я тебя женою иметь и вместа матери“.

И црвна пошла в тюрму татаскую (л. 17) и взела татарина имене Сулегу, такова лицо и волосо, что Михала Потокъ Ивановичь, и оковала Михалу о стены, а Сулегу татарина приковала къ стене.

И говоритъ Михала Потокъ Ивановичь: „Поди, црвна Ганна Кощѣевна, возми у ѡтца своего мое осжие богатырское и палицу желеную“.

А какъ будетъ о полуночи, и сошла Лебедь бѣлая в поваренную избу казни мужа своегѡ Михаила Потока Ивановича и ево не узнала, что татаринъ Сулека—чаела ево муже свои. И почела казнить Сулеку татарина, осекла ему руки (об.), и ноги, и голову и пошла, раючись, в полаты свои.

А Михайло Потокъ Ивановичь засвисталъ богатырски голосо. И бегу ево товарыщи Илья Муромецъ j Алеша Поповичь в црство Кощѣево наскорѡ, и побили силы несметнѡ тысящь, а црю Кощею живому ѡчи вынели, а Лебедь бѣлую привезали х коня неучены и рамыка по чисту полю. И такъ еи смерть случилась, а казну Кощѣеву роздали неимущи.

И поехали ко гра Киеву, и црну Ганну кртилъ еѣ, и женися на ней, и сталъ с нею любезно (л. 18) жить. И Потокъ Ивановичь осѣлалъ коня своего богатырского, и поехалъ по Киеву, и почел побивать

мужиковъ киевски
за то, что отдали
жену ево безвинно
црю Кощею неве-
ному. И побили
силы сорокъ
тысячь.

(Окончание следует.)

XXI КОНГРЕСС АМЕРИКАНИСТОВ.

В. Г. Богораз-Тан. (Ленинград.)

(Congrès International des Amerikanistes. Compte Rendu de la XXI Session Deuxième partie, tenue à Göteborg en 1924. Göteborg, Museum, 1925.)

Международное объединение американистов существует уже около полувека. Оно созывает конгрессы через каждые два года на той или другой стороне Атлантического океана: один раз, стало быть, в Америке Северной или Южной, другой раз где-нибудь в Европе, в Англии, Франции, Германии.

Мировая война прервала правильное течение конгрессов. Двадцатый конгресс, состоявшийся в августе 1922 г. в Рио-де-Жанейро в Бразилии, был не особенно удачным. Из Европы приехало только 5 человек. А без европейских ученых конгресс не имел должного блеска и полноты. До сих пор большинство американистов, и притом наиболее видных, проживают в Европе.

Следующий конгресс надлежало собрать в Европе. Это оказалось делом далеко не легким. Даже выбор страны стоял под вопросом. Устроить конгресс в пределах страны победительницы или страны побежденной было одинаково невозможно. Таким образом, Англия, Франция и Германия были исключены.

Энергия инициативной группы, главным образом, шведского ученого Эрланда Норденшельда, французского Поля Риве и американского Франца Боаса преодолели все препятствия, и конгресс был созван в назначенное время в августе 1924 г. Он состоял из двух сессий. Первая имела место в Гааге, в Голландии, вторая— в Гётеборге, в Швеции. Нейтральные страны были выбраны очень удачно, так как и во время войны обе они держались действительно нейтрально. Официальным языком для сношений и заголовков писем был объявлен французский. Но доклады читались, как и прежде, на четырех языках: английском и французском, немецком и испанском. Испанский язык на конгрессах американистов слышится часто. Не надо забывать, что в Центральной и большей части Южной Америки говорят по-испански.

В приветственных речах представители разных народов щеголяли своим разноязычием. Профессор Отто Норденшельд говорил по-английски, а его двоюродный брат профессор Эрланд Норденшельд, генеральный секретарь шведской сессии, говорил по-испански; Юан-

Пеи-Тсаи, канцлер Пекинского национального университета, приветствовал собравшихся на безукоризненном французском языке.

Голландская сессия продолжалась с 12 по 16 авг7ста. Шведская сессия продолжалась с 20 по 26 августа. И следующий очередной конгресс (XXII) было решено, после некоторого колебания, созвать опять-таки в Европе. Европейские ученые заявили о невозможности преодолеть издержки путешествия в Америку. Местом конгресса был избран Рим, так как в то время в продолжавшихся ссорах европейских держав Италия держалась довольно пассивно и не чувствовала себя победительницей.

Голландская и шведская сессия поделили между собой основные линии работ XXI конгресса. В Гааге разбирались, кроме вопросов общего характера, также более частные вопросы, относящиеся к Северной Америке, к Антильским островам и к колониям Гвианы. В Гётеборге—вопросы, относящиеся к Центральной и Южной Америке и также к эскимосам. Работы американистов вообще относятся к пяти научным областям: 1) доколумбийская история и эпоха открытия Америки, 2) география, 3) археология, 4) лингвистика, 5) этнография.

Работы голландской сессии конгресса еще не вышли в свет, хотя к печатанию их приступили давно. Я, например, получил сверстанную корректуру своего доклада уже с полгода назад. Очевидно, нехватает средств, чтобы закончить издание. Ученые организации в Западной Европе тоже обеднели [1]).

Работы шведской сессии составляют огромный том в 705 стр., прекрасно изданный и с многочисленными иллюстрациями.

Если оценивать работы XXI конгресса, то прежде всего необходимо указать описание различных экспедиций за минувшие два года, связанных с американизмом. На первом месте следует поставить работы Копперса и Гусинде по изучению Огненной Земли. Копперс и Гусинде—католические немецкие миссионеры, вероятно, иезуиты. Их доклады на обеих сессиях конгресса, сопровождаемые прекрасными диапозитивами, в то же время имели специальный привкус, от которого коробило большинство присутствующих. Справедливость, однако, требует признать, что оба они впервые доставили материалы о верованиях, обрядах, церемониях и плясках всех трех огнеземельских племен: Она, Йаган и Алакалуф.

До них мы знали об огнеземельцах чрезвычайно мало. Экспедиция за экспедицией возвращались назад с такими результатами: огнеземельцы не имеют верований, не знают мифов, не рассказывают легенд. Мы будем меньше удивляться этим отрицательным данным, если припомним, что экспедиция барона Майделя к чукчам в семидесятых годах XIX века на так называемые вопросы академика Бера дала такие же негативные ответы—верований никаких, легенды чрезвычайно скудные. На деле же чукотский фольклор—один из самых богатых в полярной Евразии и может соперничать даже с эскимосским.

[1]) После того как были написаны эти строки, работы голландской сессии также были окончены и выпущены в свет. Они составляют том в 436 стр.

В отчетах шведской сессии Копперсу и Гусинде принадлежат два доклада родственного содержания:

1. Тайная инициация юношей племен Йаган и Алакалуф.

2. Тайные мужские праздники у огнеземельцев.

Иллюстрации изображают маски огнеземельцев, головные украшения из перьев, разрисовку тела. Эти снимки дают материал для сближения огнеземельцев с другими американскими племенами.

Биркет Смит и Матиассен изложили результаты пятой датской экспедиции в арктическую Америку. Все пять экспедиций имели исходным пунктом селение Thule в проливе Смита (Smith Sound). Начальником этой экспедиции был знаменитый датский исследователь доктор Рассмусен, родом полуэскимос, внук датского пастора и эскимосской матери, родившийся в Гренландии. Сам Рассмусен остался в арктической Америке доканчивать работу экспедиции. Он поставил своей задачей изучить наречия и легенды всех частей эскимосского племени от Гренландии до Аляски и до Чукотского мыса в Азии.

В 1924 г. Рассмусен на американском китоловном судне действительно подъехал к эскимосскому поселку Ноокан на Чукотском мысу. Но в то время наши отношения с американцами весьма обострились из-за дерзкой попытки американских промышленников и морских пиратов захватить остров Врангеля, лишенный человеческого населения, но обладающий баснословными животными богатствами. Русский пароход „Декабрист" снял американских браконьеров с острова Врангеля. В результате этого другие китоловы, чувствуя, что за каждым из них есть нарушения правил о торговле, стали опасаться подходить к русским берегам. Таким образом, и Рассмусену в конце концов не удалось высадиться на Чукотском мысу.

Доклад Биркета Смита относился к антропологии и лингвистике, доклад Матиассена—к археологии. Иллюстрации устанавливают наглядно единство эскимосской культуры самых различных местностей в древние и новые эпохи.

Однако еще важнее этих описаний были доклады общего характера, ибо они поставили в научной плоскости вопрос о родстве и соотношении культур Старого и Нового Света.

До сих пор такие трудные и сложные вопросы ставились только учеными фантастами на основании самых прихотливых и причудливых сближений. Можно припомнить из сравнительно недавних примеров настойчивые утверждения знаменитого аргентинского археолога Амегино о происхождении третичного человека из Южной Америки.

В противоположность этому два кратких, но очень значительных доклада доктора Франца Боаса и калифорнийского профессора Lowie подходят к своей теме с большими оговорками.

Этими двумя докладами закончился последний день конгресса, протекавший в парадной обстановке. Этим конгресс желал подчеркнуть значительность вопроса.

Боас, конечно,— наиболее крупный и разносторонний ученый из всех американистских этнографов и лингвистов. В своем докладе о Старом Свете и Америке он указывает прежде всего на единство антропологического типа. Американская раса представляет монголоидный характер, хотя и с многочисленными уклонениями. Далее, как общую базу материальной культуры, он отмечает каменные орудия, деревянный прибор для добывания огня и приручение собаки.

В последующем развитии материальной культуры он указывает, напротив, различия. Так, в земледелии Старого Света древними культурными растениями являются в умеренной зоне пшеница и ячмень, в тропической—просо и рис. Американское земледелие построено на маисе, который является коренным американским растением. Также бобы, известные породы тыкв, маниока—американского происхождения. Помимо того, в половине Сев. Америки от Берингова пролива до Калифорнии земледелие отсутствует. Такой же перерыв существует в гончарных изделиях, в тканях и в обработке металлов. Огромная область, ближайшая к Берингову проливу и предполагаемому Берингову мосту-перешейку, не имеет ни того, ни другого, ни третьего.

Соответственные различия существуют и в культуре социальной и духовной. В Америке отсутствует очищение вины испытанием или клятвой, столь распространенное в Старом Свете. В фольклоре отсутствуют загадки и звериные басни. Рисунки и картинное письмо не употребляются в виде заклинаний.

Lowie прибавляет к этим различиям еще одно. В Старом Свете болезни объясняются двояко: во-первых, вселением злого духа, во-вторых, наоборот, похищением души больного. В Америке существует только первое. Поэтому шаманское лечение в Азии представляет или извлечение злого духа в виде камешка или щепки, или, напротив, вкладывание украденной души в той же самой материальной форме в голову или грудь больного. Америка знает лишь второе, а не первое.

К той же категории докладов общего характера принадлежит и доклад Л. Я. Штернберга—„Божественное избранничество в первобытной религии“. Автор подвергает анализу два весьма важных момента шаманского вдохновения: 1) избранничество со стороны высших сил, 2) состояние половой истеричности, которое свойственно шаманам и шаманкам, особенно в начале их карьеры. У шаманов избранничество является всегда половым. Дух-покровитель для мужчин-шаманов является супругой (суккубом), для женщин-шаманок (инкубом) — супругом. Автор привлек к рассмотрению многочисленный материал, относящийся к сибирским племенам, также европейские данные вплоть до ведовских процессов средневековой эпохи, где колдуны и колдуньи обвинялись в интимных сношениях с дьяволом, индийский культ Шакти, где воплощение женского божественного принципа является супругой и помощницей даже для высших богов: Брамы, Вишну, Шивы. Супругами этих богов являются Лакшми, Парвати и Сарасвати. Шакти оказывает божественную помощь богам и вдохновенным людям только через половое общение.

Сюда же относятся китайско-японские рассказы о любовных отношениях людей с волшебными лисицами, античные легенды о нимфах и богинях, даривших любовью людей. Таковы, например, нимфа Эгерия, вдохновительница Нумы Помпилия, морская богиня Фетида, родившая Пелею Ахилла, Афродита, любовница Анхиза и мать Энея и пр.

В дальнейшем развитии религии половое избранничество превращается в этическое: Ной, Авраам, Моисей, Христос заменяют половое общение идеальным сожительством человека с божеством. Впрочем, и в христианстве эротические искушения отшельников, соблазняемых бесами, и мечты монахинь о небесном женихе имеют такой же характер полового избранничества. Американский материал использован в меньшем объеме, но автор призывает американских исследователей посвятить особое внимание этому вопросу.

Не менее важное место занимали на конгрессе более специальные доклады, посвященные установлению этнографических и культурных областей в Северной и Южной Америке, а также в Северотихоокеанской области, промежуточной между Старым и Новым Светом.

Стремление к установлению культурных областей является очередным движением вперед европейской этнографии. Огромное накопление описательного материала создает необходимость разбить его на отдельные географические группы и районы. Лет двадцать назад этнография знала лишь два подхода к изучению: или отдельное описание данных племен или построение широких всемирных обобщений, основанных на материале поверхностном и некритически подобранном. В настоящее время рядом с широкими обобщениями надо строить другие более узкие, охватывающие естественную связь народов и групп, живущих в соседстве, связанных общим происхождением (хотя и не всегда), а более того соединенных в один географический комплекс общими и естественными условиями и общими достижениями культуры, созданной в результате взаимных влияний.

Такие культурные районы устанавливает, например, Фробениус (Frobenius) для Африки, В. Шмидт для Южной Америки, целый ряд американских исследователей для Северной Америки и т. п.

Из серии таких докладов, прочитанных на конгрессе, можно отметить доклад Купера—„Культурные области в южной части Южной Америки“, доклад Уле—„Цивилизация индийцев Пуэбло и строителей искусственных холмов и связь ее с Центральной Америкой“ и, в особенности, доклад Поля Риве—„Основные элементы цивилизации западной и северо-западной части Южной Америки“.

Еще ярче это стремление установить широкие этнографические области выяснилось в докладах и прениях эскимосской секции, точнее „эскимосского дня“ в пятницу 22 августа.

Небольшой, но чрезвычайно замечательный доклад Риве о двух предметах, найденных в раскопках французского палеолита, устанавливает несомненное сходство, даже тождество между этими предметами и частями эскимосской игры, похожей на бильбоке, но имеющей маги-

ческое значение. Таким образом, прибавился новый узел к той связи, которою этнография и археология мало-по-малу соединяют французский палеолит и восточно-сибирских палеоазиатов совместно с эскимосами.

Доклады Матиассена и Биркет Смита, о которых я упсминал выше, устанавливают, как общий вывод, древнее единство эскимосской культуры в Америке от Аляски до Гренландии.

Я с своей стороны попытался в докладе о древних переселениях эскимосов между Азией и Америкой продолжить эту связь и на основании материалов, собранных мною на азиатском берегу и до сих пор отчасти не опубликованных, установить, что азиатская ветвь эскимосов не является группой переселенцев из Аляски, хотя и очень древней, как это думают американские ученые, а напротив того, представляет остаток полуисчезнувшего населения, древнейшую отрасль всего эскимосского племени. Я старался это установить при помощи анализа географических названий, разбора исторических и мифологических преданий и легенд, наконец, путем довольно подробного сравнения трех азиатских диалектов с эскимосскими наречиями Америки. В прениях, которые завязались по этому поводу, я попытался развернуть общую схему полярной культуры, которая, отчасти, послужила предметом моего предыдущего доклада на гаагской сессии конгресса: „Новые задачи этнографии в полярных областях". Следуя по общему пути с работой Ривe, я набросал идеальную схему движения человеческой расы с юго-запада на северо-восток, вдоль берегов древнего Ангарского материка, вслед за отступавшими ледниками и северной флорой и фауной (на море — тюлени, моржи, на суше — олени). Движение это шло последовательными волнами, из которых первая была эскимоидная с материальной культурой охотников за морским зверем. В то время Берингов пролив, возможно, был еще Беринговым перешейком, и эскимоидные народности невозбранно распространялись вдоль северного берега Берингова моста из Азии в Америку.

Далее шли волны рыболовов с ездовыми собаками и, наконец, волны охотников за северным оленем, которые перешли к оленеводству, быть может, именно во время этого движения на север, под влиянием стимулов, вызванных им. Первая волна оленеводов еще не знала пастушеских собак. Таково и современное оленеводство чукотско-коряцкое на крайнем северо-востоке Азии.

Вторая волна оленеводов двинулась позже. Эта волна двинулась прямо на север и отчасти на запад по низменной тундре, лежащей к западу от Енисея. Эта тундра возникла после отступления моря и постепенно обсохла и заросла мхом и ягелем. Вторая волна оленеводов дала начало оленеводству самоедскому и лопарскому.

Эта предполагаемая схема раннего переселения на север Евразии кажется довольно убедительной. Исходным пунктом движения представляются горные области юго-запада Сибири — Алтайские и Саянские горы, верховья Енисея и Оби.

Основным затруднением является невозможность продолжить включение на запад и ввести в схему французский палеолит области Пиренеев, который, однако, обнаруживает явную связь с культурой арктического северо-востока.

Промежуточные горные массивы, лежащие на той же параллели, Альпы и Кавказ, являются как бы огромными стенами, рассекающими связь западной окраины Евразии с юго-западной окраиной Ангарского материка.

Между прочим, и Бертольд Лауфер в своей работе о приручении оленя построил такую же схему расселения оленных племен с тем существенным различием, что он относит это рассеяние к эпохе после Рождества Христова. Это последнее предположение является совершенно фантастическим и вызывается тем, что Лауфер оперирует почти исключительно историческими данными, позаимствованными из китайских летописей, и, таким образом, его мысль движется вперед—в плане историческом и чрезвычайно суженном.

Я оставляю за собой право вернуться к этому вопросу и подвергнуть его более обстоятельному разбору.

Что же касается XXI конгресса американистов, то из сказанного ясно, что он составил заметное звено в непрерывном развитии современной этнографии.

ОБЗОР РАБОТ ПО ЭТНОГРАФИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ЗА 1917—1925 гг. [1]).

Д. К. Зеленин. (Ленинград.)

§ 1. Общие замечания. § 2. Крестьянское искусство и жилище. § 3. Общие описания быта. § 4. Одежда. § 5. Хозяйственный быт. § 6. Обряды и поверья. § 7. Музееведение.

§ 1. Научная разработка восточно-славянской этнографии происходила до самого недавнего времени односторонне. Изучение „духовной культуры", фольклора в узком смысле этого слова, резко преобладало над исследованием „внешнего быта" и материальной культуры.

Наибольшим вниманием русских этнографов как исследователей, так и собирателей, пользовалась устная словесность. По былинам, например, у нас давно написан целый ряд прекрасных монографий; для песен имеются исчерпывающие издания текстов. Книжки наших специальных этнографических журналов заполнялись материалами и исследованиями по устной словесности, при чем нередко тексты рассматривались прежде всего как диалектологический материал и только во вторую очередь как чисто этнографический материал. И вообще русская этнография жила в тесном симбиозе с диалектологией.

Довольно много внимания, хотя и много меньше, нежели устной словесности, уделяли русские этнографы верованиям и обрядам. И здесь граничащие с фольклором верования доминировали над изучением обрядности. Например, заговоры, даже хороводные и обрядовые песни записывались сплошь и рядом без сопровождающего их обряда: в изучении текстов устной словесности видели самоцель, и необходимость изучения словесности в теснейшей связи с бытом и обрядами не была осознана до самого недавнего времени.

Даже историографии молодой русской этнографической науки уделялось едва ли не более внимания, нежели материальной культуре. По крайней мере, по историографии давно появился труд в 4 томах, прекрасный труд академика А. Н. Пыпина—История русской

---

1) В виду краткости срока, имевшегося в распоряжении автора, исчерпывающей „библиографической полноты" в обзоре не удалось достигнуть; в частности, в обзор не вошли газетные статьи. *(Д.З.)*.

этнографии. Спб. 1890—1892 гг. По вопросам же материальной культуры восточных славян у нас не только нет обобщающего сводного труда, но почти нет совсем и монографических исследований; даже простых описаний, сырых материалов было до последнего времени крайне мало. Покойный украинский этнограф Ф. К. Волков подсчитал, что в семи больших томах Трудов экспедиции П. Чубинского, наиболее обширном собрании данных по этнографии Украины, материальному быту уделено всего 77 страниц („Украинский народ в его прошлом и настоящем", т. II, 456 с.); это обстоятельство Ф. К. Волков справедливо объясняет „односторонним пониманием задач и содержания этнографии".

В течение последних десятилетий в разработке восточно-славянской этнографии произошел перелом. Симбиоз этнографии с диалектологией, естественный плод неразработанности двух молодых наук, если не изжит вполне, то изживается на наших глазах. Правда, еще в 1925 году на страницах этнографического украинского журнала мы находим чисто лингвистическую статью по украинской диалектологии (Вс. Ганцов.—Чергові завдання української діялектології.—Журнал „Записки Етнографічного Товариства", кн. I, Київ, 1925 р., с. 37—41); но есть основания видеть в подобных фактах простое переживание.

Главное же, внешний, материальный быт народа постепенно завоевал себе подобающее ему место в научном этнографическом изучении. Появление новых этнографических музеев, особенно этнографического отдела Русского Музея в Ленинграде, Центрального Музея Народоведения в Москве и Музея Центрально-Промышленной области в Москве же, дало сильнейший толчок в указанном направлении. Создание целого ряда новых этнографических музеев на местах сделало возможным появление в глухой провинции книг и статей, посвященных материальной культуре, как, например, в гор. Тотьме книжки Осипова о русской избе (1924 г.). Географическое Общество, старейший центр русской научной этнографии, присоединилось к новому направлению в лице состоящей при этом Обществе „Постоянной Комиссии по составлению этнографических карт России" (первое собрание этой Комиссии состоялось, под председательством акад. С. Ф. Ольденбурга, 15 октября 1910 г.): последняя решила картографировать в первую очередь именно данные материальной культуры и издала Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России (Спб., 1913), составленный по ее поручению Д. К. Зелениным.

Но если научная этнография, под влиянием естественного прогресса, отделилась от диалектологии и устной словесности, то, с другой стороны, произошло противоположное явление: в ряде новейших работ мы встречаем слияние этнографии с элементами социально-экономических наук. Тут сказалось вызванное социальной революцией резкое преобладание в обществе интереса к социально-экономическим вопро-

сам. Неудивительно, что и быт деревни изучается теперь прежде всего с социально-экономической его стороны и только попутно с точки зрения изменения форм быта. В глубоком проникновении современных этнографических работ элементами наук экономических и статистических мы не имеем конечного синтеза разных наук, а полумеханическое их слияние.

На почве слияния этнографического изучения деревни с социально-экономическим изучением можно различать три вида современных работ, интересных для этнографа. Это—

А. Работы краеведческие, где область и предмет изучения ограничиваются лишь чисто географически; этнографическое изучение является здесь лишь частью всестороннего изучения человека и природы местного края, при чем дифференциация отдельных научных дисциплин выражена очень слабо.

Б. Работы типа прежних земских статистических исследований. Таковы обследования современной деревни, производимые партийными организациями. Типичный образец—книги Я. Яковлева.

В. Публицистические и полу-беллетристические описания современной деревни и происходящих в ней процессов. Типичные образцы—сборники под редакцией В. Г. Тана-Богораза, архангельский сборник „На Северной Двине".

За редкими исключениями, работы трех указанных видов нельзя признать строго научно-этнографическими. Во многих из них собственно этнографический элемент представлен даже очень слабо. При всем том, современному русскому этнографу необходимо считаться с этой литературой. Два обстоятельства делают это решительно необходимым. Первое—происходящий в современной деревне весьма сложный и острый процесс ломки быта и мировоззрения крестьянина. Второе—отсутствие в этот критически-важный момент, в момент перелома, специальных этнографических журналов, которые временно прекратились на целых девять лет. Поскольку специально-этнографической литературы, отражающей момент ломки деревенского быта, пока нет,—постольку этнограф принужден пользоваться соответствующими краеведческими, статистико-экономическими и публицистико-беллетристическими изданиями.

§ 2. Более активный интерес русских этнографов к материальному быту восточных славян не успел еще проявиться в специальных печатных трудах. Как известно, в последние годы издание научных работ, особенно далеких от практического применения в жизни, очень сильно сократилось, главным образом, в силу дороговизны печатанья. Перелом, о котором мы говорили выше, конкретно сказался пока лишь в собирании памятников материальной культуры, а также и в начавшейся обработке собранных материалов—между прочим и для специальных выставок. Но, не будучи пророком, можно предсказать, что в ближайшие годы появится в свет целый ряд работ по материальному быту восточных славян; некоторые из таких работ русских

этнографов уже печатаются, напр., в 3-м томе „Материалов по этнографии России“ (издание Этнографического отдела Русского Музея в Ленинграде), в изданиях Московского Музея Центрально-Промышленной области, Центрального Музея Народоведения в Москве и в других.

Пока в печати успели появиться лишь немногие труды, главным образом, по искусству, столь тесно связанному с материальным бытом народа. Интерес к крестьянскому, деревенскому искусству теперь сильнее и глубже прежнего. Крестьянскому искусству русского народа посвящен даже обобщающий синтезирующий труд В. Воронова — Крестьянское искусство. М. 1924 г. ГИЗ. 8°, 139 с. + IV табл. Сам автор называет этот свой труд „обзором главнейших формальных граней крестьянского искусства в пределах XVIII—XIX вв.“.

В. Воронов дает подробную характеристику крестьянского искусства, подчеркивая теснейшую связь его с бытом, его коллективность, декоративность, конструктивность, орнаментальность, зависимость от материала и техники. Из отдельных типов искусства детально говорит о видах резьбы по дереву, кратко об объемной скульптуре; анализирует четыре сформировавшихся школы бытовой росписи—Вологодскую, Северо-Двинскую, Мезенскую и Нижегородскую. Несколько меньше внимания уделено вышивке и еще меньше—набойке. Заканчивает автор попыткой изложить эволюцию русского крестьянского искусства.

Книга В. Воронова ценна не только тем, что она впервые публикует очень обильный (101 рис. и 4 раскрашенных таблицы) материал из коллекций Российского Исторического Музея в Москве, но и как первая попытка разобраться в пестром разнообразии памятников великорусского народного искусства. Слабая сторона книги—замкнутость автора в тесном круге коллекций одного музея, хотя бы и очень богатого; многие из описываемых предметов точно географически не приурочены.

Отдел книги, посвященный резьбе, изложен еще и в отдельной брошюре того же автора: Народная резьба. М. 1925 г. ГИЗ. 16°, 34 с. + табл. (в серии „Русское декоративное искусство“).

На том же самом материале коллекций Исторического Музея основана и книга Г. Малицкого—Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства (в росписи и резьбе). Казань. 1923 г. 4°, 43 с.

Крестьянскому искусству посвящена первая глава книги В. А. Никольского—Древне-русское декоративное искусство. Петербург. 1923 г. 8°, с. 17—29, изд. „Брокгауз—Ефрон“. Н. М. Щекотов. Русская крестьянская живопись. М. 1923 г. ГИЗ. 16°, 31 с. + 10 таблиц; в серии „Искусство“, под ред. П. П. Муратова: речь о росписи; любимые звери—лев, гриф, единорог, сирин—взяты из книги „Физиолог“ XVI—XVII вв. и проникли к крестьянам через высшие слои населения. Бытовые сцены также проникли сверху, но переработаны по-своему. Того же автора Крестьянское искус-

ство значится вышедшею в той же самой серии под редакцией Муратова, но видеть эту книжку нам не удалось, так же как не пришлось видеть альбом репродукций с текстом С. Соколова и И. Томского под заглавием: Народное искусство Севера России. М. 1924 г.

Книга проф. А. И. Некрасова—Русское народное искусство. М. 1924 г. ГИЗ. 8°, 163 с.—пытается дать „некоторую общую картину русского народного искусства", но этнографа эта картина удовлетворить отнюдь не сможет. В введении автор дает, между прочим, очень беглый обзор литературы; отдельные главы в книге посвящены архитектуре, скульптуре и живописи, куда отнесены также и вышивка и кружево. В „заключении" на 1 странице даны „происхождение, положение и прогноз русского народного искусства". Для книги характерно большое обилие недоказанных и неудачных гипотез по отдельным мелким вопросам; особенно много собственных этимологий автора для объяснения терминов, этимологий часто совершенно ненаучных и даже курьезных, например, полица = то, что идет „по лицу" (с. 46). Образец гипотез: „надо думать, что птица (на щипце кровли) вместо коня появилась естественным путем искажения формы" (с. 105). Немало неточностей и в фактическом материале. Особенно неблагополучно с рисунками (их 100); например, рис. 38 взят (конечно, без указания источника) из известного английского альбома Studio-Peasant art in Russia (№№ 228—235), но указки (reading pointers) подлинника русский ученый профессор превратил в „костяные шпильки".

Книга Ив. Евдокимова—Север в истории русского искусства. Вологда. 1921 г., издание Союза Северных Кооперативных Союзов. 8°, 230 с. + 24 двусторонних табл. с рисунками—полезна как свод данных о памятниках искусства Вологодской губ. и частью соседних с нею. Деревенскому крестьянскому искусству автор уделяет мало внимания, много подробнее останавливаясь на местных церквах, иконописи, частью на усадьбах помещиков, т.-е. как раз на вопросах, которые в наш настоящий обзор не входят. Но в главе „Ваяние" говорится также и о резьбе, о деревянных статуях святых; в главе „Прикладное дело"—о декоративном деревенском искусстве, о кафлях и кружевах. Технической стороны рассматриваемых искусств автор почти совсем не касается. В конце книги дан указатель книг и статей по искусству русского Севера (1235 нумеров) и список старых иконописцев Вологодского края. Иллюстрации взяты большею частью из книги „Вологда в ее старине" и из журнала „Временник". В изложении нужно отметить обилие лирических отступлений.

П. Г. Истомин—Современное народное искусство на Севере („На Северной Двине". Сборник Архангельского общества Краеведения, Архангельск, 1924 г., с. 19—27 и 1 раскрашенная таблица); Е. Тагер—Искусство и быт Севера (там же, с. 28—37)—два талантливых фельетона, из каких состоит весь названный краеведческий сборник. В первой статье идет речь о росписи

прялок и деревянной посуды в Мезенском уезде, о резьбе по кости в Холмогорском уезде, о резьбе по дереву, о коврах на Пинеге, об узорном ткачестве, вышивке и вязании, кое-что об искусстве самоедов. Задача второй статьи—выявить, насколько народный быт проникнут искусством. Конечно, от таких краеведческих фельетонов до систематического научного обследования местного края еще не так близко; но убеждение авторов сборника, что „краеведчик (кстати: эта переделка книжного слова краевед красноречиво свидетельствует, сколь глубоко в толщу населения проникают современные лозунги краеведения!)—партизан науки" (с. 39)—безусловно верное. Названные статьи любопытны даже для исследователя в области психологии творчества (с. 36, где рисуется процесс художественного творчества рыбака на морском берегу), не говоря о том, что тут, например, впервые отмечено ковровое производство на Пинеге и дается большой ряд сведений, интересных с точки зрения вопроса о географическом распространении разных черт народного быта. В том же роде статья М. Камского—Народное художественное творчество в предметах домашнего обихода („Кунгурско-Красноуфимский Край", краеведческий ежемесячник, Кунгур, Урал. обл. 1925 г., № 3, март).

Крестьянскому искусству Сибири посвящена статья Д. А Болдырева-Казарина—Народное искусство в Сибири. Из очерков по истории русского искусства в Сибири („Сибирская Живая Старина", издание Восточно-сибирского отдела Русского Географического Общества, т. II, 1924 г., с. 5—20+2 раскраш. таблицы). Дана лишь общая характеристика; не соглашаясь с В. В. Стасовым, автор, однакоже, настаивает на преобладании в орнаменте сибирского населения финских влияний, не доказывая этого точными фактами. Брошюра Б. Э. Петри—Народное искусство в Сибири. Вопросы собирания и изучения. Иркутск. 1923 г. 8°, 30 с.—дает программу изучения. Г. Виноградов—Заметка об изучении народного ораторского искусства („Сибирская Живая Старина", т. III—IV, 1925 г., с. 391—400)—дает также программу изучения.

Из отдельных видов великорусского крестьянского искусства больше всего работ посвящено зодчеству и набойке. Д. П. Осипов—Крестьянская изба на севере России. Тотемский край. Гравюры художника Е. И. Праведникова. Тотьма 1924 г., издание Научного Общества по изучению местного края при Тотемском музее имени А. В. Луначарского. 8°, 20 с.+8 таблиц рисунков. В 1922 году зарисованы и описаны в Харинской волости, на водоразделе Волги и Сухоны, пять типов местного крестьянского жилища, хронологически следующих один за другим. Несмотря на то, что как раз постройкам Вологодского края посвящен ряд прежних прекрасных работ М. Б. Едемского, В. В. Суслова, Ф. Н. Берга и др., книжка Осипова полезна и интересна. Отсутствие планов лишает читателя возможности проследить взаимоотношение жилого помещения и скот-

ного двора в разных типах, т.-е. как раз тот важный признак, по которому Рамм классифицирует виды северно-великорусского жилища.

Вас. Смирнов в пятой главе своей статьи Из вопросов и фактов этнологии Костромского края (Кострома. 1924 г., отдельный оттиск из 33-го выпуска „Трудов Костромского Научного О-ва по изучению местного края", с. 134—161) различает 17 разновидностей местного крестьянского жилища и приводит большое количество местных архитектурных терминов. К. Завойко описывает более примитивные временные постройки того же Костромского края („Труды", вып. XV, 1920 г., с. 127—133 и 8 таблиц рис.: Временные жилища крестьян Костромской и частью Владимирской губ.).

Н. Ф. Калинин в статье О русском крестьянском зодчестве („Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете", т. XXXIII, вып. I, 1925 г., с. 93—104) говорит о постройках села Красновидова Свияжского кантона Татреспублики.

Архитектор В. А. Феоктистов в статье Краткий словарь народных архитектурных терминов Переяславль-Залесского уезда („Доклады Переяславль-Залесского Научно-Просветительного Общества", вып. 11, 1923 г., с. 6—18) дает описание более сотни частей и принадлежностей местного жилища, сообщая одновременно и о поверьях, связанных с теми или иными предметами.

А. К. Сыропятов—Отражения чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края („Пермский Краеведческий Сборник", вып. I. Пермь. 1924 г., издание Кружка по изучению Северного края при Пермском университете, с. 37—51). Речь о деревянных коньках на крышах домов и о деревянных же резных изображениях птиц (гуся, лебедя, гагары, утки), укрепляемых на высоких шестах при избах; дано описание таких коньков и птиц (без рисунков) и высказаны соображения относительно мистического значения тех и других. Отдельные оттиски статьи Сыропятова вышли в 1924 г. с рисунками, но недостаточно ясными (4°, 26 с.+8 табл.).

Б. А. Куфтин—Задачи и метод изучения крестьянского жилища Рязанской губернии. Краткая инструкция, 8°, 8 с. (оттиски из журнала общества исследователей Рязанского края, „Вестник Рязанских Краеведов", 1925 г., № 2); три главы: историко-культурные вехи; руководящие замечания; вопросник.

Р. С. Данковская—Программа для собирания сведений об украшениях окон в жилищах на окраинах городов и в селах (Музей Слободской Украины, „Бюллетень" № 1, Харьков 1925 г., с. 40—41).

М. А. Фриде—Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам („Известия Российской

Академии Истории Материальной культуры", т. III, 1924 г., с. 113—143): город, острог, тын стоячий и косой, городни, тарасы, башни.

Набойке и крашению вообще посвящены шесть известных нам работ. И. А. Китайцев—Опыт исследования набойки в Касимовском уезде („Вестник Рязанских Краеведов", 1923 г., № 2, с. 15—18). Вместо того, чтобы подробнее описать технику и терминологию местных „синильщиков", автор доказывает, что набивное дело в Рязанском крае возникло не самостоятельно,—как будто кто-либо сомневается в этом. Вскользь упоминает автор о местных набойках, исполненных масляными красками (с. Погост), но когда и как старый способ, бытующий еще и теперь на Украине и кое-где под самой Москвой, заменен в Рязани новым способом набивки при помощи „вапы" (не принимающего краски состава),—этого вопроса автор не затрагивает. Гораздо больше дает этнографу брошюра І. П. Фурмана (на белорусском языке) Крашаніна. Матар'ялы да гісторыі яе ў Віцебшчыне. Пад рэдакцыяй М. І. Касьпяровіча, Віцебск 1925 г., 16°, 30 с.+XV таблиц черных рисунков, издание Витебского „Акруговага Таварыства Краязнаўства". (Та же статья без рисунков—в сборнике „Віцебшчына", 1925 г.). Своей задачей автор ставит—обратить внимание исследователей и широких кругов общества на забытую отрасль народного творчества, ознакомить с собранным уже материалом и выдвинуть некоторые вопросы, на которые еще нельзя дать ответа вследствие отсутствия музейного и исследовательского материала (с. 7). Автор оспаривает мнение А. Сементовского, по которому до появления в Белоруссии в начале XIX в. московских мастеров белорусские крестьяне, привыкшие к своей стародавней белой одежде, весьма неохотно заменяли эту белую одежду окрашенной. Оспаривая это мнение, Фурман указывает на белорусский народный словарь и на белорусские песни, где упоминается „хустачка набойчыста". Разногласие двух белорусских исследователей объясняется, по нашему мнению, тем, что они имеют в виду разные слои белорусского населения.

Автор перечисляет города и села, где существовало набоечное производство; описывает два местных технических приема окраски—менее распространенный старинный способ печатания масляными красками и господствующий теперь способ „набивки глиною" (резервирования; даны рецепты). Рисунок витебской набойки будто бы отличен от великорусского: в последнем преобладают „тяжелые формы растительного и животного содержания, формы пряничных досок, а рисунок витебской набойки имеет легкую, мелкую форму геометрического и растительного орнамента" (с. 26). По нашему мнению, вернее было бы сказать, что орнамент витебской набойки сходен с более старым орнаментом великорусской набойки, отличаясь от новейшего великорусского.

М. Б. Едемский—Природные краски на Севере Европейской части СССР и применение их в народном быту („Природа", 1925, № 4—6, с. 87—96)—приводит точные рецепты

современного домашнего крашенья растительными и минеральными красками в Волгодском крае. Одновременно автор останавливается и на социальной стороне жизни современного северного крестьянина, отмечая между прочим, что в данный момент крестьянство одевается „не только не скудно, но довольно нарядно и франтовато" (с. 96).

В. П. Чистяков—Окраска ткани и пряжи местными растениями („Труды Кологривского Общества Краеведения", т. II, 1923 г., с. 1—11 + 2 таблицы в красках) — описывает Костромское крашение (67 рецептов). А. Попова—Из области народной технологии („Сибирская Живая Старина", т. III—IV, Иркутск. 1925 г., с. 109—112)—описывает технику крашения у великоруссов на р. Ангаре.

Е. Бломквист—Набивание холста, листовка Этнографического Отдела Русского музея в Ленинграде 16°, 4 с. с 2 рис. (выпущено, без указания года, в 1925 г.); описаны три современных способа набивания узора на холст: 1) темный узор наносится масляной краской на белый холст, 2) способ резервирования „вапой" и 3) способ вытравки; к сожалению, не приведено никаких данных о географическом распространении каждого из этих способов. В последние годы набоечный промысел возродился в простейшей форме печатания масляной краской: на базарах „в центральных губерниях" набойщики печатают холсты для наволочек и штанов; такие сцены зафиксированы 2 фотографиями 1925 г. из Воронежской губ.

Народной игрушке посвящено несколько изданий, весьма интересных для этнографа. Ив. Евдокимов—Русская игрушка. М. 1925 г. ГИЗ в серии „Искусство", под редакцией П. П. Муратова,—рассматривает игрушку как прикладное искусство; классифицирует ее по мотивам: сюжеты из жизни животного, сказочного характера, сатирически-бытовые; пытается дать историю русского игрушечного дела.

Игрушкам кустарного производства посвящена книга А. И. Деньшина—Вятская глиняная игрушка в рисунках. М. 1917 г. 4°, 51 рисунок, раскрашенные от руки. Часть II: Куклы нарядные. М. 1919 г.

На истории игрушки и на других общих вопросах, связанных с игрушкой, останавливается Н. В. Валукинский — Глиняные игрушки (Сборник Воронежского Госуд. Историко-Культурного Музея, вып. I. Воронеж. 1925 г., с. 45—50), с 1 рис.

Р. С. Данковская и Н. Е. Редин—Об изучении народных детских игрушек („Воронежский Историко-Археологический Вестник", 1921 г., № 2, с. 47—51), где дана программа для собирания игрушек. Здесь же кстати может быть названа и книга профессора Педагогического института Л. Г. Оршанского—Игрушки. Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек (М. 1923 г. ГИЗ. 16°, 155 с.), хотя автор ее имеет в виду одинаково и культурную, в частности западно-европейскую игрушку, и подход его—более педагогический, нежели этнографический.

Статья Б. Алексеева—Народное искуство Рязанской

губернии („Вестник Рязанских Краеведов", 1924 г., № 4) — посвящена кружевному производству, которое прежде в Рязани было распространено очень широко, а теперь исчезает.

Л. Д. Беляева—Русское бисерное шитье, листовка Историко-бытового отдела Русского музея в Ленинграде, 1923 г., 16°, 8 с. Автор имеет в виду лишь купеческое, мещанское и помещичье шитье, но выросшее из прежних жемчужных работ бисерное шитье применялось, отчасти и теперь еще применяется, также и в крестьянском быту (например, зап.-украинские сйлянки).

Л. И. Свионтковская-Воронова—Резная кость из собрания П. И. Щукина. М. 1923 г. 4°, 67 с.+48 таблиц. Роскошное издание Исторического Музея с текстом на двух языках—русском и французском. Того же автора—Резьба на кости. М. 1924 г. 16°, 31 с.+10 таблиц, ГИЗ, в серии „Русское декоративное искусство", под редакцией В. А. Никольского. Искусство северного великорусского крестьянина, которое процветало в XVII—XVIII вв., обслуживая, главным образом, высшие сословия, и постепенно умирало в XIX в.; описаны между прочим три вида техники этого искусства.

Белорусскому искусству, кроме названной выше книжки Фурмана о набойке, посвящена содержательная статья Е. Н. Клетновой—Символика народных украс Смоленского края („Труды Смоленских государственных музеев", вып. I. Смоленск, 1924 г., с. 111—126 и 3 табл. рисунков). „Украсы"—местное название тканых и вышитых узоров. Орнамент их линейный или геометрический; встречается и растительный, но это сравнительно новое заимствование из Украины (с. 113). Характерные особенности: „двуличность", т.-е. двусторонность узора, ритмичность повторяющихся фигур и инкрустированность узора, фон коего заполнен самостоятельными фигурами. Главных типов пять: круговые, крюковые („скобы", лягушечки, сечки, клины, „вьюны", свастика), пальчатые (баранчик, „пальцы"), лопастые (мельницы и гусиные лапы; восьмиконечная звезда) и крестовые. Основная фигура „круг", как называется ромб, который не только возглавляет, но и втягивает в себя все остальные элементы; автор связывает эту фигуру с культом солнца и огня.

Д-р Іпэль—Беларускае мастацтва, пераклад з нямецкае мовы З. Гарбаўца і М. Касьпяровича, Віцебск. 1925 г., 16°, 26 с. с рис. (перевод газетной статьи Dr. A. Ippel: Zur weissruthenischen Kunst, напечатанной во время немецкой оккупации в газете X армии). Речь об иконах и церквах, а также о Слуцкой и Уреченской фабриках поясов XVIII в.; во главе этих фабрик стояли не поляки, а один немец и один венгр (Лев Маджарский), бывший в турецком плену; на этом основании автор отрицает польское влияние в слуцких серебряных тканях, на которых главный мотив—тюльпаны и васильки. Собственно к крестьянскому искусству относится только одно замечание: толкач (пест) для крупы, употребляемый белорусскими женщинами, одинаков по своей форме с тем, что держат в руках троянские женщины на рис. Полигнота V в. до Р. Хр.

М. М. Шчакаціхін—Нарысы па гісторыі беларускага мастацтва—церкви и замки и военные крепости зап. Белоруссии, готика в Белоруссии. М. Касьпяровіч—Беларуская архітэктура. Абрыс з прадмовою Шчакаціхіна, Віцебск. 1925 г. 16°. 52 с. Церкви, замки, костелы (готика); русское влияние; вокзалы, банки и биржи; литература (список 10 книг).

Еще по белорусскому искусству нам встретилась статья А. Грыневіча—Програма-інструкцыя для зьбіральнікаў беларускай музычна-этнографічнай творчасьці („Наш Край", 1925 г., № 1, Менск, с. 45—48).

По украинскому искусству также появились труды обобщающего характера, но они посвящены не современности, а древним эпохам, Такова книга проф. Ф. И. Шмита—Искусство древней Руси—Украины. Харьков. 1919 г., 8°, 111 с., издание Харьковского кредитного союза кооперативов (в серии „Культурно-историческая библиотека" под редакцией проф. Д. И. Багалея), с 25 рисунками и с указанием литературы. Одна из глав книги посвящена „древнейшим русским мастерам" (с. 75—93), другая—эмали, миниатюре и иконе; бо́льшая же часть книги говорит о церковном зодчестве.

М. Голубець.—Українське мистецтво. Вступ до історії. Львов—Киев. 1917 г., 8°, 31 с., с рисунками, популярно-научный очерк.

Крестьянскому искусству западной Украины посвящено издание комитета юго-западного фронта всероссийского Земского союза, законченное в 1919 году Центральным архивом отдела по ликвидации организаций военного времени при Совнархозе: „Народнє мистецтво Галичини и Буковини. Народное искусство Галиции и Буковины и Земский союз в 1916—1917 гг. войны", Киев, 1919 г., 1°, 67 с. При названном комитете существовал отдел помощи населению, пострадавшему от войны. С 1916 г. некоторые деятельницы отдела постепенно открыли ряд вышивальных мастерских (первая—в Острове-Буцневе), чтобы дать средства к жизни местному женскому населению, разоренному войной. С целью дать работницам мастерских образцы узоров деятельницы Земского союза объезжали деревни, зарисовывали крестьянские узоры, собирали лоскутки старых вышивок и старинную, часто разбитую при обстреле утварь, отыскивали стариков „гончарей" и „резбарей"—хранителей старинного мастерства, а также скупали предметы у беженок с Карпат. Некоторые из этих коллекций и представлены в данном издании—частью в виде фотографий, частью на 6 таблицах в красках. Описания к ним даны краткие; составили их—Н. Ф. Беляшевский, Я. А. Тугенхольд, Е. Ю. Спасская, Е. В. Поленова, Е. И. Прибыльская.

С. А. Таранушенко—Пам'ятки мистецтва старої Слобожанщини. Харьков, s. a. [1923—24 г. г.], 8°, 114 таблиц с изображениями различных памятников украинского искусства, больше церковного, но частью и светского; объяснительный текст еще не вышел. „Музей українського мистецтва за 1924 рік. Відчитна виставка

(„Коротенький провідник"). Харьков, 1925 р., 16°. Шесть таблиц с изображениями украинских кафель, стеклянной фигурной посуды и ковра-килима.

Из отдельных видов украинского искусства больше всего работ посвящено зодчеству, коврам и музыке. Опуская труды по церковной архитектуре, как не входящие в наш обзор, отметим две книги проф. С. А. Таранушенко, посвященные украинской хате: 1) Старі хати Харькова, Харьків, 1922 р., 8°, 16 с.+27 таблиц с изображениями. (В серии „Матерьяли до історії українського мистецтва", I, Будівництво); 2) Хата по Елисаветинському пр. під ч. 35 в Харькові. Обміри та рисунки В. Троценка, Харьків, 1921 р., 4°, 60 с.+12 табл. В первой книге даны архитектурные обмеры и описание восьми украинских хат; во второй книге, изданной литографским способом,—детальные архитектурныые обмеры одной украинской хаты, находящейся в гор. Харькове, но ничем не отличающейся от местных деревенских жилищ; в тексте дан обзор этнографической литературы об украинской хате и попытка проследить эволюцию ее главных типов.

В журнале „Вістник Одеської Комісії Краєзнавства при Всеукраїнській Академії Наук" (№ 1. Одесса, 1924 г.) напечатана, между прочим, краткая программа для собирания сведений о жилище. Малое отношение к нашей теме имеет книжка Вол. Січинського—Архитектура в стародруках. Львів, 1925 р., 1°, 10 с.+VI таблиц рис. (В серии „Збірки Національного Музея у Львові"), где идет речь о миниатюрах в старых украинских печатных изданиях, изображающих замки и другие здания.

Об украинских коврах: В. Пещанський—Давні килими України. З 20 рисунками и 9 знимками. Львів 1925 р. 4°, 13 с.+6 таблиц (В серии „Збірки Національного Музею у Львові"): происхождение украинского килимарства, виды килимов, техника их изготовления, краски для шерсти и крашенье, орнамент, попытки возродить старое килимарство, литература. Б. Г. Крыжановский—Украинские и румынские килимы. Ленинград, 1925 г., 16°, 16 с., с 6 рис., издание Этнографического отдела Русского музея. Автор делает очень широкое обобщение, подразделяя всю Украину в отношении коврового искусства на две части: восточную (Поднепровье и вся левобережная Украина), где господствуют иранская и среднеазиатская традиции, и западную, находящуюся в круге влияния Малой Азии: „Это разделение вполне соответствует тем культурным областям, которые мы можем наметить при рассмотрении украинской культуры вообще" (с. 10). Для обоснования этих широких обобщений в брошюре данных мало. Их нужно ожидать от исследования того же автора—Орнамент украинских и румынских килимов, печатающегося в издании того же Этнографического отдела Русского музея „Материалы по этнографии", т. III, где печатается также и работа А. И. Зарембского—История и техника тканья украинских килимов.

В издании: „Відчитна виставка [Музея Украинского Искусства] за 1923 рік". Харьків, 1924 р., 16°, 29 с.— есть статья С. А. Таранушенко об украинских килимах и дан ряд изображений их. М. Щепотьева—Проблеми композиції в орнаменті українського килима („Червоний Шлях", 1925 р., № 8, с. 200—212, с 2 фотографиями и 5 чертежами). Автор детально изучает композицию ковров Харьковского музея украинского искусства—композицию всего ковра, композицию отдельного мотива (все ковры с растительным орнаментом), композицию отдельного цветка в мотиве; несколько замечаний о кайме и красках ковров, а в предисловии несколько библиографических указаний, между прочим на брошюры „Виставка українських килимів" (Киев, 1924 г.) и „Каталог виставки української старовини" (Лебедин, 1918 г.).

Украинской музыке посвящен особый журнал „Музика", который издается на украинском языке в Киеве и статьи которого в нашем обзоре особо не перечисляются. В книге М. Грінченко—Історія української музики. Киев. 1922 г. 16°, 278 с.—дан между прочим обзор литературы по украинской народной музыке. Кл. Квітке, одному из главных деятелей названного журнала „Музика", принадлежат книги: Народні мелодії, Киев, 1917 г., и изданная Украинской Академией Наук (литографским способом) программа: Професіональні народні співці й музиканти на Україні. Програм для досліду їх діяльности й побуту. Киев, 1924 г. 8°, 114 с. (в серии „Збірнік Історично-Филологічного Відділу", № 13. Праці Етнографічної Комисії, вип. 2).

Украинской народной хореографии посвящены два издания книги: В. Верховинець (Костін)—Теорія народнього українського танка, первое издание„ Колос" (Киев, 1919 г. 4°, 48 с. с рисунками); второе дополненное издание, с рисунками П. Бутко, вышло в Полтаве: 1920 г. 4°, 79 с.+19 таблиц изображений.

§ 3. Наиболее подробное и полное из вновь появившихся описаний разных сторон великорусского быта имеем в двух томах книги М. Я. Феноменова—Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Ч. I: Производительные силы деревни. ГИЗ. 1925 г. 8°, 260 с.+5 таблиц с картами и диаграммами. Ч II: Старый и новый быт. ГИЗ. 1925 г. 8°, 212 с. Из всех новых краеведческих изданий эта книга дает больше всего этнографу. Посвящена она детальному описанию одной деревни Гадыши Рождественской волости Валдайского уезда Новгородской губ. (В деревне 82 двора.) В первом томе дано описание местных крестьянских построек, техники—строительной и сельскохозяйственной, хозяйственного быта и экономики; 97 фотографий и рисунков, изображающих орудия и процессы работ, постройки и их детали, дополняют и иллюстрируют описание. Во втором томе даны сведения о семейной и общественной жизни деревни, языке и творчестве; в 4-й главе, озаглавленной „Мировоззрение",—данные о религии и колдовстве, народной медицине, гаданьях, приметах и поверьях, этике и политических взгля-

дах. Глава 5 „Будни и праздники“ говорит о пище, напитках и кое-что о костюме, который здесь вообще городского покроя. Приложены ноты; из 8 рисунков этого тома более интересны для этнографа приспособления при варке пива.

Если бы все краеведческие описания деревенского быта хоть сколько-нибудь приближались по полноте, подробности и основательности описания к этой книге Феноменова, то русская описательная этнография сразу бы шагнула далеко вперед.

Д. А. Золотарев—Население Поволжья. Этнографический очерк Поволжья („Поволжье. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой“, под редакцией проф. В. П. Семенова-Тян-Шанского, при ближайшем участии проф. Д. А. Золотарева и при сотрудничестве Н. Я. Горшенова, А. П. Ильинского, П. Н. Мостовенко, С. С. Неуструева, М. Д. Семенова-Тян-Шанского, С. Д. Синицына, А. А. Фокина, И. А. Шубина и др. Ленинград 1925 г., издание Волжского Государственного пароходства и транспечати НКПС, 154 иллюстрации, 18 карт и 8 планов городов, с. 127—218. Беглое описание быта великоруссов и иных народностей Поволжья, с прекрасными фотографиями; приложена „Этнографическая карта Поволжья, составленная по материалам Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран при Российской Академии наук“ (1 : 5.000.000).

М. Б. Едемский—Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губернии в 1921 году. Из путевых заметок („Север“, 1923 г., № 3—4, с. 197—214). Данные о языке местного населения, жилище, одежде, пище, увеселениях; кое-что о песнях и играх. Статья тем более любопытна для этнографа, что позволяет сравнить современный быт Пинежской деревни с бытом ее же в 1864—69 годах, описанным в известной книге П. С. Ефименко.

Проф. А. М. Селищев—Забайкальскіе старообрядцы. Семейскіе. Иркутск, 1920 г. 4°, 81 с. + 7 табл. изображений, издание Государственного Иркутского университета. Бóльшая часть книги посвящена не быту, а мировоззрению, говору и рукописным книгам; но на с. 7—8 довольно подробно описан местный (с. Тарбагатай) костюм, иллюстрированный фотографиями; есть сведения о занятиях, обрядах (с. 16) и увеселениях (с. 18—19).

М. М. Зимин—Ковернинский край. Наблюдения и записи. Кострома. 1920 г. 8°, 89 с. („Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края“, т. XVII). Больше внимания уделено песням и сказкам, но есть данные о происходящей в деревне ломке жизни (с. 4 и след.), о религии и суевериях (с. 12—21), об увеселениях (с. 18—19, 24 и др.), о занятиях и промыслах (с. 22—23), гаданьях (с. 29—31), приметах и поверьях (с. 81 и след.), кое-что о жилище (с. 20). Изображения некоторых предметов быта того же Костромского края находим в издании: „Костромской государственный областной музей. Краткий путеводитель. Составлен В. И. Смирновым. Иллюстрирован Н. П. Беляевой. Фотографии

Ф. О. Иванского". Кострома. 1925 г. 8°, 24 с. Здесь рисунки музейных экспонатов — сарафана и полушугая, резной утвари (кстати: название резных раскрашенных дуг „харьковские" происходит не от Харькова, как склонен думать автор очень краткого описания, а от мастера или села Хорько́ва), посуды, кафель; весьма редкие у нас изображения „куричьего бога" и фигур „дожинального снопа".

Агроном К. К. Дыский—Опыт монографического описания дер. Бурцевой Волоколамского уезда. С 10 рисунками и 10 диаграммами. М. 1923 г. 8°, 132 с., издание Выставочного Комитета Московского губернского земельного отдела, в серии „Агрономическая помощь населению и прогресс крестьянского хозяйства". О других изданиях той же серии мы упомянем ниже в § 5, книга же Дыского не ограничивается одним хозяйством. На с. 120—122 здесь дано краткое, но весьма интересное для этнографа сравнение современного быта деревни, находящейся в 122 верстах от Москвы, с прошлым. Первые самовары появились в описываемой деревне лет 50 тому назад, когда появились также и первые валенки; первые деревянные кровати (для новобрачных) появились лет 30—20 тому назад, а прежде брачное ложе устраивали на полу клети, при чем, провожая туда жениха, давали ему в руки кнут, как эмблему власти. Резкий перелом в обстановке жилья произошел в 1918—20 гг., когда из Москвы было вывезено, в обмен на продукты, много городской мебели. Теперь в 19 домах (из общего количества 31 дом в деревне) имеются буфеты, некоторые даже орехового дерева, в 18—венские стулья, в 14—трюмо, в 2—книжные шкафы с библиотеками (м. пр., с полной энциклопедией „Брокгауза"), письменные столы и мягкая мебель. Граммофонов в деревне 9, швейных машин 21. В костюмах молодежи обычны „гетры", галифе, френчи. С 1920 г. в деревне существует электрическая станция, которая освещает также и скотные дворы. И тут же в деревне уцелел один овин, рядом с которым 22 риги (в 1898 г. было 14 овинов и ни одной риги), один дом с соломенной крышей (в 1918 г. такие дома преобладали); рожь жнут серпами; первые плуги появились, на смену сох, в 1870 г. из Риги. На с. 81 и след.—данные о постройках; между прочим, в 1898 г. из 20 домов было 16 однокамерных и 4 двукамерных; в 1910 г. на 12 однокамерных жилищ было 12 же по 2 комнаты и 2 по 3; в 1922 г. на 10 однокамерных—18 по 2 комнаты и 3 по 3.

Л. Э. Каруновская—Село Новоселка-Зюзино Ростовского уезда („Революция в деревне. Очерки под редакцией В. Г. Тана-Богораза", 1924 г., с. 52—86). Немало данных быта, нового и прежнего, но описаны полу-беллетристически. Например, об остатках загадочного культа камней брошено такое замечание: „В центре села, недалеко от храма, на лужайке лежит „камень-хозяин". Такой „камень-хозяин" имеется на видном месте каждого селения. Возле такого камня прежде все сходы созывались" (с. 55).

Не современный, а старый быт великоруссов описан, по рукописи 1849 г. из архива Географического Общества, в статье Д. К. Зе-

ленина—Этнографические сведения об удельных крестьянах подгородных деревень Елабужского уезда („Известия Общества Изучения Прикамского края", Сарапул, 1917 г., с. 1—9).

Ряд этнологических экспедиций последних лет не успел опубликовать свои труды, и о достижениях их мы знаем лишь из кратких отчетов. Такова этнологическая экспедиция в Тверскую и Рыбинскую губернии, организованная в 1921 году Разрядом Этнологии Российской Академии Истории Материальной Культуры при участии Этнографического Отдела Русского музея, Отделения Этнографии Географического Общества и некоторых иных учреждений. В 1921 и следующих годах экспедиция изучала как материальный быт, так и фольклор и антропологию великорусского и карельского населения Бежецкого у., Весьегонского, Мологского и соседних. Предварительные отчеты напечатаны в изданиях: „Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры, т. III, 1924 г., с. 1—32+5 таблиц с изображениями построек и колесных экипажей. (Доклад руководителя экспедиции Д. А. Золотарева—Работы Этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губ.); в журнале „Краеведение", 1923 г., № 1, с. 56—59 (С. Еремин—О работах этнологической экспедиции в Рыбинской и Тверской губ. в 1922 году); в издании „Отчетная выставка Этнографического Отдела за 1923 г." (Ленинград, 1924 г., 16°, с. 14—20) и др. Летом 1920 г. в Хвалынском уезде работала экспедиция под руководством Б. М. Соколова: собранные ею этнографические материалы по великоруссам и мордве коротко описаны в издании Мордовского подотдела губернского отдела по делам национальностей при саратовском губисполкоме: „Саратовский этнографический сборник", вып. I, под редакцией проф. Б. М. Соколова (Саратов, 1922 г., с. 251—276, срв. с. 29 и след.).

Н. Е. Ончуков—Поездка в Чердынский край летом 1923 года („Пермский Краеведческий Сборник", I, 1924 г., с. 29—32); автор ездил по поручению губвысткома для покупки предметов быта на Московскую сельскохозяйственную выставку. Весьма характерны коротко сообщаемые им факты о возврате местного крестьянства к старым формам быта: почти в каждом доме кремень и огниво вместо дорогих спичек, лучина вместо дорогого керосина, „домотканка" вместо ситца; бывшее заводское население занялось охотой, земледелием по старинной подсечной системе, при чем усиленно выжигаются леса. Одновременно местная деревня начала строить себе новые дома, молодежь, „можно полагать, навсегда покончила со старым мировоззрением в области политики, религии, семейных и общественных отношений, вследствие чего крестьянство раскололось на два лагеря".

До сих пор мы имели в виду общие описания северно-великорусского быта. Отчетная статья Д. А. Золотарева—Исследовательская работа среди великоруссов и финнов, напечатанная в издании Русского Музея „Этнографические экспедиции

1924 и 1925 гг." (Ленинград, 1926 г., 16°, с. 7—21, с иллюстрациями), говорит о быте как северных, так и южных великоруссов. Экспедиции Музея впервые отмечают, между прочим, ряд предметов великорусского материального быта, доселе неизвестных, как, например, южно-великорусский ткацкий стан без заднего навоя и без верхнего навеса (однодворцы Землянского уезда), деревянная долбленная обувь, появившаяся за последние годы вследствие дороговизны кожаной обуви.

А. М. Путинцев—Из этнографических впечатлений и наблюдений. Коротоякский уезд Воронежской губ. („Воронежский Историко-Археологический Вестник", 1921 г., № 2, стр. 42—46). Данные 1920 г.; в местной деревне царит мода на „хренч" (френч) и галифе („залихвацкие штаны"); особенно быстро умирает старый костюм в украинских селах данного уезда. Местный говор сильно меняется под влиянием множества беженцев, заезжих „орателей" (ораторов) и частых поездок крестьян в разные места за хлебом и солью.

Из общих описаний современного южно-великорусского быта необходимо отметить небольшую книжку Н. Валукинского—Деревня Воронежского уезда. Из впечатлений художника-этнографа. Воронеж, 1923 г. 4°, с. 6+8 таблиц, издано под редакцией А. М. Путинцева. Цветные рисунки, исполненные ксилографией, изображают местную крестьянскую избу внутри и снаружи, мебель и утварь, могильные памятники и женскую одежду. Краткое описание дополняется небольшим списком местных народных терминов. Оригинальное издание передает общее художественное впечатление от быта современной южно-великорусской деревни.

Г. И. Булгаков—Схематический обзор Курского края в этнографическом отношении („Курский край. Сборник по природе, истории, культуре и экономике Курской губ.", под редакцией С. В. Иванова и членов совета Курского Общества Краеведения Е. К. Введенского, А. А. Вирского и Г. И. Булгакова. Курск, 1925 г., стр. 93—124). Этнографические следы колонизационного процесса на территории края. Материальная культура, пища, труд. Социальная культура: говоры, обычаи, великорусская свадьба, украинская свадьба, поверья; детские игры и „игришша" молодежи. Тексты двух сказок, 22 песен, загадки, пословицы и поговорки, заговоры, исторические предания. Почти все содержание статьи взято из печатных книг—А. С. Машкина, М. Г. Халанского, Е. И. Резановой и др. Оригинальны лишь рисунки: внутренний вид избы, саян (сарафан), женские головные уборы; в приложении—карта размещения великорусской и украинской этнографических групп на территории губернии, с поуездными цифровыми данными о процентном отношении этих групп.

„Методические письма. Письмо второе. Наша волость. Опыт проработки комплекса". М. 1924 г. 8°, 48 стр., издание Научно-педагогической секции Гуса. (В 1925 г. вышло 4 издание.) Краеведческое описание Никольской волости Раненбургского уезда Рязанской губ., составленное учениками местной Загрядчинской школы 1 ступени,

под руководством учителей Рождественных. Тут находим, между прочим, очерк жилища с планом, бюджет крестьянина, хозяйственный быт его, сведения об одежде, пище, обрядах, три старинных песни и 18 современных частушек. Книжка издана с предисловием Н. К. Крупской, как образец краеведных работ в начальной школе.

Здесь же отметим книжку А. Шохина—Комсомольская деревня. М., 1923 г., 16°, 118 стр., изд-ство „Молодая Гвардия". Книжка эта принадлежит к довольно многочисленному ряду изданий, которые рисуют происходящую в современной деревне ломку мировоззрения и быта. Бóльшая часть подобных изданий сосредоточивают свое главное внимание на хозяйственно-экономической стороне деревенской жизни, почему мы и говорим о них ниже, в § 5. Книжка Шохина имеет в виду почти исключительно социальную сторону деревенской жизни, новое мировоззрение, мало касаясь экономики. К быту ближайшее отношение имеют главы о деревенской девушке (с. 82 и след.) и женщине, о гуляньях (на стр. 85—91); приведен также и ряд частушек. Главная задача книжки—описание комсомольских организаций в деревнях Тамбовского уезда, характеристики комсомольцев и отношение к ним „отцов". В приложении автор дает две анкеты по вопросам изучения деревенских организаций.

Из беллетристических описаний великорусского деревенского быта более удачной, с точки зрения этнографии, нужно признать книгу Ал. Демидова—Жизнь Ивана. М. 1923 г. 8°, 302 стр., изд-ство „Земля и Фабрика". В повести весьма правдиво описывается деревенский быт Епифанского уезда Тульской губ., но не современный быт, а конца XIX века. В предисловии автор пишет, что задача его—„правдиво осветить жизнь великороссов центральной России, так различно описываемых". Две книги Л. Григорова—Очерки современной деревни. (ГИЗ. М. 1924 г. и 1925 г. 16°, 218 и 208 стр.) нужно назвать в этом отношении менее удачными.

Быту белоруссов посвящена статья Н. А. Янчука—Этнографический очерк Белоруссии („Курс Белоруссоведения. Лекции, читанные в белорусском народном университете в Москве летом 1918 года". М. 1918—1920 гг., издание Белорусского п/отдела отдела просвещения национальных меньшинств НКП, стр. 152—184). Очерк очень беглый, не дающий сколько-нибудь исчерпывающей характеристики белорусского быта. И это тем более странно, что по вопросам белорусских народных обрядов и верований задача автора была весьма облегчена прекрасным, детальным, исследованием Е. Ф. Карского—Белоруссы. Т. III. Народная поэзия. М. 1916 г., а для описания быта имеется ряд трудов Никифоровского, Добровольского, Сержпутовского и др. В приложении к статье Янчука дан краткий библиографический перечень: „Важнейшие историко-этнографические пособия по белоруссоведению".

В приложении к книге „Курс белоруссоведения" дана Этнографическая карта белорусского племени. Составлена в 1917 году орд. акад. Е. Ф. Карским. Масштаб: 40 верст в дюйме

Это перепечатка карты Е. Ф. Карского, вышедшей в 1917 году в Петрограде отдельной книгой в серии „Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России, издание Российской Академии Наук".

Описание украинского быта находим в книге Н. Ф. Сумцова—Слобожане. Історично-етнографична розвідка. Харьков, 1918 г. 8°, 240 с., издание „Союз" (Харьковского союза кооперативов) в серии „Культурно-историческая библиотека", под редакцией Д. Н. Багалея. Отдельные главы посвящены одежде, жилищу, пище и питью, свадьбе, праздникам, верованиям, но это, в сущности, газетные фельетоны, лишь снабженные иллюстрациями; все написано бегло в публицистическом тоне.

Того же автора—Этнографический очерк Харьковской губернии. Харьков, 1918 г. 8°, 24 с. (оттиск из сборника: „Природа и население Слободской Украины, Харьковской губернии"), также с иллюстрациями, описывает быт очень кратко; несколько более внимания уделено „процессу обрусения" местных украинцев.

Б. Г. Крыжановский—Подольская экспедиция („Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.", Ленинград, 1926 г., стр. 22—38). Речь об экспедициях Этнографического Отдела Русского Музея; для Подолии даны весьма любопытные сведения о жилище, одежде, гончарстве, ткачестве, коврах, росписи хат.

В книге Л. С. Берга—Бессарабия. Страна, люди, хозяйство. Петроград, 1918 г., изд-во „Огни", описан, между прочим, быт хотинских украинцев (стр. 106—122): одежда, хаты, пища, занятия, свадьбы, похороны, верования, румынизация. Даны хорошие иллюстрации по фотографиям Русского Музея.

Н. Мирза-Авакянц: З побуту української старшини кінця XVII віку („Записки Українського Наукового Товариства дослідувания й охорони памяток старовини та мистецтва на Полтавщині", № 1. Полтава, 1919 р., с. с. 17—60). Речь о жилище, мебели, утвари, одежде, оружии, посуде и сбруе у украинского дворянства конца XVII столетия; главным источником для автора послужила опись имущества гетмана Ивана Самойловича и его сына, произведенная в 1690 году.

Здесь же отметим весьма ценную статью Л. Шульгиной о физическом воспитании младенцев: Фізичне виховання немовлят („Записки Етнографічного Товариства". Т. I. Киев, 1925 р., с. с 41—50, с рисунками). Автор говорит о литературе предмета, весьма небогатой, о способах ношения детей, о колыбелях, о приспособлениях для приучения детей сидеть, стоять и ходить. В связи с недостатком литературных данных о детских колыбелях мы позволим себе выразить здесь пожелание, чтобы было опубликовано описание богатых коллекций по данному вопросу, собранных в Московском Центральном Музее Народоведения.

Закончим настоящий параграф замечаниями об анкетах и программах для описания народного быта. Из весьма большого множества

таких программ и вопросников мы отметим здесь только те немногие, которые сопровождаются подробными методическими указаниями. Такова книга А. И. Дзенс-Литовского и И. С. Абрамова—Познание местного края, со вступительною статьею председателя Центр. Бюро Краеведения С. Ф. Ольденбурга, (Ленинград, 1925 г., изд-ство „Колос". 8°, 180 с.). На стр. 58—121 общественно-экономическое изучение местного края: поселения и жилища, одежда, пища, техника, семейный быт, народная медицина, собирание произведений устной словесности, верования, правовые воззрения, занятия и промыслы, пути сообщения. Кроме методических указаний, по каждому вопросу приводится и литература, вообще удачно, но изредка рекомендуются устаревшие методологически книги в роде Поэтические воззрения славян на природу Афанасьева (с. 80).

На более подготовленного краеведа рассчитана книга „Как изучать свой край. Сборник статей по краеведению, составленный Советом Географо-Экономического Исследовательского Института", под редакцией С. А. Советова и Н. И. Кузнецова. Ленинград, 1925 г., изд-ство „Брокгауз—Ефрон". К быту имеет отношение лишь статья В. П. Семенова-Тян-Шанского „Наблюдения по антропогеографии" (стр. 169—197), где также и постройки, одежда, пища и напитки, дороги.

(Окончание следует.)

РАБОТА ПО РУССКОМУ ФОЛЬКЛОРУ ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД.

Юрий Соколов. (Москва.)

Когда начинаешь перебирать в памяти появившуюся с 1917 года литературу по русскому фольклору, или, как многие до сих пор называют, по русской народной словесности, то с первого взгляда картина открывается не очень радостная. Крупных научных монографий почти совсем не появилось за этот период, а какие крупные труды и появились, то почти все в самом начале этого периода, будучи приготовленными к печати до революционных лет: Курсы—академика М. Н. Сперанского, академика Е. Ф. Карского, „Заговоры"—Н. Ф. Познанского, Сборник великорусских сказок в двух томах А. М. Смирнова, III том Очерков В. Ф. Миллера. В революционные годы совсем прекратились те научные журналы, в которых печатались раньше фольклористические исследования и материалы: „Живая Старина", „Этнографическое Обозрение", „Русский Филологический Вестник", „Филологические Записки", „Журнал Министерства Народного Просвещения", реже стали выходить „Известия Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук" и „Сборники" того же Отделения. Фольклористика, как и многие другие дисциплины, в силу общих тяжелых материальных обстоятельств, переживавшихся страной, должна была сократить свою продукцию.

Но было бы неправильно на основании указанных фактов, делать, пессимистическое заключение о замирании фольклористики. Обрисованные факты касаются, главным образом, столичных центров. Если сократилось число центральных крупных журналов и почти прекратилось появление в печати специальных крупных исследований, то как раз за последние годы фольклористика нашла новые русла; я говорю о мощном краеведческом движении, широким потоком наполнившем все области СССР, и о вызванном им соответствующем же движении в школьном деле. Научное и школьное краеведение во многих местностях укрепило, а в иных местностях вызвало впервые интерес к устному поэтическому творчеству. Требования современности, внимание к общественным вопросам, стоящее в связи с желанием осознать настоящую действительность бурной эпохи, произвели невольное смещение в научных интересах. Вне всякого сомнения, под влиянием общественных интересов и настроений, внимание со старых

поэтических жанров (былин, традиционных сказок, заговоров) переместилось к частушкам, в которых с таким разнообразием отразилась вся пестрота общественных событий и вызванных ими новых бытовых явлений, к сказаниям и легендам, возникшим вслед за недавними событиями и т. д. Связь фольклористики с краеведением дала уже сейчас некоторые результаты, помогая ориентироваться в вопросах о географическом распространении отдельных поэтических новообразований. Связь фольклористики со школой и педагогикой усилила интересы к таким жанрам, которые были до сих пор почти в полном загоне, например, к детскому фольклору (играм, сатирическим и иным детским песенкам). Особенно много в этом направлении сделано за последние годы энергичными фольклористами Сибири, главным образом, Г. С. Виноградовым, М. К. Азадовским и их товарищами по работе. Об этом фольклористическом гнезде я буду говорить ниже подробно.

Вообще следует отметить отрадный факт—появление местных фольклористических центров в разных краях СССР. В центрах этих ведется оживленная работа по пропаганде фольклористики, по инструктированию в деле собирания фольклорного материала, по собиранию местного фольклора, наконец, делаются посильные опыты в исследовании. Работа эта в иных местах объединила целую группу деятелей (например, как мы только что указали, в Иркутске) или вдохновляется какой-нибудь энергичной личностью: В. И. Смирновым в Костроме, М. И. Смирновым в Переславле-Залесском, профессором П. С. Богословским в Перми, профессором А. М. Путинцевым в Воронеже. Немалую роль на местах сыграло то обстоятельство, что ряд профессоров столичных университетов, в первые годы революции свою научную деятельность перенесли в провинциальные города, в местные университеты и педагогические институты. Так, в Саратове под руководством профессора Б. М. Соколова (1919—24 гг.) развернулась большая собирательская и исследовательская работа, в Вятке под руководством профессора Н. М. Каринского, в Твери работой руководить пришлось мне, в Ярославле в последние годы с успехом сорганизовал фольклористическую деятельность А. М. Смирнов-Кутачевский. Работа всех перечисленных ученых имеет целый ряд одинаковых черт. Прежде всего, все названные лица свою деятельность базировали на совместном труде со студентами, все стремились вовлечь студенческие массы в краеведческую работу по собиранию и привлечь к непосредственному участию в научном наблюдении над жизнью фольклора.

Думается мне, это обстоятельство—одно из крупных достижений фольклористики в СССР. А ведь так еще недавно бо́льшая часть студентов-словесников кончала университет, ни разу не побывав в деревне, ни разу не наблюдая народных певцов и рассказчиков, ни разу, во всяком случае, не попрактиковавшись в деле фольклористического собирания! Привлечение учащихся вузов, а также в известной мере и учащихся трудовой школы к активному участию в фольклористи-

ческих работах, как всякая практика, будет иметь немаловажное значение для распространения трезвых и более верных представлений о фольклоре, его природе и совершающихся в нем процессах. Провинциальные вузы создавали для такой коллективизации фольклористических занятий особо благоприятные условия, объясняемые, главным образом, близостью учащихся к деревням своего края. Но и в столичных вузах демократизация студенческого состава также помогла проведению в жизнь тех же приемов работы. Конечно, и в столицах и в провинции тяга профессоров-фольклористов к вовлечению своих слушателей в активное научное сотрудничество создавалась общими современными педагогическими требованиями: приближением школы к реальной жизни, принципами непосредственных наблюдений, активизации, лабораторности, экскурсионного и экспедиционного методов. Экспедиционно-экскурсионный метод с большим увлечением стал применяться не только в Саратове и Воронеже, но и в Москве и в Ленинграде. Принципы работы у отдельных руководителей-профессоров были различны, но в общих чертах мы во всех этих стремлениях имели явления одного и того же порядка. Широко развернул работу по организации студенческих поездок из Ленинграда профессор В. Г. Богораз-Тан на этнографическом факультете Географического Института; руководимое им студенчество было им объединено в „Комиссию по устройству студенческих этнографических экскурсий". В результате этих начинаний появилось уже несколько сборников статей, в которых молодые наблюдатели и собиратели поделились с широкими кругами читателей своими впечатлениями о жизни современной деревни, в частности о том, что проявляется в современном крестьянском поэтическом творчестве.

К настоящему времени (начало 1926 г.) вышло уже целых пять сборников упомянутой комиссии: Революция в деревне, ч. I и II, ГИЗ, 1924, 1925 гг., Старый и новый быт, Ленгиз, 1924 г., Обновленная деревня, Ленгиз, 1925 г., Еврейское местечко в революции, ГИЗ, 1925 г., Комсомол в деревне, ГИЗ, 1926 г. В этих книжках, правда, бóльшая часть материалов касается общественных, соц.-экономических и общекультурных вопросов из жизни современной провинции, главным образом, деревенской. Но во всех этих книгах, в той или другой мере, представлен и современный фольклор. Можно возражать против излишнего уклонения в публицистико-фельетонную сторону некоторых из авторов, но знаменательность самого факта коллективной студенческой работы отрицать может только явно предубежденный человек. Вызывает некоторые методологические возражения самый принцип организации экспедиции: небольшими группами в 2—3 человека, а зачастую в одиночку, без предварительного практического опыта, без непосредственного участия в собирательской экспедиционной работе самого руководителя-профессора. Думается мне, такого рода экспедиции не всегда могут обеспечить должную точность, верность и объективность производимых студентами-экскурсантами наблюдений. Вот почему я лично

предпочитаю экскурсии-экспедиции студентов большими группами под непосредственном руководством профессора-специалиста. Так, несколько коллективных экспедиций пришлось совершить мне с моими слушателями-москвичами, например, в 1923 г. со студентами I МГУ, Высшего Литературно-Художественного Института имени Брюсова в Бронницкий уезд Московской губернии, в 1924 г. со студентами тех же вузов в Переславль-Залесский уезд Владимирской губернии, в 1920, 1923 и 1925 г.г. ряд поездок со студентами Тверского Педагогического Института в разные уезды Тверской губернии; с более широкими заданиями организовывались студенческие экспедиции Б. М. Соколовым по Саратовской губернии в 1920 и 1923 годах по изучению этнографии и фольклора разноплеменного населения этой губернии. Такой способ коллективных поездок имеет некоторые свои недостатки (приезд 30—40 человек в деревню взбудораживает ее, выводит из обычной колеи и в известной мере создает несколько усложненную обстановку для этнографических и фольклористических наблюдений), однако, преимущество таких коллективных экскурсий в педагогическом отношении, а часто в научно-методическом мне представляется несомненным. Коллективная работа собирателей дает возможность охватить в короткий срок громадный материал, при том с большой гарантией точности, которая достигается взаимной проверкой; постоянные советы и указания руководителя также имеют громадное значение. Подробнее об этих вопросах см. в недавно вышедшей книжке Б. и Ю. Соколовых—Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности, М., 1926 г., изд-ство „Новая Москва". Отчеты о некоторых экспедициях см. в статьях: А. Вершинский и Ю. Соколов—Верхне-Мологский край. Предварительный отчет экспедиции. Тверь, 1925 г.; Саратовский Этнографический Сборник, в. I, под редакцией проф. Б. М. Соколова. Саратов, 1922 г.; проф. Б. Соколов.—По Петровскому уезду. Из отчета об этнографической экспедиции в 1923 году. Труды Нижневолжского Обл. Науч. О-ва Краеведения, 1925 г.

Отмечая как крупнейшее и характерное явление в современной русской фольклористике—привлечение учащейся молодежи к производственной научной работе, к практическим занятиям фольклором не в стенах вузовских аудиторий только, а и на вольном просторе деревенских полей и улиц, я не закрываю глаз на известные опасности, которые стоят на этом пути и которые заставляют иных ученых скептиков недоверчиво относиться к нему. Главнейшая опасность—диллетантизм молодых фольклористов-собирателей, особенно возможный в наше время, когда так сильно сокращены были специально-филологические занятия в вузах. Достижима ли точность и, следовательно, научность записи, когда к фольклорному собиранию привлекается молодежь, недостаточно овладевшая познаниями в основах краеведения, диалектологии, в частности не всегда имеющая научно транскрибировать собираемый материал? Все эти опасения—есте-

ственны и законны. Руководителям-профессорам необходимо отчетливо сознавать ту ответственность, которую они берут на себя, пуская в научную работу своих слушателей-студентов. Однако и преувеличивать опасности не следует. Ведь если внимательнее присмотреться к тому, кем собраны те фольклорные богатства, которыми в настоящее время располагает русская наука, то окажется, что громадное большинство фольклорных материалов, заключенных в „научные" сборники (Киреевского, Шейна и др.), собраны все же любителями: сельскими учителями, агрономами, крестьянами и др., во всяком случае, лицами без специальной подготовки. Конечно, кто из нас, занимающихся фольклором, порою не досадует на ошибки текста, неточности, неполноту, неясности? Но каждый из нас готов в то же время выразить горячее чувство благодарности как раз этим невидным, скромным многочисленным любителям устной поэзии за проделанную ими работу. Студенчество же, будущие преподаватели-словесники, а некоторые из них будущие спецы-ученые, думается мне, в состоянии не хуже проделать собирательскую работу, особенно же при надлежащем инструктировании со стороны руководителя.

Не отрицаю,—в научном отношении лучше всего будут результаты собирательской работы, если в ней принимают участие вполне подготовленные лица. Думается, фольклористические материалы, добытые группою квалифицированных работников Этнографического Отдела Русского Музея в Ленинграде под руководством профессора Д. А. Золотарева при участии, например, Н. П. Гринковой и Е. Э. Бломквист, в отношении точности и верности записи будут безупречны (см. заметку Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой—Этнографические экскурсии в бывш. Задонский и Землянский уезды Воронежской губернии в „Известиях Воронежского Краеведческого Общества", 1925 г., № 2, август, с. 21—23; Д. А. Золотарева—Работа Этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях в III томе „Известий Российской Академии Истории Материальной Культуры"; С. Еремина—О работах этнологической экспедиции в Рыбинской и Тверской губернии в 1922 г. „Краеведение", 1923 г., № 1, с. 56—59. Еще большее значение будут иметь фольклористические поиски таких известных фольклористов, как профессор М. К. Азадовский, собравший сказки на Верхней Лене (см. его Сказки Верхне-Ленского Края, Иркутск, 1925 г.), и М. Б. Едемский, продолжавший за последние годы собирать сказки в Тотемском уезде Вологодской губернии. О собранных им за последнее время сказках, а также о северных сказочниках М. Б. Едемский читал в 1925 г. два доклада в Сказочной Комиссии Русского Географического Общества в Ленинграде, и доклад в Фолькорной подсекции Государственной Академии Художественных Наук в Москве.

Но если ограничиваться собирательскими работами лишь квалифицированных ученых специалистов, то, я полагаю, науке был бы нанесен огромный ущерб. Научных сил в СССР не так много, чтобы

можно было на них одних возложить всю работу по собиранию сырых материалов. Без дружной коллективной, даже массовой собирательской деятельности не обойтись. Нужно лишь позаботиться, чтобы ее рациональнее сорганизовать.

Это требование организованности вызывается самою жизнью, и, как приходится нам наблюдать, в настоящее время привело уже к некоторым положительным результатам.

Развитие краеведения, а также краеведческий уклон в школьном преподавании, только что описанные мною, привлечение учащихся к собирательской работе—все это потребовало инструкций и руководства. До последнего времени таких руководств по собиранию у нас не было, за исключением программ собирания. Из них наибольшей известностью и распространением пользовалась Программа по собиранию произведений народной словесности, составленная Комиссией по народной словесности при Этнографическом Отделе Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, составленная в 1911 г., вышедшая третьим изданием в 1917 г. Но программа эта была слишком сжатой, лаконичной и почти не заключала в себе инструктивных указаний. Отвечая назревшей потребности в руководстве по собиранию, проф. М. К. Азадовский в 1924 г. издал в Иркутске очень живо написанную книжку „Беседы собирателя. О собирании и записывании памятников устного творчества применительно к Сибири", 86 с., в следующем 1925 г. автору уже пришлось повторить издание и значительно увеличить его объем (во 2 издании 116 с.). Как видно из авторского предисловия, книжка составилась из стенографически записанных лекций, читанных студентам Института народного образования в Чите в 1921—23 годах и отпечатанных по просьбе студенчества. Успех книги ясно говорит о том, как своевременно было ее появление. Несмотря на то, что книжка по содержанию своему была рассчитана, главным образом, на фольклористов-сибиряков, тем не менее она получила распространение и в Европейской части СССР,—настолько сказывалась нужда в инструктивной литературе. В 1925 г. в той же серии „Библиотеки собирателя", издававшейся Этнологической Секцией ВСОРГО (Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества), в Иркутске была отпечатана и другая, инструктирующая собирателей-фольклористов, книжка по малоизученной области детского фольклора: Георгий Виноградов—Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925 г., 84 с. Книжка эта (на ряду с несколько ранее опубликованными работами Г. С. Виноградова по детскому фольклору, как, например, Детский народный календарь, напечатано в „Сибирской Живой Старине", 1924 г., в. 11, и Детская сатирическая лирика, там же, в. III—IV, 1925 г., и со статьей А. М. Поповой—Детские игры и забавы в сибирской деревне, „Сибирская Живая Старина", в. I, Иркутск, 1923 г.) захватывает чрезвычайно важные и с теоретико-научной и с педагогической точек зрения вопросы и,

несомненно, окажет в дальнейшем развитии фольклористики большое влияние на собирательскую и исследовательскую работу.

Идя навстречу все той же потребности в программах, а также в систематических библиографических справочниках, предъявляемой учащимися вузов, учителями трудовой школы, краеведами-любителями, известные московские преподаватели-словесники Н. Л. Бродский, Н. А. Гусев и Н. П. Сидоров издали при содействии Центрального Бюро Краеведения при Российской Академии Наук книжку под заглавием: „Русская устная словесность. Историко-литературный семинарий. Темы. Библиография. Программы для собирания произведений устной поэзии", изд-во „Колос" Ленинград, 1924 г., 200 с. „Свой труд мы направляем,—пишут составители в предисловии,—к начинающему научную работу словеснику, обществоведу, студенту-филологу и, в особенности, к кружкам молодых этнографов-краеведов, в надежде помочь им ориентироваться в данном предмете... Наше заветное желание обратиться к молодым силам и направить их работу на те же пути подлинной научной любознательности... Мы считаем важным подчеркнуть один вид тем, который направляет интересующихся к непосредственному общению с народной средой, чтобы там собрать не только еще бытующие остатки поэтической старины, верований и обрядов, песен, сказок и преданий, местного народного слова и других многообразных явлений местного фольклора, но и подметить ростки новой фольклорной жизни, вызванные новым революционным бытом. Нет надобности доказывать ценность такой встречи с творцами и хранителями поэтического искусства... Навстречу этой задаче, требующей своих особых знаний и приемов, и идет наша книга, где в приложении мы даем, полностью или в выдержках, несколько программ, намечающих пути и способы собирания и записи этнографического материала". Цитируемая нами книжка пришлась как нельзя более кстати, и получила быстро широкое распространение. Библиографические указания в книге, если и не отличаются исчерпывающей полнотой (этой цели себе составители не ставили), то важны тем, что нередко привлекают самый свежий и новый материал. Можно не соглашаться с формулировкой отдельных тем, с их классификацией и порядком, но все это не должно сильно уменьшать педагогического и популяризационного значения книги для русской фольклористики.

В ряду программ-инструкций по фольклору, вышедших за последние годы, здесь же следует указать две: одну, приложенную к книге П. Г. Богатырева—„Народный театр. Чешский кукольный и русский народный театр", „Опояз", Берлин—Петербург, 1923 г., где предложен длинный ряд вопросов по русской народной драме и русскому балагану (кстати сказать, область чрезвычайно слабо до сих пор изученная), и программу по обрядовой поэзии, составленную М. И. Смирновым—„Культ и народное сельское хозяйство. Из практики Переславль-Залесского Научно-Просветительного Общества",

напечатана в журнале „Краеведение", № 12, Петроград, 1923 г., и отдельно.

Краеведческое движение вызвало ряд сборников с руководящими статьями по вопросам краеведения. В большинстве таких сборников помещались естественно статьи и по этнографии и по фольклору. В „Вопросах Краеведения", сборнике докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим Центром, под редакцией В. В. Богданова (изд. Центрального Бюро Краеведения при Российской Академии Наук, Нижполиграф, 1923 г.), помещена была статья Ю. М. Соколова — „Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ", стр. 109—113. В другой книге, изданной также Центральным Бюро Краеведения, А. И. Дзенс-Литовский и С. А. Абрамов — „Познание местного края", Ленинград, „Колос", 1925 г., есть главы: собирание произведений народной словесности (стр. 75—79), семейный быт, народная медицина, верования населения.

В недавно вышедшей книге „Первые шаги краеведа" (сборник под ред. Н. А. Дорогутина и М. В. Муратова, издательство „Основа", Иваново-Вознесенск, 1926 г.) помещена статья Б. М. Соколова — „Краевед за работой по изучению быта" (с. 75—98), где несколько страниц уделено и вопросам собирания фольклорных материалов. В № 2 „Дневника 2 Всесоюзной конференции по краеведению в Москве" (в 1924 г.) напечатаны тезисы доклада Б. М. Соколова — „Очередные задачи фольклорного изучения СССР" и тезисы доклада Ю. М. Соколова — „Основные приемы и методы собирания фольклорного материала".

Под влиянием собственной собирательской практики, а также наших работ по организации фольклористических студенческих экспедиций, я вместе с братом составил книжку-руководство для собирателей фольклора: Борис и Юрий Соколовы: — „Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности", из-во „Новая Москва", М., 1926 г., 168 с. Цель книжки — притти своим собирательским и организационным опытом на помощь краеведам-учителям, студентам и др. лицам в деле собирания фольклорного материала. Исходя из потребностей современной фольклористики, мы пытались дать не только указания, как сорганизовать собирательскую работу, но и стремились возможно подробнее осветить частные вопросы, связанные с записью произведений различных жанров; к отдельным главам дается и важнейшая библиография как исследований, так и фольклорных текстов. Ограничиваясь русским (великорусским) материалом, мы все же предполагаем, что книга может пригодиться в чисто методическом отношении и для фольклористов, собирающих материалы среди других национальностей.

Потребность в инструктирующей литературе настолько велика, что на местах, особенно в городах, где есть университеты и педагогические институты, педтехникумы, в главнейших научных центрах

местные специалисты тоже стали издавать инструкции и программы для своих ближайших товарищей по краеведческой работе. В разнообразных краеведческих изданиях: „Бюллетенях", „Известиях", „Трудах", и т. д., то и дело мелькают вопросники и краткие программы по собиранию фольклорных материалов. Эти программы то обособлены, то сплетены с вопросниками-программами по материальной этнографии или же диалектологии. Не стремясь здесь к исчерпывающей полноте, перечислю некоторые из мне известных: проф. Н. М. Каринский, „Программа для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края в связи с собиранием других местных этнографических особенностей",—„Известия Вятского Научного Исследовательского Института Краеведения", № 1, 1922 г., издание Вологодского Област. Отдел. ГИЗ, с. с. 39—45; пункты 84—93 имеют прямое отношение к фольклору. Проф. Н. М. Каринский, „Заметки о методах этнографических наблюдений". (Там же). Проф. Н. М. Каринский, „Собирание научных материалов, характеризующих перелом в Вятском крае во второй половине XIX и начале XX века,—„Вятская Жизнь", орган Вятского Губ. Эконом. Совещания и Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения, 1923 г., № 2, март-апрель. Во II главе, состоящей из программы-анкеты, прямое отношение к фольклору имеют пункты 14—20. См. также статью Н. М. Каринского „Экскурс в область Вятской народной песни" в № 1 „Вятской Жизни", 1923 г. Проф. А. М. Путинцев, „О собирании произведений устного словесного творчества",—„Воронежский Ист.-Археологический Вестник", 1921 г., в I, с. с. 19—21. Проф. П. С. Богословский, „Об изучении Пермского края в лингвистическом и этнографическом отношениях",—журнал „Север", Вологда, № 11, 1924 г. Проф. А. М. Смирнов, „Этнографические вопросы краеведения,—„Наш Труд", орган Ярославского ГУБОНО, 1925 г., № 2, с. с. 11—16. Статья содержит в себе и „Программу для собирания материалов местного быта и творчества". М. И. Смирнов, Переславщина. Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор—„Доклады Переславль-Залесского Научно-Просветительного Общества" (Пезанпроб), выпуск 9, Переславль-Залесский, 1921 г. На стр. 46—48 очерчивается круг вопросов, связанных с изучением местной этнографии и фольклора В. И. Смирнов, Анкета по вопросу о влиянии революции на жизнь местного края, Кострома, 1918 г., издание Костромского Научного Общества.—Вопросы о народных верованиях и религиозном быте населения Костромского края, издание Костромского Научного Общества. Кострома, 1921 г. 2 с.—Культ и народное сельское хозяйство. Анкета сост. М. И. Смирновым, изд. Антрополого-Этнографической Станции Костромского Научного Общества, Кострома, 1923 г. (Перепечатана в № 2 „Краеведения", с. с. 151—152). Г. Аргентов, О записы-

вании произведений народного словесного творчества, „Кунгуро-Красноуфимский Край". Краеведческий ежемесячник, № 2, февраль, 1925 г., Кунгур, Урал. Обл. Известия общества „Искра" с. с. 12—14. Он же. Запись произведений народного творчества—очередная работа для краеведов любителей на местах. Там же № 6—7, июнь—июль 1925 г., с. с. 28—32. (Есть отдельный оттиск, а также статья включена в брошюру Аргентова Прикамье. Из произведений народного словесного творчества в. I, изд. „Искра", Кунгур, Урал. Обл., 1925 г.). Еще в 1918 г. в Вологде вышла красиво написанная брошюра К. А. Новикова, Значение истории для кооперативного работника и ее местные источники, издание Вологодского Центр. О-ва Сельского Хозяйства; с. с. 34—41 посвящены характеристике устных источников для местной истории. В 1919 г. Б. Зайковский напечатал в Саратове брошюру Изучение местного Края. Инструкция для собирания материала по народному быту и творчеству. В 1923 г. Псковским Обществом Краеведения при содействии губстатбюро была выпущена брошюра: Краткая программа для собирания этнографических сведений и предметов. В „Известиях" Общества изучения местного края в г. Порхове Псковской губ. за 1922 г., т. I, кн. I (Порхов), помещена статья В. И. Кронберга. О собирании памятников народной словесности в Порховском уезде.

К перечисленным статьям-инструкциям, составленным для краеведов-фольклористов, примыкают статьи и программы, рассчитанные на современную трудовую школу, с ее краеведческим уклоном. Статьи эти касались как вопросов собирания фольклорного материала школьниками и учителями, так и вопросов преподавания так называемой народной словесности в школе. Еще на I Всероссийском Съезде Преподавателей Русского Языка и Словесности, происходившем на рубеже 1916—1917 гг., был сделан доклад Ю. М. Соколова „О преподавании народной словесности". Доклад первоначально был напечатан в журнале „Родной язык в школе" за 1917 г., № 3, а затем перепечатан в сборнике „Изучение литературы в школе". Сборник методических статей и примерных уроков под редакцией А. М. Лебедева, ГИЗ, Москва-Петроград, 1923 г. В том же сборнике были напечатаны статьи других авторов по тому же вопросу: А. М. Суворовский. О постановке преподавания народной словесности в учительских семинариях. П. О. Афанасьев. Народная поэзия в живых наблюдениях учащихся. П. Вартминский. О наглядном преподавании словесности. М. А. Рыбникова. Опыт школьной инсценировки народных игр, песен и обычаев. Последняя статья собственно перепечатана с сокращениями со статьи М. А. Рыбниковой в „Вестнике Воспитания" под тем же заглавием. Статья эта впоследствии была включена М. А. Рыбниковой в ее известную книгу: Работа словесника в школе. Там же напечатан

и текст инсценируемого свадебного обряда. За год до появления статьи Рыбниковой в Заонежье Олонецкой губ. вышла сходная по теме книжка, основанная на местном фольклоре: Досюльная свадьба в Заонежье Олонецкой губ. Собрано и изложено в драматической форме В. Д. Лысановым, Петрозаводск, 1916 г. Об опытах школьной инсценировки свадебного обряда говорю и я в своей упомянутой выше статье. М. А. Рыбникова через несколько лет проделала аналогичный опыт постановки на школьной сцене народной драмы о Максимилиане. Результаты опыта с примечанием текста опубликованы в книжке: М. А. Рыбникова, Максимилиан. Драма в 2 действиях. Редакция Н. Шер, издательство „Изв. ЦИК ССР и ВЦИК", Ленинград, 1925 г., 101 с. В упомянутом сборнике А. М. Лебедева, „Изучение литературы в школе" напечатаны Правила собирания народно-поэтического творчества. В связи с запросами школы мне несколько раз пришлось в разных изданиях помещать статьи инструктирующего порядка — то о преподавании устной словесности, то о собирании фольклорных материалов силами учителей и учащихся. Так, в педагогическом сборнике под редакцией А. М. Лебедева „Родной язык в школе", кн. I, 1919—22 гг., ГИЗ, было напечатано изложение моего доклада на одной из конференций московских словесников на тему Приемы изучения народной словесности в школе II ступени (с. 81—87), в журнале „Народный Учитель", 1924 г. №№ 4 и 9, были мной помещены две статьи: Наука и учитель. Еще раз на тему о науке и учителе, где, между прочим, мною были приведены некоторые выдержки из писем народных учителей, откликнувшихся на мой призыв к энергичному собиранию фольклора. В 1925 г. в № 4 ж. „Вестник Просвещения", органа Моно и Московского губпроса, была мной помещена статья Поэтическое творчество деревни и школа. Наконец, в сборнике, вышедшем под редакцией М. М. Рубинштейна „На путях к педагогическому самообразованию. Опыт применения Далтоновского принципа", изд. „Мир". М., 1925 г. с. с. 189—198: напечатана моя статья Песни и сказки местного населения. Способ их собирания и изучения.

С выходом в свет в 1923 г. „Новых программ для единой трудовой школы II ст. изучение народной словесности на живом материале было как бы санкционировано. Так, в программе по литературе для первого года обучения II ступени, который целиком посвящается изучению деревни, прямо указывается на „необходимость привлекать учащихся к собиранию и записи произведений народного творчества, какими бы незначительными иногда они ни казались (частушки, песни, сказки и т. д.)". В повторном, несколько измененном издании ГУС („Программы для первого концентра школ II ступени" ГИЗ, 1925 г.) опять-таки рекомендуются „запись пословиц и загадок, касающихся труда, описание старых обычаев, поверий, сказаний и т. п., запись современных песен, воспоминаний и преданий о крепостном времени" и т. д. Эти указания находят живой отклик в обширной

методической литературе, как столичной, так и провинциальной. Губернские и уездные методические бюро в своих „Бюллетенях", „Известиях" многократно возвращаются к той же теме, давая нередко программы собирания и другие методические советы. Отчеты отдельных школ, краеведческие периодические издания начинают включать в себя сведения о собранных фольклорных материалах. (См. напр., отчет Гагинской опытной станции о работе по описанию Никольской волости, Раненбургского уезда, Рязанской губернии, приложенный ко „2-му Методическому письму ГУС"). (Из-во „Работник Просвещение", 2-е изд., 1924 г.). И это дело, видимо, так увлекает школу, что в руководящих кругах школьной политики даже возникает опасение, не оттеснили бы эти фольклористические и этнографические увлечения другие педагогические задачи на задний план. Нельзя не согласиться с необходимостью избегать однобокости в комплексном преподавании, с необходимостью заботиться о правильном соотношении частей в целом комплексе, но едва ли следует исключать из изучения деревни область быта и творчества. Иначе мы получили бы опять неполную картину.

В программах большинства школ мы и наблюдаем эту заботу о правильном соотношении частей, и фольклор, как и этнография, вводятся в той мере, которая требуется общими педагогическими и общественно-политическими заданиями. Так с самых разнообразных сторон была обследована Ивановская волость Усманского уезда Воронежской губ. В работе своей школа руководилась частью заданиями, которые были предложены Воронеж. Обществом Краеведения, губстатбюро и др. местными учреждениями. В результате работа была издана Воронежским ГУБОНО: Летняя школа. Опыт работы Воронежской девятилетней школы-коммуны 3 Интернационала, Воронеж 1925 г. В книжке напечатан отчет о работе, приведены многие из собранных материалов и напечатаны краткие указания по собиранию элементов народной поэзии. Фольклористические моменты есть в статье В. Чистякова (О краеведческой основе в занятиях родным языком в школах I ступени",—„Методический сборник" Тверского ГУБОНО, № 6, 1924 г.). В ж. „Просвещение Донбасса" Бахмут, 1922 г., № 8 помещена статья некоего М. Краеведение на уроках родного языка. Автор статьи дает довольно подробные указания, как собирать фольклорный материал, и, между прочим, делится опытом составления школьниками драмы из народного быта, сотканной по фольклорным материалам. Интересна статья Н. Покровской Опыт краеведной работы в деревенской школе I ступени,—„Вестник Просвещения", 1925 г., № 7, где приводится любопытный песенный материал, собранный учениками деревенской школы в Воскресенском уезде Московской губ. Довольно много говорится о фольклорно-экскурсионных работах и задачах в статье Аржанова, О краеведческой работе в школе взрослых повышенного типа, ж. „Ком. Просвещение", Самара № 5, 1924 г.

В книжках-руководствах для учителей нередко встречаются статьи и по фольклорной работе. Так, например, укажу статью А. С. Яковлева, Учитель-исследователь крестьянского быта, сборники статей „В помощь сельскому учителю“, под ред. А. Ефремина и К. Свердловой, изд. „Раб. Просв.“, М., 1925 г. В статье А. И. Дзенс-Литовского, Краеведение в сельской школе, — сборник „Новая школа в деревне“, Ленинград, 1924 г., изд. ГУБОНО, говорится и о собирании фольклорного материала для краеведческих музеев при школах. Выпуск II сборника „Летняя Школа“, 2 изд., Ленгиз, 1925 г., содержит составленную Д. А. Золотаревым Программу по антропологии и этнографии (в программе затронуты и фольклористические вопросы), а также программу А. А. Макаренко, Самоврачевание в деревне, имеющую некоторую связь с фольклористикой. Особые главы отводятся фольклорным темам в книжках методического характера, предназначенных специально для преподавателей-словесников, так, например, тема „частушки“ в книжке И. А. Желобовского, С. С. Розанова, В. Д. Сперанского Год занятий по литературе, изд. „Мир“ М. 1925 г. Опытом работы по фольклору, главным образом, по музыкальной этнографии, проделанным I Опыт. Станцией по народному образованию в Калужской губ., делится В. Н. Шацкая в № 6 „Вестник Просвещения“ за 1925 г. Отдельные инструктивные указания по фольклору даны в известной книжке М. Я. Феноменова Изучение быта деревни в школе, 2 изд., „Работник Просвещения“, М. 1925 г. О фольклоре идет речь и в статье Г. С. Виноградова Этнография в музее школьного краеведения. Вопросы новой школы, — „Сборник Трудов Ирк. Гос. Унив.“, в. IX, Иркутск, 1925 г. Некоторые из подобных статей заключают в себе общие методические и методологические указания, иные приноровлены лишь к определенному району и к своему краю. Такова, например, книжка, выпущенная недавно Псковским обществом краеведения: В. Разлитовский и К. Иеропольский, Псков в поэзии. Сборник произведений, библиографический указатель, примерные программы и темы краеведческих вечеров, Псков 1925 г.

Не ручаясь за исчерпывающую полноту сведений о, так сказать, школьной фольклористике, отсылаю за библиографическими справками к общим указателям по школьному краеведению: 1) И. С. Симонов, Вопросы краеведения в школе (краткий обзор литературы), в сборнике „Вопросы краеведения в школе“, под редакцией проф. В. П. Буданова и И. С. Симонова, Ленинград, изд. „Брокгауз-Ефрон“, 1925 г., 2) К. В. Сивков, Краеведение и школа. Опыт библиографии, „Вестник Просвещения“. 1925 г., № 6. 3) И. В. Владиславлев и Б. Е. Лукьяновский, Летняя школа. Обзор литературы по строительству летней школы в России и на Западе, ГИЗ, Москва 1924 г. Во многих статьях и книгах, посвященных краеведению в школе, могут найтись страницы о собирании и изучении фольклора или даже образцы

собранных школами фольклорных материалов. В обзоры обыкновенно не включаются статьи из центральных и местных газет, а в них за революционные годы подробно сообщались немаловажные сведения и о фольклоре, и о научной его разработке, и о преподавании его в школе. Обозрение этой литературы—задача, конечно, по плечу лишь местным краеведам.

Обращаюсь к общим обзорам русского фольклора, к исследованиям и напечатанным собраниям фольклорных материалов.

Перед самой революцией, в начале 1917 года, вышли два больших труда, задачи которых—дать общее обозрение состояния русской науки о фольклоре. Необходимость в подобных работах уже давно ощущалась, так как Введение в русскую словесность Владимирова, если далеко не во всех своих частях устарело, то уже давно стало библиографической редкостью, главы об устной словесности в Истории русской литературы А. Н. Пыпина не могли считаться полным обзором фольклора, а в Истории русской этнографии А. Н. Пыпина историография русского фольклора тонула в общей истории материальной этнографии и географии. Ак. М. Н. Сперанский выпустил в 1917 году свою Русскую устную словесность, пособие к лекциям на Высших Женских Курсах в Москве, М., 1917 г. Курс его заключал историографию предмета и систематический обзор повествовательных жанров. Громадная область народной лирики, народной обрядовой поэзии и народной драмы остались вне поля зрения. Образовавшийся пробел в известной мере был восполнен появившимся почти одновременно с трудом М. Н. Сперанского систематическим трудом академика Е. Ф. Карского, Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. Народная поэзия, Москва, 1916 г. Труд этот, хотя и посвящен лишь белорусскому фольклорному материалу, в своих общих суждениях и затрагиваемых в нем общих фольклористических вопросах, оказался чрезвычайно полезным и для лиц, занимающихся великорусской устной поэзией. Но, конечно, такое положение вещей, когда у нас в научной литературе по великорусской устной словесности нет систематического полного ее обзора, утешительным признать нельзя. Коллективный труд в издании т-ва „Мир"—История русской литературы, под редакцией Е. В. Аничкова, А. Н. Бороздина и Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. I, Народная словесность (вышедший в 1908 г.) удовлетворить запросам современной фольклористики не может, в силу некоторой неоднородности объединенных им статей и нарочито популяризационного характера изложения большинства их. При отсутствии систематического обзора русской обрядовой поэзии и теснейшим образом связанной с ней области народных религиозных представлений и мифа, весьма кстати оказалась напечатанная в 1918 г. в Москве в изд. „Практические знания" небольшая книжка проф. Е. Г. Кагарова, Религия древних славян (№ 4 серии „Культурно-бытовые очерки мировой истории" под редакцией В. К. Никольского и А. А. Сидорова).

Книжка эта, давая обзор пережитков древне-языческих воззрений в современных крестьянских обрядах и песнях, интересна еще и тем, что довольно систематически объясняет многие элементы обрядовой поэзии в духе теории Фрезера об аграрной магии. С большим чувством удовлетворения исследователи русской устной словесности встретили попытку проф. П. Н. Сакулина ввести в общий курс общей литературы нового времени (по отношению древнего периода— этот принцип применялся и раньше в Истории русской литературы А. Н. Пыпина, в Курсе истории русской литературы В. А. Келтуялы) также и явления устной словесности. П. Н. Сакулин, в основном следуя принципам своего учителя академика Н. С. Тихонравова, не счел возможным при рассмотрении литературных фактов XVIII века ограничиться лишь тою литературой, которая питала вкус высших образованных классов, но также дал очерк литературных интересов средних социальных слоев [мещанская литература и т. н. низших классов, главным образом крестьянства (преимущественно устная поэзия)]. См. П. Н. Сакулин, История новой русской литературы. Эпоха классицизма. Курс, читанный на Московских Женских Курсах в 1917—18 году, Москва, 1918 г., особенно на с. с. 24—28 и 141—163.

Курс М. Н. Сперанского и III том Белорусов Е. Ф. Карского в настоящее время через девять лет с их появления считаются основными пособиями для студенчества при сдаче коллоквиумов и испытаний в вузах. В 1922 году в Орехово-Зуеве в издании Орехово-Зуевского УОНО появилась книжка П. М. Соболева, Введение в изучение русской народной словесности. Пособие для начинающих, 87 с. Автор, молодой ученик проф. С. К. Шамбинаго, и свое Введение построил почти в тех же рамках, как был построен в свое время в 1907 году литографированный курс С. К. Шамбинаго, Введение в народную словесность. Как в том, так и в другом Введении из всех жанров устной поэзии почти исключительное внимание обращено на былевой эпос. Книжка П. М. Соболева написана спокойным, ясным и четким языком, но ничего нового в методическом отношении и в объеме рассматриваемого фольклорного материала в сравнении с курсами М. Н. Сперанского и С. К. Шамбинаго не внесла. Приходится несколько удивляться тому, что вопросы современного фольклора, связанные с течениями современной социальной жизни, почти не нашли в себе отклика в книжке П. М. Соболева, отпечатанной УОНО, видимо, в расчете на местных учителей и краеведов. Но в Орехово-Зуевском промышленном районе, думается мне, значительно важнее было бы напечатать руководство для начинающих собирателей по изучению бытующих еще песен, в частности частушек, чем руководство по изучению былин, которые в данном крае давным-давно исчезли. В разряде общих обзоров и очерков русской устной словесности назову еще написанные мною статьи по фольклору в книге „Литературная Энциклопедия. Словарь литературных терминов", изд. Френкеля, Ленинград, 1925 г.,—

статьи под словами: народная словесность, народная литература, былины, думы, духовные стихи, загадки, заговоры, исторические песни, легенды, лирические песни, обрядовые песни, пословицы, сказка, странствующие сюжеты, частушки и др.

Во всяком большом коллективном деле важны не только инструкции, программы, методические указания, важны также примеры. С целью дать ряд живых примеров в области собирательской работы русских фольклористов, Б. М. Соколов издал в 1923 г. очерк Собиратели народных песен, из-во „т-ва В. В. Думнова, насл. бр. Салаевых", М., 1923 г., с. 75, где дал характеристику личности и научно-собирательской деятельности выдающихся русских собирателей-фольклористов П. В. Киреевского, П. И. Якушкина и П. В. Шейна.

Мною было выше подчеркнуто, что в курсе М. Н. Сперанского, во Введениях С. К. Шамбинаго и П. М. Соболева, как и в пользовавшемся известностью литографированном курсе лекций В. Ф. Миллера, былевому эпосу уделялось главнейшее внимание из всей устной словесности. Факт этот, конечно, не случаен; он явно отражает общее состояние науки о русском фольклоре. Не только общие курсы, но большинство книг и статей, посвященных изучению русского фольклора за последние двадцать пять и значительно больше лет, были направлены на исследование вопросов, связанных с историей русских былин. Сравнительный метод А. Н. Веселовского, историческая школа В. Ф. Миллера— основной материал для своего применения находили в былевом эпосе. По инерции такое предпочтение, оказываемое в фольклористических исследованиях былевому эпосу, сохранилось и в революционные годы, хотя за последнее время все же можно усмотреть и некоторое расширение сферы исследовательских интересов: как я указывал, научное внимание постепенно применяется к более живым и распространенным жанрам современного фольклора—к частушкам, творимой легенде, к детскому фольклору.

Громадная литература по русскому былевому эпосу была еще в 1896 г. систематически обозрена проф. А. М. Лободой в его известной книге Русский богатырский эпос. Опыт критико-библиографического обзора, Киев, 1896 г. За 30 лет, прошедших с того времени, наросла еще бóльшая научная литература. Нужда в новом систематическом обзоре ощущалась уже давно И вот, в 1924 г. проф. Саратовского университета А. П. Скафтымов дал этот обзор в своей книге Поэтика и генезис былин. Очерк, Кн-во Яксанова, Москва — Саратов, 1924 г. VI + 226 стр. Библиографический обзор заключен собственно лишь в IV главе книги, первые же три главы являются рядом методологических рассуждений, основной смысл которых сводится к критике господствовавшего в течение нескольких десятилетий в русской науке о былинах так называемого исторического метода В. Ф. Миллера и его школы. Критика исторической школы, трудов В. Ф. Миллера, А. В. Маркова, С. К. Шамбинаго, Б. М. Соколова ведет-

ся А. П. Скафтымовым во имя рассмотрения былин, как целостных художественных произведений, в которых нельзя никак игнорировать телеологически оправданного соотношения элементов. С этой же точки зрения рассматривается и вопрос о „соотношении вымысла и действительности в былинах". „Реалистическая показательность разных ингредиентов былины,—говорит Скафтымов,—различна в зависимости от функционального применения их в общей организации целого", и далее: „всякое генетическое рассмотрение былины требует предварительного раскрытия внутренне конститутивного смысла его частей" (стр. 127). Нельзя не признать верности и меткости многих замечаний А. П. Скафтымова, констатирующих натяжки, противоречия, прямые ошибки исследователей в отдельных частных случаях применения исторического метода, но все же приходится признаться, что теоретические рассуждения автора не поколебали основ историко-сравнительного метода, доискивающегося исторического генезиса былин. Никто не оспаривает утверждений А. П. Скафтымова о необходимости подходить к былине, как к художественному целому, но, во-первых, такого рассмотрения не отрицал и сам глава школы В. Ф. Миллер; во-вторых, формально-поэтическое рассмотрение былин никак не может устранить законных исканий по вопросу о происхождении былин и их социально-исторических корней; в-третьих, к сожалению, А. П. Скафтымов в своих эстетико-теоретических рассуждениях весьма далеко стоит от современных требований теоретической поэтики, принципы которой наиболее интересно было бы применить и к былевому эпосу (что отчасти уже и сделано, например, в книге о Рифме проф. В. М. Жирмунского). Как первая попытка критики исторического метода, книга А. П. Скафтымова весьма симптоматична и полезна: приемы исторических сближений и сравнений должны быть пересмотрены, проверены и уточнены.

Наука о русском былевом эпосе за революционные годы не очень обогатилась новыми записями былинных текстов; видимо, не время, чтобы отдаться собиранию старого творчества. Однако кое-что в этом направлении было сделано. В связи с большим краеведческим движением были сделаны попытки систематических обзоров того, что собрано из былевого эпоса в том или другом крае. Так, появилось два очерка местной былевой традиции: Марк Азадовский—Эпическая традиция в Сибири, Чита, 1921 г., 16 стр. (вступительная с последующим дополнением лекция на Историко-филологическом факультете Томского университета) и проф. Б. Соколов—О былинах, записанных в Саратовской губернии (доклад, прочитанный 25 декабря 1921 г. на торжественном заседании Саратовского общества истории, археологии и этнографии по случаю 35-летнего его юбилея) (журн. „Культура". Научное приложение, № 1, январь 1922 г. Саратов, стр. 2—13). Оба автора пересмотрели всю литературу по эпосу двух больших областей; и оба констатировали значительно большее количество записей, чем

до тех пор полагали. Так, в Саратовской губернии число былинных записей в 1921 г. достигло 24 (из них 5 сделано уже в революционные годы). В Сибири к 1926 г. М. К. Азадовский смог насчитать уже около 60 записей, не считая материала Сборника Кирши Данилова, тогда как в обзоре 1896 г. проф. А. М. Лободы на Сибирь приходилось (кроме текстов Кирши Данилова) всего лишь 27. Эти данные питают уверенность, что еще далеко не весь запас эпической традиции исчерпан собирателями. Еще могут открыться немалые „залежи" нетронутых материалов.

Накоплявшиеся тексты былин, развивавшиеся вширь и вглубь исследования былевого эпоса дали возможность специалистам издать ряд антологий русского эпоса, рассчитанных не столько на исследователей, сколько на учащихся, на широкую читательскую публику. В 1919 г. вышел II том изящного издания „Былин" под редакцией акад. М. Н. Сперанского, в издании Сабашниковых. Издательством „Задруга" была выпущена книжка Бориса Соколова, Былины. Исторический очерк, комментарии и тексты. В 1922 г. Госиздат выпустил 2-е издание книжки О. Э. Озаровской, Бабушкины старины, то-есть былины, исполнявшиеся знаменитой архангельской сказительницей М. Д. Кривополеновой и впервые записанные от нее в 1900 г. проф. А. Д. Григорьевым. Кроме былин, в книжке приведены тексты духовных стихов, заговоров, песен, сказок. Всему сборнику предпослана характеристика знаменитой сказительницы, ее репертуара и исполнения. В 1924 г. Госиздатом в Москве была отпечатана изящная книжка художника и поэта Б. В. Шергина с текстами тех былин, которые он, как архангельский житель, усвоил с юных лет у сказителей, У Архангельского города, у корабельного пристанища. Сборник старин. Текст и рисунки Б. Шергина. Предисловие А. К. Покровской. Музыкальные записи С. В. Протопопова, ГИЗ, 52 с. Ввиду оживления интереса к самому бытованию былин в крестьянской среде и носителям былевого творчества—сказителям, Б. М. Соколовым была выпущена в 1924 г. небольшая книжка „Сказители", ГИЗ. Книжка, заключающая в себе общий очерк быта и творчества сказителей и характеристику некоторых из них— Т. Г. Рябинина, И. Т. Рябинина, М. Д. Кривополеновой и др., рассчитана на широкий круг читателей.

В чисто исследовательской литературе по былинам за последние годы особо посчастливилось проблеме о взаимоотношениях русского и германского эпоса. Частью в развитие прежних работ ак. Н. П. Дашкевича, проф. М. Е. Халанского и ак. А. Н. Веселовского, частью в совершенно новых направлениях данную проблему поставили в своих новых трудах А. И. Лященко, Б. М. Соколов и Б. И. Ярхо.

В 1923 г. в „Ученых Записках Государственного Саратовского Университета", т. 1, в. 3-й, была отпечатана статья проф. Б. М. Соколова Эпические сказания о женитьбе князя Вла-

димира (Германо-русские отношения в области былевого эпоса. Отдельный оттиск—54 стр.). Статья эта явилась сжатым изложением большого труда, в основных своих чертах законченного еще в 1911 г. Первоначальное предположение автора—включить этот труд в подготовлявшуюся им большую книгу Русская былевая поэзия, а затем наступивший кризис книгопечатания привели автора к необходимости пока ограничиться лишь статьей-конспектом. Так, давно готовое другое большое исследование Б. М. Соколова по былевому эпосу Песнь об Ярославе Мудром, которую автор вскрывает в известном эпическом стихе об „Егории на Руси", остается до сих пор ненапечатанным. В статье Эпические сказания о женитьбе князя Владимира Б. М. Соколов подвергает сначала сравнительному анализу „побывальщины о женитьбе князя Владимира" и сходные русские сказки, выясняя их внутреннее органическое сродство, затем производит сопоставление этих русских сказаний о женитьбе князя Владимира с германскими сказаниями о женитьбе Гуннара (Гунтера) на Брунхильде (Брингильде) и приходит к решительному выводу, что „русские сказания о женитьбе князя Владимира восходят к такой версии рассказа о женитьбе Гунтера (Гуннара) и на Брунхильде (Брингильде), при помощи Зигфрида (Сигурдра), какая служила источником для Nibelungenlied и которая вместе с тем включала общие черты скандинавской версии с русскими сказаниями, каких нет в Nibelungenlied" (стр. 22). Эта же германская версия является общим источником не только для русских сказаний и Nibelungenlied, но и для Тидрек-саги. Рассматривая дальше летописные сказания о женитьбе князя Владимира на Рогнеде (две редакции—под 980 и под 1128 гг.) и сближая их с русскими и немецкими эпическими сказаниями на ту же тему, Б. М. Соколов делает заключение, что источником первого летописного рассказа было устное германское сказание в его первоначальной краткой версии, а второй летописный рассказ был осложнен влиянием того же сказания, но уже в полной форме (стр. 34). Русские былины на тему о женитьбе князя Владимира, большей частью называемые „былинами о Дунае", восходят к той же группе германо-русских сказаний, особенно же близки к летописным версиям. Былины, однако, подвергли эти сказания сильным изменениям, в согласии с законами развития русского эпоса. „Переработка древнего типа сказаний о женитьбе князя Владимира в форму дошедших до нас былин, нужно предполагать, произошла в Московский период русской истории, точнее, в XVI веке" (стр. 54). Основные положения исследования Б. М. Соколова нашли себе признание у германского ученого А. Ф. Левис оф Менар (August von Löwis of Menar), выпустившего недавно работу на ту же тему: „Die Brünhildsage in Russland", Leipzg, 1923, St. 110. Левис оф Менар знал работу Б. М. Соколова только по присланному последним ему в 1911 г. краткому конспекту исследования и основных выводов [1]).

[1]) Уже во время правки корректуры я получил Revue des études slaves. Tome cinquième. Fascicules 3 et 4. Paris. 1925 г., где на стр. 205—237 помещена

Предположения исследователей о тесных связях русского былевого эпоса с германским, главным образом скандинавским, „варяжским", нашли себе еще новое подтверждение в другом исследовании, появившемся в печати за последние годы, в статье А. И. Лященко Былины о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде („Sertum bibliologicum" в честь президента Русского Библиологического О-ва проф. А. И. Малеина, П. Г., ГИЗ, 1922 г., стр. 94—136). А. И. Лященко высказал оригинальную и вместе с тем чрезвычайно убедительно им построенную гипотезу о генетическом сродстве былин о Соловье Будимировиче со скандинавскими сказаниями о Гаральде Смелом. Богато аргументированная сравнительным анализом текстов, критическим пересмотром предшествовавшей научной литературы и историко-бытовыми экскурсами работа А. И. Лященко сводится им к следующим основным выводам: 1. „Наша былина отражает исторический факт пребывания на Руси Гаральда, впоследствии короля Норвегии и мужа Елизаветы, дочери Ярослава. 2. Былина появилась в дружинной среде, окружавшей князя Ярослава, составитель ее знал, по всей вероятности, сагу о Гаральде, которая рассказывалась еще при жизни Гаральда. Она отразилась некоторыми чертами на былине, но при всем том былина—не переделка и не перепев скандинавской саги, а оригинальное по сюжету (по сравнению с сагой) произведение. 3. Древнейшая редакция былины должна была заключать в себе описание приезда с севера в Киев Гаральда, его сватовства, отъезда в Византию, возвращения и свадьбы. Вполне возможно появление уже в древнейшей редакции драматического элемента: борьбы с соперником... 6. На родине Гаральда (в Норвегии) существовал рассказ о нем и невесте, ждавшей его по условию 15 лет. 7. Нормандско-английские поэтические произведения о Горне и о Гереварде-Гаральде известны в редакциях XII—XIV веков; вполне вероятно предположение, что в них отразилась история любви Гаральда и Елизаветы" (стр. 135—136).

Если в отмеченных трудах Б. М. Соколова и А. И. Лященко констатируется проникновение на Русь германских (скандинавских) сказаний и их воздействие на русский былевой эпос, то в появившейся в 1917 г. статье Б. И. Ярхо, Илья-Илиас-Хильдебрант („Известия Отд. Русского Языка и Словесности Академии Наук", 1917 г., № 1) устанавливается факт обратного влияния русского былевого эпоса на эпос германский. Б. И. Ярхо пересматривает заново давно разрабатывавшийся русскими исследователями вопрос об истории сюжета „Бой отца (Ильи) с сыном (Сокольником)". В. Ф. Миллер еще в Экскурсах (М., 1892 г.) доказывал иранское происхождение этого сюжета в русском былевом эпосе (влияние ска-

---

статья Georges Dumézil „Les bylines de Michajlo Potyk et les légendes indo-européennes de l'Ambroise". Часть этой статьи касается бывальщин о женитьбе кн. Владимира, входящих в цикл сказаний о Брунхильде. Изложение статьи Жоржа Дюмезиля придется отложить до следующего № „Этнографии".

заний о Рустеме). А. В. Марков и М. Е. Халанский предполагали западное происхождение сюжета, основываясь на сближениях с германскими сказаниями о Гильтебранте и Гадубранте. Б. И. Ярхо пришел к более отчетливым и определенным выводам, устанавливающим посредствующую роль России в передаче иранского сказания на Запад. Б. И. Ярхо сравнивает русские былины о бое отца с сыном с двумя версиями германских сказаний: старшей, обозначаемой исследователем *x*, и младшей—*X*. Старшая (*x*) представлена „Песнью о Хильдебранте" XIII в. и стихотворным отрывком из Asmundarsaga, младшая (*X*) — отрывком из Тидрек-саги, так называемой „младшей песнью о Хильдебранте" XV в. и эпизодом из поэмы „Смерть Алихарка". Выводы Б. И. Ярхо сводятся к следующему: 1) личность Илиаса Русского в древне-немецким поэмах („Ortnit" и др.) сходна с Ильей-Муромцем по имени, по внешнему облику, по географическому и циклическому приурочению, по функции (бой с сыном); 2) все, чем *X* в обработке общих моментов отличается от *x*, приближает *X* к былинам об Илье-Муромце и Сокольнике; 3) *X* ближе к русским былинам об Илье-Муромце и Сокольнике, чем к *x*; 4) русская версия есть нечто среднее между иранской и младшей германской; 5) все сходства *X* с русскими былинами о бое Ильи с сыном легко объяснимы из русских эпических отношений и не имеют никаких корней в германском эпосе; 6) заимствование сюжета „бой отца с сыном" шло из России в Германию; 7) *X* является переделкой остатков *x* путем притяжения соответствующего русского материала; 8) в основу младшей германской версии и сказаний об Илье Русском в верхнегерманских поэмах легло немецкое сказание, непосредственно восходящее к русскому сказанию об Илье и Сокольнике.

А. И Лященко в прошлом 1925 г. напечатал в приложении к „Краткому отчету о деятельности Общества Любителей Древней Письменности за 1917 — 1923 годы" („Памятники древней письменности и искусства", СХС, стр. 36—68) статью Былины о бое Ильи-Муромца с сыном. В статье этой автор признал правильность основных выводов Б. И. Ярхо о русских былинах, как посредствующем между восточными и западными сказаниями звене, „восполнившем немецкие пересказы бродячего сюжета о бое отца с неузнанным сыном новыми подробностями, которые возникли на русской почве" (стр. 42). Для своего же исследования А. И. Лященко поставил задачу уточнить время прикрепления этого бродячего сюжета к русской обстановке, пути движения русской версии в Западную Европу, а также выяснить возможность отожествления Ильи-Муромца былин с Ильей Русским западно-европейских сказаний. Основываясь на том, что многие пересказы былин называют Сокольника королевичем Борисом, А. И. Лященко высказывает гипотезу о прикреплении в России бродячего сюжета „сказание о бое отца с сыном" к королевичу Борису, внуку Владимира Мономаха, сыну Мономаховой дочери Евфимии, заподозренной своим мужем, венгерским королем Коломаном, в неверности и изгнанной на родину вместе с маленьким сыном, которого король

не хотел признавать своим. Королевич Борис в течение всей своей жизни безуспешно, при помощи русских и поляков, боролся за свои права на престол с венгерскими королями. Признавая тождество Ильи-Муромца с Илиасом немецких саг и поэм, Лященко склонен эпитет „Муромец“ сближать с названием норвежцев—„мурманами“, норманами и производить от слова мурманец. Об одном таком князе Муромце говорится в летописном рассказе о нападении Андрея Боголюбского на Новгород. Общий вывод Лященко: прикрепление бродячего сюжета в России должно было произойти в середине XII в., в эту же эпоху русское сказание перешло и на скандинавский Север.

В связи с пересмотром вопроса о связи скандинавских сказаний с русскими (летописными и устно-эпическими) стоит и еще одна статья А. И. Лященко Летописные сказания о смерти Олега Вещего,—„Известия Отд. Руск. Яз. и Сл. Рос. Академии Наук“, 1924 г., т. XXIX, стр. 254—288.

Одному из частных вопросов по истории русского былевого эпоса посвящена статья В. Ф. Ржиги О Чуриле Пленковиче,—„Известия Отд. Рус. Яз. и Сл. Рос. Академии Наук“, 1923 г., т. XXVIII, стр. 75—84. Привлекши открытый им новый документальный материал, именно запись 40-х гг. XVI в. в даточной книге Иосифова Волоколамского монастыря „поминати въ вседневном спискѣ Іоанна пятого Чюрилова сына Суровцева“, В. Ф. Ржига новыми доказательствами подкрепляет давно высказанное предположение А. Н. Веселовского о Чуриле Суроженине, Суровце, то-есть выходце из Сурожа (Судака); в отношении же хронологическом В. Ф. Ржига считает более правильным приурочение былины не к древнейшей поре русской истории, как это делал В. Ф. Миллер, а к XV в.

Революционные настроения 1917 и последующих годов вызвали повышение общественного интереса к революционным эпохам в русском прошлом. Большое внимание русских историков, а также художников было за последние годы обращено на движение Стеньки Разина,—скульптура Коненкова, опера Триолина, роман Чапыгина, поэмы Орешина и других поэтов служат доказательством отмеченного интереса. Подробный очерк проявлений этого интереса к Степану Разину делает проф. Н. К. Пиксанов в только что появившейся 1-й книжке журнала „Художественный фольклор“. Не могло не пробудиться оживленного внимания и к песням о Разине. Ученица проф. Пиксанова, А. Н. Лозанова написала большую обстоятельную монографию о народных песнях о Степане Разине. В печати Лозанову предупредил однако М. Я. Яковлев своей внешне хорошо изданной книгой Народное песнотворчество об атамане Степане Разине. Из исторических песен XVII века, из-во П. П. Сойкина, Ленинград, 1924 г., 168 стр. В книге дан исторический очерк эпохи разиновского движения, характеристика личности С. Разина, сделан обзор песен, произведено сопоставление песен с историческими фактами, отмечено влияние на песни былевого эпоса и исторических

песен как из эпохи Грозного, так и из позднейшей эпохи Петровской, наконец, дан анализ поэтики песен о Разине. Книга Яковлева однако не может считаться монументальным, исчерпывающим исследованием и во многом является спорной, но нам кажется весьма полезной для популяризации правильных представлений о русском устном поэтическом творчестве, ярко отражающем глубокие волнения в жизни народных масс.

Значительно меньше внимания исследователей русского фольклора в конце XIX и в начале XX в. обращалось на сказку. Господствовавшая историческая школа В. Ф. Миллера главнейший свой интерес сосредоточила, как мы говорили выше, на былевом эпосе. Однако в первой четверти XX в. широко развернулась деятельность собирателей сказок.

В 1909 г. появился сборник Северных сказок Н. Е. Ончукова, в 1914 г. сборник Пермских сказок Д. Н. Зеленина, в 1915 г. его же сборник Вятских сказок, в 1915 г. Сказки и песни Белозерского края Б. и Ю. Соколовых. Запас сказочных текстов сразу возрос на несколько сот. К сожалению, события военного времени задержали выход в свет подготовленных к печати других больших собраний сказок, намеченных к изданию Сказочной Комиссией Русского Географического Общества: Тамбовских сказок Н. Ф. Познанского, Псковских сказок Н. Г. Козырева, Орловских У. Ф. Калинникова, Вологодских сказок М. Б. Едемского. В 1917 г., к счастью, вышел в свет давно ожидавшийся Сборник великорусских сказок архива Русского Географического Общества, изданный под редакцией А. М. Смирнова, вв. I и II, всего 990 стр. В сборник этот были включены многие сказочные тексты, накопившиеся за многие годы в архиве Общества, всего вошло в сборник 367 №№. К сожалению, в силу типографского кризиса, сборник был издан без вводной статьи, без комментариев, без предметного указателя. В сборник вошли сказки, записанные в различное время, из 29 губерний. К сожалению, сказки размещены не по сказочникам, как это принято, в исследовательских интересах, в научных сборниках последних 2 десятилетий; не по вине редактора сказки нередко лишены указаний на место, на время записи и на рассказчиков. При всех этих неудобствах, вызванных зачастую недостаточными данными, которыми располагал редактор, сборник А. М. Смирнова является ценным вкладом в науку о русском фольклоре (см. рецензию на этот сборник Б. М. Соколова Уголок русского сказочного мира в ж. „Научные Известия“, в. II, М., 1921 г.

Если сборник А. М. Смирнова ценен, главным образом, опубликованием громадного сказочного материала, залежавшегося под спудом в архиве, то другой сборник сказок, составленный проф. М. К. Азадовским Сказки Верхнеленского края, в. I, Иркутск, 1925 г., XLV+142 стр., издание Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического О-ва, (первоначально печатался в „Сибирской Живой Старине“, II и III—IV), радует со стороны со-

блюдения компетентным собирателем-издателем основных требований, предъявляемых в настоящее время к научному изданию фольклорных материалов. К сожалению, в данном случае некоторые из эдиционных намерений издателя не удалось выполнить в настоящее время, и пришлось их выполнение отложить до улучшения и удешевления условий книгопечатания; так отпала статья о говоре, ряд сравнительных примечаний, предметный указатель главнейших сюжетов и вариантов. Однако и в том виде, в каком появился этот 1-й выпуск Верхнеленских сказок М. К. Азадовского, он является одним из лучших трудов, отпечатанных в последнее время, по русскому фольклору. Сборник состоит из 22 сказок, записанных в 1915 году от одного лица—от сказочницы Нат. Осип. Винокуровой. Строго фонетически записанным текстам сказок М. К. Азадовский предпослал вводную статью, которая дает очерк истории собирания сказок, прекрасно составленную характеристику личности, а главное—творчества данной сказочницы; меткие, верные наблюдения над манерой сказывания, над композиционными приемами сказочницы делают вводную статью М. К. Азадовского одной из лучших работ, посвященных анализу народного искусства рассказывания. Приходится вместе с автором глубоко пожалеть, что в тяжелые годы разрухи погибла почти половина собранных М. К. Азадовским сказочных текстов и других фольклорных материалов, о чем он рассказывает на стр. XIII—XIV. Пусть утешением энергичному собирателю и исследователю послужит всеобщее признание большой ценности и того, что из собранного им материала сохранилось и частично опубликовано им. Соединение исследовательских задач с практической работой по собиранию сказок в трудах М. К. Азадовского—одно из больших преимуществ его перед многими другими исследователями; ряд вопросов по психологии творчества, по поэтике, по социологическому освещению сказочного материала можно разрешить, лишь будучи непосредственным наблюдателем самой жизни устного рассказа. Богатство и разнообразие сказочной традиции в СССР ставит русских ученых в более благоприятные условия в сравнении с западными коллегами-фольклористами. И эти возможные новые наблюдения и эксперименты русские фольклористы должны использовать. Работы М. К. Азадовского, Г. С. Виноградова и других сибирских молодых исследователей-собирателей упорно и успешно идут как раз в этом направлении, обновляя и обогащая русскую науку новыми наблюденными ими фактами. Изучение проблемы о творческой личности сказочников получило недавно еще новый богатейший материал. Если М. К. Азадовский записал 22 сказки от сибирской сказочницы Н. О. Винокуровой, то Н. П. Гринкова в Воронежской губ. в 1925 г. записала от Анны Куприяновны Барышниковой целых 56 сказок (чуть ли не рекордная цифра записей от одного лица). Общие сведения об этой замечательной сказочнице и ее репертуаре даются в статье Н. П. Гринковой „Сказки Куприянихи“ в № 1 ж. „Художественный Фольклор“.

Другие работы по сказке ведутся в двух иных направлениях, одно из которых—сравнительное—уже имеет большую традицию в русской и, особенно, в западной науке по фольклору, а другое возникло недавно под влиянием нового направления в русском литературоведении—так называемое „формальное".

Работы, построенные по сравнительному методу, принадлежат двум казанским ученым (теперь оба—в Ленинграде)—Н. П. Андрееву и А. И. Никифорову. Н. П. Андреев написал книгу в духе трудов своего старшего коллеги, проф. Вальтера Андерсона, Роман Апулея и нар. сказка. Казань, 1914 г., Kaiser und Abt, (FFC—42) и финских фольклористов, занимающихся систематическими обзорами всех вариантов того или другого сказочного сюжета, выяснением эволюции сюжета и его происхождения. Работа проф. Андреева была переведена проф. В. Андерсоном на немецкий язык и в 1924 г. напечатана в известной серии: „FF Communications" под № 54 „Die Legende von den zwei Erzsündern". Von N. P. Andreïev, Helsinki, 1924, 136 S. Работа посвящена сравнительному исследованию распространенного, главным образом, в русском и балканском фольклоре сказочно-легендарного сюжета о великом грешнике, искупившем свою вину тем, что убил другого еще большего грешника. Этим сюжетом занимался целый ряд русских исследователей, начиная с Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского, кончая работами проф. Н. К. Гудзия в 1915 г., ак. Е. Ф. Карского (1916 г.) и А. А. Назаревского (1919 г.). (А. А. Назаревский К истории русской народной сказки. Сказка о Рахе разбойнике, Киев, „Универс. Известия" 1919 г.). Основные выводы Н. П. Андреева следующие: 1) исследованная легенда известна в юго-восточной и восточной Европе и Передней Азии (на Кавказе и в Палестине); 2) известные нам варианты представлены в 4 различных редакциях: юго-славянской, двух украинских (одна из них специально галицийская) и великорусской; 3) первоначальной редакцией следует признать юго-славянскую; 4) родиной легенды нужно считать славянский Юг (именно Болгарию): возникновение предположительно можно отнести к XIV—XV вв. На Украине около XVII в. легенда под влиянием местных общественных условий (крепостное право) получила социальную окраску, осложнившись мотивами богоугодного убийства (убийство злого помещика или его управляющего). В Великороссии этот мотив пустил корни, но снова осложнился влиянием старообрядческих воззрений на табак; последнее могло произойти не ранее XVII в. В некоторых великорусских вариантах сюжет легенды сплетается с другим легендарным сюжетом о кровосмесителе. Наконец, в работе Н. П. Андреева освещается вопрос об источниках литературных обработок данной легенды („Кому на Руси жить хорошо" Некрасова, „Крестник" Л. Толстого, „Иуда-разбойник" Новикова, „Демир-Кайда" А. Куприна).

А. И. Никифоров, ученик В. Н. Перетца, темой исследования взял также сюжет, который был популярен как в русской пись-

менности, так и в устной традиции: Русские повести, легенды и поверья о картофеле, Казань, 1924 г., 86 стр. Оттиск из „Известий Общества Истории, Археологии и Этнографии при Казанском Университете", т. XXXII, в. I (см. резенцию ак. В. Н. Перетца в „Известиях Отд. Рус. Яз. и Сл. Рос. Академии Наук", 1922 г., т. XXXII, стр. 317—338).Автор привлек новые материалы и заново пересмотрел вопросы, уже разбиравшиеся ранее учеными, например, ак. В. Н. Перетцем (1902 г.) и А. А. Назаревским (1911 г.). Он, различая письменные повести, устные легенды и поверья (устные мотивы), устанавливает как взаимную связь, так и отношения к родственным сюжетам, например, к повестям о табаке. Письменные повести о картофеле—согласно анализу А И. Никифорова—имеют два вида: один производит картофель от трупа блудницы, второй—производит картофель от трупа грешного мужчины, представлены в 3-х редакциях, из которых одна (пространная) имеется в 5-х списках. Ак. В. Н. Перетц, в общем весьма одобрительно отозвавшись о труде А. Н. Никифорова, вместе с тем не согласился с предположением автора о противохлыстовских тенденциях второго вида повести, не согласился также с трактованием кратких изречений о картофеле, как источников повести, и предположил в свою очередь сам большее влияние письменной повествовательной литературы, чем это устанавливал А. И. Никифоров.

(Окончание в следующем номере).

РАБОТЫ ПО ПАЛЕОЭТНОЛОГИИ В СССР ЗА 1918—1925 ГОДЫ

Б. С. Жуков. (Москва.)

I.

Развернувшиеся у нас в послереволюционные годы исследовательские работы в области изучения доисторических культур, реорганизация музеев, развивающееся планомерное музейное строительство, широко развернувшееся краеведческое движение, равно как и введение преподавания палеоэтнологических знаний в высшую школу, дали уже к настоящему моменту настолько яркие результаты, что можно было бы, пожалуй, говорить о небывалых успехах русской палеоэтнологии, особенно в РСФСР. Однако, если эти успехи являются весьма конкретными по отношению к тому интересу к вопросам палеоэтнологии, который проявился в различных формах за последние годы не только в среде научных работников, но и в широких общественных кругах, а также по отношению к ряду недавних блестящих открытий, обогативших науку новыми фактами, а музеи—свежими и обильными материалами, то этого нельзя еще сказать по отношению к изданию оригинальных палеоэтнологических материалов, а также руководящих методологических работ, в котором лишь в 1925 г. наметился значительный сдвиг вперед. Те затруднения не только материального, но подчас и формального порядка, которые приходится преодолевать учреждениям и исследователям-палеоэтнологам как при организации раскопок или музейного развертывания, так и в отношении издания работ, являются в значительной степени связанными с кардинальными для нашей современности вопросами о завоевании у нас палеоэтнологией должного места в системе наук, об определении ее содержания и методов и о завоевании палеоэтнологией широкого общественного признания.

Изучение доисторических культур, окрепшее в значительной степени на фундаменте дилетантства, от которого оно, к сожалению, не вполне освободились еще и теперь, продолжает еще оставаться у нас в значительной степени втиснутым в формальные рамки искусствоведческой, достаточно ортодоксальной археологической концепции. Между тем это изучение несомненно могло бы дать за последние годы неизмеримо большие результаты при той же затрате интеллектуальной энергии и материальных средств в СССР, если бы отмеченные выше отрицательные факторы были у нас вполне изжиты.

Останавливаясь на этом положении, следует отметить, что постановка преподавания палеоэтнологии в высшей школе на био-этнологическом фундаменте и неуклонно развивающиеся в СССР возможности научного издательства и систематических полевых исследований дают основание считать дальнейшие пути к развитию палеоэтнологии в СССР открытыми.

II.

Подведение итогов палеоэтнологических работ на огромной территории Союза за послереволюционные годы является для рядового исследователя, при существовании большого неизданного материала и случайности изданного, почти невыполнимою задачей. Тем не менее необходимость некоторого суммирования произведенных работ совершенно очевидна, в виду, с одной стороны, значительных выявившихся результатов, а с другой стороны,—открывающихся широких перспектив будущего. Попытаемся очертить эти результаты в той совокупности, каковая намечается на основании данных, имеющихся в Антропологическом институте I МГУ, заранее учитывая неполноту этих данных. Эти данные могут быть пополнены дальнейшим развитием связей между отдельными областями нашей страны и Антропологическим Институтом, как одним из центральных исследовательских учреждений в Москве, в котором представлена палеоэтнология.

III.

Уже полуофициальный и достаточно односторонний обзор В. А. Городцова по археологическим раскопкам и разведкам в Советской России по 1923 г. [1]) отмечает успехи изучения палеолитических культур. Эти успехи, сильно возросшие за последнее двухлетие, связаны преимущественно с работами ленинградских палеоэтнологов, группирующихся около Этнологического отделения Российской Академии Истории Материальной Культуры и Этнографического отдела Русского Музея.

Дореволюционные исследования палеолита на российской территории прервались, как известно, в начале мировой войны после раскопок 1914—15 гг. Л. К. Чикаленко и В. Г. Крыжановского—Мезинской стоянки, раскопок Щербаковского — Гонцовской стоянки, на которых присутствовали, между прочими, В. А. Городцов, А. П. Павлов, Г. Ф. Мирчинк и другие, а также раскопок и обследований Р. Шмидта (R. Schmidt) и Л. Козловского—ряда пещер и гротов в центральной части Кавказа, в области между Кутаисом и Они, после безрезультатных исследований Р. Шмидта в Крыму и, наконец, после раскопок Ст. Круковского на Костенковской стоянке, при которых был найден, впервые на российской территории, фрагмент женской статуэтки из мергеля. Материалы не-

---

1) Журнал „Древний Мир", Москва, 1924 г., вып. I.

которых из этих работ постигли стихийные неудачи, связанные с войною, при чем некоторая часть колекционного материала, повидимому, погибла, а то, что уцелело, за исключением мезинских и гонцовских коллекций, сконцентрировано в настоящее время преимущественно в хранилищах Ленинграда и ждет своей обработки. В 1916 и последующих годах в Шаопанском уезде Кутаисской губернии вел исследования палеолита Ст. Круковский, подготовивший к печати работу об этих культурах. Рукопись Ст. Круковского, насколько нам известно, находится в портфеле Грузинского музея в Тифлисе и является до сих пор неопубликованною.

Новейшие изыскания по палеолиту начались около 1920 годов главным образом рекогносцировочными работами украинского исследователя Щербаковского в Полтавщине, С. Н. Замятнина в районе Костенок, Г. А. Бонч-Осмоловского в Крыму и австрийского геолога Мерхардта (Merhardt) а впоследствии—группы сибирских молодых исследователей, а также С. А. Теплоухова и Б. Э. Петри в районах Иркутска и Красноярска. Вслед за этими обследованиями был проведен ряд систематическах раскопок, из которых наиболее значительными были работы П. П. Ефименка и С. Н. Замятнина в районе села Костенок в 1923 г., П. П. Ефименка там же в 1925 г., Г. А. Бонч-Осмоловского в Крыму, в пещере Кийк-Коба (в долине р. Зуи близ селения Кипчак к востоку от Симферополя), в 1924—25 гг. и раскопки Г. Н. Сосновского, Н. К. Ауэрбаха и В. И. Громова в районе Афонтовой горы близ Красноярска, предпринятые после исследований Г. Мерхардта, начатые в 1923 г. и продолжавшиеся в 1924—25 гг., а также раскопки последних годов С. А. Теплоухова в районе с. Батеней Минусинского края.

Отмеченные раскопки, вместе с развернувшимися рекогносцировочными работами в бассейнах Днепра, Дона, в Крыму, в Кубанской области, в горном Кавказе и в Сибири, не только обогатили мировую науку открытием нижне-палеолитических культур, существование которых на российской территории лишь подозревалось, открытием скелетных остатков захороненного неандерталоида в Кийк-Коба, не только дали ряд богатых верхне-палеолитических комплексов в районе Костенок с находкою женской статуэтки из бивня мамонта, не только дали открытие скелетных остатков человека типа Homo sapiens и расшифровку палеолита Афонтовой горы,—но наметили также пути к установлению, на основе точных стратиграфических, фаунистических данных и на основе морфологического анализа форм орудий, культурных комплексов палеолита на территории Восточной Европы, пути к хронологической расшифровке этих комплексов и их сопоставлению с западно- и средне-европейскими палеолитическими стоянками. Первая, основанная на детальной проработке большого фактического и коллекционного материала, попытка в этом направлении сделана, насколько нам известно, П. П. Ефименком в работе, выходящей в ближайшем времени из печати.

В результате произведенных работ мы имеем в настоящее время установленным существование ранне-палеолитических культур на Донце (при впадении р. Деркула, по изысканиям П. П. Ефименка), в Крыму и в Предкавказьи, где туманные старые указания де-Бая по отношению к окрестностям ст. Ильской в Кубанской области были повидимому, подтверждены рекогносцировкою С. Н. Замятнина в 1925 г. При этом раскопки в Кийк-Коба, по определению Г. А. Бонч-Осмоловского [1]), обнаружили два культурных ранне-палеолитических наслоения, различаемых по стратиграфии, по анализу кремневых поделок и сопровождающих их остатков фауны, а также и по другим признакам. Существование в пещере Кийк-Коба двух раздельных палеолитических слоев было подтверждено, в процессе раскопок, В. В. Бунаком и мною при посещении пещеры летом 1925 г. специальной экспертной комиссией, организованной по инициативе Антропологического института I МГУ Музейным Отделом Главнауки. Орудия нижнего слоя, к которому исследователь относит также и найденные скелетные остатки ног захороненного человека, по предварительному анализу, сопоставляются Г. А. Бонч-Осмоловским с до-мустьерской „аморфной" индустрией некоторых западно-европейских стоянок, а орудия верхнего палеолитического слоя—с индустрией типа Ла-Микок. Таким образом, кийк-кобинские работы выдвигают ряд проблем, связанных с ранне-палеолитическим человеком Европы и его культурою, в аспекте совершенно новых фактических данных.

В отношении верхнего или позднего палеолита мы имеем в настоящее время достаточно богатый и четко охарактеризованный планомерными раскопками материал для установления характерных особенностей последовательных культур Восточной Европы и подобные же материалы по культурам Енисейско-Ангарского края, которые, вместе со старыми богатыми коллекциями И. Т. Савинкова, хранящимися в музее Академии Наук, являются отправными для выявления своеобразного сибирского палеолита.

Нужно надеяться, что важнейшие, по своей связи через вопросы о древнейших человеческих расах и древнейших миграциях человечества по Старому Свету с проблемами антропогенеза, работы по палеолиту найдут себе должную оценку и поддержку со стороны высших государственных органов, а их продолжение и расширение будет признано актуальной плановой государственной научной задачей.

IV.

Исследования каменных пост-палеолитических культур русскими палеоэтнологами проходили в последние годы в значительной степени под знаменем кардинального пересмотра нашей системы общей и частной палеоэтнологической методологии.

---

[1]) По докладам Г. А. Бонч-Осмоловского в Антропологическом научно-исслед. ин-те I МГУ в 1925 г.

Те глубокие различия, которые характеризуют районные и, очевидно, хронологические особенности отдельных культур до-неолитического (мезолитического) и неолитического облика на территории нашей страны, потребовали, при их этнологической проработке, также и коренного пересмотра вопросов, связанных с нашим неолитом, и, в частности, наметили установление возможной релятивно-хронологической базы, основанной на достижениях современного изучения смены геологических, климатических и других изменений в областях Балтики скандинавскими натуралистами [1]). Такая база, как известно, в значительной степени проработана в настоящее время скандинавскими и польскими палеоэтнологами вплоть до времен раннего железа, и она может быть принципиально сопоставлена с аналогичной базой, принятою для палеолита, с которой она хронологически непосредственно смыкается.

С другой стороны, в виду крайней скудости у нас достоверного фактического материала по систематически раскопанным неолитическим памятникам, актуальными задачами в области изучения мезо- и неолита остаются накопление новых достоверных материалов и углубление изысканий по соответствующим стоянкам и районным культурам, между прочим, в сторону возможно более полной связи этих изысканий с изучением синхроничной среды и изучением истории местного ландшафта.

V.

Работа по сравнительно-морфологическому изучению элементов культур до-неолитического (мезолитического) облика была, как известно, предпринята П. П. Ефименком еще в дореволюционные годы по памятникам с макролитами Новгородо-Тверской области [2]). В последние годы подверглись изучению также и материалы по культурам микролитов, причем полевые изыскания соответствующих стоянок и сборы подъемного материала были предприняты в 1920-х годах А. С. Федоровским в Харьковской области, Н. В. Сибилевым — по рр. Донцу и Осколу в Изюмском районе, П. П. Ефименком — по Донцу, А. С. Моисеевым и Г. А. Бонч-Осмоловским — в Крыму, В. В. Гольмстен — в Самарской области, а также и другими исследователями на территориях Европейской России и в Сибири.

Первая сводная работа по восточно-европейским микролитам напечатана П. П. Ефименком в номере „Русского Антропологического Журнала“, посвященном памяти Д. Н. Анучина [3]).

---

[1]) См. об этом в моей работе о древнейших насельниках Прибалтики — „Русский Атропологический журнал“, т. XIII, вып. 3—4, 1924 г.

[2]) „Русский Антропологический Журнал“, кн. XXXVII—XXXVIII, 1916 г.

[3]) „Русский Антропологический Журнал“, т. XIII, вып. 3—4, 1924 г.

VI.

Новейшие систематические изыскания в области изучения собственно неолитических культур преимущественно Центральной России производились, главным образом, московскими исследователями, при чем соответствующие полевые исследования, предпринятые школой Д. Н. Анучина, начались раскопками Б. С. Жукова под Балахною в Нижегородской губернии (Горшихинская и Балахнинская стоянки) еще в 1916—17 гг., а затем были, после трехлетнего перерыва, развернуты в комплексном разрезе изучения культуры и среды кафедрой антропологии, а впоследствии Антропологическим институтом I МГУ при участии и поддержке Областного музея Московского края и других учреждений Москвы и провинции. В числе этих работ значатся раскопки под руководством Б. А. Куфтина в 1920—21 и 1924 гг. двух стоянок на озере Святом в Егорьевском уезде, ныне Московской губернии, а также изыскания и раскопки ряда стоянок неолита и энеолита под руководством Б. С. Жукова под Москвою с 1923 по 1925 г. (Льяловская стоянка в верховьях Клязьмы) [1]), в Нижегородской губ. (Балахнинская стоянка в 1923 г., Большие Казинские стоянки близ Балахны и стоянка „Паново городище" в Ветлужском уезде в 1925 г.) и в Муромском уезде Владимирской губ. (Поздняковская стоянка в 1925 г.).

Из других раскопок отмечаются раскопки сотрудников В. А. Городцова под его руководством богатой Панфиловской стоянки близ Мурома в 1924 г., под руководством А. Я. Брюсова двух стоянок у Чухломского озера в Костромской губ. в 1925 г. раскопки стоянки энеолитического облика у Подборного в Касимовском уезде Н. И. Лебедевой и Б. А. Куфтина, а также изыскания и раскопки В. И. Смирнова в Костромской губ. стоянки Борань, В. В. Гольмстен в Самарском крае, и другие.

Изучение неолитических культур Европейской России путем рекогносцировок и сбора подъемного материала было осуществлено многими краеведческими обществами, музеями и отдельными любителями в ряде областей и районов. Не нося в большинстве своем характера крупных или систематических исследований, эти работы, равно как и многие краеведческие изыскания в области культур металла, дали значительное число ориентирующих данных и пополнили местные музеи более или менее богатыми коллекционными материалами.

В Сибири неолитические памятники обследовались и изучались преимущественно в районах Енисея и Ангары, где в результате рекогносцировочных работ Б. Э. Петри, П. П. Хороших, Г. П. Сосновского и С. А. Теплоухова, М. П. Грязнова и других было открыто значительное число стоянок с инвентарем неолитического облика.

---

[1]) Опубликована в „Трудах" Антропологического научно-исследовательского института I МГУ, т. I (приложение к „Русс. Антр. Жур.", т. XVI, вып. 1—2, 1925 г.)

Суммируя результаты произведенных работ по культурам с более или менее характерным неолитическим инвентарем каменных орудий и керамики, следует отметить, что эти исследования, выявившие достаточно четкие культурно-бытовые черты отдельных стоянок, поставили во всей широте, кроме отмеченных выше проблем, также вопросы о первичном заселении Северной Европы, проблемы древнейших этнических группировок и их взаимоотношений на ее территории, а также вопросы о пережиточных культурах неолита, о роли и влиянии культур бронзы в соответствующих районах и многие другие. В частности в области Волго-Окского междуречья и соседних ей они снова поставили на рассмотрение нашей наукой вопросы о взаимоотношениях неолитических культур соответствующих стоянок с культурой Фатьяновскою, по которой, к сожалению, не исследовано за последние годы новых памятников, а также с культурами древнейших окских, верхне-волжских и прикамских городищ.

Можно, таким образом, надеяться, что дальнейшие монографические изыскания по неолиту на советской территори, связанные с углубленными исследованиями среды и изучением территориальных и хронологических особенностей культур камня, приблизят русских палеоэтнологов к разрешению этих отмеченных нами проблем.

VII.

Особое внимание западных и русских палеоэтнологов в цикле современных проблем доистории Восточной Европы привлекает к себе вопрос о культурах крашеной керамики, распространенных по территории от Балкан до среднего Днепра и захватывающих на западе Галицию; днепровскою группою этого культурного круга является, как известно, культура Трипольская. Будучи довольно широко освещенными в настоящее время западными авторами, будучи нередко рассматриваемыми в качестве пра-микенских и связываемыми с проблемами миграций южных индоевропейских народов, группы этого культурного круга должны быть подвергнуты систематическому исследованию нашей наукой как на юго-западных территориях нашей страны, так и в областях закаспийских. Действительно, керамические фрагменты соответствующих типов были сравнительно недавно подняты Пёмпелли в Анау, а в настоящее время их существование констатировано не только в закаспийских районах, но также и в Месопотамии, Афганистане и Китае. Насколько нам известно, новые раскопки Трипольской культуры были произведены в последние годы рядом украинских исследователей, при чем были также проработаны соответствующие коллекции Киевского музея. На Украине по вопросам Трипольской культуры работали В. Е. Данилевич, Динцес и другие [1]).

[1]) О палеоэтнологических работах на Украине за 1925 г. см. в „Коротке звидомлення за археологічні досліді 1925“ М. Рудинского, издание Украинской Академии Наук, Киев, 1926.

VIII.

Последним этапом в изучении культур бронзовой эпохи на нашей территории в довоенные годы может считаться появление исследования В. А. Городцова о культурах бронзовой эпохи средней России [1]), подводящего итоги добытых данных по раскопкам некоторых культур соответствующих районов и дополняющего блестящие работы того же автора по курганным памятникам бронзовой эпохи в Изюмском и Бахмутском районах. В последние годы раскопки соответствующих памятников были произведены разными исследователями и охватили не только центральные, но также и восточные области европейской черноземно-степной полосы. Наиболее крупные исследования по этим памятникам были произведены в течение последних лет П. С. Рыковым и его учениками в Саратовском крае и Приуралье, а в 1925 г. также и В. А. Городцовым и его учениками в Ульяновской губ. Материалы последних раскопок поступили в Российский Исторический музей. В 1924—25 гг. исследовались памятники бронзовой эпохи в районе Перми А. В. Шмидтом.

Значительный интерес представляют коллекции, добытые раскопками В. И. Смирнова и Л. Н. Казаринова в 1921—22 гг. и В. А. Городцова в 1924 г. на „Заячьих Горах" близ гор. Галича, известных по находке „Галичского клада". Здесь были обнаружены следы обитания доисторического населения, со своеобразною керамикою, имеющей сходство с керамикой гребенчатою, и с инвентарем орудий как каменных, так и медно-бронзовых и даже железных [2]), синхроничность которых, однако, должна быть еще доказана. Значительные результаты дали также раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского в Крыму близ Бахчисарая и в предгорьях Яйлы, где был исследован ряд памятников своеобразной культуры, прослеженной в погребениях в каменных ящичных гробницах и на площадках некоторых полупещер.

В цикле новейших исследований бронзовых культур Европейской России должен быть отмечен также ряд вышедших за последнее время обзорных и монографических работ финляндского палеоэтнолога А. М. Таллькрена (Tallgren) в виде нескольких журнальных статей, а также опубликование описания Заусайловской коллекции по памятникам преимущественно Прикамья и Приуралья. Насколько нам известно, в настоящее время издается А. М. Таллькреном подобное же описание материалов по бронзе Юга России, являющееся результатом работ названного автора по музейным объектам летом 1925 года.

В Сибири, в классическом районе сибирской бронзы—Минусинском крае—систематические и планомерные изыскания последних лет

---

[1]) Отчет Российского Исторического музея за 1914 г.

[2]) „Древний Мир" № 1, 1924 г., стр. 14.

С. А. Теплоухова позволили автору выделить среди последовательных культур металла комплексы с инвентарем бронзовых орудий [1]). К подобной же возможности выделения последовательных комплексов бронзы и железа приводят, повидимому, результаты раскопок последних лет С. И. Руденка в районах восточного и западного Алтая. Если добавить к этим отмеченным работам другие более мелкие раскопки памятников многообразных сибирских культур бронзы, произведенные другими исследователями, можно констатировать, что вскрытые рукою современных палеоэтнологов курганные насыпи Сибири, давая проработанный in situ палеоэтнологический материал, должны не только в значительной степени осветить добытые ранее коллекции, но и внести ряд новых страниц в систему наших знаний о сибирских бронзовых культурах.

Таким образом, к настоящему времени мы имеем для бронзовой эпохи значительной части советской территории ряд намечающихся контуров, выявляющих культурные группы и очерчивающих хронологические и территориальные границы отдельных культур. Эти контуры не всегда равноценны по своему методологическому обоснованию и не захватывают всей совокупности известного к настоящему времени материала. Тем не менее они имеют достаточно ясное содержание для того, чтобы считать их ориентирующими при систематическом исследовании наших бронзовых культур, каковое является актуальною задачей современной науки.

Следует вместе с тем констатировать, что в цикле дальнейших работ по памятникам с погребениями должен быть в обязательной мере учтен скелетный материал этих памятников, каковой нередко совершенно или частично игнорируется в процессе раскопок, в результате чего, в лучшем случае, при раскопках изъемлются лишь черепа. Нужно надеяться, что такое легкомысленное отношение к памятникам доистории, которое может считаться результатом непонимания неотъемлемости элемента культуры от ее носителя, несомненно, будет изжито при дальнейшем развитии палеоэтнологических знаний. Совершенно очевидно, что отрыв скелета от объекта культуры, равно как и от объекта, характеризующего среду, принципиально недопустим также и в разрезе музейного хранения и экспозиции, по поводу чего мы надеемся иметь случай высказаться более полно в будущем.

IX.

Новейшие крупные раскопки по культурам селищ и городищ Восточной Европы захватили московско-окскую, верхне-днепровскую, прикамскую и нижне-донскую группы этих культур. Из исследований по первой группе должны быть отмечены раскопки В. А. Городцова и его учеников Огубского городища в Калужской губернии, при ко-

---

[1]) Работа С. А. Теплоухова о культурах Минусинского края печатается в III томе „Материалов по этнографии“ Русского музея в Ленинграде.

торых были прослежены характерные бытовые черты, раскопки в 1923—25 гг. Б. А. Куфтина на Синьковом городище в Дмитровском уезде Московской губ., давшие богатый и своеобразный комплекс находок „Дьякова типа", раскопки Д. Н. Эдинга в районе Ростова (Ярославского), раскопки П. П. Ефименка на городище у Выш-города Рязанской губернии в 1920 г., обнаружившие нижний культурный слой „Дьякова типа" и верхний с керамикой финских могильников, а также раскопки В. А. Городцова в Каширском районе в 1925 г.

Эти работы, наряду с другими, более мелкими, следует рассматривать как начало нового, более или менее систематического изучения этих интересных памятников, в огромном своем большинстве еще не тронутых лопатою исследователя.

По верхне-днепровской группе, преимущественно в пределах Смоленской губернии, вел работы А. М. Лавданский, обследовавший несколько десятков городищ и селищ, частью вновь открытых. На некоторых из этих памятников А. М. Лавданским были поставлены раскопки. Монография по этим работам подготовляется к изданию.

По камской группе подверглись систематическому обследованию и раскопкам ряд городищ, частью впервые открытых по течению р. Ветлуге, от с. Рождественского до ее устья (городища Троицкое, Одоевское, Спасское, Чортово, Богородское и Русенихинское), экспедицией 1925 г. Антропологического института I МГУ под общим руководством Б. С. Жукова. Углубив и расширив старые работы по ветлужским городищам Нефедова, Каменского, Поливанова, Бекаревича и других, эти раскопки дали ряд комплексов, различаемых стратиграфически, а также по характеру орудий, керамики и по составу фауны, что, несомненно, позволит заново очертить хронологически последовательные изменения в культуре их доисторических обитателей и осветить этими данными культуры городищ Прикамья. Найденные материалы поступили в Нижегородский Историко-бытовой музей.

Выдающийся интерес представляют раскопки А. А. Миллера на Кобяковом городище близ станицы Аксайской у Ростова-на-Дону, начатые в 1923 г. и продолжавшиеся в последующие годы. На этом богатом находками городище открыта свита культурных слоев, общею мощностью до 8 *м*, охватывающая культуры от неолита до византийских времен. В связи с развернувшимися здесь работами, А. А. Миллером и его сотрудниками по Северо-Кавказской экспедиции Российской Академии Истории Материальной Культуры было обследовано несколько, сходных с Кобяковым, городищ по нижнему Дону, а также около 10 городищ первых веков нашей эры по р. Кубани в районе от станицы Усть-Лабинской до Краснодара.

Таким образом, в отношении задач, поставленных исследователями, изучавшими городища за последние годы, следует отметить, во-первых, более или менее точное исследование их со стороны стра-

тиграфии культурных напластований и, во-вторых, постановку систематического порайонного их изучения, что может считаться исходными вехами в изучении этих слабо освещенных наукою памятников.

X.

Раскопки других памятников железной эпохи и, в их числе, тех, которые связываются с теми или иными племенными культурами, широко раскинулись по территории нашего Союза, захватили ряд впервые открытых памятников и были проведены как многими научными специалистами, так и любителями; поэтому даже краткая характеристика, исчерпывающая эти работы, в рамках настоящей статьи не представляется возможною.

Из наиболее значительных исследований, ограниченных на сравнительно небольшой территории и на сравнительно однородных группах памятников Европейской России, отмечаются раскопки славяно-русских курганов в Московской губ., произведенные в течение ряда последних лет учениками В. А. Городцова, Антропологическим институтом I МГУ и Областным музеем Московского края, а также и другими лицами. В своей совокупности эти исследования внесли ряд ориентирующих данных в один из больших и наиболее темных вопросов нашей палеоэтнологии,—вопрос о славянских подмосковных культурах. К сожалению, не все эти работы наполнили нашу науку новыми датированными материалами по скелетным остаткам славян. Найденные предметы сконцентрированы в Российском Историческом и Областном музеях, в Москве.

Систематические работы по исследованию рязанских финских могильников были произведены в 1920 г. П. П. Ефименком, вскрывшим ряд погребений с характерным инвентарем у Гавердова, а также значительное число погребений на Шатрищенском могильнике у Старой Рязани. Эти работы явились звеном в проводящихся в последние годы изысканиях П. П. Ефименка по финским культурам, которые начали изучаться, впервые в русской науке, в разрезе сочетания анализа материала из раскопок с этнологическим анализом современных финнов. В том же разрезе были проведены небольшие раскопки Б. А. Куфтина курганов с финскими предметами в Касимовском уезде Рязанской губ. и раскопки Б. С. Жукова на Большепольском марийском могильнике XVII—XVIII вв. в нижнем Поветлужьи в 1925 г., давшие богатый и прекрасно сохранившийся материал. Эти раскопки были проведены в связи с задачами волго-финской экспедиции Центрального музея Народоведения в Москве, который вступает этими раскопками на путь сочетания в своих плановых исследованиях, а также и в музейной экспозиции, материалов палеоэтнологических и этнографических, имея в качестве первых подобных материалов камчатско-алеутские коллекции из известной экспедиции В. И. Иохельсона, поступившие в свое время в Румянцевский музей.

Значительные по количеству вскрытых погребений раскопки на

финском Барбашинском могильнике в окрестностях г. Самары были произведены в 1920-х годах А. С. Башкировым.

По татарским памятникам в разрезе археологической концепции большие раскопки были произведены в Поволжье в начале 1920-х годов Ф. В. Баллодом на местах развалин древних городских поселений в Саратовском крае. Результаты этих работ опубликованы в двух монографиях названного автора [1]). Подобные же работы были произведены по старо-татарским памятникам XIII — XIV вв. в Солхаш, в Крыму, экспедицией 1925 г. под руководством И. Н. Бороздина.

Ряд кочевнических курганов был раскопан в черноземных районах разными лицами, равно как и ряд памятников древне-сарматской группы, по которым наиболее крупные исследования были произведены П. С. Рыковым в Саратовском крае.

Раскопанный П. С Рыковым и его учениками могильник близ с. Сусел (Герцога) в Республике Немцев Поволжья дал возможность исследователю выделить среди свыше 60 раскопанных им курганов 7 групп памятников, различаемых по типам погребений. Описание материалов Сусловского могильника со многими рисунками, а также дневником раскопок, опубликованы в издании Нижневолжского областного научного общества краеведения при Саратовском Государственном Университете [2]).

На Кавказе исследовались осетинские могильники А. А. Миллером, а в ряде пунктов Дагестана, Чечни, Абхазии и других районов производил раскопки А. С. Башкиров.

По Сибири, к отмеченным уже выше работам по культурам металлов С. А. Теплоухова в Минусинском крае и С. И. Руденка в Бийском районе, следует добавить крайне интересные в этнологическом отношении раскопки П. П. Хороших в районе Иркутска, захватившие некоторые совершенно еще не изученные древние культуры железа, а также работы Б. Э. Петри и других лиц. Имеются сведения о предпринятых раскопках различных культур на Дальнем Востоке, и, наконец, должны быть отмечены едва ли не наиболее широко обставленные из всех палеоэтнологических работ в СССР раскопки экспедиции Козлова и продолжателей его палеоэтнологичееских работ С. А. Теплоухова и Г. А. Боровка величественных курганных гробниц железной эпохи Монголии.

Результаты отмеченных вкратце работ по культурам железа, в силу их многочисленности и, в значительной степени, неизданности, еще не могут быть охарактеризованы. Тем не менее, возможно остановиться на двух моментах, выявляющихся из сказанного. Можно,

---

[1]) Баллод Ф. В. „Приволжские Помпеи“, Москва, 1923 г. ГИЗ.
Он же. „Старый и новый Сарай“, Казань, 1924 г.

[2]) П. С. Рыков, „Сусловский курганный могильник“, Саратов, 1925 г.

во-первых, констатировать, что палеоэтнологические работы вышли за последние годы далеко из границ тех территорий, на которых они проводились в довоенные годы, и захватили впервые некоторые районы и культуры. Второй основной момент в развернувшихся работах— это более или менее четкий захват ими вопросов этнологического изучения отдельных культурно-племенных типов с тенденцией сочетать освещение материалов современной действительности и ископаемого как в процессе полевой работы, так и в музейном хранении и экспозиции. Тот путь, на который встали оба наши большие центральные Этнографические музеи (Этнографический отдел Русского музея в Ленинграде, имеющий подотдел палеоэтнографии, и Музей Народоведения в Москве), а также и некоторые другие музеи, те методы изучения материала, которыми пользуются все чаще и шире исследователи, принципиально не новы этнологам. Однако, они получили права гражданства в нашей науке лишь в самые последние годы. Пройдя в музеях через восприятие широких научных кругов и широких учащихся масс, они должны стимулировать дальнейшее интенсивное развитие этнологических методов и палеоэтнологических знаний в Советской России и явиться залогом будущих новых успехов нашей науки.

XI.

Наш краткий обзор был бы неполным, если бы мы не остановились в заключение на той большой и кропотливой работе обзорного и учетного характера, каковая выполнена в настоящее время в краевом разрезе по целому ряду областей и районов нашей страны. Имея в виду предстоящее развитие палеоэтнологических изысканий в районном разрезе по принципиально-методологическим обоснованиям и на основе реальных возможностей, открывающихся для местных работников, важно отметить, что такие работы в виде обзоров, материалов для палеоэтнологических карт и т. д., правда, основанные, главным образом, на опросных и литературных, иногда мало достоверных или устаревших, данных, имеются в настоящее время по ряду губерний и уездов как в напечатанном, так и в рукописном виде. Многие из этих работ принадлежат перу больших специалистов, как, например, маститому А. А. Спицыну, составившему обзоры памятников губерний Вятской, Вологодской, Тверской, Пензенской, Ленинградской и Иваново-Вознесенской, другие составлены большими знатоками своего края, работниками местных краеведческих организаций.

Совершенно очевидно, что эти произведенные работы являются первоначальной стадией систематической работы по районному изучению доисторических культур. Они должны быть всемерно учтены как ориентирующие, при организации краеведческих обследований и описаний памятников in situ, а также при составлении палеоэтнологических каталогов по районам. Указанные краеведческие

рекогносцировки и обследования, описания и каталогизация, нужно рассматривать как вторую стадию изучения памятников, предшествующую раскопкам и широко доступную для краеведов при надлежащей методологической установке, каковая, в частности, разрабатывается краеведческой комиссией при Антропологическом институте I МГУ. Вместе с тем, актуальность таких работ настолько очевидна, что не нуждается в аргументации, и их широкую постановку можно выдвинуть как одну из важнейших очередных задач современной палеоэтнологии в СССР.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКИХ МУЗЫКАНТОВ-ЭТНОГРАФОВ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 8 ЛЕТ.

Вяч. Пасхалов (Москва).

Отвечая на запрос редакции журнала „Этнография", я должен сразу оговориться, что могу дать сведения только о своей личной деятельности и о работе тех ближайших моих товарищей, с которыми я не потерял связи в послереволюционное время. О достижениях же тех лиц, с которыми эта деловая связь прекратилась, я по условиям настоящего времени не могу дать сколько-нибудь исчерпывающей информации. Колоссальная разобщенность научных сил нашего Союза общеизвестна. Только случайно, из частного письма, из беглой журнальной или газетной заметки, удается узнать о работе и достижениях той или иной музыкально-этнографической организации. Приходится убеждаться при этом, что усилия работающих на периферии этнографов направлены, главным образом, на удовлетворение местных, а не всесоюзных нужд, и, что, даже при наличии у некоторых краеведческих административных органов так называемых перспективных планов и смет, задачи музыкальной этнографии в двух соседних областях понимаются по-разному.

Взгляды и принципы московских музыкантов-этнографов достаточно известны по результатам деятельности московской Музыкально-этнографической комиссии Общества Любителей Естествознания. Часть этой организации в 1921 г. вошла в состав ГИМН'а, в качестве Этнографической секции этого института. Согласно традициям всех научных обществ, президиум секции принимает все меры к объединению наличных научных сил и популяризации научных достижений. Что эти традиции вполне жизненны и не противоречат требованиям послереволюционного культурного строительства, доказывается тем, что президиуму удалось привлечь для многогранной работы в секции группу добровольцев, или не получающих вознаграждения за свой продуктивный научный труд, или получающих его в самом минимальном размере.

Общая программа деятельности Этнографической секции ГИМН'а состоит из семи основных отделов: 1) собирание народных мелодий, 2) теоретическое изучение образцов народного музыкального творчества, 3) художественная пропаганда народных песен (музыкальная обработка и концерты), 4) издательская деятельность, 5) педагогика,

6) научно-техническая работа (фонографирование и расшифровка песен), 7) организационная работа.

Несмотря на то, что за отсутствием регулярных средств на экспедиции секция не могла организовать планомерного собирания музыкально-этнографических материалов на местах, тем не менее даже при стационарном способе собирания, выразившемся в записи песен от приезжих народных певцов, удалось собрать коллекцию фонограмм уникарного характера, из песен преимущественно восточных народностей, съехавшихся в 1923 г. с отдаленнейших концов Союза в Москву на всесоюзную выставку. Кроме того, в коллекцию вошли песни едва ли не последнего былинного сказителя Широкого и несомненно последних представителей искусства рожечников. Весь этот материал зафиксирован на 99 валиках, которые и хранятся в фонотеке ГИМН'а. Восточный отдел этой небольшой фонотеки состоит из мелодий, исполняемых на башкирском курае, песен узбекских, песен туркестанских киргизов, песен киргизов Семипалатинской области и других восточных народностей Союза.

Для правильности освещении собирательской работы Этнографической секции ГИМН'а необходима оговорка, что за все время существования секции, т.-е. с 1921 по 1925 г., состоялось с разрешения и на средства Главнауки только две экспедиции: 1) в Бронницкий уезд Московской губ. и 2) в Крым. Результатом первой экспедиции оказалась коллекция великорусских обрядовых песен, записанных фонографом членом секции артисткою Гостеатров А. О. Третьяковой, всего 15 валиков, вторая экспедиция дала 29 валиков с записями 138 песен народностей Крыма. Эмиссаром был певец-этнограф член секции А. К. Кончевский.

Кроме того, в распоряжение секции нередко предоставляются записи, сделанные отдельными ее членами по собственной инициативе. Так, член-корреспондент С. А. Кондратьев прислал несколько монгольских песен, записанных им в 1923 г. в Урге. А. Кончевский передал секции 40 песен, записанных им еще в 1917 г. в Крыму (песни эти в настоящее время изданы). Вот, собственно, и все результаты организованной работы секции в области собирания народных напевов. Успехи в этой области тех ее членов, которые смотрят на записывание народных напевов, как на свое личное дело, становятся известными всему нашему коллективу только с момента опубликования их сборников, или тогда, когда часть их коллекций демонстрируется ими на заседаниях секции. Произвести точный итог работы собирателей этого типа нет возможности за незнанием всего материала, хранящегося в их портфелях.

Из числа членов, сепаратно работавших над собиранием песен в разных местах Союза, особую энергию проявили: В. А. Успенский (член-корреспондент), издавший на средства Бухарской республики 6 музыкальных поэм (маком), записанных им в Бухаре (издание Народ. Назарата Просвещения 1924 г. под редакцией Фитрата и Н. Н. Миронова), и А. В. Затаевич, собирательский труд

которого ознаменовался крупным вкладом в музыкально-этнографическую литературу в виде сборника под заглавием: „1000 песен киргизского народа“ (напевы и мелодии), Киргиз. Госиздат, Оренбург, 1925 г.

К собирательской работе членов секции относится и все то, что сделано ими за истекшее восьмилетие (1917—1925 гг.) в области фонографирования народных напевов. В Москве в данный момент находятся три оборудованных фонотеки: 1) покойной Е. Э. Линевой с записями песен великорусских и украинских, 432 валика, 2) музей имени М. Е. Пятницкого (400 валиков), с записями песен Воронежской и Рязанской губерний, и 3) вышеупомянутая коллекция ГИМН'а. Из этих трех собраний второе пополнено фонограммами с записями, сделанными М. Пятницким в Воронежской губернии во время летних поездок 1920 и 1925 гг.; всего прибавилось 55 валиков [1]).

Исследовательская деятельность Этнографической секции выразилась в большом количестве научных докладов, прочитанных членами секции на еженедельных регулярных ее заседаниях. Большая часть этих докладов посвящена характеристике музыкального склада песен различных народностей. Орбита теоретических наблюдений охватывает колоссальную территорию. Великорусская народная музыка, творчество народов Волжско-Камского края, Советский Восток (узбеки, киргизы, народности Крыма)—были предметом музыкально-этнографического обследования.

Великорусскими песнями были заняты А. Кастальский и А. Никольский, музыку народностей Волжско-Камского края изучал Я. Прохоров, узбеки и киргизы нашли исследователей в лице Н. Н. Миронова и А. В. Затаевича, Крымский Восток анализировал с музыкальной стороны В. Пасхалов. Таким образом, сама жизнь выдвигает спецов по отдельным отраслям музыкальной этнографии Союза. К числу таких спецов следует отнести еще С. Л. Толстого, посвятившего себя изучению западного фольклора, С. А. Кондратьева, избравшего своей специальностью монгольскую народную музыку, и Я. А. Богатенко, знатока духовных стихов и псальм.

Перечислю некоторые работы, особенно характерные для их авторов и любопытные в смысле проблем, которым эти работы посвящены:

Кастальский А., Особенности народно-русской музыкальной системы. Никольский А., Теория русской народной песни. Третьякова А., О методе воспроизведения русского обрядового пения

---

1) В виде добавления я могу еще упомянуть о фонографических коллекциях, находящихся в настоящее время вне досягаемости ГИМН'а, но в течение отчетного периода собранных лицами, принадлежащими к семье московских этнографов. У Н. Ф. Яковлева имеются записи кавказских песен (40 валиков), у О. В. Ковалевой—фонограммы русских песен Саратовской губ. (42 валика), у Е. Д. Денисовой—80 валиков с русскими песнями, записанными во время поездки на Алтай, и у О. Э. Озаровской—записи песен Архангельской губ. (50 валиков).

силами интеллигентных артистов. Богатенко Я., Напевы народных стихов и псальм. Прохоров Я., О музыке казанских татар и мещеряков. Толстой С., О пентатонной системе в народных песнях. Миронов Н., О музыке народов Туркестана. Пасхалов В., О персидских песнях, записанных в Тегеране в конце истекшего столетия. Кончевский А., О народных музыкальных инструментах Крыма. Конюс Г., Метротектонический анализ песен различных народностей. Успенский А., О хорезмийском нотном письме. Лебедева Е., Об архиве фонограмм при Венской Академии Наук (по немецким источникам). Зимин П., Фонографическая запись по методу Пате и ее применение для музыкально-научных исследований.

Объединяющим все эти работы методологическим приемом является тщательное выяснение звукорядов, на которых базируются песни тех или иных народностей.

Что касается лично моей исследовательской деятельности, то в основу ее положена идея, что так называемый народно-музыкальный примитив не есть явление эмбрионального порядка, что народная песня представляет собой законченную миниатюру, обладающую всеми функциями художественного музыкального организма (мелодия, гармония, ритм, форма). Усилия мои направлены к выяснению основных признаков музыкального стиля каждой данной народности, путем анализа музыкальной структуры возможно большего количества песен. В последнее время при анализе форм народных песен я применяю метротектонический метод проф. Г. Э. Конюса. В число своих научных заданий я включаю анализ произведений культурной музыки, отражающих народный стиль, с целью наглядно показать, в чем состоит это отражение. До сих пор удалось это сделать по отношению к Шопену, путем сопоставления „функций“ польских народных песен с композиторскими приемами Шопена [1]).

Теоретические работы членов Этнографической секции ГИМН'а ждут опубликования. В 1924 г. удалось издать сборник „Песни Крыма“, куда вошло 25 песен, записанных А. Кончевским и гармонизированных М. А. Ставицким и мною, к сборнику приложена моя статья Музыкальная структура песен Крыма; в 1925 г. вышла 2-я часть сборника „Песни Востока“ (16 №№) при участии тех же лиц. В эту часть вошли напевы восточных народностей, осевших в Крыму. Помещенный в этой книжке теоретический анализ песен Востока принадлежит мне.

В текущем году ассигнованы некоторые средства на издание „Трудов ГИМН'а“, и потому является надежда поместить там (в первой половине года) несколько статей членов Этнографической секции: С. Толстого—Прокунин и Лопатин (очерки жизни и деятельности), Я. Богатенка—Напевы народных стихов и псальм,

---

1) См. мою работу Шопен и польская народная музыка.—„Музыкальный Современник“, 1916 г., кн. I—IV. и 1917 г., кн. VII—VIII.

мою—К вопросу о фонографировании народных песен и др.

Из сказанного видно, что издательская деятельность секции по независящим от нее обстоятельствам проявляется слабо, главным образом вследствие абсолютного отсутствия средств [1]).

Включение в программу деятельности секции чисто художественных заданий в виде гармонизации народных мелодий и устройства показательных этнографических концертов едва ли заслуживает отрицательного отношения, так как продиктовано жизнью и стремлением организовать уголок, куда не было бы доступа всевозможным музыкально-этнографическим суррогатам. Показательность концертов секции заключается в строго научном выборе и систематизации материала, а также в привлечении к участию подлинных народных певцов и инструменталистов, равно как и образованных артистов, посвятивших себя исполнению музыкально-этнографического материала.

В программу состоявшихся уже концертов секции вошли песни: великорусские, украинские, белорусские, песни народностей Крыма, Кавказа и других народностей Советского Востока, песни народов Западной Европы: французские, итальянские, испанские, бретонские, бельгийские, шведские, норвежские, а также песни польские, новогреческие, арабские, персидские и японские.

В гармонизации народных мелодий принимают участие многие из членов секции—А. Кастальский, В. Пасхалов, А. Оленин, С. Толстой, А. Никольский, Я. Прохоров, П. Сениця, Н. Миронов и др., при чем некоторыми из них делаются попытки в этой художественной работе практически использовать научные данные о народно-музыкальном стиле.

Перехожу к обзору педагогической деятельности секции. При отсутствии в вузах специальных кафедр по музыкальной этнографии, вопрос о наших преемниках с каждым годом все более и более обостряется. Ряды музыкантов-этнографов редеют. Необходимо организовать кадры свежих работников в исследовательской области. С этой целью в марте 1924 г. открыто при ГИМН'е подсобное научно-педагогическое учреждение — музыкально-этнографические курсы.

По линии музыкально-теоретического общего образования на курсах читаются: 1) элементарная теория, 2) сольфеджио, 3) гармония, 4) контрапункт, 5) фуга и 6) фортепиано. Специальными музыкально-этнографическими предметами являются: 1) русская песня, 2) теория народной песни, 3) словесное песнотворчество (русское), 4) фонография (расшифровка записей), 5) музыкально-этнографическая литера-

---

1) Следует вспомнить, что в дореволюционное время Музыкально-этнографическая комиссия О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии получала на печатание своих „Трудов" ежегодную правительственную субсидию в размере 3000 довоенных рублей и что Бухарской и Киргизской республикам также довольно дорого обошлось издание вышеупомянутых сборников А. Успенского и А. Затаевича. На оба эти сборника названными республиками издержано не менее 15000 рублей.

тура (исследования, материалы и пр.), 6) западный фольклор, 7) древнерусская певческая нотация, 8) хоровое пение и 9) русская песня в художественном отражении. Всего 15 предметов при 32 учебных часах в неделю.

Курсы содержатся исключительно за счет взносов с учащихся (100 руб. в год), при чем благодаря малому их количеству труд преподавателей оплачивается суммами 2 р. 95 к., 3 р. 90 к., 4 р. 76 к., в месяц (sic!). Таким образом в настоящее время учебное дело на курсах держится только энтузиазмом учащих и учащихся, всячески изыскивающих пути и средства к оборудованию занятий всем необходимым.

Научно-техническая работа Этнографической секции ГИМН'а выражается в фонографировании народных мелодий и расшифровке фонограмм.

Расшифровка песенных записей является одним из самых больных вопросов для русских музыкантов-этнографов. Накопленные в пределах Союза валики с записями народных песен, хранящиеся в учреждениях и у частных лиц, представляют собой не живой научный инвентарь, а материал чисто архивного характера, так как при отсутствии копий нельзя приступить к расшифровке записей, без риска аннулировать самые записи. Но так как ни копировка валиков, ни перевод фонограмм на твердые диски при отсутствии необходимых для этой цели фабрично-технических ресурсов невозможны, то нельзя приступить к расшифровке и теоретическому изучению записей, и, таким образом, значение для науки русских коллекций песенных фонограмм сводится к нулю.

В то же время с каждым днем ветшающие эдисоновские валики с записями народных песен приходят все в бóльшую и бóльшую негодность.

Пишущий эти строки обратил на все эти обстоятельства внимание соответствуюших органов Наркомпроса, и надо надеяться, что, руководясь опытом Австрии и Германии, где и копировка валиков и фиксация фонограмм на твердые пластинки производятся в широком масштабе фабричным путем, Всесоюзное Правительство сумеет принять меры к спасенню сокровищ народной музыки, собранных нашими предшественниками. Но при настоящих условиях приходится соблюдать величайшую осторожность в пользовании хрупкими и обветшалыми валиками и ограничивать до минимума работу по расшифровке песенных фонограмм.

Сотрудником секции И. С. Тезавровским расшифрованы пока 4 песни из репертуара Широкого, две мелодии крымских татар, одна инструментальная запись с курая и две узбекские песни, исполненные народным певцом Кари-Якубовым, — всего 9 песен.

К организационной деятельности секции следует отнести научную экспертизу, участие в административной работе ГИМН'а, деловые сношения с различными учреждениями и обществами, посещение и рецензирование московских концертов этнографического характера, участие в диспутах, конференциях, инструктирование начинающих

этнографов-музыкантов, привлечение к работе добровольцев, исполнение заданий Главнауки, сношения с провинциальными этнографами организацию работы на местах (этнографические станции) и пр.

Так в июле 1925 г. был привлечен к работе по собиранию песен в Ферганской области узбекский народный певец Мухамедин Кари Якубов, которому для этой цели Наркомпрос Узбекистана по ходатайству Этнографической секции ГИМН'а предоставил фонограф, валики и денежные средства. В ноябре того же года зачислен в секцию в качестве члена-корреспондента С. А. Кондратьев, командированный Всесоюзной Академией Наук в Ургу с географическими целями, но изучивший в течение 2-летнего там пребывания монгольскую народную музыку. От секции он получил поручение закупить коллекцию туземных музыкальных инструментов.

Из приведенного отчета видно, что этнографическая секция ГИМН'а в силу требований жизни занимает положение научного музыкально-краеведческого центра и, несмотря на отсутствие материальных средств, работает во всесоюзном масштабе.

Закончив посильную информацию о работе московских музыкантов-этнографов, я могу сделать небольшое добавление о деятельности только трех иногородних наших товарищей — Иллариона Александровича Козлова (слепой музыкант), Михаила Ивановича Неказаченко и Александра Михайловича Листопадова.

Козлов живет в Казани, изучает музыку казанских татар и обрабатывает татарские народные мелодии, написал ряд исследований: Ход развития театра и музыки у казанских татар. Почему татары и башкиры не любят европейскую гармонизацию своих песен и др. Неказаченко живет в селе Баланде Саратовской губернии и работает над анализом песен, собранных им во время поездки на Волынь. У Листопадова, живущего в Новочеркаске, имеется собранная им обширная коллекция в 1000 №№, куда вошли песни донских казаков, песни татар и донских калмыков, песни украинские и великорусские разных губерний.

Перечисленные труды и коллекции тщетно ждут опубликования.

СУДЬБЫ ЭТНОГРАФИИ НА УКРАИНЕ ЗА 1917—1925 ГГ.

А. М. Лобода (Киев).

Известный украинский антрополог и этнограф Ф. К. Волков почти уже на исходе старого строя в России писал: „Этнографические сведения об Украине еще очень немногочисленны, а исследования в этом направлении почти не вышли еще из фазиса собирания материалов, да и эти последние собраны еще далеко не исчерпывающим образом. Вследствие одностороннего понимания задач и содержания этнографии, в деятельности украинских этнографов преобладало до самого последнего времени увлечение лингвистикою и произведениями устной народной словесности (фольклором) в ущерб изучению так наз. материального быта. В семи больших томах „Трудов" экспедиции Чубинского, наиболее обширном сборнике по этнографии Украины, материальному быту отведено всего 77 стр. Специальные исследования народной техники еще очень немногочисленны... да и те обязаны своим возникновением главным образом заботам земств о развитии сельской промышленности. Научная разработка собранных уже этнографических материалов, можно сказать, почти еще не начата, если не считать нескольких статей по постройкам, по церковной архитектуре, по орнаментам, музыке, свадебным обрядам и пр. [1]). Положение было тем тяжелее, что на Украине старого времени даже не существовало таких, например, центров, как российское „Географическое Общество" с его отделами и московское „Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии". Оба эти общества уделяли внимание и Украине, иногда довольно значительное, но много ли они могли достигнуть, если район их деятельности распространялся на всю тогдашнюю Россию, а средства были более, чем ограничены? Иногда оказывали поддержку этнографическим обследованиям местные земства, статистические комитеты, архивные комиссии, но делали это между прочим и ограничивались главным образом незначительной и к тому же случайной денежной поддержкой, печатанием материалов; вести этнографические разыскания широко, на строго научных основаниях, они не могли. Не по силам это было и „Киевской Старине" и харьковскому „Историко-Филологическому Обществу", так как и у них материальных средств не было, а задачи выходили далеко за пределы этногра-

---

[1]) Этнографические особенности украинского народа. „Украинский народ в его прошлом и настоящем", т. II, 1916. Стр. 455—456.

фии. К тому же с украиноведением давно уже стало связываться в официальной старой России представление о неблагонадежности; достаточно сказать, что когда в 1873 г. был открыт в Киеве Юго-западный Отдел Российского Географического Общества и начал было работать с необыкновенной энергией и успехом, то последнее как раз и вызвало вскоре его „временное" (до конца самого режима) закрытие. Только с 90-х годов XIX в. началась напряженная деятельность Львовского Научного общества имени Шевченка [1]), но она сравнительно мало касалась тогдашней российской Украины, и самый доступ на территорию ее хотя бы только изданий этого общества не всегда был возможен.

Началась мировая война, а с нею постепенно почти замерла на Украине и та этнографическая работа, которая велась там раньше. Но революция вскоре открыла перед нею такие перспективы, о которых прежде и думать не приходилось.

В апреле 1920 г. при киевском Украинском Научном обществе была открыта этнографическая секция, оформившаяся, правда, лишь в ноябре того же года; в июне следующего года эта секция вошла в состав Украинской Академии Наук, на правах отдельной ее комиссии, в связи с общим соглашением о слиянии с Академией названного общества. Председателем ее и до сего времени остается А. М. Лобода; секретарь — В. П. Петров. Действительных членов на 1925-й год — 25 (кроме указанных выше); не-членов комиссии, принимавших, однако, то или иное участие в заседаниях ее, — 50; корреспондентов вне Киева, поддерживающих с комиссией более или менее прочные связи и присылающих материалы, — более 180. За пять лет своего существования комиссия имела 144 открытых собраний, на которых сделано было всего 150 сообщений; из них касались истории этнографии и соответствующей библиографии 26 сообщений; методологии собирания и изучения этнографических материалов, разработки программ и инструкций — 28; общих задач и методологии краеведения — 5; разработки отдельных этнографических явлений прошлого и настоящего как Украины, так и других мест — 69; соответствующих вопросов информационного характера — 20; диалектологии — 2. Различными командировками от комиссии для собирания этнографических материалов пользовалось 12 лиц, при чем работа некоторых из них носила стационарный характер. По мере развития материальных средств Академии, комиссия, чтоб возбудить и поддержать деятельность на местах, придать ей коллективный характер, напечатала и распространила в количестве более 6000 экземпляров ряд программ (полных и сокращенных), инструкций и обращений, которые и дали комиссии указанное выше число корреспондентов ее (свыше 180), а также и ряд интересных записей, присланных и присылаемых с мест. В общем

---

[1]) См. Дорошенка Наукове Товариство імени Шевченка у Львові (1873 — 1892 — 1912 рр.). Київ — Львів, 1914 р. В. Гнатюка Українська народня словесність, Відень, 1917 р.

комиссия уже собрала весьма ценное и разнообразное количество материала: здесь и громадный архив старого Носа, в 77 томах, и записи Б. Гринченка, не вошедшие в известные его изданные сборники, бумаги Лукашевича, Бодянского, Щоголева, Каминского и около восьми десятков других, в том числе новейших, собирателей. В задачу комиссии входит как изучение пережитков прошлого, так и выяснение того, что является отражением настоящего; этнография, в представлении комиссии, тесно соприкасается с современным краеведением, и если у комиссии хватит сил и средств, работа ее будет базироваться на широкой сети местных этнографических кружков и корреспондентов, оправдывая девиз: работать для масс и через массы.

В самый тяжелый для печатания период члены комиссии находили возможность выпускать хоть некоторые свои труды. Так, А. Лобода, кроме нескольких рецензий в журналах: „Книгарь", „Наше минуле", „Записки Історично-філологічного Відділу У. А. Н.", „Наука на Украине", напечатал: П. О. Куліш—Етнограф („Книгарь", № 23—24, 1919 г.), До літературної історії „Записок о Южной Руси" Кулиша („Записки Історично-філологічного Відділу У. А. Н.", кн. II—III), Голод у народньой поетичному освітленні („Наука на Украине", № 4, 1922 г.); ряд ценных трудов по музыкальной этнографии принадлежит К. Квитке (о развитии на Украине музыкальной этнографии см. особую статью); В. Петров дал обзор литературы про современное село („Життя і Революція", ч. IV, 1925 г.), отметил новую генетическую теорию происхождения заговоров (Н. Познанского, Заговоры, Петроград, 1917 г.— см. кн. III—IV „Записок Історично-філологічного Відділу У. А. Н."), отозвался на Современные задачи краеведения и этнографии („Життя і Революція", ч. I—II, 1925 г.), коснулся этнографических наблюдений над старым и новым бытом (ibid., ч. VIII); П. Рулиным напечатаны обстоятельные и существенные дополнения к сделанному акад. Сперанским обзору украинских песен в старинных русских печатных песенниках (см. статью П. Рулина, Українська пісня в старовиному россійському співанику,—„Записки Історично-Філологічного Відділу У. А. Н.", кн. IV); Д. Ревуцкий выпустил научно-популярное издание: Українські думи та пісні історичні, 1919 г., 300 с., с комментариями и обстоятельным библиографическим указателем; В. Белому принадлежат (в екатеринославском ежемесячнике „Зоря" за 1925 г.): Забута справа (Етнографія й сільский вчитель), №3; Ракове вессіля (з старих народніх звичаїв на Україні), № 4; в журнале „Життя і Революция" за 1925 г., №№ 6—7, 9: Типи сучасного села (з етнограф. блокноту), и ряд статей про краеведение в екатеринославской же газете „Зірка" за 1925 г.

В 1925 г. комиссии удалось, наконец, начать и свое отдельное специальное издание: „Етнографічний Вісник"; пока вышла только 1-ая книжка его, к весне комиссия надеется выпустить и 2-ю.

Круг своей деятельности этнографическая комиссия Украинской Академии Наук ограничивает преимущественно фольклором, в виду того, что вопросами материальной этнографии занимается открытый 29 марта 1921 г. при той же Академии „Музей (а с 1922 г. Кабинет) Антропології та Етнології ім. Хв. Вовка". Основу этого музея-кабинета составили коллекции антропометрических карточек-обмеров проф. Волкова и его сотрудников, их же коллекции из раскопок и ценная библиотека проф. Волкова, представляющая интересный подбор иностранных, русских и украинских книг и журналов по антропологии, этнологии, палеоэтнологии, истории культуры. В дальнейшем все это пополнялось новыми приобретениями, и общее число книг теперь доходит до 5.000, а число предметов по этнографии превосходит 1.500, не считая 2.000 рисунков и фотографий да нескольких томов записей. Собирание предметов производилось силами членов кабинета и сторонними лицами под руководством членов кабинета; ежегодно в окрестные села совершались длительные экскурсии. Кабинет с его коллекциями был открыт для публики, и в 1924 г. насчитывалось уже 4.625 посетителей. Устраивались отдельные выставки; установлены связи с другими подобными же учреждениями на Украине и за пределами ее. Выпущен № 1 „Бюлетеню Кабінету антропології та етнології ім. Хв. Вовка", 1925 г., 48 с., главным образом информационного характера. Директор кабинета—А. Носов, он же заведует антропологическим отделом кабинета; заведующий отделом этнологии—А. Онищук.

С переездом в Киев акад. М. Грушевского, по инициативе его, здесь при Украинской Академии были в 1924 г. учреждены еще две комиссии: 1) культурно-историческая комиссия и 2) комиссия исторической песенности, обе под председательством М. Грушевского. Первая из них ставит своей задачей изучение примитивной культуры и ее отражений в позднейших переживаниях социальной жизни и фольклора Руси—Украины; вторая собирает и подготовляет к изданию украинские исторические песни и думы. Комиссии эти устраивают периодически собрания с докладами, заканчивают подготовку к изданию корпуса украинских дум, напечатали ряд трудов своих членов. Впрочем, важнейшие из таких трудов — самого М. Грушевского и Ек. Грушевской — начаты и отчасти выполнены были значительно раньше, еще до последнего переезда их в Киев. Я имею в виду здесь прежде всего Історію української літератури М. Грушевского; ее первый том („Частини першої книга перша"), Киев — Львов, 1923 г., и четвертый, Киев, 1925 г., целиком посвящены устной словесности, и, как отмечает автор в предисловии к 1-й книге I тома, с. 4—5, „написание этой книги было его давнею мечтою"; в своем большом курсе украинской истории он уже „давал довольно много места обзору литературы и словесного искусства", с 1914—1915 г. „стал думать об издании отдельного обзора украинской литературы" и отчасти осуществлять свои мечты, но все сделанное к тому времени в 1918 г. погибло, и его пришлось

восстановлять наново. Точно так же З примітивної культури. Розвідки і доповіді Катерини Грушевської, з передмовою ак. М. Грушевського, 1924 г.,—это труды, по указанию предисловия, приготовленные (или начатые) в семинаре примитивной культуры Украинского Социологического Института, организацией которого М. Грушевский занимался за-границей с 1919 г. по 1924 г. Есть, однако, у членов названных комиссий и такие печатные труды, которые уже непосредственно обусловлены киевскою их деятельностью последнего времени; печатались они в журнале „Украина", выходящем под редакцией М. Грушевского; здесь, например, находим статью акад. М. Грушевского—Пятьдесят літ „Исторических песен малорусского народа" Антоновича й Драгоманова (Україна", 1924 г., кн. I—II) и ряд рецензий того же автора и Ек. Грушевской на издания украинские, русские и заграничные. Несколько этнографических работ напечатано также в „Науковому збірнику за рік 1924" („Записки Укр. Наукового Товариства в Київі, тепер Істор. Секції У. А. Н.", т. XIX).

Большим подспорьем для этнографической работы при Украинской Академии является также то обстоятельство, что в пользовании этой Академии находится богатая украинскими этнографическими изданиями библиотека Б. и М. Гринченко.

Насколько в Киеве велик спрос на этнографию, видно из того, что, несмотря на широкую работу Академии Наук, здесь образовалось 13 января 1925 г. независимое от Академии, хотя и возникшее по инициативе некоторых сотрудников ее, „Етнографічне Товариство". Оно устраивает открытые заседания с докладами, в последнее время—так называемые „вечера новой этнографической книги" (где дается ознакомление с этнографическими новинками), знакомит также с методами этнографической работы, издает программы для собирания материалов (главным образом по материальной этнографии); в 1925 г. им издана 1-я книга „Записок Етнографічного Товариства", 64 с., где особенного внимания заслуживает статья К. Квитки, Вступні уваги до музично-етнографічних студій.

При таком развитии в Киеве этнографии, естественно, выросло и значение этнографического отдела, или, вернее, отдела народного искусства, в киевском Историческом музее имени Т. Г. Шевченка (бывшем киевском Художественно-Промышленном и Научном музее). Этнографические экспонаты в нем стали появляться еще с 1902 г. по инициативе тогдашнего директора музея Н. Беляшевского. Началось это собирание не без противодействия со стороны некоторых членов музейного правления того времени: они были против собирания в музее „мужицких" изделий. Тем не менее в 1906 г. в музее уже была устроена „выставка прикладного искусства и кустарных изделий"; она имела большой успех; большинство экспонатов ее осталось в музее, и не без влияния ее, наконец, в 1910 г. получил оформление „этнографический отдел" музея. В нем теперь более 30.000 предметов; из них около 16.000 номеров приходятся на ткани и вы-

шивки, около 5.000 предметов керамики, более 4.500 писанок, изделий из стекла около 2.000, из дерева—около 1.500, металлических и некоторых других изделий — более 1.000. Предметов по некоторым отделам более, чем достаточно, но места для размещения их совершенно не хватает.

В Харькове на смену Историко-филологическому обществу постепенно выдвинулся этнографический отдел им. Потебни Музея Слободской Украины им. Сковороды. Музей выпустил в 1925 г. 1-ю часть своего бюллетеня (Музей Слобідської України. „Бюллетень", ч. I, Харків), откуда мы и берем приводимые ниже данные. Главную часть отдела составляют коллекции бывш. Этнографического музея харьковского Историко-филологического общества, который заключал в себе экспонаты с выставки XII археологического съезда в Харькове 1902 г. Этнографические предметы по окончании съезда поступили в собственность общества, но последнее не имело для них помещения, и вещи были размещены в помещении университетского архива, на чердаках, в сараях, благодаря чему часть предметов сильно попортилась, часть же совсем погибла. Осенью 1904 г., после перестройки помещения исторического архива, в одной из его комнат была выставлена часть этнографических коллекций, другие же оставались в складе. При всем том пополнение музея неизменно продолжалось. Заведывал им Н. Сумцов до 1918 г. При образовании в 1920 г. музея Слободской Украины [с тремя отделами — 1) историческим, 2) художественным и 3) этнографическим] Этнографический музей Ист.-филол. о-ва весь вошел в состав этнограф. отдела музея Слободской Украины; но, кроме того, в состав его вошли и вещи харьковского городского Художественно-Промышленного музея (по керамике, одежде, обуви, плетению, вышивке) и некоторые другие весьма ценные поступления. Экспонаты музея Слободской Украины характеризуют: 1) жилище украинца и русского (модели, диапозитивы дворов, хат, построек, полная обстановка переднего угла хаты); 2) одежду (костюмы на манекенах, рисунки, статуэтки с изображением костюмов); 3) пищу (обрядовые хлебные печения); 4) знания (предметы измерения и счета); 5) производство (керамичное, текстильное, сапожное, кузнечное, золотарское, ложкарское, земледелие, овцеводство, пчеловодство, рыболовство, шахтерство); 6) искусство (росписи, скульптура, резьба, вышивка и др.); 7) детский отдел (игрушки). Все это занимает 6 зал и 5 проходов. При отделе имеется и довольно значительная уже библиотека. Во главе музея стоял с января 1920 г. до самой кончины своей (в ночь с 14 на 15 сентября 1922 г.) тот же заслуженный организатор былого музея Историко-филол. общества профессор, а позднее член Украинской Академии Наук Н. Сумцов; помощниками его были акад. Д. Багалей, проф. Д. Зеленин, позднее А. Николаев, Р. Данковская, и некоторые др. А. Николаев и Р. Данковская работают в музее и в настоящее время. С 1 октября 1924 г. по 1 апреля 1925 г. музей посетило 27.498 душ. Сотрудниками музея производились и производятся этнографические обследования различ-

ных мест Харькова и б. Харьковской губернии, устраивались и устраиваются соответствующие заседания, лекции, выставки; в „Бюлетене" напечатано несколько кратких программ для обследований.

В том же Харькове, повидимому, вне связи с работою названного музея, обратил на себя внимание С. Таранушенко, проводящий интересно задуманные систематические обмеры построек на Украине (см. харьковское издание 1921 г. Комісії по вивченню Українського деревл. будівництва Всеукраїнського Комітету охорони памяток мистецтва і старовини: Таранушенко С.—Хата по Єлисаветинському пр. під ч. 35 в Харкові. См. также издание 1922 г.: Матерьяли до історії українського мистецтва. І. Будівництво, Старі хати Харькова. В примечании к этому последнему изданию (см. с. 3, примеч. 2) автор отмечает, что у него имеется: 1) альбом фотографических снимков старых хат Харькова (более 200 негативов), 2) альбом (23 рис.) акварельных копий со старых кафель, 3) 8 акварельных рисунков внутреннего вида хат, 4) 5 рисунков наружного их вида. Есть сведения, что за последнее время издано и описание Покровского собора в Харькове, не считая более мелких материалов).

Менее сказалось этнографическое оживление на следующем центре Украины—Одессе. Один из старейших и богатейших на Украине—музей Историко-Археологический, правда, расширился, но не столько в сторону этнографическую, сколько в прежнем его археологическом направлении, а открытая в 1923 г. одесская комиссия краеведения при Украинской Академии Наук хотя и включала секцию „Етнографічно-лінгвістичну", даже имела председателем этой секции специалиста по народной словесности, проф. Р. Волкова, но заметными работами этнографического характера не отметила своей деятельности; можно указать лишь диссертацию самого Р. Волкова, Сказка. Розыскания по сюжетосложению народной сказки, т. I, Одесса, 1924 г.

В очень тяжелых условиях долгое время приходилось жить екатеринославскому краевому музею (бывший музей им. Поля), но благодаря своему директору, Д. Яворницкому-Эварницкому, он даже расширился; по количеству и разнообразию предметов запорожской старины он едва ли у нас не единственный (см. краткое описание его в № 4 „Зори" за 1925 г.). Любопытно, что около этого сравнительно уже давнего очага культуры в 1919 г. в Никополе возник и младший его брат „Народній Музей Мистецтв" (искусств) с тем же культом Запорожья.

Исключительную энергию проявили полтавцы. Летом 1917 г. в Полтаве образовался комитет охраны памятников под председательством заведывавшего тогда земским этнографическим музеем К. Мощенко в составе членов: заведывавшего археологическим музеем В. Щербаковского, члена местной архивной комиссии В. Щепотьева, члена епархиального совета Булдовского, председателя военного совета В. Липинского и местного историка полтав-

щины Л. Падалки. Закипела горячая работа по охране памятников старины и искусства, читались соответствующие лекции в местных высших учебных заведениях и в ряде других городов Полтавщины, наконец, основано было „Українське Наукове Товариство дослідування й охорони памяток старовини та мистецтва на Полтавщині", которое в 1919 г. и издало 1 выпуск своих „Записок". В 1920 г. образовался в Полтаве Центральный Пролетарский музей Полтавщины, слитый в 1920 из нескольких отдельных старых и новых музеев и собраний (так, сюда вошли ведущий свое начало еще с 80-х годов XIX в. музей Полтавского губернского земства, музей народного искусства, Педагогического Бюро и др.). Богатое наследство, доставшееся объединенному Пролетарскому музею, породило не менее богатую дальнейшую работу. Немедленно было приступлено к планомерному распределению коллекций, в 1921, 1922 и 1923 гг. были с большим успехом проведены этнографические экскурсии в тогдашние уезды Полтавской губернии.

Особенно удачной была экспедиция 1921 г. в м. Яреськи б. Миргородского уезда, организованная по инициативе М. Я. Рудинского и проведенная под его руководством. В работах экспедиции приняли участие: В. Щербаковский (археология), Г. Коваленко (хата и двор с точки зрения историко-археологической), К. Мощенко (архитектура), Е. Рудинская (быт), І. Капустянский, Ю. Жилко, М. Щепотева (фольклор), М. Наконечный (язык). В чрезвычайно тяжелых условиях экспедиция интенсивно работала в течение $1^1/_2$ месяца и собрала значительные материалы. Результаты работы были показаны в специальной выставке добытых предметов и этнографическом вечере из записанных в Яреськах песен, сказок, пословиц и танцев и доложены в ряде (12) докладов „Полтавському Науковому Товариству". К сожалению, предположенное по плану экспедиции издание „Трудов" ее не было осуществлено. Для подготовки новых работников-этнографов был открыт специальный семинар; устраивались соответствующие лекции, вечера, выставки. Все это сделало Полтавский музей, по крайней мере этнографический отдел его, одним из богатейших на Украине и тем более интересным, что в нем определенно проявилось стремление не столько собирать материал по всей Украине и далее, сколько сосредоточивать, по возможности с исчерпывающей полнотой, материал местный, б. Полтавской губернии. К сожалению, за последнее время часть сотрудников перестала работать в музее; у него, несмотря на протесты Украинской Академии Наук и центральной Харьковской власти, в конце 1924 г. отобрали часть специально приспособленного помещения и нарушили весь план распределения экспонатов.

С 1920 г. ведет свое начало этнографический отдел Волынского Научно-Исследовательского музея в Житомире. Он невелик еще, но около него ютится несколько самоотверженных людей с В. Кравченко во главе; работа идет в тесной связи с местными педагогическими курсами; устраиваются даже экскурсии, издается с 1922 г.

рукописный, правда, но заслуживающий более широкого внимания журнал „Этнограф". В Коростене существует его филиал—Коростенский окружной музей краеведения.

В том же 1920 г. образован этнографический отдел Черниговского музея; отразилось общее движение и в глухом раньше Каменце-Подольском.

В 1923 г. „Науково-дослідчій Катедрой" при ОНО решено произвести всестороннее обследование двух сел близ Каменца: Цибулівки и Паневиць. Были совершены экскурсии в те села, о чем сделаны соответствующие доклады на собраниях „Катедры", но вещественных результатов, в виде экспонатов, фотографий и проч., не было. Отдельные лица все же сделали сборы: так, завед. Каменецкой художественно-промышленной школой В. Н. Гагенмейстер собрал лично и через учителей рисунки росписей хат и других построек. Тот же Гагенмейстер совместно с художником К. Н. Кржеминским ездил по селам с целью зарисовать и сфотографировать народный орнамент. Летом 1924 г. приехавший проф. Таранушенко также фотографировал и обмерял сельские хаты для Харьковского музея. Летом 1925 г. Е. Сецинский вместе с Ю. Филь записывали песни лирников. Собранный материал, среди которого „Дума про Ивана Коновченка", отослан У. А. Н. Этим же летом приезжали Ол. Б. Курило и К. Квитка, произвели новые записи песен и пересмотрели записи местных собирателей. С открытием в Каменце „Наукового Товариства", (летом 1925 г.) некоторые члены его делали доклады, между прочим и по этнографии.

Словом, все прежние губернские центры так или иначе отозвались на запросы этнографии. А вместе с тем этнографическая работа пошла и далее, в самую глубь нашей жизни. Например, в той же Черниговской губернии появились заинтересованные лица, открыты были музеи, хотя бы, пока что, примитивные, в таких местах, как Сосница, Остер; сказывается веяние этнографической заинтересованности в Белой Церкви, Черкассах и особенно Умани, б. Киевской губ. (см. „Повідомлення з місць" в № 1 „Бюлетеню Кабінету Антропології та Етнології ім. Хв. Вовка").

Особенно усилилось все это в связи с пропагандой краеведения (см. издание Центр. Бюро Краеведения: „Краеведные учреждения СССР. Справочник", Ленинград, 1925 г.), и киевская этнографическая комиссия знает уже несколько этнографических кружков в селах; с некоторыми из них она даже работает уже в непосредственном общении. Программы ГУС'а определенно предписывают краеведение в трудовой школе, а, следовательно, и этнографию, как необходимую, важную часть краеведения, хотя временами и раздаются еще возражения против нее (см. о таких возражениях в статье В. Петрова—Місце фольклору и краезнавсті.—„Етнографічный Вісник", кн. 1).

Высшая школа, однако, по старому все еще пренебрегает и этнографией, да и краеведением вообще. Получается, таким образом, более чем странное противоречие: преподавателям вменяется в обязан-

ность вести занятия по краеведению с этнографией, но в чем суть этих наук, каковы методы их преподавания,—это для самих преподавателей остается или вовсе неизвестным, или во всяком случае малоизвестным, если только они не пополнили своих знаний где-то на стороне.

Есть еще одна ненормальность, не изжитая нашим временем, хотя официально для нее нет уже места. Я касаюсь здесь национальных меньшинств. Равноправие их узаконено, но достигнуто ли оно в деле их изучения? Представлены они с достаточной полнотой в наших музеях? Поскольку дело касается Украины, на эти вопросы приходится отвечать отрицательно, и тем энергичнее мы должны заполнять проблемы минувшего [1]).

Декабрь 1925 г.

---

[1]) Достижения и дальнейшие задачи украинской этнографии мною намечены в статье Сучасний стан і чергові завдання української етнографії, „Етнографічний Вісник", кн. I.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЯ НА УКРАИНЕ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ [1]).

К. Квитка (Киев).

В настоящем обзоре я сначала перечислю вышедшие в свет за последние годы издания украинских народных мелодий, затем представлю имеющиеся у меня сведения о ходе дальнейшего собирания музыкально-этнографических материалов на украинской территории (включая сюда работу, произведенную вне этой территории на средства украинских учреждений) и, наконец, упомяну об опубликованных и неопубликованных работах по научному исследованию украинской народной музыки и о музыкально-этнографических работах, хотя бы выходящих за пределы украинской народной музыки, но написанных на украинском языке, а также о деятельности по распространению музыкально-этнографических знаний.

В 1917/18 и 1920/22 гг. в Киеве напечатаны два сборника украинских народных мелодий, записанных К. Квиткой; первый заключает в себе 225 мелодий, а второй—743 (из них более полусотни записано другими лицами). Это последнее издание составляет 2 том Этнографического Сборника Украинского Научного общества, ныне уже не существующего. В других местах Украинской ССР музыкально-этнографических материалов после революции не появлялось и, насколько мне известно, не готовится к печати. Обращаясь к частям украинской языковой области, входящим в состав других государств, отмечу, что в Ужгороде (нынешний административный и культурный центр Закарпатья, раньше принадлежавшего Венгрии, а в результате мировой войны переданного Чехо-Словакии) в 1923 г. вышел научный сборник тамошнего общества „Просвіта“, и в нем напечатано 150 мелодий, записанных д-ром Ф. Колессой во время его двух экскурсий в Закарпатье в 1910 и 1912 гг. Опубликованному материалу предпослан мелодический и ритмический его анализ. Чешская организация Hudební Matice Umělecké Besedy в Праге объявила о предстоящем издании ею песен этой украинской страны в виде очередного выпуска обширного, в своей большей части уже изданного в течение долгого

[1]) Названия украинских учреждений и заглавия украинских работ даны здесь в русском переводе, так как опыт показал, что при печатании украинских слов в русских изданиях (за исключением отчасти изданий, выходящих на Украйне) обыкновенно бывает много корректурных погрешностей.

ряда лет сборника Л. Кубы Slovanstvo ve svych zpěvech (часть этого труда, содержащая мелодии российской, ныне советской Украины и явившаяся результатом поездки Л. Кубы на Приднепровье в 80-х годах прошлого столетия, в 1922 г. вышла в Праге вторым изданием).

Знаменитый венгерский композитор Бэла Барток (Béla Bartók),—являющийся одновременно одним из наиболее выдающихся представителей музыкальной этнографии и опубликовавший превосходные работы по венгерской, румынской и арабской музыке,—записал также 81 украинскую мелодию из территории, принадлежавшей раньше Венгрии [1]).

Этнографическая комиссия Научного общества имени Шевченка во Львове, опубликовав раньше, при австрийском господстве, труды Ф. Колессы, Ст. Людкевича и И. Роздольского, заняла первое место между научными учреждениями не только Украины, но и всего славянского мира в отношении издания народных мелодий и сохраняет это место до сих пор. В количественном отношении опубликованный этой комиссиею музыкальный материал, превышая в общем изданный Чешскою Академиею сборник Бартоша-Яначека и изданный Юго-Славянскою (Загребскою) Академиею сборник Винко Жганца, уступает наследству польского гиганта музыкальной этнографии Кольберга (так как здесь сравнивается собственно деятельность научных учреждений, то следует оговорить, что труды Кольберга лишь отчасти изданы при помощи Краковской Академии); но издания Львовской комиссии превосходят все названные труды исключительной научной точностью записей (почти все опубликованные ею материалы записаны при помощи фонографа) и образцовой систематизацией, для которой произведен ритмический анализ каждой мелодии. Русские записи Е. Линевой и И. Тезавровского, изданные Российскою Академиею Наук, А. Листопадова и А. Маслова, изданные в Москве музыкально-этнографическою комиссиею Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, стоят на очень большой высоте, но количество русских народных мелодий, не только изданных в научной форме научными учреждениями, но и изданных вообще, далеко не соответствует численности, средствам и возможностям русского народа и его достижениям в других областях (это несоответствие недавно отметил и компетентный в вопросе московский композитор А. Кастальский в своем предисловии к сборнику киргизских мелодий А. Затаевича). Даже война, совершенно остановившая в самом своем начале дело издания музыкально-этнографических материалов, прервала деятельность Львовской этнографичной комиссии лишь на время занятия Львова российскими войсками. После оставления Львова российской армией названная комиссия

---

[1]) Béla Bartók. Das Ungarische Volkslied, Berlin, 1925 J., „Ungarische Bibliothek für das Ungarische Institut an der Universität Berlin", herausgegeben v. R. Gragger, I Reihe, Nr. 11. (На с. 87 сообщение об украинских, покамест еще не опубликованных записях).

в 1916 году издала два ценных собрания народных мелодий из украинских местностей, входивших в состав России, именно записи Плосайкевича (песни Подольской губ.) и Сенчика (песни Холмской, отчасти Гродненской губ.; последнее собрание опубликовано не полностью, так как редактор Ст. Людкевич попал в плен в Россию и был отправлен в Туркестан). Лишь потрясения, связанные с окончанием войны, разгромом Австрии и подчинением Галиции образовавшемуся польскому государству, лишили Львовскую комиссию средств для продолжения работы. Фонды, пожертвованные в свое время Научному обществу разными лицами, пропали в банках при общей финансовой катастрофе, завещанные ему имения не приносили дохода, как и принадлежащие ему здания во Львове; польское правительство лишило это о-во субсидий, которые оно получало раньше от центрального австрийского правительства и от галицийского сейма, а также лишило доходов, получавшихся раньше от печатания учебников. По этим причинам издание трудов о-ва значительно сократилось, что отразилось больше всего на этнографической комиссии: ее материалы с 1916 года вовсе не издавались и оставались в архивном состоянии. В самое последнее время руководителям о-ва удалось улучшить хозяйственнное его положение, и в связи с этим этнографическая комиссия приступила к печатанию капитального труда д-ра Ф. Колессы—собрания лемковских мелодий [1]) в количестве, превышающем 700, записанных в большей части при помощи фонографа. Одновременно комиссия, получив возможность вознаградить еще и другой большой труд, поручила Ф. Колессе произвести нотную транскрипцию фонограмм Иосифа Роздольского на 1600 валиках (перед войной комиссия уже издала 1525 мелодий в записи Ст. Людкевича и 180 в записи Ф. Колессы с фонограмм того же собирателя). В нетранскрибированной части коллекции этого заслуженного этнографа заключаются фонограммы не только из Галиции, но и из Приднепровья (в 1914 г. И. Роздольский приехал сюда в муз.-этнографическую экскурсию, был застигнут войной, арестован, как австрийский подданный, и сослан в Казань). Особенный же интерес представляют фонограммы Роздольского из Буковины, так как этот край наименее обследован в музыкальном отношении из всех местностей старого украинского расселения (повидимому, пока можно указать лишь на 18 мелодий, записанных Квиткою в Киеве от приезжей женщины из Буковины и напечатанных во втором из упомянутых здесь его сборников [2]); из 10-го немецкого издания Музыкального Словаря Римана, 1922 г., 654 с., узнаем, что на Буковину приезжал с фольклористическими целями всемирно известный венгерский композитор Золтан Кодалы (Zoltán Kodály), но сведений об издании собранных им мелодий нет, и так как о посещении

[1]) Лемки—ветвь украинского народа в Западной Галиции.

[2]) Мелодии, помещенные в издании сочинений буковинского писателя О. Федьковича (Львов, 1902 г., т.т. I и II), лишь отчасти и условно можно причислить к этнографическим материалам.

им Буковины упоминается в связи с его поездкой в Трансильванию, то весьма вероятно, что на Буковине он знакомился собственно с румынским населением, а не с украинским); Буковина, как известно, отошла теперь к Румынии целиком, и нынешние политические условия не благоприятствуют поездкам туда этнографов из более богатых научными силами частей Украины, местных же музыкантов-этнографов там, повидимому, нет, как не было и раньше [1]). Следует добавить, что значительная часть фонограмм И. Роздольского из б.б. Черниговской и Полтавской губ. уже транскрибирована сыном собирателя Романом, пражским студентом, при некотором участии проф. В. Барвинского [2]).

В упомянутых до сих пор собраниях украинских народных мелодий, напечатанных за последние годы, а также печатаемых ныне или приготовляемых к печати, заключаются материалы, собранные еще перед революциею; впрочем, во втором из сборников Квитки значительная часть, но все же меньше половины, мелодий записана после революции. Переходя к обзору деятельности послереволюционного периода собственно по собиранию памятников народного музыкального творчества, следует констатировать, что это собирание в более постоянной форме и при организованном содействии культурных учреждений производилось именно в советской Украине, при чем центром работы был не Харьков, нынешняя столица, а Киев. В несоветской Украине надлежит отметить музыкально-этнографическую экскурсию в Закарпатье М. Рощаховского из Праги (Р.—музыкант-специалист, учившийся в Пражской консерватории, родом украинец из Подольской губ.). Этнографическая комиссия Львовского Научного о-ва им. Шевченка не могла субсидировать экскурсий, как в прежнее время, и если Ф. Колесса продолжал записывание, то лишь за счет своего летнего отдыха и на свои личные средства.

При самом основании Украинской Академии Наук в 1918 году в план ее деятельности принципиально было включено изучение народной музыки; фактически это постановление было приведено в исполнение лишь в 1920 г., когда К. Квитка был избран сотрудником Академии; в 1921 г. его положение было определено, как заведывающего музыкально-этнографическим кабинетом при Академии, однако оборудовать самый кабинет, учредить штатные должности его сотрудников или обеспечить хотя бы небольшое регулярное вознаграждение нештатным сотрудникам, даже предоставить кабинету возможность пользоваться хотя бы чисто физическими услугами низшего технического персонала Академия до сих пор не в состоянии. Вначале не-

---

[1]) Буковинский композитор И. Воробкевич поместил в венском издании „Bukowina in Wort und Bild“, 1899 г., малосодержательную статью о народной музыке Буковины, но нет указаний на то, чтобы после него остались какие-нибудь записи народных мелодий.

[2]) Вне ближайших перспектив издания остаются записи Ф. Колессы: околы 400 мелодий из других местностей Галиции, кроме Лемковщины, и большого количества инструментальных мелодий.

вероятно тяжелое материальное положение Академии и ее сотрудников в связи с эпидемией сыпного тифа и политическими волнениями в деревнях препятствовало этнографическим экскурсиям, и еще первая экскурсия (в 1922 г.) была осуществлена лишь благодаря содействию администратора сахарного завода в б. Каневском уезде В. Запорожца, не только оказавшего гостеприимство сотрудникам Академии, но и давшего им возможность выехать на место работы из Киева и там разъезжать. В следующем году Академия уже могла для экскурсий на белорусское пограничье в Черниговской губернии оплатить по крайней мере стоимость железнодорожного билета. Расходы второй поездки в ту же губернию всецело приняло на себя Музыкальное общество им. Леонтовича. В общем до сего времени от имени Академии было совершено девять музыкально-этнографических экскурсий в пределах Украины. Кроме названных уже местностей экскурсии направлялись в Волынскую и Подольскую губернии (одна—в пределы нынешней Автономной Молдавской ССР); из числа этих экскурсий три были снаряжены исторической кафедрой Академии, в составе которой действует культурно-историческая комиссия. В каждой экскурсии работал, к сожалению, лишь один музыкант: семь экскурсий совершил заведывающий кабинетом и две — нештатный сотрудник М. Гайдай. Пять экскурсий было проведено совместно с сотрудницей Академии лингвисткой О. Курило, которая записывала тексты песен. Материалы притекают в музыкально-этнографический кабинет также от записывателей, постоянно живущих в разных пунктах Украины; из них наибольшую деятельность обнаружила А. Кудрицкая.

Отдел этнологии состоящего при Академии кабинета антропологии и этнологии имени проф. Ф. Вовка (известного вне Украины под руссифицированной формой этой фамилии „Волков"), с зав. отделом А. Онищуком во главе, производит с 1921 г. интенсивную этнографическую работу стационарным методом, избрав для всестороннего обследования два села неподалеку от Киева; за последний год отдел включил в комплекс изучений также и народные мелодии, пригласив для их записывания упомянутого уже М. Гайдая. Выезжая по нескольку раз в каждое из этих сел и работая совместно с сотрудниками отдела—специалистами по другим отраслям этнографии, М. Гайдай записал большое количество мелодий, относящихся к тем обрядам и моментам быта, которые подверглись изучению со стороны этих специалистов.

В подобных условиях М. Гайдай принимает участие как музыкант и в исследовательской работе Украинского этнографического о-ва, существующего независимо от Академии и производящего, между прочим (под руководством А. Онищука и при его деятельном участии), такое же стационарное обследование одного из сел Киевского округа.

Возвращаясь к музыкально-этнографическому кабинету Украинской Академии Наук (связанному не с упомянутым кабинетом антропо-

логии и этнологии, а с этнографической комиссией Академии), надлежит объяснить, что этот кабинет ставит своей целью исследование не только украинской народной музыки, но и музыки других народов как на территории Украины, так и вне ее (что касается музыки народов, находящихся за границей Союза ССР, изучать ее возможно не только теоретически, на основании печатных источников, но отчасти и непосредственно, так как в пределах Союза встречаются не только отдельные лица, но и целые группы населения, вышедшие из других стран или временно здесь проживающие). По отношению к коренному населению Союза кабинет включает в круг своей деятельности собирание, по мере возможности, материалов преимущественно у тех малых народов, которые в музыкальном отношении не изучаются или слишком мало изучаются научными учреждениями РСФСР, наиболее богатой материальными и интеллектуальными силами и включающей в свои пределы наибольшее количество малых народов. Многого тут достичь не удалось вследствие переобремененности единственного штатного и регулярного работника кабинета и вследствие отсутствия лингвистов, которые бы записывали тексты песен на неславянских языках и вообще могли объясняться с представителями неславянских народов (как известно, успешность собирания этнографических материалов зависит от умения подойти к людям, сблизиться с ними и расположить их к себе, а это бывает невозможно для лица, незнакомого с языком или знакомого лишь теоретически). Последнее обстоятельство весьма преуменьшило успешность экскурсии к молдаванам, но все же удалось положить начало ознакомлению с их еще не тронутой исследованием музыкой, и на основании собранного материала Квитка прочитал этнографической комиссии Академии доклад „Наблюдения над молдаванским песнетворчеством". На территории Авт. Молдавской Республики Квитка записал также образцы песен немецких колонистов. М. Гайдай в 1924 г. совершил экскурсию на Северный Кавказ, в Балкарию, и записал более ста балкарских мелодий, более двадцати кабардинских и несколько образцов песен тамошних обрусевших колонистов-украинцев. Результаты этой экскурсии М. Гайдая имеют тем большее значение, что доныне есть лишь сведения о том, что в 80-х годах прошлого века русский композитор С. Танеев записал два десятка балкарских мелодий, но дальнейшая судьба этих записей неизвестна. На территории Украины М. Гайдай записал образцы мелодий айсоров, армян, белоруссов, болгар, евреев и чуваш (последние в значительном количестве гостили на Украине во время голода, постигшего приволжские страны). Два заседания этнографической комиссии Академии были посвящены заслушанию доклада Квитки о музыке неславянских приволжских и приуральских народов.

Лишь незначительная часть мелодий собрана при помощи фонографа. В распоряжении музыкально-этнографического кабинета имеется лишь крайне ограниченное количество валиков, и нет перспектив получить в будущем новые; поэтому приходится употреблять наличные валики с крайней разборчивостью в отношении музыкальных ориги-

налов и с высшей предусмотрительностью. Из народных произведений, для запечатления которых признано целесообразным израсходовать валики, в особенности следует отметить рецитации исторических дум. Перед войной были сфонографированы (главным образом, приезжавшим из Галиции д-ром Ф. Колессой и А. Сластионом) лишь образцы б.б. Полтавской и Харьковской губерний; образцы Черниговской губ. имелись лишь записанные на слух без аппарата (между тем, именно в отношении рецитаций этот способ является слишком несовершенным), а характер правобережных рецитаций совершенно не был известен в литературе. В последние годы Квитке удалось в вышеупомянутых экскурсиях сфонографировать рецитации дум в северной Задесенской части б. Черниговской губ. и в Житомирском округе. Фонограммы покамест сохраняются без употребления—не демонстрируются и не подвергаются исследованию для нотной транскрипции, так как для фонографических снимков вообще применяются валики из мягкой массы, и потому, если употреблять те же валики с оригинальными фонограммами также и для выслушивания, они быстро стираются; в Берлине для воспроизведения и исследования изготовляются копии фонограмм, для чего пользуются более твердой массой; разумеется, целесообразнее и у нас сохранять непрочные оригиналы нетронутыми впредь до лучших времен (когда можно будет устроить лабораторию для копирования), чем, использовав их теперь, передать потомству мертвые знаки нотных записей вместо средств воспроизведения того, что действительно звучало. Создание лаборатории для копирования фонограмм в пределах СССР дало бы возможность широкого применення их для демонстраций народной музыки с целями популяризации и педагогики. В связи с изложенными препятствиями к широкому применению фонографа находится и главный пробел, остающийся до сих пор в изучении украинской народной музыки: слабым местом у нас, как, в большей или меньшей степени, и у других народов, является народная инструментальная музыка, так как записывание более сложных и интересных ее образцов без помощи фонографа невозможно или, во всяком случае, требует феноменальных способностей.

Кроме названных научных учреждений, также и Музыкальное о-во им. Леонтовича, как уже было отчасти упомянуто, уделяет некоторую долю своих средств на исследование народной музыки. В 1925 г. оно открыло у себя этнографический отдел, поручив руководство им Квитке; собран довольно большой материал, главным образом, М. Гайдаем, при чем здесь в отдельности следует отметить несколько десятков „блатных“ песен, собранных в киевских домах заключения; присланы записи также провинциальными корреспондентами о-ва.

Независимо от киевских центров теперь ведет работу по собиранию украинских народных мелодий В. Верховинец, опубликовавший еще перед войной в I томе „Этнографического Сборника“ Украинского Научного о-ва свои ценные записи свадебных песен Киевской

губ.; в послереволюционное время Верховинец записывал мелодии на Полтавщине, обращая особенное внимание на двухголосное и трехголосное народное исполнение. Эти полтавские его записи еще не изданы.

О том, производится ли музыкально-этнографическое обследование украинских меньшинств учреждениями Белорусской, Российской, Узбекской и Туркменской ССР, у составителя обзора сведений не имеется.

Переходя от собирания памятников народной музыки к историко-теоретическим изучениям и их популяризации, методологической и инструктивной работе, надлежит, прежде всего, отметить, что, если Научному о-ву им. Шевченка в Львове, как уже отмечено выше, за последние годы не по силам было предпринимать дорого стоящие нотные издания, то в своих „Записках" оно за эти годы опубликовало следующие работы д-ра Ф. Колессы: Наслоение и характеристические признаки украинских народных мелодий (1918 г.), исследование—О генезисе украинских народных дум (их отношение к песням, виршам и похоронным причитаниям), обнимающие вопрос с историко-литературной и с музыкальной стороны (1925 г.), и обзор новейшей муз.-этнографической литературы (1921 г.). О-во „Просвіта" во Львове выпустило в 1920 г. составленное Ф. Колессой прекрасное популярное издание украинских народных дум с образцами мелодий, историческими и историко-литературными комментариями.

Музыкально-педагогический отдел Украинского Педагогического института в Праге издает музыкально-этнографический сборник под редакцией преподавателей музыкальных предметов в этом институте Федора Стешка и Вячеслава Вагнера. Находящийся в печати первый том посвящается памяти Н. Лисенка и содержит прежде всего все его музыкально-этнографические исследования (большинство их, вследствие условий, существовавших в России до 1905 г., было опубликовано на русском языке и ныне впервые издается на украинском), далее украинский перевод известной статьи А. Серова Музыка южно-русских песен, напечатанной в 1861 г., статью И. Воробкевича о народной музыке Буковины (в переводе с немецкого) и, в приложении, перепечатку небольшого сборника украинских песен Д. Каменецкого (изд. в СПБ в 1861 г.)

Для следующего тома предназначены украинские переводы некоторых работ Горнбостеля и переводы исследований покойного профессора Пражской консерватории О. Гостинского о чешской народной песне и известного композитора Л. Яначека о музыкальной стороне моравских народных песен.

Обращаясь к относящимся сюда работам муз.-этногрфического кабинета, приходится констатировать, что от имени кабинета удалось опубликовать лишь одну из них (и то на счет автора): это написанный Квиткою разбор этнографической деятельности Лисенка с обсуждением некоторых кардинальных вопросов муз. этнографии.

Эта работа вышла в 1923 г. как № 1 „Известий“ („Повідомлень“) муз.-этнограф. кабинета, после чего названное издание не продолжалось. За этим исключением работы Квитки печатались в других изданиях Академии или вне Академии (конечно, и эти последние работы следует причислить к продукции кабинета, поскольку самое их появление обусловлено существованием кабинета), но в значительной части остаются не напечатанными. Они посвящены: основным проблемам муз. этнографии („Записки Этнограф. О-ва“, кн. I, Киев, 1925 г.), вопросу о происхождении музыки (доклад в этнографической комиссии Академии с изложением возражений немецких ученых против теории К. Бюхера), обзору муз. этнографии на Западе („Этнограф. Вестник“, изд. этнограф. комиссии Украинской Академии, кн. 1), в отдельности изложению результатов тонометрических исследований О. Абрагама над народной немецкою песнею (доклад в Муз. о-ве им. Леонтовича), разработке проекта широкой организации музыкально-этнографических изучений (проект составлен по поручению Муз. о-ва им. Леонтовича для этнографического отдела о-ва и напечатан в органе о-ва, ежемесячном журнале „Музыка“, 1925 г., №№ 2—3 [1]), быту профессиональных народных певцов и музыкантов на Украине (программа с пропедевтикой—„Сборник историко-филологического отд. Украинской Академии Наук“, № 13, вып. 2 [2]), вопросу об исторической периодизации украинской народной музыки (доклад в Муз. о-ве им. Леонтовича), сравнительному изучению мелодики украинских народных песен и песен других славянских народов (прочитанный в этнографической комиссии доклад о пентатонике у славян), в частности вопросу о восточных влияниях на украинскую народную музыку („Записки Историко-филологического отд. Украинской Академии Наук“, кн. V, с. 240—250), сравнительному изучению ритмики украинских народных песен и песен других славянских народов („Музыка“, 1923 г., №№ 1—5, см. еще — 1924 г., № 1, с. 45—48, также прочитанный, но ненапечатанный доклад о чехо-словацких влияниях на украинскую народную музыку, ненапечатанные студии „Стихотворная и музыкальная форма песен славянских народов в ритмических изучениях“, „Античная ритмика и современная ритмика песен славянских народов“), музыке неславянских народов крайнего Востока Европы (упомянутый выше доклад). Успешности теоретической исследовательской работы кабинета препятствует отсутствие в Киеве (и вообще на Украине) музыкально-научной библиотеки и происходящая отсюда громадная и в значительной мере безуспешная трата времени и сил на различные способы добывания заграничной (западно-европейской) специальной литературы, а также отсутствие технических сотрудников для выписок нотных примеров,

---

[1]) Проект рассчитан не исключительно на местные условия Украины, и автор позволяет себе при настоящем случае предложить его обсуждению научных и музыкальных учреждений также и других стран.

[2]) В № 4—5 „Сибирской Живой Старины“, с. 389, указано, что эта программа может быть использована и за пределами Украины, притом не только при этнографическом изучении украинских колоний.

необходимых при исследовательской работе в большом количестве, и т. п. Отказ от печатания исследований или печатание их в слишком урезанном и сжатом виде имеет причиной техническую, в связи с этим, материальную трудность воспроизведения в тексте большого количества нотных примеров.

Народной музыке посвящен первый отдел вышедшей в Киеве в 1922 г. Истории украинской музыки Николая Гринченка.

Преподавание общего курса музыкальной этнографии велось Квиткой с 1920 по 1924 гг. на этнографическом отделении Киевского Археологического института (ныне закрытого) и с 1920 г. до сих пор ведется в Киевском Высшем Музыкально-Драматическом институте имени Лисенка. Специальный курс по украинской народной музыке читал Н. Гринченко в 1921 г. в Каменец-Подольском университете (ныне закрытом, как и все университеты на Украине), а в настоящее время читает в упомянутом институте им. Лисенка. Специальный курс по этому предмету был прочитан также и Квиткой в Археологическом институте. — С целью популяризации муз.-этнографических знаний, стимулирования и инструктирования работы на местах Квитка во время своих экскурсий читал в провинциальных городах лекции и вел беседы на педагогических курсах.

Изучение народной орхестики до сих пор еще не заняло надлежащего места в науке, по отношению к восточно-славянской этнографичесной почве приходится констатировать в этой отрасли почти полный пробел. К сожалению, нет оснований надеяться, что этот пробел будет восполнен в течение того короткого срока существования старинных народных танцев, на какой можно рассчитывать, и многое уже окончательно погибло неописанным. Необходимо уделять этнографической хореграфии хотя бы побочное место при той отрасли науки, к которой эта область ближе всего стоит,—именно при музыкальной этнографии. Поэтому я нахожу необходимым отметить здесь, что упомянутый В. Верховинец является не только одним из деятелей музыкальной этнографии, но и единственным деятелем в области изучения народной орхестики на Украине. В своей Теории украинского танца (I изд.—Киев, 1919 г., 2 изд.—Полтава, 1920 г.) он использовал свои обширные наблюдения над народным танцем, но, к сожалению, чисто этнографический элемент в изложении не выделен и даже не отмечен явственно: инструктивное смешано с описательным, творчество автора и сценические традиции с истинно-этнографическими фактами. В числе неотложных задач этнографии должно занять место собирание и опубликование подобных материалов в строго научной форме.

Наконец, выходя за пределы не только Украинской ССР, но и государств, имеющих в своем составе украинские меньшинства, отметим, что в Берлине профессор университета и государственной Высшей муз. школы Георг Шюнеман подготовляет к изданию свои фонографические записи украинских песен, сделанные во время войны,

когда он совершил громадную работу в лагерях военно-пленных российской армии. Он предполагает опубликовать свои украинские материалы с обстоятельным исследованием подобно уже вышедшему в свет превосходному его труду о песне немецких колонистов в России, составленному также по материалам, добытым от военнопленных (менее обстоятельный очерк он напечатал о казанских татарах). На украинском языке вышла в Берлине в 1923 г. популярная книжка В. Емца—Кобза и Кобзари, содержащая сведения о новейших кобзарях; проживающий ныне в Берлине украинский ученый д-р Зенон Кузеля снабдил эту книжку обстоятельным библиографическим указателем литературы о кобзарских думах и о кобзарях.

ОБЗОР ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В БЕЛОРУССИИ ЗА ПЕРИОД 1917—1925 г.

К. В. Веселовская (Минск).

В период с 1917 г. по 1920 г. этнографическая работа в Белоруссии приостановилась вследствие событий мировой и гражданской войны. В этот период времени более или менее значительных этнографических исследований не велось. Можно разве только указать на этнографическую работу в 1917 г. ученого этнографа-археолога И. А. Сербова, обследовавшего и описавшего население и быт белоруссов в районе Трок и в 1917 г. написавшего, на основании этого, труд о характерном в белорусском языке „цеканьи" и „чваканьи". После установления в Белоруссии Советской власти в 1921 г. организовалась первая значительная этнографическая экспедиция в Слуцкий район, утвержденная ЦК ССРБ 23 мая 1921 г., с целью изучения белорусского народного творчества. Руководителем экспедиции был художник Д. И. Полозов, в состав ее вошли — научный работник Н. П. Шкляев, художники Елисеев, Зарецкая-Малеваная, Кругер и собиратель народных белорусских песен и мелодий Равенский. Экспедиция обследовала г. Слуцк и до 30 деревень, сел и местечек в волостях Слуцкого уезда: Слуцкой, Греской, Царевской и Старобинской. Экспедицией были привезены народные белорусские ткани художественной работы (полотенца, постилки и пр.), костюмы, старинные иконы (живопись XVII—XVIII вв.), фотографические снимки и зарисовки с предметов слуцкой старины и явлений народной жизни. Всего около 150 предметов. Весь материал сдан в этноотдел Белорусского государственного музея, где в настоящее время и развернут. В 1923 г., в связи с подготовкой экспонатов по белорусскому быту для Всесоюзной с.-х. выставки был организован целый ряд этнографических поездок по Белоруссии для сбора и изучения этнографического материала. Выставочным комитетом Белоруссии было мобилизовано для этой цели значительное количество местных работников. Местные краеведы — Шлюбский А., Мелешко М., Азбукин А. и фотограф Дашкевич А. были командированы в б. Игуменский уезд для сбора предметов, выявляющих характерные особенности быта этого уезда. Поездка была совершена по маршруту: Минск—Руденск—Сергиевичи—Хотляны—местечко Узда—Минск. В эту поездку было собрано до 200 предметов, из них около 50 различных

поясов из шерсти и льна, художественной работы с любопытным народным орнаментом; около 40 образцов, характерных по выделке и узору народных тканей; несколько мужских и женских костюмов как нижних, так и верхних, преимущественно праздничных из крестьянского сукна и полотна (свитки, андараки, кабаты, кошули и пр.); вышивки и вязанья цветные и белые; музыкальные инструменты, в том числе пастушьи дудочки и рожки из бересты; орудия обработки льна; предметы домашней утвари; предметы религиозного культа белоруссов, как, например, „офяры“ (маленькие фартучки с узором) с придорожных, во множестве рассеянных на перекрестках белорусских дорог, намогильных крестов. Фотографом произведено до 100 снимков, выявляющих наиболее интересные моменты жизни белоруса, его быта, а также и характерные особенности белорусского пейзажа. На поездку была ассигнована, довольно значительная сумма. Собранный материал поступил в этноотдел Бел. гос. музея. Кроме этого, почти одновременно были организованы выставочным комитетом Белоруссии следующие поездки: 1) в Слуцкий уезд, Грозовский район, куда был командирован Д. Жилунович. Здесь были приобретены головные женские уборы, „наметки“, некоторые части верхней и нижней женской одежды и несколько цветных крестьянских тканей, а также исследованы способы повязки „наметки“; 2) в Логойск, куда были командированы А. Шлюбский и фотограф Л. Дашкевич, проделавшие работу по обследованию жизни и быта местечка Логойск и его района (главным образом дер. Залесья). Отсюда были привезены: ткацкий станок и предметы ручного ткацкого изделия, а также и фотографические снимки, изображающие жизнь местечка и деревни; 3) в Бобруйский уезд был командирован местный географ Н. В. Азбукин, которым по поручению выставочного комитета Белоруссии было обследовано рыболовство и доставлены рыболовные снасти в количестве 40 предметов; 4) в Параческий район Бобруйского уезда был командирован С. М. Некрашевич, откуда были привезены образцы домотканного крестьянского сукна, андарак, узорчатый фартук и пр. Кроме вышеуказанных поездок краеведов, в работе по выявлению быта и народного творчества принимали немалое участие уездные отделы народного образования, волисполкомы и сельское учительство. Так, Борисовское УОНО собрало материал по народному быту в целом ряде волостей, который был представлен предметами домашней утвари, образцами полотна и отчасти костюмами. Бобруйское УОНО собрало ряд белорусских деревенских тканей, например, „которы“, несколько костюмов, корзин своей работы и пр. предметов домашнего обихода, рыболовных снастей и т. д. Бобруйское УОНО в своей собирательской работе охватило почти все волости и дало в целом весьма значительный материал по этнографии Бобруйщины. Минское УОНО доставило полную обстановку белорусской крестьянской хаты, вид которой переносил зрителя на Всесоюзной с.-х. выставке в крестьянскую домашнюю обстановку. Мозырское УОНО дало коллекцию народных тканей, „котор“, „абрусоў“

и пр. Интересно отметить, что закупка предметов производилась не только на деньги, но также производилась и в обмен на рожь. Некоторые учреждения, как Белселпромсоюз, Центробелсоюз и др. приняли также немалое участие в собирательской работе к выставке. Эти два учреждения представили экспонаты по кустарной промышленности Белоруссии (посуда, плетеные корзины, ткани, ковры и пр.). Собранный материал оказался весьма значительным, представляя предметы домашнего обихода, сделанные руками самого крестьянина, его сельскохозяйственные деревянные орудия (примитивы-сохи, смыки и пр.), добытые в самых глухих углах Белоруссии; народное творчество в форме богатой и красочной орнаментики тканей—плоды длинных зимних крестьянских вечеров; способы окраски тканей, сами краски; музыкальные народные инструменты („дуда", „лера", скрипка и др.); предметы рыболовства и пр. Кроме этого, по поручению выставочного комитета Белоруссии, Н. Азбукиным и К. Веселовской были составлены коллекции по народной медицине, с соответствующими описаниями: Азбукиным по Бобруйскому уезду и Веселовской по Минскому уезду. (Народные заговоры и лекарственные травы от различных болезней.) По закрытии с.-х. выставки указанные материалы поступили в Белорусский гос. музей, сильно обогатив его коллекции. Из специфических сельскохозяйственных предметов был составлен довольно обширный особый сельскохозяйственный музей при доме крестьянина. Надо отметить, что всесоюзная с.-х. выставка, втянув в работу по обследованию быта и для сбора этнографического материала Белоруссии все учительство и некоторых частных лиц, способствовала расширению и углублению зародившейся уже ранее краеведческой работы в Белоруссии, в частности в этнографической области. Белорусский государственный музей со своими отделениями в Витебске и Могилеве сыграл, во главе с энергичным И. В. Харлампповичем, директором Бел. гос. музея, немаловажную роль, забрасывая различные местности Белоруссии своими запросами относительно имеющихся в этих местностях тех или иных не обследованных и важных для изучения особенностей народного быта в Белоруссии. Таким образом, по Белоруссии сейчас раскинулась масса краеведческих организаций во главе с Институтом Белорусской культуры и Белорусским гос. музеем.

В 1924 г. работа по этнографии Белоруссии вылилась в одной довольно значительной экспедиции сотрудника Русского музея в Ленинграде А. К. Сержпутовского (известного собирателя народных белорусских сказок) и композитора-этнографа Я. В. Прохорова, которая была направлена в восточную Могилевщину для исследования языка, творчества и быта местного населения; экспедиция в течение месяца (августа—сентября) была проведена в Горецком, Гаусском, Мстиславском и Климовическом уездах, истратив 1000 рублей, отпущенных Инбелькультом. А. Сержпутовским собрано было 200 текстов белорусских песен, записаны сказки и прибаутки, в настоящее время им обрабатываемые, а композитором Я. Прохоро-

вым записаны на слух и при помощи фонографа около 150 мелодий. Кроме того, привезено экспедицией до 50 предметов по домоводству и быту Могилевской губ., которые поступили в этноотдел Бел. гос. музея. Песни предположено подготовить к печати в виде Белорусского музыкального этнографического сборника (выпуск I: Восемьдесят белорусских песен в гармонизации Я. Прохорова). Любовь белоруссa к песне вызвала необходимость выделить для изучения этой песни особую песенную комиссию при Инбелкульте, которая и была образована в 1924 г. Деятельность песенной комиссии пока замечается в собирании и накоплении белорусских песенных материалов. В течение года комиссии удалось приобрести манускрипты: 1. Н. Н. Чуркина (свыше 300 белорусских народных песен, записанных им в 1910—1913 г. г.); 2. большое собрание народных мотивов, записанных ранее И. А. Сербовым. Особо можно отметить интересный небольшой сборник белорусских народных песен Н. Аладова (мелодии) и М. Горецкого (тексты). Все эти материалы, а также и ряд других хранятся в архиве Бел. песенной комиссии Инбелкульта. В 1925 г., в связи с подготовкой к выставке декоративного искусства в Париже, была проделана исследовательская работа по выявлению художественно-декоративной стороны народного белорусского творчества. В Минске был образован особый комитет по парижской выставке. Комитетом было постановлено обследовать г. Слуцк и его округ для сбора в этой местности предметов художественно-декоративного народного творчества. С этой целью туда был командирован заведывающий художественным отделом Бел. гос. музея художник М. М. Филиппович. В результате этой поездки были приобретены у крестьян и в городе образцы декоративных тканей и ковров, а также произведено много фотографических снимков. Материал находится еще на парижской выставке. В Витебском районе для той же парижской выставки были приобретены ткани, ковры, полотенца, пояса и пр. В. м. Чашники обследовано было набивное дело кустарей и добыты образцы народной белорусской набойки.

В этой работе приняли участие ОНО, Витебский музей и Витебский художественный техникум. По Могилевщине сбор материалов для парижской выставки произвел научный сотрудник местного музея этнограф Д. Довгялло. В результате приобретены художественные народные ткани и произведены фотографические снимки и зарисовки народных костюмов. Летом 1925 г. научным сотрудником Бел. гос. музея худ. М. М. Филипповичем по предложению и на средства музея была совершена поездка по Мозырско-Туровскому Полесью с целью выяснения некоторых сторон быта этой местности и для пополнения пробелов в этноотделе Бел. гос. музея соответствующими экспонатами. Маршрут был принят следующий: г. Мозырь, по р. Припяти до м. Турова и обратно. Этот маршрут выполнен лишь на половину (до м. Петрикова). Закуплено до 200 экспонатов, среди которых находятся—старинная деревянная соха с воловьей запряжкой, люльки для курения, всевозможные бусы—„корали“, несколько старинных

женских костюмов, самодельные железные и медные кольца, гончарный станок на ходу, станок для выделки обручей, станок для выделки тростей в бёрда, детская ходуля, мышеловка деревянная и др. предметы. Произведено до 40 зарисовок пейзажа и костюма и до 20 фотоснимков. Экспонаты развернуты в этноотделе музея. В это же время ученый этнограф И. А. Сербов совершил этнологическую поездку на Могилевщину в область среднего Днепра и Сожа, затронувшую вопросы проникновения нового быта в деревню, взгляды крестьянских масс на семью, на брак, на церковь и пр. В эту поездку составлена была коллекция национальных белорусских костюмов, уборов и образчиков художественных рукоделий (до 200 предметов), фотографии с типов, сцен и предметов материальной культуры. Кроме того, при помощи фонографа записано 50 бытовых песен на 4 времени года. В целях углубления этнологической базы И. А. Сербовым были обследованы селища и городища на р. Ухлясти, Песчанке и Перегонке и произведены раскопки около Н.-Быкова. На ряду с упомянутыми этнографическими поездками и экспедициями в Белоруссии велась также и стационарная этнологическая работа. Здесь следует отметить проведенные по инициативе Минского общества истории и древностей особой комиссией, в составе председателя Н. Г. Маслаковца, И. И. Поляка и В. И. Сущинского, обследования на месте древнего Изяславля. Были изучены курганы, кольцом охватывающие Изяславль, а также местные городища. В курганах (повидимому, XI в.) были открыты мужские и женские погребения с сохранившимся в значительной степени инвентарем. В некоторых случаях были найдены наборы предметов (например пояс с кресивом и мешочком, в котором находился осилок и кремень), позволяющие сблизить культуру XI—XII вв. с позднейшей белорусской. Все добытые при раскопках материалы находились после раскопок в небольшом музее при обществе истории и древностей, а в 1922 г. переданы в Бел. гос. музей. Кроме того, в заседаниях упомянутого о-ва неоднократно делались доклады по этнографии Белоруссии, например, Демидович о белорусской свадьбе, Вакаев о погребении и пр. В 1923 г. ассистентом Смоленского гос. университета А. Н. Лявданским, по соглашению с Инбелкультом, сделаны этнологические разведки по Борисовскому уезду, вскрыто было несколько курганов в Юрьевской волости к югу от озера Великого возле застенка „Точилище“, давшие следы трупо-сожжения, в курганах обнаружены черепки урн, отнесенные к X в.; обследовано городище „Замок“ в Логойской волости в деревне Свидно на правом берегу р. Гайны, где найдены черепки с отпечатками травы. Весь материал передан Бел. гос. музею. В 1925 г. весною И. И. Сербовым были обследованы некоторые курганы в окрестностях гор. Минска и дер. Рыловщина и дер. Петровщина в 2 верстах от Минска. Результаты раскопок оказались весьма интересными по своему характеру: несколько бус, стеклянных и металлических, фибулы, гривны железные, обруч, височные кольца с бронзовыми концами и пр. предметы, позволяющие провести ряд этнологических параллелей. До-

бытый материал сдан в историко-археологический отдел Бел. гос. музея. За последнее время направляющую роль в деле изучения народного быта в Белоруссии играет Инбелкульт, выделивший ряд соответствующих секций и комиссий: археологическую, этнографическую, художественную, кустарную, песенную и др.

В распоряжении Инбелкульта на этот счет имеются ассигнования от Белорусского правительства.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА СРЕДИ ЧУВАШ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ.

А. Милли (Чебоксары—Москва).

При отсутствии сознательного культурного ядра, у чуваш в царское время общая культурная работа протекала в уродливой форме. Так как исследовательская работа требует больших специальных познаний и соответствующих материальных средств, то говорить о какой бы то ни было большой исследовательской работе среди чуваш в то время не приходится.

Были единичные добровольцы, занимающиеся изучением чувашской культуры (языка, быта и отчасти истории), но их мы за все время чувашской письменности можем насчитать немногим больше десятка человек. Имена этих исследователей всем занимающимся изучением чувашской культуры известны; из русских к ним относятся: Сбоев, Золотницкий, Магницкий, Ашмарин; из чуваш: Спиридон Михайлов, И. Н. Юркин, Н. В. Никольский, Г. И. Комисаров, М. П. Петров, Ф. Т. Тимофеев, Т. М. Матвеев.

Большинство из этих работников занималось изучением языка и истории чуваш, чисто выраженных этнографов среди них почти не было. Из старых русских работников к типу этнографов, занимавшихся этнографическим изучением чуваш, нужно отнести: Сбоева, Магницкого, а также Фукс, а из чуваш к ним относятся: Спиридон Михайлов, первый этнограф из природных чуваш, проф. Никольский Н. В., Комисаров Г. И., Юркин И. Н. Остальные пять человек—чистые лингвисты. Как будто по количеству лиц, занимавшихся чувашской этнографией, этнографическое изучение чуваш находится в лучшем состоянии, чем лингвистическое, но это преимущество только кажущееся, если принять во внимание, что почти никто из этих отнесенных к типу этнографов лиц не имел специального этнографического образования, а большинство из них являются в такой же степени лингвистами и историками (Юркин, Никольский, Комисаров). Поэтому отнесение мною последних к числу этнографов нужно считать условным.

Если за весь указанный период область этнографического изучения чуваш не обладает ни одной крупной научно подготовленной силой, то чувашский язык в этом отношении занимает хорошее поло-

жение: из пяти перечисленных лингвистов только двое не имеют специального лингвистического образования, а все остальные три работника с блестящим лингвистическим образованием. При таком фактическом соотношении сил вполне понятно то, что чувашский язык получил сравнительно хорошую научную разработку. Область же чувашской этнографии, в силу указанных условий, до сих пор еще не получила достаточной научной разработки. Сырого материала, собранного разными любителями чувашского быта, очень много, но он ждет разработки со стороны научно подготовляющихся молодых чувашских сил.

В настоящее время из перечисленных этнографов в живых только трое: старик Юркин И. Н., проф. Никольский Н. В. и Комисаров Г. И. Из них, по условиям жизни, в настоящем смысле работником на этнографическом фронте нужно считать только одного (Никольского), остальные два работника (Юркин и Комисаров) заняты добыванием куска хлеба по несвойственным им отраслям работы. Молодых чуваш, подготовляющих себя к этнографической работе, очень мало. Таким образом чувашская этнография в отношении научного исследования и разработки в первое время революции существенно вперед не подвинулась. За это время мы в научной этнографической литературе о чувашах не видим ни одного большого научного труда.

Но все же утверждать, чтобы за эти революционные годы среди чуваш не было никакой этнографической работы,—это не соответствовало бы действительности. Этнографическая работа среди чуваш, начиная с 1917 г., вплоть до последних дней, ведется прогрессивно ускоряющимся темпом в области собирания предметов материальной и духовной культуры любителями-добровольцами, в большинстве не имеющими специальной этнографической подготовки. В этом деле чувашское учительство и сознательные слои чувашских крестьян проявили небывалый энтузиазм и любовь к предметам чувашской национальной культуры. Трудами этих бескорыстных работников в г. Чебоксарах в настоящее время создан Центральный Чувашский музей, составляющий гордость чувашского культурного наследия. В этом великом культурном деле инициативная роль принадлежит Обществу изучения Чувашского края, существующему фактически с 1921 г. В этом Чувашском музее собраны ценнейшие предметы чувашского костюма, домашнего быта и т. д. Разработка этого материала, вне всякого сомнения, чувашскую этнографию поднимет на небывалую высоту.

Из работников, способствовавших собиранию предметов чувашской материальной культуры для указанного музея, следует отметить Н. А. Васильева, неоднократно разъезжавшего по разным уездам Чувашской республики по собиранию предметов чувашской культуры; М. Спиридонова, бывшего в продолжении двух лет заведующим музеем и лично принимавшего участие в собирании материалов. В особенности к ценным этнографическим работам Спиридонова нужно отнести его картины, изображающие домашнюю обстановку

чувашского крестьянина, сельскохозяйственные работы и кустарно-промышленное производство. Научная ценность этой работы талантливого чувашского художника заключается в том, что он впервые чувашский быт сделал достоянием кисти художника. Весной 1923 г. мною в Чувашский музей было доставлено порядочное количество этнографического материала (костюмы и предметы домашнего быта), записано более 3000 куплетов чувашской народной поэзии, обряды чувашского религиозного культа и много преданий о древнем быте чуваш. Мною же, помимо этой командировки, была совершена специальная поездка для изучения свадьбы чуваш Чебоксарского района. В последние годы в области собирания предметов чувашского быта, по-преимуществу материальной культуры, начал работать усиленно Елле: им приступлено к составлению географической карты чувашского костюма.

Деятельность указанных работников опирается на помощь низовых ячейковых работников. Из таких работников нужно отметить заведующего Ковалинской восьмилеткой, Н. М. Туймедова, организовавшего в своей школе кружок изучения местного края, издающего рукописный журнал на чувашском языке; а также Захарова, заведующего шестилеткой в с. Карачеве.

В г. Чебоксарах М. Петров, в связи с преподаванием чувашеведения в педтехникуме и рабфаке, через учеников собирает письменный материал по преимуществу в области чувашской духовной культуры. Т. М. Матвеев, в бытность свою в Канашском педтехникуме заведующим, вел аналогичную работу.

За последние годы, в связи с оживлением краеведческой работы по всей СССР, к чувашам с целяю этнографического исследования стали приезжать молодые студенты из Ленинграда.

Летом 1925 года в пределах Чувашобласти работали два студента из Ленинграда. Они, ввиду недолгого пребывания в командировке и незнания чувашского языка, сделать что-нибудь ощутительного в области чувашской этнографии не могли.

Сказанное об этнографической работе среди чуваш относится не ко всем чувашам, входящим в современную территорию Чувашской республики, а только к верховым (вирйал) и части низовых (анатри). Территориально это можно обозначить тремя уездами: Чебоксарским, Ядринским и Цивильским. Притом нужно принять во внимание то, что и в этих трех уездах многие уголки до сих пор остаются совершенно не исследованными. Что касается Батыревского уезда, население которого целиком относится к низовым чувашам, то культура их за годы революции совершенно не исследована. Это объясняется территориальной отдаленностью этого уезда от республиканского города чуваш, Чебоксар.

Больше половины чувашского народа находится вне Чувашской области—они расположены компактными массами в Ульяновской, Самарской, Саратовской, Сталинградской губерниях, в Татреспублике, Башреспублике, в Сибири и в других местах СССР.

За отсутствием органа, учитывающего научно-исследовательскую работу во всечувашском масштабе, останавливаться на этнографической работе среди зарубежных чуваш нет возможности. В этом отношении только можно указать на некоторые чувашские культурные центры, в которых чувашская этнографическая работа еле-еле тлеет. К таким центрам нужно отнести, в первую очередь, г. Казань с ее сильным чувашским студенчеством, руководимым в области этнографического изучения чуваш проф. Н. В. Никольским, и Чувашским педтехникумом. В Казани в качестве этнографической лаборатории имеется чувашский отдел в местном музее. В текущем учебном году в Казани организовано чувашское отделение при Казанском Восточном педагогическом институте, задачей которого является подготовка исследователей из природных чуваш по этнографии, языку и археологии.

В Ульяновске при Чувашском педтехникуме существует Чувашский музей. Этот музей постепенно пополняется новыми экспонатами по материальной культуре чуваш через учеников техникума—собиранием экспонатов руководит преподаватель предметов чувашеведения, а также старый чувашский этнограф И. Н. Юркин. Так как контингент учащихся Ульяновского педтехникума пополняется по преимуществу представителями чуваш низовых, то пробел в этнографической работе среди чуваш низовых как бы некоторым образом пополняется Ульяновской работой.

В Уфе исследованием и собиранием этнографического материала о чувашах Приуралья занимается Г. И. Комисаров.

За годы революции одно время к этнографическому изучению чуваш был сильный сдвиг в г. Саратове, под руководством проф Б. М. Соколова. Под его руководством его сотрудниками из чуваш и русских о чувашах Саратовской губернии собран большой этнографический материал, часть этого материала находится в чувашском отделе Центрального музея Народоведения, в Москве, а большая часть в Саратовском Этнографическом музее.

В только что вышедшем в Саратове этнографическом сборнике (Труды Нижневолжского Областного Научного Общества Краеведения в. 34, ч. IV. Саратов. 1926 г.) помещены три статьи учеников Б. М. Соколова—Т. М. Акимовой, П. Д. Степанова и В. П. Воробьева, посвященные этнографии чувашского с. Казанлы Вольского у. Саратовской г.

Касаясь вопроса о центрах, занимающихся этнографическим изучением чуваш, нельзя не упомянуть о Центральном музее Народоведения в г. Москве. В нем, как было указано выше, имеется специальный чувашский отдел и при нем научный сотрудник, занимающийся научной разработкой имеющихся в отделе этнографических материалов и их собиранием по экспедиционным планам музея.

Перечисленные выше этнографические работы, как мы видели, сосредоточены около тех или иных культурно-просветительных учреждений и организаций—поэтому работа при них ведется коллективными

силами добровольцев. Но наряду с коллективной формой существует индивидуальная этнографическая работа среди чуваш, ведущаяся тем или иным специалистом или просто любителем. Иногда такие изолированные работы дают в высшей степени ценный этнографический материал, в особенности, когда этим делом занимается специалист. К таким лицам из чуваш, выдвинувшимся в годы революции, нужно отнести известного чувашского талантливого композитора С. М. Максимова. Он, живя народным учителем в чувашской деревне и затем в Ульяновском чувашском педтехникуме, а также специально разъезжая по чувашским деревням, составил весьма богатый и ценный сборник чувашских песен с мотивами. Первый выпуск его сборника напечатан в Москве в 1924 г. Центральным издательством народов СССР. Он заключает в себе 84 разных песенных мотива и 27 мотивов чувашской скрипичной игры и волынки. Эти мотивы, с приложенными к ним песенными куплетами, представляют богатый материал не только для чувашской музыки, но и для чувашской народной поэзии. Книга эта достойна внимания еще тем, что она представляет первое печатное воспроизведение чувашских мотивов по итальянской нотной системе с научно редактированным текстом.

К типу таких же одиночных работников по чувашской этнографии относится учитель Васильев, окончивший курс по отделению чувашеведения в Ульяновском чувашском институте под руководством проф. Н. И. Ашмарина. По сведениям, мне известным, им за время революции по быту и духовному творчеству самарских чуваш собран весьма солидный материал (на чувашском языке).

Подводя итоги к сказанному об этнографической работе среди чуваш, мы можем констатировать следующее.

В этнографической работе чуваши в годы революции в отношении собирания и сохранения памятников своей культуры, в сравнении с дореволюционным периодом, сделали известный шаг вперед. За какие-нибудь 6—7 лет чуваши собрали большой этнографический материал около своих культурных центров, созданных ими благодаря Октябрьской революции. Это обстоятельство говорит за то, что единственным плодотворным путем для исследования чуваш явится привлечение к этой работе самих чуваш.

Это сознание уже сделалось достоянием чувашской общественности. Результатом этого является организация в г. Казани отделения чувашеведения при ВОПИ, а также командировка в Ленинград 3 лиц в Академию Материальной Культуры и другие мероприятия в области чувашской науки. Та энергичная работа, которая началась среди чуваш по подготовке своих научных исследователей в области чувашской культуры, является залогом тому, что чувашский народ, как объект науки, переходит в верные руки своих исследователей. Наука и коммунизм, сделавшиеся достоянием чувашских масс, возвратят чувашам то, что от них так несправедливо было отнято историей.

ЭТНОГРАФИЯ У ВОТЯКОВ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ.

К. П. Герд (Ижевск).

До революции в деле изучения своего края, своей истории и этнографии сами вотяки не принимали почти никакого участия. За все это время из вотяков как этнограф выдвинулся лишь единственный Г. Г. Верещагин, давший очень ценные материалы и работы о вотяках.

После революции краеведческое дело среди вотяков неожиданно развернулось и оживилось. Краеведческим делом заинтересовалась вотяцкая студенческая молодежь и национально настроенная интеллигенция. После того как вотякам открылись широчайшие перспективы для национального возрождения, после объявления вотяками своей автономии и организации Вотобласти, как административной единицы, перед всеми общественными и культурными работниками вотяками встали острые и больные вопросы: а где наш язык, наша литература, история, наша культура и т. д. Одним словом, в течение нескольких лет нужно было накопить хотя бы небольшой багаж, но багаж, который явился бы зародышем дальнейшего культурного возрождения вотяков. Всех охватил небывалый энтузиазм. Не имея за спиной никакой культурной поклажи, все смело и бодро вышли на трудный и утомительный путь, по которому нужно было шагать так, чтобы один шаг равнялся двадцати шагам, сделанным великорусской народностью.

Организация автономной Вотобласти потребовала срочной практической работы над вопросами культурно-хозяйственного строительства. Нужно было создавать заново административно-хозяйственные и культурные центры, опираясь на экономические и бытовые особенности вотяцкого населения, нужно было заново создавать школы, и учебники на вотском языке и т. д. Ежедневно сама жизнь с головокружительной быстротой выдвигала самые насущные и злободневные вопросы, разрешение которых являлось неотложным делом. Без краеведческой работы, без изучения быта, экономики, культуры, языка и других особенностей вотяков нельзя было наладить работу не только учреждений экономического характера, но и работу советско-административных организаций.

Таким образом, краеведение и, в частности, этнография у вотяков — есть дело, выдвинутое самой жизнью, выдвинутое потреб-

ностями хозяйственного и культурного строительства среди вотяков. На нем зиждется громаднейшая работа по возрождению Вотяцкого края и несомненно, что оно у вотяков имеет широчайшие перспективы в будущем и колоссальное практическое значение в настоящем.

Чисто вотские национальные организации, имеющие уклоны в сторону изучения быта, экономики, этнографии и культуры вотяков, начали организовываться лишь после революции! При чем они создавались в тех центрах, где имелись работники, наиболее преданные делу возрождения вотяков. Создавались эти об-ва стихийно и, проделав ту или иную работу, часто умирали.

1917 — 1919 годы.

Национальное общество вотяков в Казани. Об-во организовалось из проживающих в Казани удмуртской (вотской) интеллигенции в 1917 г. по инициативе известного педагога И. С. Михеева. Цели об-ва: содействие национальному и культурному возрождению вотяков, защита культурных и правовых интересов вотяков и т. д. Об-во сумело организовать в Казани издание вотяцких книг, главным образом учебников для школ I ступени. Члены об-ва издали работы: И. В. Яковлев, Песни Казанских вотяков и Исторический очерк вотяков (на вотском языке). В об-ве работали: И. С. Михеев, И. В. Яковлев, М. П. Прокопьев и др. В 1919 г. об-во прекратило свое существование.

Помимо отдельных изданий, об-во издавало в течение 2-х лет журнал для крестьян „Кулэ кенеш'ес“ („Практические советы“), где помещались статьи по домоводству, сельскому хозяйству и ряд самых необходимых практических советов по поднятию вотского хозяйства. Тут же помещались первые стихи на вотском языке и песни вотяков различных районов.

Вотское культурно-просветительное общество в Елабуге Вятской губ. Организовалось по инициативе т. Яковлева при Елабужском Уездном Земстве в 1917 г. Об-во организовало вотские учительские курсы с лекциями по истории, этнографии и языку вотяков, созывало всеудмуртские национальные съезды и положило начало организации первой Вотской учительской семинарии.

Вотское культурно-просветительное общество в г. Малмыже Вятской губ. Организовалось с 1918 г. по инициативе К. П. Герд и имело культурно-просветительные цели. Об-во собирало этнографические материалы по вотякам Малмыжского уезда и публиковало их в местных газетах: „Малмыжская Жизнь“ и „Известия Малмыжского Совета Р. К. и С. Депутатов“. В этих газетах были опубликованы т. Герд следующие материалы: Былое могущество Малмыжа (черемисско-вотское сказание) и Легенды и предания вотяков Малмыжского уезда, составляющие 8 езов (колен) эпоса вотяков племени Докья. Об-во создало первый вотский детский сад в с. Ципье,

первую национальную передвижную театральную труппу. Труппа ставила единственную тогда оригинальную пьесу на вотском языке т. Герд Югыт сюрес вылэ (На светлый путь), устраивала концерты, популяризируя народные песни и пользовалась громадным успехом. Стараниями об-ва были организованы вотские дошкольные курсы для вотячек, школы, и было положено начало организации Вотской учительской семинарии и в с. Новом-Мултане. Обществом был создан Вотский уездный совет народного образования, руководивший мероприятиями по просвещению вотяков. О-во прекратило свое существование в 1919 г.

Национальное общество „Удмурт" в г. Малмыже Вятской губ. Работало одновременно с культурно - просветительным об-вом и имело главным образом задачи национально - политические: вело работу по собиранию материалов в целях выделения вотяков в административную единицу, организовывало чисто-вотские волости, созывало уездные съезды вотяков и издавало в местной газете вотскую страничку. Организовано было по инициативе т. Герд. Имело свои филиальные отделения почти во всех вотских волостях.

Вотское национальное общество в г. Глазове, Вятской губ. Организовалось в 1917 г. по инициативе И. Поздеева, Крылова и имело цели культурно - просветительные и национально-политические. Издавало свою газету „Удмурт". Собирало ряд этнографических материалов по быту и языку глазовских вотяков. В с. Ягошуре впервые по уезду ставился вотский спектакль учительницей Урасиновой — пьеса Л. Н. Толстого От ней все качества. В 1919 г. прекратило существование в связи с фронтом.

1920 — 1922 годы.

В связи с длительной и упорной гражданской войной, а затем в связи с разразившимся в Вотяцком крае голодом, за этот период научно-краеведческая и связанная с нею общественная работа среди вотяков почти совсем прекратилась. Лишь слабым огоньком тлелась эта работа в краевом факультете Вятского института народного образования, где делались доклады по этнографии и истории вотяков. Здесь же была П. Н. Луппoвым и И. Я. Поздеевым разработана программа по истории вотяков, напечатанная потом в г. Ижевске, Вотобласти.

Небольшая работа по собиранию материалов этнографического характера шла в Центральном Комиссариате по делам вотяков при Наркомнаце в г. Сарапуле. Здесь были изданы вотские песни, сказки и легенды вотяков, разошедшиеся в тысячах экземпляров. Но организаций, специально занимающихся краеведческой и этнографической работой, не было. Даже в культурно-просветительной работе чувствовался громадный и тяжелый застой.

1922 — 1925 годы.

Научное общество по изучению вотяцкой культуры в г. Москве. Организовалось в 1922 г. из служащих и студентов-вотяков Москвы по инициативе т. Герд (адрес: Москва, Смоленский бульвар, 1 Неопалимовский пер., д. № 13. Тел. 5-85-27).

Цели об-ва: всестороннее изучение культуры вотяков, их истории, этнографии, развитие общественных форм жизни, экономических и социальных условий быта, литературы, искусства, а также распространение научных и прикладных знаний о вотяках.

Число членов об-ва доходит до 300 человек. Об-во имеет свои филиалы в Казани (160 чел.), Вятке (50 чел.) и во многих селах и деревнях. При об-ве работают секции: 1) общественно-политическая, 2) экономическая, 3) этнографическая, 4) педагогическая, 5) языка и литературы, и 6) газетно-переводческий кружок. В об-ве работает ряд научных работниов: по Москве — проф. В. П. Налимов, проф. В. Н. Харузина, проф. Б. М. Соколов, проф. Н. Ф. Яковлев, Я. В. Прохоров, М. Я. Феноменов, М. Т. Маркелов, И. Я. Бондяков, Е. А. Князева и др. По Ленинграду — проф. А. И. Емельянов, М. Г. Худяков и др. По Казани — проф. Н. В. Никольский, И. С. Михеев, И. В. Яковлев и др. По Вятке — П. Н. Луппов, А. И. Тронин и др.

Общество развернуло широкую работу по собиранию и исследованию этнографических материалов о вотяках. Летом 1926 г. об-во предполагает организовать на свои средства экспедицию к вотякам. Не имея достаточных денежных средств, об-во все-таки сумело встать на ноги и выпустило очень интересный сборник своих трудов под названием Вотяки (1-я книга) на русском языке с немецким и вотским переводом. В текущем 1926 г. выходит 2-я книга сборника общества „Вотяки".

Кружки по изучению Вотяцкой культуры в гг. Глазове и Ижевске, Вотобласти. Кружки организовались в 1923 г. при Центральных вотских клубах. За отсутствием хороших специалистов и этнографов, работа кружков поставлена слабо. Собран небольшой этнографический материал, главным образом по удмуртскому фольклору. Продолжают работать и по сие время.

Вотское научно-краеведческое общество в г. Ижевске, Вотобласти. Организовано в 1924 г. В виду того, что большинство членов об-ва заняты общественной работой, нет людей, специально работающих по обществу, работа об-ва проходит слабо.

Вотская автономная область кажется единственный край в СССР, не имеющий ни одного удовлетворительно оборудованного музея. Несмотря на богатейший этнографический материал в крае, этот материал не находит себе места в музеях. В Области имеется 2 музея: в Глазове и Ижевске. Оба организованы по почину любителей-краеведов в 1920 г. Музеи крайне бедны экспонатами. Имеющиеся экспо-

наты не датированы и поэтому теряют свою ценность. Нет достаточно хороших работников, которые могли бы взяться за организацию и широкое развертывание этих музеев. В таком промышленном центре, как Ижевск, в музее не нашла отражения местная промышленность, революционная история и т. д. Все это объясняется тем, что до сих пор не было обращено достаточного внимания на это дело: музеи не имели штатных сотрудников и до 1926 г. почти не функционировали. Зданий своих не имеют, ютятся в помещении старых церквей. Помещения сырые, темные, экспонаты портятся. Необходимо центральным учреждениям, как, например, Отделу по делам музеев Наркомпроса притти срочно на помощь вотским музеям средствами и работниками.

ЭТНОГРАФЫ И ВОТЯКОВЕДЫ.

Верещагин, Григорий Георгиевич (с. Бураново Ижевского у. Вотской области). Это — известный автор работ о вотяках. Несмотря на свой преклонный возраст, энергично продолжает работу по собиранию материалов о вотяках. Работает главным образом по общей этнографии вотяков и языку. Выпустил работу: Руководство к изучению удмуртского языка, Ижевск, 1924 г. „Удкнига". Имеет рукописи: Грамматика удмуртского языка. О воспитании детей у вотяков. О древнем происхождении вотяков. Словарь вотского языка

Борисов, Трофим Кузьмич (г. Ижевск Вотобласти. Областной Исполнительный К-т). Работает главным образом в области вотского языка и грамматики. Имеет рукописи: Полный словарь удмуртского языка. История революционного движения среди вотяков.

Максимов, Василий Андрианович (г. Ижевск, Обком РКП (б) Работает по общей этнографии вотяков. Марксист и ко всем бытовым и этнографическим явлениям подходит с материалистическим освещением. Выпустил работу: Вотяки (историко-этнограф. очерк в марксистском освещении), Ижевск, 1925 г. „Удкнига". Пишет: Бытовые особенности вотяков и использование их для партийной и советской работы.

Герд, Козьма Павлович (г. Ижевск Вотобласти. Музей). Работает по общей этнографии вотяков и вотскому фольклору. Имеет большое количество собранного материала. За время революции помещал ряд статей и работ в различных журналах и газетах о вотяках Им напечатаны статьи: Легенды и предания Малмыжских вотяков („Известия Малмыжского Уисполкома" за 1918—1919 гг.); Народная поэзия вотяков („Жизнь Национальностей" за 1921 г. и „Комі му" за 1925 г.); О вотяцком театре („Жизнь Национальностей" за 1922 г. и „Fenno Ygria", на эстонском языке, за 1926 г. № 1); Вотяки — очерк („Жизнь Национальностей" за 1919 г.); Об изучении вотяцкой музыки (там же за 1922 г.); Из истории вотского народа (там же за 1919 г.); Силуэты удмуртских поэтов (там же за 1920 г.); Вотяк в своих песнях (Сборник „Вотяки". М. 1926 г. „Центриздат"); Пословицы и поговорки

(вотяков (там же), № 1); Песни Малмыжских вотяков Сборник, Сарапул. 1920 г.; Песни вотяков — мелодии и тексты, М. 1926 г. Центриздат. Имеет рукописи: Вотяки Карлыганского края: вып. I. Быт и материальная культура; Вып. II. Устная поэзия. Вотяк в своих песнях (5000 песен). Загадки вотяков. Жилища вотяков.

Худяков, Михаил Георгиевич (г. Ленинград, ул. Халтурина, 12/15). Работает по истории и археологии вотяков. За последнее время работает над материалами по Мултанскому делу. Имеет рукописи: История вотского народа. Мултанское дело и новые материалы о нем. Романтизм вотского эпоса.

Емельянов, Аркадий Иванович (г. Ленинград, университет). Работает по общей этнографии и языку вотяков. Выпустил работу: Этнография вотяков, вып. III. Остатки старинных религиозных верований и обрядов вотяков, Казань, 1922 г. Имеет рукопись: Научная грамматика вотского языка.

Михеев, Иван Степанович (г. Казань, Муратовская, 1) работает в области вотской народной медицины и знахарства. Имеет материалы по языку и вотскому фольклору. Работает также по вопросам вотской педагогики. Имеет печатные работы: Болезни и способы их лечения по верованиям и обычаям казанских вотяков (Сборник „Вотяки", М., 1926 г., „Центриздат"). Пишет и печатает ряд пьес, крайне интересных в этнографическом отношении.

Яковлев, Иван Васильевич (г. Казань, Левая Булака, 14, кв. 2). Работает над вотским разговорным и литературным языком. Имеет собранные материалы вотских песен. Выпустил работы: Песни казанских вотяков, Казань, 1919 г. Сравнительный словарь вотских наречий, Казань, 1920 г. Основные правила вотского правописания, Ижевск, 1925 г., „Удкнига".

Прокопьев, Михаил Прокопьевич (г. Казань, Муратовская, 1). Работает по экономике вотяков и изучает сельское хозяйство вотяков. Имеет работы: Сельское хозяйство вотяков Мамадышского кантона, Татреспублики к 1924 г. (Сборник „Вотяки", М., 1926 г., „Центриздат"). Имеет рукописи: Национальные праздники вотяков Мамадышского края. Некоторые черты мировоззрения вотяков в области сельского хозяйства. Свадебные обряды мамадышских вотяков.

Луппов, Павел Николаевич (г. Вятка, Институт народного образования). Работает по истории вотяков, по истории христианизации вотяков, а также по истории вотского народного образования. Имеет работы: Громкое дело мултанских удмуртов, Ижевск, 1925 г. В. Г. Короленко и ссылка его в Вятский край, Ижевск, 1925 г. Программа по истории вотяков, Ижевск, 1922 г.

Ильин, Михаил Ильич (г. Ижевск Вотобласти, Госпитальная ул., № 1). Работает по вотскому фольклору и истории вотяков. Имеет работы: Похороны и поминки вотяков Белебеевского района Башреспублики (Сборник „Вотяки", М., 1926 г., „Центр-

издат"). Имеет рукописи: История вотяков (на вотском языке). Сказки вотяков Бугульминского края. Песни вотяков Бугульминского края (мелодии и тексты).

Ильин, Яков Ильич (г. Можга, Вотский педтехникум). Работает по вотской этнографической библиографии. Выпустил: „Кылбур'ес" (Сборник песен, загадок и поверий вотяков, Ижевск, 1925 г).

Глезденев, Павел Петрович (умер). Работал по языку вотяков. Выпустил работу: Грамматика языка народа удмурт, Вятка, 1919 г.

За это время выходили еще небольшие брошюры по языку и этнографии вотяков, но в виду того, что они ничего нового в изучение вотяков не внесли, я их не отмечаю. Упомяну лишь об очень ценном словаре Крылова: Словарь Глазовского наречия вотяков (Вятка, 1919 г.), как о первом опыте по собиранию словарного материала по отдельному наречию.

Из всего приведенного здесь краткого перечня работ отдельных вотских этнографов видно, что работа идет, захватывая все новые и новые области вотской этнографии. Необходимо только принять меры к тому, чтобы весь этот громадный материал был во что бы то ни стало опубликован.

1926. Февраль.

ИЗ РАБОТ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ОБЛАСТИ КОМИ (ЗЫРЯНСКОГО КРАЯ).

А. Сидоров (Усть-Сысольск.)

Систематические этнографические изыскания мои начались с 1918 г., со времени организации Национальной учительской семинарии в с. Устьвыми, в связи с необходимостью постановки преподавания на краеведческой основе. Здесь совместно с учащимися начала изучаться местная культура, родной язык, создавался родной театр и родная музыка. Еще в августе 1918 г. в с. Палевицы мною была записана и гармонизована зырянская песня „Утренняя Заря" и постановлен в г. Яренске первый (в г. Устьсысольске уже ставились) зырянский спектакль с номерами зырянской музыки, каковой имел исключительный успех. Дальнейшая работа мной была перенесена в упомянутую семинарию.

Собираемый фольклорный материал, а также и первые попытки литературного творчества учащихся на родном языке помещались в рукописном ученическом журнале „Утренняя Заря" (вышло три номера). В дальнейшем, в связи с переходом семинарии к русским, собирание материалов и разработка вопросов этнографии в 1920 г. были перенесены во вновь организованный Ин-т народного образования в г. Усть-сысольске, центре Коми. Здесь в течение ряда лет мной преподавались следующие дисциплины этнографического характера: 1) местная археология в связи с историей культуры Коми; 2) этнография Коми; 3) история материальной культуры (на местном материале); 4) методика краеведения и музейное дело; 5) литература Коми.

Преподавание дисциплин всегда носило исследовательский характер, так как комплектование, разработка материалов, подведение итогов по отдельным вопросам курса всегда происходили при активном участии учащихся. Работа, кроме того, велась в семинарии и в кружке по краеведению, работавших под моим руководством. Здесь практически был разработан ряд вопросов учащимися: 1) метод пережитков в этнографии и истории культуры; 2) коневодство и знахарство в Удорском крае; 3) рождественские гадания зырян Сторожевской волости; 4) быт охотника-зырянина; 5) особенности психических переживаний зырянина-охотника; 6) обычное право зырян; 7) внешний быт зырянина-земледельца. Кроме этого, учащимися разрабатывались темы по монографическим источникам, например, „Вогулы, по Гондатти и

Носилову", „Биармия в отношении к зырянскому краю" (по Тиандеру). Изучалась Калевала в следующих разрезах: „География страны Калевы", „Внешний быт по Калевале", „Положение женщины по Калевале", „Народное миросозерцание по Калевале".

Революционные годы дали ряд лиц, прошедших мои курсы по этнографии, одни из которых работают в данном направлении в школах Области, другие продолжили свое образование под руководством этнографов центра (Г. Старцев Богораз-Таном оставлен в качестве научного работника при Ленинградском университете). Из работ моих учеников напечатаны: 1)Н. Шахов, Краткий, Коми-русский Словарь, Устьсысольск, 1924 г. Коми-издательство, 72 с. 2) П. Доронин, Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости Устьвымского уезда, журнал „Коми-Му", 1924 г., № 1. 3) А. Сивков, Способы рыбной ловли в д. Граддор (по-зырянски), ж. „Коми-Му", 1924 г. № 7—10, стр. 114—118.

В настоящее время, благодаря ликвидации Ин-та нар. образ., моя научная работа сосредотачивается в О-ве Изучения Коми края, в Бюро Краеведения и в редакции журнала „Коми-Му" (в первом и во втором состою ответственным секретарем, в третьей—редактором по краеведческому отделу).

В продолжении своей преподавательской деятельности ежегодно в летний сезон совершал, иногда с тем или другим из учащихся, научные поездки по краю по собиранию материала. При поездках преследовались комбинированные задачи: палеоэтнологические изыскания, изучение материальной культуры и верований, учет архивов и собирание музейного материала. В течение ряда лет, передвигаясь иногда собственными силами на лодке, иногда пешком, пройдено мною по краю до 5950 верст. Последовательно изучались: Вымский край в 1917 г. Вашско-Лизенский в 1920 г., Вычегодский в 1921 г., Сысольский в 1922 г., Вишерский в 1923 г., Ижмо-Печорский и Локчимский—в 1924 г.

В результате мной обнаружен ряд стоянок позднего неолита и описан ряд могильников XI—XII вв. и позднейших.

По материальной культуре наблюдения и материалы обесценивались отсутствием фотографического аппарата и требуют дополнительных работ.

По части верований и фольклору собран богатый материал. Часть из него вошла в статью: Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян, „Коми-му", № 1, 1924 г., стр. 43—50, другая — составила еще ненапечатанную статью: „Знахарство, колдовство и порча у зырян" на 4 печ. листа.

Дальнейшая обработка последней статьи приостановилась за отсутствием этнографической литературы на месте. Кроме этого, составлена и издана Коми-издательством, правда, с большими дефектами, „Программа по историко-этнографическому изучению Коми края" (см. „Программы по изучению Коми края", стр. 24—64). Статья Морфологическая структура Коми языка отпечатана в качестве прило-

жения к коми-русскому словарю Н. Шахова (стр. 73—85). Рецензия на статью Дьячкова Зыряне помещена в журнале „Коми-му", № 2, 1925 г., стр. 54—57.

Собран словарный материал, не попавший в вышедшие до сих пор зырянские словари, в количестве до 1 000 слов. Записывались также тексты по народной словесности. Зимой 1924 г. в с. Палевицах Устьвымского уезда, между прочим, записана сказка, содержание которой совпадает с содержанием сказки, записаной Н. Харузиным в 1888 г. в Лапландии (Н. Харузин, Лопари).

Коми областной музей строился также при ближайшем моем участии. Часть экспонатов поступила от ликвидированной Учительской семинарии, кроме того, во время краеведческих поездок постоянно приобретались экспонаты археологического и этнографического значения. Дальнейшая продуктивность научных работ по этнографии будет зависеть от возможности осуществить проработку местного материала в условиях центральных книгохранилищ, музеев и под руководством соответствующих авторитетов.

ЭТНОГРАФИЯ В КРАЕВЫХ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ УКАЗАТЕЛЯХ 1918—1925 гг.

М. К. Азадовский (Иркутск).

Последние годы перед революцией ознаменовались в этнографии расцветом библиографических изучений. В 1910 г. появляется монументальный указатель литературы о внешнем быте Д. К. Зеленина. Выходят его же три тома Описания Архива Географического Общества. Комиссия по народной словесности при московском О-ве Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии выпускает ежегодные обзоры литературы по фольклору (вышло три выпуска 1911—1913 гг.). В редакционной комиссии Этнографического отделения Русского Географического Общества обсуждался план детально разработанного библиографического указателя к „Живой Старине" (представленный Н. А. Виташевским) и т. д. Наконец, целый ряд этнографических указателей разрабатывался и подготовлялся в провинции.

Кризис в научной жизни страны особенно тяжело отозвался на этнографических изучениях; так, например, до сих пор не было восстановлено издание этнографических журналов ни в Москве, ни в Ленинграде, оборвались и библиографические работы в области этнографии. Из специально-библиографических работ по этнографии или народной словесности можно назвать только вышедшую в 1924 г. работу Н. Л. Бродского, Н. А. Гусева и Н. П. Сидорова: Русская устная словесность. Темы. Библиография. Программы для собирания произведений устной поэзии. Но, в сущности говоря, назначение этой работы не специально библиографическое: она задумана и выражена в ином плане. Это пособие для семинарской работы, указатель главнейшей литаратуры, отнюдь не исчерпывающего характера. Такого же типа и работа М. Азадовского: Сибирские темы в изучении русского устного творчества, Сборник Трудов Иркутского Госуд. У-та, в. IX, Иркутск, 1925 г.

Но если специально-этнографическая библиография приостановилась в своем развитии, то собственно-библиографическая работа за этот же период, несмотря на все тяжелые условия, пожалуй, еще более окрепла. Она оказалась на этот раз связанной с самым мощным, научно-общественным движением нашего времени—с краеведением.

Библиография стала почти исключительно разрабатываться в областном или краевом плане. Вместе с тем библиография уходит из столичных центров в провинцию. С 1917—19 гг. начинается стихийный рост библиографических организаций при различных провинциальных центрах. Библиографическое бюро при Институте Исследования Сибири в Томске, библиографическая комиссия при Восточно-Сибирском отделе Русского Географического общества в Иркутске, комиссия по библиографии Севера при Вологодской публичной библиотеке, библиографические комиссии при Совете обследования и изучения Кубанского края, при Костромском Научном О-ве по изучению местного края, при О-ве Исследователей Рязанского края, при Абхазском Научном О-ве, при Северо-Кавказском институте краеведения и т. д. и т. д.

Правда, это движение не могло сохраниться в полной мере. В силу различных, по преимуществу экономических, причин в настоящее время замечается свертывание этих библиографических учреждений или переход их на работы меньшего масштаба. Но тем не менее за это время выполнен целый ряд крупных и значительных работ по краевой библиографии, учет которых имеет важное значение и для этнографии.

Наиболее интенсивно велась и ведется эта краевая библиографическая работа на Севере. Еще в 1919—20 гг. в „Материалах по изучению и использованию производительных сил Северного края“ Научно-Технического Комитета ВСНХ (вып. 1—2) печатался библиографический указатель газетных и журнальных статей за 1919 и начало 1920 г. Главным образом в нем была библиографирована литература о природных богатствах и экономике края, но частично, в связи с вопросами обще-краеведческого характера, были затронуты и этнографические материалы. В 1921 г. О-вом Изучения Северного края издается труд П. А. Дилакторского: Опыт указателя литературы по Северному Краю с 1766 до 1904 г. Нам, к сожалению, не удалось лично видеть эту работу; по отзывам авторитетных рецензентов—это ценнейший, хотя и не свободный от недостатков труд. А. и В. Веселовские в своей работе о вологжанах-краеведах так характеризуют эти недостатки: „Автор не приводит списка всего использованного материала, так что грядущему дополнителю его придется использовать все заново, если он желает дать что-либо исчерпывающее, а в дополнениях опыт нуждается. Заглавия порой парафразированы, №№ и годы журналов перепутаны, имена авторов иногда не приведены, иногда спутаны“. „Но не смотря на это,—заканчивают авторы,—такой указатель как опыт ценен уже с практической стороны, как terminus a quo. В библиографии Северного Края труду Дилакторского, видимо, суждено занять такое же место, как знаменитому труду Межова в Сибирской библиографии“.

С 1923 г., с первого № журнала „Север“ начинается публикация, в виде приложения к журналу, „Трудов Комиссии по библио-

графии Севера" при Вологодской публичной библиотеке: „Библиография Севера", вып. I, 1917—1922 гг., под ред. Вл. Ельцова и Н. В. Ильинского. Материал тщательно описан и раскласси-фицирован по десятичной системе. Этнографу особенно важны материалы, помещенные в первом №: общая библиография, издания различных обществ и ученых учреждений, этнография. Н. В. Ильинскому принадлежит также небольшой, но тщательно выполненный библиографический указатель некоторых книг и статей о Тотемском крае,—приложение к статье того же автора: Тотемский край в прошлом и в настоящем. Опыт характеристики производительных сил. „Материалы по изучению и использованию производительных сил Северного Края", Вологда, 1920 г.—Архангельскому краю посвящен указатель А. Н. Попова, Указатель литературы по Архангельскому краю, Архангельск, 1924 г., 36 стр. Рекомендательный каталог книг по отделам: Общая география края. Природа края. Хозяйство края. Этнография. История. Библиография. Этнографическая литература подобрана по народностям: русские, лопари, зыряне, но представлена довольно скудно. Для истории народного искусства не бесполезен будет библиографический указатель, приложенный к книге И. В. Евдокимова: Север в истории русского искусства, Вологда. 1921 г. Указатель содержит около 1 000 №№.

Для Костромского края—В. Смирнов и Н. Умнов, Материалы по библиографии Костромского, края в. 1. Общие справочные издания. 2. Ест.-истор. издания и статьи, Кострома, 1919 г. „Труды Научного О-ва по изучению местного края", в. XV, 48 стр. Для этнографии имеет большое значение помещенный в первой части указатель календарей и справочных книжек, земских ежегодников и календарей, списков населенных мест, путеводителей, карт, периодических изданий и общих описаний Костромской губ. Выпуск 2-ой этого труда, вышедший в 1925 г., посвящен уже всецело антропологии и этнографии. Кроме этих работ, следует назвать небольшую работку И. Шумского: Указатель литературы о Солигаличском крае, Солигалич, 1923 г., 15 с. (Заглавие почему-то приведено на обложке брошюры в кавычках). Отд. V указателя посвящен населению—антропология и этнография.

Центральный район обследован сравнительно гораздо скуднее. Здесь можно назвать один только значительный труд—по Ярославскому краю. Это монументальный указатель И. Г. Огурцова, Опыт местной библиографии. Ярославский край. 1718—1924. С пред. проф. В. Н. Бочкарева. Секция краеведения при Ярославском ест.-историч. и краеведч. о-ве, издание Ярославского губ. с.-хоз. и кредит. союза кооперативов, 448 с. в 2 столбца. Зарегистрировано свыше 11 000 №№. Этнографические материалы сгруппированы в отделе Б: население Ярославского края в прошлом и настоящем, его история, быт и занятия. К сожалению, деление внутри отдела крайне несовершенно: I — археология, II — история, III — исто-

рические домументы, IV—церкви и монастыри, V—зодчество и живопись, VI—города и другие пункты губернии, VII—сословия, VIII—этнография, IX—быт (свободное изображение в литературе) и т. д. Частично этнография проникает и в следующий отдел: общественная деятельность населения и ее культурная обстановка.

Указатель И. Г. Огурцова—единственно крупная работа по библиографии центральных губерний РСФСР,—далее следуют мелкие указатели: по Тверскому краю—А. Н. Вершинский, Тверской край. Указатель книг по истории, этнографии и экономической географии, ч. I, Тверь, 1923 г. IV+16 с., 152 №№, Материал распределен по 3-м основным отделам: I—первобытная культура, II—история Тверского края, III—антропология, этнография, фольклор-диалектология. Но последний отдел очень беден и представлен всего 25 №№, впрочем, некоторые материалы по этнографии частично включены и во второй отдел, наиболее тщательно разработанный. В 1924 г. вышла вторая часть работы А. Н. Вершинского, но в ней уже нет этнографических материалов. Из других указателей—А. А. Мансуров, Краткий библиографический указатель по Рязанскому краю, применительно к нуждам трудовой школы, Рязань, 1925 г. В журнале „Нижнее Поволожье", Саратов, печатается с 1924 г. указатель литературы по Нижнему Поволожью за период 1917—1924 гг. (№№ 2, 3, 6, 10, 11, 12, 13). Работа еще не завершена, и этнографические материалы, видимо, составят содержание только следующих выпусков.

Гораздо интенсивнее изучаются окраины, а также автономные республики и области. Во главе всех в этом отношении—Украина. В издававшемся в 1918 г. журнале „Наше Минуле" печаталась библиография украинской литетатуры за военные годы: Ол. Гуцало, Ucrainica книжки й неперіодичні видання років 1914—1917 г. „Наше Минуле" 1918 р., I, с.с. 207—209,—посвящены этнографии и фольклору. К этой статье „додатки" опубликовал И. Айзеншток в том же журнале, № 3,—среди добавлений имеется и этнографический материал. С 1913 г. возобновляется издание начатых в 1909 г. „Материалов по украинской библиографии, издаваемых библиографической комиссией Наукового Товариства імени Шевченка в Львове"; в этом году выходит IV т., посвященный списку работ І. Франка (о нем ниже), и в 1924 г. выходит вып. V—„Матеріяли до українськоі бібліографії. Видае бібліографічна комисія Наук. Тов. ім. Шевченка, т. V, вип. I, Бібліографія українознавства за 1914—1923 рр. Зібрав Іван Калинович, вип. I. Історія України. Публикації в Українськый мови. Этнографу особенно важен отдел историографии. Тому же автору принадлежат: Літопис української публикації за 1918 рік, „Книга", 1921 г., кн. I, с.с. 47—69; не окончено, печатание оборвалось на букве Р, и „Бібліографія за 1923 рік", „Нова Україна", Прага, 1923 р. №№ 4, 6. Учету литературы, вышедшей за рубежом, посвятил работу Л. Биковський, Українська бібліографія

на еміграції Українське книгознавство, Варшава, 1922 г. Зб. I, с.с. 1—44.

В литографированном издании для студентов Украинского университета вышли лекции Ів. Крипякевича Українська історіографія XIX—XX вв. Львов, 1923 г.; в приложении напечатана „Бібліографія української історіографії XIX—XX в.в., Перша частина". Наконец, отметим две специальных работы, имеющих большое значение для этнографических изучений: указатель по картографии—Акад. Павло Тутковський, Матеріяли для бібліографії мапознавства України (мапи, плани, атласи, альбоми, мапознавча література), ч. I, у Київі, 1924 р., изд. Укр. Академии Наук, „Зб. істор-филол. відділу", № 16, 60 с., и специальный указатель о кобзарях и думах, составленный Зеноном Кузелей—в приложении к книжке Вас. Емец'я Кобзата кобзарі, „Бібліотека Украін, Слова", № 34, Берлин, 1923 г.

Из работ по белорусской библиографии нам известны „Курсы Белоруссоведения. Лекции, читанные в Белорусском Народном Университете в Москве летом 1918 г.", М. 1918—1920 г.г., 303 с. С библиографическими указателями по каждому вопросу. Сборник лекций Д. Н. Анучина, Е. М. Чепурковского, Н. А. Янчука и др. В этом же томе напечатано: „Спіс выданняў па беларусскуй письменнасці" с.с. 289—293. Затем недавно опубликована небольшая работка, посвященная Витебскому краю: М. Каспяровіч и М. М. Багародзкі, Бібліографія Віцебшчыны (матарьялы), „Віцебшчына", Непереядычны орган Віцебскаго акруговага Таварыства Краязнаўства, Віцебск, 1925 г., с.с. 135—147. Материал распределен в алфавитном порядке, этнографические работы в особую рубрику не выделены.

Большая работа проделана на Кубани и на Кавказе. В нескольких выпусках „Трудов" Совета обследования и изучения Кубанского края печаталась „Библиография Кубанского края", систематический указатель литературы с рецензиями—коллективный труд библиографической секции под ред. Б. М. Городецкого.

В I томе „Трудов" опубликованы: вып. 1. Общие сочинения. I. Библиография, Екатеринодар, 1918 г., VII+32 с., вып 2. Сборники и периодические издания научных и общественных учреждений 1918 г. 33—80 с., вып. 3—5, вышедшие в 1919 и 1922 гг., заняты продолжением той же работы (с.с. 81—224). На основе этих предварительных работ создалось ценное библиографическое пособие Б. М. Городецкого, Наш край. Источники для изучения Кубани и Черноморья, вып. I, Краснодар, 1924 г., с. 132. В опубликованный выпуск вошли следующие отделы: I. Библиография, II. Картография, III. Общая география, IV. Сборники, V. Справочники и календари, VI. Путеводители, VII. Путевые очерки, VIII. Описания отдельных местностей, IX. Климатология и метеорология, X. Общие сочинения по геологии и палеонтологии. Всего 105 №№. Специально этнография, видимо, войдет в следующие выпуски, но этнографические материалы

включены почти во все отделы, кроме двух последних. Следует отметить, что составитель не ограничивается перечнем заглавий, но приводит материал с подробными аннотациями, а иногда даже с оценочными замечаниями.

В „Трудах“ же Совета обследования и изучения Кубанского края за 1922 г. вышла работа Б. М. Городецкого, уже переходящая за пределы узко-краевого значения. Это—Местная библиография России. 1. Библиография и краеведение (вступительный очерк общего характера). 2. Топо-библиографические указатели и обзоры. К сожалению, перечень топо-библиографических указателей весьма далек от полноты. Ряд ценных дополнений (около 25 №№) сделан в рецензии Н. Д. Игнатьева („Библиотечное Обозрение“, вып. II, Ленинград, 1925 г.)

Широкие библиографические планы намечены кавказскими краеведческими обществами и учреждениями. Пока напечатано: Г. А. Дзагуров. Указатель статей по кавказоведению, вошедших в газету „Терские Ведомости“ с 1883 по 1916 г. „Изв. Северо-Кавказского (Горского) Педагогического Института“; в Баку вышло два выпуска работы А. В. Багрия, Материалы для библиографии Азербайджана, изд. Библиографической секции Бакинского Дома Работников Просвещения, Баку, 1924 г. Первый выпуск (1 200 №№) посвящен указателям и общим сочинениям, из них огромное значение для этнографии имеет отдел географический и путешествия. Вып. II содержит 1659 №№ и включает отделы: этнография, словесность, просвещение (с.с. 40—66), народная словесность (с.с. 32—39), история, археология (с.с. 40—66). Едва ли только можно безоговорочно согласиться с таким объединением в один отдел этнографии и просвещения. В Тифлисе Закавказской Научной Ассоциацией закончено и подготовлено к печати два выпуска (каждый приблизительно по 200 с.) коллективного труда „Библиография Закавказья“.

Из туркестанских изданий нам известно о существовании „Краткого библиографического указателя литературы по Туркестану“, Ташкент, 1924 г., 112 с. Можно еще назвать работу Н. А. Бурова, Точные науки в Туркестане в 1917—1924 гг. Указатель литературы по естествознанию и математике, вышедшей в Туркестане за указанный выше период времени. („Известия Туркестанского отд. Русского Географичеекого о-ва“, т. XVII, Ташкент, 1924 г.), но для этнографа он имеет крайне ограниченное значение и представляет некоторый интерес только по отделу географии и картографии.

В Сибири с 1919 г. начало работу Библиографическо бюро при Институте Исследования Сибири в Томске. Сравнительно за короткий срок бюро было составлено свыше 30.000 карточек журнальных статей за период 1901 до 1917 г. включительно (а для некоторых изданий исходным пунктом был взят 1891 г.). На основании этих работ приготовлен к печати ряд библиографических монографий: „Сибирь

в общей русской журналистике", под ред. М. Азадовского и „Сибирь в исторических журналах", под ред. М. А. Слободского (принята к печати в одном из московских изд-тв). Обе за период 1901—1917 гг., т.-е. за первый период XX в.); в каждом из монографий большое количество этнографических материалов. Специально этнографии посвящена третья монография Библиографического бюро: „Сибирь в этнолого-географических изданиях", также под ред. М. А. Слободского.

Кроме того, библиографическая работа велась Обществом Этнографии, Истории и Археологии при Томском университете, составленные им карточки позже перешли к Библиографическому бюро при Институте Исследования Сибири, а в „Трудах" Общества был опубликован труд М. Азадовского, Обзор библиографии Сибири, Томск 1920 г., с. 48. Обзор всех библиографических работ по Сибири (в области гуманитарных изучений). Для этнографа важны следующие отделы: I и II. Указатели общего характера и периодических изданий, III—IV. Библиография отдельных частей Сибири и отдельных народностей, V. Библиография отдельных наук и VII. Библиография. Обзор и история библиографического обследования Сибири (в том числе и области этнографии) сделан также в статье того же автора Задачи Сибирской библиографии, „Сибирские записки", Красноярск, 1919 г., № 6.

В 1921 г. библиографическая работа в Томске прекратилась. Руководящая роль перешла к Иркутску. Планомерное географическое обследование было включено в программу работ Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества (ВСОРГО). Видное место соответственно этому заняла библиография и в программе издаваемого ВСОРГО журнала „Сибирская Живая Старина". Во исполнение намеченного плана в журнале были помещены следующие труды по библиографии: М. Азадовский, Литература по этнографии Сибири. Перечень статей в периодических изданиях 1891—1900, „Сибирская Живая Старина", в. II, 1924 г., и отд. оттисками, 34 стр. в два столбца, зарегистрировано 740 №№. Материал расположен в алфавитном порядке с приложением пяти указателей: географического, племенного, подробного предметного, собственных имен и указателя смежных дисциплин. Продолжением этой работы является выполненный М. А. Слободским указатель этнографической литературы о Сибири с 1901 г. Литература по этнографии Сибири в этнолого-географических повременных изданиях 1901—1917 гг. Ч. 1. Периодические издания Европейской России, „Сибирская Живая Старина" в. III—IV и отд. оттиском, около 350 №№, также в два столбца. Работа выполнена по материалам Томского Библиографического бюро; главным отличием ее является подробная аннотация. Кроме этих трудов, следует отметить библиографические работы, посвященные отдельным племенам Сибири: П. Хороших, Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности, „Сибирская Живая Старина", в. I, 1923 г., и отд. оттиском стр. 24,

и его же, Якуты. Опыт указателя историко-этнологической литературы об якутской народности. Под ред. и с пред. Э. К. Пекарского, „Известия Восточн.-Сиб. отд. Рус. Геогр. общества", т. XLVIII, в. I, Иркутск 1924 г., с. 48. К сожалению, обе эти ценные и нужные работы страдают некоторой механичностью и недостаточной проработанностью. Отсутствие подробных аннотаций в такого рода частичных библиографических работах ничем не может быть оправдано. Принципиальные возражения и оценка работ П. П. Хороших сделаны нами в специальной рецензии на последнюю работу в журнале „Северная Азия", М. 1925 г., № 3. В той же „Сибирской Живой Старине", вып. III—IV, помещена библиографическая работа Е. Я. Самойловича, посвященная одному частному вопросу этнографической литературы: Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири, 12 с., зарегистрировано 72 №№. К сожалению, как выяснено рецензиями и более поздними работами, указатель Е. Я. Самойловича, несмотря на ограниченность относящейся сюда литературы, очень неполон и небрежно выполнен.

Крупнейшим явлением сибирской библиографии является выпущенный губернским Енисейским Экономическим Совещанием труд В. П. Косованова, Библиография Приенисейского края. Систематический указатель книг и статей на русском и иностранных языках, публикованных с 1612 по 1923 гг. включительно. Т. II. Филология, чистые (точные) науки и прикладные знания, Красноярск 1923 г. XII+296+XV+8 с. опечаток. Зарегистрировано в II т. до 8000 №№, а весь труд содержит 30 тысяч №№. Этнографические материалы находим в отделе IV: фиолология, куда входят наречия местного русского населения, наречия инородческого населения; затем в отделах: доисторическая археология, антропология и этнография.

Всего по этим отделам зарегистрировано немного более 700 №№. Но так как материал распределен по десятичной системе, а последняя разрывает этнографию, совершенно естественно распределяя материал по рубрикам естественных и социальных наук, то в этом томе, под рубрикой „этнография", не находится важнейшей этнографической литературы о крае: например, о шаманизме, о демографии, по фольклору и т. д. Эти материалы должны войти в I том, все же издание рассчитано на три тома. В значительной степени портит замечательный труд В. П. Косованова обилие опечаток, из которых далеко не все оговорены — результат печатания в провинциальных условиях.

В тобольском журнале „Наш край", 1924 г., № 3, помещен небольшой, очень неполный Предметный Библиографический указатель печатных трудов по Тобольскому Северу А. А. Дунина-Горкавича. В Верхнеудинске, в 1923 г. вышел рекомендательный Краткий указатель литературы по Прибайкалью, составленный верхнеудинскими краеведами: В. Гирчен-

ко, К. Вельминым и А. Бажиным (Верхнеудинск 1923 г., 126 с.). По умелому подбору литературы этот указатель должно причислить к числу дачнейших работ такого типа. Наконец, в 1925 г. во Владивостоке вышла работа, также ставящая себе прежде всего рекомендательные цели, но значительно порой их расширяющие: З. Н. Матвеев, Что читать о Дальне-Восточной области. Опыт систематического указателя (классифицированного по международной десятичной системе). Владивосток 1925 г., изд-тво „Книжное дело", 248 стр., зарегистрировано 3973 №№. Этнографические материалы в отделах: библиография, периодические издания, общие сочинения, научные общества, календари, религия, статистика и население, национальные меньшинства, этнография, антропология, фольклор, языкознание. Собственно этнографических №№ около 200. Помимо материала, относящегося к Дальневосточной области, в указатель включена и литература, относящаяся к Забайкалью, но очень неполно.

Видное место в краевой библиографии занимают библиографические словари и указатели. Из них на первое место следует поставить большой труд А. и В. Веселовских: Вологжане-краеведы. Источники-словаря, Вологда 1923 г., 161 с. В предисловии сделан ценный опыт группировки краеведов по главным темам их деятельности. Из этнографов в словарь Веселовских вошли: Н. П. Титов, Ф. Ф. Арсеньев, П. Д. Волков, С. А. и П. А. Дилакторские, М. М. Куклин, В. Е. Кичин, Н. А. Иваницкий, А. Е. Бурцев, А. А. Шустиков, П. Е. Шенников, А. В. Круглов, М. Б. Едемский, А. С. Непенин. И, кроме того, зыряноведы— П. И. Савваитов, М. И. Михайлов, Ю. С. Лыткин, А. В. Красов, А. А. Сахаров и К. Ф. Жаков. Выше был назван указатель по Солигаличскому краю И. Шумского; тому же автору принадлежит небольшая брошюрка Краеведение в Солигаличском уезде, Солигалич, 1925 г., 15 с. Кроме обзора деятельности Солигаличского отдела, в ней приведена био-библиографическая справка Солигаличане-краеведы, а также Материалы для словаря солигаличских деятелей и уроженцев. Из этнографов упомянуты: Ф. Митинский, А. А. Кудрин, И. В. Шумский. Имеются био-библиографические материалы и в упомянутом выше труде Огурцова (по Ярославскому краю), но этот отдел разработан недостаточно тщательно. В 13-м выпуске „Докладов" Переславль-Залесского Научно-Просветительного общества (1925 г.) напечатан список работ М. И. Смирнова. В Иркутске успешно работает в этой же области П. П. Хороших. Ему принадлежит ряд био-библиографических очерков: Мих. Пав. Овчинников, как краевед („Сибирская Живая Старина", в. II); Исследователи Якутии Вс. М. Ионов („Сибирская Живая Старина", в. III—IV) и М. Н. Хангалов („Этнограф. Бюллетень ВСОРГО", № 7). В „Этнографическом бюллетене" № 4 помещен био-библиографический очерк О. А. Зеленикиной, посвященный ста-

рому сибирскому этнографу Н. А. Кострову. Во Владивостоке в 1922 г. вышла брошюра: И-ч, Писатели, ученые, и журналисты на Дальнем Востоке 1918—1922 гг., 72 с. В библиографическом отношении указатель крайне неудовлетворителен и даже просто неряшлив, но для этнографа—все же не бесполезен, благодаря имеющимся сведениям био-библиографического характера о местных деятелях по этнографии (В. К. Арсеньеве, И. А. Лопатине, А. М. Мерварте, С. И. Широкогорове и др.). Наконец, этнологической секцией Вост.-Сибирского отдела Русск. Географ. о-ва подготовлена к печати и в скором времени будет опубликован предварительный список Восточно-Сибирских этнографов.

В заключение этого отдела назовем две весьма важных для этнографа работы био-библиографического характера, вышедшие на Украине: Волод. Дорошенко. Спіс творів Ів. Франка. З додатком статей про нього і рецензій на його писанія, в. I (№№ 1—2044), 80 с., в серии „Материалов по Украинской библиографии", т. IV, Львов, 1918 г. Материал распределен хронологически и в означенном выпуске доведен только до 1887 г. (включительно). В издании Украинской Академии Наук напечатан был био-библиографический очерк, посвященный известному исследователю устного творчества А. М. Лободе: „Академик Андрий Лобода (1894—1924 гг.) Коротенький життепис і спіс науковых праць". Київ, 1924 г., изд. Укр. Академии Наук, 15 стр.

Условия работы последних лет, оторванность научных работников друг от друга, неосведомленность о производящихся и произведенных работах, усиление научной деятельности в провинции,—все это выдвинуло и сделало популярным различного рода обзоры. Так, например, работы по фольклору последних лет впервые были под'итожены в обзоре Р. Якобсона и П. Богатырева, Славянская филология в России за 1914—1921 гг., „Slavia", 1922—1923 гг., №№ 1, 2, 4, Praha,—вышло также отдельной книжкой в издательстве „Опояз", Берлин, 1923 г. К сожалению, авторы останавливаются по преимуществу, на столичных, особенно на московских работах. Большая провинциальная продукция ускользнула от их внимания. Начальная дата обзора—1914 г. объясняется тем, что работа предназначена в первую очередь для западных славистов, оторванных от русской науки со времени войны. Такое же назначение имеет и весьма обстоятельный и подробный обзор известного этнографа Дм. К. Зеленина Die russische volkskundliche Forschung in den Jahren 1913—1922. „Zeitschrift für slavische Philologie" 1924 г. B. I—II (окончание будет в 1925 г.). При чем в этот обзор также проник областной принцип: обследуемая литература распределяется по содержанию—пока обследованы: общая библиография, общие труды—а внутри каждого отдела по областям. На таком же сочетании этих двух принципов построен обзор Н. М. Элиаш, Новейшие работы по русско-сибирскому фольклору, „Северная Азия", 1925 г., V—VI, и написанный автором настоящей статьи, по просьбе

редакции „Etnologischer Anzeiger“, обзор этнографических исследований в Сибири за два последние года (Etnologische Forschungen in Sibirien in den Jahren 1924 — 1925).

В обзоре П. К. Казаринова Сибирское Краеведение, Краткий библиографический обзор последних лет (1920—1923 гг.). „Сибирская Живая Старина“, 1924 г. и отд. оттиском, охвачена довольно полно сибирская продукция эпохи революции и гражданской войны, среди которой весьма заметное место занимает, конечно, и этнография. Обзоры такого типа было бы желательно видеть выполненными и для других частей страны.

ЗАМЕТКИ.

„КАРА-КОСМОС" РУБРУКА.

В массе интереснейшего этнографического материала, который мы находим у миссионера Вильгельма де Рубрука, по поручению французского короля Людовика IX совершившего свое известное путешествие по Татарии в 1253—54 гг. [1]), есть довольно пространное описание одного напитка, употреблявшегося в ставках татарских владык.

В главе VI (с. 74), говоря о различных молочных продуктах кочевого хозяйства, он пишет между прочим: „Они (татары) делают также для нужд важных господ кара-космос, т.-е. черный кумыс. В этом случае кобылье молоко не свертывается. Правилом служит то, что ни у одного животного, если оно не стельно, молоко не подвергается свертыванию. Если в брюхе кобылицы нет зародыша жеребенка, то молоко кобылицы не свертывается. Итак, они настолько сбивают молоко, что все, что в нем есть густого, идет прямо на дно, как винная гуща, а то, что чисто, остается сверху, и оно напоминает собой сыворотку или белый виноградный сок. Гуща бывает очень бела, дается рабам и наводит глубокий сон. Светлую часть пьют господа, и это, несомненно, напиток очень приятный и хорошего действия. Около своего становища, на расстоянии дня пути, Батый имеет тридцать человек, из которых всякий во всякий день служит ему таким молоком от ста кобылиц, т.-е. во всякий день (он получает) молоко от трех тысяч кобылиц, за исключением другого, белого, молока, которое приносят другие".

Это описание подало мне мысль поискать следов кара-космоса (кара-кумыса) у современных турков-кочевников, тем более что у меня возникли кое-какие сомнения относительно правильности сведений, полученных Рубруком от своего переводчика и не проверенных им собственными глазами, по всей вероятности.

Ошибочно, разумеется, предположение, что не свертывается молоко не стельной матки любого животного (кобылицы в данном случае), как передает соответствующую фразу А. І. Малеин. Перевод Рокхилля [2]), повидимому, более точен: „молоко той матки не свертывается, у детеныша (плода) которой (еще до или в момент рождения) не находится в желудке свернувшееся молоко". Я воздержусь от оценки первой половины этого положения, что же касается второй половины, то мы знаем, что ферментом, взятым из желудка новорожденного теленка или ягненка (которое, очевидно, татары принимают за свернувшееся молоко), заквашивают молоко, приготовляя из него сыр (например, овечий сыр — пенир, у крымских татар). Но в каком отношении присутствие этого фермента стоит с молоком матки, неясно.

---

[1]) Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука. Перевод А. І. Малеина. Изд. А. С. Суворина, 1911 г.

[2]) См. примечания, с. 192.

Как известно, чем дольше сбивают кумыс, тем равномернее происходит брожение, тем лучше сам напиток и тем меньше дает он творожистого осадка. У турков-кочевников хозяйку оценивают, между прочим, по тому, много ли такого осадка в кумысе, которым она потчует гостя. Если прилить в сабу новый удой и не взболтать жидкость по крайней мере несколькими ударами ботала (пшкек), то свежее молоко сразу створожится и осядет на дно, и кумыс испорчен. Что касается свежего кобыльего молока, то, по мнению всех моих собеседников-киргиз, с которыми я вел разговор на эту тему, сбивание его не может привести к результату, описанному Рубруком. Об употреблении свежего кобыльего молока вообще никаких сведений я не имею.

Оставляя попытку найти кара-космос по описанию способа его приготовления, обратимся к характеристике готового продукта и сравним его с двумя напитками, употребляющимися еще сейчас у наших степных скотоводов или употреблявшимися в еще не столь отдаленном прошлом.

Мы имеем в виду, во-первых, водку, которую кочевники выгоняют из кислого молока. В настоящее время мы чаще встречаем перегонку айрана (у минусинских татар, калмыков), т.-е. кислого коровьего молока. У семиреченских киргизов и у некоторых алтайских племен недавно употребляли для этой цели кумыс. Получаемый продукт очень похож на хлебную самогонку, т.-е. прозрачен и может быть сравним с сывороткой или белым виноградным соком (см. цитату). Крепость водки находится в обратной зависимости от количества ее, понятно. Айран минусинцев дает им к каждому празднику очень значительное количество водки. О кумысе у меня нет точных данных, но, принимая во внимание бо́льшую крепость кумысной водки, мы в праве предполагать, что количество ее у ее потребителей было также значительно.

Гуща, остающаяся в котле после перегонки у саяно-алтайской группы племен, идет на приготовление сырков, киргизы же выбрасывают ее, считая негодной к употреблению. Как творожистый осадок в кумысе, так и эта гуща—пьяные, при чем больше алкоголя содержит последняя.

Другим кандидатом на родство с кара-космос является тундурма-кумыс (тундурган-, тунук,-кустурма-кумыс), который еще знают старики киргизы Семиречья. Чтобы получить тундурма-кумыс, нужно большое количество кумыса, для чего его собирали в течение нескольких дней, не распивая, и тогда он пропорционально набирался силы. После вечернего удоя доливают сабу свежим молоком, взбалтывают как следует и затем оставляют кумыс стоять до утра. С подготовленного таким собиранием кумыса утром, не взбалтывая, осторожно сливают сверху жидкость, которая отстоялась за ночь (дав в осадке творожистый порошок ўрўп) и стала гораздо прозрачнее обыкновенного кумыса. На большое количество кумыса получается очень незначительный верхний слой этой жидкости. Тундурма-кумыс крепче белого и ценился выше его, и только богачи могли иметь его немного, чтобы угостить ближайших друзей.

Не считая возможным высказаться категорически в пользу родства того или другого продукта с кара-космосом Рубрука, отмечу некоторые опорные точки для суждения.

Термин кара-кумыс, хотя и не употребительный совершенно в наше время, оказался все же понятным киргизам, для которых отстоявшийся, утративший свою белизну, следовательно, потемневший тундурма-кумыс является черным. Такой же черной, собственно, может считаться и водка, которая сейчас у турков повсеместно называется арака (и диалектическими разновидностями того же корня). Сопоставим холодный и несложный способ приготовления тундурма-кумыса и горячий, требующий особого аппарата, и значительно более сложный способ выгонки водки. При выборе между ними, нам

кажется, должно признать за первым серьезное преимущество, так как иначе, по всей вероятности, Рубрук не преминул бы упомянуть о сидке араки, как об одном из занятий женщин, — разве только она производилась вне ставки, т.-е. вне поля его наблюдения. Арака у народностей, делающих ее, употребляется всеми решительно, независимо от общественного положения, между тем как кара-космос, по словам путешественника, делают „для нужд важных господ“ только, так как даже при наличии 3 тысяч кобылиц Батый не мог угощать им весь свой двор. Гуща, остающаяся после сидки водки, несколько подпекается от кипячения и не так бела, как уруп в кумысе, но в то же время она более пьяна, и количество ее больше, чем после тундурма-кумыса. Молочная водка по крепости также не уступает деревенской самогонке, и угощение ею непременно вызвало бы сильное опьянение, между тем о таком действии кара-космоса автор не упоминает особо, и во всех случаях пьянства фигурирует обычно вино.

Ф. Фиельструп.

ОБЪЯСНЕНИЕ ОДНОЙ КАЗАНСКО-ТАТАРСКОЙ ПОГОВОРКИ.

У казанских татар есть поговорка—„всунуть (другому) в руки голубую пуговицу“. Это выражение употребляется в смысле надуть, обмануть кого-нибудь. Она давно вошла во всеобщий обиход, и многие произносят, не понимая ее точного смысла. Недавно мне пришлось услышать из уст одного человека объяснение этой поговорки. Он по этому поводу рассказал мне следующее: „Один довольно богатый татарин в старину имел трех жен. Каждая жена в отсутствие других жен надоедала этому человеку вопросом, кого он больше любит. Всем им хотелось, чтобы муж любил только ее одну. Муж каждой из жен наедине сказал, что он любит больше ту из них, которая найдет в своем сундуке одну голубую пуговицу. Незаметно для своих жен в сундук каждой из них он положил по одной пуговице. Все жены скрывали друг от друга эту тайну и поспешили пооткрывать свои сундуки. У каждой в сундуке лежало по одной пуговице. Они были страшно рады находке, и каждая в отдельности стала больше любить своего мужа“.

А. Губайдуллин.

ХРОНИКА.

МОСКВА.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

28 октября 1925 г. вступило в 63-й год своего существования. Из напечатанного отчета о деятельности его за 1921—22, 1923 и 1924—25 гг. мы заимствуем сведения о деятельности Этнографического отдела за эти годы.

В 1921—22 акад. г. отдел на своих 8 заседаниях заслушал следующие доклады:

Д. Н. Анучин — памяти Н. А. Янчука.

В. В. Богданов — памяти Н. Ф. Сумцова, — жизнь и личность В. И. Даля, — новый труд проф. Мансикка по религии восточных славян.

В. Г. Богораз (Тан)—новые задачи российской этнографии в полярных областях.

Г. А. Бонч-Осмоловский — обычаи и обряды крымских татар.

А. А. Борзов — Н. А. Янчук как музыкальный деятель.

М. О. Гридин — поездка к черемисам и мордве в 1921 г. (с иллюстрацией фотографий, чертежей и рисунков).

Б. Ф. Добрынин — этнографические наблюдения среди крымских татар летом 1921 г.

Е. Н. Елеонская — Н. А. Янчук как собиратель произведений народной словесности,

Б. С. Жуков — обряды и верования русских крестьян Балахнинского у. Нижегородской губ.

Д. А. Золотарев — поездка к тверским карелам летом 1921 г. (с иллюстрацией чертежей, фотографий и рисунков).

Б. А. Куфтин — о народных костюмах Касимовского у. Рязанской губ. (с иллюстрацией цветных диапозитивов, рисунков, фотографий и образцов коллекций)—гончарная техника у великоруссов.

К. Д. Логиновский — туземцы низовьев Амура и побережьев Охотского моря,

В. В. Пасхалов — деятельность Н. А. Янчука в области музыкально-этнографической.

Д. Н. Ушаков — словарь В. И. Даля.

Кроме означенных докладов члены отделения вели исследовательскую работу в области этнологии и приготовили к печати свои труды, а именно: В. В. Богданов продолжал исследования по великорусскому жилищу, составлял систематический указатель к „Этнографическому Обозрению“, продолжал подбор систематического материала по русской бирке, волго-финскому и южно-великорусскому костюму и некоторым другим вопросам материальной культуры. В. А. Гордлевский работал в области турец-

кой этнологии и языкознания. Б. С. Жуков продолжал исследование народного быта Балахнинского у. Нижегородской губ. Летом 1922 г. им собраны дополнительные материалы. Б. А. Куфтин обрабатывал ряд очерков: 1) гончарные круги великоруссов, 2) женская великорусская одежда, 3) техника изготовления лодок-однодревок у великоруссов и др. А. Н. Максимов обрабатывает общую монографию о видах пищи у разных народов, собирает материал по опахиванию. М. В. Сергиевский работает в области германо-финских этнологических параллелей. В отчетном году отдел понес утрату в лице Н. А. Янчука, многолетнего секретаря, а затем товарища председателя отдела, одного из инициаторов и первого редактора „Этнографического Обозрения", основателя и бессменного председателя музыкально-этнографической комиссии. Вторую крупную потерю понес отдел в лице проф. Харьковского ун-та Н. Ф. Сумцова, многолетнего сотрудника „Этнографического Обозрения".

За 1922—23 акад. г. отдел имел 6 заседаний, на которых были заслушаны следующие сообщения:

В. В. Богданов — из текущей этнографической литературы, — отчет о работах конференции по изучению естественных производительных сил России,—о текущих этнографических работах в России.

П. Д. Барановский — крестьянские великорусские постройки на севере России (с рис., фот., черт.).

М. О. Гридин — из материального быта черемис (мари), мордвы в Краснококшайском и Городищенском уу. (с рис. и черт.).

Н. М. Каринский — к вопросу об этнографическом изучении Вятской губ.

Б. А. Куфтин — к вопросу об этнологическом изучении жилища преимущественно у великоруссов, — о дополнительных этнографических работах в Дмитровском у., — этнографические наблюдения в Илийском крае у манчжур-солонов.

В. М. Сергиевский — новые этнологические данные в области германо-финских отношений.

М. Я. Феноменов — из этнографии Валдайского у. Новгородской губ.: жилище и крестьянское землепользование.

В значительной степени подготовлены к печати работы монографического характера, которые раньше печатались в „Трудах" отдела; таковы, например: А. Н. Максимов — О людоедстве у разных народов; Б. А. Куфтин—Жилище, средства передвижения и костюм великоруссов Рязанской и Московской гг.; П. Д. Барановский—О северновеликорусском жилище; Ю. М. Соколов—О великорусском фольклоре и Б. М. Соколов—По этнографии Саратовской губ.

В отчетном году отдел лишился своего председателя и президента общества почетного члена Д. Н. Анучина, скончавшегося 4 июня 1923 г. Умер также член отдела Л. Г. Лопатинский, долго работавший в „Сборнике для описания племен и местностей Кавказа".

За 1923—24 г. отдел имел 6 заседаний с докладами:

Б. М. Соколов — результаты этнографической экспедиции в Петровский у. Саратовской губ. летом 1923 г.

Б. А. Куфтин — этнографические наблюдения в Крыму в 1923 г.

П. Е. Островский — Урянхайская земля.

А. Н. Максимов — о задачах этнографического отдела.

В. А. Гордлевский — османские пережитки в Крыму.

Е. Н. Елеонская — французский фольклорист Э. Коскен.

В. А. Гордлевский — памяти Э. Бассе.

Одно заседание было посвящено памяти Д. Н. Анучина с докладами: А. Н. Максимов — труды Д. Н. Анучина в области этнографии, Ю. В. Готье — труды Д. Н. Анучина в области археологии, М. Н. Спе-

ранский—труды Д. Н. Анучина в области русской литературы. Кроме того, на одном общем собрании общества был доклад этнографического содержания: В. К. Арсеньев — способы охоты туземных народов Уссурийского края на крупных хищных животных (с диапозитивами). Летом 1924 г. некоторые члены отдела работали вне Москвы. Так, Е. Н. Елеонская собирала материал этнографического характера в Софринской вол. Сергиевского у. Московской губ. В. А. Гордлевский и Б. А. Куфтин работали среди татар в Крыму. Г. И. Куликовский по командировке о-ва работал в Карелии.

Состоящая при отделе музыкально-этнографическая комиссия имела в отчетном году (21—22-й г.) всего два заседания: одно летом 1921 г. с докладом собирательницы народных песен А. Ф. Земсковой о своем обширном сборнике саратовских песен с иллюстрацией ряда песен из этого сборника. Вторым докладчиком был Н. Р. Кочетов, сообщивший о своей шестилетней деятельности в качестве профессора музыкальной этнографии в б. Синодальном училище и демонстрировавший экзаменационные работы своих слушателей. Второе собрание 6 июня 1922 г. носило информационный характер.

1922—23 акад. г. Совместно с этнографич. ассоциацией ГИМН'а (Гос. Институт Музыкальных Наук), комиссия организовала несколько открытых заседаний, на которых присутствовали хоровые группы различных народностей, съехавшихся в Москву на с.-х. выставку. При помощи фонографа были записаны песни различных народов. Заседании 4 сентября было посвящено музыке черемис (мари) Вятской, Казанской и Уфимской губ. С докладами выступили этнографы Марийской республики. С. Г. Эпин сделал характеристику песнотворчества народа мари, а В. М. Васильев сообщил о собирательной деятельности марийских этнографов. Затем были исполнены народные песни и танцы крестьянками-мари. Заседание 11 сентября—музыка Туркестана. Доклад В. А. Успенского о работе муз.-этнографической комиссии в Ташкенте и исполнение узбекских и туркменских песен соответственными ансамблями. 12 сентября — муз. - этнографическая работа у чуваш. Доклады Милли и О. Павлова и выступление чувашского хора. 13 сентября — выступление белорусской муз. - этнографической комиссии. Доклады Дубовко, Гурского и хоровые выступления под управлением Таравского. 25 сентября—выступление башкирских певцов и игра „курайсы" (виртуоз на курае-дудке) и доклад Алиева о положении народной музыки башкир. 5 октября владимирские рожечники исполнили ряд народных русских песен, и 2 октября ялутский певец А. Скрябин исполнил несколько песен, записанных здесь же фонографом.

20 марта состоялось публичное заседание, посвященное памяти музыкантов - этнографов, скончавшихся между 1914—1923 гг. Были прочитаны доклады: В. В. Пасхалов — о деятельности Янчука, Маслова, Линевой, Маркова, Ильинского и Федорова; Прохоров прочитал о деятельности Булича, акад. Шахматова и Рыбакова; Сеница — о деятельности Подгорецкого.

1923—24 акад. г. На соединенных заседаниях с ГИМН'ом были заслушаны следующие доклады:

Я. В. Прохоров—о музыке татар и мещеряков Волжско-Камского края.

А. В. Никольский — теория русской народной песни.

А. С. Илюхин — природа балалайки как русского народного инструмента.

В. В. Пасхалов — историческая справка о работе русских музыкантов-этнографов за последние 25 лет.

С. Л. Толстой — музыкальный фольклор на Западе.

Я. В. Прохоров — музыкальная этнография, этнографическая музыка и музыкально-этнографические перспективы.

Е. Н. Лебедева — свадебный обряд Мезенского у. Архангельской губ.

С. Л. Толстой — о пентатонной системе в народных песнях.

А. В. Анохин — о музыкально-этнографической работе на Алтае (с демонстрацией напевов).

А. В. Никольский — к вопросу о пентатонике народных песен.

Н. Н. Миронов — вокально-инструментальная музыка узбеков и шаш-макомы по записям В. А. Успенского в Старой Бухаре.

Состоялись две дискуссии по вопросу о способах гармонизации народных песен и по поводу инсценировки русского свадебного обряда, организованной артистом Всеволодским.

Комиссия по народной словесности в 1921—22 акад. г. имела 5 заседаний, на которых были доклады о русской народной сказке Е. Н. Елеонской, О. Э. Озаровской и А. М. Смирнова. В 1922—23 акад. г. комиссия заслушала следующие доклады:

А. М. Смирнова — сказки о мачехе и падчерице.

А. С. Якуб — песни о пострижении и

В. А. Гордлевского — новости фольклорной литературы.

В 1923—24 акад. г. комиссия имела 5 заседаний: первое, посвященное памяти В. Ф. Миллера с докладами В. А. Гордлевского, Н. В. Васильева и Е. Н. Елеонской, второе, посвященное обзору сказочной литературы на русском языке за 1922—24 гг., третье посвящено было рассмотрению доставленных материалов, четвертое — составлению сокращенной программы для собирания произведений народной словесности и пятое—разработке плана работы на 1924—25 акад. г.

В настоящее время президиум отделения и комиссий состоит из следующих лиц:

А. Н. Максимов — председатель отделения, В. В. Богданов — тов. председателя, В. А. Гордлевский — тов. председателя, М. В. Сергиевский—секретарь и Н. И. Лебедева—пом. секретаря. А. Д. Кастальский — тов. председателя музыкально-этнографической комиссии, В. В. Пасхалов — секретарь. В. В. Гордлевский — председатель комиссии народной словесности, Н. В. Васильев и Ю. М. Соколов — тов. председателя, Е. Н. Елеонская и А. А. Буслаев — секретари.

В 1925 г. о-во напечатало в мемуарах этногр. отделения работу Б. А. Куфтина: „Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова".

Д.

КОМИССИЯ ПО ЭТНОЛОГИИ МОСКОВСКОЙ СЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

За последние три года были прочитаны следующие доклады.

В 1924 г.

В. В. Богданов. „О задачах Этнологической Комиссии". (21/IV).

Б. М. Соколов. „Среди национальных меньшинств Саратовской губернии". (21/IV).

Б. А. Куфтин. „Языческие обряды мордвы Петровского уезда Саратовской губернии". (19/V).

Б. А. Куфтин. „Женский старинный костюм мордвы Темниковского уезда Тамбовской губ.". (19/V).

Д. К Зеленин. „Весений обряд с пассивной ролью жреца" (9/IX).

В. В. Богданов. „К изучению волынки". (19/IX).

Б. А. Куфтин. „Основные задачи и методы изучения плетеной обуви и их коллекционирование". (30/X).

В. В. Богданов. „Беседа по основным и детальным вопросам материальной культуры с привлечением музейного материала". (30/X).

В. В. Богданов. „Изучение и музейное коллекционирование челнов-однодревок". (11/XI).

Н. И. Лебедева. „Предварительный отчет о коллекции обрядовых печений, собранной в Рязанской губ." (4/XII).

Б. А. Куфтин. „Продолжение плана работ по этнологии и палеоэтнологии, разработанного Этнологической Комиссией Московской Секции Академии в 1919 г.". (4/XII).

А. Г. Далинин. „Из этнологических работ по костюму и жилищу в Рязанской губ.". (20/XII).

Б. А. Куфтин. „Гончары и гончарное производство в Воскресенском уезде Московской губ.". (20/XII).

В 1925 г.

Н. П. Топорков. „Украинский дом, местечка и села". (9/I).

М. Т. Маркелов. „Похоронный обряд у волжских финнов". (31/I).

В. В. Богданов. „Предстоящие летние работы Московского Областного Музея по Этнологии и Палеоэтнологии". (5/III).

П. П. Свешников. „Работы по изучению материальной культуры в Воскресенском уезде Московской губ.". (5/III).

Б. А. Куфтин. „Культурно-исторические типы жилища крымских татар". (8/IV).

В. В. Богданов. „Некоторые очередные вопросы по коллекционированию предметов материальной культуры". (5/V).

Б. А. Куфтин. „К предстоящим полевым работам Музея Центральной Промышленной области по этнологии и палеоэтнологии". (26/V).

В. В. Богданов. „Калужское Полесье и Рязанское (Мещерское) Полесье по данным этнологических экспедиций Московского Областного Музея", (23/IX).

Н. И. Лебедева. „Народный костюм Брянского полесья". (19/XI).

Е. Н. Елеонская. „Рецензия на книгу Edmund'a Scheiweis'a „Die Weihnachtsbrauche der Serbokroaten". (19/XI).

Б. А. Куфтин. „Жилище крымских татар". (16/XII).

Е. Н. Елеонская. „К аллеутским коллекциям центрального музея народоведения". (16/XII).

Е. М. Шиллинг. „Из материалов, собранных осенью 1925 г. в Абхазии". (30/XII).

Е. Н. Елеонская. „Южно-великорусские головные уборы по коллекциям центрального музея народоведения". (30/XII).

В 1926 г.

А. Г. Данилин. „По Костромской и Нижегородской губ. — материалы, собранные летом 1925 г.". (20/I).

А. Я. Тугаринов. „Остатки самоедов на Саянах". (20/I).

Б. А. Кауфтин. „Кассимовские татары". (3/II).

О. А. Самарин. „Материальная культура Буковины и Подолии по материалам Киевских музеев". (3/II).

В. В. Богданов. „Из новейших работ по эстонской этнологии". (17/III).

Б. А. Куфтин. „Ламайский пантеон по коллекциям центрального Музея Народоведения". (17/III).

Г. С. Маслова. „Итоги этнологических рекогносцировок в Тверской губ. летом 1925 г.". (7/IV).

Н. И. Лебедева. „Однодворцы Рязанского края". (7/IV).

С. П. Толстов. „Жилище Ветлужского края—из материалов, собранных Ветлужской экспедицией.

Б. В. Миллер. „Поездка в Талыши в 1925 г.". (19/V).

П. П. Свешников. „К вопросу изучения говоров северо-восточной части Московской губ. в связи с изучением материальной культуры". (19/V).

П—в.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ НАРОДОВЕДЕНИЯ

Музей был учрежден в июне 1924 г. В его состав вошел б. отдел этнографии Румянцевского музея, а также многочисленные коллекции, переданные с Всесоюзной с.-х. выставки 1923 г., и собрания, накопившиеся за послереволюционный период в государственных музейных фондах. Постановлением Совнаркома от 9 мая 1924 г. за музеем было закреплено здание б. Мамоновой дачи (дворец Елизаветинской эпохи) у Воробьевых гор (Воробьевское шоссе), где в настоящее время развернуты обстановочные залы (остяцкий чум, самоедский чум, якутская изба, кибитка забайкальских бурят, узбекистанский базар, киргизская кибитка, дагестанские мастерские — кузнечная, кинжало-обделочная, медно-чеканная, белорусская деревня, хата гончара из Полтавщины, Сорочинская ярмарка, саратовская изба, калужская курная изба) и выставка костюмов угро-финнов и турко-татар, народов Поволжья и Приуралья. Эта часть музея, так называемый этно-парк, вместе с залами систематической экспозиции (б. отдел этнографии Румянцевского музея)—так называемой этно-галлереей (Ваганьковский пер., д. № 2) и этнохранилищем — складом коллекций (Нескучный сад) составляет те три основные единицы, на которые в настоящее время музей делится территориально.

Научный персонал музея:

Директор проф. Б. М. Соколов, заместитель директора М. М. Баскин, ученый секретарь Е. М. Шиллинг.

Научные отделы: Русский отдел — зав. В. В. Богданов, пом. зав.— Н. И. Лебедева, научные сотрудники — В. П. Никольская, З. Е. Аллендорф, М. В. Янчук; отдел славяно-литовский с временным присоединением отдела греко-романо-германского — зав. П. П. Свешников, научный сотрудник Ю. А. Самарин; отдел угро-финнов и турко-татар Восточной Европы — зав. Б. М. Соколов, пом. зав. — М. Т. Маркелов (мордвин); научные сотрудники — К. П. Герд (вотяк), А. П. Милли-Прокопьев (чуваш), т. Кальман-Кориш (венгр), отдел Кавказа и Передней Азии — зав. Н. Ф. Яковлев, пом. зав. Е. М. Шиллинг, научная сотрудница — Н. В. Маркова, — отдел Средней Азии — зав. Б. В. Миллер, научные сотрудники — В. Ю. Крупянская, Е. Т. Воеводская, С. П. Преображенский; отдел Сибири — зав. Б. А. Куфтин, научные сотрудники — Б. А. Васильев, П. Е. Островских, Г. И. Оросин (якут), М. А. Пестовская; отделы Австралии, Океании, Индонезии и отд. Южной и Восточной Азии с временным присоединением отделов Америки и Африки — зав. Б. С. Жуков, научные сотрудники Е. И. Горюнова, К. А. Виноградов, Л. В. Тихомирова.

Лектора — Е. Н. Елеонская, М. В. Бердоносов, В. Н. Белицер. Архитектор К. В. Аполлонов. Научный сотрудник по этно-хранилищу — А. Ю. Якобсон.

Состав правления: Б. М. Соколов, М. М. Баскин Э. Г. Мансуров, С. П. Григоров, В. Д. Виленский-Сибиряков, Е. М. Шиллинг.

Состав ученого совета: все члены правления, все заведующие отделами и их помощники и В. А. Ватагин, М. Я. Феноменов, И. Н. Бороздин, Л. И. Пономарев и Г. Л. Малицкий.

За время двухлетнего самостоятельного существования музей, естественно, не успел еще вполне стать на твердую почву в деле своего внутреннего строительства, преодолевая в организационном периоде множество затруднений и разрешая целый ряд вопросов, неизбежно сопутствующих началу всякого дела (хотя бы, например, приспособление здания этнопарка). Однако были за истекший период и достижения. Сюда прежде всего следует отнести создание упомянутой новой экспозиции (этно парк), большую экспедиционную деятельность, характерную для уклона научной работы музея вообще, начало издательской работы, предпринятую музеем постройку нового здания и произведенную реэкспозицию в этногалерее.

Экспедиционная деятельность была развернута в 1925 г. в довольно широком масштабе. Всего за год было организовано более 20 этнографических поездок (из них 3 экспедиции — по финским племенам Поволжья, в Карчаево-Черкесскую автономную область и в Узбекистан).

Полевая работа этих поездок и экспедиций научных сотрудников музея проявилась в следующих районах:

Марийская и Вотская автономные области, Вятская губ. и часть Татреспублики (экспедиция под руководством проф. Б. М. Соколова при участии: М. Т. Маркелова, М. Я. Феноменова, К. П. Герда (вотяка), Б. А. Васильева, М. И. Веткина (мари), И. Я. Бондякова (мокша) и работников на местах),

Чувашская АССР (А. П. Милли-Прокопьев),

Брянская, Орловская и Калужская губ.—(Н. И. Лебедева, В. П. Никольская, З. Е. Аллендорф).

Украина-Полтавщина (Н. И. Лебедева).

Дагестанская АССР (поездка Н. Ф. Яковлева и Е. М. Шиллинга).

Карачаево-Черкесская автономная область (Н. Ф. Яковлева и Е. М. Шиллинг).

Абхазская АССР (Е. М. Шиллинг).

Азербайджанская ССР (Б. В. Миллер).

Узбекская ССР (В. А. Ватагин, В. Ю. Крупянская, Е. Т. Воеводская).

Крымская АССР (Б. А. Куфтин).

Гомельско-Режицкий район (Н. Г. Маслаковец).

Ветлужский район Нижегородской губ. (Б. С. Жуков и Е. И. Горюнова).

Касимовский у. Рязанской губ. (Б. А. Куфтин и Б. А. Васильев).

Дмитровский у. Московской губ. (Б. А. Куфтин. Н. И. Лебедева, В. П. Никольская, З. Е. Аллендорф).

Обследован быт следующих народностей СССР: северо-великоруссы (Ветлужский район и Нижегородская губ.), южно-великоруссы (Калужское и Брянское Полесье, Рязанская и Московская губ.), украинцы (Полтавщина), белоруссы (Гомельско-Режицкий район), мари (черемисы), вотяки, чуваши, татары касимовские и крымские), кубачинцы (Дагестан), аварцы (Дагестан), абазинцы и кабардинцы, абхазцы, талыши (Ленкоранский у. Азербайджана) и узбеки (сарты в Узбекистане).

Из общего количества научного персонала Центрального музея народоведения в этнографических поездках участвовало 22 научных работника (из них 2 лица по три раза и 3 лица по два раза), что составляет 75% всех научных работников музея.

Из вещественных результатов всех указанных полевых работ следует указать на приобретение 1568 этнографических экспонатов, изготовление 670 фотографических снимков и около 375 чертежей, планов и зарисовок.

Важным достижением экспедиций является систематическое описание явлений материальной и духовной культуры. Этнографические работы ставились широко и всесторонне. Опубликование сделанных наблюдений и записей большей частью может дать ряд обстоятельных этнографических трудов, достаточно полно и углубленно характеризующих быт отдельных народностей и районов.

Существенным моментом в снаряжении экспедиции и постановке их задач были потребности музея в создании и развитии новой, так называемой „обстановочной", экспозиции (сцены из народной жизни в соответствующей бытовой обстановке). Опыт музея показал, что единственным средством для вполне научной (а потому и правдивой) экспозиции этого рода является изучение быта и собирание нужных предметов на местах. Лучшими и наиболее выдержанными научно „обстановочными" залами этно-парка являются сцены, установленные на основании материалов, специально собранных для этого во время экспедиций и командировок (таковы дагестанские мастерские и хаты полтавского гончара). Экспедициями сейчас собран материал и проработан план целого ряда новых обстановочных зал): 1) марийское бортничество, 2) конусообразный марийский овин и укладка снопов в нем, 3) ремесленные мастерские крымских татар, 4) женская половина узбекского жилища, 5) черкесская хозяйственная постройка шхалешь с полным бытовым наполнением, 6) сцены первобытного земледелия (Аварский округ Дагестана). Часть этих новых „обстановочных" зал уже открыта для обозрения публики.

Метод, применявшийся почти во всех полевых работах, заключался в соединении экспедиционного обследования целого района со стационарным изучением отдельных типичных селений.

Положительные результаты дали соединение чисто этнографических заданий с экономическим изучением края, также производство археологических работ в поздних (XVII—XVIII вв.) могильниках изученной народности (экспедиция к вотякам и мари).

Большое значение экспедиции и командировки Центрального музея народоведения имели в отношении увязки работы музея с национальностями. Достигалось это: 1) наличием в составе экспедиций научных сотрудников музея из нацменьшинств (мари, мордвин, вотяк, чуваши и др.); 2) предварительным установлением контакта с национальными представительствами и совнацмен в Москве; 3) деятельной помощью на местах краеведов нацмен как отдельных лиц, так и учреждений; 4) присоединением на местах к экспедициям научных местных деятелей и 5) непосредственной связью с исполкомами республик и областей, неизменно встречая со стороны их полное содействие.

Все экспедиции и командировки происходили в тесном объединении с местными краеведческими организациями. Во время экспедиций была установлена реальная связь с 12 краеведческими обществами и организациями, где участники экспедиции делали свои доклады (Чувашское научное об-во в Чебоксарах, Вотское научное об-во в Ижевске, Малмыжское краеведческое об-во, об-во обследования и изучения Азербайджана, Брянское об-во изучения местного края, Калужское об-во, Абхазское научное об-во в Сухуме, Научно-технический совет в Баталпашинске, Карачаево-Черкесская автономная область, Дагестенский музей в Махач-Кала).

Такая же деятельная связь поддерживалась с местными музеями, которые, с одной стороны, подвергались детальному изучению, а с другой стороны — участниками экспедиций в некоторых местных музеях делались указания и советы по реорганизации музеев, о методах и планах собирания и пр. (Музеи: Козьмодемьянск, Чебоксары, Краснококшайск, Малмыж, Ижевск, Калуга, Брянск, Полтава, Миргород, Харьков, Нижний-Новгород, Киев, Симферополь, Евпатория, Махач-Кала).

К издательской работе музей приступил впервые. За первый год этого рода деятельности (1925/26 г.) музей наметил следующее: на-днях вышли из печати в издании музея 2 книжки: Б. А. Куфтина „Кир-гиз-Казаки“ и Е. М. Шиллинга, „Дагестанские кустари“ (обе в серии „Очерков по этнологии“). Готовятся к печати: „Сборник результатов экспедиционной работы музея за 1925 год“, Б. А. Куфтин, „Ламаизм и буддизм у народов Востока по коллекциям музея“ (из серии путеводителей), П. П. Свешников, „Македонская коллекция музея“ (из серии „Описаний коллекций“).

В области строительства к настоящему моменту приступлено к постройке в этно-парке нового музейного здания, специально предназначенного для целей музейной экспозиции, являющегося частью более обширного строительного плана, намеченного музеем на ближайшие годы. Это первая в Москве за послереволюционное время постройка музейного здания особенно важна в том смысле, что имеющиеся в распоряжении музея народоведения постройки, далеко не удовлетворяют требованиям музейной техники, не являясь помещениями, построенным специально для экспозиционных целей.

Упомянем еще подсобные органы музея — реставрационную манекенную мастерскую, работавшую под руководством художника В. А. Ватагина и изготовившую и переделавшую за время своего существования 51 манекен, не считая разнообразной текущей работы по реставрации коллекций, и этнографическую библиотеку под руководством М. Я. Феноменова, насчитывающую до 5000 томов, пополняющуюся новой русской и иностранной литературой. Всего в Центральном музее народоведения в настояще время имеется до 55000 экспонатов, при чем эта цифра показывает, что количество экспонатов почти вдвое возросло по сравнению с собранием, имевшимся в б. этнографическом отделе Румянцевского музея.

Е. Шиллинг.

АНТРОПОЛОГИЧЕСИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИ I МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

развивая свои изыскания в области наук о человеке, принимал руководящее участие в полевых этнографических и палеоэтнологических работах ряда музейных учреждений. Сотрудник института Б. А. Куфтин исследовал в течение 1923—24 гг. крымских татар, а также провел ряд полевых работ по этнографии великоруссов Рязанской, Владимирской и Московской губ. Сотрудник института А. И Ярхо собрал в течение 1924—1925 гг. значительные материалы по соматологическому изучению туземного населения в Ойратской области и в пределах Минусинского края.

В 1925 г. институт организовал и осуществил при участии центральных и местных учреждений комплексную экспедицию по изучению населения Ветлужского края под общим руководством сотрудника института Б. С. Жукова. В экспедиции были представлены антропометрическая, этнографическая и палеоэтнологическая части. Материалы экспедиции поступили в институт, коллекции — в заинтересованные музеи. В 1926 г. институт намечает две комплексные экспедиции по изучению населения: в Урянхайский край (Танну-Тувинскую республику) под руководством директора института проф. В. В. Бунака и в Ветлужско-Унженский и Тешинский (Нижегородской губ.) районы под руководством Б. С. Жукова. Ведя широкую инструкторско-консультационную работу и будучи связан по ней с рядом научных и музейных краеведческих организаций, а также государственных планирующих органов, институт в конце 1925 г. организовал при себе специальную краеведческую комиссию, в задачи которой

входит разработка методов комплексных и монографических районных полевых исследований в области соматической антропологии, палеоэтнологии и этнографии, а также музейных работ по названным специальностям.

Б. Ж.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ.

(Малая Грузинская 15. Директор В. В. Богданов.)

Музей основан в 1919 г. Этнологический подотдел его состоит из коллекций, пополняемых ежегодно в результате поездок по области. За последние 5 лет были следующие поездки. В 1920—21 гг. Б. А. Куфтин ездил в Касимовский, Егорьевский и Зарайский уу. В 1923—24 гг. Н. И. Лебедева—в Сапожковский, Данковский, Скопинский, Ряжский и Раненбургский уу. Рязанской губ., А. Г. Данилин—в Михайловский у. Рязанской губ., Воскресенский, Волоколамский, Можайский, Звенигородский уу. Московской губ., Б. А. Куфтин—в Дмитровский у. Московской губ., М. В. Воеводский—в Осташковский у. Тверской губ. В результате этих поездок музей обогатился многими предметами (преимущественно одежда) и графическими материалами (фотографии и зарисовки жилища, домашней утвари, средств передвижения и т. п.). В январе 1924 г. музей перешел в новое помещение (б. Щукинский музей); тогда же, после выставки по изучению естественно-производительных сил ЦПО, устроенной для областной конференции по изучению естественно-производительных сил, музей стал постепенно развертываться, и 1 ноября 1924 г. был открыт для обозрения. В 1925 г. при материальной поддержке музейного отдела музею удалось послать весь свой состав научных работников в поездки по области. Весной этого года под руководством Б. А. Куфтина совершена поездка сотрудников музея и студентов университета в Дмитровский у. (обследование гончарного промысла). В течение лета сотрудниками музея были проделаны следующие маршруты: А. Г. Данилин совместно с сотрудницей музея антропологии и этнографии Академии Наук Л. Э. Каруновской: Галичский; Кологривский уу. Костромской губ., Макарьевский у. Ивано-Вознесенской губ. и Городецкий у. Нижегородской губ. Собран интересный материал по деревянной резьбе, по костюму, записаны песни и свадебный обряд и описаны в трех селениях способы добывания „живого“ огня трением. Г. С. Маслова—Кашинский и Бежецкий уу. Тверской губ. Собран материал по костюму Теблешской вол., пастушьи рожки и др. Экспедиция в Касимовский и Елатомский уу. Рязанской губ. в составе сотрудников Рязанского музея и музея ЦПО. Кроме того, уже осенью 1925 г. Н. И. Лебедева и А. Г. Данилин ездили в Масальский, Спас-Деменский и Перемышльский уу. Калужской губ. В результате инвентарь этнологического отдела значительно пополнился, и теперь в музее имеются предметы почти всех губерний ЦПО. Частью материал уже обработан и издается. В 3 вып. „Трудов музея ЦПО“ печатается работа Б. А. Куфтина „Материальная культура русской мещеры“, ч. I. Подготовлены к печати: А. Г. Данилин, „Крестьянская одежда района „Богословщина“ Рязанской губ.“ и др. Музей с самого начала встал на путь научно-исследовательской работы, освещая вопросы наименее разработанные в литературе, как, например, о распространении различных форм одежды и других предметов материальной культуры, и связывая их с общими вопросами о колонизационных путях славян и финнов в области. С целью внести плановость в исследовательскую работу в пределах ЦПО

музей созвал совещание этнологов, работников музеев и научных работников обществ области. Летом 1926 г. музей организует большую комплексную экспедицию в один из озерных районов области: наряду с изучением района с естественно-географической стороны предположено изучение археологическое и изучение бытовых особенностей современного населения.

Совещание этнографов ЦПО состоялось 29—30 марта и привлекло, кроме московских этнографов, также представителей провинции: Рязани, Калуги, ИвановоВознесенска, Ростова - Ярославского и др. Были заслушаны следующие доклады:

В. В. Богданов — обзор этнологических задач по исследованию населения ЦПО.

Д. А. Золотарев — вопросы изучения быта деревни.

П. П. Стаханов (Сопожок Рязан. г.) — Сапожковское городище писцовых книг 1628 г. со стороны историко-этнографической (с демонстрацией 2 альбомов „заклад" и зарисовок орнамента).

М. Е. Шереметева (Калуга) — смена форм костюма в Калужской „Гамаюнщине" (с демонстрацией характерных костюмов района).

Д. А. Ушаков — работы по изучению материальной культуры в Ростовском у. в 1925 г. (с демонстрацией чертежей и рисунков жилища и др.).

С. Е. Елховский — Иваново-Вознесенская этнологическая станция, ее организация и работа.

А. Г. Данилин — этнологическая рекогносцировка, как один из видов полевой работы.

Н. И. Лебедева — этнологическое изучение Калужского полесья как характерного района (с демонстрацией фотографий, рисунков и чертежей).

Б. А. Куфтин — задачи, методы и достижения в изучении костюма ЦПО.

М. Д. Малинина (Рязань)—работа по изучению рязанской мещеры (с демонстрацией рисунков, чертежей, одежды и жилища).

В. В. Богданов — о постановке работ по изучению быта и промыслов рыбачьего населения ЦПО.

Совещание высказало ряд пожеланий: о напечатании прочитанных докладов; о созыве следующего совещания в одном из провинциальных городов; о привлечении внимания этнографов к изучению современного быта населения ЦПО и др.

А. Данилин.

КОМИТЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР НАРОДОВ ВОСТОКА СССР (бывш. Северо-Кавказский комитет).

Еще с 1920 г. группой лиц, позднее (в 1924 г.) организовавшей Северо-Кавказский комитет, была начата работа по изучению Северного Кавказа. В первой научной командировке для изучения Большой Кабарды, Ингушии и терских казаков в 1920 г. участвовали Н. Ф. Яковлев и Е. М. Шиллинг. В 1921 г. организовалась вторая поездка из Москвы тех же лиц, которыми были обследованы архитектурные памятники и собраны фонетический, фольклорный и фотографический материалы по горной Ингушии и Малой Кабарде.

В 1923 г. состоялась экспедиция в Аварский и Андийский округа Дагестана, и участниками были: Н. Ф. Яковлев, Л. И. Жирков, Н. Б. Бакланов, А. С. Башкиров, а также работники с мест. Экспедиция провела в горах около $1^1/_2$ месяца. Здесь велись работы по изучению языков, были записаны тексты на языках, на которых до сих пор существо-

вали только записи отдельных слов, изучались фольклор, быт, архитектурные памятники и типы жилищ, производились археологические разведки и раскопки. По окончании этой экспедиции Н. Ф. Яковлев поехал в горную Чечню, где к нему присоединились работники с мест. Здесь была произведена работа по выяснению отношений диалектов горной Чечни к ингушскому языку, а также к языку Чеченской плоскости, и записывались тексты на этих языках. Кроме того, были обследованы архитектурные памятники. Из Чечни Н. Ф. Яковлев совершил поездку в Адыгейскую автономную область с целью изучения языка и решения вопроса о реформе адыгейской письменности.

С июня 1924 года при Главнуке НКП РСФСР был учрежден Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа в составе действительных членов: Н. Ф. Яковлева (председателя), Е. М. Шиллинга (ученого секретаря), Н. Б. Бакланова, Л. И. Жиркова, А. С. Башкирова.

Летом 1924 г. состоялась экспедиция комитета в южный Дагестан в аул Кубачи. Работа велась по изучению условий серебряного производства в Кубачах и других ремесел в окрестных аулах, по изучению фонетики кубачинского языка и записи текстов, по изучению архитектурных памятников Кубачей и гор Дербента и собирание археологических коллекций.

По окончании этой экспедиции в том же 1924 г. под руководством Н. Ф. Яковлева состоялась экспедиция в Адыгейскую автономную область, где в окрестностях Краснодара велись работы по языку, этнологии, антропологии и этнографии черкес.

С начала 1925 г. при комитете сорганизовались и начали работу кружки: 1) по исследованию восточно-финских языков и 2) тюрко-татарской культуры, работавшие под руководством действительных членов комитета.

Зимой 1925 г. по приглашению Дагестанской ССР состоялась поездка двух действительных членов комитета (Н. Ф. Яковлева и Н. Б. Бакланова) в аул Кубачи и в ковроткацкие районы Дагестана.

Была проведена работа по инструктированию местной кустарной промышленности и отборке и выделке экспонатов для Парижской художественно-промышленной выставки.

Весною 1925 г. комитет приготовил по поручению Совнацмена НКП и Северо-Кавказского краевого управления народного образования материал (ко II конференции по вопросам просвещения горских народностей Северного Кавказа) о выборе основного шрифта для национальной письменности Северного Кавказа и унификации шрифтов.

Летом 1925 г. комитетом под руководством Н. Ф. Яковлева была организована экспедиция по обследованию Карачаево-Черкесской автономной области по лингвистике, этнологии и экономике.

Осенью 1925 г. Н. Ф. Яковлев работал в Дагестанской республике (в г. Махач-Кала) по разборке фонетики аварского языка. Кроме того, был проведен ряд докладов.

Летом 1925 г. А. С. Башкиров совершил поездку в северную Абхазию, и им были произведены разведочные раскопки и обследован целый ряд древних памятников архитектуры.

Летом 1925 г. Л. И. Жирковым была совершена поездка по изучению южно-лезгинской группы языков в Кюрисском округе Дагестана и Кубинском уезде Азербайджана.

Уже давно ведшаяся работа по организации угро-финской и тюрко-татарской секции привела к реорганизации комитета (постановление Совнаркома от 11 октября 1925 г.) в комитет по изучению языков и этнических культур восточных народов СССР на правах научно-исследователь-

ского института. Эта реорганизация подводит формальный фундамент под изучение тюркских, финских и других языков и культур восточных народов Союза, которыми комитет занимался и раньше, разрабатывая теоретические проблемы национальной письменности вообще.

Издательская деятельность комитета проявлялась в сдаче в печать работ: Н. Ф. Яковлева — *Кабардинский словарь*, Н. Б. Баклакова. — *Златокузнецы Дагестана*, *Методы исследования архитектурных памятников по данным Северного Кавказа*, Л. И. Жиркова.—*Даргинская грамматика с образцами даргинских текстов*, А. С. Башкирова.—*Памятники аула Кала-Корейш* (в Дагестане) и *Кубачинские резные камни Дагестана*.

В настоящее время руководящий научный состав комитета (действительные члены) таков: ак. Н. Я. Марр (председатель), Н. Ф. Яковлев (тов. председателя), Э. Г. Мансуров (зам. председателя), Н. Б. Бакланов, А. С. Башкиров, Л. И. Жирков, В. П. Налимов, Б. В. Миллер, В. А. Гордлевский, П. Ф. Преображенский.

Комитет начал занятия с аспирантами (27 чел., большею частью из представителей национальностей).

А. Общеобразовательные занятия: Н. Ф. Яковлев—Методы собирания этнографических материалов, Н. Ф. Яковлев—Методы собирания языковых материалов, В. П. Налимов—Методы антропологии, А. С. Башкиров — Методы фиксации археологических памятников, Н. Б. Бакланов—Методы внешнего изучения, описания и собирания объектов этнографического и историко-художественного исследования, Н. Н. Пчелин—Методы изучения местной истории.

В ближайшее время во все секции будут введены занятия по экономике.

Б. Секционные занятия: по финской секции: В. П. Налимов—Этнологический очерк финских народов; по кавказской секции Л. И. Жирков—Введение в изучение дагестанских языков, Н. Ф. Яковлев—Введение в изучение черкесского языка.

В скором времени предполагается начало занятий по иранской подсекции Б. В. Миллера и по тюркской секции В. А. Гордлевского.

В. Кроме того, полекционно ведутся с аспирантами и индивидуальные занятия.

Е. Ш.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ ИЗУЧЕНИЯ УРАЛА, СИБИРИ и Д. ВОСТОКА.

Этнографическая секция существует уже $1^1/_2$ года, но систематическая работа ее началась только с осени прошлого 1925 г. Почетным председателем секции состоит проф. В. Г. Богораз (Тан). В нынешний состав президиума входят: председатель проф. Б. Ф. Адлер, секретарь С. Л. Урсынович, члены президиума: Д. Т. Янович, проф. В. А. Городцов, С. В. Бахрушин, проф. С. В. Познышев и П. Е. Островских. При секции имеется правовая подсекция, изучающая обычное право сибирских народностей. Работа секции за истекшее полугодие выразилась в заслушании докладов, подборе этнографического материала для журнала „Северная Азия“ и для проектируемой о-вом выставки, в установлении связи с местами, где у секции имеется ряд корреспондентов, и в разработке проектов экспедиций в Сибирь и на Урал. Из последних секцией обсуждались проекты экспедиций: на Алтай—В. Л. Попова и А. И. Ярхо и на Печору—проект археологической экспедиции, выдвинутой группой сотрудников Исторического музея. Секцией заслушаны доклады:

А. И. Ярхо—о его последних поездках на Алтай в 1924 и 1925 гг.

В. Л. Попова—об экспедции для изучения Алтая и Саян.

В. П. Налимова—проблемы изучения Большеземельской тундры.

Н. И. Толоконского—Якутские религиозные легенды.

С. Л. Урсыновича—Шаманские дела от середины XVIII в. в сенатском архиве.

Проф. Нечаева—к вопросу о психологическом изучении этнических особенностей.

Членов этнографической секции, считая лиц, проживающих на Урале и в Сибири, около 100 человек.

С. Урсынович.

Г. ЛЕНИНГРАД.

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ и ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

является музеем мировой культуры. Помимо своих чисто научных задач, он служит просветительным центром как для широких масс учащихся школ 1-й и 2-й ступени, рабочих и прочих контингентов населения, так и школой этнологии для слушателей вузов и молодых исследователей, которые на музейном материале систематически и планомерно, под руководством ученого персонала музея и посторонних ученых специалистов, прорабатывают целый ряд этнических явлений и, таким образом, получают практическую подготовку для дальнейших исследований и экспедиций. Кроме того, персонал музея читает лекции и инструктирует группы педагогов—будущих руководителей школьными экскурсиями по музею.

Работа эта с конца прошлого 1925 г. особенно широко развернулась благодаря новым условиям, создавшимся для музея в связи с памятными днями юбилейных торжеств Академии Наук по случаю ее двухсотлетия. Как-раз к этому времени музею удалось, наконец, добиться расширения своего помещения за счет прилегающего к нему здания бывшей Кунсткамеры, что увеличило его площадь в два с половиной раза. Это обстоятельство оказало колоссальное влияние на всю распланировку отделов и на характер экспозиции. Явилась возможность развернуть вновь ряд отделов, которые до того либо лежали втуне запакованные в ящиках, либо были так загружены, что целая масса ценнейших в научном отношении объектов не была доступна обозрению. Явилась также возможность устранить и прежнюю загруженность шкапами и витринами, что в свою очередь дало доступ в музей гораздо большему числу посетителей.

В настоящее время музей занимает 5100 $м^2$, при чем выставочная площадь его равняется 3856 $м^2$; число коллекций равняется 3266, количество объектов более 160.000.

Посетитель музея имеет возможность, начав с физической эволюции человека на зоологической лестнице и с ознакомления с расовыми разновидностями как по многочисленным расовым маскам (181), так и богатому собранию черепов, диаграмм, карт и т. п., перейдя через богатый отдел археологический, где имеется обширный материал из жизни доисторического человека в эо-, палео- и неолитическую эпоху, перейти к ознакомлению с культурой народов современных, начиная с самых низших, австралийцев, огнеземельцев и т. п., вплоть до китайцев, японцев, индусов, персов и др.

В настоящее время в музее имеются следующие отделы: 1. отдел антропологии, 2. отдел доисторической археологии, 3. отдел древностей Вост. и Зап. Туркестана, 4. отдел Сибири и Севера Европы с вновь выделенными подотделами по шаманству и первобытному искусству, 5. отдел Сев. и Средн. Америки, 6. отдел Южной Америки, 7. отдел Африки, 8. отдел Австралии и Океании, 9. отдел Индонезии, 10. отдел Индии, 11. отдел Пе-

редн. и Средн. Азии, 12. отдел Дальнего Востока (Китай, Япония, Корея) с особо выделенным подотделом по буддизму и ламаизму, 13. памятный отдел—галлерея Петра I и, наконец, 14. вновь организующийся отдел эволюции и типологии культуры, имеющий целью представить картину длинного пути многогранного творчества человека в мировом масштабе и притом в порядке последовательного развития отдельных категорий этнических явлений, от простейших стадий до самых высших. В настоящее время отдел этот приступил к выставлению типов и эволюции орудий, начиная с древнего палеолита.

Библиотека музея составлена исключительно из книг специально по вопросам этнографии и соприкасающихся с ней дисциплин и насчитывает 10911 книг. Сверх того, при музее имеются: 1) антропологическая лаборатория с соответственным инструментарием, 2) фотографическая лаборатория и 3) специально оборудованная формовочная мастерская, где в течение лета 1925 г., в связи с расширением выставочной площади, было изготовлено 230 новых манекенов.

В связи с ростом музея осенью прошлого года был увеличен и персонал, который в настоящее время состоит: из директора, 1 старшего этнографа, 7 ученых хранителей, 7 научных сотрудников 1-го разр., 11 научных сотрудников 2-го разр., 4 практикантов, 1 лаборантки, 1 рисовальщика, 1 мулера-модельщика, 3 технических помощников и 12 служителей.

Научная работа музея за отчетный 1925 г., в отношении организации экспедиций, сильно затормозилась вследствие того, что персоналу музея пришлось напрячь все свои силы для того, чтобы выполнить в кратчайший срок ту огромную работу, которую он проделал по перепланировке и полному перевыставлению отделов, при чем был пересмотрен и частью использован для экспозиций весь магазин, т.-е. все коллекции, хранившиеся под спудом, из-за невозможности их выставления. В истекшем году музеем выпущено 2 выпуска „Сборника Музея“ (вып. II т. IV и вып. II т. V). Кроме того, персоналом напечатан целый ряд работ в разных изданиях.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ ГОСУД. РУССКОГО МУЗЕЯ,

основанный в 1902 г., начал свою деятельность с заранее твердо установленными задачами и тщательно разработанным планом собирательской и научно-исследовательской работы.

Первые 20 лет его существования были посвящены, главным образом, систематическому собиранию вещественных документов материального и духовного быта народов, населяющих Россию, и народов сопредельных стран, связанных с ними культурными и племенными взаимоотношениями. Собирался материал, характеризующий, главным образом, быт последних десятилетий, но для уяснения общего хода развития и эволюции бытовых форм собирались также коллекции более раннего времени, а также многочисленные палеоэтнографические коллекции.

К началу войны был собран основной музейный фонд и к 1917 г. размещен в специально выстроенном и оборудованном по западным образцам выставочном помещении. Однако эвакуация большей части собраний в Москву задержала открытие отдела. Лишь по возвращении коллекций обратно, при полном отсутствии средств и при исключительно тяжелых условиях, ранее разрушенная выставка была частью восстановлена, частью заново переделана.

3 июня 1922 г. состоялось открытие отделения украинцев-белоруссов и зарубежных славян; через месяц — отделение Сибири и Дальнего Востока и секции буддизма и, наконец, после большой работы по переустройству отдела,—3 июня 1923 г. состоялось торжественное открытие всех 32 зал отдела.

В связи с работами по подготовке отдела к открытию выяснились пробелы в основных собраниях, и отдел на пополнение их направил все свои силы. При неблагоприятных общих условиях работы и скромных материальных средствах отделу все же удалось провести большую исследовательскую и собирательскую работу на местах, осуществив ряд экспедиций и отдельных командировок.

Подробные сведения об экспедициях 1923 и 1924 гг. были даны в издании Ленинградского отделения Главнауки „Музей" (Ленинград, № 1, 1923 г. и № 2, 1924 г. (Там же были даны сведения о работе отдела за этот период, в частности о временных выставках до осени 1924 г.)

Сентябрьское наводнение 1924 г. нарушило правильное течение работы в отделе, ибо водой были залиты все резервные собрания отдела, хранящиеся в подвальном помещении. Просушка, разборка, дезинфекция, реставрация и переучет свыше 100 тысяч предметов заняли много времени, силы всего персонала отдела и потребовали затраты значительных материальных средств. План работ был нарушен, однако, в феврале 1925 г. все же удалось открыть намеченную ранее временную выставку украинских и румынских килимов, на которой персоналом отдела был сделан ряд докладов по истории и технике коврового дела на Украине, об орнаменте украинских килимов, об их связи с восточными коврами и пр.

Устройство отчетной выставки, в связи с работами по ликвидации последствий наводнения, было отложено на год. Летний период 1925 г. был использован для продолжения исследовательской и собирательской работы на местах. Удалось осуществить экспедиции:

Саяно-алтайскую (под руководством С. И. Руденко, при участии А. Н. Глухова, М. П. Грязнова, студентов университета Н. М. Сунцовой, М. Н. Комаровой и технического сотрудника К. И. Ульриха);

минусинскую (С. А. Теплоухов, Е. Р. Шнейдер и А. Т. Кузнецова);

лапландскую (Д. А. Золотарев и А. Л. Колобаев);

ленинградскую (под руководством Д. А. Золоторева, при участии: А. А. Беликова, Г. Е. Либман, Е. И. Преловой, И. Н. Распопова, Н. С. Розова и Е. И. Фофанской;

великорусскую (под руководством Д. А. Золотарева, при участии: Н. П. Гринковой, Е. Э. Бломквист, З. П. Малиновской, А. Л. Колобаева и Н. А. Троицкой);

украинскую (под руководством Б. Г. Крыжановского, при участии: А. И. Заремского, М. А. Фриде, А. М. Колаковской и А. Я. Дуйсбург);

крымскую (Г. А. Бонч-Осмоловский) и

северо-кавказскую (А. А. Миллер).

Кроме того, были командированы: П. П. Ефименко — в Донецкую губ., Л. Л. Капица в Архангельскую губ., А. А. Макаренко—на Кольский полуостров, А. К. Сержпутовский — в Белоруссию, Ф. А. Фиельструп — в Семиречье. В результате этих работ в отдел поступило около 8 тысяч предметов, а собирательская деятельность за все три последних года дала свыше 20 тысяч предметов.

Эти поступления значительно пополнили пробелы в основных собраниях отдела и дали новый материал по современному нам быту, что дало возможность значительно переработать как отдельные темы на постоянной выставке, так и целые залы, посвященные группам народностей.

В настоящее время закончена и 23 января открылась отчетная выставка отдела за 1924 и 25 гг., на которой показаны результаты работы отдела за отчетный период и собранные участниками экспедиций новые коллекции. На выставке состоялся ряд докладов на основе собранного материала

Этнографический отдел принял также значительное участие в устройстве Союзного отдела на Международной выставке декоративного искусства в Париже. Помимо предоставления значительного количества экспонатов, отдел принял также деятельное участие в организации выставки в лице А. А. Миллера, которому поручено устройство отдела народного искусства, и сотрудника Я. П. Ульриха, которые для этого были командированы в Париж.

Помимо изданий, связанных с временными выставками, и ряда листовок к постоянной выставке на отдельные этнографические темы, отделом в 1925 г. начата серия выпусков по музейной технике — „Музейное Дело": вып. 1 — А. И. Зарембский. *Регистрация, хранение и учет коллекций в Этнографическом Отделе Госуд. Русского Музея;* вып. 11 — А. А. Миллер, *Музейное Дело и его оборудование;* вып. 3 — проф. Л. Я. Окуневский и доц. П. А. Пацановский. *Сероуглерод в дезинфекционной практике.* В настоящее время печатается 3-й том „Материалов по этнографии СССР", который выйдет из печати к лету.

А. Зарембский.

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКАЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1921—1925 гг.).

После предварительной подготовки, выразившейся в маршрутной поездке и разведочных работах Д. А. Золотарева в 1920 г. в Бежецком, Весьегонском, Мологском и Рыбинском уездах и в собирании группой сотрудников библиографии и ознакомлении с литературой по антропологии, этнографии, диалектологии и колонизации Тверской и Ярославской губ., в 1921 г. экспедиция начала работу в Бежецком у. Тверской губ.

Ставя своей задачей собрать материал, характеризующий этнологические особенности края, экспедиция, включая в свой состав специалистов по антропологии, этнографии и лингвистике, опираясь на содействие местных учреждений и привлекая к работе местных сотрудников, придавала особое значение организации массовой и стационарной работы, для чего были изданы анкеты, программы, памятка для местных сотрудников, читались доклады и отчеты, устраивались вечера народного творчества в городах и селах района работ экспедиции.

Рос. Академия истории материальной культуры, в недрах которой возникла мысль и протекала работа по подготовке экспедиции и обработке собранных материалов, не обладая средствами, должна была предоставить инициативе руководителя полную возможность привлекать к участию и содействию работе другие учреждения.

Только при этом условии в тяжелые годы недавнего прошлого и удавалось осуществлять работу при помощи многочисленных учреждений, поименованных на целой странице в отчете руководителя экспедиции (Д. А. Золотарев,—*Работа Этнологической Экспедиции за 1921 и 1922 гг.*, „Известия Рос. Академии Истории Материальной Культуры", т. III, 1923 г.).

Состав экспедиции менялся в зависимости от средств, всегда неопределенных и выяснявшихся уже в ходе работ, что крайне затрудняло планомерность работы. Начав с 5 человек, — Д. А. Золотарев, С. А. Еремин, З. П. Малиновская, О. И. Олиференко и Л. И. Песселей,—доведя в 1922 г. свой состав до 17 человек, в 1925 г. экспедиция работала лишь в числе 4 сотрудников. Кроме перечисленных лиц, более 3-х лет работали: Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова, А. А. Колобаев и Н. С. Розов. Из местных сотрудников было привлечено всего 28 человек.

Район работы, определявшейся намечавшимися заданиями в связи с местными особенностями или просто практическими и организацион-

ными соображениями, постепенно расширяясь, охватил Бежецкий, Весьегонский, Мологский, Пошехонский, Даниловский, Ростовский, Ржевский, Костромской и отчасти Вышневолоцкий, Устюженский, Тотемский, Тверской уезды Тверской, Ярославской, Костромской и Вологодской губ. Собранный материал, не говоря о черновых записях, представлен 50 рукописями, около 12000 частушек, больше 1000 антропометрических карточек, около 800 рисунков и планов, больше 800 фотографий и т. д. Кроме того, для Госуд. Русского музея и выставки в Москве приобретено больше 2500 этнографических предметов.

Особого внимания заслуживают материалы по постройкам, одежде, орнаменту, говорам, народной медицине, фольклору, гончарству, антропологии, а также данные для характеристики своеобразных местных типов населения — сицкарей Мологского у. Ярославской губ., теблешан, пушкарей и тудовлян Тверской губ.

К сожалению, не имея возможности опубликовать собранные материалы, экспедиция, кроме отчетов и кратких заметок пока напечатала: *Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края* — статьи Золотарева, Артамонова, Песселей, Бломквист и Гринковой; *Этнографический состав населения Бежецкого у.*—Д. А. Золотарева; *Отчет о работе в Костромской губ. в 1924 г. и Программа по языку и народному словарю*—С. А. Еремина; *К вопросу и сицкарях* и *Заметки о говорах сев.-зап. части Мологского у. Ярославской губ.* („Изв. Отд. Рус. Язык и Слов. Академии Наук")—Н. П. Гринковой. Находятся в печати: *Теблешане*—С. А. Еремина; *Говор Молодотудской вол.* и *Старая и новая свадьба Ржевского у.*—Н. П. Гринковой; *Материалы по Ростовскому уезду* Е. Э. Бломквист.

В целях ознакомления с результатами работ экспедиции в залах Рос. Академии истории материальной культуры была устроена выставка работ Верхне-Волжской этнологической экспедиции в мае 1925 г. Выставив архив, научный инвентарь, образцы черновых записей, карточек, зарисовок, альбомы законченных рисунков и фотографий, серии больших рисунков, планов и чертежей, иллюстрирующих определенные темы, карты, диаграммы и рукописи, экспедиция дала наглядное представление о достигнутых результатах. В связи с выставкой были прочитаны доклады на основании материалов экспедиции:

Д. А. Золотарев — Работа этн. экспедиции за 4 года и верхневолжская деревня.

Е. Э. Бломквист — Украшение крестьянских построек.

Н. П. Гринкова и С. А. Еремин — язык и этнология (опыт применения лингвистики в этнологических работах экспедиции);

Л. И. Песселей — типы крестьянского двора в Ярославской и Тверской губ.

М. И. Артамонов — Крестьянская строительная техника.

Н. С. Розов — Техника гончарного производства в Тверской губ. по материалам экспедиции.

Д. З.

ОТДЕЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

(Демидов пер., 8а.)

Не имея средств на исследовательскую работу, отделение за последние годы вынуждено было ограничиваться участием в обсуждении организационно исследовательских вопросов как в заседаниях отделения, так в других учреждениях, представлением там интересов отделения,

в организациях ежемесячных заседаний в зимнее время для заслушания научных сообщений и решений текущих вопросов деятельности. Как ни трудно было вести занятия, отделение даже в 1919—20—21 гг. устроило несколько заседаний с научными докладами. В отчетах, печатающихся в „Известиях Русского Географического О-ва", перечислены темы прочитанных докладов. За последние два года деятельность отделения заметно ожила. Увеличился приток членов и докладчиков, а главное — возобновили свою деятельность комиссии: музыкально-этнографическая и сказочная. Председателем отделения состоит акад. С. Ф. Ольденбург, тов. председателя И. И. Майнов, секретарь — Д. А. Золотарев; председатель музыкально-этнографической комиссии Н. Ф. Финдейзен, секретарь Л. Э. Каруновская; председатель сказочной комиссии С. Ф. Ольденбург, секретарь Н. П. Гринкова. В конце 1925 г. в „Записках" Русского Географического О-ва, т. XLIII, вып. 2, напечатана ч. 2-я большого труда С. И. Руденко—*Башкиры. Опыт этнологической монографии; быт башкир*, 327 стр. текста, 224 рисунка и 3 карты.

Д. З.

КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАРОДНОЙ МУЗЫКИ ПРИ РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

(Соляной пер., д, 7, кв. 2.)

Основанная в начале 1925 г. комиссия по изучению народной музыки в мае 1925 г. была принята в состав Государственного Русского Географического О-ва. В программу ее деятельности входит: собирание и изучение музыкально-этнографического материала народов СССР и сопределенных стран, а также подготовка работников для собирания муз.-этнографического материала. В отчетном 1925 г. комиссией было устроено 26 заседаний, прочитано 12 докладов и устроен 1 этнографический концерт в Большом зале О-ва. Программа прочитанных докладов:

А. Э. Бимбоэс — Киргизские народные песни.

М. М. Попов-Платонов — Теория музыки в связи с акустикой и народным музыкальным творчеством.

Н. Ф. Финдейзен — Мотивы восточных и южных народов СССР.

С. Е. Малов и Е. Э. Бертельс — Музыка и песни уйгуров и китайских сартов; музыка и песни абаканских турецких племен.

С. Д. Бергельсон (Баку) — Исторические. этапы музыкальной культуры Востока.

Л. Э. Каруновская — О пении и музыке алтайцев и телеутов.

Е. Э. Бертельс — Пение и музыка турецких дервишей,— музыкальные воззрения арабских энциклопедистов X в.

К. А. Вертков (Алтай) — Телеутские народные песни.

В. П. Лизунов (Алтай) — Алтайские народные песни.

О. Э. Озаровская (Москва) — Северная свадьба.

В ноябре был открыт инструктивный курс для лиц, желающих подготовить себя к записи народных песен и собиранию материалов по музыкальной этнографии. Лекции читаются профессорами: С. Е. Маловым, Н. Ф. Финдейзен, Н. Н. Поппе, Е. Э. Бертельс, Н. И. Приваловым и др. Членами комиссии состоят: Н. Ф. Финдейзен (председатель), Л. Э. Каруновская (секретарь), Е. Э. Бертельс, С. Е. Малов, А. М. Мерварт, Г. О. Монзелер, Ф. А. Фиельструп, Н. И. Привалов, О. Э. Озаровская и Ю. К. Щуцкий.

Л. Каруновская.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДНОСТЕЙ (ЛОЙКФУН).

О-во одной из своих задач ставит себе этнографическое изучение финно-угорских народностей. За 1-й год (1925 г.) деятельности в О-ве проделаны следующие работы по этнографии и этнологии. Заслушаны и подвергнуты обсуждению доклады:

Н. Н. Поппе — Финно-угорские народности СССР.

В. А. Егорова — Древнейшие следы эстов — чуди в Новгороде Великом.

И. А. Гальнбека — Олово у финнов и эстов по данным Калевалы и Калевы — эпоса.

П. А. Гальнбека — О растительных красках эстов, — эстонских островов.

М. М. Никифорова — Встреча с карелами и эстами Новгородской и Тверской губ.

Н. Ф. Финдейзена — О финской народной музыке.

Д. К. Зеленина — Участвовали ли финны в образовании великорусской народности.

Д. В. Бубриха — О языковых следах финских тевтонов—чуди.

Е. В. Медведева — Финны Вятской губ. (впечатления поездки летом 1925 г.).

Н. Н. Поппе — Булгар на Волге и финский мир

и ряд отзывов на новые книги. Положено начало систематическому собиранию этнографического материала в среде финских народностей Ленинградской губ., для чего при О-ве организована ассоциация финских краеведческих организаций и краеведов Ленинградской губ., которая работает по директивам О-ва. Адрес ученого секретаря О-ва Д. В. Бубриха: Ленинград, Лахтинская ул, д. 19, кв. 18.

Д. Б.

СКАЗОЧНАЯ КОМИССИЯ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ЭТНОГРАФИИ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

С 1924 г. комиссия возобновила свою деятельность. В виду невозможности издавать накопленные материалы по сказке, как это делала комиссия до 1917 г., внимание членов комиссии сосредоточено на других вопросах разработки сказочного материала. Комиссия занялась составлением библиографии сказочных текстов, напечатанных на русском, украинском и белорусском языках; кроме того, намечается составление библиографии сказок еще не напечатанных, а находящихся в рукописи как в архивах библиотек и научных обществ, так и у собирателей. Для этой цели комиссией выработаны карточки для учета собирателей и сказочников[1]). Дальнейшей работой намечается каталогизация сказок. В виду этого в комиссии ведется подготовительная работа в связи с каталогизацией: были просмотрены и обсуждены существующие системы классификации сказок (Hahn, Gomme, Арнаудов, Tille, Aarne), из которых комиссией в основу своей работы положен каталог Аарне (Aarne), переведенный членом комиссии Н. П. Андреевым на русский язык. Каталог этот принимается условно с тем, чтобы в процессе работы выработать новые типы, применительно к русскому сказочному материалу. Каталогизация сказок по системе Аарне проведена по большим сборникам великорусских, украинских и белорусских сказок.

---

1) Напечатаны в журнале „Краеведение“ № 5.

За неимением средств, комиссия не могла продолжать собирание сказок, но члены комиссии при полевой этнографической работе в других организациях вели также и записи сказок (М. Б. Едемский, Н. М. Элиаш, А. Е. Кудряшева, М. М. Серова, Н. П. Гринкова и др.).

Председатель комиссии акад. С. Ф. Ольденбург, секретарь Н. П. Гринкова.

Н. Г.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ О-ВО КРАЕВЕДЕНИЯ.

О-во ведет исследовательскую работу в разных направлениях. Издательская деятельность О-ва заметно расширяется. С 1925 г. выходит „Библиотека Североведения", состоящая из отдельных книг и статей, посвященных природе, экономике и населению Севера. Первый сборник носит название „Техника северных промыслов" *(„Изв. ЦБК", № 1).*

Архангельское О-во Краеведения издало карточки с картинками, изображающими предметы быта, имеющие этнографическое и художественное значение. Карточки исполнены способом цветной литографии, с объяснительным текстом на русском и английском языках. Содержание картинок: „Козуля" (рождественское обрядовое печение), деревянные игрушки, „туеса" (берестяная посуда для молока и пр.), солонка берестяная, конец полотенца, рисунки с прялок: кони, олени, птицы и пр. *(„Изв. ЦБК", № 3).*

Д.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

Известная собирательница устного народного творчества О. Э. Озаровская в течение двух месяцев летом 1925 г. руководила экспедицией в Пинежский у. Архангельской губ. Эта экспедиция является еще одним звеном в ряде фольклорных экспедиций, предпринимаемых ею с 1915 г. Экспедиция констатировала, что под влиянием событий последних десяти лет Пинежский район, недавно столь богатый фольклором, постепенно теряет старинные былины и песни, которые вытесняются новыми образцами. Все же О. Э. Озаровской удалось наблюдать старинные свадебные обряды и встретить старых сказителей *(„Изв. ЦБК", № 5).*

Д.

ВОЛОГОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ГРЯЗОВЕЦКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ

изучает свой район, между прочим, и в этнографическом отношении. Кроме лекций и докладов, знакомящих население со многими важными сторонами жизни уезда, был организован этнографический вечер: инсценировка деревенской вечеринки и сценки из свадебных обрядов Ново-Никольской вол. Грязовецкого у. *(„Изв. ЦБК", № 6).*

Д.

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СБОРЫ И РАБОТЫ В КОСТРОМСКОМ КРАЕ

сосредоточиваются преимущественно около этнологической станции Костромского Научного О-ва. Необходимость учреждения станции, как опорного пункта для работ этого рода, диктовалось теми обстоятельствами, что начавшиеся очень давно, с 30-х годов прошлого столетия, этногра-

фические сборы и обследования края не только не носили планомерного характера, но и не учитывались, и нередко результаты их затеривались. Станция, возникшая в 1922 г., первоначально ставила себе задачи двоякого рода: изучение физических признаков населения и изучение культуры, быта и лингвистических его особенностей (этнографическое изучение в широком смысле слова), соответственно чему носила наименование антропологo-этнографической. Собственно говоря, в этом году станция не представляла еще из себя сформировавшегося учреждения с определенным оплачиваемым штатом служащих, с какими-нибудь определенными средствами на исследования и пр. Систематическую обработку добываемых в порядке научного и собирательского энтузиазма материалов и руководства антропологическими работами вел Е. М. Чепурковский, в отношении материалов этнографического характера то же производилось В. И. Смирновым.

Для правильной постановки работ необходимо было прежде всего привести в известность библиографию местной антропологии и этнографии,—работа, которую удалось опубликовать лишь в 1925 г. в XXXV выпуске „Трудов" О-ва (В. И. Смирнов и Н. И. Умнов—*Материалы по библиографии Костромского края*, вып. II). Благодаря этой работе выяснился целый ряд почти совершенно незатронутых изучением явлений старой внешней и духовной культуры, быта и лингвистических особенностей края.

В следующем году точнее обрисовались очередные задачи изучения края в этнологическом отношении. Изучение должно было распадаться на три цикла: антропологический, этнографический и археологический (доисторическая этнология). Соответственно этим широким задачам изменена была самая структура станции, и она была переименована в этнологическую. В провинциальных условиях подыскать научных сотрудников с точно очерченными и сложившимися научными вкусами, притом на невысокий оклад—дело не простое, и поэтому, само собой разумеется, наличный штат станции, состоявший из трех лиц, не мог полностью охватить указанные выше исследовательские задачи. К работе станции был привлечен еще ряд лиц, ведущих в разных местах края разрозненно в большинстве случаев собирательскую работу в разных направлениях, и студенты-костромичи во время их летних каникул; удалось также привлечь некоторые научные силы центра. Одной из наиболее трудных задач являлось сохранение сети корреспондентов, намечавшейся в результате рассылки анкет. Осуществить это вполне далеко не удалось. Не считая ответов на анкеты станции, в этнографический архив ее от разных корреспондентов поступило за четыре года 2 000 записей различных произведений народного творчества. Среди этого большого материала насчитывается не меньше 100 сказок, более 600 протяжных старинных песен, до 400 народных гаданий, около 250 заговоров и т. д. Есть подробные записи различных народных обычаев—свадебных и других. К этому следует добавить обширный словарный материал, заключающий в себе 3 300 карточек и материалы анкет: 1) о религиозных верованиях и суевериях и 2) культ и народное хозяйство (более полуторы тысячи ответов). Подробный список материала станции и фамилии корреспондентов опубликованы в отчетах О-ва за 1922—25 гг. В последние два года станция, помимо обработки этого материала, организовывает экспедиции. Они затронули сравнительно небольшой район Костромского у. не только потому, что были слишком ничтожны средства, но и в виду того, что поставленные задачи и самое свойство работы заставляли внимательнее и подолгу останавливаться в одних и тех же местах. Две волости этого уезда, Шунгенская и Мисковская, взятые, главным образом, в поле зрения экспедиций, составлявшие в древности „Мерский" (Мерянский) стан, пред-

ставляют совершенно исключительный интерес в этнографическом отношении. Резко очерченные местные антропологические типы, островки своеобразных говоров, бытующие здесь до настоящего времени свайные постройки, наконец, вновь открытые в этом районе семь неолитических и более поздних стоянок ставят заманчивую и весьма нелегкую задачу разобраться в этом этническом вопросе. В 1924 г. работы производились в следующих направлениях: язык—С. А. Еремин, народное искусство, орнамент, одежда и архитектура—Н. П. Беляева, крестьянские бюджеты и отдельные зарисовки—Н. А. Калиткин, промыслы и сельские хозяйства—А. В. Федосов, фольклор—Н. С. Забенкина, народная стройка и археологические разведки—В. И. Смирнов. В 1925 г. состав экспедиции несколько изменился: из прежних сотрудников работали—Н. П. Беляева, Н. А. Калиткин и В. И. Смирнов, антропологические измерения вела Т. В. Самойлова и фольклорные записи—Л. С. Китицына. Необходимо отметить исключительно интересный материал зарисовок, сделанный, главным образом, Н. П. Беляевой и Н. А. Калиткиной—средства передвижения постройки, одежда, народный орнамент. К сожалению, трудные условия для издания подобных материалов позволили пока приступить лишь к изданию одного альбома — орнаменты шитья Костромского полушубка (XXXIX вып. „Трудов"). В „Трудах" О-ва опубликованы были за десятилетие следующие этнографические работы (в хронологическом порядке): 1. П. Зорин—*Как веселится черемисская молодежь*; 2. В. Смирнов—*Крестьянская изба и ее резные украшения в Макаринском уезде* (III вып.); 3. К. Завойко—*В Костромских лесах по Ветлуге*; 4. П. Зорин—*Песни черемис Ветлужского уезда*; 5. Н. Виноградов—*Костромская свадьба*; (VIII вып.); 6. М. Зимин—*Плачи по призванным на военную службу*; 7. В. Смирнов—*Народные похороны и причитания в Костромском крае*; 8. К. Завойко—*Временные жилища крестьян* (XV вып.); 9. М. Зимин—*Ковернинский край* (XVII вып.); 10. В. Смирнов—*Клады, паны и разбойники* (XXVI вып.); 11. В. Смирнов—*Потонувшие колокола;* 12. А. Ширский—*Из легенд Ветлужского края*; 13. В. Смирнов—*Чорт родился (творимая легенда)*; 14. Б. Рудин—*Духовные стихи;* 15. Ф. Лаговский—*Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губ.* (XXIX вып.); 16. В. Смирнов—*Из вопросов и фактов этнологии Костромского края* (XXXIII вып.); 17. В. Смирнов и Н. Умнов—*Материалы по библиографии Костромского края,* вып. II—*Антропология и Этнография* (XXXV вып.); 18. Н. Беляева и В. Смирнов—*Программа по собиранию сведений о средствах перевозки и передвижения* (в тексте 20 рисунков).

Уездные краеведческие организации накопили также значительный этнографический материал, главным образом, по фольклору. Опубликованы лишь следующие работы: А. Соловьев—*Питерщики-галичане.* „Труды Галичского отделения Костромского Науч. О-ва" (вып. III, 1923 г.); В. Чистяков—*Окраска ткани и пряжи местными растениями в Кологривском уезде*; К. Счастливцев—*Деревенская свозка в Матвеевской волости Кологривского уезда* („Труды Кологривского О-ва Краеведения", вып. II, 1924 г.).

Вас. Смирнов.

ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Г. РОСТОВ.

Под руководством Е. Э. Бломквист (Русский музей) члены О-ва Изучения Местного Края произвели ряд этнографических поездок в Угодичскую, Поречскую и Карашскую волости. Обследованы луковые овины,

описаны и зарисованы жилища и средства передвижения, а также рыболовный и гончарный промыслы, записаны свадебные обряды, частушки и пр. *(„Отчет Ростовского Научного О-ва за 1924 г.“).*

В 1925 г. музеем, совместно с Научным О-вом, проведена была этнологическая экспедиция. Охватывая район наиболее удаленной Карашской волости, экспедиция имела целью исследование крестьянского быта как современного, так и уходящего под влиянием новых условий. В результате шестинедельной работы собрано для музея 400 различных предметов, сделаны зарисовки, обмеры. На заседаниях О-ва прочитано несколько докладов:

Е. Ф. Стрижниковой—Об одежде крестьян Карашской волости,—художественное творчество крестьян.

Е. К. Сахаровой—Гаданье и колдовство в Карашской вол. и др. *(„Отчет“ О-ва за 1925 г.).*

Д.

ВЛАДИМИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКОЕ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ О-ВО

возникло в 1919 г. В своей краеведческой работе уделяет большое внимание собиранию этнографических материалов через посредство своих членов-соревнователей, деревенских жителей—учителей, избачей и крестьян. За шесть лет существования О-вом собраны следующие материалы: „Свадебные песни с. Ведомши“ (Н. Л. Богоявленская); „Лыченские бесы“ (В. П. Городничев); „Свадебные песни“ (М. А. Грандилевская); „Свадебные обряды и песни“—запись учеников Новосельской школы (А. А. Егоров); „Коляда, сказки и пр.“—тоже (А. А. Егоров); „Материалы музыкально-этнографического характера“ (Л. Е. Елховская и А. Е. Елховский); „Частушки с. Карабанова“ (А. Е. Елховский); „Частушки д. Юрино Глебовской вол.“ (Л. Е. Елховская); „Описание с. Филипповского и образцы построек“ (Е. Ф. Ершова); „Материалы музыкально-этнографического характера“ (И. А. Жданов); „Музыкально-этнографические материалы, собранные в Переяславском уезде“—тетради №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7; „Школьные записки учеников Киучерского училища—сказки, песни и пр.“ (А. И. Лебедев); „Колыбельные песни, приметы и пр.“ (И. А. Логинова); „Свадебные частушки и песни. Сказки. Легенды и верования. Песня с. Купани“ (П. И. Логинов); „Деревенские песни и др.“ (А. Н. Магницкий); „Песни и прибаутки с. Ведомши“ (П. Е. Майоров); „Свадебные песни с. Осиповой Пустыни и сказки“ (А. А. Миртова); „О пустошах близ д. Маурино Переславского у.“ (М. И. Николаев); „Крапивное заговенье в д. Лихарево Нагоревской вол.“ (А. А. Носкова); „Описание с. Пожарского со стороны его материальной культуры“ (М. И. Охотина); „Старые песни о пустошах в городищах близ д. Родиново Нагорьевской вол.“ (А. С. Серов); „Выработка холста в районе д. Соловеново“ (Е. С. Тихомирова); „Прядильные гребни и швейка с. Соловенова“ (Е. С. Тихомирова); „Ручные терочные машины для изготовления картофельной муки в д. Соловеново Переславского уезда“ (Е. С. Тихомирова); „Народные приметы“ (Б. Филиппов); „Частушки *(472)*, песни приметы и пр.“ (кружок „Юных краеведов“); „Частушки“ (кружок „Безбожников“ Смоленского с.-х. техникума); „Свадьба в Погостовской волости“; „Легенды, поверья и обычаи с. Черницкого“; „Песни г. Переславля-Залесского“ *(1—4)*; „Частушки“ *(41)*; „Музыкально-этнографические материалы“ *(2 пьесы)* (С. Е. Елховский); „Обычаи с. Ивановского (семик и др.)“; „Пустошь“ (кр. д. Маурино); „Волосово“—деревня Маурино; „Домовой“ (рассказ); „На чорте ехал“ (тоже); „Куриный бог“ (тоже); „Водяной“ (тоже); „Пустошь

Сапатово"; „Приметы"; „Как мужик убил огненного змея"; „Как у мужика украли в лесу клад"; „Как колдуны сдают свое ремесло"; „Случай с мужиком" (быль); „Клад I и II"; „Как колдуны портят народ"; „Что говорит народ об озере Плещееве и р. Трубеже": „Что говорит народ о лете 1923 и 1924 гг."; „Сказание о Детеле болоте"; „Сказание об Александровой горе"; „Как перепахивают поле"; „Как сын убил свою мать-колдунью"; „Мертвец и девка"; „Как огненный змей убил мужика"; „Сказки: Утопленник Муж и жена. Три богатыря. Горошинка. Колдунья. Игры народа: Красочки. Огу-немогу и др."; „Пища и напитки крестьян Переславского уезда"; „Народные приметы"; „Сны"; „Хулиганство" (ответы на анкету); „Масляница в д. Маурино" (М. И. Николаев); „Похороны князя"; „Заметки по археологии и истории Нагорского края, песни и пр." (А. Седов); „Стенная газета с. Загорья: 1) История сотворения мира, 2) Самогон есть зло, 3) На злобу дня, 4) Загорский стихотворец, как саровский чудотворец", и многие другие.

Кроме того, лично мною, М. И. Смирновым, выработаны были следующие анкеты: „Культ и крестьянское хозяйство", „Культ и народное пьянство", „Культ в народном быту", „Хулиганство как социально-экономическое зло". Материалы получены и обработаны по первой анкете, принятой во многих других Краеведческих О-вах, в специальной монографии того же имени (печатается в Москве Госиздатом). Остальные анкеты печатаются в Иваново-Вознесенске и Владимире.

М. И. Смирнов.

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

организовалась в ноябре 1924 г. из этнологической группы при историко-археологической секции. Во главе станции стоит бюро, избранное в следующем составе: председатель А. И. Орлов, зам. председателя С. Е. Елховский и секретарь Г. П. Чернышев. Ни одной платной штатной единицы станция не имеет.

За годичный срок деятельности станцией проведены следующие мероприятия: 1) установлены связи с этнографическими группами уездных отделений О-ва, этнологической станцией Костромского О-ва и Переславль-Залесским О-вом; 2) выработана и разослана общая анкета этнографического характера, предусматривающая обследование всех населенных мест губернии со стороны исторической, общественно-бытовой и этнологической; в настоящее время получаемые анкеты разрабатываются членами станции; 3) произведены записи песен, частушек, свадебных обрядов; 4) собран материал по местному говору; 5) произведены зарисовки средств передвижения и домашней утвари, фотографирование местного базара; 6) устройство экскурсий в уезды.

На собраниях этнологической станции были сделаны следующие доклады:

В. Водарский (Шуя)—словарь шуйского говора,—символика песенного творчества в частушках Иваново-Вознесенской губ.

М. И. Смирнов (Шуя) — говор Шуйского уезда.

Г. П. Чернышев — из материалов по частушкам рабочей молодежи г. Иваново-Вознесенска,—частушки Иваново-Вознесенской губ.

А. И. Орлов и Г. П. Чернышев — говор Кинешемского и Юрьевецкого уезда Иваново-Вознесенской губ. по анкетным данным.

А. И. Орлов — рецензии на доклады. Свадебный обряд с. Шешкова Юрьев-Польского у. Иваноново-Вознесенской губ.

С. Е. Елховский — из наблюдений над песенным материалом Иваново-Вознесенска,—чин крестьянской свадьбы Юрьевецкого у. Иваново-Вознесенской губ. по анкетным данным,—частушки Макарьевского у. Иваново-Вознесенской губ.

А. М. Лавров — песни Иваново-Вознесенской губ. с 1885 г. по 1910 год.

Доклады и сообщения членов станции о производственных работах, рецензирование этнографических книг.

А. Орлов.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ МУЗЕЙ,

вступивший за последние годы в период своей полной реорганизации, вел значительную работу по пополнению и систематизации своих коллекций. Силами работников музея реорганизовывался бытовой отдел. Отдел доисторических культур подвергнут полной реорганизации силами Антропологического института I Московского гос. ун-та, при чем сюда поступили коллекции из новых раскопок Б. С. Жукова Балахнинской и Большеказинской неолитических стоянок, Сейминского памятника, а также коллекции из 4 городищ и 1 стоянки, раскопанных в 1925 г. Ветлужской антропологической экспедицией Антропологического института I МГУ. В виду отрывочности старых коллекций по этнографии, этнографический отдел музея был временно свернут, а в конце 1925 г. развернут вновь в виде выставки новых обширных коллекций по этнографии и промыслам русского населения Поветлужья, собранных Ветлужской экспедицией. Значительные пополнения этнографических коллекций, произведенные музеем по Арзамасскому, Городецкому и Семеновскому районам, еще не выставлены музеем за недостатком помещения.

Б. Ж.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

МУЗЕЙ ДМИТРОВСКОГО КРАЯ

по этнографии местного края приступил к работе с 1920 г. В настоящее время в музее имеется бытовой подотдел культурно-исторического отдела, который содержит следующие коллекции: 1) по одежде, 2) по жилищу (фотографии и рисунки), 3) по народному искусству (набойка, пряничные доски, вышивки, резьба по дереву и т. д.), 4) коллекция бирок, 5) по культу, 6) по орудиям кустарного производства, 7) по средствам передвижения. В научном архиве имеется ряд записей различных обрядов и записей по фольклору. Работу по этнографии в музее выполняет зав. музеем К. А. Соловьев.

К. С.

КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ В КАЛУЖСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЛАСТНОМ МУЗЕЕ.

До 1924 г. в Калужском областном музее не было отдельного этнографического отдела, и только коллекция калужских головных уборов занимала одну витрину в комнате „Старая Калуга“.

Этнографический отдел, помещенный в отдельной комнате, открыт был 7 ноября 1924 г. Он имеет определенно краеведческий уклон; почти все экспонаты являются предметами Калужской губ. Всего в настоящее время в этом отделе выставлено 289 предметов. Выставленные коллекции представляют из себя следующее:

1) акварельные рисунки с натуры с изображением курных и других изб, холодильников для молока Калужского у., гончара за работой в дер. Анненки Калужского у., камня для растирания поливы в той же деревне и т. д.;

2) крестьянская утварь глиняная и деревянная (кубышки, коровачная форма, деревянные чаши, толкушки, тарелки, солонцы и пр.);

3) предметы обрядовые—чашка „поклажная", кадиленки глиняные, „погостники" для меда, стаканчики для меда;

4) игрушки глиняные, расписанные, деревянные и соломенные;

5) народные калужские вышивки „вырезы" с геометрическим и звериным орнаментом и узорное тканье;

6) калужское печенье (пряники и петухи, коньки из теста), гипсовый муляж свадебного „курника" Мещовского уез., и др.;

7) акварельные рисунки (21) художника А. М. Покровского—иллюстрации к частушкам Калужской губ.

Из-за недостатка средств, за лето 1925 г. удалось приобрести на средства музея лишь один парчевой сборник, тогда как под самой Калугой даже можно приобрести и обрядовые предметы и предметы одежды (китайки, шубки, поднизи, чехры, ожерелки, нашейники, „языки", шали, сороки, сборники, позатыльни) и другие предметы быта.

В этнографическом отделе музея ведется усиленная просветительная работа. Экскурсиям даются объяснения краеведческим кружком, посещающим музей, читаются лекции о собирании этнографического материала. Некоторым группам, желающим практически заняться этнографией, даются детальные указания, как описывать предметы и как производить записи.

М. Шереметева.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ ПРИ КАЛУЖСКОМ О-ВЕ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ ЗА 1925 г.

Работа этнографической секции в 1925 г. сосредоточена была, главным образом, в одном районе, именно „Гамаюнщине", — значительной старинной вотчине, лежащей в Калужском и б. Перемышльском уу. и сохранившей до настоящего времени и свое название и свой прежний состав (17 селений).

Решение избрать Гамаюнщину для этнографического обследования вынесено было на собрании секции после доклада М. Е. Шереметевой о необходимости изучения одного резко ограниченного и выделяющегося рядом особенностей района. Была намечена общая программа обследования и вынесено решение, на ряду с возможно более полным изучением быта всей Гамаюнщины, остановиться особенно детально на изучении одного какого-либо селения этого района. Выбрана была деревня Верховая (в 6 верстах от г. Калуги), сохранившая много архаичных черт и пережитков старины в своем быту. Экскурсии по обследованию быта Гамаюнщины начались с 1 мая; всего за лето таких экскурсий сделано 27. Ими руководила председатель секции М. Е. Шереметева и участвовали члены секции В. Г. Попов, О. И. Малинина, П. И. Васильева, Б. И. Сосницкий, и, кроме того, кружок слушательниц педагогического техникума (6 чел.), который был прикомандирован преподавателем техникума к этнографической секции на летнюю полевую работу для практи-

ческого изучения методов обследования крестьянского быта. Кружок работал все лето и получал от руководителя экскурсий соответствующие теоретические и практические указания. Кроме д. Верховой, материал также собирался в селениях: Квань, Чижовка, Рамоданово, Секиотово, Колюпаново, Пучково и др., входящих в состав Гамаюнщины.

Были произведены следующие работы: 1) описан и зарисован ряд изб с детальным описанием внешнего вида, внутреннего и всей обстановки (изба курная, изба крестьянина-середняка, изба зажиточного крестьянина), вместе с хозяйственными постройками разного типа—из дерева, известняка с плетневыми стенами; 2) со слов старух записаны: „роды", „крестины", „свадебный обычай" и „похороны"; 3) записан ряд песен: круговых, свадебных и плачей (плач невесты, плач по покойнику); 4) описаны праздники: святки, масленица, Егорьев день, пасха, троицын день, спас, рождество богородицы с сопровождающими их обрядами; 5) записан ряд заговоров: („от глазу", „от укуса змеи, козюли" и др.) и разные способы лечения травами, обряд опахивания деревни; 6) записаны со слов стариков и слепцов рассказы о колдуньях, о „заломах" во ржи, о присыпухах, о „благом духе", о кладах, повесть „о колчушке" и предание о гибели разбойника Кудеяра; 7) в связи с последним преданием сделаны экскурсии на „Кудеярову гору" (в 12 верстах от г. Калуги), до того времени еще не обследованную.

Экскурсии в Гамаюнщину наглядно показали, какой интересный этнографический материал имеется в нашем крае даже в Калужском у., недалеко от губернского города, в области духовной культуры (песни, заговоры, обряды) и в области культуры материальной (шелковые и парчевые повойники, низанные из бисера поднизи, золотные сороки; вышивки с узорами: „куколки", „солдатики", „кони", свастика и пр.; ожерелье и „языки", шитые блестками; деревянные ведра, ковши, „поклажные чашки", „сиделки" и т. д.). К сожалению, только не имеется средств ни у Калужского областного музея, ни у Калужского О-ва Истории и Древностей для приобретения коллекции этих бытовых предметов, которые за последние годы быстро исчезают из крестьянского обихода под влиянием городской культуры. Некоторые предметы удалось приобрести на средства членов секции; предметы эти выставлены в Калужском областном музее.

18 октября М. Е. Шереметева сделала на общем собрании членов Калужского О-ва Истории и Древностей доклад: „Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины", в котором обработана была часть материала, собранного летом. Этот доклад (издан в виде брошюры: *Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины* в „Трудах Калужского О-ва истории и древностей за 1925 г.) сопровождался выставкой гамаюнских нарядов и украшений.

Кроме работы по собиранию и систематизации материала, секция старалась вести и просветительную работу в смысле распространения знаний о методах этнографических обследований и о значении этнографии. Такая работа велась летом, как было указано выше, с кружком педагогического техникума; зимой эта работа продолжалась в музее, где экскурсиям давались объяснения в этнографическом отделе. 30 ноября М. Е. Шереметева в краеведческом кружке 1-й советской школы сделала доклад на тему: „Как собирать и записывать песни".

Материал собирался членами секции и в других уездах губернии. Так, А. В. Дагестанская записала ряд песен Мещовского у., а Р. В. Чалов собрал около 1 500 частушек в разных уездах Калужской губ. Собранные материалы О-во постарается издать. М. Е. Шереметева готовит работу: „Песни и обряды Гамаюнщины". Издательской деятельности, конечно, сильно мешает отсутствие средств. О-во в 1925 г. обращалось к целому ряду учреждений центральных и местных, а также

общественных организаций с просьбой оказать помощь в издании трудов, но отовсюду получило отказ. Брошюру *Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины* пришлось издать на средства автора. Этнографическая секция при Калужском О-ве Истории и Древностей хотя и состоит из небольшого числа активных работников и не располагает денежными средствами, однако надеется деятельно продолжить свою работу в 1926 г.

М. Шереметева.

РЯЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РЯЗАНСКОГО КРАЯ.

Этнологические обследования разных частей губернии проводились не одинаково планомерно. Больше всего обследован север губернии—Мещерский край. В 1919—20 гг. его обследовал Б. А. Куфтин, а с 1922 по 1924 гг.—М. Д. Малинина. На север губернии, населенный татарами, были специальные поездки: так—в 1920 г. поездка В. А. Гордлевского к касимовским татарам, а в 1919 г.—Б. А. Куфтина к азеевским татарам. В 1925 г. под его же руководством была экспедиция в татарский земледельческий район (Кара-аймяк) Касимовского у. Собирание материалов по татарскому быту энергично проводил касимовский музей в лице И. А. Китайцева (художник по специальности, заведующий музеем) при содействии В. И. Кислова, Ф. А. Дашкова и С. Х. Булатова. В настоящее время татарский отдел музея достаточно полно отражает быт касимовских татар. В остальных районах были исследования и рекогносцировки местных работников и приезжих из Москвы. В Сапожковском у. П. П. Стаханов собирал материал по орнаменту (вышивки, затканки и пр.). В Гиблицком районе Касимовского у. А. В. Щербаков обрабатывал частушки до четырех тысяч, в Пронске А. Ф. Попов-Копцев записывал местный говор и бытовые сцены, свадебные обряды и пр. В Михайловском у. в 1919—20 гг. и 1923—24 гг. А. Г. Данилин собирал материал по одежде, орнаменту и вел запись мелодий песен. Разнообразный материал по одежде собрала Н. И. Лебедева в уу. Сапожковском, Данковском и Раненбургском. Собирал и продолжает собирать образцы художественного костюма (праздничные наряды), записывает народные мелодии и обрабатывает их А. А. Оленин. Музыкальные материалы, собранные им преимущественно в Касимовском у., в свое время вошли в его оперу „Кудеяр". Летом 1925 г. были совершены две этнологические поездки (опять-таки в северный район губернии): одна под руководством Б. А. Куфтина к татарам и другая под руководством М. Д. Малининой в Мещерский край. Собранные материалы частью поступили в местные музеи, Касимовский и Рязанский, частью в Московский музей Центрально-Промышленной области и Центральный музей народоведения. Результаты работ частью опубликованы: *Материальная культура русской мещеры*—Б. А. Куфтина; *Очерки Рязанской мещеры*—М. Д. Малининой.

А. Данилин.

ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МОРДВЫ.

О-вом Любителей Естествознания и Краеведения и Пензенским областным музеем при расширении программы их деятельности решено организовать в музее отдел доисторической археологии и этнографии.

В виду довольно большого разнообразия народностей, населяющих

Пензенский край (великоруссы, мордва, татары, мещера), и ограниченности средств предположено было в первую очередь представить в музее, а потому и подвергнуть обследованию исконное население края—мордву.

В 1923 г. музей принял участие в работах по организации Всесоюзн. с.-хоз. выставки, и первые обследования мордвы были произведены по поручению губвыставкома, предполагавшего по окончании выставки экспонаты передать в музей. Первая экспедиция была сделана в районе эрзи Городищенского у., в села Позолки, Вышлей и Косыревку. В состав этой экспедиции вошли: Н. И. Спрыгина, историк музея Б. Н. Гвоздев, студент-эрзянин И. Г. Тимофеев и фотограф А. Ф. Прокин. В дальнейшем, за краткостью срока, оставшегося до выставки, силы членов экспедиции разбились: часть была занята монтировкой и описанием материалов первой экспедиции, а в мокшу для приобретения экспонатов выезжал Б. Н. Гвоздев с фотографом и в мещеру—А. Н. Гвоздев также с фотографом. Результаты экспедиций в виде отчетов были представлены губвыставкому, а приобретенные экспонаты демонстрированы в отделе народного быта и, частью (жилище), в отделе землеустройства Всесоюзной с.-хоз. выставки. В дальнейшем они были переданы в Центральный музей народоведения, и к лету 1924 г. перед заведующей этнографическим отделом музея стала задача опять начать работу по приобретению экспонатов для отдела. Располагая небольшой сумой в 150 руб., Н. И. Спрыгина в течение июля работала среди мокши Наровчатского у. Делались описания жилища, костюма, священных урочищ и пережиточных форм религиозных и других обрядов, знахарства и ворожбы, старинных песен и географической номенклатуры. Подробно изучен и приобретен для музея старинный костюм района.

В костюме обследованного района отмечено три варианта; описаны и приобретены—дальнейшее изменение: мокшанский костюм Пичкиряевской волости, Спасского у., мокшанский костюм Темниковской волости, Краснослободского у., и эрзянский костюм Тирбеевской вол., Спасского у. Собрана коллекция головных уборов, украшений и вышивок. Записаны способы окрашивания травами шерсти и собраны гербарные экземпляры этих трав. Записаны способы и приобретены приборы плетения поясов и кружев, вышивания, тканья холста и т. д.

Описаны домашняя утварь и сельскохозяйственные орудия мордвы. Сфотографированы типы населения, типы жилищ, занятия и обряды, наблюдающиеся на троицу (40 снимков). Для музея приобретен 171 экспонат. Наиболее ценными из них являются полные женские старинные костюмы и некоторые отдельные части их, уже редко встречающиеся в сундуках, а также коллекции бирок. И. Г. Черканкиным собраны записи: до 60 разных заговоров и 20 №№ ритуала ворожбы, до 100 №№ мордовских игр, до 200 №№ песен и сказок. При фиксировании этого материала прослежены диалектологические особенности каждого района,—тема, представляющая насущный интерес для газеты „Од веле", вырабатывающей язык, понятный всему мокшанскому населению края. И. Г. Черанкин выделяет в мокшанском наречии Пензенского края три диалекта: саранско-инсарско-наровчатский, краснослободско-темниковский и спасско-темниковский.

Собранный в музее уже значительный материал дал возможность открыть выставку к конференции по изучению производительных сил губернии, состоявшейся с 31 января по 4 февраля. На выставке было представлено исконное население Пензенского края—мордва и другая народность финского племени, значительно обрусевшая, но все же сохранившая некоторые самобытные черты—мещера. С распределением национальностей по территории губернии и их количественным отношением знакомят

этнографическая карта 5-верстного масштаба, составленная проф. А. Е. Любимовым, и таблицы, содержащие цифровые данные.

Типы народностей представлены фотографиями и скульптурными изображениями (манекены), слепленными с натуры преподавателем скульптуры и учениками-скульпторами Пензенского художественного педагогического техникума.

Материал по мордве экспонирован таким образом, что, давая, по возможности, общую характеристику этой народности, он подчеркивает две характерные черты: связь мордвы с лесом и художественное творчество мордовской женщины в области костюма. От колыбели (экспонаты лубочной колыбели) до могилы всеми сторонами своей духовной и материальной жизни мордва тесно связана с лесом. Ее жилище (представлено моделью курной избы Беднодемьяновского у., планами, фотографиями и отдельными предметами,—все, до последнего гвоздя, хода у двери и запора в старинных постройках сделано из дерева. Домашняя утварь: ковш, ложки, солонки, стаканы, долбленный из липы сундук „эрямо парь", кочерги, постель из камыша с деревянным подголовником, кошели и т. д.—все, как убеждают нас экспонаты, приготовлено из материала, добытого в лесу. Занятия мордвы, кроме фотографических снимков трудовых процессов, представлены сельскохозяйственными орудиями: резец, деревянная с мочальными подвольями соха и деревянный плуг; с ними выставлена ручная мельница и ступа для толчения пшена, черепом убитого в Беднодемьяновском у. медведя и капканом; занятие скотоводством—группой атрибутов пастуха: длинный, оплетенный берестой рожок, палица, плеть и колотушка.

Коллекция бирок знакомит с цифровыми знаками, употреблявшимися мордвою, и с метами отдельных домов, заменявшими фамилии. Обряды мордвы представлены в фотографиях, в обрядовых печениях и предметах: стопа, „люляма", свеча и т. д. Творчество мордовской женщины, выразившееся в созданном ею костюме, представлено вариантами его в пределах Пензенского края и коллекциями вышивок и украшений, дающих представление о богатстве форм и орнамента. Представлены следующие варианты: 1) эрзянка Саранского у., 2) эрзянка Городищенского у., 3) эрзянин Городищенского у., 4) мокшанка Наровчатского у., 5) мокшанка Темниковского у., 6) мокшанка Спасского у. Кроме того, предметами, выставленными на подставках, демонстрированы варианты отдельных частей костюма, из которых одни характеризуют падение искусства вышивания в одних районах, другие, наоборот,—дальнейшее развитие этого искусства в других районах. Группа „эрзянка за ткацким станом" и расположенные около прялки гребень, приборы, „кивинь-таргама"—„кружевань-таргама", рукодельный ящик, образцы затканок и вышивок в виде „кеске-руцят", „панара", покрывала невесты и т. д. знакомят с трудовыми процессами женщины по изготовлению костюма. Выставлена коллекция трав, потреблявшихся мордовками для окрашивания пряжи для вышивания. Мещера представлена манекенами, представляющими тип и костюм мещерской женщины Керенского у. и отдельными частями мужского и женского костюма мещеры Керенского и Пензенского уу.

С апреля текущего года, по изготовлении всех витрин, выставка функционирует как постоянный этнографический отдел музея.

С целью привлечения внимания широких кругов к делу изучения народного быта и созданию этнографического отдела, зимой 1924/25 г. были организованы в музее этнографические выставки: одна—к съезду мордовок и татарок губернии и вторая—к губернскому съезду советов.

В 1925 г., благодаря ассигнованиям Главнауки и Пензенского губисполкома, удалось организовать экспедицию для изучения мордвы в Спасский и Краснослободский уу. Экспедиция была проведена с 2 июня по

4 июня в составе: Н. И. Спрыгиной и, в качестве научного сотрудника, секретаря газеты „Од веле", мордвина-мокшанина, И. Г. Черанкина. Одновременно в лесные районы тех же уездов была организована ботаническая экспедиция в составе проф. И. И. Спрыгина и научного сотрудника К. Е. Гомерова, который делал также фотографические снимки для этнографической экспедиции.

Во время работ экспедиции Н. И. Спрыгина вела наблюдения в области материальной культуры—жилище, костюм, домашний быт и занятия населения; И. Г. Черанкин—в области духовной культуры: запись обрядов и обычаев, говоров, ворожбы, песен и сказок, игр, а также исследование языка мокши Спасско-Темниковского района. Кроме того, И. И. Спрыгиным попутно с ботаническими исследованиями велись расспросы и записи об употреблении мордвою лекарственных растений и собирались мордовские названия растений. Задачей экспедиции было также приобретение экспонатов для этнографического отдела музея.

В жилище мордвы исследованного района отмечено три типа; сделаны описания и сняты планы дворов, изб и хозяйственных построек, а также сделаны чертежи и зарисовки (более 80) отдельных частей построек, знакомящие со строительной техникой и орнаментом построек. Изготовлена местным плотником модель наиболее древнего из трех типов жилища мордвы данного района—именно курной мокшанской избы с глинобитной печью в переднем углу, несимметрично расположенным окном по фасаду, „потмаром", внутренней короткой дверью, окном для выхода дыма и „волоковым" окном.

Н. Спрыгина.

ТАТАРСКАЯ АССР.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В КАЗАНИ

сосредоточены в Центральном музее ТССР, в Этнографическом музее кабинета географии, этнографии и антропологии Казанского гос. университета и в небольшом музее Селькредпромсоюза. В Центральном музее ТССР и музее Селькредпромсоюза собраны преимущественно коллекции по краю, а в университетском музее представлены материалы по Азии, а также по экзотическим странам.

В Центральном музее ТССР коллекции выставлены в этнографическом отделе, открытом в настоящем его виде 18 января 1925 г. после полной переорганизации. Основанием этнографических коллекций Центрального музея послужили некоторые материалы (до 500 №№) в коллекции А. Ф. Лихачева, которые послужили основанием и самого музея, открытого в 1895 г. под наименованием Городского музея. Все коллекции А. Ф. Лихачева, согласно воле жертвователя, были объединены в т. н. „Лихачевский" отдел, и этнографические коллекции по Китаю и местным народностям были соединены с археологическими и художественными предметами.

Тотчас же после открытия музея организовался историко-этнографический отдел, который под авторитетным руководством проф. Н. Ф. Катанова начал собирать этнографический материал как систематически, преимущественно по местным народностям, так и случайными приобретениями, материал очень разнородный. До революции накопилось такого материала более 1000 №№.

Революция совершенно изменила музейную работу, переименовав и самый музей сначала в Губернский, а затем в 1920 г.—в Центральный музей ТССР. Во главе музея встал музеевед проф. Б. Ф. Адлер, который немедлено начал переорганизацию всего музея, и в первую очередь

из всех имеющихся коллекций был создан этнографический отдел. Имея значительную базу в виде коллекций городского музея, отдел начал быстро пополняться новыми поступлениями: был передан музей Духовной академии, созданный Н. Ф. Катановым, состоящий преимущественно из предметов буддийского культа, а также из ряда вещей из быта народностей, исповедующих буддизм; были приобретены коллекции проф. Высоцкого, главным образом, китайский фарфор; коллекция Л. О. Сиклера, заключающая в казанской ее части до 2 000 предметов, значительная же часть коллекции Сиклера находится в музее „Ars Asiatica" в Москве преимущественно татарских украшений и других тканей, а также велось приобретение отдельных вещей и поступление их от государственных учреждений.

В 1920 г., по случаю организации Татарской ССР, была создана выставка „Народов Востока". После этой выставки возникла мысль учредить в Казани „Музей Народов Востока", соединив его временно с Центральным музеем, и значительное количество вещей, собранных для выставки у разных лиц, преимущественно татар, было приобретено для вновь учрежденного музея. Приобретены были преимущественно вещи татарского быта.

Таким образом, к концу 1921 г. были собраны значительные коллекции, но выставить их не было возможности из-за недостатка места, и только в конце этого года было отремонтировано помещение для этнографического отдела. Это время совпало с началом новой экономической политики и в связи с этим жестокого материального кризиса, усугубленного еще голодом, так что музей едва влачил свое существование: отопление отсутствовало, штаты были сокращены до невозможности вести работу и т. д. В это же время во главе музея, вместо уехавшего за границу проф. Адлера, встал его ученик Н. И. Воробьев. По материальным соображением „Музей Народов Востока" был ликвидирован, и его коллекции влились в состав этнографического отдела, который с весны 1922 г. начал развертываться и открылся осенью этого года, хотя далеко не в полном виде, ибо не было мебели для выставления коллекций.

1923 г. явился для этнографического отдела годом новых ценных поступлений. Всесоюзная с.-х. выставка, в организации культурно-бытового отдела которой участвовали сотрудники музея Н. И. Воробьев и П. М. Дульский, дала возможность создать новые коллекции (до 1 000 №№) преимущественно из быта татарской деревни (таковых нехватало в отделе) и создать новую, музейного образца, мебель. После выставки, где татарские коллекции пользовались значительным успехом, все собрание было передано правительством ТССР в Центральный музей, и были отпущены некоторые средства на развертывание этих коллекций. Таким образом, с осени 1923 г. по январь 1925 г. отдел развертывался в настоящем его виде.

Всего за все существование отдела в нем собрано до 8 000 предметов, из которых до 5000 — предметов татарского быта, до 1 000 — из быта других местных народностей (чуваш, мари, вотяков, пермяков и мордвы), более 1 000 предметов китайского быта и буддийского культа и до 1 000 предметов различного, часто случайного, происхождения, из которых отметим разрозненные предметы по Ср. Азии, калмыкам, киргизам, персам и т. д. Имеется также до 2 000 фотографий и рисунков этнографического содержания.

Все эти коллекции выставлены в просторном помещении, состоящем из 2 анфилад, длиною по 30 *м* и шириною в $3^1/_2$ *м* и 12 ниш, размером 5×4 *м*. (Музей помещается в здании б. Гостиного двора, с типичным планом подобного рода построек.) 1-я анфилада и прилегающие к ней 6 ниш заняты коллекциями по татарам и другим турецким народностям, поскольку они представлены в коллекциях отдела. 2-я анфилада

и 6 ниш заняты коллекциями по другим народностям местного края, а также коллекциями по Китаю и буддийскому культу. Принцип экспозиции взят приблизительно этнографического отдела Русского музея, соответственно измененный, сообразно местным условиям. Все экспонаты выставлены под стеклом и только деревянные вещи и фотографии экспонированы на щитах, затянутых холстом. Этикетировка на двух языках: русском и татарском. Татарские коллекции, представляющие самую полную коллекцию в СССР, определенно доминируют, и иногда этнографический отдел музея называют татарским.

Университетский музей при кафедре географии, этнографии и антропологии начал организовываться в 90-х годах XIX столетия в качестве учебного музея. Для него были выписаны из Гамбурга от Умлауф-музея коллекции (до 600 предметов) по Африке, Америке, Австралии и Полинезии, а также начали собираться коллекции по местным народностям и по Азии. В начале XX столетия сюда же были переданы коллекции из музея Отечествоведения, который существовал долгое время при кафедре русской истории, а также переданы этнографические коллекции О-ва Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете, которое предполагало в 90-х годах организовать свой музей, а к этому времени отказалось от этой мысли.

С 1911 г., когда кафедру занял проф. Б. Ф. Адлер, началось энергичное пополнение этого музея, путем систематических сборов, экспедициями сотрудников кафедры и студентов-специалистов, преимущественно в Сибирь, на средства О-ва Археологии, Естествоиспытателей, кабинета и личные средства проф. Адлера. Таким образом, были добыты наиболее ценные коллекции музея: по киргизам и Средней Азии—студ. Кольцов и Буров, по сойотам—С. А. Теплоухов, по бурятам—В. И. Подгорбунский, по остякам и самоедам—В. М. Новицкий, по енисейцам—И. В. Тюшняков, по гольдам и орочам—И. А. Лопатин, М. Н. Павленко, Н. И. Воробьев и т. д. Получен был также в дар от разных лиц и организаций ряд ценных материалов, например, по орочам—от В. К. Арсеньева, по Китаю—от „Красного Креста“ и т. д.

Таким образом, коллекции музея-кабинета в настоящее время достигают до 2 000 предметов, преимущественно по быту народов Азии, а также экзотических стран. Отметим, между прочим, ценнейшую коллекцию по шаманству различных народностей Азии, заключающую до 10 полных одеяний шаманов и целого ряда предметов культа: идолы, принадлежности камлания и т. д. Коллекции О-ва Археологии, находящиеся в этом музее, составляют также более 1 000 предметов, главным образом, по местным народностям: русским, мари, чувашам, вотякам, татарам, кряшенам и др., а также по народностям Средней Азии, Персии и Китаю.

Экспонированы эти коллекции в 3 залах: 2-х небольших и 1-й очень большой с хорами. Выставлены преимущественно коллекции по не местным народностями, представленным полно в Центральном музее. Малые залы заняты народностями вне пределов СССР, большая занята Сибирью и отчасти манекенами местных народностей: чуваш, мари, вотяков. Хоры большой залы заняты коллекциями по буддизму, Китаю и народностям, находящимся под влиянием китайской культуры: сойоты, буряты, гольды, орочи и т. д.

Музей кабинета официально закрыт для публики, но открывается по праздникам и всегда для экскурсий.

Этнографический отдел Центрального музея ТССР и Университетский музей в своих выставочных частях построены так, что они взаимно дополняют друг друга, давая первый—достаточно полное представление о быте народностей края, а второй—некоторое представление о других народностях земного шара и преимущественно СССР.

В музее Селькредпромсоюза, в большей своей части кустарно-промышленном, имеется более 1000 предметов по этнографии, рисующих преимущественно производство народностей местного края и, главным образом, художественное: ткани, вышивки. Музей этот создан на средства союза в 1921—22 гг. силами Г. М. Залкинда, бывшего в то время его заведующим. Там собраны великолепные материалы по вышивкам и по технике их изготовления: нитки, краски, пяльцы и т. д., а также по ювелирному делу. В настоящее время идут переговоры о приобретении этого музея и особенно его этнографических коллекций правительством ТССР, для передачи в Центральный музей, и такая передача, вероятно, скоро совершится, чем значительно пополнятся коллекции по местным народностям (кроме татар).

Таковы этнографические коллекции в Казани, крупном культурном центре Среднего Поволжья. Можно сказать, что местные народности в казанских собраниях представлены достаточно полно, особенно татары, но имеется достаточно материалов, чтобы дать представление населению, и особенно школьникам, и о культуре многих народностей не только в пределах СССР, но и вне их. Правда, в настоящее время пополняются только коллекции по местным народностям, но надо надеяться, что старые культурные связи Казани с Сибирью опять возобновятся и будут давать новый приток сибирских материалов в музеи Казани.

Н. И. Воробьев.

САРАТОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО ОБЛАСТНОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ.

Этнографический отдел Саратовского О-ва Истории, Археологии и Этнографии, переименованный в 1925 г. в этнографическую секцию Нижне-Волжского Областного Научного О-ва Краеведения, возник в 1919 г. Первоначальная деятельность его неразрывно связана с деятельностью Б. М. Соколова, широко поставившего этнографические работы в Саратовском крае. Отчет за период 1919—1922 гг. был опубликован в „Саратовском Этнографическом Сборнике“, вып. 1, под редакцией проф. Б. М. Соколова, изданном в Саратове в 1922 г.

Продолжаясь непрерывно до настоящего времени, работы этнографического отдела (теперь этнографической секции) ведутся в трех направлениях. С одной стороны, этнографическая секция сосредоточивает около себя все научно-исследовательские работы по этнографии, которые ведутся в Саратове, с другой, она совместно с областным государственным музеем ведет постепенное и планомерное этнографическое обследование края во всем разнообразии его национального состава. И, наконец, этнографическая секция ведет работу чисто показательного характера, устраивая специальные открытые заседания и этнографические вечера-концерты для широких масс.

Ближайшее участие в работе секции принимают профессора Саратовского университета, сотрудники областного музея, студенты и другие члены О-ва. Заседания же посещаются, кроме того, учительством г. Саратова и бывают открыты для широкой публики. Всего за период 1919—1925 гг. этнографический отдел провел 34 заседания, на которых было прочитано 52 доклада. Большинство тем касалось этнографического описания или разработки отдельных вопросов быта всех национальностей Саратовского края. Часть докладов была методического и программного характера, и многие из них посвящались вопросам и некраевой этнографии, особенно по словесному народному творчеству.

Обследование края со стороны духовной и материальной культуры его населения началось с 1920 г.—с большой экспедиции в Хвалынский у. под руководством проф. Б. М. Соколова. И после этого оно продолжается непрерывно каждое лето до настоящего времени. Всего за время деятельности этнографического отдела было совершено 32 этнографических поездки, куда входят две большие экспедиции проф. Б. М. Соколова в Хвалынский и Петровский уу. летом 1921 и 1923 гг. Вторая экспедиция имела специальные задания—представить быт нашего населения на Всероссийской с.-х. и куст.-пром. выставке, за что ее руководителем и был получен диплом 1-й степени. Кроме таких больших экспедиций, членами отдела и музейными сотрудниками совершались небольшие поездки и командировки к разным национальностям Саратовского края. Обследователи, помимо описания всех сторон быта населения, имели обыкновенно заданием и собирание экспонатов для Саратовского этнографического музея. Подробные сведения об этой работе см. в указанном этнографическом сборнике. Результатом этих поездок является огромное количество записей, хранящихся в этнографическом отделе Саратовского областного гос. музея, а также некоторое количество работ у членов отдела, готовых к печати. В настоящее время этнографической секцией издан очередной № „Трудов" Нижне-Волжского Областного Научного О-ва Краеведения, посвященный целиком вопросам этнографии. (Вып. 34, ч. IV).

Показательная работа этнографической секции заключается, главным образом, в организации вечеров, концертов. Первый этнографический (национальный) концерт с привлечением участников с мест из самых народных гущ, где были представлены разнообразные обрядовые сценки всех национальностей края, был организован в 1922 г. В 1924 и 1925 гг. было устроено уже два бесплатных этнографических концерта, посвященных национальной песне. К исполнению их были привлечены все национальности края—числом восемь. Концерты устраивались для школ и широких трудящихся масс. В настоящее время секция готовит к постановке ряд концертов, которые будут иллюстрировать искусство отдельных национальностей.

С начала деятельности этнографический отдел возглавлялся проф. Б. М. Соколовым, с 1924 г. по 1925 г. председателем его был проф. С. В. Юшков, и в настоящее время состав призидиума таков: председатель проф. В. В. Буш, товарищ председателя М. П. Советов и секретарь Т. М. Акимова.

Т. М. Акимова.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ САРАТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ.

Этнографический музей в Саратове возник в начале 1920 г. по инициативе проф. Б. М. Соколова, который выдвигал как первоочередную задачу организацию здесь этнографического музея, главным образом, потому, что Саратовский край, несмотря на свою молодость, представляет исключительный интерес в этнографическом отношении. Он стянул к себе, с одной стороны, разнообразные группы великорусского населения, с другой—многие другие народности Поволжья. Всю сложную картину быта этих народностей, их взаимовлияния, а также живучести и отмирания национальных черт и должен отобразить музей.

Первоначальным ядром музея явилась коллекция вещей, приобретенных б. Саратовской ученой архивной комиссией, в здании которой он и поместился. Но уже летом 1920 г. проф. Б. М. Соколовым, заведующим музеем, была организована специальная этнографическая экспедиция в Хвалынский у., где, помимо записей духовной культуры, было приобре-

тено значительное количество экспонатов для музея. Тяжелое время, которое переживал край как-раз в начале существования музея, заставляло изыскивать возможные средства для его пополнения и развития. Многие экспонаты Этнографический музей получил через обмен губмузея на вещи церковного значения, которые передавались в его распоряжение. Но помимо этого каждое лето производилось сотрудниками музея и систематическое собирание экспонатов в специальных поездках и экспедициях, совершаемых на средства, отпускаемые музею, на помощь со стороны университета и т. д. В 1921 г. музей переходит в отдельное помещение с большим количеством светлых комнат, где дает приют „Музею волгаря", открывшемуся при Рупводе, близкому к этнографическому музею по своим заданиям и создавшемуся в тесной связи с последним. В этом же году музей откликается на тяжелые бедствия, постигшие край, организацией особого „Музея голода". Последний, помимо собирания и экспозиции материалов, характеризующих голод и борьбу с ним, ведет и большую общественную работу, устраивая специальные лекции о голоде, посылая образцы суррогатов, снимков и др. в сытые местности Союза и за границу. Весной 1922 г. „Музей голода" на средства Помгола организует экспедицию на Украину. После годичной деятельности „Музей голода" передается Этнографическому музею в виде самостоятельного отдела. Летом 1923 г. музей собирает экспонаты для Всесоюзной с.-х. выставки путем этнографической экспедиции в Петровский у.

В настоящее время Этнографический музей имеет более 3 000 экспонатов и около 1500 фотографий и рисунков; по „Музею голода"— 2500 экспонатов. В своем архиве музей сохраняет этнографические записи экспедиций. Часть из этих записей была (по мордве) опубликована в „Саратовском Этнографическом Сборнике" в 1922 г., очень небольшая часть (по чувашам) вошла в этнографический сборник „Трудов" Нижне-Волжского Обл. Научного О-ва Краеведения, остальная масса материалов еще ждет своей очереди. Экспонаты музея почти все выставлены для обозрения в залах, лишь небольшое количество находится в хранилищах. Всего этнографический музей занимает 8 зал, и 3 залы занимает самостоятельный „Музей волгаря". Каждая зала характеризует одну народность края, и лишь некоторые национальности, представленные слишком небольшим количеством экспонатов, объединены в одной зале с национальностями, родственными по происхождению. Принцип экспозиции предметом неоднороден в разных залах, что тоже в значительной мере зависит от характера экспонатов, которыми представлена каждая народность. Рядом с коллекциями однородных предметов в музее имеются декоративные уголки, представляющие наглядно живые картинки быта отдельных национальностей. Самый большой по количеству экспонатов—русский отдел музея, который занимает три комнаты; на ряду с отдельными коллекциями предметов здесь имеются и небольшие декоративные уголки, воспроизводящие картинки быта, ремесла и т. д. Таковы уголки, воспроизводящие внутрений вид крестьянского жилья или ткачество Саратовского у., представленное полным комплектом относящихся к этому производству предметов, богатой коллекцией образцов тканей,— все это в живой иллюстрации процесса работы с манекенами, одетыми в самотканые костюмы, и т. д. Кроме того, в этом отделе представлена одежда великороссов края, коллекции вышивок, полотенец, поясов, головных уборов, лаптей и т. д., а также бирки, набойные и пряничные доски, предметы, связанные с суевериями, и т. д., и т. д. В отдельной комнате выставлены с.-хоз. орудия, домашняя утварь — отдельными предметами и коллекциями. Здесь же имеется небольшое количество рельефной резьбы частей крестьянских изб. Вообще же жилище представлено исключительно в снимках, которых имеется большое количество. В снимках же пред-

ставлены и различные крестьянские работы, праздничные увеселения и т. д. К русскому же отделу относится уголок старообрядцев (черемшанские скиты). Незначительным количеством экспонатов представлена украинская группа населения. Финский отдел представляет быт мордвы и мещеры (ткачество, костюм и деревообрабатывающие промыслы). Довольно полно представлена чувашская группа (костюм, модели орудий производства, предметы языческого культа, бытующего у них до сих пор). Татарская народность представлена несколько слабее (вышивки, костюм, ювелирные украшения), зато полнее представлен быт немцев-колонистов. Имеется в музее еще отдел общей этнографии, куда входят отдельные вещи калмыков, китайцев, японцев и др. С самого начала своего существования Этнографический музей преследовал строго научную задачу, дать точное, в известной классификации предметов, отображение быта всех национальностей края. И в этом отношении коллекции музея служили уже материалом для многих работ исследовательского характера, особенно рукописный материал, хранящийся в архиве музея. И другая задача, которую несет музей,—это культурно-просветительная. Самый большой интерес к музею проявляют школы. Так, в 1921 г. музей посетили 93 экскурсии в 2597 человек из которых 1497 чел.—школьников. В 1922 г. общее количество посещаемости увеличивается до 4800 человек и в 1924 г.—5500 человек. В настоящее время музей только что закончил капитальный ремонт своего здания и после года закрытия вновь открыт для публики.

Т. М. Акимова.

МУЗЕЙ ВОЛГАРЯ.

В результате работ 1920—1925 гг. по собиранию материалов по быту населения реки Волги в Саратове организован историко-этнографический „Музей волгаря", в котором в настоящее время насчитывается до 700 экспонатов. Все они подвергнуты разработке и составили из себя следующие отделы: 1) истории развития волжского судоходства, 2) истории звукового и светового сигнала, 3) народно-волжского искусства, связанного с судоходством, 4) истории бурлачества, 5) быта волжских рабочих (грузчиков, бакенщиков, сплавщиков, рыбаков и т. д.), 6) такелажных работ, 7) рыбацкий и пр. В связи с указанной музейной работой собирался и рукописный этнографический материал, содержание которого, как и „Музей волгаря", тесно связано с Волгой и может быть разбито на следующие темы: 1) волжское бурлачество (исторические сведения, обычное право, история кабального договорного найма, заработная плата, быт и творчество), резьба и раскраски на старинных и современных волжских судах (история резьбы и раскраски на судах, связь судовой резьбы с украшениями на крестьянских домах и т. д.), 3) сплав на реке Волге и ее притоках, техника сплава, терминология сплава, быт и творчество сплавщиков и т. д.; волжские грузчики (крючники) (история зарождения артели грузчиков, труд, заработная плата грузчиков, обиходный и трудовой словарь, быт и творчество и т. д.). Кроме этого, имеется немало сведений по волжскому судоходству, быту и жизни волжских рабочих (бакенщиков, матросов, рыбаков и т. д.), рыболовству. Музей Волгаря содержится на средства Рупвода, но работает в тесной связи с этнографическим музеем, в здании которого он и развернут.

Ф. Родин.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

В начале июля 1925 г. профессором Саратовского ун-та В. В. Бушем была организована экспедиция в Липовскую вол., Вольского у., Саратовской губ., для обследования современного состояния великорус-

ского песнотворчества. В состав экспедиции входили: научный сотрудник ун-та А. Н. Лозанова, научный сотрудник Саратовского этнографического музея Т. М. Акимова и семь студентов педагогического факультета. Были обследованы села: Бикей, Большая и Малая Гусиха, Бурцевка, Абдуловка, Белый Ключ, Алентьевка, Григорьевка, Поздюневка, Паник, Садовка, Хажневка, Балтай. Было записано большое количество духовных стихов (Григорьевка, Алентьевка), календарных обрядов с песнями, свадебных обрядов с песнями, лирических песен, сказок, заговоров, частушек, исторических песен (последние—в Балтае).

Число записей достигает до 4000 №№, из коих около 2000 частушек. Собранный материал дает возможность судить о современном состоянии песнотворчества в посещенных деревнях и о влиянии на него новых условий жизни, обусловленных революцией; особенное внимание уделено выяснению индивидуального репертуара отдельных лирических песенниц. Записи экспедиции дополняют имеющиеся в Саратовском Этнографическом музее материалы, собранные прежними экспедициями Б. М. Соколова. Часть записей с общей характеристикой работы и выводами приготовляется В. В. Бушем к печати. (См. статью В. В. Буша. О современном состоянии устно-поэтического творчества в деревнях Вольского уезда. Саратов. 1926.)

В. Буш.

ВОРОНЕЖСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ВОРОНЕЖСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ.

В течение лета 1925 г. было произведено 4 этнографических экскурсии. Одна из них—экскурсия в с. Ямное Воронежского у. была произведена этнографической комиссией Воронежского государственного музея с 30 мая по 1 июня 1925 г. Экскурсия имела целью обследование быта населения, проверку на практике методов работы, выработанных комиссией, и практическую подготовку учащихся к научно-собирательской работе. Кроме членов этнографической комиссии, руководивших работой экскурсии, участвовали слушатели техникума ИЗО и студенты педфака, всего с руководителями—18 человек. Группа слушателей ИЗО под руководством Н. В. Валукинского произвела обследование и зарисовку типов усадьбы и жилища: работа велась по принципу узкой специализации с расчетом на большее накопление каждым собирателем однородного материала. Этой группой было зарисовано около 120 сюжетов. Студенты педфака во главе с А. М. Путинцевым обследовали состояние народного творчества, верования, обряды и говор. Были записаны 4 сказки, около 150 частушек и исследованы особенности говора, имеющего на ряду с южно-великорусскими и северно-великорусские черты. Ф. И. Поликарповым и руководимой им группой студенток педфака обследованы церковная летопись и народные предания, пища и напитки, современная крестьянская одежда и типы костюмов предшествующего времени (зарисовка). Кроме зарисовки, сделаны 22 фотографии, с которых были изготовлены диапозитивы для иллюстрации докладов. Результаты работ были доложены на 3-х заседаниях культурно-исторической секции Воронежского Краеведческого О-ва, на которых присутствовали проходившие курсы переподготовки преподаватели школ II ступени Воронежской губ. Было прочитано 8 докладов: Н. В. Валукинский—Постройки с. Ямного; студентки М. И. Иванова и Н. Афонская—Одежда, студентка А. И. Шведова—Пища и напитки, Ф. И. Поликарпов—Исторический очерк с. Ямного, Б. Е. Бельмасов—Особенности говора с. Ямного, В. П. Чужимов—Верования и обряды, А. М. Путинцев—Состояние народной поэзии в с. Ямном, и в заключение обсуждались

результаты экскурсии в отношении ее организации и методологии собирания (по докладам А. М. Путинцева и Ф. И. Поликарпова). Материалы переданы по материальной культуре в этнографический отдел Госмузея, по народной поэзии — в Никитинский музей. В „Известиях Воронежского Краеведческого О-ва", № 1, 1925 г. напечатана заметка Ф. И. Поликарпова—*Этнографическая экскурсия в с. Ямное.*

П.

УКРАИНСКАЯ ССР.

КИЕВ.

ОТДЕЛ ЭТНОЛОГИИ ПРИ КАБИНЕТЕ ИМ. Ф. К. ВОЛКОВА УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

(Б. Шевченка, 14.)

Задачей отдела является всестороннее изучение быта украинского народа в его прошлом и настоящем. Работу свою отдел ведет систематически с целью избежать возможно случайного и неполного собирания материалов, что так часто являлось характерной чертой прежних исследований, когда при собирании материалов главную роль играли личные вкусы и симпатии, когда внимание собирателей привлекало почти исключительно народное искусство, яркая красочная одежда, вообще все необычайное, из ряда вон выходящее, а все будничное и обыденное собиралось только случайно, между прочим, т. к. казалось общеизвестным и ненужным. Вследствие этого целый ряд сторон народной жизни всегда оставался в тени, не был изучен вовсе, либо изучался только случайно и отрывочно.

Между тем, время не ждет: быстро вымирают старые формы быта, и необходимость восполнить существующие пробелы путем систематической работы ощущается черезвычайно остро именно теперь, когда на смену старому укладу идет новая жизнь, когда волны цивилизации уничтожают народную культуру и традицию.

Методом отдела для проведения в жизнь систематического и всестороннего изучения быта народного является стационарное изучение села, т.-е. длительная, планомерная там работа, которая ведется при продолжительном, постоянном там пребывании, либо путем постоянных экскурсий, приуроченных к определенным моментам, к определенным периодам в жизни народа. Конечной целью такой работы является монографическое изучение села как минимальной территориальной единицы. Окончательно исчерпав материал в одном селе, работа переносится в ряд других сел той же волости: таким образом подготовляется материал для монографии целой волости, затем уезда и, наконец, губернии. При собирании материалов в пределах одного села особое внимание обращается на собирание всех встречающихся там вариантов (по каждому отдельному вопросу), что является чрезвычайно важным, так как уже в пределах одного села часто возможно установить ряд последовательных звеньев в культурном развитии каждого данного явления или факта.

Такая систематическая работа по изучению села была начата отделом осенью 1921 г. по инициативе А. Онищука (в настоящее время заведующего отделом) в с. Староселии Жукинской волости Остерского у. на Черниговщине. Это первая на Украине работа по монографическому изучению села, которая охватывает все стороны его жизни и быта как материального, так и духовного (дает картину примитивной техники; способов добывания пропитания от наиболее примитивных до наиболее сложных, как: охота, рыболовство, пчеловодство, хлебопашество; дает све-

дения о жилище и всех видах народной архитектуры; об одежде и украшениях; об общественной жизни: сюда входит физическое воспитание детей, жизнь и быт детей; верования, обряды, обычаи и суеверия), была в огромной своей части выполнена А. Онищуком, и только некоторые отдельные вопросы под его руководством были разработаны другими сотрудниками отдела. Работа велась стационарным методом, т.-е. в течение продолжительного там пребывания, при постоянном личном общении с крестьянами, при постоянном участии в их жизни, занятиях и работах. Постоянным участником в работе был художник Ю. Павлович, который под руководством А. Онищука сделал огромное количество рисунков, необходимых в работе иллюстраций, без которых собранные материалы не могли бы быть полными, а работа не могла бы быть закончена. Фотографии были сделаны фотографом Д. Демуцким.

Таким образом были собраны материалы, которые явились основой для монографии с. Староселия; в дальнейшем эти материалы постоянно пополняются новыми данными, собранными путем ряда экскурсий. В 1922—23 гг. подобная работа по монографическому изучению села была начата отделом и в других пунктах: в с. Пекари Каневского у. Полтавской губ., где ведет работу Н. Заглада, и в с. Жукинь на Черниговщине, где ведет работу Л. Шульгина.

Помимо стационарной работы в указанных селах, отдел предпринимал ряд экскурсий с целью распространить свою работу в более широком районе. Целью каждой такой кратковременной экскурсии, помимо общего ознакомления с каждым данным районом, обыкновенно являлось какое-либо конкретное задание. Такие экскурсии были предприняты в сс. Верхняя Дубешня, Нижняя Дубешня, Новоселки, Сваромя, Хоробричи, слобода Радуль на Черниговщине; в Старые и Новые Петровцы, Валки, Лютеж, Мартыновичи, Федоровку на Киевщине; в Хатки, Сокиринцы на Полтавщине.

Помимо работы, осуществляемой своими силами, отдел старается привлечь к работе силы провинциальных работников и провинциальных музеев; в этом направлении ведется интенсивная переписка, рассылаются программы, инструкции, даются указания, и прилагаются все старания к тому, чтобы дать инициативу и привлечь к этой систематической работе по изучению села силы на местах.

Во время стационарной работы на местах, а также во время краткосрочных экскурсий были собраны значительные этнографические коллекции. Таким образом, параллельно с исследовательской работой ведется и музейная работа: при отделе вырастает музей. Первые коллекции, которые положили основу будущего Центрального музея народоведения в Киеве, были собраны А. Онищуком в с. Староселии. В настоящее время собранные коллекции сгруппированы по тем отделам, которые должны быть развернуты при открытии музея. Отделы эти следующие:

1. Народная техника: огонь, его добывание и применение; обработка растительных продуктов, обработка минеральных продуктов, обработка животных продуктов.

2. Народная архитектура.

3. Народная одежда и украшения.

4. Добывание и обработка пищевых продуктов; охота, рыболовство, пчеловодство, хлебопашество; домашнее хозяйство.

5. Общественная жизнь: народная педагогия; жизнь и быт детей; верования, обряды и обычаи.

6. Отдел сравнительного народоведения.

В пределах указанных отделов в одной зале сосредоточены все экспонаты, собранные в одном селе (в с. Староселии), что дает наглядную картину быта села и наглядно иллюстрирует метод монографического его

изучения. Все остальные коллекции распределены по тем же отделам в других залах, а предметы сгруппированы в эволюционной последовательности. Все выставленные предметы иллюстрированы многочисленными рисунками и фотографиями, которые показывают предметы в их естественной обстановке, способ их производства или изготовления и способ их употребления; на рисунках зафиксированы отдельные детали и варианты. Дополнением к каждому предмету являются подробные о нем сведения, которые дает карточный каталог музея. В настоящее время собранные коллекции составляют около 2000 экспонатов, около 4000 русунков и до 500 фотографиий.

Но современные условия работы таковы, что собственно о настоящем музее, о музейной технике сейчас говорить не приходится. Музей не имеет соответствующего помещения, что является огромным препятствием к его развитию: собранные экспонаты нет возможности не только выставлять, но даже и сохранять надлежащим образом. Музей не имеет никакого оборудования: экспонаты выставлены просто на полу, либо непосредственно прибиты к стенам; нет щитов, экранов, витрин, шкапов; рисунки и фотографии выставлены без стекла, нет никаких приспособлений для консервирования экспонатов; нет дезинфекционной камеры, нет монтировочной и т. д. Музей не имеет никаких специальных средств для систематического своего пополнения (нужно сказать, что отдел вообще только в последние два года стал получать средства для работы и то чрезвычайно скромные), и все собранные предметы, главным образом, подарены крестьянами.

Музей посещается местными и иногородними трудовыми школами, слушателями профшкол, рабфаков, студентами вузов и педкурсов, группами учителей. В музее всегда даются пояснения, читаются лекци популярные и научные, доклады на специальные темы; устраиваются выставки и вечера народного творчества, участниками которых являются крестьяне.

Сотрудниками отдела являются: А. Онищук—заведующий отделом, Л. Шульгина — научный сотрудник (оба штатные) и нештатные: Н. Заглада — научный сотрудник, Ю. Павлович — художник.

Кроме того, в работе отдела принимают участие Е. Дзбановский и М. Гайдай; при отделе работает ряд стажирующих студентов.

ХАРЬКОВ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ НА ОСЕННЕЙ ВЫСТАВКЕ МУЗЕЯ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ в 1925 г.

Среди этнографических экспонатов „Выставки Новых Приобретений“ в музее Слободской Украины, открывшейся 22 октября 1925 г., отмеченной с интересом местной печатью и обществом, красива была коллекция вышитой одежды. Особенно привлекали здесь внимание шелковый казацкий пояс, шитый серебром; черная бархатная „кохта“ из с. Черкасского Харьковской губ. с художественной цветной гарусной вышивкой на полах, рукавах в виде цветов и птиц; детская сорочка с черной, белой вышивкой с зелеными бусинками украинизированных молдаван б. Екатеринославской губ. Тканье из шерсти было представлено большим киевским килимом и меньшим из г. Балок б. Харьковской губ. и 2 плахтами из б. Черниговской губ. Интересна керамика, как, например, изящные изделия межигорского фарфора, огромных размеров; круглая поливенная, орнаментированная чернильница с 6 приборами для чернила и 3-купольная „курушка“ для ладана из опошни; киевская глиняная посуда с белой поливой и тонкой разрисовкой; разнообразные полтавские и харьковские свистуны, глиняная современная посуда из Новой Водолаги б. Харьковской губ., указывающая на упадок производства в данной местности; большое коли-

чество кафель старинного кустарного и современного заводского производства. Среди разных деревянных вещей выдающийся интерес представляла сопилка (насчитывающая более 100 лет) с художественным резным орнаментом. На выставке было несколько предметов старинного чумацкого быта—ярмо с резьбой и важенцы из Валок. Тут же можно было увидать „баклаг" с ручкой (боченок) для воды со Змиевской ярмарки, неизменный спутник селян в их полевых работах, употребляемый ими теперь одновременно и для „самогона", как говорили на ярмарке. На выставке же были харьковские, змиевские и киевские розовые, белые, желтые и темно-медовые пряники с Харьковской и Змиевской ярмарок и пряничные формы. Тут была и „чигиринська паляниця", „діканська паляниця", „дівочі язикі", „пампушки", просто „медяники", „кони", „салдатики", „московки", „рыбки", большой свадебный пряник и пр. Небольшим, но разнообразным отделом являлись самоделковые и кустарные детские игрушки б. Харьковской, Полтавской, Киевской, Волынской и Екатеринославской губерний. Наиболее примитивными из них были самоделковые игрушки из глухого угла б. Волынской губ., собранные студентом Дашкевичем, использовавшим при собирании „программу" музея Слободской Украины. Наиболее интересной из волынских детских игрушек была „скрибка" из согнутой наподобие лука палочки с натянутыми в несколько параллельных рядов веревочками, издающими звук, и пистолетики, представленные в эволюционном порядке. Под влиянием выставленных игрушек, во время выставки, студентом Екатеринославского горного рабфака, сыном рабочего, была подарена музею, сделанная им самим во время империалистической войны, „игрушка - пулемет", где он старался достигнуть при наименьшей затрате времени наибольшего количества выпускаемых снарядов. Большую ценность представляли 8 масляных картин худ. Павловича, с точностью передающих виды украинского села, сельских построек, внешний и внутренний вид хаты. Особенно же значение для выставки имела большая коллекция „писанок" б. Каменец-Подольской губ. (в 512 экз.), собранная там Зборовским в 1894 — 1908 гг., занумерованная, датированная и сохранившая все названия. Эту коллекцию музею посчастливилось достать благодаря стараниям нового сотрудника музея И. Ф. Ерофеева (научного сотрудника кафедры украинской культуры) и харьковского жителя т. Рудченко, указавшего эту коллекцию и помогавшему ее достать. Среди писанок немало можно насчитать очень редких по рисунку и расцветке экземпляров.

На этой же выставке между этнографическими коллекциями одиноким казался небольшой предмет—удлиненный комок олова, около 7 *см* длины, доставленный из б. Волынской губ. студентом Дашкевичем. Он представлял большой интерес по своему отношению к магии. Такие предметы в б. Волынской губ. давались „колдуньями" людям „от боязни привидений", для чего они должны были носить их под мышкой, „пока не посветлеет серебро", тогда и избавятся от этой боязни.

Среди других отделов выставки,—художественного и исторического,—имеющих уники, например, нигде неизданная рукопись Н. В. Гоголя,—немало было предметов, представлявших интерес и с этнографической точки зрения, как бытовые картины художников Репина, Куинджи, Маковского, Пимоненко, вид Чистоклетовской криницы в Харькове у подножия Лысой горы, возле которой, по местному преданию, записанному Р. С. Данковской и Н. Е. Рединым, украинский философ Гр. Сав. Сковорода сказал Екатерине II-й свою известную фразу: „Свирель и овца краше царского венца". Также замечательны украинские полковые знамена, бунчук с художественным плетением из конского волоса, старинное казацкое оружие и пр.

Р. Данковская.

КРЫМСКАЯ АССР.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКПЕДИЦИИ В КРЫМУ.

В 1923 г. по поручению Русского музея (Ленинград) в Крыму производил этнографические исследования Г. А. Бонч-Осмоловский, а в 1924-25 гг. Б. А. Куфтин по заданиям Центрального музея народоведения (Москва). В экспедиции принимал участие также заведующий дворцом-музеем в Бахчисарае У. Боданинский *(„Крым", № 1).*

Летом 1925 г. композитором М. Красевым производилась запись песен крымских татар в степных районах и на южном берегу Крыма. Наиболее интересные из них обработаны им для голоса с ф.-п. и издаются музсектором ГИЗ в виде двух сборников: 1) революционные и общественно-бытовые (14 песен) и 2) бытовые (10 песен). Литературный текст обработан М. Красевым и Т. Чурилиным на русском и татарском языках (в русской транскрипции). Большинство песен сообщены известным крымоведом, татарским учителем Кязим Уссеиновым *(„Музыка и Революция", № 1 за 1926 г.).*

Летом 1925 г. в северных уездах Крыма работала этнографическая экспедиция с заведующим музеем-дворцом в Бахчисарае У. Боданинским при участии О. Анчакраклы, А. Рефатова и др. Экспедиция записала около тысячи нумеров татарских лирических и эпических песен (с мелодиями), поверий, примет, поговорок и пр. Кроме того, экспедиция разыскала и списала свыше 400 улусных и рядовых знаков (тамг), между прочим, высеченных на плоской скале близ урочища Абузлар Симферопольскаго у., было снято около 120 фотографических снимков и исторических памятников, орнаментов жилищ, предметов быта, типов населения и т. п., записано 150 мотивов народных песен, сделано множество зарисовок, собрано свыше 100 предметов народного быта *(ж. „Краеведение", 1926, № 1).*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ В КРЫМУ.

В январе 1925 г. организовался при Бахчисарайском дворце-музее Краеведческий кружок из 30 членов под председательством У. Боданинского. За время существования кружка сделан ряд докладов, между прочим, по этнографии:

У. Боданинский—Об изучении Крыма в этнографическом отношении. Парижская выставка декоративного искусства и Крым.

Хартидисе Ханым Каралезли—Татарская свадьба в д. Аджем-Чокрак и некоторые другие.

В настоящее время имеется в кружке несколько ненапечатанных работ, в том числе по этнографии: Х. Ханым Каралезли— Старинный обычай татарского заручения и свадьбы в деревнях Дерекой, Ай-Василь и Аутке Ялтинского района (на русском и татарском языках). В б. Ханском дворце по инициативе У. Боданинского идет интенсивная работа по созданию Центрального татарского этнографического музея.

В Центральном музее Тавриды в Симферополе в последние годы было обращено особенное внимание на организацию этнографического отдела (собственно татарского), и его удалось обставить с возможной полнотой. Приступлено к собранию материалов по быту караимов, болгарских колонистов и цыган. В Ялтинском Восточном музее устроена комната жилого дома татар Южного берега Крыма. В Евпатории в краеведческом музее открываются отделы караимский и татаро-ногайский.

А. Д—н.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО О-ВА ПО ИЗУЧЕНИЮ КРЫМА.

12 июня 1925 г. в Москве на общем собрании Московского отдела О-ва был заслушан доклад завед. Евпаторийским музеем П. Я. Чепуриной — Этнографические и историко-художественные материалы Крыма. Там же, 24 февраля 1924 г., заслушан доклад Б. А. Куфтина — Задачи этнологического изучения Крыма.

6 апреля доклад А. К. Кончевского — Песни Крыма, с демонстрацией песен и танцев в исполнении Е. Г. Гюльбей; подобный же вечер был устроен 4 мая.

В 1924—25 акад. году на одном из общих собраний был доклад А. К. Кончевского — Старинные музыкальные инструменты Крыма *(„Крым", № 1 за 1925 г.)*.

ДАГЕСТАНСКАЯ АССР.

МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ДАГЕСТАНЕ.

Этнографическим отделом Дагестанского научно-исследовательского ин-та при участии музыканта Г. А. Гасанова разрабатывается план изучения народной музыки Дагестана, рассчитанный на 2—3 года. Народная музыка Дагестана до сих пор нигде и никем не изучалась, между тем как и для разработки многих теоретических вопросов этнологии (общей и частной) и для понимания психологии народа, наиболее отчетливо выражающейся в народном искусстве, так и для многих практических мероприятий в области создания национального театра и музыки разработка музыкальной этнографии отдельных племенных единиц и национальностей является существенно необходимой. Работа должна дать в результате запись всех мотивов, бытующих в настоящее время в Дагестане, с выявлением их характерных особенностей, миграций, заимствований и пр. Запись будет производиться фонографически и валики будут храниться в Даг. музее. Попутно будут собираться сведения бытового характера, относящиеся к области музыкальной этнографии. Работу предположено начать с южной части Дагестана (гранич. с Азербайджаном), исходя из соображений чисто методического характера, т.-е. идя от известного (сведения об азербайджанских мотивах в рукописи имеются) к малоизвестному, какими являются готские мотивы, от легко расшифруемого (сравнительная культурность ритмического построения песни Азербайджана) к трудно расшифруемому—в порядке постепенного собирания и постепенной тренировки в процессе собирания и пр.

Работу в окончательном виде предположено окончить в 1928—29 г.; по мере же накопления материала и обработки его результаты намечено публиковать в виде отдельных брошюр и статей в „Дагестанском Сборнике". В настоящее время подготовляется к печати статья сводного характера о народной музыке южн. Дагестана, по материалам, собранным экспедицией этого года.

Музык.-худож. экспедиция 1925 г. в составе Г. А. Гасанова (музыкант), Е. И. Брюнелли, Д. А. Капаницына (художник) и П. А. Капаницына (фотограф), имея задачей собирание мотивов народных песен и музыки, а также собирание сведений этнографического характера с иллюстрированием их зарисовками и фотографиями, работала $1^1/_2$ месяца в Кюринском и Самутском округах. В результате записано 126 мотивов (на 83 валиках) и собрана коллекция музыкальных инструментов.

Е. И. Брюнелли и Д. А. Капаницыным были сделаны зарисовки памятников старины, искусства и народного быта, всего свыше 150

рисунков. Материал передан в Дагестанский музей. Художник Д. Федоров совершил поездку в октябре 1925 г. в район с. Кубачей. Сделаны зарисовки, фотографии. Собраны этнографические сведения. Часть материала поступила в распоряжение музея.

Дагестанским музеем оказана материальная поддержка литератору Л. П. Пасынкову в его поездке в Дербентский, Кюринский и Самутский округа для изучения ковроткаческих пунктов на основе экономического и технически-прикладного исследования.

Студент коммунистич. ун-та им. Я. М. Свердлова Г. Гаджибеков работал летом 1925 г. в Кюринском округе по собиранию образцов народной поэзии горцев и по производству этнографических записей. Собрано 25 песен, 3 сказки, записан свадебный обряд, сделаны этнографические записи. *(„Дагестанский Музей", Бюллетень № 2, 1926 г.).*

А. Д-н.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КРАЙ.

РАБОТА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ СЕВ. КАВКАЗА.

С 1924 г. Северо-Кавказским институтом краеведения (во Владикавказе) производится систематическая исследовательская работа в области этнографии. Экспедиционная работа выполнена в Северной Осетии (в 1924—25 гг.), Ингушии и Сунженском округе (в 1925 г.). В итоге посещены горные районы Северной Осетии (ущелья по рекам Гизель-дон, Флаг-дон и Ар-дон), плоскостной и предгорный район Ингушии и смежные станицы Сунженского округа. В работе (в 1924 г.) принимали участие: Л. П. Семенов, И. П. Щеблыкин и В. П. Пожидаев. При обследовании главное внимание было обращено на архаичные черты быта, на их ломку, вызываемую приобщением населения к новому строительству и массовым переселением горцев из гор на плоскость, и на материальную культуру. В области фольклора и лингвистики специальной работы не производилось во избежание параллелизма, так как работа в этом направлении производится Осетинским исследовательским институтом и Ингушским Литературным о-вом; однако, и в области фольклора частичная работа выполнялась. Обследование сопровождалось изготовлением фотографических снимков, зарисовок и доставлением в Научный музей института различных ценных предметов (в частности, редких образцов горской резьбы по дереву). Экспедиционная работа констатирует, во-первых, глубокое своеобразие и архаичность быта в горных районах, во-вторых, коренную ломку этого быта, обладающего большой живучестью, но неизбежно видоизменяющегося и уступающего место новым формам, с которыми он своеобразно переплетается.

На 1926 г. намечена экспедиционная работа в новых районах Ингушии, Сунженского округа и Северной Осетии.

Л. П. Семенов.

ЗАКАВКАЗСКАЯ СФСР.

ТИФЛИС.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАКАВКАЗСКОЙ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ

в истекшем году выразилась в производстве этнографического обследования Абхазии. С этой целью Г. Ф. Чурсин совершил две поездки в Абхазию: в апреле—мае и августе 1925 г. Во время первой поездки

он посетил некоторые общины Гудаутского, Кодорского и Гальского уу. Во вторую — районы Бзыбской Абхазии (Гудаутский у.), оставшиеся необследованными в первый раз. При собирании этнографического материала обращалось особенное внимание на пережитки древнейших социальных форм и народных верований и обычаев, а также выяснились те изменения, которые наблюдаются за последнее время в быту. Представляют особенный интерес записанные Г. Ф. Чурсиным тотемические воззрения и обычаи абхазов. Как выяснилось, здесь мы имеем дело не только с пережитками и отголосками тотемического мировоззрения, а с сохранившимся до сих пор в полной силе тотемическим творчеством, на наших глазах устанавливающим тотемические связи между человеком и животными. Многие абхазские фамилии до сих пор свято хранят запреты, касающиеся тех или иных животных. Фамилия Хежба (Сойкин) не убивает и не трогает сойки; Сабекия—не едят и не убивают голубей; многие не едят зайца; одни не едят почек животных, другие сердца, ноги и т. п. Далее, Г. Ф. Чурсин собрал материалы относительно фамильных „запретных дней", записал легенды, объясняющие происхождение и смысл свадебной песни „Оу-ред-еда Мара", записал обычаи и верования охотничьи (между прочим, материалы по охотничьему языку), легенды о собаках, воскрешающих убитых, легенды об окаменении, вознесении на небо и др. Собраны также материалы, касающиеся божества Аерги, о котором имелись очень смутные сведения, и значительно пополнены сведения о других божествах и священных местах абхазов. В Кодорском у. Чурсин посетил знаменитую пещеру в общине гилов, с которой связана легенда об абхазском Прометее — Аброскиле; исследователь прошел вглубь пещеры более километра, при чем итти все время приходилось по воде подземной речки, протекающей в пещере *(„Изв. ЦБК", № 2 за 1926 г.)*.

Д.

УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ.

ТЮМЕНСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОГО КРАЯ

за время с 1923 года напечатало по этнографии две статьи в № 1 своих „Записок": А. П. Городцова *Сибирская язва* и Л. Р. Шульц *Салымские остяки*. Готовятся к печати в № 2 статья А. И. Окуловского „Свадебные обряды деревни Ожогиной Ялуторовского уезда"; собранные Н. И. Собениным Заговоры Шатровской волости и статья Л. Шульц „О тюменском ковровом промысле". Ведется запись материалов по фольклору в пределах теперешнего Тюменского округа, и собирается этнографический материал по быту старожилов русского населения.

Л. Шульц.

ШАДРИНСКОЕ НАУЧНОЕ ХРАНИЛИЩЕ.

Изучение современных языка и быта Шадринского края Научным хранилищем проводится, конечно, в очень скромных размерах. Однако, результаты этой работы уже есть, а в некоторых случаях для широкой краеведческой среды интересны, пожалуй, самые технические приемы этой работы. Прежде всего, в краеведческом музее хранилища выделена комната для отдела этнографии. Материал размещен, главным образом, в больших пристенных витринах, будучи расклассифицирован по группам: пища, одежда, жилище, сельское хозяйство и духовная жизнь. Последняя группа особенно представлена крестьянскими ребячьими самодельными игрушками, собранными одним из инструкторов наробраза во время поездок по округу. Большое количество деревянных резных и точеных предметов

старого крестьянского быта собрано в 1923 г. одним из председателей б. волисполкома. Часть материалов поступила от судебных органов, часть от разных многочисленних дарителей, среди коих, пожалуй, преобладают крестьяне. Сравнительно немного собрано сотрудниками хранилища, в том числе при обследовании местных церквей (много деревенских вышивок, тканья). Пишущий эти строки добровольно предложил свои услуги окрстатбюро по обследованию центрального гнезда кустарных промыслов в надежде попутно собрать большой вещественный и фольклорный материал. Из первого будет, с одной стороны, организован новый кустарно-промышленный отдел в музее, с бытовой окраской, а все, не относящееся к этим промыслам, будет размещено в других отделах и, конечно, в существующем отделе этнографии. Вышеупомянутое обследование началось с февраля 1926 г. Более полно и планомерно ведется работа по местному говору. Здесь также часть материалов поступает от разного рода случайных и постоянных добровольных корреспондентов с мест. Большая доля материалов поступает от слушателей разных курсов, происходящих в г. Шадринске, центре округа. Научное хранилище, работая в контакте с наробразом, обычно получает предложение дать сотрудника для чтения лекций по краеведению. Лектор ставит условием, что наробраз должен разослать циркуляр-программу всем будущим слушателям с приглашением доставить в распоряжение лектора описание тех селений, в коих слушатели работают; в число пунктов программы всегда входит вопрос о быте и языке (словарь и произведения словесности), а также указания на желательность доставки и вещественных материалов. Будущие слушатели, заранее зная, что лектор-краевед в этом случае, помимо целей демонстративно-педагогических во время курсов, блюдет также интересы музея, стараются выполнить просьбу циркуляра.

Вл. Бирюков.

КАЗАКСКАЯ АССР.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА СЕМИПАЛАТИНСКОГО ОТДЕЛА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ПЕРИОД С 1917—1925 гг.

В 1919 г. отделом изданы две статьи Г. Н. Потанина: *Монгольские сказки и предания* (105 с.) и *Круговое движение ночного неба и грозовое явление в монгольских преданиях, иконописи и пластике* (26 с.) Обе статьи занимают целиком XIII вып. „Записок" отдела.

Некоторые члены отдела совершили ряд этнографических поездок в разные места Семипалатинской губ. Так, Б. Земляницин в 1921 г. посетил долину р. Бухтармы в Южном Алтае для зарисовки красками характерных орнаментов и фотографирования строек и типов крестьян-„каменщиков" Бухтарминской долины. Шерафий Шигодулин занимался в Чингисских горах Семипалатинского у. сбором киргизского (казакского) фольклора и материала из быта киргиз.

Б. Герасимов совершил ряд поездок в Южный Алтай для сбора историко-этнографического материала. В Географическом отделе прочитано несколько лекций этнографического характера.

Отделом было также устроено несколько этнографических вечеров: 14 января 1924 г. состоялся вечер алтайской (ойратской) музыки из произведений сибирского композитора, члена Семипалатинского отдела Географического О-ва, А. В. Анохина и под его личным управлением. Было исполнено несколько бытовых алтайских хоровых песен, а также песен, изображающих красоту алтайской природы. Хор с квинтетом исполнил художественную сюиту в 5 частях—„Хан-Алтай".

Заключительным номером вечера явилась басовая сольная вещь

„Хан-Эрлик", представляющая из себя музыкальную поэму Анохина, составленную по шаманским мистериям и алтайским легендам и сопровождавшуюся аккомпанементом струнного оркестра, при участии шаманского бубна. Роль Эрлика выразительно выполнил член отдела А. В. Акинфиев. Вечер сопровождался этнографическими объяснениями композитора Анохина, привлек до 400 посетителей и имел большой успех.

16 января вечер алтайской музыки частично был повторен, при чем А. В. Анохиным был сделан доклад об алтайском шаманизме с демонстрацией предметов шаманского культа и выразительных картин, специально написанных к докладам Анохина о шаманизме, из области алтайской теогонии и космогонии (250 посетителей). С 24—31 августа 1924 г. в Семипалатинское состоялась устроенная отделом Географического О-ва 1-я краеведческая конференция, на которой, в числе других секций, работала и историко-этнографическая секция. В конце своих работ члены конференции посетили специально устроенный для них этнографический вечер, на котором были исполнены алтайские произведения Анохина и некоторые народные песни, исполяемые в Семипалатинской губ.

В декабре 1924 г. отделом было проведено чествование памяти известного киргизского (казакского) поэта Ибрагима Кунанбаева (Абая) по случаю 20-летия со дня его смерти.

В театре имени А. В. Луначарского был устроен этнографический вечер на казакском языке, на котором казаками исполнялись произведения Абая, его песни-стихотворения в его композиции. Вечер посетила масса казаков (большой зал театра был полон народа).

3 февраля 1925 г. был устроен еще один этнографический алтайский вечер с прочтением докладов об алтайском шаманизме и исполнением музыкальных произведений, в основе которых лежали алтайские мотивы.

В марте 1925 г. в Семипалатинском промышленно-экономическом техникуме силами краеведов-учащихся, под руководством Б. Г. Герасимова, был устроен алтайский вечер как демонстрация этнографии алтайских „каменщиков". Вечер усилил интерес среди учащихся к краеведению.

Нельзя, наконец, не упомянуть о весьма интересных этнографических вечерах кружка краеведов в г. Устькаменогорске, с которым отдел держит связь. Среди разнообразных номеров пения и народной декламации выделялась (в 1925 г.) инсценировка алтайской, кержацкой „поляцкой" свадьбы в ярких цветных алтайских костюмах, исполненная учительством. Был выполнен в 3 отделениях весь ритуал крестьянской алтайской свадьбы, давший красивую картину алтайской поэзии. Летом текущего года отдел намечает этнографическую экспедицию в долины рек Бухтармы, Ульбы и Убы для сбора фольклора и материала о быте азиатских „каменщиков" и „поляков". Выполнение экспедиции—в зависимости от средств.

Б. Г.

ТОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ЭТНОЛОГО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ.

В Томский этнолого-археологический музей в период 1923—24 гг. поступили две этнографические коллекции — алтайская и шорская (Кузнецкого у.). За период с 1923 г. музеем устроены были три выставки, имевшие среди широких масс большую популярность. Всего посетителей музея с 1923 г. насчитывается около 40 тысяч. С февраля 1925 г. при Томском этнолого-археологическом музее работает музейный краеведческий кружок, и по настоящее время еженедельно по воскресеньям устраиваются

собрания кружка с докладами по этнологии сибирских туземцев. Кружок состоит из учащихся томских вузов (университет, технологический институт) и средних учебных заведений (политехникум, педтехникум, партшкола и др.). В кружок входят: киргизы, татары, якуты, буряты, алтайцы и др., всего 9 национальностей, в количестве около 100 членов. Работа кружка опирается на музейный материал. Кружком составлен „Опыт программы исследования поселений малых народностей Сибири". С октября 1924 г. работа в Томском этнолого-археологическом музее, за отсутствием средств, протекает при самых тяжелых условиях *(„Изв. ЦБК". 1925 г.)*

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ОТДЕЛА ЭТНОГРАФИИ МУЗЕЯ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ (КРАСНОЯРСК) ЗА 1920—1925 гг.

Отдел этнографии, как и все отделы нашего музея, должен отражать жизнь и быт Приенисейского края (как он понимался раньше до позднейшего районирования), т.-е. с Туруханским и Урянхайским краями, Канским, Ачинским и Минусинским уу. — иначе бассейн Енисея. Отдел этнографии должен отражать материальный и духовный быт исключительно туземного населения (а их в нашем крае 15 народностей). Русское население выделено в особый—специальный отдел „русского быта". Такое разделение мы выработали в 1920 г., основываясь на практике предыдущих лет, и до сих пор видим целесообразность этой структуры.

Интересно осветить поступления отдела за революционное время, которое у нас в Сибири надо считать с 1920 г., так как кратковременная революция 1917 г. не внесла ничего нового в культурную музейную жизнь.

1920 г.—год военного коммунизма—благоприятно отразился на музее, а в частности и на отделе этнографии. Штат музея в этот год был максимальный за все годы жизни музея. Поступления отдела сразу возросли до небывалых ранее цифр 1405 предметов — это были коллекции любителей и специальные сборы сотрудников. Летом 1920 г. музеем была снаряжена экспедиция на реку Кеть,—в район до тех пор не освещенный в коллекциях материального быта отдела этнографии. Экспедиция состояла из научного сотрудника отдела этнографии Савельева и прикомандированного отделом ИЗО художника Варгина и дала блестящие результаты: коллекцию материального быта кетских остяков (коллекция № 140) в 540 предметов и коллекцию рисунков числом 110, но о ней речь будет после. Коллекция (№ 140), можно сказать, исчерпывающе отражает быт кетских остяков, представленный до мельчайших подробностей. Датировка коллекции вполне научна. Нельзя не остановиться на великолепном подборе (35 штук) остяцких берестянных лукошек — „таммга" — с различными орнаментами, по которым можно вполне изучать орнаменты кетских остяков. Хорош костюм шамана, взятый с бубном и всеми атрибутами, домашними духами и т. д., имевшимися у шамана, также очень точно и научно датированными.

1921 г. продолжался также благоприятно; поступления отдела—почти целиком предметы, собранные экспедицией и сотрудниками музея. В 1921 г. еще весной по санному пути музеем была организована экспедиция для обследования р. Катанги (Подкаменной Тунгуски): в нее этнографом входил Дмитриев — сотрудник этнографического отдела. Результаты этнографических сборов — это предметы материальной культуры тунгусов (коллекция № 145) в размере 329 №№. Самыми ценными предметами кол) лекции являются обстановки (ранее не встречавшиеся в коллекциях-

2 тунгусских мольбищ. Предметы точно датированы, зафотографированы, и заснят план их расположения. Они представляют, главным образом, скульптурные деревянные изображения медведей, гагар, рыб и разных других священных животных. Подробное описание этих мольбищ составляет большой научный интерес. Также хорошо представлены костюмы тунгусов, из них исключительная — бисерная нагрудка, шитая тунгусом себе на смерть. Большой интерес представляет „шамырка" — приметка на бересте на месте убийства медведя. Она интересна по своему сюжету и по художественному исполнению, а главное — дает новое в культ медведя у тунгусов. Следующей коллекцией, сравнительно небольшой (44 предмета), но вполне научно собранной, является коллекция Соболева (№ 147). В ней особый интерес представляют обстановки „трехгибедей"—юрацких мольбищ, встречающихся в тундре. Первая из них, самая богатая обстановка, привезена почти полностью, с рыбьим шайтаном и жертвоприношением ему в форме как бы футляров из плащей гоноидных рыб и костей жертвенного оленя. Далее останавливает внимание коллекция рисунков художника Варгина, отражающая быт в целом и детали материальной культуры кетских остяков. Рисунки исполнены художником Варгиным по заданиям музея летом 1920 г., но переданы в музей из отдела ИЗО только осенью 1921 г. Коллекция хорошо иллюстрирует сборы Савельева (№ 140), художественно оживляя ее для выставок. Вместе с этим видна сила рисунков, быстрота и точность передачи схваченных моментов. Трактовка местами импрессионистская, а иногда даже кубистическая, но благодаря талантливости исполнения производит очень живое, хорошее впечатление. По сюжетам она отражает каждую сторону жизни кетских остяков, перенося зрителя на берега р. Кети.

С 1922 г. начинается у нас период нэпа, характеризующийся практицизмом: бешеная погоня за добычей средств, перевод учреждений на самоснабжение и, в связи с этим, общий упадок научной жизни. Всей своей тяжестью нэп ложится на музей как не дающий прибыли и работающий узко-специально, без явного практического применения. Поэтому штат музея сокращают до 3 человек — всего. Сотрудники, оставляя работу в музее, бегут на другие службы, и с этим сразу падает поступление, когда в 1921 г. было 507 предметов, то в 1922 г. — только 23 предмета, всего 2 коллекции. Первая—Соболева, являющаяся добавлением к вышеописанной коллекции (№ 147); в ней интересны фотографии первой гибедеи до взятия коллектором и реставрированной юраками гибедеи после взятия ее коллектором для музея. Вторая коллекция совершенно незначительная, собранная Дмитриевым (работающим в музее и уходившим на службу в Енсоюз).

1923 г. также дает незначительное количество поступлений, собственно говоря, одну сборную коллекцию от разных лиц.

Интересным предметом является енисейская (остяцкая) прялка с веретеном, приобретенная Савельевым во время работы для Всесоюзной с.-х. выставки.

1924 г. можно охарактеризовать также: этнографических сборов отдел не производил и поступления только случайные. Интересным объектом является нагрудка тунгусского шамана, переданная Карташевым.

1925 г. по поступлениям немного превосходит первые годы нэпа. Музеем была организована экспедиция к камасинцам, к этому исчезающему и вымирающему племени, остатки которого имеются в Канском округе. Экспедиция обогатила отдел двумя предметами их быта: трубой для подманивания марала и потником из стеблей и листьев желтой сараны (№ 155). Следующей интересной коллекцией является (№ 158) собранная в Туруханском крае Дмитриевым, ездившим на самоснабжении. Обра-

щает на себя внимание в этой коллекции долганская женская трубка с явно выраженным тунгусским влиянием. Интересна „кото“ — пальма деревянная, делаемая шаманом для шаманства в экстренных случаях при отсутствии бубна и колотушки. Также нельзя оставить без внимания детскую игрушку тунгуса — „орон“ — олень, сделанную из носа утки и os clavicula—дужки (вместо рог). Она резко подчеркивает быт тунгуса-оленевода и экономически связанную с этим игру в оленьи стада, как в русских трактовых селах — в обозы. Нельзя пройти также мимо собачьей лямки — „этэнha“—енисейских остяков, проливающей свет на национальный способ упряжки собак енисейцами, более рациональный „алыка“, господствующего по всей южной части Туруханского края и вместе с этим делающий способ проникновения в Туруханский край запряжки алыком еще более загадочным. Также интересным является обстановка брошенного юртовища енисейцев на Черном острове около Туруханска, собранная с точным описанием, планом и фотозасъемкой. Причина же покинутости не ясна, так как мерзлота не дала возможности докончить раскопки. Этим я заканчиваю свой обзор.

М. Дмитриев.

ИРКУТСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРНЫХ БУРЯТ.

За период 1920 — 1925 гг. действительным членом Вост.-Сиб. отд. Русск. Гегораф. О-ва, хранителем монголо-бурятского отдела Иркутского государственного музея П. П. Хороших производились этнографические исследования среди ольхонских, верхнеленских, кудинских и аларских бурят. Исследователем собран разнообразный материал по изобразительному искусству и орнаменту бурят, по детскому художественному творчеству [1]), материалы о постройках, жилищах, бирках, резьбе по дереву, о шерстяных и волосяных изделиях бурят и др. Им же собран материал по культу орла и шаманству. Часть материала уже опубликована. Тем же исследователем на острове Ольхоне и в Кудинских степях открыты новые доисторические стоянки, древние писаницы, городища, погребления и пр. древности, частью описанные в его труде *Исследование каменного и железного века Иркутского края* (остров Ольхон).

В данное время П. П. Хороших обрабатывает материалы о бирках и жилищах бурят. Им же ведется работа „Словарь бурятских ученых, исследователей и общественных деятелей“.

П. Х—ших.

---

1) Образцы орнамента экспонировались на 3 выставках, в том числе на Всесоюзной выставке в Москве.

PERSONALIA*).

* АБРАМОВ, Иван Спиридонович. *(Ленинград, проспект Маклина (б. Английский), 3).*

Член Русского Географического О-ва, работает в отделе этнографии (сказочная комиссия). Написал (вместе с А. И. Дзенс-Литовским) книгу Познание местного края (8⁰—180 с., изд. „Колос", Ленинград, 1925 г.).

Был командирован этнографическим отделом Русского музея в Черниговскую губ. для сбора этнографических коллекций для музея. Собрал там фольклорный материал, частью подготовленный к печати. На основании собранного материала был прочитан доклад в О-ве изучения украинского языка, истории и литературы: народное толкование сновидений. Принимал участие в организации музея местного края в М. Воронеже Черниговской губ. Состоит в правлении Ленинградского О-ва изучения местного края.

АДЛЕР, Бруно Федорович. *(Москва.)*

Председатель этнологической секции О-ва Изучения Урала, Сибири и Д. Востока.

* АЗАДОВСКИЙ, Марк Конст. Проф. Иркутского университета. *(Иркутск, ул. Желябова, 35.)*

С 1918 г. по 1925 г. вел занятия по русскому фольклору в Томском университете (1918—1921 гг.), в Читинском институте народного образования (1921—1923 гг.) и с 1923 г.—в Иркутском университете, помимо общих курсов и семинариев, все специальные (по русской сказке, по русско-сибирскому фольклору и пр.). С 1925 г.—председатель этнологической секции Восточно-Сибирского отдела Русского Географического О-ва, с 1923 г.—редактор журнала „Сибирская Живая Старина" и серии „Библиотека Собирателя". За период 1918—1923 гг. совершил ряд этнографических поездок по Сибири, из них наиболее значительная летом 1925 г. в Тункинскую долину для записи сказок; читал ряд инструкционных курсов по собиранию памятников фольклора: на курсах сибиреведения—в 1920 г. в Томске, на внешкольных курсах—в Чите в 1922 г., а также в Иркутске. За этот период напечатал: 1) 1919 г.—Об этнографическом изучении русской народности в Сибири (тезисы доклада, читанного на съезде по организации Института Ис-

---

*) Редакция, придавая особенное значение этому отделу, в котором помещаются сведения о трудах за годы революции работников в области этнографии СССР, будет вести этот отдел в каждом № журнала; звездочкой—отмечены те лица, сведения о которых, согласно разосланного обращения редакции, доставлены ими самими; об остальных помещенных в списке этнографах—редакция ограничивается лишь сообщением адреса и тех научных учреждений, в которых протекает их работа. Редакция выражает надежду, что как эти лица, так и все другие этнографы СССР в следующих №№ журнала откликнутся на призыв редакции и дадут сведения о своей личной работе.

следования Сибири в Томске). „Труды съезда по организации Института Исследовании Сибири". Томск. 2) 1920 г. Обзор библиографии Сибири, „Труды О-ва Этногр., Ест. и Археол. при Томск. ун-те", вып. I. 3) 1921 г.—Эпическая традиция в Сибири, оттиск из журнала „Вестн. Просвещ". № 6—7, Чита. 4) 1922 г.—Ленские причитания, „Труды Госуд. Инст. Нар. Образ. в Чите" и отдельно. 5) 1923 г.—Легенда о Щапове, „Сиб. Жив. Старина", вып. I, Иркутск. 5) 1924 г.—Литература по этнографии Сибири. Перечень статей в период. изданиях 1891—1900 гг. „Сиб. Жив. Старина", вып. II. 7) Беседы собирателя. О собирании и записывании памятников устного творчества, в серии „Библиотека Собирателя", № 1, Иркутск. 8) 1925 г.—Ник. Бестужев—этнограф, оттиск из „Сиб. Жив. Стар.", вып. III,—IV. 9) Четыре ленские колядки. 10) Сказки Верхоленского края, „Сиб. Жив. Стар", вып. I и III—IV и отдельно. 11) Беседы собирателя, изд. 2-е испр. и допол. 12) Сибирские темы в изучении русского устного творчества, „Сбор. Труд. Госуд. Иркут. ун-та", вып. IX. 13) П. Хороших. Якуты—опыт библиографии, указателя, рецензия. „Северная Азия", Москва. 14) Задачи изучения устного творчества в Сибири (тезисы доклада читанного на I-м Восточно-Сибирском краевом съезде в Иркутске 1925 г.), „Бюллетень Вост.-Сиб. отд. Рус. Географ. О-ва", № 6. 15) „Etnographische Forschungen in Sibirien in den Jahren 1924—25", (печатается). 16) „Семинарий по русско-сибирскому фольклору" (печатается). 17) „Статья Ник. Бестужева о бурятском хозяйстве" (печатается).

АЗБУКИН, Николай Васильевич. *(Минск, Институт Белорусской культуры.)*

Работает в области краеведения и этнографии.

* АКИМОВА, Татьяна Михайловна. *(Саратов, угол Армянской и Коммунарной, д. 21.)*

Научный сотрудник этнографического отдела Саратовского областного государственного музея. Работу по этнографии Саратовского края ведет с 1920 г. (главным образом, собирание материалов по духовной культуре и приобретений экспонатов для музея). Бо́льшая часть поездок была к чувашам Саратовского края (в 1925 г.—к чувашам Кузнецкого у., в 1924 г.—к чувашам Вольского у., в 1923 и 1920 гг. с экспедициями проф. Б. М. Соколова в Петровский и хвалынский уу.). Поездки в великорусские села и уезды совершались с 1920 г. и по сие время ежегодно. Здесь главное внимание было обращено на одежду, ткани и ткацкое производство—по материальной культуре и на обряды и песенное творчество—в культуре духовной. В настоящее время собран большой материал по саратовским чувашам, из которого в обработанном виде: „История саратовских чуваш по документальным данным и по преданиям", „Общий очерк о чувашах Саратовского края".

АЛАДОВ, Н. Я. *(Минск, Музтехникум.)*

Музыкальная обработка песенного творчества белоруссов.

АЛБОРОВ, Борис Андреевич *(Владикавказ, Осетинский исследовательский институт.)*

Лингвистика и этнография.

АНДРЕЕВ, Михаил Степанович. *(Ташкент.)*

Проф. Средне-Азиатского университета, заведующий отделом этнографии музея в Ташкенте.

* АНДРЕЕВ, Николай Петрович. *(Ленинград, ул. Красных Зорь, 66, кв. 9.)*

Специальность—изучение народных рассказов (легенд, сказок и т. п.). Работает в сказочной комиссии Русского Географического О-ва. Работы с

1917 г. печатные: 1) Исчезающая литература (Из заметок о лубочной литературе), „Казанский Библиофил“ 1921 г., Казань, № 2, с. 3—15. 2) „Три старца“ Л. Толстого и родственные легенды, „Новое Дело“, научно-педагогический вестник рабфака Казанского гос. ун-та 1922 г., № 2. 3) К методологии и технике изучения народной словесности, „Новое Дело“, 1922 г., № 3, с. с. 17—45. 4) Die Legende von zwei Erzündern, „Folklore Fellows Communications“, № 54, 1924, Helsinki, S. 136. Приготовленные к печати: 1) „Руководство к сравнительному изучению сказок“, перевод с немецкого (A. Aarne, Leitfaden der vergleichenden Märchenforschung). 2) „Каталог типов сказок“, перевод с немецкого с изменениями и дополнениями (Aarne. Verzeichniss der Märchentypen), 3) „Легенда о Мадеевом ложе“ (исследование). Готовятся: 1) „Легенда о праведнике, не умеющем молиться“, 2) „Легенда о праведнике, сгоревшем в церкви“, 3) „Легенда о гордом царе“.

*БЕЛЕЦКАЯ, Вера Ефимовна. *(Харьков, Дмитриевская, 15.)*

Научная сотрудница этнолого-краеведческой секции научно-исследовательской кафедры истории украинской культуры. Специальность—материальная культура, главным образом, изучение одежды. С 1917 г. вела фольклорные записи, а также записи наблюдения над одеждой в г. Богодухове Харьковской губ. (описания, рисунки и записи наблюдений над бытом). Напечатана статья Етнографізм в говорах Щоголева в „Науковому Збірнику“ научно-исследовательской кафедры истории Украины, Харьков, 1924 г. Рецензии: 1) на статью Гнатюка „Пісня про неплідну матір і не на рождені діти“, „Записки Наук. Тов. им. Шевченко“, т. 121; 2) на книгу „Как живет украинское село“, изд. Киевского губкома 1924 г.; 3) на книгу О. Триліського „Сучасне село“, Харків, 1924 р.; 4) на сборник программ К. Квітки „Народні співці та музиканти“, „Червоний Шлях“, 1924 г. № 6 и там же 1925 г. № 6—7.

Печатаются: 1) исследование—„Чембарство и кушнірство в Богодухові на Харківщині“ в „Науковому Збірнику“ № 2; 2) статья—„Программа о краеведческом изучении материальной культуры“, в „Краеведческом Сборнике“ краеведческо-этнологической секции кафедры истории украинской культуры.

Готовы к печати: 1) Статья с рисунками „Вышиті кожухи Богодуховского повіту на Харківщині“, $^3/_4$ печ. листа; 2) Модная в 1923 г. песня „Чум-ча-ра-чу-ра-ра“, $^1/_2$ печ. листа.

Готовятся к печати: исследование—„Украинскі сорочки, іх типы та эволюция“; 2) „Заробітчанськи пісни“.

Командировки: в Полтавский центральный пролетарский музей для изучения одежды—в 1924 г.; работала, главным образом, над изучением сорочек. В 1925 г. имела командировку в Полтаву, Киев, Екатеринослав для продолжения изучения одежды.

Во время командировки детально изучены украинские сорочки, сделаны точные измерения, описания, фотографии, чертежи, выкройки. Работала также и над другими видами одежды. Во время пребывания в Екатеринославе начала работу над изучением быта шахтеров.

Летом 1924 г., по поручению Музея Украинского Искусства, совершила экскурсию в некоторые села бывш. Богодуховского и Ахтырского уу., где сделала ряд этнографических записей и привезла несколько коллекций для музея, из которых наиболее обширные—вышивки и керамика. Собирала экспонаты также для областного Этнографического музея имени Сковороды. Принимала участие в устройстве годичных отчетных выставок Музея Украинского Искусства, где делала доклады.

*БАТИН, Павел Николаевич. *(В. Устюг Северо-Двинской губ., Губстатбюро.)*

Статистик по специальности. Интересуется также вопросами этнографии. Член Северо-Двинского О-ва изучения местного края. Им написан ряд работ по моральной статистике губернии. Из этнографических — статья: „Братчины в их историческом прошлом и настоящем".

* БИРЮКОВ, Владимир Павлович. *(Шадринск, ул. Карл Маркса, Шадринское научное хранилище.)*

Директор Шадринского научного хранилища. Археолог по специальности, работает также в смежных областях. Ведет интенсивную работу по краеведению в своем районе. Свой музей (научные хранилища) за последние годы пополнил большим количеством коллекций и сделал его популярным среди населения. Цифра посещаемости за март 1925 г.—5677 человек. Издает журнал „Шадринское Научное Хранилище", в котором помещает, между прочим, этнографические статьи. С 1913 г. собирает материал по местному говору. В настоящее время им собрано уже 20000 карточек. Запись ведется с соблюдением фонетики, с указанием падежей для глаголов, лиц, чисел и форм, после значения слова (иногда очень пространно сделанного), приводится выражение из обыденной речи, песен, частушек, сказок, пословиц и др., в которые входит данное слово. В 1923 г. словарь стал печататься, и в 1926 г. предположено закончить I часть словаря от А до Т (125 с).

* БЛОМКВИСТ, Евгения Эдуардовна. *(Ленинград, Русский музей, этнографический отдел.)*

В 1922 — 23 гг. работала в составе Верхне-Волжской этнологической экспедиции РАИМК в Ярославской губ.; собранные материалы печатались в сборнике по крестьянским постройкам, издание Академии. В 1924 г. работала в той же экспедиции в Ярославской губ., где собраны материалы по духовной и материальной культуре. В том же году по поручению Русского музея работала в Калужской губ. (Мосальский и Жиздринский уу.), где собран материал по крестьянским постройкам. В 1925 г. работала в Воронежской губ. в экспедиции РАИМК. С 1921 г. состоит научным сотрудником, а с 1924 г. ассистентом этнографического отдела Русского музея, изучая специально искусства и материальную культуру финнов и великоруссов. Член РГО по отделению этнографии. Приготовлено к печати: 1) „Крестьянские постройки Мологского у. Ярославской губ." (печатается в „Сборнике по крестьянским постройкам РАИМК", 2) „Крестьянские постройки Калужской губ.", 3) „Материалы по этнографии Ростовского у. Ярославской губ.".

БОГДАНОВ, Владимир Владимирович. *(Москва, Ермолаевский пер., 4, кв. 21.)*

Директор музея Центрально-Промышленной области, заведующий отделом русской этнографии Центрального музея народоведения, председатель этнологической комиссии Московской секции Акад. истории материальной культуры, ученый секретарь О-ва Любит. Ест., Антроп. и Этнографии.

* БОГОСЛОВСКИЙ, Павел Степанович. *(Пермь, канцелярия Педфака Государственного Пермского университета.)*

Профессор университета. Ведет на лингвистическом отделении курсы: 1) язык народной словесности в связи с изучением произведений народного творчества, 2) краеведческий семинарий (язык рабочих и крестьян в связи с изучением их быта), 3) введение в русскую этимологию, 4) новая русская литература. Весной 1917 г. производил этнографические наблюдения в Пермском у., в районе Полазнинского завода (на Каме). Летом 1917 г. был командирован, совместно с проф. А. П. Кадлубовским, в Чердынский у. (на реку Вишеру) и в Соликамский у. для этнографического обследования края. Летом 1918 г. производил этнографические наблюдения в Чердынском у., а также в Пермском. В 1920, 1921 и

1922 гг. изучал быт и творчество крестьян Камышловского у. В 1924 г. командирован был в Казанский центральный музей. Будучи назначен директором Пермского научного музея для восстановления последнего, работал по созданию этнографического отдела в музее, каковая работа и была закончена к началу 1925 г. В 1925 г. изучал быт и творчество б. Оханского у. (ныне Пермский округ Уральской области). За все это время собран был этнографический материал по преимуществу фольклорный. К сожалению, бо́льшая часть его погибла во время гражданской войны на Урале, вместе с несколькими научными (законченными) работами. Печатные работы, имеющие отношение к этнографии: 1) Демонологический рукописный мотив и северная сказка, „Север", 1923 г., № 2. 2) О местных этнографических наблюдениях, журнал „На третьем фронте", 1923 г. № 2. 3) Рукописная традиция в шадринском фольклоре, „Пермский Краеведческий Сборник", вып. I. 4) Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине. Тексты и заметки, а) Осколки умирающей старины, б) Из похоронных обычаев и поверий, в) О роли полотенца в пермском культе умерших, г) Старинное произведение о ленивом человеке, д) Северо-двинский вариант побывальщины о Святогоре богатыре, е) Из народных легенд, ж) Из духовных народных стихов и др., там же. 5) О местных историко-литературных разысканиях, „На третьем фронте", 1924 г. № 1. 6) Задачи краеведческой работы, журнал „Экономика", 1924 г., № 7. 7) Об изучении Пермского края в лингвистическом и этнографическом отношениях, „Север", 1924 г. № I. 8) Кунгурские рукописные заговоры и их научное значение, „Кунгурско-Красноуфимский Край", 1925 г., № 3. 9) О краеведческих занятиях студенчества, „Студент-Пролетарий", 1924 г. № 4. 10) Проблема историко-этнографического исследования Прикамско-Уральского края, „Экономика", 1924 г. № 8—9. 11) О собирании этнографических материалов (программа), „Экономика", 1925 г.

Имеются в рукописном виде: 1) „Наговоры дружки и его роль на казанской народной свадьбе", 2) „Пермская народная свадьба", 3) „Евангелистская песнь" в записи Серебренникова, 4) „Из оханского фольклора", 5) „Оханская загадка и житийная легенда" (печатается), 6) „Свадебные обычаи Буйского у. Костромской губ.". Приготовляются к печати: „Сборник Кирши Данилова", „Пермское народное творчество" и „Библиографический указатель по фольклору Урала".

БОГОРАЗ-ТАН, Владимир Германович. *(Ленинград, Торговая, 25, кв. 36.)*

Проф. этнографического отд. Ленинград. ун-та. Ученый хранитель отдела Америки музея Антропол. и Этнографии Академии Наук СССР, член Комитета Содействия Народностям Севера при ВЦИК, ученый секретарь комиссии по изучению тропических стран Академии Наук СССР.

* БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ, Глеб Анатольевич. *(Ленинград, В. О., 8 линия, 31, кв. 6.)*

Специальность: этнография и палео-этнография Крыма и Кавказа. Ст. ассистент по кафедре антропологии Ленинградского госуд. ун-та, научный сотрудник этнографического отдела Русского музея.

Этнографические экспедиции и командировки: 1919 г. в Судакский район Крыма; произведены записи по всем элементам культуры крымских татар этого района. 1920 — 22 гг. — заведывал Крымским комитетом по делам музеев. Руководство организацией новых музейных учреждений, участие в разведочных раскопках пещеры Кизыл-Кода.

1923 г. — командировка этнографического отдела Русского музея со

вместно с Ф. А. Фиельструпом в Судакский и Бахчисарайский районы Крыма. Собраны полные коллекции для Русского музея и Центрального музея Тавриды по материальной культуре крымских татар. Раскопана пещера Ком-Коба с богатой четвертичной фауной и культурой конца бронзового века. 1924 г.—руководил экспедицией этн. отд. Русского музея в Крым. Произведены записи брачных обрядов караим в Бахчисарае. Собрана коллекция по кустарным производствам для Центрального музея народоведения в Москве, обследован Байдарский район Крыма (в этногр. отношении). Произведены разведки 25 пещер и открытых стоянок. Раскопаны 2 пещеры: Клик-Кода с 2 древне-палеолитическими культурами и погребениями, Сюрень II с культурой конца палеолита и 6 стоянок со своеобразной культурой конца бронзового века. Палео-этнографический материал поступил в э. о. Р музея. 1925 г.— руководил экспедицией в Крым, снаряженной э. о. Р. музея, Главнаукой и Крымохрисом. Для этн. отд. собрана коллекция по кустарным производствам городских татар (г. Бахчисарай) и по материальной культуре степных татар Джанкойского района. Произведены записи по всем элементам культуры.

Печатные труды: 1) Этнографический очерк крымских татар, путеводитель „Крым", изд. Крымохриса, 1925 г. 2) Доисторический очерк Крыма, там же. 3) Отчет об экспедициях 1924—1925 года в Крым. Отчеты об экспедиции Русского музея 1926 г. 4) Брачные обряды крымских горных татар, „Изв. Русского Географ. о-ва". 5) Палео-этнографическое исследование в Крыму. Предварительный отчет, журнал „Новый Восток", 1925 г. №8—9. 6) „Свадебные жилища турецких народностей", печатается в „Материалах по этнографии России", т. III. 7) „Предв. отчет о раскопках пещеры Клик-Кода в Крыму", печатается в „Русск. Антропол. Журн.", Москва. 8) „Открытие неандертальского погребения в Крыму", печатается в журнале „Природа". 9) „Доисторическая археология Крыма", подготовлена к печати. 10) „Жилища крымских татар", подготовляется к печати.

* БОРОЗДИН, Илья Николаевич. *(Москва. Никольская, 10. Научная Ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР.)*

Проф., член Президиума и заведующий историко-этнологическим отделом Научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР, председатель этнологической подсекции Бюро Съездов Госплана СССР, член ученого совета Центрального музея народоведения.

Непосредственно этнографической работы не ведет, но в связи с своими работами по археологии, истории и изучению современного советского Востока близко подходит и частично занимается этнологическими проблемами. Главный интерес в области этнографии — восточные народы СССР (преимущественно татары, их культура в прошлом и настоящем).

Работа с 1917 г. велась в этнологическом направлении следующая. С основания Московской секции Российской Академии истории материальной культуры до образования особой археологической комиссии принимал участие в этнологическом отделении. Был членом этнографической комиссии Главмузея. С 1921 г. состоит членом президиума и заведующим Историко-Этнологическим Отделом НАВ СССР. Состоит членом редколлегии журнала „Новый Восток". Выступал неоднократно научным консультантом по этнологическим вопросам по предложению центральных и местных государственных органов. С 1924 г. состоит председателем этнологической подсекции Бюро Съездов Госплана. Совершал поездки в восточные республики (Татарскую и Крымскую), где изучал местные культурно-исторические и этнографические коллекции. Один из основателей и почетных членов Общества Татароведения при Акцентре Татнаркомпроса. В 1925 г.

руководил экспедицией по изучению татарской культуры в Крыму, снаряженной Крымциком и Крымсовнаркомом совместно с Научной Ассоциацией востоковедения. Экспедиция вела как археологическую, так и этнографическую работы. Редактирует серию „Художественная Культура Востока СССР", издаваемую Центриздатом народов СССР. С 1925 г. принимает участие в работах Центрального музея народоведения, являясь членом ученого совета.

Напечатал статьи (где затрогиваются этнологические сюжеты): 1) Об изучении восточных культур СССР, „Новый Восток", № 6, 2) Современный Татарстан. „Новый Восток", № 10—11, 3) Изучение Востока в современной России, сборник „Колониальный Восток" и по-немецки в издании „Das Heutige Russland", 4) Из казанских впечатлений, журнал „Жизнь Национальностей", 5) Одна из неотложных задач Наркомнаца, там же, 6) Очередные задачи изучения татарской культуры, на татарском языке в „Маарифе", 7) В Красной Татарии, на татарском языке в „Безнен-Юл", 8) Музейная и археологическая работа в Крыму", „Новый Восток", № 4, 9) Проблема научных экспедиций на Восток, „Новый Восток", № 8—9 и др.

БОРЩЕВСКИЙ Иван Федорович. *(Смоленск. 1-й государственный Смоленский историко-этнографический музей).* Заведует 1-м госуд. Смоленским ист.-этногр. музеем (б. Тенишевой.) Специальность — материальная этнография.

БРОДОВСКИЙ, А. Р. *(Витебск, музей.)*

Музейно-этнографическая работа.

*БУШ, Владимир Владимирович. *(Саратов, Приютская, 31/47.)*

Профессор русской словесности в Саратовском гос. университете. Читает курс народной словесности. Состоит председателем этнографической секции саратовского Нижне-Волжского Краевого Научного о-ва. Летом 1925 г. проведена им со студентами экскурсия с целью собирания памятников устно-поэтического творчества в деревнях Липовской волости. Всего обследовано 13 селений. Результат работ экскурсий обработан в виде статьи „О современном состоянии песнотворчества в деревнях Вольского уезда, Саратовской губ." Саратов. 1926 г.

* БЫСТРЖИНСКИЙ, Владимир Константинович. *(Воронеж губ., Ср. Смоленская, 28.)*

Научный сотрудник Воронежского госмузея, секретарь этнографической комиссии. Специальность: пища, промыслы и занятия, этнографическая фотография.

* ВАЛУКИНСКИЙ, Николай Васильевич. *(Г. Воронеж, Федеративная, 35, привокзальный поселок.)*

Художник-этнограф, заведующий Воронежским госмузеем, председатель этнографической комиссии. Специальность: материальная культура (жилище), народное искусство.

ВАСИЛЕВИЧ, Иосиф Игнатьевич. *(Витебск.)*

Заведующий Витебским музеем.

ВАСИЛЬЕВ, Борис Александрович. *(Москва, Староконюшенный, 5/14.)*

Научный сотрудник Центрального музея народоведения по отделу Сибири.

ВАСИЛЬЕВ, Валериан Михайлович. *(Краснококшайск, Марийской области.)*

Этнография, язык, фольклор и народная музыка мари.

ВАХАЕВ, Михаил Васильевич. *(Минск, Центрархив.)*

Ведет исследовательскую работу в области народных обычаев Белоруссии.

ВЕСЕЛОВСКАЯ, Ксения Владимировна. *(Минск, Госуд. музей.)*

Работает в области этнографии белоруссов.

ВЕТКИН, Михаил Иванович. *(Краснококшайск, Обоно.)*
Этнография мари.

ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ, Владимир Дмитриевич. *(Москва, 1-й Дом Советов.)*
Председ. О-ва Изуч. Урала, Сибири и Д. Востока. Чл. К-та Содействия Народностям Севера при ВЦИК. Член правл. Центр. Музея Народоведения.

* ВИНОГРАДОВ, Георгий Семенович. *(Иркутск, Знаменская, 67, кв. 2, в Рабочей слободе.)*
Профессор Иркутского государственного университета по кафедре русской этнографии. В 1922—24 гг. читал в университете курсы истории русской этнографии и устно-народной словесности, вел семинарии; некоторые из работ участников семинария опубликованы в местных изданиях. Тогда же читал курс этнографии в Иркутской художественной школе. В 1924—25 акад. году читал курс введения в этнографию и курс по русскому народному искусству; в 1925—26 акад. году читает, кроме курсов введения в этнографию и устно-народной словесности, историю русской этнографии и руководит семинариями. Совместно с М. К. Азадовским редактировал „Сибирскую Живую Старину". После 1917 г. напечатал:

1) Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири. Нижнеудинский уезд Иркутской губернии. Иркутск, 1918 г. (первоначально в „Записках Тулуновского отдела О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта", кн. 1). 2) К изучению народных детских игр у бурят. Иркутск, 1922 г. 3) Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири, „Труды Иркутского госуд. университета", вып. V, 1923 г. (и отдельно). 4) Этнография и современность. „Сибирская Живая Старина", вып. I, 1923 г. (и отдельно). 5) К изучению народной медицины у русского населения Сибири. Инструкция и программа. Иркутск, 1923 г. 6) Детский народный календарь. „Сибирская Живая Старина", вып. II, 1924 г. (и отдельно). 7) Русские говоры центральной части Тулунского уезда, Иркутской губернии. Иркутск, 1924 г. (совместно с П. Я. Черных). 8) К вопросу о введении этнографии в курс школьного преподавания. Сборник „Изучайте родной край", Чита, 1924 г. 9) О собирании материала для словаря русского старожилого населения Сибири. Иркутск, 1924 г. (совместно с П. Я. Черных). 10) Детская сатирическая лирика. „Сибирская Живая Старина", вып. III—IV, 1925 г. (и отдельно). 11) Заметка об изучении народного ораторского искусства. Там же (и отдельно). 12) Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925 г. 13) Этнография в курсе школьного краеведения. „Труды Иркутского госуд. университета", вып. IX, 1925 г. (и отдельно).

Приготовленные к печати труды: 1) „Русские говоры Тункинского края (Иркутской губ.)", 2) „Детские игровые песни", 3) „Считалки и жеребьевки", 4) „Детский фольклор в школьном курсе народной словесности".

Подготовляемые к печати труды: 1) „Очерки народного ораторского искусства", 2) „Народная педагогика", 3) „Русская песня и песенники в Сибири".

Ждут обработки большие материалы по народному врачеванию, мифологии, народному искусству, словарю русско-сибирского просторечья.

Этнографические поездки по Иркутской губ. после 1917 г.: 1918 г.— По р. Ие и Иейскому тракту от Тулуна до Никольского (Одон). 1919 г.—

По р. Ангаре: Братская и Большемамырская волости (от Падуна до Громов). 1920 г. Окинский край (от Кимильтея через Уян до Завали). 1921 г. Братский тракт (от Тулуна до Братска). 1922 и 1923 гг. Московский тракт в пределах б. Нижнеудинского у. 1924 г. Поездка в Кокчетавский у. Акмолинской обл. Работа в Омском и Красноярском музеях. 1925 г. Поездка в Тункинский край Иркутской губ. Поездки 1920 — 1925 гг. осуществлены при поддержке Восточно-Сибирского отдела Русского Географического о-ва и Иркутского научного музея.

ВИНОГРАДОВ, Константин Васильевич. *(Иваново-Вознесенск, Степановкая, д. б. Невского. Губархбюро.)*

Материальная культура.

ВОЕВОДСКАЯ, Екатерина Теофиловна. *(Москва.)*

Научная сотрудница отдела Средней Азии Центрального музея народоведения.

* ВОРОБЬЕВ, Валерий Петрович. *(Саратов, Полезный пер., 21, кв. 1.)*

Работает в области этнографии с 1919 г. В настоящее время занят работой о чувашской вышивке Саратовского края. Напечатал статью „Искусство чуваш с. Казанлы, Вольского у., Саратовской губ.“. Подготовлен „Обзор литературы по вопросу крестьянского искусства, вышедшей за революционные годы“. Работа протекает в связи с этнографической секцией Нижне-Волжского областного О-ва краеведения и этнографическим отделом областного Саратовского музея.

* ГВОЗДЕВ, Александр Николаевич. *(Пенза, Гоголевская, 18.)*

Ведет работу по изучению великорусских говоров Пензенской губ. Состоит членом комиссии по составлению диалектологической карты России при Академии Наук СССР.

В 1923 г. совершил поездку в район мещеры (Керенский у. Пензенской губ.) для собирания экспонатов для Всесоюзной с.-х. выставки в Москве. В Пензе состоит преподавателем педагогического техникума и железнодорожной школы Сызрано-Казанской ж. д. и членом Пензенского О-ва Люб. Ест. и Краеведения. В трудах О-ва поместил работу „Типы великорусских говоров Пензенской губ“., вып. VI, Пенза, 1925 г. Подготовил к печати ряд описаний отдельных говоров селений и карту говоров Пензенской губ.

* ГВОЗДЕВ, Борис Николаевич. *(Пенза, Суворовская, 8, кв. 2.)*

Совершил несколько поездок по губернии в 1923 г., работал по подготовке и сбору экспонатов для Всесоюзной с.-х. выставки в Москве, куда были представлены экспонаты из с. Валгалино Краснославского у., исключительно собранные Б. Гвоздевым. Занимал должность зав. историческим отделом пензенского областного музея, совершил ряд поездок по губернии с целью сбора исторических памятников в период 1924 — 1925 гг.

В „Вестнике Полекра“ помещен отрывок статьи—Из быта мордвы—эрзи, в „Трудах Полекра“, вып. VIII, Пенза, 1925 г. статья—Некоторые сведения о промышленности Пензенского края в XVIII в. Составлена небольшая заметка для помещения ее в печать под заглавием: „Начальные стадии ткацкого станка у русских и мордвы Пензенской губ.“.

* ГЕНКО, Нестор Несторович. *(Череповец, Губоно.)*

Этнограф. Работал с 1920 г. в Хвалынске Саратовской губ., в Темир-Хан-Шуре и, наконец, с 1922 г. в Череповце. Ведет беседы по этнографии среди учащихся, а также среди сельских краеведов-любителей. Член Череповецкого губбюро краеведения.

*ГЕРАСИМОВ, Борис Георгиевич. *(Семипалатинск., ул. Потанина, 73.)*

Председатель историко-этнографической секции Семипалатинского отдела Русского Географического о-ва. Работает в области истории и этнографии, в частности интересуется фольклором. Работа связана всецело с отделом Географического о-ва, членом которого состоит со дня его основания.

ГОРДЛЕВСКИЙ, Владимир Александрович. *(Москва, Кропоткинская, Померанцев пер., 9, кв. 2.)*

Тов. председателя этнографического отдела О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, профессор турецкого языка института Востоковедения при ЦИК СССР.

ГРИГОРОВ, Сергей Павлович. *(Москва, Кудринская-Садовая, 7, кв. 2.)*

Член правления и ученого совета Центрального музея народоведения, член этнологической и музейной комиссии московской секции Академии истории материальной культуры; отдел по делам музеев Главнауки.

*ГРИНКОВА, Надежда Павловна. *(Ленинград, Русский музей, Этнографический отдел.)*

В 1920—21 гг. работала в Гдовском и Лужском уу. Ленинградской губ. по собиранию фольклорного (сказки, частушки, свадебный обряд) и диалектологического материала, последний печатается в XXX т. „Известий" отд. рус. языка и слов. Академии Наук. „В 1922—23 гг. работала в составе Верхне-Волжской этнологической экспедиции РАИМК в Моложском у. Ярославской губ. Собраны материалы по диалектологии (печатаются в XXX т. „Известий" ОРЯС), по фольклору и материальной культуре. В 1924 г. работала в составе той же экспедиции в Тверской губ., Ржевском у., среди „тудовлян", где собраны материалы по диалектологии, духовной и материальной культуре. В том же году, по поручению Русского музея, работала в Калужской губ. (Мосальский и Жиздринский уу.), где собраны материалы по говору, свадьбе, весенним праздникам и по одежде; записано 25 сказок и значительное количество песен. В 1925 г. работала в составе Юго-Восточной экспедиции РАИМК в Воронежской губ. (б. Задонский и Землянский уу.), где собран материал по говору, свадьбам, праздникам, по одежде, записано 60 сказок. С июня 1921 г. состоит ассистенткой этнографического отдела Русского музея, ведя работу по материальной культуре великоруссов и финнов. Специальные интересы посвящены изучению одежды тех и других. Состоит секретарем сказочной комиссии РГО и членом этого О-ва по отделению этнографии. Приготовлено к печати по этнографии: 1) „Крестьянские постройки Ржевского у.", печатается в специальном сборнике РАИМК, 2) „Старая и новая свадьба в Ржевском у. Тверской губ.", 3) „Женская одежда Калужской губ.", печатается в III т. „Материалов" по этнографии издания Русского музея, 4) „Свадебный обряд Калужской губ.", 5) „Весенние обряды в Калужской губ.", 6) „Одежда однодворцев и барских в Воронежской губ.", „Сказки Куприянихи" в № 1 журналал „Художественный фольклор", 1926 г.

*ГУБАЙДУЛЛИН, Абдул-Кадыр Салихович. *(Казань, Муратовская, 31.)*

В настоящее время работает в археологическом отделе Татцентрмузея. Интересуется, главным образом, духовной стороной быта турецких народов, в частности, казанских татар. Часть фольклористического и этнографического материала разнообразного характера сдана в Татнаркомпрос для издания. Из совместных работ со своей сестрой М. Губайдуллиной можно указать на „Пищу казанских татар", сданную в акцентр для печатания в „Материалах татароведения". „Свадебные обычаи казанских татар", „Народная медицина казанских татар", „Поверия казанских татар", „Жилище турецких народов" по старым авторам и по новому нако-

пившемуся материалу. Из самостоятельных, ненапечатанных работ: „Дневник поездки, совершенной летом 1925 г. по Мамадышскому кантону с историко-археологическими и этнографическими целями", „Краткий курс этнографии" на татарском языке, принятый акцентром к печатанию.

Из напечатанных работ: 1) Заметка по поводу одного инструмента („шайдак"), „Казанский Музейный Вестник", 2) Татарский народный лечебник, „Записки Центрального Архива ТССР", № 1 (издание стеклографическое), 3) Исследование об одном турецком корне, на татарском языке, журнал „Маариф", 1923 г., № 9—10, стр. 10—20. Последняя работа проделана совместно с Али Рахим.

* ГУБАЙДУЛЛИНА, Мариам Селиховна. *(Казань, Муратовская, 31.)*

Работает по этнографии турецко-татарских народов и казанских татар в Восточно-Педагогическом институте и состоит членом научных организаций: О-ва Татароведения, О-ва Археологии, Истории и Этнографии и Ассоциации Востоковедения.

С 1917 г. по настоящее время собирала сведения по материальной и духовной культуре казанских татар в кантонах. Часть записей сдана в печать на татарском языке. Из этнографических статей, напечатанных в течение этого времени, Татары (для выставки культуры народов Востока в путеводителе в 1920 г.), статьи в „Музейном Вестнике" в 1921 г. и других журналах. Для Всесоюзной с.-х. выставки в Москве по отделению народного быта приготовлен отдел „Пища казанских татар", в настоящем этот музейный материал поступил в Казанский центральный музей. По вопросу о пище казанских татар сделан доклад в О-ве Татароведения. Этот же вопрос разработан и расширен для печатания в журнале „Татарстан" с добавлениями заведующего историческим отделом центрального музея К. С. Губайдуллина. В настоящем закончены статьи: „Об остатках родового быта казанских татар", „Рождение, брак и смерть", „Остатки шаманства у казанских татар". Эти статьи написаны по материалам, собранным в течение 1917—1924 гг. Летом 1925 г. была командирована в кантоны с целью собирания фольклора и этнографических сведений о казанских татарах. Работала в Мамадышском и частично в Арском кантонах. Собраны материалы по духовной и материальной культуре казанских татар.

ДАНИЛИН, Андрей Григорьевич. *(Москва, Малая Грузинская, 15.)*

Научный сотрудник подотдела Этнологии Музея Центрально-Промышленной области. За последние пять лет совершил ряд поездок с этнографическими целями: в Семиречье в 1921—22 г.; в Крым — в 1923 г.; в Акмолинскую губ. — в 1924 г.; по губ. Центрально-Промышленной области — в 1925—26 гг. Собран разнообразный материал. Сделано около 400 фотографий. Записаны, частью фонографом (в Туркестане), песни и другие образцы фольклора. В настоящее время работает над вопросом о распространении различных типов овинов у восточных славян.

ДАНКОВСКАЯ, Раиса Сергеевна. *(Харьков, Кладбищенская, 65, кв. 111.)*

Работа протекает в музее Слободской Украины и в этнографической секции кафедры истории украинской культуры.

Член Этнографического О-ва в Киеве.

Главенствующими интересами в этнографии являются обряды, верования, искусство и производство.

В 1917—1919 гг. работала в Москве, где приготовила для печати статью „Украинская слобода Новостроевка Курской губернии". В 1918 г. работала по организации и заведыванию этнографического отдела выставки московских подвижных музеев. В 1919 г. служила в б. Строгановском художественном музее и состояла членом комиссии по устройству музея народного искусства и народного быта.

Производила обследования части харьковских окраин (юго-западной), нескольких харьковских базарных и церковных площадей, хуторов Украинка, Риаки, Ледное, села Баба, Покатиловка, Васищево Харьковского у., с. Люботина и хут. Будтяжного Валкского у., с. Борового Змиевского у. и Змиевской петропавловской ярмарки; работала по составлению краткого каталога этнографического отдела музея Слободской Украины; по собиранию для этого отдела коллекций, устройству из них выставок, по научному описанию этно-коллекций; составила записи наблюдений об украинских светильниках, выбойке, керамике Харьковщины также о предметах ярмарочной торговли, пряничном производстве, обычае устраивать качели, об украинском народном календаре, украинских лечебных травах, о вышеупомянутых селах и хуторах и пр. Командирована была музеем на II Всесоюзную конференцию по краеведению в Москве в 1924 г. и на съезд в Харькове в 1925 г. по изучению естественно-производительных сил и народного хозяйства Украины.

С 1920 г. по 1926 г. напечатала: 1) „Вопрос об изучении детских народных игрушек“ (работа совместная), „Воронежский Историко-Археологический Вестник“, 1921. 2—5) Программы: Для уличных наблюдений, Для собирания сведений об украшениях окон, Для собирания обрядовых печений, Для собирания сведений о троицких и купальских обрядах, „Бюлл. Музея Слободской Украины“, Харьков, 1925 г. 6) История этнографического Отдела Музея Слободской Украины, „Бюлл. М.С.У“, 1925 г. №1. 7—8) Библиографические заметки о статьях Вол. Гнатюка и Вас. Щурата „Людскіі фігурки з воску“, „Записки Науков. Тов. им. Шевченко“, Львів, 1919 р. „Червоний Шлях“, Харьків, 1924 р., № 11—12. Народні обрядові печива, „Записки Этнографического т-ва“, Київ, 1925 г., № 1.

Сданы в печать: 1) „Этнографическое изучение украинских обрядовых печений“, 2) „Инструкция по собиранию этнографическнх сведений“ для Главполитпросвета УССР, в 1922 г., 3) „Программа этнографической экскурсии на определенную тему“ (работа совместная), 4) „Программа по домоводству и быту“ (Всеукраинскому выставочному комитету в 1923 г. для Всесоюзной с.-х. выставки в Москве), 5) „Легенда про старика (урожай)“ для киевского „Этнографического Вестника ВУАН“.

Приготовлены для печати: „Песни кобзаря Павла Либерды в Харькове“, 2) „Легенды об окаменевших людях“, 3) „Экскурсия в с. Старый Люботин Валковск. у. Харьковской губ.“, 4) „Троицкие и купальские обряды в Харьковской губ“.

Приготовляются к печати: „Украшение окон на Украине“, 2) „Украинские детские народные игрушки“.

ДЕМКОВИЧ, Павел Петрович. (*Минск. Инст. Белор. Культ.*)

Педагог, исследователь белорусского народного быта.

ДЗАГУРОВ, Григорий Алексеевич. *(Владикавказ, Осетинский Исследовательский Институт.)*

Народная словесность.

*ДИНГЕС, Георгий Генрихович. *(Саратов, Рабочая, 2, кв. 2.)*

Профессор Саратовского гос. университета. Специальность—германская филология, этнография и фольклор немцев-колонистов. С 1920 г. помогал организации немецкого отдела в Саратовском этнографическом музее. От имени музея, совместно с женой, Э. Г. Дингес, ездил собирать материалы для музея. Собрал около тысячи пословиц и поговорок поволжских немцев, около 200 народных песен, около 300 поверий и сказаний. Летом 1925 г. ездил в экспедицию в район Немцев Поволжья и в 23 селах собрал данные о крестьянских телегах. Им составлена этнографическая карта Немреспублики (была на Всесоюзной с.-х. выставке 1923 г.) со

статистическими таблицами. Назначен с 1 октября директором Центрального музея Немреспублики и заведует этнографическим отделом его (в г. Покровске). Статьи: 1) Ausgaben der Heimatkunde, журнал „Arbeitsschule" № 1, 2) Zur Schaffung eines Zentralmuseums der Wolgadeutschen Republik, газета „Nachrichten", 3) Aufgaben der etnographischen Abteilung unseres Zentralmuseums, „Maistube", №№ 36, 37 (приложение к „Nachrichten" за 1925 г.).

ДОВГЯЛЛО, Дмитрий Иванович *(Минск.)*

Секретарь историко-археологической секции Ин-та Белорусской Культуры.

ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ, Митрофан Викторович. *(Минск, Институт Белорусской Культуры.)*

Профессор Государ. Белорусск. университета. Председатель историко-археологической секции, исследователь белорусской культуры.

ДУИСБУРГ, Анна Яковлевна. *(Ленинград, ул. Декабристов, 35, кв. 5.)*

Работает в этнографическом отделе Русского музея по этнографии Украины и Белоруссии.

ЕВСЕЕВ, Тимофей Евсеевич. *(Краснококшайск, Маробласть.)*

Заведующий музеем. Этнограф - фольклорист - собиратель.

*ЕДЕМСКИЙ, Михаил Борисович. *(Ленинград, Съезжинская, 11/5, кв. 35.)*

Работал и работает в различных областях этнографии, главным образом, в северных губерниях; значительную долю внимания уделял народной сказке. Работы его связаны с деятельностью в названной области Географического общества, Академии Наук, Рос. Академии истории материальной культуры и некоторыми другими учреждениями. Прочитан ряд докладов по этнографии в РГО, РАИМК и других научных организациях и учреждениях. Готовятся к печати работы по детскому фольклору и играм, по народному календарю, домашнему быту и пище, и еще некоторым другим вопросам. Принимал участие в работах этнологической экспедиции РАИМК в 1922—24 гг. В 1922 г. был избран действительным членом института живого слова. Состоит также сотрудником исследовательского института при Ленинградском университете и членом сказочной комиссии при Географическом о-ве. С 1917 г. им собран значительный материал по народной сказке, песне, языку и внешней культуре. Были сданы в печать: 1) „Этнологические наблюдения на р. Свири в 1920 г." 2) Тоже, в 1921 г. 3) „Этнологический очерк С.-З. края", 1921 г. 4) „Гончарный промысел Краснохолмского у.", 1922 г. 5) „Валяльный промысел Краснохолмского у.", 1922 г. Напечатана статья: Этнологические наблюдения на р. Пинеге, 1921 г., журнал „Север", 1923 г.

ЕЛЕОНСКАЯ, Елена Николаевна. *(Москва, Гранатный пер. 14 кв. 8.)*

Научная сотрудница Центрального Музея Народоведения. Этнографический Отдел О-ва Люб. Ест., Антр. и Этногр.; этнологическая комиссия Московской секции Рос. Акад. истории материальной культуры; фольклорная подсекция Рос. Акад. Худож. Наук.

*ЕЛХОВСКИЙ, Сергей Евгеньевич. *(Иваново-Вознесенск, ул. Кокуй, д. Серебрякова.)*

Специальность: фольклор и музыкальная этнография. Работает на этнологической станции Иваново-Вознесенского О-ва Краеведения и в Переславль-Залесском Научном О-ве, где работает с начала его организации. По Переславльскому краю им собраны различные фольклорные материалы (свадебные обряды, песни, частушки и др.), а также сделаны музыкальные записи. Работать по этому краю продолжает и по настоящее время. В Иваново-Вознесенском крае собран также значительный фольклорный материал.

*ЕРОФЕЕВ, Иван Федорович. *(Харьков. Музей Слободской Украины. Сергеевская пл.)*

Библиотекарь и картотекарь музея Слободской Украины, научный сотрудник кафедры истории украинской культуры, член Крымского О-ва археологии, истории и этнографии, Киевского Этнографического о-ва, Київського наукового товариства. Работает по вопросам украинской истории, литературы и этнографии. Описывает рукописный отдел музея. Находился в командировке: в 1922 г. — в Каменец-Подольске, в 1925 г. — в Киевской, Черниговской и Крымской АССР. Собирал предметы старины, старинные рукописи и фольклор. Печатные работы: 1) До питання про Кармалюка, „Черв. Шлях", 1924 р., № 6. 2) Виставка в Музею Слободской Украіни, там же, 1925 р., № 4. 3) Перший журналіста на Слобожанщині, там же, 1925 р., № 10. 4) Осиння виставка в Музею Слободской Украіни, там же. 5) Справа кримознавства, там же. 6) К. Т. Соленик, там же, 1926 р. № 2. 7) Нова коллекція писанок в Музею Слободской Украіни, там же. 7) Питання про украински думи в працях М. Сумцова — в „Наук. Збірнику" Харьк. Научно-Исслед. кафедры по истории Укр., т. I.

*ЖУКОВ, Борис Сергеевич. *(Москва, Зубовский бульв., 15, кв. 22.)*

Завед. отделом Индонезии, Австралии, Океании и Африки Центр. музея народоведения, преподаватель I МГУ, д. научный сотрудник I разряда и ученый секретарь Антропологического научно-исследовательского Института при I МГУ. С 1920—25 гг. осуществил нижеследующие полевые исследования: По этнографии великоруссов в Дмитровском у. Московской губ., в Балахнинском, Городецком, Семеновском, Ветлужском, Краснобановском и Нижегородском уу. Нижегородской губ. (материальная культура, обычаи, обряды, верования). По палеоэтнологии руководил целым рядом раскопок в Нижегородской, Московской и Владимирской губ. Общее руководство Ветлужской комплексной антропологической экспедицией Антропологического института в 1925 г. (соматическая антропология, палеоэтнология, этнография). Напечатал нижеследующие работы: 1) Неолитическая дюнная стоянка близ г. Балахны, „Рус. Антроп. Журн.", т. 12, кн. 1—2, 1922 г.; 2) а) Происхождение человека, 152 стр., 60 рис., изд. Френкеля, 1923 г. 2-е дополн. изд., 1925 г.); б) То же, перевод на еврейский яз., изд. „Школа и Книга", 1925 г.; 3) Об организации институтов и курсов по подготовке работников краеведения, „Вопросы Краеведения", 1923 г.; 4) Стоянка эпохи Маглемозе, открытая в Дании в 1917 г. (реферат), „Русский Антропологический Журнал", т. 13, кн. 1—2, 1924 г.; 5) К вопросу о древнейших насельниках Прибалтики, там же, т. 13, кн. 3—4, 1924 г.; 6) Первые шахтеры и металлисты (научно-популярная брошюра), изд. „Знание", 1924 г.; 7) 5 методических пояснений и очерков на палеоэтнологические темы к коллекциям и сериям диапозитивов, изд. МОНО, 1923—24 гг.; 8) Неолитическая стоянка близ с. Льялова, „Труды Антропол. Исслед. Ин-та", т. I, 1925 г.; 9) Доисторические культуры Нижегородского края, „Нижегородский Краеведческий сборник", т. I, 1925 г.; 10) Древнейшие строители из дерева и камня (научно-популярная брошюра), изд. „Знание", 1925 г.; 11) Ряд рецензий, отзывов, между прочим, на книги Осборна „Люди древнекаменного века", Городцова „Археология" и др., в журнале „Печать и Революция" за 1925 г. Сдал в печать: 1) 4 очерка по этнографии: „Австралия и Океания" „Африка", „Индонезия", „Китай, Япония и Корея" (в портфеле Центрального музея народоведения 1923—24 гг.). 2) Объяснения свыше 100 слов в „Малую Советскую Энциклопедию" (в 1923—24 гг.

3) „Нижегородский край в этнологическом отношении", в „Нижегородском Краеведческ. Сборнике", т. II. 4) „Очерки мегалитической культуры", 5 печ. листов, в Госиздате. 5) „Работа по палеоэтнологии в СССР за последние годы", в журнале „Этнография".

В музейной этнографической и палеоэтнологической области руководил разбором, реэкспозицией и каталогизацией коллекций по отделам Австралии, Океании, Индонезии и Восточной Азии Центрального музея народоведения в Москве. Руководил протекающей реорганизацией отдела палеоэтнологии Антропологического музея I МГУ. Руководил экспозицией части отдела палеоэтнологии Госуд. музея Центр.-Промышленной области. Руководил реорганизацией отдела доисторических культур Нижегородского историко-бытового музея. Руководил организацией отдела этнографии Нижегородского историко-бытового музея.

ЗАРЕМБСКИЙ, Аркадий Игнатьевич. *(Ленинград, А. С., М. Посадская, 21/4, кв 45.)*

Работает в этнографическом отделе Русского музея (украинцы, евреи, западные и южные славяне).

ЗАРУБИН, Иван Иванович. *(Ленинград, Академия Наук СССР. Музей Атроп. и Этнографии.)*

Ученый хранитель отдела Средней Азии музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР.

* ЗЕЛЕНИН, Димитрий Константинович. *(Ленинград, Мойка, 122, кв. 19.)*

Проф. Ленинградского (а прежде Харьковского) университета. Занимается этнографией восточных славян, преимущественно материальной культурой. В университете читает курсы этнографии восточных славян. Состоит председателем секции „Живой Старины", научно-исследовательского института при университете.

Напечатал за последние годы: 1) Das heutige russische Schnaderhüpfl (častuška), „Zeitschrift für Slavische Philologie", B. I, № 3—4, 1924. 2) Древняя финская весь, „Записки Высшей Школы гор. Одессы", 1922 г. 3) Программы для этнографического описания русских жителей Прикамского Края, „Известия Общества Изучения Прикамского Края", I, Сарапуль, 1917. 4) Die russische (ostslavische) volkskundliche Forschung in den Jahren 1914—1924, „Zeitschrift für Slavische Philologie", B. I, №№ 1—2 и 3—4.

Готово к печати: Исследование 1) „Плетеная обувь у восточных славян и их соседей", 2) „Женские головные уборы восточных славян", 3) „Русский сарафан", 4) „Запретные слова в русском языке".

Печатает: „Ostslavische Volkskunde", в издании „Grundriss der slavischen Philologie und Kultgeschichte", Berlin.

* ЗОЛОТАРЕВ, Давид Алексеевич. *(Ленинград, Русский музей.)*

Напечатал с 1919 г.: 1) Волков Ф. К., „Русский Исторический Журнал", 1919 г. 2) В Малой Карелe, 1919 г. „Известия Ярославского кредитного союза", „Отчет Рос. Акад. Наук", 1919 г. 3) Анкета Рос. Академии Истории Материальной Культуры о влиянии войны и революции на быт", 1919 г. 4) Этнографический состав Бежецкого уезда Тверской губ. („Бежецкий Край"). 5) Памятка для местных сотрудников, Этнологическая экспедиция РАИМК 1921 г. 6—7) Отчет о работе Этнологической экспедиции за 1921 и 1922 г.г. 8) Краткий обзор I Отделения Этнографического Отдела Русского Музея, 1923 г. 9) Поездка в Карелию, „Вестник Мурмана". 10) Карельские клейма, „Известия Русского Географического О-ва", 1924 г. 11) Памятка Ленинградской Экспедиции Этногр. Отдела

Русского Музея. 12) Программы по этнографии и антропологии, „Летняя Школа", I и II, 1924—1925 гг. 13) Изучение населения Ленинградской губ. „Краеведение", 1925, № 1—2. 14) Этнографический очерк Поволжья, сборник „Поволжье", 1925 г. 15) Описание верхнего и среднего течения Волги и р. Белой, там же. Руководил: Этнологической экспедицией РАИМК в Тверскую, Ярославскую, Костромскую и Вологодскую губ. в 1920 гг.; отрядом Юго-Восточной Экспедицией РАИМК в Воронежскую губ. в 1925 г.; этнологическим отрядом Олонецкой экспедиции в 1920—1922 гг. Ленинградской экспедицией в 1925 г.; Лапландской экспедицией в 1925 г. В командировках был ежегодно.

ИВАНОВ, Николай Александрович. *(Иваново-Вознесенск, Губстатбюро.)*

Работает в этнологической станции, специальность фольклор.

ИГНАТОВСКИЙ, Всеволод Макарович. *(Минск, Наркомпрос.)*

Научная этнографическая, историческая и литературная работа. Председатель И-та белорусской культуры.

* КАГАРОВ, Евгений Георгиевич. *(Ленинград, ул. Перовской 42, кв. 53.)*

Профессор Ленинградского университета. Специальность—общая этнография, сравнительное изучение религии, античный фольклор. С 1917 г. напечатаны: 1) Заметки по русской мифологии, „Известия 2-го Отделения Российской Академии Наук", т. XXIII, кн. I, 1918 г. 2) Древнегреческие таблички с проклятиями, Харьков, 1919 г. 3) Религия древних славян, М., 1918 г. 4) О значении некоторых русских народных обычаев, „Воронежский Историко-Археологический Вестник", 1922 г. № 2. 5) О значении некоторых русских и украинских народных обычаев „Изв. 2-го Отд. Рос. Акад. Наук", т. XXIII, кн. 2, 1918 г. 6) О значении некоторых русских свадебных обрядов, „Изв. Рос. Акад. Наук", 1917 г. № 7. 7) Весна в народных обычаях и поверьях, „Знание", 1924 г. № 14, Харьков. Кроме того, напечатаны рецензии на следующие книги: 1) Зеленин, „Очерки русской мифологии" т. I, в „Русском Филологическим Вестнике", 1917 г., № № 1 и 2; 2) Познанский, „Заговоры", там же, 3) Волков, „Сказка", в журнале „Червоний Шлях", 1924 г. № 3. Не напечатаны до сих пор рукописи, приобретенные Госиздатом Украины: 1) „Народные верования и обряды", 6 печ. листов, 2) „История религий", 8 печ. листов. В настоящее время работает над библиографическим указателем по обрядовому фольклору.

* КАЛИНИН, Иван Михайлович. *(Ленинград, Б. Гребецкая, 47, кв. 3.)*

Действит. член Русск. Географич. о-ва. За истекшие годы (с 1917 г.) занимался, находясь в Болгарии, исследованием быта болгар. По возвращении в СССР, 19 декабря 1924 г. прочел доклад в Рос. Географ. О-ве на тему: „Жизнь болгарского крестьянина, по личным наблюдениям". В данное время занимается исследованием говоров и обычного права крестьян Архангельской губ. Онежского у. Летом текущего года предполагает совершить этнографическую поездку в указанную местность, после чего будет подготовлен к печати ряд статей. Сверх того, занимается исследованием хозяйственной жизни северных крестьян в XVI и XVII вв., подготовляя к печати соответствующую работу. 22 сего февраля в Ленинградском О-ве исследователей культуры угро-финских племен прочел доклад „Судьбы финских племен в бассейне р. Онеги". Состоит членом сказочной комиссии Рос. Географ. о-ва.

КАПИЦА, Леонид Леонидович. *(Ленинград, ул. Красных Зорь, 73/75, кв. 45, т. 1-96-62.)*

Научный сотрудник этнографического отдела Государственного Русского музея, работает по северу Европейской России (карелы, лопари,

самоеды, коми-зыряне), в частности, занимается изучением оленеводства. Работает по кинематографии и применении ее в области изучения этнографии.

КАРИНСКИЙ, Николай Михайлович. *(Москва Госуд. Историч. Музей.)*

Проф. II МГУ, д. член О. Л. Е., А. и Э. Московская диалектологическая комиссия

КАРСКИЙ, Евфимий Федорович. *(Ленинград. В. О. Академия Наук СССР.)*

Академик, директор музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР, редактор „Известий Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук СССР". За последние годы выпустил окончание своего труда Белоруссы (III т.), посвященного фольклору и литературе белоруссов.

* КАРУНОВСКАЯ, Лидия Эдуардовна. *(Ленинград. Академия Наук СССР. Музей Антр. и Этногр.)*

Научная сотрудница музея Антроп. и Этнографии Академии Наук СССР. Печатные работы: 1) Бытовой очерк села Новосельско-Зюзино Ярославской губ. Ростовского уезда, в сборнике „Революция в деревне", под редакцией В. Г. Богораза-Тан, 1924 г. 2) Принято к напечатанию Костромским Научным О-вом „Свадьба в Кологривском уезде Костромской губернии". 3) Печатается в „Сборнике Музея Антропол. и Этнограф.", — „Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком".

Этнографич. поездки: 1923 г.—в Ярославскую губ. Ростовский уезд; 1924 г.—на Алтай, в Костромскую, Ив.-Вознесенскую и Нижегородскую губ.

КАСПЕРОВИЧ, Николай Иванович. *(Витебск, ОНО, Краеведческое бюро.)*

* КИРИЛЛОВ, Борис Григорьевич. *(Череповец Губоно.)*

Работает по фольклору, собрал, преимущественно в Устюженском уезде, несколько тысяч песен, частушек, пока еще не изданных. Работа его приготовлена к печати под названием „Быт, верования и нравы крестьян Череповецкого края на основании фольклорных материалов".

КИТАЙЦЕВ, Иван Александрович. *(Касимов Музей.)*

Завед. Касимовским музеем (Рязанской губ.), художник-этнограф.

КЛУШИН, Борис Иванович. *(Иваново-Вознесенск, Негорелая ул., д. Волкова.)*

Материальная культура.

* КОЗЬМИН, Николай Николаевич. *(Иркутск. Госуд. Университет.)*

Профессор Иркутского ун-та по кафедре краеведения. Читает курсы и руководит семинариями по истории Сибири, по бурятскому народному хозяйству, истории бурятского народа, руководитель Бурято-Монгольского Научного о-ва в Верхнеудинске и бурятской секции Вост.-Сиб. отд. Рус. Геогр. о-ва, организатор и редактор журнала „Жизнь Бурятии" (в Верхнеудинске). Напечатал: 1) Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края, изд. Иркут. сек. научн. раб., Иркутск, 1925 г. 2). Ряд статей по вопросам этнографии и хозяйства бурят в журнале „Жизнь Бурятии" и др. изд. 3) Об изучении туземных племен. (Тезисы доклада, прочитанного на I Восточно-Сибирском краевом съезде.), „Бюллетень ВСОРГО", 1925 г., № 6.

КОЛАКОВСКАЯ, Антонина Мечиславовна. *(Ленинград, 8-я Советская ул., 49, кв. 34).*

Научный сотрудник Этнографического отдела Русского музея, работает по этнографии Украины, южных, западных славян и молдаван.

Имела научную командировку в Молдаванскую АССР, где производила обследование быта молдаван.

КРАСНЯНСКИЙ, Владимир Гаврилович. *(Витебск. Местный Историч. Музей.)*

Ведет археолого-этнографическо-музейную работу.

* КРУПЯНСКАЯ, Вера Юрьевна. *(Москва, Б. Калужская, Нескучный сад, здание быв. гауптвахты.)*

Научная сотрудница Центрального музея народоведения по отделу Средней Азии. С 1920 по 1924 гг. состояла научной сотрудницей Этнографического музея Саратовского края. Участвовала в экспедиции по изучению великороссов Хвалынского у. Осенью 1925 г. участвовала в экспедиции в Узбекистан по изучению узбекской народности. Сдана в печать брошюра о киргиз-казаках.

* КРЫЖАНОВСКИЙ, Борис Георгиевич. *(Ленинград, Инженерная, 4, кв. 5.)*

Хранитель этнографического отдела Государственного Русского музея, заведующий отделением Украины, Белоруссии и зарубежных славян; председатель этнографической секции О-ва Изучения Украинской Истории, Литературы и Языка; научный сотрудник комиссии по изучению племенного состава при Академии Наук СССР.

Материальная культура украинцев (в частности одежда и искусство) и связи ее с Востоком, динамика украинской народной культуры.

КУФТИН, Борис Алексеевич. *(Москва, М. Бронная, 2.)*

Заведующий отделом Сибири Центрального музея народоведения, преподаватель по кафедре антропологии физмата I МГУ, тов. председателя этнологической комиссии Моск. Секции Акад. ист. матер. культуры, непременный член этнограф. отд. О-ва Люб. Ест., Антроп. и Этнографии.

* ЛЕБЕДЕВ, Георгий Иванович. *(П. о. Шартаново Костромск. губ. Чухломск. у., дер. Кабаново, школа.)*

Учитель, член Чухломского и Костромского Научных О-в. С 1919 г. занимается собиранием этнографических (преимущественно фольклора) материалов для этнографического отдела Чухломского краеведческого музея. Им собраны: образцы набойки и крашенины, деревянная резьба, вышивки и другие предметы. В рукописи имеются следующие работы: 1) „Свадебные обряды Чухломского уезда в 1924 г.“, 2) „Лен и его домашняя обработка“ (с рецептами народной техники крашения), 3) „Деревенская „свозка“ и вечеринка в Кабановском районе“.

ЛЕБЕДЕВА, Наталия Ивановна. *(Москва, Гранатный пер. 14, кв. 8.)*

Помощница заведующего отделом русской этнографии Центрального музея народоведения, секретарь этнографической комиссии Московской Секции Акад. ист. матер. культуры.

* ЛИПСКАЯ-ВАЛЬРОНД, Нина Александровна. *(Владивосток, Корякинская, 12.)*

Совершила ряд поездок к гольдам бассейна р. Амура, занимается преимущественно изучением гольдского языка. Напечатано: Материалы по этнографии гольдов. Беременность и роды, „Сибирская Живая Старина“, т. III—IV, 1925 г. Приготовлено к печати: „Уход за ребенком у гольдов“.

* ЛЮБИМОВ, Александр Евграфович. *(Пенза.)*

Б. приват-доцент—профессор СПБ—Ленинградского университета, 1910—1919 гг. С 1919 г. ведет научные исследования по истории и этнографии Пензенского края. В 1919 г. был приглашен в состав сотрудников состоящей при Рос. Академии Наук комиссии по изучению племенного состава населения России. По поручению названной комиссии составил, на основании переписных листов всероссийской переписи 1897 г. и материалов подворной переписи населения Пензенской губ., произведенной Пензенской Губ. Управой, в 1909—1911 гг., список населенных мест национальных меньшинств Пензенской губ., с указанием количества населения в каждом из них. По поручению Пензенского Губвыставкома по подготовке ко Всесоюзной с.-х. выставке, выполнил следующие работы: а) составил программу по этнографическому

бытовому обследованию Пензенской губ. в соответствии с задачами выставки (программа представлена в Главвыставком, „Вестник. Глав. Выст. Комитета", № 3, стр. 30); б) руководил в мае 1923 г. хозяйственно-бытовым обследованием нижне-ломовско-мокшанско-пензенского района для подготовки на выставку натурального крестьянского хозяйства; результаты обследования представлены в Главвыставком, по отделу деревня; в) на основании статистических и исторических материалов составил для выставки этнографическую карту Пензенской губернии и Объяснительную записку к ней, „Бюллетень Глав. Выст. Комитета", № 19. Подлинник карты передан, после выставки, в Пензенский областной музей, копия карты находится в Москве, в Центральном музее народоведения. По поручению Пензенского губ. статистического бюро, в сотрудничестве со статистиком К. А. Михайловским, составил поволостные и алфавитный списки населенных мест Пензенской губернии, изд. Губстатбюро, Пенза, 1925 г. В задачу Любимова, между прочим, было поставлено выявление правильной этимологии номенклатуры—Предисловие к спискам. По поручению административной комиссии губисполкома составил записку: Исторический обзор административно-территориального устройства Пензенской губернии. Первая часть записки посвящена истории образования этнических и социальных элементов современного населения Пензенской губ. Напечатана в „Материалах по районированию и организации Средне-Волжской области", Самара, 1925 г. Прочитал ряд лекций по истории и этнографии края на различных курсах—педагогических, нацменских, совслужащих и прочих. На Пенз. губ. конференции по изучению производительных сил 31 января—5 февраля 1926 г. сделал два доклада: „Местные пензенские архивы и их значение в деле изучения края" и „Племенной состав населения Пензенской губернии". Доклады предположены к напечатанию в „Трудах" конференции.

В настоящее время, между прочим, ведет работу по составлению мордовско-эрзянского словаря и историко-географического и статистического словаря мордовских поселений Пензенской губ.

МАКСИМОВ, Александр Николаевич. *(Москва, Староконюшенный пер., д. № 29.)*

Председатель этнографического отдела О-ва Люб. Естеств., Антроп. и Этнографии, д. член института истории по этнологической секции Росс. Ассоциации научно-исслед. ин-тов общественных наук, профессор по кафедре этнологии этнологического факультета I МГУ.

* МАЛАХОВСКИЙ, Всеволод Антонович. *(Иркутск. Университет.)*

Доцент Иркут. государ. ун-та, читает курсы по истории русского языка, диалектологии, а также методике русского языка и литературы. Напечатал: 1923 г. Об изучении сибирской диалектологии, „Изв. Гос. Ин-та Нар. Образ. в Чите", в. I, 1925 г. Народные говоры Сибири (тезисы доклада на I Восточно-Сиб. Краевом Съезде), „Бюллетень ВСОРГО", № 6; Советское Виноградье, „Сиб. Жив. Стар.", т. III—IV, 1925 г.; Об изучении русских говоров Сибири, серия 1. „Библиотека Собирателя", № 4, Иркутск.

МАЛИНИНА, Мария Дмитриевна. *(Рязань. Музей.)*

Зав. отделом этнографии Рязанского областного музея, зам. председателя О-ва Исследователей Рязанского края.

МАЛИНОВСКАЯ, З. П. *(Ленинград. Русский Музей, Этнографический Отдел.)*

Работает по великорусской этнографии. Приготовлено к печати: 1) „Одежда „теблешан"—великоруссы Бежецкого у. Тверской губ.", 2) „Одежда „пушкарей"—великоруссы Весьегонского у. Тверской губ."

МАЛЬСАГОВ, Заурбек Куразович. *(Владикавказ).*

Заведующий ОНО Ингушской автономной области. Преимущественно, интересуется духовной культурой.

* МАРКЕЛОВ, Михаил Тимофеевич. *(Москва, Нескучный сад, здание бывш. гауптвахты.)*

Помощник заведующего Угро-Финского отдела Центрального музея народоведения, аспирант этнологической секции Исторического научно-исследовательского института при РАНИИ. С 1919 г. занимается изучением восточно-финских народностей—мордвы, мари, вотяков и других. Специально занимается изучением финской одежды и жилищ, а также вопросами дохристианских верований и обрядов восточно-финских народностей. Готовы к печати следующие работы: 1) „Женская одежда у мордвы и мари", 2) „Жилища и постройки мари", 3) „Похоронный обряд у мордвы, мари и вотяков", 4) „Жертвоприношение у мари (чи-мари-вэра)". Напечатано: Мордва—Этнографические материалы, „Этнографический Сборник" под ред. проф. Б. М. Соколова, Саратов, 1922 г. В 1920 г. принимал участие в этнографической экспедиции в Хвалынский уезд Саратовской губ., в 1925 г.—в Восточно-Финской Экспедиции Центрального музея народоведения в Марийскую и Вотскую области и в 1926 г.—от того же музея в Ульяновскую и Нижегородскую губ. для изучения мордвы.

* МАРКОВ, Дмитрий Аркадьевич. *(Ветлуга Нижегородской губ., ул. Ленина.)*

Председатель Ветлужского Научного о-ва по изучению местного края. Собирает частушки, в частности комсомольские, часть которых будет напечатана в журнале „Молодая Гвардия". Интересуется антропологией в связи с этнографией. О Ветлужской антропологической экспедиции напечатаны статьи в „Известиях ЦБК" и в „Вятско-Ветлужском Крае". По диалектологии Ветлужского края имеется особый отдел в труде его: „К истории гор. Ветлуги"; „Частушки, слова, собранные в Ветлужском уезде"—напечаны в „Известиях Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете", т. XXIII. Этнографические сведения имеются также в его труде: „Тетрадь для самостоятельных работ по изучению местного края", Москва, 1916 г., 52 стр. В настоящее время имеются многочисленные рукописи этнографического характера, из них около 200 печатных страниц будет напечатано по постановлению Ветлужского уика, совместно с хозяйственными организациями в сборнике: „Природа, население, экономика Ветлужского края". Из ненапечатанных на руках имеются: 1) „О ветлужских банях и печах и о мытье в них", 2) „О пище, напитках и суррогатах нашего времени", 3) „Частушки", 4) „О суевериях", 5) „О технике в народном быту", 6) „Легенды Ветлужского края", 7) „Старинные песни" и мн. др.

МАРР, Николай Яковлевич. *(Ленинград. Академии Наук СССР.)*

Академик, директор Яфетического ин-та при Академии Наук СССР, заведующий Кавказским отделом КИПС, председатель Рос. Академии истории материальной культуры, заведующий разрядом археологии Кавказа и Яфетического мира и разрядом первобытной культуры, председатель к-та изучения языков и этнических культур народов Востока СССР—в Москве, член Иссследовательского ин-та сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока, директор публичной библиотеки, тов. председателя Центрального бюро краеведения, председатель секции научных работников союза работников просвещения

* МЕРВАРТ, Александр Михайлович. *(Ленинград. Музей Антропологии и Этнографии при Акад. Наук СССР.)*

Ученый хранитель отдела Индонезии музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР. С 1910—1918 гг. был в научной команди-

ровке в Индии, где собрал этнографические коллекции (около 6000 предметов), фотографии и книги по быту индийских племен, изучал театр, народную религию и тамильский язык. С 1918—1922 гг. преподавал сравнительное языковедение и индийскую литературу, язык и этнографию в Дальне-Восточном университете во Владивостоке. С 1922—1924 гг. в Харбине, на частной службе. В 1924 г. вернулся в Ленинград, где выставил и зарегистрировал привезенные коллекции. В настоящее время занят обработкой результатов командировки.

МИЛЛЕР, Александр Александрович. *(Ленинград. Русский Музей.)*

Заведующий Отделом Кавказа Русского музея, член Акад. ист. мат. культуры.

МИЛЛЕР, Борис Всеволодович. *(Москва, Остоженка, 40, кв. 2.)*

Заведующий отделом Средней Азии Центрального музея народоведения, профессор персидского языка Института востоковедения при ЦИК СССР. Этнограф. отдел О-ва люб. Е., А. и Э., этнологическая комиссия Московской секции Академии истории материальной культуры.

НАЛИМОВ, Василий Петрович. *(Москва, Резчиков пер., 8, кв. 16.)*

Проф. II МГУ, член О-ва Л. Е., А. и Э.; комитет содействия народностям Севера при ВЦИК.

НЕВЗОРОВ, Василий Федорович. *(Пенза, Троицкая ул., губернское зем. управление.)*

Имеет сборник народных песен, сказок и преданий в Пензенской губ. (рукопись).

* НЕКРАСОВ, Алексей Иванович. *(Москва. I Университет.)*

Проф. I МГУ и заведующий Этнографо-Археологическим музеем I МГУ. Специальный интерес в этнографии — народное искусство. С 1917 г. занимался изучением народного искусства в Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Тульской, Рязанской и Калужской губ. Напечатал: 1924 г.—Русское народное искусство, М., Госиздат, 1924 г., 164 с.+100 рис.; 1925 г.—О сущности русской народной архитектуры, „Строит. Промышленность", 1925 г., № 2, с. 146—147++6 рис.). Читает курс русского народного искусства в I МГУ.

* НИКИФОРОВ, Александр Исаакович. *(Ленинград, Мытнинская набережная, 3, кв. 1.)*

Член Русского Географического о-ва (сказочная комиссия). Работает, главным образом, по фольклору. Связан с Научно-Исследовательским институтом сравнительного языкознания и литературы при Ленинградском ун-те. Член О-ва истории, археологии и этнографии при Казанском ун-те. С 1917 г. в областях, относящихся к фольклору, напечатаны: 1) Русские повести, легенды, поверья о картофеле, Казань, 1922 г. 2) Несколько заговоров старообрядческих в статье Музей и Рукопись, „Казанский Музейный Вестник", 1920 г., № 3—4. 3) Две жарты, реестр народных песен, казанские списки повестей о табаке в статье Литературные материалы, „Казанский Музейный Вестник", 1922 г.

НИКИФОРОВ, Василий Васильевич. *(Москва Центральный музей народоведения.)*

Научный сотрудник Центрального музея народоведения по отделу Сибири, этнограф-якутовед. Сейчас работает в Якутской экспедиции Академии Наук СССР.

НИКОЛАЕВ, Алексей Александрович. *(Харьков. Музей Слободской Украины.)*

Художник, зам. зав. Музея Слободской Украины им. Сковороды в Харькове. С 1920 по 1926 гг. приготовил для печати „Легенды об окаменевших людях", сдал для печати статьи о деятельности Васильковского для киевского журнала „Глобус" и для харьковского „Знания".

обследовал часть окрестностей г. Харькова, Харьковского и Валковского уездов, собирал этнографические предметы; собирает материал для коллективной музейной работы „Керамика Харьковщины".

НИКОЛЬСКАЯ, Валерия Павловна. *(Москва, Центральный музей народоведения.)*

Состоит научной сотрудницей в русском отделе Центрального музея народоведения. Производила записи народных обрядов—календарных и семейных, сказок и песен в Сердобском у. Саратовской губ. (1921 г.), в Новозыбковском у. Гомельской губ. и Бежецком у. Брянской губ. (1925 г.).

ОЗАРОВСКАЯ, Ольга Эрастовна. *(Москва, Сивцев Вражек, 43, кв. 17.)*

Артистка, собирательница народных песен. Член фольклорной подсекции Академии Художественных Наук.

ОЛЬДЕНБУРГ, Сергей Федорович. *(Ленинград. Вас. Остр. Академия Наук СССР.)*

Академик, непременный секретарь Академии Наук СССР, председатель КИПС, заведующий отделом средне-азиатских древностей музея антропологии и этнографии, член Рос. Акад. ист. матер. культуры и заведующий разрядом Индии и Дальнего Востока, член Исследовательского ин-та сравнит. изучения литератур и языков Запада и Востока, председатель отд. этнографии госуд. Географического о-ва и председатель сказочной комиссии при отделении, председатель Центрального бюро краеведения, член совета Эрмитажа и Русского музея; ответственный редактор журналов: „Краеведение", „Известия ЦБК", „Этнография".

* ОНЧУКОВ, Николай Евгеньевич. *(Ленинград, б. Гребецкая, 10, кв. 12.)*

Доцент Ленинградского университета, сотрудник 1 разряда и секретарь секции „Живой Старины" Научно-Исследовательского института, член сказочной комиссии Рус. Географ. о-ва, член комиссии по изучению народной музыки при Рус. Географ. о-ве, уч. секр. Ленинградского отделения О-ва Изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока.

В 1919 г. комиссия архива Войны и Революции при Зап.-Сиб. отд. Рус. Географ. о-ва поручила съездить в Прикамский край для этнографических исследований. Заметки и записи погибли. В 1922 г. Вост.-Сиб. отдел Рус. Географ. о-ва дал открытый лист на поездку с этнографическими целями в Забайкальский край и в Белагинский у. Переехал в лодке через озеро Байкал (с рыбаками) и побывал в селениях Забайкалья (до 15 сел и деревень). Недели три провел в Белагинском у. Кроме русских селений, посетил бурятские. Предварительный отчет сдан в Вост.-Сиб. отдел РГО в Иркутске. Написана работа: „С заморянами за море" (очерки Забайкалья), 80 с. в четверку. Другая работа: „Около Билагорска", 60 с., не окончена. В 1922 г. в Перми предполагался к изданию сборник, для него окончил работу „Фольклор нашего времени"—о произведениях народного творчества последнего времени, собранных за время войны и революции в Вятской губ. и разных местах Сибири. Сборник не вышел, а статья осталась не напечатанной. В 1923 г. по поручению Губвыставкома в Перми ездил в Чердынский у., Пермской губ. для сбора предметов сбыта на Всесоюзную с.-х. выставку. Напечатан предварительный отчет о поездке в № 1 „Пермского Краеведческого Сборника", с.с. 29—32: Поездка в Чердынский уезд летом 1923 г. Этнографические и др. рода наблюдения изложил в работе полубеллетристической формы „В бывшей Биармии", более 300 с. Немного не окончена, не напечатана. По поручению ЦБ краеведения летом 1925 г. знакомился с краеведческим учреждением в Перми, Екатеринбурге и Сарапуле. Краткая заметка Краеведение на Урале напечатана в № 4 „Известий ЦБК". По поручению редакции журнала „Краеведение" напечатал инструкционную

статью — Как собирать и записывать произведения народного творчества, до 1 печ. листа. Для сборника памяти Н. А. Котляревского написал работу „О русских народных верованиях последнего времени“ (сектантство, старообрядчество, православие, обновленчество). По линии Научно-Исследовательского института работает над сборником „Исторические песни русского народа за XVIII и XIX вв.“ (продолжение труда Вс. Ф. Миллера).

ОРЛОВ, Александр Иванович. *(Иваново-Вознесенск, Рылиха, Ивановская ул., д. Птицина).*

Специальность—диалектология и фольклор.

* ОРЛОВА, Елена Николаевна. *(Новосибирск, музей, Коммунистическая, 19.)*

С 1922 г. заведует отделом этнографии, занимается туземной этнографией (бытом юраков, самоедов, остяков). С 1917 г. совершила 3 поездки: 1) В Обскую губу до Ныды в 1919 г. с целью обследования быта рабочих туземцев на рыболовных промыслах (песках). 2) В Тазовскую губу с 1920—1922 гг. Маршрут: Обская губа. Бухта Находка (месяц стоянки). Тазовская губа. Зимовка Хальмерседе (устье р. Таза)—год; зимовка Мамеева (20 в. выше по р. Тазу)—3 месяца; Сидоровская пристань (300 в. вверх по р. Тазу)—4 месяца; зимним оленным путем на Енисей, с. Монастырское—5 месяцев. Цель—сбор этнографических коллекций и изучение быта юраков. Произведена перепись юраков. Записаны юрацкие сказки. Часть собранных коллекций выставлена в этнографическом отделе Новосибирского музея. Здесь же рукописное их описание. Готовится монография „Юраки“. В № 2 „Сибирские Огни“ напечатаны отрывки из дневников поездки по Тазу под заголовком „Особенная жизнь“ в беллетристической форме. 3) Поездка по Васюгану (Нарымский край) летом 1925 г. Маршрут поездки: Новониколаевск, Томск—пристань Коргасок на р. Оби. Затем лодкой по р. Васюгану до Айпооловых юрт и по притоку Чежанке до верховьев. Цель поездки—выяснение состава современного населения Васюганья и изменения в быте туземцев от общения с русскими. Собраны коллекции по материальному быту и религиозному культу остяко-самоедов, остяков и тунгусов Васюганья, а также частушки и сказки русские. Коллекции находятся в этнографическом отделе Новосибирского музея.

Имеются две рукописи: 1) „Бытовые причины некоторых социальных болезней у туземного населения Васюганья“, 2) „Поездка в Васюганье летом 1925 г.“. Передана в Пермкнигу для напечатания статья „Туземное население на границе Сибирского края и Уральской области“.

Готовится: „Выделка кож, изготовление и окраска замши и изготовление мехового орнамента у юраков“.

* ОСТРОВСКИХ, Петр Евгеньевич. *(Москва, Плющиха, 38, кв. 17.)*

Научный сотрудник Центрального музея народоведения, член Русского Географического о-ва, О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, О-ва Изучения Урала, Сибири и Д. Востока и член-сотрудник Лейпцигского музея народоведения. Родился в Минусинском уезде, Енисейской губ. в 1870 г. Сотрудничать начал в области археологии в Минусинском музее с 1883 г.

Работы, пригот. к печати: „Дневник путешествия в Урянхайскую землю“, „Шаманство в Туруханском крае“. За годы революции напечатаны: несколько статей в ж. „Жизнь Национальностей“, рецензии в ж. „Северная Азия“. В 1925 г. принято в издательство „Новая Москва“ 2 брошюры: „Народы Туруханского края“ и „Народы Камчатки“. 1926 г.—принято ж. „Северная Азия“ статья „Оленные урянхи“ и принята Наркомпросом „Программа для школ северной зоны“, где дан обширный краеведческий материал (одобрено в заседании 12 февраля

1926 г. под председ. наркома А. В. Луначарского). В настоящее время сданы в печать, по договору с Госиздатом, 4 картины—школьных стенных таблицы из серии „Народы СССР“ и подготовляются еще 6 картин; подготовляются к печати 10 очерков по народностям Сибири и Туркестана как объяснительные тексты к картинам. С конца 1925 г. сотрудничает в издательстве „Большая Советская Энциклопедия“, где, между прочим, написаны статьи: „Вотяки“, „Вогулы“ и „Буряты“.

Занимается этнографией сибирских туземцев (минусинские тюрки, урянхайцы - танну — тувинцы, енисейцы - кето, остяко - самоеды, тунгусы). Имеет несколько печатных работ. В 1923 г. состоял научным консультантом в отделе народного быта на Всесоюзной с.-х. выставке. С 1924 г., при возникновении Центрального музея народоведения, начал работать в качестве научного сотрудника.

ПАСХАЛОВ, Вячеслав Викторович. *(Москва.)*

Председатель этнографической секции госуд. института музыкальной науки (ГИМН); секретарь музыкально-этнографической комиссии О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии.

* ПЕКАРСКИЙ, Эдуард Карлович. *(Ленинград. Музей Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР.*

Д. член Русского Географического о-ва, О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, почетный член Якутского исследовательского общества „Саха кескипле“, член исследовательского кружка при Ленинградском университете „Живая Старина“, член коллегии востоковедов при Азиатском музее, член комиссии по изучению Якутской АССР, член Радловского кружка при музее Антропологии и Этнографии, заведующий галлереей Петра I.

Труды его (печатные) за последние (1917—1925) годы:

1) Словарь якутского языка, вып. 5-й, 6-й и 7-й, издание Академии Наук, Ленинград, 1917—1925 гг. 2) Образцы народной литературы якутов, издаваемые Академией Наук, т. II, ч. I (тексты, записанные И. А. Худяковым в Верхоянске), Ленинград, 1918 г. 3) Якутские песни в переводе Е. Д. Николаева, с примечаниями, „Вольная Сибирь“, 1918 г., №№ 12 и 14. 4) Якутские тексты, собранные Николаем Припузовым, с переводом на польский язык, „Востоковедный Ежегодник“, т. I, Краков, 1916—1918 гг. 5) Якутские пословицы и поговорки, с переводом на польский язык, „Востоковедный Ежегодник“, т. II, Львов. 6) Материалы по обычному праву якутов (три документа), „Сборник музея Антропологии и Этнографии“, т. V, вып. 2, Ленинград, 1925 г. (и отдельно). 7) Предание о том, откуда произошли якуты, „Сибирская Живая Старина“, вып. III—IV, Иркутск, 1925 г. (и отдельно). Редактировал и снабдил предисловием труд П. П. Хороших: Якуты. Опыт указателя историко-этнологической литературы о якутах, Иркутск, 1924 г. Написал статью: „Средняя якутская свадьба“, имеющую появиться в „Сборнике ленинградских ориенталистов“. В настоящее время занят редактированием трудов Гориновича В. Е. („Народная медицина у якутов“) и Ястремского С. В. („Образцы народной литературы якутов, в переводе на русский язык“). Печатает вып. 8-й Словаря якутского языка.

* ПИОТРОВСКИЙ, Александр Брониславович. *(Ленинград, Музей Антропологии и Этнографии при Академии Наук СССР.)*

Научный сотрудник I разряда музея Антропологии и Этнографии при Академии Наук СССР, заведующий отделом Австралии и Океании.

Подготовил к печати: 1) „Описание путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая“ (принято издательством Гржебина), 2) статью „Deux tablettes gravées de l'île de Pâques“. Работал в комиссии по изучению естественных

производительных сил России по составлению „Указателя литературы по Туркестану и сопредельным странам“ (под редакцией Л. С. Берга).

* ПОГОДИН, Михаил Иванович. *(Дорогобуж, Госмузей.)*

Заведует Алексинским Государственным музеем усадебного быта близ г. Дорогобужа Смоленской губ., участвовал в работах губернского комитета по сбору предметов быта для всесоюзной выставки в Москве. Работал по обследованию Ельнинского и прилегающих уездов в отношении крестьянской одежды. Организовал с Н. И. Савиным этнографические экспедиции по берегам р. Угры от ее истоков и до границ Смоленской губ. Весной 1925 г. организовал выставку предметов быта крестьян Ельнинскаго уезда при Ельнинском музее. Член краеведческих организаций г. Дорогобуже и Ельни, руководил кружком по изучению быта крестьян Смоленской губернии.

ПОЖИДАЕВ, Василий Павлович. *(Владикавказ, Горский педагогический институт.)*

Интересуется вопросами общей этнографии.

* ПОЛИКАРПОВ, Федор Иванович. *(Воронеж. губ., Ильинская, 8.)*

Старший хранитель по отделу этнографии Воронежского госмузея, член этнографической комиссии. Специальность—материальная культура, постройки, одежда, старый быт.

* ПОПОВА, Анна Михайловна. *(Иркутск, ул. К. Маркса, 2.)*

Хранитель отделов: японо-китайского и туземцев Сибири Иркутского научного музея; член Восточно-Сибирск. отд. РГО. В 1921—1922 гг. по заданию ВСОРГО и Иркутского научного музея совершила поездки в с. Распутино Яндинской волости Балаганского у. Иркутской губернии для изучения жизни русского старожилого населения с. Распутина и его окрестностей. Результатом поездок явилась работа (в рукописи) „Русское население Ангарского края, его быт и нравы“.

В 1924 г. по поручению вышеназванных же учреждений работала в Забайкалье, в районе г. Верхнеудинска. Целью этой поездки было исследование жизни Семейских, почти не изученных в этнографическом отношении.

В 1925 г. по поручению Иркутского музея и Бурято-Монгольского научного о-ва имени Дорджи Банзарова продолжала начатую работу в 1924 г. в Забайкалье.

За две поездки 1924 и 1925 гг. собраны материалы: 1) по устному народному творчеству (сказки, песни, былины, духовные стихи, пословицы, поговорки и т. д.); 2) по народной медицине; 3) по народному календарю; 4) по истории заселения Забайкалья (со слов старожилов); 5) свадебные обряды и обычаи; 6) детский фольклор.

Материал, собранный за время поездок, частично приготовлен к печати: 1) „Русское население Ангарского края, его быт и нравы“ (сюда входит и устное творчество, народная медицина, календарь и т. д.), 2) „Детский фольклор у Семейских“, 3) „Устное народное творчество у Семейских“, 4) отдельной главой из первой работы приготовлена „Народная медицина“.

Кроме перечисленного рукописного материала, имеются опубликованные результаты изысканий: 1) Детские игры и забавы в сибирской деревне, „Сибирская Живая Старина“, вып. I, 1923 г. — одна глава работы „Русское население Ангарского края“. 2) Небольшая заметка о крашении у русского населения с. Распутина, Из области народной технологии, „Сибирская Живая Старина“, вып. III—IV, 1925 г. 3) Предание о первой встрече бурят с Семейскими, „Записки бурято-монгольской секции ВСОРГО“, вып. I, 1925 г.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Петр Федорович. *(Москва).*

Проф. I МГУ, председатель этнологической секции Научно-Исследовательского Ин-та Истории РАНИОН.

*ПРОКОПЬЕВ, Андрей Прокопьевич. *(Москва, Скатертный пер., 11, кв. 3.)*

Литературный псевдоним, он же национально-родовой, Милли.

Активно по чувашской этнографии начал работать с 1919 г. С 1919 по 1921 гг. занимался по чувашской этнографии в Симбирском Чувашском педагогическом техникуме с учениками-чувашами. Через учеников, а также лично собирал материалы по чувашскому фольклору и материальной культуре, принимая активное участие в организации Чувашского музея при означенном техникуме. С 1922 г. начинается исследовательски-собирательная работа по чувашской этнографии в форме организованных научных командировок среди чуваш, населяющих АЧССР. В 1922—23 гг. в продолжение восьми месяцев вел исследовательски-собирательную работу среди чуваш Цивильского и Чебоксарского уу. АЧССР. Им собрано около 400 номеров экспонатов для Чебоксарского музея, преимущественно по чувашскому костюму, а также более 3000 чувашских куплетов и много материала по быту чуваш (по семейному, общественному и религиозному). В 1923 г. организовал этнографическую выставку на Всесоюзной с.-х. выставке, за что комитетом выставки был удостоен почетным дипломом первой степени. Осенью 1924 г. поступил на службу в Центральный музей народоведения в качестве научного сотрудника, в котором работает и в настоящее время. Летом 1925 г. по поручению музея совершил командировку в Чувашскую АССР, результатами этой командировки являются: описание чувашского жилища, а также описание и фотографическая съемка 15 древних чувашских надгробных памятников. Из литературных трудов имеются: 1) рукопись, приготовленная к печати, по истории и культуре чуваш (доведена до XIII в.); 2) отчет о поездке по описанию древнечувашских памятников, в 2 печ. листа; 3) сборник чувашских песен и преданий, в 5 печ. листов (на чувашском языке). Намечен и подобран материал по истории чувашской литературы. Состоит с января 1926 г. аспирантом комитета по изучению языков и этнических культур восточных народов СССР.

Кроме указанных научных сочинений, имеется некоторое количество образцов переводной чувашской литературы (печатные и приготовленные к печати).

ПРОХОРОВ, Лев Васильевич. *(Минск, Музыкальный Техникум.)*

Музыкально-этнографическая работа.

* ПУТИНЦЕВ, Алексей Михайлович. *(Воронеж. губ., Никитинская, 15.)*

Специальность—язык, поэзия, верования, обряды, театр. Работа протекает в связи со службой в Воронежском государственном университете (чтение курсов и ведение семинариев по народной поэзии и краеведению лингвистико-этнографического характера) и работой в этнографической комиссии Воронежского гос. музея.

* РАВДОНИКАС, Владислав Иосифович. *(Череповец, Губоно.)*

Член Череповецкого бюро краеведения, член-корреспондент нескольких научных учреждений Ленинграда. Археолог по преимуществу, но работал и по этнографии. Кроме ряда заметок и статей в общей специальной периодической литературе, им написана и издана брошюра под названием Чухари, в 1925 г.

РЕДИН Н. Е. *(Харьков.)*

Бывш. хранитель исторического отдела музея Слободской Украины им. Сковороды в Харькове, (с 1920 по 1922 гг. до оставления им службы). Напечатал: 1) Вопрос об изучении детских народных игрушек, „Воронежский Историко-Археологический Вестник", 1921 г. (совместная работа с Р. С. Данковской), 2) План обследования базаров, „Бюллетень Музея Слободской Украины", № 1, 1925 г. Приготовил для печати: „Мелодии песен Харьковского кобзаря Павла Ли-

берды" и программу проведения этнографических экскурсий на опредеделенную тему (работа, совместная с Р. С. Данковской), которая была сдана в Харьков, Главполитпросвету, по просьбе последнего.

* РЕЗАНОВА, Екатерина Ивановна. *(П. о. Косторное-Суджанское, Курской губ., дер. Масловка.)*

Учительница. Член Курского О-ва Краеведения. Занимается этнографией. Работая в течение 32 лет народной учительницей в шести различных селениях и в других местах, где приходилось жить, занималась собиранием этнографических материалов: результаты работ частью напечатаны Академией Наук и периодическими изданиями („Курский Сборник", „Труды Курской Ученой Архивной Комиссии"). С 1917 г. до 1924 г. был перерыв в этнографической работе, к которой вернулась лишь в конце 1924 г. В течение 1925 г. написаны две статьи: „Меню граждан деревень Богдановки и Владимировки бывшего Обоянского, ныне Белгородского уезда" и „Наблюдения над говором крестьян деревень Богдановки и Владимировки бывш. Обоянского, ныне Белгородского уезда". Обе статьи переданы для напечатания Курскому О-ву Краеведения. В данное время готовит к печати статью „Трудовой день крестьянской семьи" (зимой, весной, летом и осенью), собирает материалы для словаря Ленинградского Географического музея и составляет коллекцию причитаний (похоронных, прощальных и пр.).

* РЖИГА, Вячеслав Федорович. *(Москва, Б. Якиманка, Бабьегородский пер., 13.)*

За последние три года напечатал статью О Чуриле Пленковиче, „Известия Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук", 1923 г., т. XXVIII, Ленинград, 1924 г., и прочел ряд докладов в Московском Научно-Исследовательском Институте Языка и Литературы, в О-ве Истории Литературы и в Академии Художественных Наук на следующие темы: а) Микула Селянинович, б) стих о нищей братии, в) песни о Михаиле Скопине-Шуйском, г) проблема изучения устной эпической поэзии. Кроме того, работал по вопросу об отношении эпитетов „Слова о полку Игореве" к устно-поэтическим, а также по истории легенды (о Петре и Февронии, о Лоте). Краткое изложение выводов его большой работы, посвященной „Повести о Петре и Февронии", вошло в состав резюме, напечатанного в „Докладах Академии Наук" за 1925 г., январь—март (В. Ф. Ржига, Литературная деятельность Ермолая—Еразма).

* РОДИН, Федор Николаевич. *(Саратов, Армянская, угол Коммунарной, 21.)*

Заведует историко-этнографическим „Музеем Волгаря". С 1920 по 1925 гг. провел в разных районах Волги три научных экспедиции и сделал несколько поездок в затоны и отдельные населенные волгарями местности Саратовской губ. Составлена в 1924 г. программа по изучению и собиранию сведений о волжском бурлачестве. (Программа издана в 1925 г. в Саратове). Сдана в печать статья „К истории волжского бурлачества". (Обычное право волжского бурлачества и история кабального договорного найма). В настоящее время работает над бурлацкой песней и историей труда и быта волжских рабочих.

РУДЕНКО, Сергей Иванович. *(Ленинград Русский Музей.)*

Завед. отделом этнографии Госуд. Русского музея. Проф. Ленинградского университета, ученый секретарь комиссии по изучению племенного состава населения СССР, член Академии истории материальной культуры.

САВИН, Николай Иванович. *(Дорогобуж Смоленской губ., Госуд. Музей.)*

Заведует Дорогобужским государственым музеем. В области этнографии занимается изучением фольклора (в частности культом мертвых) и материальной культуры.

* САМАРИН, Юрий Александрович. *(Москва. Центр. Музей Народоведения.)*

Научный сотрудник славяно-литовского отдела Центрального музея народоведения. Работал по изучению и обследованию резьбы по дереву в Дмитровском, Сергиевском уездах Московской губ. в 1922—23 г. г. С 1924 г. работает по изучению коллекций южных и западных славян. В 1926 г. занимается изучением украинского костюма в связи с костюмом южных и западных славян.

* САМОЙЛОВИЧ, Александр Николаевич. *(Ленинград, Ропшинская, 23, кв. 17.)*

Специальность—этнография турецких народов. Этнографический отдел Государственного Русского музея. Этнографическая работа с 1917 г. 1917 г.—Поездка летом в Евпаторию (Крым), где собирал на старых кладбищах тамги, вырезанные степными татарами на могильных камнях. 1921 г.—Поездка в Узбекскую, Хорезмскую и Бухарскую республики для ознакомления с изменением быта в связи с революцией. 1923 г.—Поездка в столицу Азербайджанской республики (Баку) для участия в организации краеведческой работы и для собирания материалов по этнографии азербайджанских турков. 1924 г.—Поездка в Баку для участия в Первом Всеазербайджанском краеведческом съезде. 1925 г.—В апреле читал лекции в Казани о современном состоянии изучения турецких народов и принимал участие в обсуждении вопросов краеведения в Татарской Республике. В августе—октябре знакомился в Константинополе и Ангоре с положением дела этнографического изучения Турции. 1926 г.—В январе принимал участие в пленарных заседаниях организационной комиссии Туркологического съезда в Баку, а в марте—участвовал на самом съезде. 1918—20 гг. Не имел возможности в эти годы предпринимать далеких поездок, пользовался своими наездами в Москву для собирания языкового и фольклорного материала среди многочисленных представителей различных турецких народов в общесоветской столице.

Напечатал: 1) Среди крымских татар летом 1916 г., „Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии", 1917 г., № 4; 2) Крымско-татарские скороговорки, „Сборник Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук", т. V, 1917 г.; 3) Сказка о хитрости Дидоны и Константинополь, „Известия Академии Наук", 1918 г.; 4) Фер-набире (к вопросу о терминах родства, „Наука и Просвещение", Ташкент, 1922 г., № 2; 5) Хивинский народный календарь, „Наука и Просвещение", № 2; 6) Приложение к списку сибирских турок, „Труды Комиссии по изучению племенного состава СССР", № 7, 1923 г.; 7) Турецкие и монгольские элементы в населении Афганистана, „Афганский Сборник", Москва, 1923 г.; 8) Кукольный театр в Туркестане (листовка Государственного Русского музея, № 1); 9) Одежда ставропольских туркменок (листовка Государственного Русского музея, № 6); 10) Названия дней недели у турецких народов, „Яфетический сборник", № 2; 11) К вопросу о наследниках хазар и их культуры, „Еврейская Старина", т. XI, 1924 г.; 12) К истории и критике Codex Cumanicus (об одной половецкой загадке), „Доклады Академии Наук", 1924 г.; 13) Проф. Н. Ф. Катанов, первый ученый из абаканских турков, „Жизнь Бурятии", 1925 г.; 14) Двадцать дней в Казани, „Вестник Научного Общества Татароведения", 1925 г., № 1—2; 15) Названия дней недели у азербайджанских турков, „Яфетический Сборник", № 3, 1925 г.; 16) Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Ленинград, 1922 г.

* САМОЙЛОВИЧ, Евгения Яковлевна. *(Иркутск, ул. Троцкого 69/56.)*

Член Этнологической секции Восточно-Сибирского отдела Русского Географического о-ва. Работала в семинарии проф. Г. С. Виноградова по этнографии и народной словесности в Иркутском гос. университете в 1922—1924 гг. По окончании университета продолжала заниматься сборами по этнографии в Иркутской губ., главным образом, фольклором, написала кандидатскую работу на тему: „Русско-сибирская свадьба"— часть ее напечатана в т. III—IV „Сибирской Живой Старины" (глава Библиографические материалы для изучения русских свадебных обычаев в Сибири). Имела две командировки от ВСОРГО для сбора материалов по фольклору в Иркутской губ. Отчет о первой поездке помещен в названном выше томе „Сибирской Живой Старины". Следующим летом материалы пополнены новыми записями. В итоге получилось большое количество песен разных циклов (частушек из разных деревень Сибири записано более 1000). Во многих из них отражение современности. Записан свадебный обряд 1925 г. В связи с обрядом записала много старинных свадебных песен, с довольно хорошо сохранившимися текстами. Мотивы не удалось записать. Записаны игры молодежи тоже с песнями. Кроме песен, записаны обычаи при родах, разные приметы, некоторые наговоры; рассказы о нечистой силе. Подробно записана посадка и уборка конопли и целый ряд других наблюдений. Особенно много записей сделано из одной деревни. Все эти материалы пока не напечатаны.

СВЕШНИКОВ, Петр Петрович. *(Москва, Бронная, 21, кв. 10.)*

Заведующий славяно-литовским отделом Центрального музея народоведения; этнография, язык славянских народов. Этнологическая комиссия Московской секции Академии истории материальной культуры, этнографический отдел О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии.

СЕМЕНОВ, Александр Александрович. *(Ташкент.)*

Проф. Средне-Азиатского университета.

*СЕМЕНОВ, Леонид Петрович. *(Владикавказ.)*

Научный сотрудник Северо-Кавказского института краеведения. Архаичные черты быта; легенды, связанные с местными памятниками древности.

СЕРБОВ, Исаак Абрамович. *(Минск, Институт Белорусской Культуры.)*

Секретарь этнографической секции ин-та.; преподаватель у-та по кафедре этнографии.

СЕРГИЕВСКИЙ, Максим Владимирович. *(Москва, Зубовский бульвар, 15, кв. 17).*

Секретарь этнографического отдела О-ва Любителей Естествознания, Атропологии и Этнографии. Профессор романской филологии I МГУ.

* СЕРЖПУТОВСКИЙ, Александр Казимирович. *(Ленинград, Инженерная, 4, Русский музей.)*

Помощник хранителя этнографического отдела Государственного Русского музея, начал служить с 1906 г. и продолжает до настоящего времени. За период 1917 г., кроме обычных музейных работ, совершал экспедиции и командировки в разные части России для собирания коллекций и исследования быта той или иной народности. Так, в 1917 г. по поручению Русского музея была совершена поездка в Пермскую, Вятскую и Уфимскую губ. к великороссам и татарам. В 1918 г.—от II отделения Российской Академии Наук в Пермский край, в 1920 г., по поручению Российской Академии истории материальной культуры,—в Пермскую губ., в 1923 г., по поручению Русского музея,—в Минскую губ., в 1924 г.—в Белоруссию и в том же году по поручению Института Белорусской Культуры руководил экспедицией по обследованию Могилевской и Витебской губ. и в 1925 г. от Русского музея исполнил командировку в Бело-

руссию. В результате указанных поездок им было собрано более 750 этнографических предметов, исполнено около 150 фотографических снимков, сделано множество чертежей, рисунков и планов усадеб и построек, собран богатый материал об изменениях, происшедших в деревнях под влиянием войны и революции. Кроме того, произведены записи по фольклору, при чем собрано около 230 сказок и рассказов, преимущественно белоруссов, до 250 песен, множество поверий и предрассудков, заговоров, причитаний, сновидений и т. п. Совместно с композитором Я. В. Прохоровым записано посредством фонографа около 75 напевов белорусских песен Могилевщины. При исследовании материальной культуры сельского населения преимущественное внимание было обращено на разные домашние производства и ремесла, на технику и терминологию этих производств. За указанный период напечатаны в журнале „Чырвоны Шлях" небольшие вещи, как-то: Картинки Белоруссии: Панская литасьц, Депутат, Антон, Тэе, да не тэе; На радзины, Цікавы, Які там, такі тут, а также статьи: 1) Белорусская Народность и религия, 2) К вопросу о белорусской орфографии и 3) Новый Этнографический Музей. Приготовлены к печати труды: 1) „Жизнь украинской молодежи", 2) „О великорусском говоре Оханского у. Пермск. губ.", 3)„Каранчинцы", 4) „Постель белоруссов", 5) „Меры и вес в Белоруссии", 6) „Лесные промыслы Полесья", 7) „Поселения мингрельцев в Сухумском округе", 8) „Заметки неграмотных белоруссов", 9) „Прыкметы, прымхі и забабоны", 10) „Песьні Магі—леўтчыны", 11) „Белрускія казкі і апаведаньня". Подготовляется к печати труд: „Беларусы (полное описание домашнего и хозяйственного быта белоруссов)".

* СИДОРОВ, Алексей Семенович. *(Усть-Сысольск, область Коми.)*

Преподаватель института народного образования; секретарь О-ва Изучения Коми края. Специальность—история культуры Коми. Совершил ряд поездок по краю преимущественно с археологическими целями. Материал частью напечатан в журнале „Коми Му". Составил программу по историко-этнографическому изучению Коми края.

* СЛАВНИН, Порфирий Порфирьевич. *(Томск. Гос. университет.)*

Начал работать по этнографии в 1902 г. в этнографическом отделе Русского музея в Ленинграде, по регистрации этнографических коллекций, преимущественно сибирских туземцев, под руководством Д. А. Клеменц. Периодически в течение нескольких лет работал в Тобольском губ. музее, с 1 августа 1923 г. состоит в должности заведующего этнологическим отделом Томского этнолого-археологического музея. Интересуется бытом туземцев Сибири. Специально этнографических трудов нет, но заметки этнографического характера помещались в сибирской периодической прессе („Сибирский Листок"—в Тобольске, „Советская Сибирь"—в Новосибирске, „Ойратский Край"—в Улале, „Красное Знамя"—в Томске, где помещались также статьи и чисто музейного характера). Летом 1925 г. во время поездки удалось обозреть ближайшие сибирские музеи в гг. Бийске, Барнауле, Камне и Новосибирске. О собраниях и работах первых 3-х музеев его корреспонденции напечатаны в „Известиях Центрального Бюро Краеведения" №№ 4, 5 и 6). С 1923 г. работа в Томском этнолого-археологическом музее чисто музейного характера (приведение в порядок музея, находившегося в свернутом виде и недоступного ранее до 1923 г.—для обозрения широким массам), систематизация коллекций, описание этнографических предметов, ранее не описанных, и т. д.

СЛОБОДСКИЙ, Михаил Александрович. *(Томск, Черепичная, 10.)*

Библиотекарь Томского технологического института, библиограф. Напечатал в 1925 г.: Литература по этнографии Сибири

в этнолого-географических изданиях, 1901—1917, „Сибирская Живая Старина“, т. III—IV.

* СМИРНОВ, Алексей Матвеевич. *(Москва, М. Кисельный пер., 5, кв. 15.)*

С 1923 г. работает в Ярославском педагогическом институте по кафедре „народная словесность“; организовал при институте кабинет фольклора, ведущий, кроме собирания, работу по систематизации фольклорного материала. В 1923—24 гг. Смирновым организованы студенческие экскурсии для собирания материалов по Ярославской губ.; сообщения участников экскурсии сделаны в секции краеведения Ярославского Е.-И. О-ва, при чем доклад А. М. Смирнова—Мотивы современной народной поэзии—напечатан в ж. „Печать и Революция“ 1925 г., кн. 5—6. Кроме упомянутой работы, приготовлены и напечатаны следующие работы:

1) „Русские народные сказки о мачехе и падчерице“, заслушано в заседаниях О-ва Истории Литературы и комиссии народной словесности О-ва Любителей Е., А. и Э. 2) „Творчество слова в народной сказке“, заслушано в комиссии народной словесн. О-ва Любителей Е., А. и Э. 3) Происхождение частушки, „Печать и Революции“, 1925 г., кн. 2. 4) Хулиганская частушка современной деревни, там же, кн. 7. 5) Этнографические вопросы краеведения, „Наш Труд“, журнал Яросл. Губоно, 1925 г., кн. 2. 6) „Про Ярославль-город“ (печатается), „Труды Ярославского пединститута“. 7) „Кадрильные песни“.

* СМИРНОВ, Василий Иванович. *(Кострома, ул. Луначарского, 5, музей Местного края.)*

Председатель Костромского Научного о-ва и директор Костромского музея. Заведуя Этнологической станцией, В. И. Смирнов организовал ряд этнологических исследований губернии. Часть собранного материала опубликована, огромное количество записей ждет своей очереди. Перу В. И., в частности, принадлежат из статей, напечатанных в „Трудах“ О-ва: 1) Крестьянская изба Макарьевского у. 2) Отношение крестьян к войне (по данным анкеты). 3) Народные похороны и причитаня. 4) Потонувшие колокола. 5) Клады, паны и разбойники. 6) Чорт родился (творимая легенда). 7) Из вопросов и фактов этнологии Костромского края и, наконец (вместе с Н. Умновым)—Материалы по библиографии Костромского края, вып. II. Антропология и этнография.

* СМИРНОВ, Михаил Иванович. *(Переславль-Залесский, Музей.)*

Председатель Переславль-Залесского Научно-Просветительного о-ва. Историк по образованию и по основным интересам, М. И. уделял также внимание этнографии. Так, им собирались во время революции этнографические материалы разного характера: сказки, легенды, песни, обряды; из них напечатаны: в Отчетах по обследованию придорожных районов Северных ж. д. в вып. 13—14 (частушки, песни, сказки), в вып. 11 „Докладов“ Переславль-Залесского о-ва также помещен ряд статей этнографического характера. В 1925 г. организовал экскурсии по рекам Нерль и Кубря с юными краеведами. Изучен был обряд „крапивного заговенья“ в д. Лихареве, а также постройки, кустарные промыслы и пр. Результаты этой экскурсии разработаны в особый сборник „Забытые пути“, сданный для печати в издательство „Работник Просвещения“. Большое количество этнографических материалов до сих пор ждет своей обработки.

* СОКОЛОВ, Борис Матвеевич. *(Москва. Воробьевское шоссе, д. 2. Центральный Музей Народоведения).*

Директор Центрального музея народоведения и заведующий отделом угро-финнов и тюрко-татар Восточной Европы, профессор II МГУ (по русскому фольклору и краеведению), д. член Госуд. Академии художественных

наук (литературная секция, фольклорная п/секция, отдел изучения искусств народов СССР), непременный член О-ва Любителей Е., А. и Э., д. член Русского Географического о-ва (этнографическое отделение и сказочная комиссия), О-ва Любителей Российской Словесности, РАИМК (этнологическая и музейная комиссии Московской секции), член ЦБК, Научно-исслед. Институт языка и литературы РАНИОН, почетный член Нижне-Волжского о-ва краеведения в Саратове. За период с 1917 по 1926 гг. главные научные работы и интересы заключались в собирании и изучении русского фольклора и русской литературы и в музейно-этнографическом строительстве. В 1918—19 гг. заведывал русским отделением этнографического отдела бывш. Румянцевского музея. В 1919—23 гг. состоял профессором (русской литературы, фольклора, местной этнографии) Саратовского университета. С 1920 г. организовал и состоял заведующим Этнографического музея Саратовского края и председателем этнографического отдела Саратовского О-ва Истории, Археологии и Этнографии (теперь Нижне-Волжского о-ва краеведения). В 1920 г. руководил этнографической экспедицией в Хвалынский у. Саратовской губ. (русские, мордва, чуваши и татары). В 1923 г.— такой же экспедицией в Петровский у. (те же народности). В 1921—22 гг. организовал „Музей голода" Саратовского края. С конца 1923 г. возвратился в Москву и принял участие в организации Центрального музея народоведения, директором которого был назначен. В 1925 г. руководил этнографической экспедицией музея в Марийскую и Вотскую автономные области. За указанный период по вопросам фольклора и этнографии напечатал: 1) Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии, М. 1918 г. 2) О былинах, записанных в Саратовской губ., научное приложение к журналу „Культура", Саратов, 1922 г. 3) Уголок русского сказочного мира, „Научные Известия", в. II, М. 1920 г. 4) Мужики в изображении Тургенева. Сборник „Творчество Тургенева", М. 1920 г. 5) „Саратовский Этнографический сборник" вып. I, под ред. Б. М. Соколова, Саратов. изд. Мордовского п/отдела Губотнаца, 1922 г. 6) Этнографическое изучение Саратовского края, там же. 7) Эпические сказания о женитьбе князя Владимира. Германо-русские отношения в области эпоса. „Саратовские Университетские Известия", т. I, вып. 3, 1923 г. 8) Организация этнографического изучения на местах, „Жизнь национальностей", М. 1923 г. 9) Собиратели русской народной песни, М. 1924 г. 10) Сказители, М. 1925 г., Гиз. 11) Краевед за работой по изучению быта сборник „Первые шаги краеведа", Иваново-Вознесенск. 1925 г. 12) Борис и Юрий Соколовы, Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности, М. 1926 г., изд. „Новая Москва". 13) Искусство народов СССР, „Советское Искусство", 1925 г., № 2, М. 14) Художественная культура в Маробласти, там же, 1925 г., № 6. 15) Первые шаги мордовской литературы, там же, 1926 г., № 12. 16) Экскурсы в область поэтики русского фольклора, ж. „Художественный Фольклор", 1926, № 1. 17) Результаты этнографической экспедиции в Петровский уезд Саратовской губ., „Труды Нижне-Волжского О-ва Краеведения", в. 34. 1926 г. 18) Несколько очередных вопросов современного краеведения, „Наука и Искусство", 1926 г., № 1, М. и др. 19) Былины старинной записи. Ж. „Этнография", 1926 г. № 1—2. Приготовлены и подготовляются к печати: 1) „Русская эпическая поэзия (разыскания), 2) „Песнь об Ярославе,—Стих „Егорий на Руси", 3) „Курс русской народной словесности", 4) „Крестьянское революционное движение среди мари", 5) „Результаты этнографической экспедиции в Маробласть", 6) „Фольк-

лорные и этнографические записи Саратовской, Ярославской и других губ.".

*СОКОЛОВ, Юрий Матвеевич. *(Москва, Красная площадь, Госуд. Российский Исторический Музей.)* За годы с 1917 по 1926 вел научную и научно-педагогическую работу, главным образом, в области русского фольклора. Так, он читал лекции по народной словесности, истории русской литературы, краеведению в I Московском Государственном университете, в б. университете имени Шанявского, в Нижегородском Народном университете, в Тверском Педагогическом Институте, в Высшем Литературно-Художественном Институте имени В. Я. Брюсова, в Московской Государственной Консерватории, в Государственном Институте Слова, на Курсах Живого Слова, на многочисленных педагогических, внешкольных и иных курсах в Москве и в провинции. Придавая особо большое значение вовлечению в собирательскую и исследовательскую работу по фольклору студентов вузов, организовал ряд студенческих фольклорных экспедиций: в 1920 г. вместе со студентами Тверского Педаг. Института в Старицкий у. Тверской губ., в 1923 г. с ними же повторную экспедицию туда же, в том же году со студентами I МГУ, Высш. Лит.-Худ. Института и Института Слова в Бронницкий у. Московской губ., в 1924 г. с московскими студентами в Переславльский у. Владимирской губ., в 1925 г. с тверскими студентами в Верхне-Мологский край Тверской губ., в 1926 г. с московскими студентами в Дмитровский у. Московской губ. Наконец, в течение последнего (1926 г.) лета провел большую экспедицию за былинами в Карельскую Автономную ССР, на берега Онежского озера, в те местности, где в 60-х гг. П. Н. Рыбников, в 70-х гг. А. Ф. Гильфердинг составили свои знаменитые сборники. В последнюю экспедицию было собрано 111 былин, 34 дух. стиха, 5 длинных присказней свадебного дружки, 2 народные драмы. Собранный материал ложится в основу большого задуманного Ю. М. Соколовым труда по вопросу об эволюции русского былевого эпоса. Во все предыдущие экспедиции собрано много тысяч №№ фольклорного материала: песен, частушек, сказок, легенд и т. д. В Государственной Академии Художественных Наук, по инициативе Ю. М. Соколова, была организована Фольклорная п/секция Литературной Секции,—председателем Фольклорной п/секции Ю. М. Соколов и состоит. В 1925 г. была организована при участии Ю. М. Соколова фольклорная п/секция Лит. секции при Научно-Исследовательском Институте РАНИОН. В текущем году под его редакцией Фольклорная п/секция ГАХН выпустила № 1 журнала „Художественный Фольклор". Печатные работы Ю. М. Соколова за отчетное время посвящены им популяризации фольклора, вопросам его преподавания и освещению современного его состояния. Таковы статьи:

1. О преподавании народной словесности в школе. Доклад, прочитанный на Всероссийском съезде преподавателей русского языка в 1917 г. Напеч. в ж. „Родной язык в школе", 1917 г., № 7 (2). Перепечатан в сборнике „Изучение литературы в школе" под редакцией А. М. Лебедева. Гиз. М. 1923 г. 2. Приемы изучения народной словесности в школе II ступени. Доклад, прочит. на конференции московских преподователей-словесников в 1920 г. (Напечатан в педаг. сборнике под ред. А. М. Лебедева „Родной язык в школе". Кн. 1-я. 1919—1922 г., стр. 81—87.) 3. Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ. Доклад, прочитанный на I Всероссийской Конференции Научных Обществ по изучению местного края в 1921 г. Напеч. в сб. „Вопросы Краеведения" под ред. В. В. Богданова. Нижполиграф. 1923 г. 4. О методах собирания произведений народной словесности. Доклад, прочитанный на II Всеросс. Конференции Научных Обществ по изучению местного

края в 1924 г. (См. Дневник Конференции, № 2.) 5. Что поет и рассказывает деревня. Журнал „Жизнь". Москва, 1924 г., № 1. 6. Наука и учитель. „Народный Учитель", 1924 г., № 4. 7. Еще о науке и учителе. Ж. „Народный Учитель", 1924 г., № 5. 8. Песни и сказки местного населения, способ их собирания и изучения (в связи с методом краеведения). Сб. под ред. М. М. Рубинштейна „На путях к педагогическому самообразованию". Изд-ство „Мир". М. 1925. 9. Народная словесность и школа. Ж. „Вестник Просвещения", М., 1925 г., № 4. 10. Песни фабрики и деревни. Ж. „Вестник Просвещения", М. 1925 г., № 4. 11. Частушка. Ж. „Советское Искусство", М., 1925 г., № 1. 12. Верхне-Мологский край. Предварительный отчет экспедиции. (Отд. отт. из ж. „Тверской Край", Тв., 1925 г. № 1—2.) Совместно с А. Н. Вершинским. 13. Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности. Из-во „Новая Москва". М. 1926 г. Совместно с Б. М. Соколовым. 14. Книга М. Я. Феноменова „Современная деревня", т. II. (Рецензия в ж. „Вестник Просвещения", 1926 г. № 2.) 15. Очередные задачи изучения русского фольклора. Журнал „Художественный Фольклор", Изд. Госуд. Академии Худож. Наук. I. М. 1926 г.

Кроме того, остались ненапечатанными следующие доклады, сделанные в различных научных обществах: „Современное состояние русского фольклора", „Лев Толстой и народная поэзия", „Лев Толстой и сказитель В. П. Щеголёнок", „Легенды войны и революции", „Из городского фольклора", „Легенды о Брюсе", „Поэт Никитин и народная словесность", „Сергей Есенин и русская народная песня", „История одной лирической песни", „Частушки о труде" и др.

* СОЛОВЬЕВ, Кирилл Алексеевич. *(Дмитров Моск. губ. Музей.)*

Заведующий Дмитровским музеем Московской губ. Ведет работу по собиранию этнографических коллекций для музея, организует краеведческие экскурсии учителей по уезду, принимает участие в исследовательской работе, проводимой московскими этнографами.

СПЕРАНСКИЙ, Михаил Несторович. *(Москва, Плющиха, Грибоедовский пер., 6, кв. 8.)*

Член Академии Наук СССР. Славянская и русская этнография, литература и фольклор. О-во Любителей Российской словесности, Этнографический отдел о-ва Любителей Естествознания Антропологии и Этнографии.

* СПРЫГИНА, Нонна Ивановна. *(Пенза. Красная ул., 45.)*

Заведует отделом этнографии и археологии Пензенского областного музея. Работает по изучению мордвы Пензенского края, главным образом, одежды, жилища, хозяйственного быта. В целях привлечения широких кругов к делу создания этнографического отдела прочитала ряд лекций по этнографии на курсах по подготовке учителей нацмен, волженорганизаторов и др. и напечатала руководящие, по собиранию этнографического материала, статьи на мордовском языке в газете „Од веле", на татарском—в газете „Сабанче" и на русском—в „Вестнике Полекра" (Задачи этнографии в Пензенской губ.—обращение к сельским работникам); кроме того, была составлена, отпечатана методическим бюро Губоно и разослана по школам программа для собирания сведений по этнографии—Ко всем работникам просвещения.

СТАХАНОВ, Петр Петрович. *(Сапожок Рязанской губ.)*

Завед. Сапожковским музеем и председатель отделения О-ва Исследователей Рязанского края. Местная этнография.

* СТЕПАНОВ, Павел Дмитриевич. *(Саратов, Армянская угол Коммунарной, Музей.)*

Научный сотрудник этнографического отдела Саратовского музея.

Занимается собиранием и изучением материалов по русским и финским народностям. В настоящее время занят изучением мордвы Саратовской губ., а также разработкой различных вопросов материальной культуры и, в частности, вопроса о жилище. Работает в Нижне-Волжском о-ве краеведения, действительным членом которого состоит с 1921 г. Работал в этнографической экспедиции 1923 г. в Петровском у. Саратовской губ. в 1924 г., работал в этнографической экспедиции в Вольском уезде, результатом чего является статья: „Внешний быт чуваш с. Казанлы Вольского у. Саратовской губ.". Статья напечатана в XXXIV томе „Трудов" Нижне-Волжского о-ва краеведения. Приготовлена к печати первая часть большой работы — „Крестьянские постройки в Саратовской губ.", дающая характеристику типов крестьянских изб и строительных материалов в различных районах губернии. Готовится к печати „Отчет о работах этнографической экспедиции к мордве Кузнецкого у. Саратовской губ. в 1925 г.". Кроме экспедиционных материалов, имеется в записях: „Мещанская свадьба в г. Саратове в начале XX в., частушки с мотивами и другой этнографический материал.

*ТЕМНОГРУДОВ, Борис Александрович. *(Пенза, Советская пл., Педтехникум.)*

Занимается изучением материальной и духовной культуры мордвы, работу ведет под руководством проф. Б. Ф. Адлера; в издании Пензенского губплана напечатал статью Цифровые знаки мордовской письменности на бирках, № 4—5, 1924—1925 гг. Состоит преподавателем Пензенского педагогического техникума и других школ.

ТЕРАВСКИЙ, Владимир Васильевич. *(Минск, Госуд. театр.)*

Обрабатывает народные белорусские песни.

* ТИТОВ, Елпидифор Иннокентьевич. *(Ст. Урульга Читинской ж. д.)*

Преобладающий интерес — этнография, язык и фольклор тунгусских племен. Работа протекает в сотрудничестве с отделами Русского Географического о-ва — Забайкальским, Восточно-Сибирским и Дальне-Восточным. За период с 1917 г. по 1926 г. произведена в области этнографии следующая работа: Печатные статьи: 1) Некоторые данные по культу медведя у тунгусов Баргузинского округа, „Сибирская Живая Старина", т. I, 1923 г. 2) Конские бега в Восточном Забайкалье, там же, т. II, 1924 г. 3) Заметки по этнографии тунгусов северо-западного Забайкалья. Землепользование и охотничье право, ж. „Вестник Азии", кн. 52, 1924 г. Харбин. 4). Преподавание этнографии в трудовой школе, ж. „Вестник Просвещения", кн. 1, 1922 г., Чита. 5) Научное открытие учащихся I ступени (археологический этюд), ж. „Вопросы просвещения на Д. Востоке", кн. 5, 1924 г., Чита. 6) Ряд статей по краеведческой библиографии в журналах „Вопросы просвещения на Д. Востоке", кн. 6—7, „Сибирские Огни", 1924 г., газета „Тихоокеанская Звезда", 1925 г., Хабаровск, „Известия Института по Нар. Образованию в Чите", кн. 1, 1922 г. 7) Северная Даурия (путевые очерки), в газетах: 1) „Власть Труда", 1925 г., Иркутск, 2) „Тихоокеанская Звезда", 1925—26 гг. Хабаровск, и другие статьи и заметки в различных изданиях Вост. Сибири и Д. Востока. Подготовил к печати: 1) „Очерки этнографии тунгусов (охота на соболя, оленеводство, обычное право, культ медведя и др.)", 2) „Воровской словарь и песни" (материал собран в Иркутске, Чите, Хабаровске, Харбине, Владивостоке и по деревням Прибайкалья и Дальнего Востока), 3) совместно с В. К. Арсеньевым: „Население Д. Востока как производительный фактор". Готовит к печати: 1) „Героический эпос тунгусов" (12 сказаний), 2) „Тунгусские загадки и сказки" (70 №№), 3) „Тунгусско-русский и русско-тунгусский словарь", 4) „Поговорки, крылатые слова и анекдоты, записанные у русского старожилого населения Дальнего

Востока", 5) „Материалы для словаря русского просторечья Дальнего Востока", 6) „Северная Даурия (путевые очерки)", 7) „По истокам Лены и Киренги (путевые очерки)". Командировки к тунгусам имел в 1919 г. летом, 1919/20 гг. — зимой; в 1920/21 гг.— летом; в 1925/26 гг.— осенью, зимой. Посетил тунгусов в бассейнах рек Кичеры и Верхней Ангары, Киренги и Лены. В Музее народоведения в Иркутске работал в 1919, 20 и 21 гг. в качестве сотрудника и завед. отделом этнографии сибирских туземцев. Собранные им коллекции по этнографии тунгусов, русского населения Иркутской губ. и по археологии Прибайкалья хранятся в Иркутском музее народоведения и в Музее археологии и этнографии при Иркутском гос. университете.

УШАКОВ, Дмитрий Николаевич. *(Москва, Плотников, пер., 19, кв. 1.)*

Председатель Московской диалектологической комиссии Академии Наук СССР, этнографический отдел О-ва Любителей Е., А. и Э., профессор русского языка I и II МГУ.

* ФЕНОМЕНОВ, Михаил Яковлевич. *(Москва, Остоженка, 13, кв. 24.)*

Секретарь О-ва изучения Московской губ, по образованию—историк. Этнографией интересуется, поскольку она дает материал для истории культуры. Этнографический материал затрагивает и приводит в работах: 1) Изучение быта деревни в школе, М., 1924 г. (4 изд., Ленинград, 1926 г.). 2) Современная деревня, тт. I и II, Ленинград, 1925 г. Экспедиционная работа: Обследование Новгородской деревни в 1921 г. по поручению Губ. педагогического института и участие в восточно-финской экспедиции Центрального музея народоведения в 1925 г. Изучает вопрос о распространении различных типов овинов и с.-х. орудий. Считает необходимым для всестороннего освещения как экономических, так и этнографических проблем организацию комплексного изучения хозяйства и быта деревни.

ФИЕЛЬСТРУП, Федор Артурович. *(Ленинград. Русский музей.)*

Научный сотрудник Русского музея и комиссии по изучению племенного состава населения СССР.

ФРИДЕ, Мария Алексеевна. *(Ленинград, Надеждинская, 27, кв. 30.)*

Научный сотрудник этнографического отдела Русского музея, работает по этнографии Украины.

ХАНДЗИНСКИЙ, Николай Михаилович. *(Иркутск, Дегтевская, 18.)*

Участник семинариев по устному творчеству проф. М. К. Азадовского, напечатал: 1925 г.—Покойнишний вой по Ленине, „Сибирская Живая Старина", т. III—IV, 1925 г., и отдельно приготовлено к печати: „Блатные частушки". Летом 1925 г. имел командировку от этнологической секции ВСОРГО для изучения современного фольклора в пределах Иркутской губ.

ХАРЛАМПОВИЧ, Павел Васильевич. *(Минск, музей.)*

Директор Белорусского госуд. музея.

ХАРУЗИНА, Вера Николаевна. *(Москва, Борисоглебский пер., 3, кв. 1.)*

Этнографический отдел О-ва Любителей Е., А. и Э., секция этнологии Ассоциации науч.-исслед. ин-тов Общественных Наук.

* ХОРОШИХ, Павел Павлович. *(Иркутский Государственный музей, Набережная Ангары.)*

Хранитель монголо-бурятского отдела Иркутского Государствен. музея, зам. председателя бурято-монгольской секции ВСОРГО, ассистент Иркутского госуд. университета. Занимается изучением материальной культуры и изобразительного искусства бурят-монголов. Печатные труды: 1) Якуты. Указатель историко-этнограф. литературы о якутской народности, под редакцией Э. К. Пекарского, „Известия Восточно-Сибирского Отдела Русск. Географического о-ва", т. XLVIII, Иркутск, 1924 г., с.с 1—50). 2) Указатель историко-

этнограф. литературы о бурятской народности, „Сибирская Живая Старина“, т. I, Иркутск, 1923 г. 3) Исследования каменного и железного века Иркутского края, „Известия Биолого-Геогр. Института при Иркутск. Госуд. Университете“, т. I, вып. 1, 1924 г., с.с. 1—50 (с 3 табл.). 4) Михаил Павлович Овчинников как краевед, „Сибирск. Живая Старина“, т. II, Иркутск, 1924 г. 5) Указатель литературы по археологии Иркутского края, „Известия Биолого-Географ. Института“, т. I, вып. 1, Иркутск, 1924 г. 6) Музыкальные инструменты, народный и религиозный театр бурят-монголов, „Бурятоведческий Сборник“, № 1, 1926 г. Иркутск. 7) Литература о тибетской и народной медицине бурят, там же. 8) Приметы аларских бурят, там же. 9) Задачи изучения изобразительного искусства бурят, изд. Бурято-Монгольского научного о-ва, Верхнеудинск, 1925 г. 10) Об изучении детского рисунка туземных племен Сибири, „Сибирская Живая Старина“, т. III—IV, 1925 г., с табл. 11) Исследователи Якутии. В. М. Ионов, там же, — и ряд биографий бурятских ученых и исследователей. Готовы к печати и печатаются: 1) „Об изучении одежды и обуви бурят“, 2) „Об изучении пищи бурят“, 3) „В. Трощанский как этнограф“, 4) „Культ орла у бурят“, 5) „Бирки северных бурят“, с 15 табл. 6) „Изделия из шерсти и волоса у северных бурят“, — и др.

* ХРОМОВСКИХ, Иван Сергеевич. *(Ст. Александро-Невская Тулуновского у. Иркутской г.)*

Народный учитель Александро-Невской станицы Тулуновского у. Иркутской губ. Занимается в течение ряда лет собиранием мелодий старинных русск. песен; записывал местные исторические предания. Напечатал: 1925 г.—1) О народной песне (тезисы доклада на I Восточно-Сибирском краеведческом съезде), „Бюллетень ВСОРГО“, № 6. 2) Из заметок собирателя, „Сибирская Живая Старина“, т. III—IV, 1925 г.

ЧЕРЕПНИНА-ДАНИНИ, Екатерина Петровна. *(Ленинград.)*

Руководитель экскурсиями в этнографических музеях г. Ленинграда. Принимала участие в этнографических экспедициях от Госуд. Русского музея в 1924—1925 гг. в Подолию. Специальность—этнография Украины.

* ЧЕРНЫШЕВ, Василий Ильич. *(Ленинград, В. О., 6 линия, 29, кв. 178.)*

С 1917 г. по 1925 г. занимался вопросами этнографии, главным образом, в связи с изучением словаря русского языка. Так, некоторые вопросы этого рода были затронуты им в статье „Русские Этимологи“, написанной по поводу прекратившегося с 1916 г. „Этимологического словаря“ Преображенского, имеющего большое значение и для этнографии. Статья В. Чернышева „Терминология русских картежников“ дает карточную терминологию по всем наречиям русского языка и по литературным источникам, при чем устанавливается единство старой литературной карточной терминологии (XVIII в.) и народной и предполагается происхождение ее (судя по словам: краля, краль и хлап) из Чехии. В докладе, читанном в Географическом о-ве: „Бесы и черти“ (заметки по русской демонологии), В. Чернышев пытался разграничить и точно определить значение и употребление слов: бес и чорт по данным живого языка и произведениям народной словесности, доказывая вообще, что „бес“—слово и понятие церковно-книжное, „чорт“—русское народное. Незаконченные работы В. Чернышева по собиранию материалов для сводного словаря офенского языка и сродных ему тайных языков нашей страны, можно надеяться, в будущем дадут возможность во многих случаях отделить от областного словарного материала затемняющую его офенскую примесь, а вместе с тем выяснить некоторые влияния на русский язык и культуру инородцев и иностранцев, лексические заимствования от которых в офенском языке не подлежат сомнению. Для редакции „Живой

Старины" В. Чернышевым написана статья „А. А. Шахматов и русская этнография". Напечатать названных здесь статей пока нигде не удалось.

ЧЕРНЫШЕВ, Геннадий Петрович. *(Иваново-Вознесеснк, Б. Шереметьевская, д. Якушина.)*

Специальность—говор и фольклор. Иваново-Вознесенская этнологическая станция.

*ШИЛЛИНГ, Евгений Михайлович. *(Москва, Малая Дмитровка, 29, кв. 42.)*

Ученый секретарь Центрального музея народоведения и научный сотрудник комитета по изучению языков и этнических культур народов Востока. В 1919 г., находясь на военной службе в Красной армии, работал по собиранию этнографического и фольклорного материалов в Ленинградской, Псковской и Витебской губ. С 1920 г. начал этнографическое изучение Кавказа и с тех пор по настоящее время главным научным интересом является кавказоведение. За 5 поездок (экспедиции и командировки от Акцентра, музейного отдела РАИМК, Центрального музея народоведения, Северо-Кавказского комитета) посетил Большую Кабарду, Малую Кабарду, горную и плоскостную Ингушию, Дагестан, Карачаево-Черкесскую область и Абхазию и собирал этнографические материалы и музейные коллекции. Кроме того, по поручению Главного Выставочного комитета Всесоюзной с.-х. выставки, ездил в Архангельскую губ. и собрал этнографическую коллекцию для бытового наполнения архангельской избы. Был одним из организаторов и работал в этнографическом бюро при Наркомнаце, в этнографическом подотделе музыкального отдела НКП и в отделе народного быта Всесоюзной с.-х. выставки 1923 г. Входил в инициативную группу, послужившую ядром организации Северо-Кавказского комитета (ныне Комитет по изучению языков и этнических культур народов Востока при Главнауке НКП), а также принимал непосредственное участие в организации Центрального музея народоведения.

Работы: „Кабарда" (приобретено изд. „Новая Москва"), Дагестанские кустари, изд. Центрального музея народоведения М. 1926 г., В Гудаутской Абхазии, ж. „Этнография" № 1/2, 1926 г.

* ШМИДТ, Алексей Викторович. *(Ленинград.)*

Научный сотрудник I разряда музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР. Состоит заведующим отделом Африки и сотрудником отдела доисторической археологии. С 1920 г. работает по этнологии Урала, при чем главное внимание его направляется на изучение доисторического прошлого этой области. Из работ могут быть отмечены: 1) „Туйский всадник" (к вопросу о ранне-исторических связях между Уралом и Средней Азией), 2) „Die Ausgrabungen beim Dorf Turbina am Kama", 3) „Доисторическое прошлое Кунгуро-Красноуфимского края", 4) „Пермская деревня за последние десятилетия" (эволюция в области сельского хозяйства).

ШТЕРНБЕРГ, Лев Яковлевич. *(Ленинград).*

Старший этнограф музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР, проф. этнологического отделения Ленинградского университета. Член к-та содействия народностям севера при ВЦИК'е.

ШТЕРНБЕРГ, Сарра Аркадьевна. *(Ленинград, Академия Наук СССР.)*

Научный сотрудник I разряда Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР.

* ШУЛЬЦ, Леонид Рудольфович. *(Тюмень).*

Председатель Тюменского о-ва изучения местного края. Наиболее интересуется финно-уграми, в частности, орнаментом. За период с 1917 г. им напечатана этнографическая статья в вып. I „Записок" Тюменского

о-ва изучения местного края, под названием Салымские остяки (материал по этнографии южных остяков). Готовится к печати „Следы тотемизма в верованиях южных остяков и вогулов".

ЩЕБЛЫКИН, Иван Павлович. *(Владикавказ.)*

Научный сотрудник Северо-Кавказского института краеведения. Художник-этнограф (кустарные изделия, орнамент, устройство жилищ).

ЭПИН, Сергей Гаврилович. *(Козьмодемьянск, Маробласть.)*

Этнограф, собиратель языка и фольклора горных мари. Козьмодемьянский музей.

ЮРГЕНСОН, Надежда Петровна. *(Воронеж губ., Крутая, соб. дом.)*

Художница-этнограф. Одежда, постройки, обряды.

ЯКОВЛЕВ, Николай Феофанович. *(Москва. Малая Дмитровка. 29.)*

Зав. кавказским отделом Центрального музея народоведения, проф. Ин-та Востоковедения, тов. председателя Ин-та изучения языков и этнических Культур Народов Востока СССР.

ЯНОВИЧ, Даниил Тимофеевич. *(Москва.)*

К-т содействия малым народн. Севера при ВЦИК'е; член правления О-ва изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока.

РЕЦЕНЗИИ.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ПО ДОИСТОРИЧЕСКОМУ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ИСКУССТВУ [1]).

В 1925 г. в Германии вышел I том журнала „JPEK", заглавие которого расшифровывается, как сокращенное **„Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst"** („Ежегодник доисторического и этнографического искусства").

Журнал издает проф. Кёльнского университета Герберт Кюн (H. Kühn)—автор, привлекшей на Западе внимание прекрасно иллюстрированной книги „Искусство примитивов" („Die Kunst der Primitiven, München, 1923) и великолепно исполненного с цветными таблицами альбома, „Живопись ледникового периода" („Die Malerei der Eiszeit", München, 1922).

Постоянными сотрудниками журнала являются европейские известные ученые, как: Брейль (Breuil), Джойс (Joyce), Карстен (Karsten), В. Леман (W. Lehmann), Норденскиольд (Nordenskiöld), Обермайер (Obermaier), Риве (Rivet) и многие другие.

Журнал форматом в лист, внушительного объема (286 с.), с обширным иллюстративным материалом (83 таблицы одноцветных на отдельных листах и множество рисунков в тексте), издан превосходно.

Содержание вышедшего тома разнообразно и дает много нового материала.

„JPEK" открывается программной статьей Кюна „Значение доисторического и этнографического искусства для истории искусства", подводящей итог прежним исканиям в области построения понятия единого искусства и ставящей этот вопрос наново.

Первый отдел „Ежегодника" посвящен доисторическому искусству (1—96 с.) и содержит работы следующих авторов: А. ван Шельтема (A. v. Scheltema)—„Стиль и техника в доисторической орнаментике", Сен-Перье (Saint-Périer)—„Произведения палеолитического искусства в долине р. Савы в Леспуг в Верхней Гаронне" (обзор новых находок), Пассемар (Passemard)—„О скульптурных произведениях мадленской эпохи из пещеры Истурид" (Французские Пиринеи). Можно отметить впервые ставшее известным великолепное изображение зайца на камне в резном рисунке.

Брейль написал статью о росписных изображениях птиц на скалах в провинции Кадинсе неолитического периода; Обермайер исследовал вопрос о резных изображениях в с.-з. Испании (Галисии) бронзового века. Итальянский археолог Антаннелли дает интересную сводку скульптуры

---

[1]) „JPEK", Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst, Leipzig, 1925 г. XVI + 286 S. 82 отд. табл. и рис. в тексте, Klinuhardt und Biermann Verlag.

неолитического периода и бронзового века доисторической Италии, а испанский ученый Блас Тарасена Агирра (Aguirre) говорит об иберийском искусстве—специально о керамике и статуэтках Нуманции.

Второй отдел „JPEK" отведен для работ по этнографическому искусству (97—240 с.) и содержит 9 статей, из которых бо́льшая часть посвящена американистике.

Норденскиольд объясняет действительно наблюдаемые изменения в индейской культуре после Колумбовой эпохи, Данцель выясняет психологию древне-мексиканского искусства, американский ученый Фьюк (Fewkes) говорит о росписной орнаментации доисторической керамики Новой Мексики. Крикcберг истолковывает роспись на кожаных церемониальных одеждах индейцев с.-з. Америки.

Карстен (Гельсингфорс) дал статью о росписи тела и татуировке в Ю. Америке. Леман написал интересное исследование о золотом украшении в виде орла из Коста-Рики.

Африканистике (выключая и океаническое искусство) посвящены всего лишь две статьи: Кремера—„О значении формы африканских и океанических сосудов для развития у современных немецких мастеров чувства формы сосуда" и Джойса—„О ткацком деле у племени Бабунда в бельгийском Конго".

Наконец, индонезийскому кругу вопросов посвящена большая статья Гейне Гельдерна об изображении одной сцены из Сутасама-Натака на рукоятках мечей в В. Индии и Индонезии.

Помимо отмеченных двух основных отделов, „JPEK" имеет также отдел для рецензий, библиографии и небольших сообщений, сопровождаемых иногда иллюстрациями.

Разнообразный и ценный по своей новизне материал, доставленный редакции „JPEK'а" авторами из Англии, Франции, Испании, Италии, Швеции, Финляндии и Америки, не говоря про Германию и Австрию, является наилучшим ответом на прекрасные слова Кюна в предисловии к „JPEK'у", ранее высказанные им в извещениях по поводу предполагаемой организации журнала

Кюн писал: „Ежегодник будет касаться доисторического искусства всех частей света и этнографического искусства Африки, Америки и Океании и примитивных народов Азии. Мы хотели бы, чтобы наш „Ежегодник" представлял сводку работ как итог сотрудничества всех наций". Редактор считает желательным предоставить возможность всем школам и направлениям высказываться свободно.

В заключение отмечу, что живая и своевременная постановка вопроса о доисторическом и этнографическом искусстве в значительной степени вытекает из того обстоятельства, что Кюн, как социолог, рассматривает искусство в его целостности, находит прочную его почву в общественности, которая неизменно окружает человека от первых его „человеческих" периодов, и не забывает, что привилегия искусства исторических периодов с точки зрения науки является привилегией вполне условной.

Б. Л. Богаевский.

Катерина Грушевська. **З примітивної культури**. З передмовою акад. Мих. Грушевського [Всеукр. Акад. Наук, Культурно-історична Комісія]. Державне Видавництво Украины, 1924 р.; 224 с., ціна 2 карб. 50 к.

Книга распадается на пять глав, неодинаковых по размеру и научной ценности. В первой главе говорится о новейших исследованиях, касающихся вопроса о происхождении населения и культуры Америки и показывающих, что человек каменного века в Америке стоял на более

высокой ступени материальной и духовной культуры, чем это обычно принималось до сих пор. Вторая глава—„Примитивное мышление и его переживания в украинском фольклоре“ носит более самостоятельный характер и представляет значительный интерес. Исходя из известной теории Леви-Брюля о первобытным мышлении, автор старается проследить в погребальных обычаях Украины переживания магических обрядов борьбы со смертью. Интересны соображения К. Грушевской об обычаях разбивания горшка, „посиджіння“, об игре „лубок“ и т. д. В последней она усматривает обломок старинной игры с мертвыми, имевшей целью пробудить, воскресить покойника. Следующая, третья, глава—„Тотем и мана две категории первобытного мышления“ занимает центральное место в книге. Здесь подробно рассматриваются определения понятия „тотемизм“, даваемые различными исследователями, и предложенные в науке гипотезы об его происхождении. Так же точно разбираются определения понятий „мана“, „оренда“ и т. п. Две последние главы книги, краткие по размерам, посвящены вопросу о похищении рисунка и слова (из истории понятия собственности у примитивных народов) и коллективному началу в первобытной поэзии [в связи с теорией Гуммере (Gummere)].

К сожалению, в этой центральной части своей книги автор не проявил никакой самостоятельности, без всякой критики повторяя теории Дюркгейма, Ван Генеппа и Леви-Брюля, — теории достаточно спорные. Ее собственные взгляды порой вызывают совершенное недоумение. Тотемизм, например, она определяет так: „Мы называем тотемизмом,—пишет она,—тот период в развитии первобытного общества, который характеризуется преобладанием родовой организации, оказывающей могущественное влияние на все сферы первобытной жизни“ (с. 116). Чем же в таком случае тотем отличается от рода вообще? И что остается тотемизмом после такого определения?

Стоило ли после этого перечислять все теории происхождения тотемизма?

Симпатичны в книге автора ее энтузиазм к этнологии и горячее желание вызвать интерес к этой науке среди исследователей Украины. Понятен в молодом, повидимому, авторе пиетет перед такими именами, как Дюркейм, Леви-Брюль, но в этнологии пока нет ни догм, ни аксиом, и к каждой теории нужно относиться критически.

Внешность издания не оставляет желать ничего лучшего: прекрасная бумага, четкий шрифт, полное отсутствие опечаток в иностранных текстах, все это производит сразу же отрадное впечатление.

Е. Кагаров.

Prof. Leo Sternberg. **Divine Election in primitive religion,** Göteborg, 1925, 40 S. (оттиск из „Трудов XXI Международного Съезда Американистов“).

Автор устанавливает сущность и происхождение идеи избранничества в первобытной религии на основании обширного материала по этнографии гольдов, якутов, бурят, телеутов, юкагир, чукчей, коряков, а также индусов и др. народов культурной древности. Особенное внимание уделяет он вопросу о характере интимных отношений, существующих между избранным лицом и избирающим духом, и особенно о мотивах, в силу которых тот или иной дух останавливает свой выбор на известном индивидууме, становясь его покровителем и помощником. Основные положения работы Л. Я. Штернберга сводятся к следующему.

Идея избранничества претерпела эволюцию в различных направлениях. Пассивное поведение человека по отношению к избирающим духам переходит в активное и, вместо того, чтобы быть избранным самим духом, человек сам добивается милости духа или божества, прибегая к различ-

ным средствам, как: пост, бдение, самоистязание и т. д. Избранник становится в загробной жизни в свою очередь избирающим духом по отношению к своим сородичам; таким образом, духи предков начинают играть роль в шаманизме. По линии избранничества полового человек вместо противодействия шагам, предпринимаемым в этом направлении духом, сам стремится привлечь к себе его, добиваясь полового общения с ним. В этом кроется источник распространенного по всему миру „священного брака", играющего столь важную роль во всех религиях и принимающего самые разнообразные формы, начиная с принесения в жертву мальчиков и девушек в качестве женихов и невест божества и кончая простым свадебным посвящением ему (временным или пожизненным), строгим воздержанием или, наоборот, предписываемой свыше сакральной проституцией.

Избранники духов, шаманы, превращаются в профессиональных жрецов и жриц, в обязанности которых входит услаждение божества не только музыкой, танцами, словословием, но прежде всего половым общением с ним—непосредственно ли (во сне) или же косвенно (при помощи земного мужчины и женщины, в которых воплотился бог или богиня, как это имеет место в великих религиях Востока). С постепенным ростом общества понятие полового избранничества становится важным фактором в высших областях социальной и умственной жизни. Короли, вожди обязаны своими способностями и могуществом половому общению с божеством (напр., Эгерия и римский царь Нума Помпилий, Афина и Одиссей). Сюда же следует отнести мотив божественного происхождения великих людей (Александр Македонский, Цезарь, Чингис-хан, Платон, Будда, Христос). Мотивы избрания духами смертных различны: не одна лишь внешняя прелесть, но и примитивные добродетели: мужество, красноречие, веселость, поэтический дар и т. д. привлекают к себе богов. С течением времени половое влечение, как источник избранничества, вытесняется этическим рычагом (справедливость, добрые дела, благочестие).

Исследование проф. Л. Я. Штернберга представляет большой интерес, так как проливает свет не только на многочисленные явления первобытной религии, но и на мотив умирающего и воскресающего любимца божества в религиях древнего мира (Аттис, Адонис, Таммус, Загрей и т. д.). Мотив похищения избранника божеством, между прочим, очень распространен в греческой мифологии: укажу на мифы об Алкиене, Амфиарае, Амфилохе, Ганнимеде, Диомеде, Елене, Ифигении, Клеомеде, Лаодике, Менелае, Фаэтоне, Эдипе, Эрехтее и друг. (см. E. Rohde, Psyche, I. 68—90, 113 ff., II, 370 ff). Таким образом, работа Л. Я. Штернберга приобретает интерес, выходящий за пределы этнологии.

Е. Кагаров.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КУЛЬТУРЫ О. ПАСХИ.

M-rs Scoresby Routledge. **The Mystery of Easter Island. The Story of an Expedition,** 2-nd edit., L., 1920, pp. XIII + 404. I. Macmillan Brown. **The Riddle of the Pacific**, L., 1924, pp. 312.

Первая из названных книг содержит описание экспедиции м-с Routledge на яхте „Mana" (1913 — 1916 гг.) и сводку богатого археологического и этнографического материала, добытого экспедицией. Подробно описаны мегалитические памятники о. Пасхи и дана всесторонняя характеристика культуры дохристианского времени.

Автор считает вполне установленным, что как по физическому типу, так и по культуре туземцы о. Пасхи стоят ближе к меланезийцам, чем к полинезийцам. Главный антропологический признак, сближающий островитян с меланезийцами, — это долихокефальный тип. В культуре

также ясна наличность меланезийских элементов. Сюда относятся: протыкание и растягивание ушной мочки, лодка с двойным аутригером, обсидиановое оружие, культ птицы. Последний представляет поразительное сходство с существующим на Соломоновых островах. Там объектом культа служит фрегат-птица, обычно гнездящаяся на деревьях и характеризующаяся крючковатым носом и большим зобом. На безлесном о. Пасхи фрегат-птицу заменила черная морская ласточка (Sterna fuliginosa), указанными признаками не обладающая и, тем не менее, на рисунках, найденных на о. Пасхи на скалах и стенах домов, священная птица изображена с крючковатым клювом и большим зобом. Очевидно, культ птицы занесен на о. Пасхи оттуда, где объектом его была фрегат-птица.

Колоссальные каменные статуи о. Пасхи имеют много общих черт с деревянными скульптурами Соломоновых островов: и там и здесь мы находим длинный вогнутый нос, прогнатизм, длинные уши, красный головной убор цилиндрической формы. Длинные уши имеют и небольшие деревянные резные фигуры о. Пасхи.

Основываясь на этих данных, автор считает автохтонов о. Пасхи меланезийцами. Значительно позже на острове появляются полинезийцы. О борьбе „короткоухих" пришельцев (у полинезийцев отсутствует обычай растягивания ушной мочки) с „длинноухими" автохтонами рассказывает туземная сага. Что древнейшая культура о. Пасхи не полинезийского происхождения, на это указывает и тот факт, что вождь (ariki) аристократического клана miru, к которому принадлежали только завоеватели-полинезийцы (черепа членов этого клана чисто полинезийского типа), не принимал участия в церемониях, связанных с культом птицы, лежавшим в основе религии островитян.

Невыясненным остается вопрос о происхождении дощечек с письменами. То обстоятельство, что высшим авторитетом в толковании письмен считался вождь клана miru, говорит в пользу их полинезийского происхождения, но одним из наиболее часто повторяющихся знаков на дощечках является типично меланезийское изображение священной птицы. Henry Howorth в дискуссии по докладу м-с Routledge в Королевском Географическом Обществе указал на близкое сходство и даже родство письмен о. Пасхи с письменами, найденными на Суматре.

В противоположность м-с Routledge, осторожно избегающей катастрофической гипотезы, как недостаточно обоснованной, Д. М. Браун (I. Macmillan Brown) считает, что только при условии допущения таковой и может быть решен вопрос о происхождении культуры „таинственного острова". По мнению автора Загадки Тихого океана, о. Пасхи представляют собой не что иное, как остаток обширного, ныне потонувшего архипелага, отождествляемого им с землей, виденной английским флибустьером Дэвисом во время его плавания на Batchelor's Delight в 1686 г. В туземном названии острова, „Te pito te henua", переводимом словами „пуп земли", Д. М. Браун видит доказательство того, что остров некогда лежал в центре архипелага. Архипелаг этот, потонувший не позднее 1722 г.,—Роггебен, открывший в указанном году о. Пасхи, уже не нашел „Дэвисовой земли"—входил в состав обширной полинезийской островной империи, столицей которой была „циклопическая Венеция" на о. Понапе в Каролинском архипелаге. В этой империи о. Пасхи играл, по мнению Д. М. Брауна, совершенно особую роль,—усыпальницы, в которой погребались короли, обожествляемые народом; являлся своего рода „Вестминстерским аббатством" Полинезии. Тысячи рабов были заняты постройкой погребальных каменных платформ, снабженных склепами, и транспортированием на берег, при помощи деревянных полозьев, гигантских статуй, высекавшихся искусными скульпторами в каменоломнях, расположенных во внутренней части острова. Катастрофа,

результатом которой явилась изоляция о. Пасхи, положила конец этой циклопической работе.

Настаивая на полинезийском характере культуры острова Пасхи, Д. М. Браун совершенно игнорирует признаки меланезийского влияния, подчеркиваемые M-rs Routledge. Упоминаемых сагой „длинноухих" и „короткоухих" он считает: первых—выходцами с Маркизских островов, вторых—с Новой Зеландии. Но, как раз, на Маркизских островах мы находим выраженный негроидный тип.

Гипотеза потонувшего архипелага, выдвигаемая Д. М. Брауном, как разгадка тайны о. Пасхи, не представляется обоснованной. Весьма вероятно, что виденная Дэвисом земля—это о. Темое, вторично открытый капитаном Джэмсом Уильсоном на миссионерском судне „Duff" в 1797 г. и названный им Crescent Island. Отсюда в ясные дни видны пики Мангаревы (в группе островов Гамбье), лежащей в 12 милях к западу. Это вполне соответствует сообщению спутника Дэвиса, Lionel'я Wafer'a, о горных цепях в возвышенной земли, лежащей лигах в 12 к западу от маленького низкого песчаного острова, и принятой Дэвисом за берег Terrae Australis Incognitae.

Что касается названия „Te pito te henua", то слово „henua" означает в полинезийских языках не только „пуп", но и „конец". Знаток языка о. Пасхи,—Черчилль, — переводит указанное название словами „конец земли" (суши) и полагает, что оно прилагалось к каждому из углов того треугольника, который представляет собою о. Пасхи, в то время как самый остров остался без названия. Обилие туземных названий, считавшихся ранее наименованиями всего острова, но оказавшихся в действительности лишь названиями отдельных местностей, говорит в пользу этого предположения.

Недоказанность гипотезы архипелага, окружавшего о. Пасхи, по мнению Д. М. Брауна, еще в конце XVII в. делает неприемлемым и взгляд на этот отдаленный, совершенно изолированный остров, как на священный остров полинезийцев; кроме того, вполне установлено, что таковым являлся для восточной Полинезии о. Raiatea. Находившееся здесь большое „марае" (обнесенная оградой ступенчатая пирамида, на которую ставилась священная статуя) служило местом поломничеств для всех племен этой части Океании (см. W.-I. Perry, The Children of the Sun, L., 1924, p. 107).

Таким образом, приходится признать, что Д. М. Брауну не удалось разгадать „загадку Тихого океана". Тем не менее книга представляет большую ценность по богатству собранного в ней фактического материала.

Весьма интересна глава, посвященная вопросу о связи культур Ю. Америки с культурой Полинезии. Отметив поразительное сходство мегалитических памятников острова Пасхи с мегалитами Куско (Эквадор), Д. М. Браун указывает на ряд фактов, свидетельствующих о наличности в Ю. Америке культурного заимствования из Океании. Микронезийская tiputa имеет аналогию в южно-американском пончо; полинезийской каве соответствует chicha — напиток из жеванного маиса и воды; бананы, кокосы и, весьма вероятно, сладкий картофель занесены в Ю. Америку из Полинезии; полинезийская земляная печь проникла на юг Чили; на о. Чилое находим полинезийский каменный топор, сохранивший родное имя toki; бюсты в Тиагунако имеют полинезийские черты.

Наоборот, заимствование из Америки не имело места в Океании. На это указывает отсутствие в Полинезии маиса и табака, гончарного искусства, золота и серебра.

А. Пиотровский.

Colonel F. C. Hodson. **The Primitive Culture of India.** London. 1922, 133 p.

В пяти лекциях, прочитанных в Высшей школе востоковедения в Лондоне, автор старается дать обобщающую характеристику того слоя культуры индийских народов, — называемого им то „низшей культурой, то первобытной культурой", — который ему представляется как матрица высших форм культуры. „Низшая культура живуча, активна. Она — (*i*) вечный источник, откуда проистекает новое вдохновение, новая сила". В этих заключительных словах этнографическое кредо автора. Оно объясняется отчасти его предыдущими работами из области полевой этнографии. Прожив много лет в Манипуре,—маленьком княжестве в горах на юге от Брамапутры,—автор имел возможность тщательно изучать как примитивный быт воинственных Нага, так и индуизированных жителей Манипурской долины — племени Мейтей. Обоим племенам и их культуре он посвятил по монографии (в серии выпущенной правительством Ассама), которые по богатству материала и пониманию быта стоят чрезвычайно высоко. Изучая параллельно эти два типа культуры, автор не мог не видеть, до какой степени культура индуизма проникнута психологией примитива. Эту основную мысль он в настоящих лекциях старается развить этнологически. К сожалению, он это делает недостаточно ярко и убедительно. Анализ современной индийской культуры, который покончил бы с чрезмерной переоценкой арийского элемента и вскрыл бы огромную роль дравидийцев, монголоидов и первобытных племен в создании сложного комплекса индуистской системы, — еще дело будущего.

Автору следовало бы озаглавить свои лекции: „Примитивная культура, иллюстрированная примерами из быта разных племен Индии". Ориентируясь на Риверсе и Фрезере, он дает психологический анализ первобытной культуры вообще, видя ее сущность в полной связанности первобытного человека традицией. Эту связанность он показывает на разных проявлениях культуры — материальной, социальной и обрядово-религиозной. При этом он, конечно, выбирает примеры преимущественно из того этнического цикла, с которым он лично знаком, именно из быта ассамских племен—Нага, Лушай, Гаро и т. д. Этот психологический подход позволяет ему оперировать с очень удобным, но крайне неясным понятием „первобытной культуры" вообще, при чем он совершенно оставляет в стороне те чрезвычайно важные различия, которые обусловливаются антропологическими особенностями и, следовательно, древним родством с внеиндейскими этническими группами (мон-хмерскими, негритосскими и т. д.). В конце концов, с точки зрения первобытных племен Индия, т.-е. современная англо-индийская империя, — случайное географическо-административное понятие, не больше. Лишь индуистская культура служит тем бассейном, в котором смешиваются воды этих различных первобытных рек. Далее, автор недостаточно выявил разницу в экономическом быте, хотя как раз пример Риверса мог бы ему указать на необходимость подхода к этнографии с экономических условий. При всех этих недостатках книга Ходсона ценна как попытка объединить область, богатую монографиями об отдельных племенах и группах племен, но бедную обобщающими трудами.

А. М.

Elliot Smith. **Elephants and Ethnologists.** London, 1924, 129 p.

Под этим несколько игривым названием скрывается попытка разрешить одну из важнейших проблем современной палео-этнологии, а именно вопрос о связи культуры центральной Америки, в особенности культуры Майя, с индийским культурным кругом. Пионерами теории, что культура центральной Америки получила свои главные элементы от переселенцев

из индийского культурного круга, перебравшихся в Америку по островному мосту Тихого океана, являются покойный ветеран этнологии Риверс и Перри, а также автор настоящей книги. Критика этой смелой, волнующей научное воображение теории, конечно, не входит в задачу краткой рецензии. Она пока не встречает одобрения со стороны широких кругов ученых. Нельзя сказать, чтобы Эллиот Смит своим исследованием внес убедительные доказательства. Его книга богато иллюстрирована, что, однако, не скрывает шаткости его аргументации, к тому еще предподнесенной довольно небрежно. Его аргументация основывается на изображении головы животного на колонне, найденной в древнем городе Копан в Хондурасе. Смит принимает эту голову за голову слона,— другие исследователи толкуют ее как голову тапира или попугая, даже как стилизацию черепахи, — и выводит из этого заключение, что изображение слона было занесено в эту местность из страны, знакомой со слоном и изображающей его в орнаменте, т.-е. из Индии, или точнее из Камбоджи. Он отвергает возможность самостоятельного развития мотива слона из существовавшего в Америке типа слона. Несомненно, изображение может напомнить голову слона с сидящим на его голове махоутом, в особенности, если смотреть на него при свете объяснений автора. Самое слабое место его аргументации это—тот ничтожный промежуток времени, который по вычислениям самого автора отводится для распространения индийских мотивов от Камбоджи до берегов центральной Америки. Культура Майя и индуизация Камбоджи—приблизительно одновременные события. При всей готовности признать высокий уровень мореплавателей первых столетий нашей эры — и этот уровень был действительно оценен слишком низко—о прямых рейсах через Тихий океан не могло быть и речи. Перенесение индийской культуры на островной мир Тихого океана и постепенное ее распространение на Восток—дело не столетия, но измеряется очень долгими промежутками времени. Остается возможность случайного занесения. Но для этого материал, предложенный автором, не дает достаточного основания. Но проблема, поднятая автором и его соратниками, настолько важна, что всякое слово, сказанное в том или другом направлении, может рассчитывать на живой интерес.

А. Мерварт.

Georg Jacob. **Geschichte des Schattentheaters im Morgen-und Abendland.** Второе, полностью переработанное издание с библиографическим приложением: Ганновер, 1925 г., 284 с.

На с. с. 7—214 роскошно изданной книги излагается, с привлечением новейших данных, положение теневого театра в Восточной Азии (7 — 22), Индии и Индонезии (25 — 35), у исламских народов: персов (39—45), арабов (46—107), турок (108—131) со сравнительным освещением исламского теневого театра (132 — 156), затем положение этого театра на Западе: у итальянцев (161 — 8), немцев (169 — 185), французов (186 — 195), в новейшее время у поэтов в мюнхенском предместье Швабинг (196—201) и дается заключение (205—14), а за ним следуют примечания, дополнения и поправки (215—224). Оглавления в книге нет. Страницы 227 — 280 заняты библиографией в хронологическом порядке. Даны прекрасные иллюстрации, частью в красках. Никаких указателей к основному тексту не имеется.

Осведомляя читателей о появлении этого интересного и полезного труда известного германского ученого, мы позволяем себе только одно критическое замечание, касающееся истории теневого театра у турецких народов (с. 108). Стремясь связать малоазиатско-балканский теневой театр „Кара-гёз“ с китайским, автор, который допускает возможность происхождения турецкого театра из Восточной Азии на основании сходства между

китайскими и турецкими теневыми фигурами, ошибочно утверждает, что в XIII веке турки имели уже собственное слово для теневого театра—„кабарчук", и что „это слово существует еще и теперь в Туркестане в том же значении, в форме кавурчак или когурчак". Нет никаких оснований толковать приведенное в анонимном египетско-турецком словаре XIII в. (изд. Хоутсма) слово „кабарчук" иначе, как просто „кукла", „кукла-игрушка", как это явствует и из арабского перевода и из контекста. Что касается современного соответствия этого слова в Туркестане, то и здесь слова „кавурчак, когурчак, курчак" не имеют значения „фигур теневого театра", которого в Туркестане нет [1]), а значат или „кукла-игрушка", или „кукла театра марионеток". Следовательно, никаких звеньев между китайским теневым театром и „Кара-гёзом" пока указать невозможно. Издание Хоутсма надо из библиографии по теневому театру (с. 229) исключить.

А. Самойлович.

Сборник туркменских народных поговорок, пословиц и загадок. Собран М. Гельдиевым. Туркмен. Госиздат. Полторацк (Асхабад), 1925 г., 56 с., цена 50 к., тир. 5.000.

Среди закаспийских туркменов, к изучению которых я приступил в 1926 г., уже тогда имелись любители родной литературы, занимавшиеся собиранием ее образцов. В местных изданиях на туркменском языке еще до Октябрьской революции появлялись мелкие материалы по туркменской народной литературе, но только в послереволюционное время, когда туркмены стали хозяевами своей культурной жизни, среди них, как и среди других турецких народов СССР, зародилось стремление к интенсивному самоизучению и, в частности, к собиранию в широком масштабе материалов по народной литературе. В ближайшее время имеется в виду принять меры к тому, чтобы этнографическая работа в Туркменистане приняла организованный и планомерный характер.

Изящно изданная книжечка одного из наиболее выдающихся культурных деятелей Туркмении, М. Гельдиева, заключающая в себе 507 пословиц и поговорок и 52 загадки, приветствуется нами, как начало, надеемся, серии печатных трудов, специально посвященных народной литературе туркменов. Подобное предприятие будет иметь значение не только для Туркмении и не только для туркологов, но, с помощью туркологов, и для значительно более широких кругов исследователей народного творчества вообще.

Книжка издана арабским алфавитом по новой, принятой у туркменов орфографии и доступна только владеющим туркменской речью. Пословицы и поговорки разбиты по содержанию на 48 отделов, намеченных издателем; загадки расположены без системы. Сравнив загадки собрания М. Гельдиева с нашим [2]), мы установим, что из 157 загадок, изданных нами только в русском переводе, у Гельдиева имеется 27, что составляет более половины его собрания. Одна загадка, кроме того (Гельдиев, № 50), издана нами отдельно в тексте и переводе [3]).

А. Самойлович.

---

[1]) См. составленную мною листовку Гос. Русского музея в Ленинграде—Кукольный театр в Туркестане.

[2]) Загадки закаспийских туркменов („Живая Старина", вып. II—III, 1909 г.), №№ 2, 10, 12, 20, 24—26, 42, 47, 67, 84, 85, 90, 113, 115, 119—122, 124, 126, 134, 139, 140, 143, 147, 150.

[3]) „Записки Восточного Отд. Археолог. О-ва", т. XVIII (1908 г.), стр. 0167.

Б. А. Куфтин. **Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова.** (Материалы и вопросы.) Мемуары этнографического отдела О-ва Любит. Ест., Антр. и Этнографии. Москва, 1925 г., 58 стр. XIX таблиц на отд. листах.

Среди ожившей за последнее время научной литературы по этнографии выделяется своим серьезным и широким подходом к материалу статья Б. А. Куфтина, посвященная крымским жилищам. Как показывает самое заглавие, она состоит, собственно говоря, из двух различных тем: описания и исследования различных типов жилищ и историко-лингвистических „экскурсов", имеющих целью подвести историческую базу под тот или другой тип современного жилища.

Предоставляя суждению специалистов вторую тему работы Б. А. Куфтина, я позволю себе только отметить, что эти исторические предпосылки, предварящие описание соответствующих жилищ, слишком развиты в ущерб, я бы сказал, первой теме.

Большинство выводов основывается на неточных, по самому характеру источников, исторических и лингвистических справках, в то время как значительно более документальные, сравнительно-этнографические данные остаются в тени. В особенности это чувствуется в страницах, посвященных плетневому типу жилищ, где для выяснения конструкции скифских построек автор принужден пользоваться описанием меотийского замка и сарматского города Успу. „Надо думать,—говорит он,—что на сельских постройках крымских скифов отразились и навыки городского строительства". Мне представляется, что подобного вида заключения не могут служить звеном в установленном автором генетическом ряду от жилищ трипольской культуры до черкес и степных татар.

В отдельных случаях увлечение автора историческим методом заставляет его совсем отрываться от основной темы. Какое, в самом деле, имеют отношение к южно-бережному жилищу все страницы, посвященные термину таты, таджики и т. д. с привлечением сюда хеттов, амазонок и пр.; гораздо убедительнее несколько строк, относящихся к описанию кавказской сакли.

Эти экскурсы, представляя в виду громадной эрудиции автора вполне самостоятельный интерес, как сводка всех имеющихся данных по историческому прошлому Крыма, загромождают и иногда затемняют основную тему работы Куфтина. Известное разделение труда необходимо в научной работе и было бы гораздо предпочтительнее, если бы историческая часть этой работы была предоставлена специалисту-историку, а Б. А. Куфтин, как этнограф, более подробно разработал свой богатый этнографический материал.

Тем более, что в этой главной теме существуют значительные пробелы. Уже сам автор указывает на отсутствие у него данных по жилищу татар чисто степной области, которые, как мне кажется, должны служить ключом к пониманию остальных типов построек.

Исходя из установленной мною классификации крымских жилищ [1]) на один городской и три деревенских типа—южно-бережный, предгорный и степной,—Б. А. Куфтин вкладывает в последний совсем другое содержание.

Прежде всего, почему эти районы—Карасубазарский и Симферопольский—называются степными? И в географическом отношении (предгорья Яйлы, лес и лесостепь, присутствие рек), и экономическом (огородниче-

---

[1]) Высказанную впервые в замечаниях по поводу доклада Б. Добрынина в отделе этнографии О-ва Л. Е., А. и Э. в 1921 г. в Москве, затем в особом докладе о крымских жилищах в Русском музее и в напечатанном весной 1925 г. в этнографическом очерке крымских татар в „Путеводителе по Крыму", изд. Крымохриса.

ство, садоводство табаководство, как преимущественные занятия), и историко-культурном (наличие городов—Старого Крыма, Карасубазара и Симферополя—древних центров татарской цивилизации), и в антропологическом и, наконец, в этнографическом отношениях они вполне совпадают с Бахчисарайским. Их разделение и тем более наименование первых степными ничем не оправдывается.

Затем устанавливаемый Куфтиным для этих районов тип жилища отнюдь не является характерным. В течение последних двух лет мне пришлось побывать в 10 населениях, окружающих сплошным кольцом посещенные автором Кипчак, Баксану, Чардаклы, Кутлук, Тайган, Айлянма, Сартана, Кокташ, Енисана, Ак-Кая и др., и ни в одном из них, несмотря на специально произведенное обследование, ни я, ни бывшие со мной студенты-этнографы не обнаружили плетневого жилища с указанной конструкцией крыши. Наоборот, во всех осмотренных нами домах так же, как и в жилищах степных селений Джанкойского района (сел. Терекли-Абаш, Тюп-Кенегес, Карангит и др.) перекрытие крыши ничем не отличается от бахчисарайских: те же стропила (макас), укрепленные внизу в поперечные балки и соединенные в козлы верхними концами. Таким образом, крышу с поперечными балками и врубленными в них стропилами мы можем считать характерной для всего степного и предгорного районов. Плетневых жилищ в этих селениях также не встречалось. Быть может, под этим названием Куфтин имеет в виду особые глинобитные постройки, когда между вертикальными столбами прибиваются параллельно друг к другу с двух сторон тонкие косые палочки и между ними набивается глина? Но этот способ выведения стен одинаково распространен и в Бахчисарайском районе, где с успехом вытесняет более древнюю постройку из плах и является, несомненно, совсем недавним нововведением.

Таким образом, описанное Куфтиным жилище сел. Уйшунь является исключением, а не правилом, и исключением мало понятным, так как подобная конструкция стропил и стен совершенно не соответствует тяжелой крыше из черепиц или земли. Длинные стены, не скрепленные поперечными балками, должны разъехаться под ее тяжестью. К тому же совершенно непонятно, каким образом свободные стропила держатся на продольных „слегах".

Но если бы этот тип жилища и был характерным для указанных районов, то сравнение его с черкесским не выдерживает критики. Ведь у последних, по цитируемой автором статье А. А. Миллера, перекрытие крыши, на которое ссылается Куфтин, встречается только на сараях и курятниках (крытых, кстати сказать, легким камышом), на жилых же домах стропила устроены почти так же, как и в домах Бахчисарайского района (они врубаются в поперечные балки).

При описании домов Бахчисарайского района автором упущена интересная деталь: срубленные из плах стены всегда покрывались снаружи и изнутри толстым слоем глины; это придает им еще более своеобразный характер и удаляет их от типа срубных жилищ.

Переживание в них деталей готского дома представляется мне мало вероятным. Срубу из плах автор сам придает в этом отношении небольшое значение в виду отсутствия аналогий среди германских жилищ. Деревянное же перекрытие крыши, в котором автор „прямо усматривает германские приемы" (с. 22), уже в силу своей распространенности и в степном Крыму и у черкес не может служить доказательством готского влияния.

Остается термин „разан", которым называют балки, служащие основанием для верхнего этажа и висячего балкона (софа). Но в данном случае эти балки являются деталью двухъэтажного дома сравнительно поздно, по словам и самого автора, появившегося в крымской деревне,

а терраса, с которой они почти неразрывно связаны, является несомненно османской деталью.

При описании цыганского дома, сходного между прочим с простейшими домами степной области, автор с удивлением отмечает „частое вынесение очага наружу“ (с. 32) и ставит это в связь с полупещерными жилищами бахчисарайских цыган. Но в последних, как видно из приводимого им плана пещеры, очаг помещается не снаружи, а внутри дома, в изгибе внешней стены, что вполне объясняется простой целесообразностью. „Вынесение же очага наружу“ у симферопольских цыган является явным недоразумением. Дело в том, что во многих татарских домах летом, во время жары, готовят на дворе, или в особом очаге на террасе (см. рис. Куфтина 13 и 38). Зимою же в комнатах часто устанавливаются железные печки, уже лет 20 все более и более входящие в употребление. Повидимому, с обоими этими явлениями встретился автор в цыганском доме. Здесь имеет место не вынесение очага наружу, что совершенно было бы непонятно при дороговизне в городе дров, а замена его убирающейся на лето переносной печкой.

Неясно также, почему влияние „альпийского типа“ жилища происходило „в два приема“. Предварительно следовало бы доказать, что термин соба первоначально означал комнату, а не внутреннюю печь, чему противоречат самые наименования (печь внутри дома — соба; парадная комната—собалыу—собалы-су, т.-е. комната с печью). Соба в настоящее время вытесняется железной печью; комната, получившая название по находившей в ней хлебной печке, сохраняет его и по исчезновении последней.

На сс. 49 и 51 (§ 5) автор категорически говорит о двух путях, по которым проходило в Крыму развитие второго этажа, но нигде мы не находим доказательств, основанных на конструктивных деталях домов, подтверждающих это предположение. Единственным доводом является теоретическая предпосылка, что свайные постройки развиваются таким-то путем, а горные жилища иными. Мы видали уже, что связь со свайными постройками (плетневый тип) весьма проблематична.

Наконец, пункт шестой (с. 51) об османском влиянии, сказывающемся в замене высокой мебели низкой и центрального огнища—боковым очагом с трубой, можно принять, если понятие османское заменить татарским. В Крыму мы в противоположность Кавказу и Балканам не встречаем ни одного дома с центральным огнищем и высокой мебелью (то, что Куфтин считает пережитками ее, бытующими только в южно-бережных домах, — бардах-тахта и сет (секе) распространены в предгорном и степном районах и встречаются даже у кочевников).

Не рискованно ли утверждать наличие замены там, где совершенно неизвестны первоначальные формы, и не вероятнее ли предположение, что и очаг и мягкая мебель принесены татарами с собой как неотъемлемые черты их быта? Оба эти элемента широко распространены среди всех турецких народностей, и нет данных говорить об их заимствовании.

Здесь мы подходим к основной, как мне кажется, проблеме крымских жилищ. Основываясь на том, что еще в XVI в. татары откочевывали на лето в южно-русские степи (с. 12), Б. А. Куфтин совершенно исключает всякую возможность у них „оседлых традиций“. В этом, на мой взгляд, заключается его главная ошибка. Прежде всего, летние кочевки нисколько не противоречат присутствию зимника, как то мы видим и теперь у ногайцев, туркмен и даже киргиз. Во-вторых, целый ряд исторических показаний [1]) приводят нас к убеждению, что татары вели полукочевой, связанный с зимниками образ жизни. Наконец, значительное

---

[1]) См. подробнее мою статью Свадебные жилища турецких народностей, „Материалы по этнографии России“, т. III.

сходство степного татарского жилища с зимниками кочевых турок еще более подкрепляет это предположение. Это отрицание „оседлых традиций" у крымских татар и привело автора к необходимости искать прототипов крымского жилища в свайных плетневых постройках, в германских срубах, османских очагах и пр.

Таким образом, пренебрежение сравнительно-этнографическим материалом, недостаточный учет природных условий и неясное расчленение этапов развития каждого типа дома в отдельности значительно усложнили и, быть может, затемнили вопрос о крымских жилищах в работе Куфтина.

В заключение упомяну о ряде мелких обмолвок и неточностей, встречающихся в статье: четырехугольный столик неправильно называется „софра", вместо курси; „воздушный кирпич укладывается на каркасе (?) из узких деревянных планок" (?) — с. 10; „простейший тип жилища предгорного района с пристроенными (?) сенями"; „очаг возводится из камня (?) или плетня"—с. 19; „наличие у южно-бережных татар очажной цепи (?) и кровати" (?) — с. 44; противоречивые утверждения, что „хлебная печь обозначается словом соба, хотя бы она находилась и вне (?) дома"—с. 48 и 44 и т. д.

Несмотря, однако, на упомянутые недочеты, работа Б. А. Куфтина привлекает к себе внимание количеством использованных источников и широтой поставленных проблем.

Г. Бонч-Осмоловский.

V. J. Mansikka. **Die Religion der Ostslaven, I. Quellen,** „F F Communications", № 43, Helsinki, 1922, 408 с.

В 80-х годах прошлого столетия акад. Ягич, говоря о непригодности древне-христианских поучений и других литературных источников для восстановлении религии славян, предостерегал исследователей от увлечения бесплодными попытками в этой области. Несколькими годами позже проф. И. Бодуэн де Куртенэ писал о славянской мифологии следующее: „Несмотря на множество более или менее значительных трудов, посвященных славянской мифологии, можно без преувеличения сказать, что такой науки до сих пор не существует" („Журнал Министерства Нар. Просв.", ч. 230, 145).

В настоящее время подобный скептицизм нельзя не признать ошибочным: он сложился всецело под влиянием традиционного отождествления мифологии с культом великих богов. Славянский Олимп беден. Но религия заключается не только в поклонении могучим божествам. Новейшие исследования показали, какое громадное значение имели на первобытных ступенях человеческой культуры обряды, религиозное действо, низшая мифология. И вот, исходя из современных верований и обрядов, можно не только установить ряд интересных и ценных научных выводов в области восточно-славянской религии, но и реконструировать со временем первоначальное религиозное миросозерцание и обрядность древней Руси. По такому именно пути и идут Д. К. Зеленин, Е. В. Аничков и В. Мансикка, являющиеся прежде всего фольклористами и рассматривающие исторические памятники при свете современных народных обрядов и представлений.

Первый том труда В. Мансикки посвящен обзору источников. Археологический материал занимает всего лишь 23 страницы. Вся остальная часть книги посвящена литературной традиции, т.-е. летописям, поучениям христианских проповедников, свидетельствам иностранцев и т. д., при чем автор, с одной стороны, путем тщательного анализа текста обнаруживает множество интерполяций и стремится восстановить первоначальную форму памятника, с другой—подбирает к сообщаемым в источ-

никах фактам аналогии и параллели из современного русского и нерусского фольклора. В этом отношении труд Мансикки, отличающийся крайней осторожностью в выводах, представляет собою громадную ценность.

Но автор почему-то совершенно исключает из круга источников религии восточных славян язык и культурные переживания. Между тем, не может быть сомнения в том, что язык, так ярко отражающий в себе социальную и умственную жизнь народа, его культурные заимствования, его отношения к другим, соседним народностям, служит весьма ценным источником для исследователя религии. В еще большей степени, конечно, нужно это сказать об этнографическом материале, в котором сохранились обломки первобытных культов и представлений. Из-под покрова народных верований и обрядов пред нами всплывают при свете научного анализа несомненно более точные и правдивые картины древне-русской религии, нежели со страниц летописей, поучений и других литературных памятников, столь часто затемняющих истинный смысл представления или обряда.

Обзор археологических памятников у В. Мансикки страдает некоторою неполнотой. Не упоминается, например, о найденном в 1910 г. на дне р. Десны, между гг. Остером и Черниговом, стволе дуба с вставленными в него четырьмя инкрустированными челюстями кабана (Киевск. Гор. музей), как и не говорится ничего об интересной контроверсе в науке, связанной с загадочными „каменными бабами". При рассмотрении обычая греть покойников (с.с. 19 и 22) не приняты во внимание работы П. Сартори (P. Sartori, „Feuer und Licht im Totengebrauche", Zeitschr. d. Vereins f. Volksk., XVII, 1907, с. 375 и сл.) и Д. К. Зеленина („Харьковский Сборник", XVIII, 1909 г., с. 256 и сл.).

И во второй части труда наблюдаются иногда пробелы, неполнота и случайность приводимого материала. Так, говоря о почитании чеснока у разных народов, Мансикка мог бы сослаться на то, что это растение считалось могущественным филактерием (оберёгом) у древних и современных греков и италийцев, у арабов, индусов, сербов (Gruppe, Griech Mythol., II, 889, S. 7) и играет роль в фольклоре восточных народов (сарты и др.) и сейчас („Этнограф. Обозрение", LII, с. 113; LXXX, с. 36); утверждение автора, что чеснок встречается в народном суеверии южан, оказывается, таким образом, неточным. Во многих случаях сравнительный метод мог бы принесть ему несомненную пользу при объяснении того или иного явления. Например, смысл и история частичного сожжения (обжигания) трупов в древней Руси (с. 24) выясняется лучше благодаря сопоставлению его с аналогичным обычаем, существовавшим в Греции (W. Dörpfeld. Verbrennung und Bestattung der Toten im alten Griechenland, „Mélangos Nicole", Genève, 1906, J., 95 сл.; Jos. Zehetmaier. Leichenverbrennung und Leichenbestattung in alter Hellas, „Beiträge zur Kunstgeschichte", N. F., XXXV, 1907 J.) и если даже не соглашаться с гипотезой Дёрпфельда (как это делает, например, C. Rouge. Bestattungssitten in alten Griechenland, „Neue Jahrb. f. d. Kl. Allert.", XXV, 1910, 385 сл., срв. ответ Дёрпфельда, там же, XXIX, 1912, 1—26), то все же его соображения могли бы оказаться нашему автору не бесполезными.

В некоторых случаях с автором нельзя согласиться. Так, вряд ли славянское „вила" тюркского происхождения (с. 153, примеч.); правильнее сопоставлять его с литовск. vėlės—„духи умерших". Равным образом, нет основания признавать славянское „Перун" заимствованием из германо-балтийского цикла, модифицированным благодаря народной этимологии (с.с. 381—384). Я считаю, что в основе славянское „Перун", балтийских параллелей с k (лит. Perkúnas, латышск. pērkůns, др.-прусск. percunis), германских аналогий с g (готск. fairguni, др.-исл. Fjorgyn)

и др.-инд. Parjánya лежат три варианта индо-европ. корня perq-, per- и perg-. На с. 394 Мансикка интерпретирует имя Дажьбог, как deus dator. Против этого нужно возразить, что первая часть этого имени не может заключать в себе глагольной основы, так как в славянских языках встречаются лишь такие сложения с глаголами, в которых имя существительное является объектом глагольной основы.

Но все это—мелочи. В общем же труд Мансикки, как первый опыт историко-литературного и фольклористического анализа письменных источников древне-русской религии, является, благодаря тонкому критическому чутью и ряду правильных и убедительных мыслей автора, ценным вкладом в этнологическую литературу. И можно лишь пожелать, чтобы за этим вводным томом скоро последовали и остальные.

Е. Кагаров.

М. Е. Шереметева. **Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Этнографический очерк с 9 рисунками на отдельных листах** [Труды Калужского Общества Истории и Древностей.] Калуга, 1925 г. 29 с., цена 45 к.

В очерке даны результаты наблюдений автора в Калужском уезде в 1925 г. Район наблюдений—Гамаюнщина—расположен против Калуги, на противоположном берегу Оки. Выбор района следует признать удачным, так как из мест, близких к Калуге и не требующих больших путевых расходов, Гамаюнщина, сохраняющая много из старого быта и выделявшаяся из общей массы соседнего населения еще в 60-х годах (Потанин), представляет несомненный интерес. Работа посвящена специальному вопросу об одежде. Мужской одежде, ранее, чем женская, утратившей старинные особенности и давно здесь перешедшей на городской покрой, уделено сравнительно немного внимания.

На основании собраных материалов автору удается установить изменение женской одежды на протяжении XIX в. Следов более древних форм здешней одежды не обнаружено, хотя, несомненно, для населения этого района в древнейшее время должна быть характерной понева, известная в большей части уездов Калужской губ. К указанным автором прибавим еще Лихвинский. В работе даются подробные описания и хорошие фотографии, дающие представление о гамаюнских костюмах, но приходится пожалеть, что не имеется чертежей, по которым можно было бы проследить детали покроя. Последнее в настоящее время является особенно ценным, так как общие типы и формы более или менее известны, и особый интерес представляют те или иные местные варианты. Между прочим, интересно было бы иметь покрой гамаюнской женской рубахи, в большинстве случаев закрытой на фотографиях сарафаном или занавеской, в частности смертной рубахи, в которой дана интересная деталь—„долгие узкие рукава“: если здесь речь идет об узких рукавах, длиною до кисти, то это очень любопытное сохранение в Гамаюнщине в качестве ритуальной одежды старинной формы, доживающей еще в некоторых глухих углах Калужской губ. Точно также желательны покрои занавесок, представляющих большой интерес при изучении южно-великорусской женской одежды, а также и сарафанов двух типов, сменяющих, как и в других местах, где бытовали сарафаны, один другой. При описании сарафана даны любопытные указания на шитье их в монастыре, откуда идут украшения на них из шелков XVIII в. Это весьма ценная черточка, указывающая исследователям лишний раз на то, как осторожно приходится оперировать с материалом, не освещенным бытовыми наблюдениями в том или ином районе. Напрашивается пожелание иметь такое же указание на изготовление золотых вышивок для головных уборов; приводимые

автором узоры на этих вышивках, между прочим, весьма характерны не только для Гамаюнщины, но для многих мест Перемышльского, Калужского и Жиздринского уездов. Возможно, что в эти места данное шитье шло из одного определенного пункта. Некоторые детали одежды представляют особый интерес, в частности украшение головного убора — „чехры",—известное, кроме того, в Перемышльском у., а также „подшейный язык". Ценны также сведения, приводимые по ритуальной одежде. Весь материал сопровождается многими бытовыми подробностями, весьма оживляющими самое описание одежды.

Отсутствие указаний сравнительного характера, хотя бы на материал Калужской и, не говоря уже о других великорусских губерниях, приходится отнести за счет почти полного отсутствия такого материала в Калужском музее.

В общем, настоящая работа является ценным вкладом в изучение одежды Калужской губ., в особенности, если принять во внимание, что по этому вопросу, кроме статей Потанина и Елеонской, мы имеем 2—3 беглых заметки газетного типа да неоднократные пересказы описания Потанина.

Н. Гринкова.

Борис и Юрий Соколовы. **Поэзия деревни.** Руководство для собирания произведений устной словесности. Москва. Изд. „Новая Москва". 1926 г., 166 с., ц. 1 р. 50 к.

Развивающееся краеведческое движение в разных местах СССР, при нашей бедности подготовленными в этой области работниками, настойчиво требует руководств, инструкций, программ для этой работы. Без этих руководств зачастую местным краеведам приходится итти ощупью, делая подчас непоправимые промахи и упущения, которые иной раз невозможно и поздно исправить. В последние годы в ответ на этот запрос появилось значительное количество разного рода программ и инструкций, в частности по собиранию произведений народного творчества. Среди этих руководств первое место следует отвести недавно вышедшей книге Б. и Ю. Соколовых: „Поэзия деревни". Если не считать „Бесед собирателя" М. К. Азадовского (изд. 2-е. Иркутск, 1923), затрагивающих по преимуществу вопросы фольклорного изучения определенной территории— Сибири, но имеющие ряд ценных указаний, касающихся вообще фольклора, не только сибирского, то книга Б. и Ю. Соколовых является первой по своей полноте, широте и полной научности поставленных вопросов и заданий. Изданные ранее руководства обычно строились в виде программы вопросника, в основе своей повторяя программу, составленную В. Ф. Миллером. Авторы настоящей книги отказались от этой мало дающей начинающему работнику системы и поставили задачей книги „в форме связных очерков изложить основные задачи и приемы собирания и наметить главные вехи в работе начинающего собирателя фольклориста". Такое построение книги дает возможность, не нагромождая бесконечных вопросов, детально осветить все стороны собирания; дать практические указания в разные моменты работы, тем более, что авторы дают эти указания не из чисто теоретических кабинетных соображений, а из долгого (17-летнего) и разнообразного личного опыта собирательской работы. Все эти детальные указания, мелкие советы сразу вводят начинающего фольклориста в самую лабораторию собирания и заранее предупреждают от ряда ошибок, которые неизбежны без предварительного опыта.

Книга состоит из 4 глав: I. Задачи изучения и собирания. II. Организационные формы собирания фольклорного материала. III. Как записывать произведения устной словесности. IV. О собирании отдельных видов фольклора. (Задачи и приемы.) Говоря о методах собирания, стационар-

ном и экспедиционном, авторы особенно останавливаются на коллективных экспедициях, которые неоднократно применялись ими в разных районах и дали блестящие результаты. Безусловно, только при такой постановке дела возможно изучение фольклора отдельного района с исчерпывающей полнотой. Но, к сожалению, организация такого рода работ возможна далеко не везде при отсутствии соответствующих руководителей и средств на местах.

Особенно следует подчеркнуть выдвинутый авторами вопрос о собирании фольклора в бытовом окружении,—сторона, оставшаяся в старых работах в тени. „Устная поэзия вне быта, вне природы, вне связи с окружающей действительностью не может быть рассматриваема". Говоря о записи отдельных видов фольклора, авторы намечают пути такого собирания, тесно связав бытование того или иного произведения с той реальной обстановкой, в которой оно складывается и живет.

Также важен и другой вопрос, удачно выдвинутый авторами, — это вопрос о том, „насколько отличается в темах и в формах творчество отдельных групп сельского населения, находящихся в различных экономических и культурных условиях". Такой подход к фольклору, в связи с вопросом о расслоении деревни, несомненно, должен дать ценные материалы, которых мы до настоящего времени еще не имеем (по крайней мере, в печати).

Через всю книгу проходит настойчивое требование научной записи, от которой требуется соблюдение „полноты, точности и объективности". В этом отношении особенно следует приветствовать требование записи, более или менее точной, со стороны внешней оболочки произведения, со стороны звуковой. Но тут следовало бы сделать небольшую оговорку. Книга, по указанию авторов, представляет собой руководство, которое „рассчитано на студенческую молодежь и вообще любителей народной поэзии, а главным образом, на местных культурных работников деревни". Раз речь идет о местных работниках деревни, то тут вполне понятен тот „испуг" при требовании фонетической записи, о которой упоминают авторы (с. 58), и, конечно, приложенные в конце книги диалектологические материалы (программы и образцы записей) мало помогут человеку, совершенно не задумывавшемуся над вопросами языка и не имеющему в этом направлении никакой подготовки. При необходимом настоятельном требовании фонетической записи, сохраняющей самую живую ткань произведения, можно пойти для мало подготовленных лиц на маленькую уступку: разрешить записывать при помощи тех обозначений, которые им удобны, с тем только условием, чтобы особенности местного говора были выделены и оттенены, и в примечании дано объяснение употребляемых знаков.

Для большей точности текстуальной записи, быть может, не лишне было бы рекомендовать записывателю отмечать те места песни, сказки и т. п., которые не успел записать дословно при первоначальной записи, хотя бы выделением их в скобки при повторном рассказе или при читке рассказчику.

Приведенная в конце каждого очерка библиография дает возможность неспециалисту ориентироваться в существующей литературе и самостоятельно получить оценку своему материалу. Замечу, между прочим, что в некоторых отделах помещено несколько книг, не вполне заслуживающих внимания.

Появление такой книги, затрагивающей все вопросы, выдвигаемые наукой о фольклоре, и основанной на долголетней теоретической и практической работе, следует горячо приветствовать и принять меры к ее широкому распространению, с тем, чтобы она стала необходимым руководством для каждого собирателя и каждого, готовящегося к собиранию.

Н. Гринкова.

Ак. Вс. Ф. Миллер. **Очерки русской народной словесности, т. III. Былины и исторические песни.** Москва, Гиз, 1924 г., 351 с.

Приятным подарком для лиц, интересующихся народным русским творчеством, является вышедший в свет 3-й том Очерков известного исследователя народной словесности покойного ак. Вс. Ф. Миллера. Только через 10 лет после его смерти удалось выпустить этот том, завершающий собой разнообразные, всегда глубоко интересные, остроумные и прекрасно изложенные розыскания Вс. Ф. в излюбленной им области до сих пор во многом загадочного русского былевого эпоса. Судьба этого тома сложна. Начался он печататься вскоре после смерти В. Ф. Академией Наук под наблюдением ученика В. Ф. Миллера, теперь тоже покойного, А. В. Маркова; печаталась книга в Москве, а корректура держалась в Тифлисе, где жил А. В. Марков. По смерти А. В. Маркова наблюдение над печатанием было передано другому ученику В. Ф.—Н. В. Васильеву, под надзором которого прошло печатание всей второй половины обширной книги. Революция застигла книгу, когда она была доведена почти до конца. Книга перешла в Госиздат, так как у Академии Наук тогда не было средств на ее издание. И только теперь книга, наконец-то, появилась в свет. Напечатана она по старой орфографии, что объясняется набором ее в дореволюционный период.

3-й том Очерков В. Ф. Миллера в том виде, в каком он сейчас вышел, включает статьи В. Ф. Миллера, печатавшиеся в различных журналах („Этн. Обозрение", „Журнал Министерства Нар. Просв.", „Известия Отделения Русского Языка и Словесности Акад. Наук" и др.) в период с 1910—1913 гг., посвященные былинам и историческим песням. Сначала предполагалось поместить в этот том и ценнейшие работы В. Ф. Миллера, посвященные другим видам устной словесности,—сказкам, заговорам и др., но, к сожалению, осуществить этого не удалось. Но и без того содержание 3-го тома Очерков надо признать чрезвычайно ценным и интересным. Здесь перепечатаны следующие 11 работ В. Ф. последних лет его жизни. Обширное разыскание К былинам об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, где В. Ф. Миллер дает сводку своих и чужих исследований о загадочной личности главного русского богатыря и мастерски пытается нарисовать ту сложную эволюцию, какую претерпел этот образ в течение многовековой жизни русского эпоса, ставя эту эволюцию в тесную связь с историческими и социальными процессами русского народа и государства.

Следующая статья 3-го тома К вопросу о возрасте и казачестве Ильи Муромца доказывает, что эпитет Ильи „старый казак" отнюдь не указывает на возраст Ильи Муромца, а определяет социальное его положение: это служилый казак, служивший „старо"-московскому правительству, несший, главным образом, сторожевую службу и противополагавшийся „разбойным" казакам, голытьбе, игравшей такую большую роль в событиях Смутного времени.

В очерке К былине о бое Ильи Муромца с Добрыней автор доказывает позднее происхождение этой былины и относит ее к эпохе XVII в. В статье О некоторых местных отголосках в былинах В. Ф. останавливается на былинах о Колыване - Святогоре, связывая вместе с С. К. Шамбинаго имя Колывана с финскими, главным образом, эстскими, преданиями о Калеви-поэге, объясняя имя Святогора от Святых гор той Псковской губернии, где к различным местам прикреплены сказания о Калеви-поэге. К тем же местным псковским преданиям относит В. Ф. Миллер отчество богатыря Сухана „Домантьевич", видя в последнем отголосок эпических сказаний о псковском князе литвине Доманте (Довмонте) XIII в. В обширном этюде К былине о Соломоне и Василии Окуловиче В. Ф. Миллер

подвергает детальному анализу все имеющиеся варианты былины и сопоставляет их с апокрифом и сказаниями об увозе Соломоновой жены. Интересны замечания Миллера об историизации этого захожего сюжета в русской былине. В былину попали имена исторических лиц XVI в.: под именем Васьки Торокашки, пособника Василия Окуловича, В. Ф., вслед за Марковым, разумеет новгородского старосту купецкого Василия Тороканова, современника Василия III; в самом имени царя Василия Окуловича, похитившего Соломанию (или Соломадию), и в самом этом имени царицы В. Ф. очень остроумно предполагает отражение имен Василия III и его первой жены Соломонии. Былина, по мнению исследователя, сложилась в Новгородской области в первой половине XVI в.

Отдел исторических песен и преданий включает в себя ряд статей В. Ф. Миллера. Очерк К песням о взятии Казани дает интересные параллели между песнями и книжными сказаниями об этом же событии и устанавливает сложение песен в среде, не чуждой литературных приемов и знакомства с книжной литературой. Той же теме о взятии Казани посвящен следующий очерк Русские и инородческие предания о казанском походе Грозного, где подвергнуты критическому историческому анализу любопытнейшие татарские и мордовские исторические предания; их В. Ф. Миллер справедливо относит именно к указанной эпохе Грозного, когда завоевание Казани укрепило за Москвой всех ранее подчиненных татарам поволжских инородцев. О той же эпохе Ивана Грозного говорится в следующем очерке О некоторых песенных отголосках событий царствования Ивана Грозного, написанном в связи с книгой С. К. Шамбинаго— Песни-памфлеты XIII в. Здесь В. Ф. устанавливает песенные отголоски о военнном герое этой эпохи кн. М. Н. Воротынском, победителе крымцев в 1572 г., впоследствии подозреваемом Грозным и находившемся у него в опале.

Обширный очерк В. Ф. Миллера—Казацкие эпические песни XVI и XVII вв.—представляет исчерпывающий обзор былинных записей, сделанных у казаков на Дону, Волге и Урале, уясняющий казацкий эпическо-песенный репертуар; здесь В. Ф. Миллер дает блестящую характеристику бытования и исполнения былин у казаков.

Историю казацких песен, верный своему историко-социологическому методу, В. Ф. рассматривает в тесной связи с историей казачества. Наконец, в 3-й том Очерков вошли еще две статьи: К песням, сказкам и преданиям о Петре Великом и Былины и исторические песни в качестве обрядовых. Последняя статья рисует одну из последних стадий эволюции былин в связи с падением эпической традиции и перехода эпических песен в другие жанры, в частности в обрядовую песню.

Таково содержание тех статей, какие составили 3-й том Очерков неутомимого исследователя былин и какие были напечатаны в разных научных журналах за последние 3 года жизни талантливого ученого.

Но самое главное, что так давно хотелось увидеть,—это создание В. Ф. на основании его личных и других ученых частных исследований, наконец, опыта синтетического построения истории русского эпоса. Это мог по праву сделать именно В. Ф. Миллер после своих многочисленных детальных изысканий по изучению отдельных былин, после его Экскурсов и многочисленных Очерков, объединенных теперь в три тома и заключающих в себе теперь в общей сложности 40 статей, не считая вошедших в Экскурсы и других, оставшихся не введенными в Очерки. О последнем нужно очень и очень пожалеть. Мы не можем понять, почему редакторы 3-го тома не включили в него такие статьи В. Ф., как его разбор Песен-памфлетов С. К. Шамбинаго, („Вестник Европы", 1913 г.), очень интересную статью К крестьянству Микулы Селя-

ниновича („Этнограф. Обозр.", 1911 г.), Две сибирские былины из записей Гуляева („Живая Старина", 1911 г.). Эти статьи были напечатаны В. Ф. после 1910 г. и не попали поэтому во 2-й том Очерков (1910 г.). Нельзя не пожалеть и о том, что редакторы, давая 3-й том Очерков В. Ф. Миллера по былинам, не включили также тех статей, какие В. Ф. в свое время по тем или другим причинам сам не ввел в предыдущие два тома. Для лиц, изучающих былины, чрезвычайно важным являлось бы объединение всех работ покойного ученого на эту тему.

Таковы хотя бы статьи К былинам о Глебе Володьевиче („Журнал Министерства Нар. Просв.", 1903 г.), К песням об Иване Грозном („Этнограф. Обозр.", 1904 г.), Новые записи былин в Архангельской губ. („Известия О. Р. Я. и Сл. Академии Наук", 1899 г.), Исторические песни из Сибири (там же, 1904 г.) и др., а также очень давние, но во многом очень интересные работы, как Отголоски Александрии в болгаро-русских былинах („Журнал Министерства Нар. Просв.", 1877 г.). Тогда бы мы действительно имели полный свод розысканий В. Ф. Миллера в области былевого эпоса, долженствующих лечь в основу синтетического обзора его истории. Мы сказали, что право на такой синтетический обзор имел прежде всего сам В. Ф. Миллер, но он заявлял, что время для этого еще не наступило.

В. Ф. долгие годы считал нужным уйти в детальную разработку отдельных былин, прежде чем приступить к синтезу. Лишь за год до своей смерти, в 1912 г., он решился, наконец, взяться за синтетический „Очерк истории русского былевого эпоса" и написал обширные 2 главы, доводящие историю эпоса с XI до XIV в.

Эти две, еще до сих пор бывшие не напечатанными, главы, составляющие 90 печ. страниц, помещены в разбираемом нами 3-м томе Очерков и представляют исключительный интерес как опыт синтеза изучения былин с историко-социологической точки зрения, принадлежащий перу лучшего знатока и исследователя русского эпоса. Не вдаваясь в подробности, я все же считаю нужным несколько пристальнее остановиться на этом опыте.

Для правильного понимания взгляда В. Ф. Миллера на историю русского эпоса нужно постоянно различать былинный сюжет от его первообраза, что неоднократно подчеркивает В. Ф. (стр. 8, 27, 28). Поэтому во всех работах Миллера, как и в данном синтетическом обзоре истории русских былин, мы постоянно находим указания и предположения о всевозможных переработках и изменениях основной былины во время ее многовековой жизни.

Стараясь нарисовать перед нами историю русского былевого эпоса в его развитии, В. Ф., согласно принципам своего исторического метода, рассматривает былинную поэзию на фоне историко-культурных, экономических, социальных и политических судеб русского народа и государства „путем комбинации былинных данных с общим ходом нашей истории". „Эпическая поэзия,—говорит В. Ф.,—одно из проявлений духовной жизни народа, неразрывно связанного со всем строем как материальной, так и духовной жизни вообще" (с. 6). „Изучая былины, мы должны уяснить себе, в каких бытовых условиях жило население, в котором могло зародиться эпическое поэтическое сказание, каково было его материальное состояние, его культура, какие классы или группы этого населения стояли во главе, каковы были внешние отношения к соседним народам и многое другое". Исходя из таких принципов, В. Ф. дает нам сначала сжатую, но достаточно полную, характеристику Киевской Руси, кончая XII в., пользуясь для этого трудами наших историков, главным образом, В. О. Ключевского. Из этой характеристики в отношении к условиям развития поэтического искусства в этот период В. Ф. делает вывод: „Для возникно-

вения и успешного развития искусства и литературы, для проявления духовной жизни наиболее одаренных людей так называемого общества, того, что мы теперь называем интеллигенцией, древнекиевский период представлял благоприятные условия в виде накопления богатства в высшем покровительствующем искусству классе общества".

Обращаясь к былинам, а также к следам эпического творчества, кое-где сохранившимся в летописях и других письменных памятниках (например, в „Слове о Полку Игореве"), В. Ф. Миллер приходит к важному выводу, что „к XI веку относится создание Владимирова цикла героических сказаний, первообраза позднейших былин". К былинным отголоскам этого периода В. Ф. относит некоторые отголоски сказаний о в. кн. Ольге (в былинах—Вольге); наличность здесь более древних исторических отражений—именно преданий об Олеге Вещем, на чем в свое время настаивал М. Г. Халанский и отчасти С. К. Шамбинаго, В. Ф. отрицает. Но главной эпохой, когда создались песни, положившие основу Владимирова цикла, было время самого Владимира. Былины помнят о „пирах", засвидетельствованных письменными памятниками, есть отголоски сказаний, записанных в летописях о битве переяславского юноши с печенежским великаном; наконец, былины сохранили память о дяде Владимира—Добрыне (крещение им новгородцев—„Добрыня змееборец") и Добрыне-свате, доставшем невесту Владимиру (ср. летописные сказания о Рогнеде.) То, что битва с печенежским великаном отражает переяславское предание, а обе былины о Добрыне восходят к Новгороду,— это одно показывает, что уже в ранний период жизни былевого русского эпоса он слагался в разных местах Руси, а не в одном Киеве.

Эпоха Ярослава, по мнению Миллера, не отразилась в эпосе, чему В. Ф. ищет объяснение в отсутствии в биографии Ярослава крупных блестящих фактов, какие бы напрашивались на хвалебную песнь. Зато, по В. Ф. Миллеру, обширным явился цикл песен несколько более позднего времени—„половецкого" периода, с центральной личностью Владимира Мономаха, черты которого можно различить в ставшем уже „эпическим" былинном кн. Владимире. К этому периоду, к XI — XII вв., В. Ф. Миллер относит основы былин о Казарине (волынского происхождения), Ставре (новгородского), Иване, Гостинном сыне (новгородского), Сорока каликах со каликою (новгородского), о Глебе Володьевиче (новгородского); прототип былинного Тугарина Миллер видит в половецком хане Тугоркане, а прототип сказочного Буняка—в хане Боняке.

Несколько позднее в XII в. вошли в эпическое творчество имена половецкого хана Кончака (в былинах Коньшик, Кончальничек) и имя его отца хана Отрока (былинный Атрак), а также имя богатыря Ивана Даниловича, погибшего в битве при Супое в 1136 г. и служившего в дружине сына Владимира Мономаха Ярополка.

Все это, по мнению В. Ф., еще больше укрепляет древность нашего эпоса и большое его развитие уже в киевский период русской истории (X—XII вв.). Исходя из общих исторических предпосылок и из анализа исторических отражений в былинах, В. Ф. заключает, что средой, создавшей эту былину, была среда княжеской дружины.

„Воспевая князей и дружинников, эта поэзия носила аристократический характер, была, так сказать, изящной литературой высшего, наиболее просвещенного класса".

„Местом, где создавались эти песни, были, главным образом, города, где пульс жизни бился сильнее, главным образом, богатые города, где жизнь шла привольнее и веселее. Это были Киев, Новгород, вероятно, также Чернигов и Переяславль".

Следя за дальнейшим ходом русской истории, В. Ф. подходит к периоду XIII—XIV вв. Отмечая политическое и экономическое падение

значения Киевской Руси, резкое ухудшение торговли и связи с внешним рынком, явное оскудение не только низших, но и высших классов южно-русского общества—князей и дружинников, нашествие татар и опустение Киевской Руси, Миллер констатирует неизбежность падения здесь духовной культуры, в частности поэтического искусства и перенос культурной жизни в другие центры. Колонизационный отлив южно-русского населения на запад, в глубь Галиции и Польши, возвысил значение Галицко-Волынского княжества, пережившего с конца XII по начало XIV в. краткий, но блестящий период своего расцвета. Этот расцвет отразился и на эпической поэзии. Еще в „домонгольский период" „Галич-Волынец" упоминался в древних песнях, чтобы затем вместе с Киевом стать „эпическим" городом. В. Ф., повторяя свои выводы, сделанные еще в 1-м томе Очерков, относит к галицко-волынским элементам русского эпоса основы былинных преданий о Казарине, Дюке Степановиче, Чуриле Пленковиче, Михаиле Потыке, Дунае Ивановиче. С мнением же И. Н. Жданова, что в различных песнях и былинах о кн. Романе мы имеем воспоминания о галицко-волынском князе Романе Мстиславовиче, В. Ф. не соглашается.

И здесь, говоря о галицко-волынском вкладе в общерусское эпическое творчество, В. Ф. еще раз подчеркивает неразрывность связи жизни эпоса с общим ходом истории создавшего его народа. Ту же крепкую связь судеб русского эпоса с историей народа устанавливает В. Ф. Миллер, обращаясь к другой географической полосе Руси XIII—XIV вв.— Руси северо-восточной.

Давая краткую характеристику политической, экономической и социальной жизни Владимиро-Суздальской Руси XIII—XIV вв., В. Ф. Миллер подчеркивает вслед за историками падение общерусских интересов, падение идей об единой „Русской земле", измельчание политического сознания. Изменившиеся внешние условия, удаление от южных степей, завоевание Руси татарами—все это понизило былой воинственный дух, внешняя оборона земли не давала прежней пищи боевому духу дружин. Изменение политических условий шло в параллель изменению условий экономических. „В северо-восточной Руси мы не видим той большой городской жизни, которая вследствие торговли и промышленности развилась в Приднепровьи, внося культурное движение в среду низших классов народа. Общество вообще беднее южно-русского. Капитал, который создан был и поддерживался живой и давней заграничной торговлей Киевского юга на Суздальском севере, в те века является столь незначительным, что перестает оказывать заметное воздействие на хозяйственную и политическую жизнь народа. С обеднением высших слоев населения выбыл из строя общественных сил на севере тот класс, который преимущественно работал торговым капиталом—класс промышленных обитателей больших волостных городов".

Все это влекло к захудению и понижению уровня культуры, достигнутого в киевском периоде. Ясно, что все эти условия должны были сказаться на изменении былевого эпоса.

От эпохи XIII—XIV вв. В. Ф. считает, что сохранились лишь имена и некоторые отголоски исторических событий ранней татарской эпохи. К ним В. Ф. относит былины о Камском (Калкском) побоище, о Калине царе (то же воспоминание об этом же побоище). Существование бывших эпических песен Батыевой эпохи В. Ф., как и другие исследователи, вскрывает в книжной „Повести о приходе Батыевой рати на Рязань" и в „Сказании о Батыевом приходе на Русь" в 1237 г. Отголоски этих преданий он склонен видеть в былине о Даниле Ловчанине, в имени киевской былинной княгини Опраксии, в отчестве былинных ханов — Таврульевич (Хостоврул—шурин Батыя). То же воспоминание о нашествии Батыя В. Ф. Миллер склонен усматривать в известном былинном зачине

о турах под Киевом. К ранней эпохе татарщины относятся отголоски в былинах эпических преданий о ростовском „храбре“ XIII в. Алеше (Александре) Поповиче, погибшем в битве при Калке, а ранее участвовавшем в боях в дружине ростовского кн. Всеволода Большое Гнездо, а затем его сына Константина. Но былина об Алеше и Тугарине относится в своей основе еще к половецкому периоду, в былине о Камском побоище, и о Калине-царе Алеша входит лишь как одно из действующих лиц и В. Ф. должен констатировать, что, собственно говоря, „до нас не дошло от суздальского периода никаких былинных сюжетов об этом богатыре, кроме доомгольского, об его бое с Тугарином, прикрепленных к имени этого популярного ростовского храбра“. „Для создания боевых, богатырских былин,—говорит В. Ф.,—очевидно, XIII и XIV века не представляли благоприятных условий в тех областях России, в которых шел исторический процесс, подготовивший Московское государство“.

То же самое имя другого эпического богатыря Добрыни за суздальский период не притянуло каких-либо новых—именно „суздальских“—сказаний. Об отсутствии благоприятных условий для развития в этот период историко-эпических сказаний говорит, по мнению В. Ф., и тот факт, что знаменитая Куликовская битва не возбудила народное чувство к созданию исторических песен. В былине можно найти лишь некоторые отголоски в именах, впрочем, зашедших в них в сравнительно позднее время и не без книжного влияния. Таковы само имя Мамая, эпическое „Куликово поле“—место битв и казней, имя Пересвета (богатырь Пересмета), а также указание С. К. Шамбинаго, принятое В. Ф. Миллером на отражение в былинах о Сухане книжных „Сказаний о Мамаевом побоище“.

К суздальской эпохе относит В. Ф. прикрепление к Мурому и к селу Карачарову бывшего южно-русского богатыря Ильи Моровленина.

Вот собственно и все, что находит В. Ф. Миллер возможным отнести в былинах к рассмотренной сейчас „переходной“ эпохе XIII—XIV вв. На этом В. Ф., к сожалению, и окончил свой синтетический обзор истории русского эпоса. Нельзя не пожалеть, что преждевременная смерть не дала возможности талантливому знатоку наших былин начертать дальнейшие судьбы русского эпоса—новгородской эпохи XIII—XVI вв. и московской (XV—XVII вв.). Эти эпохи и области, как мы знаем по отдельным статьям В. Ф., давали ему особенно богатый эпическо-исторический материал, и как раз в обнаружении исторических пластов этих эпох покойный исследователь проявил удивительное чутье и дарование.

Конечно, в такой области, как устное творчество, где в значительной мере приходится прибегать к гипотезам, трудно признавать полную доказанность и установленность тех или других научных заключений. Новые данные, новые соображения могут сильно изменить прежние точки зрения. Так и по отношению к кратко изложенному сейчас синтетическому очерку истории русского эпоса, предложенному В. Ф. Миллером, можно сделать ряд возражений, дополнений и поправок. Здесь не место на этом подробно останавливаться, укажу лишь на некоторые моменты со своей стороны. Мне, например, кажется возможным на основании личных исследований несколько иначе осветить вопрос былин о Добрыне-свате, привлекая русский материал в виде побывальщин на тему о женитьбе Владимира и сродных германских сказаний о женитьбе Гунтера, что сделано было в недавней вышедшей моей работе Эпические сказания о женитьбе князя Владимира. Точно так же, как указано выше, можно не соглашаться с мнением В. Ф. Миллера, что время Ярослава I не давало простора и повода к сложению эпических песен. Недавно А. И. Лященко в своей интересной статье о былинах о Соловье Будимировиче, на наш взгляд, чрезвычайно убедительно доказал связь этих песен

с скандинавскими сказаниями о Гаральде и самую былину считает песней об этом скандинавском герое, женившемся на дочери Ярослава. В своей еще ненапечатаной работе Песнь об Ярославе I я усматриваю эту песнь в загадочном народном стихе „Егорий на Руси". Как-то всегда мало убедительным казалось отожествление Миллером былинного богатыря Дуная с галицко-волынским воеводой XIII в. Дунаем. С другой стороны, я бы не отнесся так отрицательно, как делает это В. Ф., к положениям И. Н. Жданова об отражении в былинном Романе галицко-волынского князя Романа Мстиславича. Не мог бы я также целиком присоединиться к слишком крайнему отрицанию былевого эпоса в эпоху северо-восточной Руси, как это сделано в Очерке В. Ф. Ведь сам же В. Ф. в анализе былин о Камском побоище и Калине-царе сумел убедительно и ярко вскрыть отражение в них именно начального периода татарщины. Не согласился бы я и с тем, что в Суздальскую эпоху Алеша Попович, ростовский храбр, не притянул к себе новых сюжетов. Ведь именно тот факт, что он, ростовский храбр XIII в., заменил какого-то другого героя в былинах о бое с Тугорханом, говорит о несомненном наличии эпических сказаний и песен о нем в современную ему эпоху. С другой стороны, предложенное нами объяснение былин об Идолище на основе ростовской легенды о борьбе с ростовским идолом Велесом, которая, несомненно, раньше была прикреплена к имени Алеши Поповича, а не Ильи Муромца, как раз говорит о прикреплении к Алеше Поповичу новых сюжетов. Наконец, удивительно редкое для былин совпадение былинных данных об этом ростовском богатыре с летописными, с несомненной ясностью свидетельствует о наличии специальных песен об этом герое в ту эпоху. Отдаленным казалось мне всегда сближение В. Ф. Миллером былин о Даниле Ловчанине с рязанскими сказаниями о нашествии Батыя, да и саму былину, как в свое время я пытался доказать, нужно отнести к позднему—XVI в. Точно также мало данных думать, что Евпраксия Рязанская дала имя былинной жене Владимира. Ее имя, думается нам, находит свое объяснение из круга тех же полоцких сказаний, к каким восходит легшее в основу былины сказание о женитьбе Владимира на полоцкой княжне Рогнеде. Говоря о классах и социальных группах, где слагались эпические песни, на мой взгляд, В. Ф. Миллером выдвинут почти исключительно класс княжеско-дружинный, и недостаточно подчеркнул для этого, даже раннего периода, класс торговый и среду, близкую к церковно-книжной жизни, за что должен говорить хотя бы уже тот один факт, как наличие огромного количества религиозно-легендарных сюжетов и мотивов, легших в основу многих наших былин.

Но эти несогласия неизбежны при изучении зыбкой и сложной природы устного эпического творчества, и сам В. Ф. Миллер никогда не скрывал возможности и даже неизбежности таких несогласий и появления иных толкований отдельных былинных фактов.

И все же, думается нам, своими трудами В. Ф. создал чрезвычайно надежный фундамент для построения истории нашего эпоса, и нам представляется, что основные вехи развития нашего эпоса им намечены верно и твердо. Им доказана древность сложения первооснов нашего эпоса на самой почти заре нашей истории (кон. X в.) и постепенное непрерывное его развитие в самой тесной зависимости от исторической жизни русского народа, от развития его политического, экономического и социального бытия.

В. Ф. Миллеру удалось после долголетних, настойчивых, кропотливых трудов безоговорочно прикрепить наш былевой эпос к его твердой исторической и социальной почве.

Борис Соколов.

Отв. ред.: акад. *С. Ф. Ольденбург.* Отв. секр.: проф. *Б. М. Соколов.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ ТОРГСЕКТОРА

Москва, Воздвиженка, 10/2. Телеф. отд. подписки 5-88-91.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1926 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

СОЦИАЛЬНАЯ ГИГИЕНА

Под редакцией *А. В. Молькова, Н. А. Семашко, А. Н. Сысина.*

Ответственный редактор *Н. А. Семашко.*

Отделы журнала: 1) оригинальные статьи, 2) статистические материалы и заметки, 3) отчеты кафедры и Института Социальной Гигиены, съездов и т. п., 4) рефераты, рецензии, библиографические заметки и т. д.

Та роль, которую играют профилактика и социальная гигиена в советской медицине, вызвала к жизни новый орган, специально посвященный общим проблемам социальной гигиены, деятельности центральных социально-гигиенических учреждений, работе так называемых профилактических кафедр, гигиене труда и гигиене воспитания в высшей медицинской школе.

ВЫХОДИТ 2 КНИГИ В ГОД

Подписная цена: на год — 3 р.

РУССКИЙ ЕВГЕНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакция: *Н. К. Кольцов* и *Ю. А. Филиппченко.*

Журнал посвящен вопросам наследственности человека, конституции его, отбора расовой гигиены и методике евгенических исследований.

ВЫХОДИТ 4 КНИГИ В ГОД

Подписная цена: на год — 4 р.

РУССКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакция: *В. В. Бунак, М. А. Гремяцкий, А. А. Дешин* и *П. А. Минаков.*

Ответственный редактор *В. В. Бунак.*

Журнал посвящен вопросам палеоантропологии, сравнительной анатомии человека, учению о происхождении человека, расовому изучению населения в связи с вопросами о наследственности, прикладной антропологии и антропометрии. В журнале четыре отдела: а) оригинальные статьи, б) рефераты, обзоры и критика, в) хроника и г) библиография.

ВЫХОДИТ 2 КНИГИ В ГОД

Подписная цена 3 рубля.

Подписка и заказы принимаются отделом периодических и подписных изданий ТОРГСЕКТОРА ГОСИЗДАТА (Москва, Воздвиженка, 10/2), его провинциальными конторами, уполномоченными (имеются во всех губ. и уездных городах СССР), снабженными удостоверениями отдела периодических и подписных изданий Торгсектора Госиздата или его контор, а также всеми почтово-телеграфными конторами.

4 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ ТОРГСЕКТОРА
Москва, Воздвиженка, 10/2. Телеф. отд. подписки 5-88-91.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА ЖУРНАЛ

КРАЕВЕДЕНИЕ

Периодический Орган Центрального Бюро Краеведения.

Редакция: члены бюро—Д. А. Золотарев, С. Ф. Ольденбург, А. П. Пинкевич, А. Е. Ферсман, Д. О. Святский, В. Б. Томашевский, В. П. Семенов-Тяньшанский.

Ответственный редактор С. Ф. Ольденбург.

Программа журнала: статьи общего характера о задачах и методах краеведческой работы в области естественных и гуманитарных наук, отношение краеведения к музейному, архивному делу, школе, изучению естественных производительных сил страны, сельскому хозяйству, кооперации и т. д.; статьи практического и инструкционного характера; хроника краеведческой жизни; библиография современной краеведческой литературы.

ВЫХОДИТ 4 КНИГИ В ГОД

Подписная цена: на год — 4 руб.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Отдел периодических и подписных изданий Торгсектора Госиздата доводит до сведения подписчиков, что жалобы и заявления о неполучении очередного номера журнала должны поступать в Отдел подписки по получении следующего номера, но, в крайнем случае, **не позднее 2-х месяцев со дня выхода в свет неполученного номера.**

В случае более позднего уведомления, Отдел не будет в состоянии по техническим условиям быстро дать справку и не будет в состоянии удовлетворить жалобу подписчика.

Все жалобы и заявления направлять по адресу: Москва, Воздвиженка, 10/2, Отдел периодических и подписн. изданий Торгсектора Госиздата „Стол жалоб".

2015596014